

Александр

ВАМПИЛОВ

Избранное

ОФИЦИАНТ. Брось, старичок...

ЗИЛОВ. Убирайтесь.

Саяпин пятится к двери. Кузаков остается на месте. Он стоит перед Зиловым. За ним ближе к двери стоит официант

ЗИЛОВ. *(Кузакову).* Уходи.

КУЗАКОВ. Не уйду. Я сказал тебе, что не у[йду] пока...

«СОГЛАСИЕ»

Александр

ВАМПИЛОВ

Избранное

«СОГЛАСИЕ»

Александр

ВАМПИЛОВ

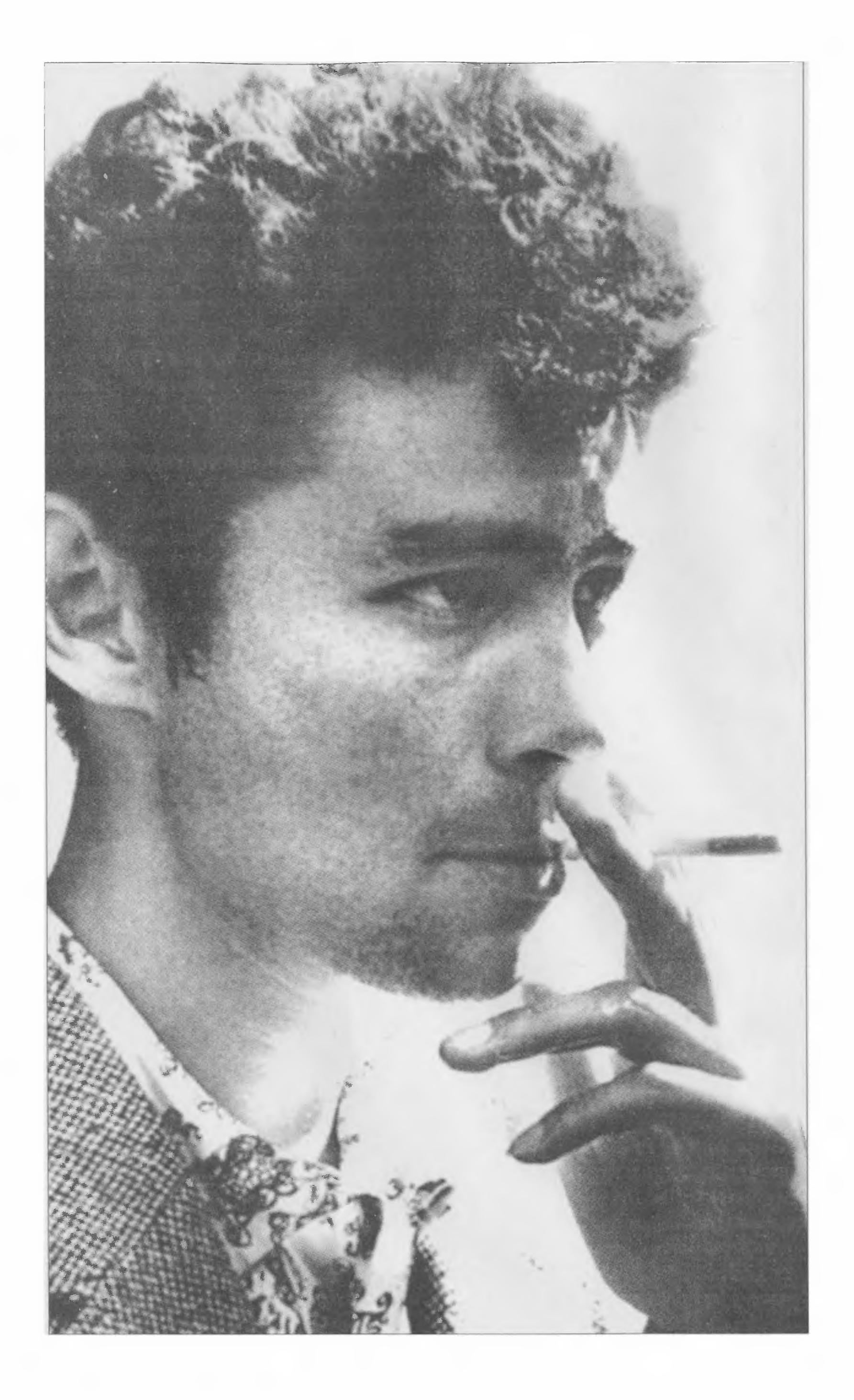
Избранное

Александр

ВАМПИЛОВ

Избранное

Александр

ВАМПИЛОВ

Избранное

МОСКВА
«СОГЛАСИЕ»
1999

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 882
В16

Составление
О.М.Вампиловой

Предисловие
В.Г.Распутина

Вступительная статья
В.Я.Лакшина

Примечания
Т.В.Глазковой

Художник
Г.М.Берштейн

Руководитель программы «Согласие»
В.В.Михальский

В книге использованы фотографии из семейного архива А.Вампилова, сделанные М.Вампиловым, В.Зоркиным, В.Калаяновым, И.Копыловым, Б.Леонтьевым, Г.Сивохиной и др.

На форзаце фотография работы Р.Харменс

ISBN 5-86884-020-8

С МЕСТА ВЕЧНОГО ХРАНЕНИЯ

Четверть века миновало с того дня, как накануне своего тридцатипятилетия не стало Александра Вампилова. Четверть века, в которые в России уместились по крайней мере три эпохи и «близ дверех» стоит четвертая, еще загадочная, но, судя по тому, из каких бурь и изломов она рождается, не способная быть утешительной.

За двадцать пять лет, а если точней, то даже за десять, поменялось буквально все. В первую очередь, изменился человек, даже внешне. Все еще живы, должно быть, вампиловские и Сарафанов из «Старшего сына» (но он забыл давно о своей оратории «Все люди — братья»), и Валентина из «Прошлым летом в Чулимске» (только нет нужды ей восстанавливать палисадник по пути в чайную, потому что чулимскую чайную давно прибрал к рукам какой-нибудь делец и обнес ее каменной стеной). Валентину и Сарафанова можно еще узнать по лицам, замученным и всепрощающим, доброта не сошла с них, но по ней они смотрятся теперь в России чужаками. При встрече они узнают друг друга и с виноватой улыбкой кивают. Сарафанов может спросить по своей святой простоте: «За кого голосовали?» Он интересуется политикой, продолжает верить, что от последней беды удастся избавиться голосами. Надежда Валентины выше, спокойней. Нет нужды восстанавливать теперь палисадник перед чайной, но ломают сегодня гораздо большее, топчут гораздо более ценное, и она беспрестанно, изо дня в день, из месяца в месяц, не жалуясь, не возмущаясь и не хвалясь, отвечая потребности человеческой души, заделывает и заделывает, не опуская рук, проломы.

Жив-здоров, конечно, и Наконечников из последней неоконченной пьесы, как помните, парикмахер, кинувшийся искать счастья в драматургии. Сломал бы недоступным ему занятием Наконечников жизнь себе и своей семье, поистер бы без всякого успеха театральные пороги и поистерся бы в зависти сам, как вдруг вместе с новой эпохой грянуло и новое искусство. Вампилов последней пьесой точно предвидел: вот кто сменит его в театре. Но искусство только гонят революционно, по-разбойничьи, возвращается же оно всегда спокойно, по-хозяйски берясь за уборку. В обществе раздается неслышный хор осиротевших душ, исподволь меняется тональность жизни. Вглядевшись однажды в поредевший зал, который придет

на его пьесу, Наконечников вдруг услышит колокольчик особого звона и поймет, что все они в театре чужие — и зрители, и он, и актеры, игравшие его несусветную чушь. «Надо уходить», — решит он и на следующий же день отправится искать место то ли импресарио, то ли администратора. Когда вернется в театр Вампилов, Наконечников бросится встречать его с распростертыми объятиями и будет отчасти искренен: дурное дело к душевному спокойствию не располагает.

Уже сегодня можно с уверенностью говорить, что Вампилов возвращается. Ибо без него, без Островского, Сухово-Кобылина, Чехова, Горького театр покосится так, что потом потребуются десятилетия, чтобы выправить. Репертуар никто не насаждал, никто, кроме общественного вкуса, а оно, общество, было категоричней, чем резолюции старого министерства.

Вампилова ставили, но мало, и он сам чувствовал себя неуютно на сводной афише в пестрой и чаще разнузданной компании. Он должен был страдать еще больше, чем если бы не ставили, когда в его замысел вмешивался режиссерский умысел, уничтожавший пьесу.

Надо и еще в одном оговориться: ставить так, как в десятилетие после смерти — «пожаром» по всей России, «искрами» едва ли не по всему миру, — Вампилова уже никогда не будут. Он вошел в тот строгий и неразменный ряд авторов, на которых мода не посягает и которые вместе составляют самое мощное и надежное укрепление в ценностном порядке Родины. В нашем литературном ландшафте они представляют горную часть, до них нужно подняться, чтобы пригласить в театр или книгу, иметь для подъема талант и силы, чистые помыслы и некое наразгаданное соответствие им, высящимся впереди, некую духовную дружественность: они спускаться вниз на развязные приятельские оклики не будут.

Александр Вампилов в этом горном пейзаже — новое образование, не ставшее монументальным, все еще сохраняющее тепло нашей совместной жизни и трудов на земле. Но по окончательности судьбы смысловая нагрузка уточнилась, главное проступило крупным шрифтом и нуждается в новом чтении.

Все написанное им надо принимать теперь оттуда: четверть века — срок более чем достаточный, чтобы определилось заслуженное им место. Оттуда — с места вечного хранения, где слово, точно пройдя специальную обработку, не ветшает и от прикосновения к нему излучает таинственный, звенящий свет.

А между тем слово самое обыкновенное. Это тайна

Вампилова: почему его обыкновенность так необыкновенна? Он весь обыкновенен — и в слове, в котором не чувствуется усилий, точно оно само растет, и в свободном, без напряжения, ходе мысли, и в выводах ее, и в галерее героев, каких-то все потертых на свой манер провинцией, без больших запросов и большого воодушевления. Комедии требовали стечения необыкновенных обстоятельств, анекдотических историй, но и они как бы из второго ряда. Уже было, и не однажды, что герой выдает себя за другого, как Бусыгин в «Старшем сыне», или его принимают за другого, как Потапова в «Истории с метранпажем». Не знаю, было ли что-нибудь похожее на истории из «Двадцати минут с ангелом», когда на крик из окна гостиницы в улицу дать денег деньги незамедлительно приносят, но по ощущениям и этот случай недалеко находился. Вампилова мало беспокоило, было или не было, далеко или недалеко лежит то, что он брал за сюжетную очерченность, он извлекал из него другие корни. Он словно бы нарочито брал похожесть, чтобы быть совершенно непохожим.

Обыкновенное, не производящее «ударного», мгновенного впечатления не есть у Вампилова недостаточное, элементарное, не берущее за душу. За душу-то как раз берет, но не порывом, а какой-то сладкой мукой, напитываясь постепенно, с мягким эстетическим колдовством. Обыкновенное у него — свойственное, соразмерное таланту и вкусу, выстроенное незатейливо и красиво. И вот вы входите в эту комнату, называемую пьесой, — ничего удивительного, но отчего так уютно и аккуратно в ней, если даже только что здесь били посуду и трясли друг друга за грудки? Отчего не хочется уходить из семьи Сарафановых, отчего чулимская чайная, где разбиты, можно сказать, все сердца, каким-то чудом приносит утешение, почему жаль расставаться и с Зиловым, все сделавшим для того, чтобы от него в страхе бежать? Почему? Где то потайное, волшебное окно, в которое наносит облегчающий свет?

Да, конечно, в этой комнате рядом с другими, составляющими окружение, живут или Валентина, или Ирина, приехавшая в город из тех же заповедных мест, где находится Чулимск, или Сарафанов, или агроном Хомутов, добрейшие души, и тоже незатейливые, наивные, бесхитростные, по малому числу своему словно бы отставшие от какого-то другого мира, который не состоялся, заблудившиеся среди нас... Но нет — они-то и есть центр всего происходящего, они-то и есть хозяева комнаты. Напрасно Зилов кричит об Ирине, уязвленный,

пожалуй, даже испуганный твердой ее чистотой, нарушающей новый нравственный порядок жизни: «Она такая же дрянь, как и другие». Те люди, которых мы за редкую самосбереженность готовы принимать за юродивых, составляются особыми частицами, подобно тому, как в природе рождаются драгоценные минералы. В теперешней литературе принято насмехаться над ними, брать в герои только для того, чтобы показать полную их несостоятельность, но для Вампилова они — удерживающее начало жизни, и он пишет их, любуясь, радуясь им, относясь к ним с нежностью и необыкновенным почитанием. Чтобы дать героям такой свет, нужно и самому быть освещенным.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивает Валентину Шаманов.

Валентина. Вы про палисадник? Зачем я его чиню?

Шаманов. Да, зачем?

Валентина. Я чиню палисадник для того, чтобы он был целый.

Шаманов. А мне кажется, что ты чинишь палисадник для того, чтобы его ломали.

Валентина. Я чиню его, чтобы он был целый.

Шаманов. Зачем, Валентина? Стоит кому-нибудь пройти и...

Валентина. И пускай. Я починю его снова.

«Зачем ты пишешь их? — можно было бы с таким же недоумением спросить у Вампилова. — Жизнь жестока, и люди не хотят жить по заповеданным им человеческим законам. Их сломают, твои прекраснодушные создания. Посмотри, что делается вокруг». — «А я все равно буду писать их», — подобно Валентине, отвечает Вампилов.

По его признанию, сделанному в свое время автору этих строк, несколько дней он чувствовал себя скверно, когда в первой редакции пьесы намеревался привести Валентину к самоубийству после совершенного над нею насилия. Скверно потому, что позволил себе усомниться в своей героине, поверить, что да, сломали. А она отказалась от такого конца, решительно отказалась и еще до того, как автор в раздумье подвинул к себе последнюю страницу, пошла восстанавливать палисадник. Он же испытал стыд, мучительный и счастливый, будто это живая душа, дочь родная, по заложенному в нее им же зерну преподала ему урок мудрости.

Отказался стреляться и Зилов, уже по другим мотивам. В этом случае переговоры с автором, надо полагать, были сложнее. По законам театра предъявленное зрителю ружье должно было выстрелить, а душу свою герой увязил в грязи.

У Зилова мог быть только один серьезный довод: «Ты не написал меня отпетым, никчемным и пропащим человеком, о котором, как об отце братьев Карамазовых, напрашивается вопрос: “Зачем живет такой человек?” Ты дал мне ум, совсем не злой, дал способности и обаяние, позволь мне положиться на них». Оставить героя без милости, взять и убрать его во имя того, чтобы зритель вздрогнул, Вампилов не решился: что ни говорите, а законы жизни важнее законов искусства. По законам искусства справедливо было бы и то и другое — и жить Зилову, и не жить, в такое «пиковое» он поставил себя положение, но, пользуясь верховным своим правом, автор позволил ему сделать более подходящий для морали выбор.

Критики, принимающие Зилова за положительного героя, думаю, меряют его на свой аршин, а аршин этот скроен с заведомой поправкой на покосившуюся действительность. Если поместить Зилова в сегодняшний мир, переполненный масштабными негодяями, рядом с ними он в самом деле сойдет за приличную личность. Потому Зилов и непредставим в нынешнем шнырянье одних за куском хлеба, других за куском золота. У него есть гордость. Но у него не осталось в сердце ни любви, ни святыни, а это по старым меркам ценилось не слишком дорого. Нерядовая личность, спустившая себя по мелочи, по пустякам. Ссылки на атмосферу, в которой жил Зилов и которая калечила человека, мало серьезны: назовите в современном мире атмосферу, где бы не калечился слабый человек. Валентину не покалечила, Сарафанова тоже. Это говорится не в оправдание старой атмосферы, она, разумеется, могла быть лучше, а во имя беспристрастного удостоверения личности нашего героя, вызывающего споры.

Особенность души и таланта Александра Вампилова в том, что ни над одним из своих персонажей он не произносит последнего приговора. Он заставляет читателя и зрителя смеяться над неверными женами, расчетливыми и разбитными, над обманутыми мужьями, которым случай дает возможность сначала бурно возмущаться изменой, а затем покорно соглашаться с нею, над подрабатывающими на своей молодости в свободные часы третьими лицами в любовном треугольнике... Самоотверженные гуляки из командированных, остающиеся без копейки, всепроходимый по малого и среднего уровня должностям благодаря исполнительской смазке, но трусливый администатор гостиницы, занудливый служащий заготовительной конторы и показной нравственник, готовый по первому намеку на приключение, — все они, вольные и

невольные слуги греха, выставляются не для суда, а для того лишь, кажется, чтобы вызвать к себе и своей нелепой роли снисхождение. В.Розанов говорил: «Никакой человек не достоин уважения, всякий человек достоин только жалости». А.Вампилов словно бы отвечает: «Никакой человек не достоин унижения, всякий человек достоин только любви и прощения».

Смейтесь над этими людьми, возмущайтесь ими, страдайте от их множества, но не отвергайте их, ибо это не сделает лучше ни вас, ни их, — таков, кажется, главный мотив всех пьес Вампилова. Помогите сочувствием неразумному, заблудившемуся, соблазнившемуся, запутавшемуся, всего лишь сочувствием — для духовной атмосферы жизни это так много и так нужно. Помогите — и воздастся вам. Тогда, двадцать пять лет назад и больше, подобные призывы, звучащие явно или проступающие особой азбукой под какими-нибудь «симпатическими» чернилами, не казались непозволительной наивностью, им еще внимали, над ними втихомолку страдали. Это уж позже развернули все дороги и принялись насмехаться над тихими, незаметными и твердыми порывами человека.

В пьесах Вампилова былая жизнь отнюдь не приукрашивается: там могут и скандалить, и смертельно шутить, и врать напропалую, и не отказывать себе в удовольствиях, и истово любить... Но то герои, им полагается. Автор же нигде не позволит себе ни непристойного, ни фальшивого слова. Это не одно и то же — интонация автора и интонация героев. Собственное слово автора, надстоящее надо всем, что говорят персонажи, его позицию, «коридор» его присутствия в пьесе читатель и зритель интуитивно различат, даже не задумываясь над этим. Герою позволяется лгать — автору нет. Сегодняшнее вызывающее бесстыдство литературы не в счет, оно пройдет, как только читатель потребует к себе уважения.

Пожалуй, самый положительный герой в пьесах Вампилова (и в рассказах тоже) — их тональность, незримое излучение света с того же пути, по которому ходит солнышко.

Бережно, осторожно, мягко, чтобы не повредить истине и героям, ведет рассказ Вампилов. Это выдержанность чрезвычайно доброго и гармоничного человека, мастера, ценящего свое ремесло. В хорошо поставленном спектакле пьеса Вампилова по всей своей структуре и тональности — это музыкальная пьеса, лирическая и возвышенная, красивая и полнозвучная, льющаяся на одном дыхании.

Вампилов был влюблен в театр, не представлял без него

жизни, но ведь и театр был влюблен в Вампилова. Театр помолодел с его приходом — и не только благодаря возрасту молодого драматурга, но и от свежего и чистого чувства, принесенного им на сцену. И теперь наш театр должен будет вернуться к нему как к одному из самых надежных и верных друзей, без которых никакой успех никогда не будет чистым.

Талант Вампилова, непритязательный и обаятельный, естественный и добрый, есть собирание, подобно пчелиному труду, разлитой в мире душевности и красоты. Возле Вампилова теплее, добрее, этим теплом до сих пор греются те, кто знал его, оно исходит от его книг, и оно же дышит со сцены вампиловского театра, начинающего новую и прочную жизнь без старения.

Валентин Распутин
1997

ДУША ЖИВАЯ

1

Я не знал Александра Вампилова; разве что встречал его мельком в редакционных коридорах «Нового мира», куда он приносил показывать рукопись «Утиной охоты». И теперь внимательно вглядываюсь в его фотографию — почти мальчишеское, простое, скуластое лицо, копна густых волос, рот чуть приоткрыт в улыбке, рубашка простенькая, без галстука. А это писатель, из лучших драматических писателей нашего времени, трагически-случайно погибший накануне того дня, когда ему должно было исполниться тридцать пять лет.

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут...

Отчего-то и до сих пор часто сбывается эта примета, подхваченная Некрасовым из народного присловья. А может, просто так кажется, потому что истинные таланты редки и ранний их уход поражает, как отвратительная несправедливость судьбы.

Когда умирает настоящий писатель, даже если он умирает молодым, наследие его вдруг приобретает вид особой законченности. Становится очевидным, что автор был одержим одной мыслью, которую хотел прояснить до конца себе и всем; всю жизнь будто рассказывал одну сагу, лишь разбитую на отдельные сказания, со смешным и печальным вперемешку, но «всё об одном».

Первая большая пьеса Александра Вампилова, «Прощание в июне», начинает тему, которая в самом общем виде может быть обозначена так: поборет ли живая душа рутину жизни? И последняя пьеса, «Прошлым летом в Чулимске», в сущности, о том же. А между этими двумя вехами в разнообразных поворотах и ракурсах все тот же вопрос об энергии души, силе сопротивляемости злу и людской пошлости: это и в «Старшем сыне», и в «Провинциальных анекдотах», и — в своей трагической кульминации — в «Утиной охоте».

Вот почему сценическое наследство Вампилова — это не пять-шесть собранных под одной обложкой пьес. Это театр Вампилова, свидетельство владевшей им как художником неотступной думы, воплотившейся в пестрых театральных лицах.

2

Биография автора «Утиной охоты» коротка и в главных фактах ныне общеизвестна. Родился в 1937 году в поселке

Кутулик Иркутской области в учительской семье. После школы будущий драматург переберется в Иркутск, чтобы продолжать учение, и с юности изберет взрослую независимость.

Пробовать свои силы в сочинении рассказов и сценок Вампилов стал, еще будучи студентом-филологом Иркутского университета. С 1958 года его охотно печатали в областной молодежной газете. В 1960-м он окончил университет, а уже в следующем, 1961 году, выпустил сборник юмористических рассказов «Стечение обстоятельств».

Потом писал пьесы. Пьесы не находили дороги на сцену. Начали их ставить незадолго до смерти Вампилова. Главное его признание и слава — посмертные. Он не дожил до того времени, когда стал одним из самых «репертуарных» драматургов в театрах нашей страны, когда пьесы его начали ставить во многих европейских столицах, на других материках. Вампилов утонул в Байкале в августе 1972 года: лодка, в которой он плыл, перевернулась, натолкнувшись на сплавное бревно, топляк.

Значение этой потери, острее понятое близко стоявшими к нему людьми, всей литературой сознавалось постепенно. И мало-помалу ярче обрисовывался не только общий смысл оставленного им русской сцене наследия, но и сам автор этих пьес — как человек, как личность. «Слушать его и говорить с ним было так легко и свободно, словно тобой в это время управляли какие-то посторонние добрые силы», — вспоминает друг и сверстник Вампилова Валентин Распутин. Вообще, достаточно вслушаться в то, как говорят о Вампилове коротко знавшие его, чтобы стало ясно, каков он был человек. Ничего особенного как будто и не рассказывают, никаких «историй» и мифов, никаких запоздалых легенд вокруг чела его не сплетают, но в голосе вспоминающих столько дружеского тепла: лица их, кажется, светлеют при одном воспоминании о нем. И главное впечатление общее: правдивость и дар человеческой чуткости.

3

В ранних рассказах и очерках Вампилова, в большинстве своем печатавшихся в газете «Советская молодежь», есть подлинность и есть юмор. Темы их не бог весть как значительны: почти все о женщинах, о молодой влюбленности, случайных знакомствах на улице, в пути или на садовой скамейке — впечатления молодого, даже слишком юного наблюдателя. По большей части все это наброски, летучие зарисовки, эскизы, с характерной для юности сме-

сью лирики и иронии. Но среди них уже попадаются почеховски тонкие сценки, исполненные уверенной рукой. Для Вампилова это период пробы сил, своего рода «период Чехонте». Автор сам сознавал, что проходит в газетных рассказах учебу, только еще разведывает путь, и оттого, наверное, украсил свою первую книжку псевдонимом А.Санин. Пьесы он будет подписывать собственным полным именем.

Вампилов начинал сочинениями, в которых самый благожелательный критик не нашел бы глубин мысли и общественного содержания, начинал с художническим простодушием. Ему просто интересно было живописать городскую улицу, комнату общежития, парк, вокзал; изображать влюбленных, их встречи, недоразумения, размолвки, позы и мины окружающих людей. Он шел не от общих идей, а от заразительной реальности. Идеи, нравственность, понимание жизни с постепенностью извлекались им из материи искусства, а не спускались ему готовыми — предпочтительный для живого творчества случай.

Наконец, он попробовал и сценический диалог. Одноактная пьеса Вампилова «Дом окнами в поле» написана пером тонким и легким. Объяснение перед отъездом, рвущееся с губ признание, так и не сказанные двумя людьми слова, решение остаться в последнюю минуту, сложность текущего за диалогом немого разговора желаний и чувств — все это, конечно, этюд, но этюд первоклассный к будущим большим пьесам. Из тех этюдов настоящих художников, что сами приобретают цену вне зависимости от созданной позднее картины.

Быстрое созревание таланта Вампилову обеспечили его незамороченность догмами, прирожденное умение без посредников заглядывать в лицо жизни. «Порой казалось, — замечал Распутин, — что у него какой-то особый строй мышления, потому что он подходил к сути разговора с той стороны, о которой отчего-то все забывали, он не удлинял, а углублял и расширял разговор, делал его как бы многомерным».

Вот эта непосредственность взгляда, дающая неожиданный результат, и сообщила дыхание жизни его пьесам. После Вампилова многие другие, притом известные, сочинения стали казаться искусственными, излишне «театральными», ориентированными на внешность и подобие жизни, а не на саму жизнь.

Когда появился Вампилов, фаворитами в театральном репертуаре были Виктор Розов, Алексей Арбузов, и их успех был заслужен. Сами эти драматурги пришли в театр как рыцари сценической новизны, ломая устоявшиеся шаблоны.

После пьес конца сороковых и начала пятидесятых годов, таких, как «Великая сила» Б.Ромашова или «Зеленая улица» А.Сурова, эти драматические писатели казались (и были!) вестниками нового, свежего содержания, прикосновенного к знакомой (в особенности у Розова) жизни, и смелой (в особенности у Арбузова) театральной формы.

Драматургия Вампилова, возникшая на их плечах, была и к ним полемична, как полемично всякое чреватое новизной искусство. Правда «Утиной охоты» оказалась жестче, резче, неоспоримее добросердечного правдоподобия пьес «В добрый час!» или «В поисках радости». А Сибирь Вампилова, Сибирь таежного Чулимска куда несомненнее условной Сибири «Иркутской истории». Как бы через головы ближайших предшественников Вампилов оглядывался на далекие вершины — Гоголя, Чехова, Шекспира.

Конечно, в молодом авторе еще не перебродили литературные влияния, и иногда нагляден хвостик театральных воспоминаний и «цитат»: то вдруг, как в «Случае с метранпажем», Хлестаков аукнется, то Епиходов мелькнет, а то пройдут отголоском и самые древние, еще от Плавта и Теренция, приемы комедии — «узнавание», любовь названого брата к сестре, как в пьесе «Старший сын». Для Вампилова еще не миновала пора учения. Но проходил он его на самом высоком уровне и как достойный ученик классиков, потому что в главном был нов и современен.

И если уж искать духовного родства Вампилову в литературной современности, то его скорее можно обнаружить не в драматических жанрах, а в прозе шестидесятых годов, в прозе Абрамова, Белова, Можаева, Трифонова, Распутина и некоторых других авторов, сформировавшихся и выступивших в ту пору.

Но разделив с современной прозой силу ее непосредственной правдивости, уровень реальности, в ней достигнутый, драматургия Вампилова оставалась явлением ярко театральным.

4

Дар драматического писателя — из самых редких. Форма драмы ставит немало стеснительных условий. Надобны особый драматический слух, подобный музыкальному, и чутье, чтобы не просто переводить литературную речь в диалоги, но чтобы она лилась сверкающим, напористым потоком. Да еще — умение привести на сцену героя, столкнуть его с другими лицами и вовремя увести, чтобы актер не переминался праздно на подмостках, иначе заскучает зрительный зал. Важно и чувство сценического времени — ис-

кусство расположить пьесу с постепенным и неоспоримым нарастанием комизма или драматизма до фарсовой или трагедийной вершины. И мало ли еще условий, какие обязан принять в расчет драматург? Главное же надо, чтобы пьеса дышала жизнью — подлинной, узнаваемой, а драматическое воображение автора открывало в узких границах одного театрального вечера новый характер, небанальный сюжет.

Все эти дары Талия и Мельпомена, выражаясь по-старинному, положили при рождении в колыбель Вампилову: он был драматическим писателем «милостью божией».

Маленькая пьеска «Двадцать минут с ангелом». А как точно нашел автор смешное и острое положение! Утреннее похмельное пробуждение в гостинице двух командированных он довел до трагикомедии; легко и естественно поднял нашу мысль от житейского анекдота к философскому раздумью и сюжет мастерски расположил: явил нечаянного благодетеля, создал парадоксальнейшую ситуацию, вывернул ее наизнанку и, казалось бы, все запутав, безупречно развязал узел.

В изображении современных будней у Вампилова нет уступок неправде: так жили, говорили, пили, ели, ссорились, любили, сходились и расходились люди его времени. И если он описывает типовой дом с зелеными балконами в новом микрорайоне областного города или террасу чайной в таежном поселке, разговоры, перебранки, любовные объяснения — можно не сомневаться: так оно все и было. И людей он не приукрашивает: честные, добрые, лживые, темные, великодушные, завистливые, смелые, трусливые — какие есть.

Вампилов — трезвый реалист, но не бытописатель. В его драматургии нет привкуса обыденности.

«Кино — это погоня, театр — это переодевание», — так оценил однажды различие двух родственников в искусстве Мих. Булгаков. И пусть это определение узко и неполно, но театру Вампилова тоже не чужда природа театра-зрелища, «переодевание», *маскарадность*. Студент Колесов из «Прощания в июне» переодевается в арестантскую робу, но, может быть, еще важнее его психологическое «переодевание» — из влюбленного энтузиаста в равнодушного циника. Внутренне переодеваются, выдавая себя не за тех, кто они есть, Бусыгин и Сильва в пьесе «Старший сын». И старик Сарафанов переодет: его выходной костюм — это мнимое служение в филармонии, занятия высокой музыкой, а действительная одежда — траурный фрак идущего за катафалком наемного музыканта.

Маскарад — житейское начало театра: радость маски,

смена облика, розыгрыш, попытка вообразить себя другим. И в пьесах Вампилова жизнеподобие дополняется элементом игры: перед нами словно театр в театре. Розыгрыш лежит в основе фабулы «Старшего сына», недоразумение, помноженное на невежество и страх, рождает «Случай с метранпажем», бесконечные розыгрыши совершаются в «Утиной охоте». Зилов вечно играет — и заставляет жену проиграть вместе с ним, как реминисценцию прошлого, их молодую встречу, объяснение в любви. Он разыгрывает Ирину, которая намеревалась дать объявление в газету и ошиблась дверью. Он названивает по телефону в институт, куда поступает Ирина, то называясь проректором, то выдавая себя за своего приятеля Кузакова. И мрачный розыгрыш друзей Зилова с присланным на дом траурным венком — это вполне шутка в его духе, бумеранг его фантазии. Драматург строит систему зеркал — с двоящимся, уходящим в глубь перспективы отражением.

Но Вампилов театрален не только этим. Он любит психологическую эксцентрику на сцене, внезапный выход из ровных берегов быта. Когда Колесов рвет университетский диплом («Прощание в июне»), когда Калошин ложится в постель Виктории и вызывает врача-психиатра («Случай с метранпажем»), когда Хомутова связывают полотенцем («Двадцать минут с ангелом»), когда Васенька из ревности поджигает дом Макарской («Старший сын»), когда Шаманов дает Пашке пистолет и тот в самом деле стреляет в него («Прошлым летом в Чулимске»), — все это резко нарушает ровное правдоподобие, доводит ситуацию до точки кипения. Эксцентрика такого рода перескакивает через быт и заставляет светиться характеры.

5

Мы часто недооцениваем, как складываются и меняются поколения в нашей жизни, что каждое из них с собою несет, в чем их внутренняя несхожесть. А между тем, утверждают демографы, каждые десять-пятнадцать лет в жизнь входит, хотим мы этого или не хотим, новая генерация людей со своими вкусами, надеждами, верованиями, увлечениями, со своими разочарованиями и кумирами.

Вампилов закончил Иркутский университет в 1960 году, к середине шестидесятых, по-видимому, вполне сложилась его творческая личность, и в драматургию он принес проблемы своего поколения.

В первой большой пьесе, «Прощание в июне» (1964), главная тема Вампилова уже слышна, но как предвестие, обещание. Она еще не набрала силы, только прорезывается

сквозь сюжет «студенческой комедии», то слишком замысловатой, то чересчур простенькой, в стиле факультетского капустника. Тут густо эффектных положений, они набросаны щедро и неразборчиво: расстроившаяся свадьба, несостоявшаяся дуэль, герой, отбывающий пятнадцать суток на принудительных работах... Автор как бы не вполне верит, что сможет удержать наше внимание движением характера. А характер уже представлен им, и своя тема завязана судьбой молодого Колесова.

Талантливый студент — любимец курса, ловкий, дерзкий и находчивый с девушками, бесшабашный озорник, д'Артаньян, сорвиголова... Не лезет в карман за словом, очаровывает на ходу случайную незнакомку на автобусной остановке, является на свадьбу друзей через окно. И не теряется, когда его гонят из института: пристраивается садовником на даче у состоятельного гражданина Золотуева.

Этот Золотуев — вводное комическое лицо, но в замысле пьесы важнейшее. Нарушая все законы жанра, он произносит монолог на три страницы, не перебиваемый, хотя бы ради сценического правдоподобия, репликами собеседника вроде: «Ну, а дальше?», «Вот так история!», «Ну и ну...». Монолог этот — о беде старого взяточника, нарвавшегося на честного человека. Он все никак не может поверить, чтобы тот взяток не брал (все берут, важно в цене не промахнуться). Золотуев обижается, негодует на его показную честность и, даже отсидев положенный срок, уверен, что по недоразумению, и сокрушается одним: мало давал.

Но при чем тут пенсионер Золотуев, когда нас интересует залихватски смелый, честный и обаятельный парень Колесов? В Колесове кипение сил молодых, неопасное озорство, а вообще-то он отличный малый, и, когда его вышибают из института, большинство студентов на его стороне.

Беда приходит к герою с другого боку, когда надо делать первый нешуточный жизненный выбор. Тут уж не кровушка по жилушкам переливается, дело серьезное: институт или любовь? Дело в том, что герой Вампилова любит Таню, дочь ректора своего института, и это мало нравится ее отцу.

Ректор Репников показан в домашнем быту — за столом, на котором красуется румяный, украшенный зеленью гусь. В импозантном ученом Репникове приоткрыты «золотуевские» черты. Он родня ему по символу веры (квартира, дача, машина — триада благополучия) и по убежденности, что все в жизни можно купить. Озабоченный тем, что его любимое чадо готово связать судьбу с авантюристом и хулиганом, Репников предлагает Колесову сделку: его восстановят в институте, если он не будет встречаться с Таней.

«Честный человек — это тот, кому мало дают», — утвер-

ждал Золотуев. Колесов хочет учиться, хочет кончить институт, так что ректор искушает его не зря. И вот обаятельный герой, наш Ромео, самоуверенный победитель и общий любимец, едва поразмыслив, соглашается.

Мораль Золотуева, отвергнутая человеком молодого поколения с презрением и насмешкой, оказывается все же проблемой. С жизнью не поспоришь... Это в книжках хорошо читать и в кино видеть, а тут, изволь, сам реши. Колесов и не замечает, как переходит в веру Золотуева: все продается и покупается, важны цена и цель... Оставить любимую девушку по сговору с ее отцом, понятное дело, и тяжело, и подловато. Но если диплом горит? Если судьба на кону?

В жизни каждого молодого человека настает момент, когда из тихой заводи семьи, дома, школы он выплывает в открытое море жизни и один раньше, другой позже встречает первое испытание совести, первый рубеж, пройдя который, случается, ты уже другой человек. Эта минута, этот критический миг притягивает внимание Вампилова.

Ведь Колесову было свойственно все, что подобает хорошей, честной юности: не паинька он, не подозрительный тихоня — живой человек. И что за беда, что рядом с романтикой души — недоверие к нравственным прописям, которыми вечно докучают старшие. Отсюда и озорство, молодечество. Отсюда и демонстративная практичность, показной рационализм, казалось бы, еще безвинный в молодом возрасте, но незаметно оправдывающий сделки с совестью.

«Меня привело к вам благоразумие. Будьте и вы благоразумны», — уговаривает ректор Репников своего студента. Слово «благоразумие» еще раз мелькнет, когда Колесов будет пытаться убедить Таню в неизбежности им расстаться...

Благоразумие победило, любовь погибла, а Ромео сломан.

Репников признается, что и у него в судьбе было нечто похожее на историю Колесова, когда он был молод и рвался в науку, — не оттого ли чуть презрительно взглядывает на него жена? Но его сломали, и он считает верным и справедливым, чтобы он сам теперь сломал Колесова. Итак, Репников — не бездарный же человек — был когда-то совсем таким, как Колесов. А может быть, Колесов станет в недалеком будущем таким же Репниковым? Мельница жизни перемалывала и не такие характеры.

Когда Колесов рвет свой диплом — это последняя вспышка внутренней честности. Но кто знает, хватит ли ему души на сопротивление более трудное, чем порыв?

В пьесе «Двадцать минут с ангелом» Вампилов показал, к чему в своей конечной логике может привести процесс начавшегося нравственного разрушения. Во всех постояль-

цах заштатной гостиницы «Тайга», кроме разве юной Фаины, есть нечто золотуевское. Золотуев не верил, чтобы нашлись люди, которые взяток не берут. Постояльцы «Тайги» не могут представить себе, чтобы кто-то просто так, «за здорово живешь» отдал свои деньги нуждающемуся в них незнакомому человеку. «Интересно, почем нынче бескорыстие...» — замечает Ступак. В «спасителе» подозревают злоумышленника, шпиона, сумасшедшего: сознание подсовывает привычные стереотипы объяснений. Реплика Анчугина: «Скажи сначала, зачем приходил» — сниженный перифраз слов Великого инквизитора, обращенных к Христу, у Достоевского. Ни одна из готовых моделей (Журналист? Из органов? Фальшивомонетчик? Пьяный? Больной? Аферист?) решительно не подходит, а предположение, что человек может сделать добрый поступок «просто так», исключено заранее.

Вампилов ставит смелый эксперимент по установлению нравственного тонуса, того, что представляется «нормой» этим людям. В результате добро связано полотенцем по подозрению, и «спасаемые» готовятся вести в милицию откликнувшегося на их призыв о помощи «ангела». Непонятное пугает. Если бы агроном Хомутов прошел мимо, не откликнувшись на призыв о помощи, летевший из гостиничного окна, для Ступака, Угарова и Анчугина это показалось бы обычным, нормальным. Поступок, уличенный в бескорыстии, вызывает у них одно желание — кричать «караул!».

Итак, верить людям и вечно ошибаться или не верить им? Вампилов смотрит на жизнь прямо, честно, не отводя смущенно глаз в сторону. Поэтому его драматургия внутренне конфликтна. Лишенный мещанской заботы о внешнем благообразии, Вампилов откровенно показывает, какое значение имеет в жизни «интерес», проявления жизненной борьбы за успех, за карьеру, иногда просто за «кусок». «Не за красивые же глаза, сами понимаете...» — охотно объясняет один из его героев.

Временами может показаться, что жизнь в пьесах Вампилова предстает как косматое, неуютное, темное существо, в противоборстве с которым падают, ломаются или, наоборот, выстаивают, побеждают его герои. «Мы одичали, совсем одичали», — сокрушается скрипач Базильский в «Провинциальных анекдотах». И у критика К.Рудницкого было основание определить одну из основных проблем драматургии Вампилова словом «одичание»[1].

Но душевная омертвелость, дичь, грубый расчет, будь то

[1] См.: Рудницкий К. По ту сторону вымысла // Вопросы литературы. 1976. № 10.

вера взяточника Золотуева или непробиваемая нравственная тупость Анчугина и Угарова, не лишает Вампилова идеала, своей жизненной философии. Просто он болезненно чувствует *плотность жизни*, ее давление на каждый квадратный сантиметр души.

Эту плотность жизни мы явственно ощутим в бедности спектра жизненных интересов, однокрасочности быта. Даже собравшись за одним столом, герои «Утиной охоты» с трудом находят общие темы разговора, никаких застольных обычаев не могут вспомнить, а только так: «Поехали... понеслись... по первой... по второй...» И то, что Вера называет всех знакомых мужчин «аликами», знак потери индивидуальности, как и во всем: в манерах, разговоре, поведении. Плотность жизни — и при встрече с откровенным хамством, животной грубостью, оборотная сторона которых всегда трусость, паническая боязнь «начальства», как в «Случае с метранпажем». «Провинция» для Вампилова не столько географическое, сколько нравственное понятие: сфера жизни, куда будто не достают лучи просвещения, где зоологические интересы наглядны, а уловки лицемерия однообразны и простодушны; где смазаны яркие краски, где не верят в благородство и талант, а пуще всех людских достоинств уважают чин, должность и «кусок». Но Вампилов знает, что нравственное чувство в человеке способно противостоять безотрадным урокам жизни, а совесть, выгнанная с парадного хода, пробирается в душу с заднего крыльца.

6

Действие пьесы «Старший сын» (1965) начинается с грубоватого розыгрыша, недоброй мистификации. Двое подгулявших, промерзших молодых людей опоздали на последнюю электричку и ищут себе ночного пристанища. Недоверчивые жители предместья не расположены пускать к себе поздних гостей с улицы. «Человек человеку брат, ты, надеюсь, об этом слышал?» — эта формула почти ернически звучит в устах никудышника Сильвы.

Как известно, существует много хороших, идеальных лозунгов, заветов и правил. Но каждодневность не по лозунгам строится. Лозунг оставлен для торжественного собрания, его надевают, как парадное платье, по красным числам календаря. А частная жизнь, домашняя жизнь, семейное, дружеское общение, просто сфера неофициальных отношений идут сами по себе. Более того, чем идеальнее лозунг, тем нагляднее разрыв между ним и будничными обыкновениями жизни. На этом построена завязка пьесы «Старший сын».

Мысль выдать Бусыгина за старшего сына хозяина квартиры, в которую они случайно постучались, приходит молодым людям неожиданно — она навеяна демагогически, пародийно звучащей фразой о «страждущем брате». И вот уже Бусыгин, вошедший в роль пропавшего сына Сарафанова, выпивает, закусывает и отдыхает самозванцем в незнакомой квартире. Вязкую, тяжелую плотность жизни взрывает у Вампилова случай, парадокс, анекдот. Анекдот — испуг директора гостиницы перед столичным метрампажем, анекдот — благодетель, связанный людьми, которых он вздумал облагодетельствовать. Анекдот — и случай с Бусыгиным, навязавшимся в сыновья к Сарафанову.

Анекдот подчеркивает неожиданность жизни, сообщает ей яркость красок. Невероятный случай подтверждает «свободу воли», невыявленную в буднях игру жизни. Ведь чинный порядок, механичность и изведанность проявлений равнозначны гибели индивидуальных, живых сил. В жизни слишком «плотной» и однообразной не чувствуется движения, перемен. И оттого случай, парадокс, анекдот, взрывающий быт, дают возможность заурядному, стертому материалу будней стать достоянием театра.

Жестокий розыгрыш в «Старшем сыне», казалось бы, удался Бусыгину и Сильве вполне. Но тут сюжет, начатый по внешности легкомысленно — шуткой, фарсом, делает крутой вираж. «Чему посмеешься, тому и послужишь» — говорит пословица. Беззащитная, доверчивая душа старика Сарафанова защитила сама себя.

Можно подумать, что вся жизнь старика Сарафанова, какой она предстает в «Старшем сыне», это самообман, мираж. Оттого он так легко и попадается на розыгрыш Бусыгина, что всей предшествующей иллюзорностью своей жизни подготовил к этому себя. По свойствам его души Сарафанов не может лишь волочить существование сквозь будни. Ему непременно нужно жить какой-то мечтой, хотя бы домашним мифом, будто он работает в филармонии или вот-вот напишет ораторию, которая его прославит. Иначе бы бедность реальности, когда он принужден идти в поношенном черном костюме с кларнетом в руках за очередным покойником, задушила бы его.

И пусть наивна и чуть смешна страсть к творчеству, заставляющая Сарафанова верить в создание музыкального шедевра, в сочинении которого он, похоже, никогда не продвинется дальше первой страницы. Пусть чудачеством выглядит его цепляние за идеалы молодости, все равно великая сила старого музыканта в том, что он не хочет «зачерстветь, покрыться плесенью, раствориться в суете». Не за это ли ждет награда нового короля Лира? Когда младшие дети собираются его покинуть,

старший сын возвращается к нему. Не свой, случайно явившийся сын, но сын несомненный.

Так вот что вышло из дурацкого розыгрыша Сильвы и Бусыгина! Выше правды ничего не бывает. Но добро в человеке для Вампилова — сила еще более могущественная. И в недрах обмана зреет новая правда. Важно не то, что Бусыгин обманул старика Сарафанова, назвавшись его сыном. Важно то, что он полюбил его как отца и стал близок ему как сын.

Вампилову дорог душевный идеализм — даже чудной, донкихотствующий, упрямый. Идеализм старика Сарафанова с его печальной тайной: «Я задержусь на работе... серьезная программа... Глинка... Берлиоз». Идеализм агронома Хомутова, готового отдать деньги тому, кто в них больше нуждается. Идеализм Валентины из пьесы «Прошлым летом в Чулимске», которая упрямо чинит калитку палисадника, пытаясь облагообразить клочок земли, на котором живет.

Тут один шаг до чудачества, мифологии сознания, охраняющего свою «идеальность» вопреки назиданиям жизни. Возникает даже сомнение — так ли уж надежен этот упрямый старческий или младенческий идеализм, рискующий соскользнуть в «блаженное неведение». Вампилов честно и трезво показывает, что такие дорогие его сердцу герои, как Сарафанов или Валентина, имеют ту слабость, что готовы жить с закрытыми глазами: они не хотят видеть то, что противоречит их понятиям и желаниям, пока жизнь не обнажает этот разрыв.

Сила драматурга в том, что он стоит над своими героями: хочет видеть все резко и прямо и, однако, не теряет веры в людей и справедливость.

7

Оттого, что Вампилов чуток к добру, даже затаившемуся, стесняющемуся себя и почти случайному, он с таким же огорчением и страхом смотрит на разрушение человеческой души. Колесов из «Прощания в июне» был первой пробой темы. Характеру еще не найдено было всех объяснений, герою — оправдательных аргументов и контраргументов. «Утиная охота» (1968) — самая горькая, самая безотрадная пьеса Вампилова, и характер Зилова — итог намеченного ранее.

Когда Вампилов писал «Утиную охоту», ему было тридцать лет, и герою его, по ремарке автора, «около тридцати». Таким образом, Зилов оказался ровесником драматурга и, во всяком случае, принадлежал к одному с ним поколению.

«Писать надо о том, от чего не спится по ночам», — любил, рассказывают его друзья, повторять Вампилов. По ночам не спится, конечно, не от умственных построений и логических отвлеченностей, какие можно рассудить и ясным утренним умом, а от чего-то лично важного. Герой «Утиной охоты» показан безжалостно, но изнутри, со всеми теми метаниями и проблемами, какие Вампилову знакомы не понаслышке.

Здесь снова в завязке пьесы злой розыгрыш. Друзья посылают Зилову на дом траурный венок, и, пожалуй, не зря: перегладывая свою жизнь, он будто хоронит себя. Слов нет: приятели обошлись с ним безжалостно: но этот «черный юмор» спровоцирован им самим. Настроения изжитости всего, чем красна жизнь, прочно усвоены героем. «Брось, старик, ничего из нас уже не будет», — говорит Зилов Саяпину. Он не оспорит и суждения Галины:«Тебе все безразлично, все на свете. У тебя нет сердца, вот в чем дело». И Зилов соглашается с женой: «Ты права, мне все безразлично, все на свете».

В глазах этого тридцатилетнего человека — небрежность и скука, уверенность в своей физической полноценности и ранняя душевная усталость. Будто от лет мальчишества он сразу вступил в старость души, миновав зрелость. Так кто же он такой — герой или ничтожество, палач или жертва?

Важно понять предысторию Зилова, оставшуюся за рамками пьесы, — иначе мы ничего не поймем в нем самом, не оценим верно и авторского отношения к нему. Каким был он в свои юные годы, неужели таким же вот сломанным и опустошенным, каким является теперь на сцене? Нет, в Зилове погублены или, в лучшем случае, временно занесены илом жизни силы незаурядные. Он не мелок: в нем угадывается запас сил, идей, характера, который он размотал и погубил. Человек острый, умный, независимый, он по всем параметрам души выше своего окружения — Кузакова, Саяпина или Кушака. Хочется думать, что в его прошлом — какие-то яркие убеждения, верования, быть может, и сладость действия. А сейчас у него чувство, что ему все — все равно, как будто из-под него выдернули его время.

Таким образом, за плечами Зилова смутно мотивированное автором, но несомненное разочарование, душевный слом, вследствие которого он готов перестать верить в добро, порядочность, призвание, труд, любовь, совесть. Им все изжито: чувство к жене, привязанность к друзьям, интерес к работе. Даже новый дом, долгожданное новоселье, собравшее сослуживцев и друзей, — для него тоска: лишенный живого содержания, теплых красок, милых обычаев и простого веселья мир...

Слов нет, быт, которым живут в его кругу, тяжел и скучен, он подавляет своей изведанностью, цинизмом или лицемерием. Но сам Зилов, способный подняться над бытом, — его часть. Не он ли создает условия для своей гибели? Липовая статья на работе, уход жены, цинизм приятеля-официанта — все им же подогрето и спровоцировано. А все оттого, что он потерял (или не успел найти?) смысл, оправдание жизни. Другой бы прожил, о том не задумываясь, Зилов так не может. Но не найдя, ради чего жить, он теряет себя, становится пошловатым потребителем. Ему остаются разве что какое-то механическое изживание суток, редкие подстегивания себя, своего вялого душевного тонуса выпивкой и любовной интрижкой да еще мечта об утиной охоте.

Однако похоже, что сама охота — подмена деяний и страстей жизни. Зилов сродни тем охотникам, которые больше снаряжаются на охоту и рассуждают о ней, чем стреляют дичь. Есть соблазн трактовать образ утиной охоты у Вампилова как нечто возвышенно-поэтическое. В самом деле — природа, тишь, сосредоточенность души... Но оставлена ли здесь Зилову автором надежда на возрождение? «Знаешь, какая это тишина? — объясняет герой. — Тебя там нет, ты понимаешь? Нет. Ты еще не родился. И ничего нет. И не было. И не будет».

Объяснение сумрачное. Этими короткими фразами («И ничего нет. И не было. И не будет») будто гвозди заколачиваются, и вожделенная охота нема, как могила. Другой бы вспомнил по такому случаю камыши, полет уток, зарю. Для Зилова — никаких примет живой эстетики природы, даруемой ею бодрости, подъема сил. Нет даже апелляции к прошлому, как в минуты поэтического забвения у толстовского Феди Протасова: «Это степь... Это десятый век... Это не свобода, а воля...» У Зилова же чаемая им тишина — беззвучие вечного забвения, немота почти потустороннего мира.

Настроение, прямо скажем, самоубийственное, и не зря Зилов пытается на глазах зрителя покончить счеты с жизнью. Он не выглядит в эти минуты героем. Нам не жаль его. Вернее, не так жаль, как должно было бы жалеть человека обиженного, затравленного. Он собирается стреляться не оттого, что кто-то его обидел: больше всего он обидел сам себя. И когда он снимает с ноги сапог и нащупывает курок пальцами ноги, мы надеемся, что, может быть, это еще не всерьез, что это истерика, глупость. Но такая глупость и такая истерика, за которой долгая история погубления себя.

Он сам обрезал нити, соединявшие его с людьми, круг жизни постепенно сужался перед ним: к отцу, звавшему его

проститься перед смертью, не поехал; жену оставил, безжалостно поиграв на прощанье в их общее прошлое, в ушедшую любовь; на службе легко согласился начинить дезинформацией подписанную им брошюру. И все оттого, что на все плевать, что трупные пятна поползли по душе, и при всем физическом здоровье и мужской победительности траурный венок Зилову, кажется, ко времени.

Даже увлечение юной Ириной лишь ненадолго выведет Зилова из мертвой инерции. Потому что все для него стало лишь возбуждением нервов, щекотанием чувственности, жизненной игрой. Он всегда был в броне из иронии по отношению к приобретательству, мелким вожделениям таких людей, как Кушак. Но ведь и сам он, если сказать откровенно, заврался, залицемерился в отношениях с женщинами, как и во многом другом.

Жизнь бьет Зилова — смертью отца, уходом жены, равнодушием приятелей. И он, хоть и спазматически, будто в пьяной истерике, выкрикивает свои обличения лицемерию: «Кого вы тут обманываете? И для чего? Ради приличия? Так вот, плевать я хотел на ваши приличия».

Эти слова — прямое свидетельство, что герой так и не стал холодным циником, что не все доброе угасло в нем. Ужасно, ернически, истерично бунтует в Зилове сохранившаяся в нем тяга к правде — часть живой души.

Колесов из «Прощания в июне» еще с полной верой изобличал подлецов, Колесов еще сражался. В обличениях Зилова слышна надрывная нота — он, кажется, не верит ни в чох, ни в птичий грай. Он сознает, что снаружи помощь не придет. Стало быть, остается измениться изнутри, то есть сознать себя, и тем проложить путь к перемене... Горькая, тяжелая, правдивая пьеса, ведущая основную тему драматурга: как человеку не истрепаться, не выцвесть, не сломаться, вступая в многосложную жизнь. Как сохранить юность?

8

Есть такое житейское наблюдение: у каждого человека, помимо его бесспорного паспортного возраста, бывает еще какой-то стабильный возраст души. Одному всегда, даже в шестнадцать лет, можно дать все сорок пять по здравомыслию, другой и в шестьдесят сохраняет вечное мальчишество.

Следователь Шаманов из последней пьесы Вампилова, «Прошлым летом в Чулимске» (1971), подобно Зилову, изношен, как старик, хотя ему едва за тридцать. Он живет лениво, будто в стоячей воде плывет. Все ему приелось, все прискучило: тайга, чалдоньи нравы, работа и бездомье.

То, что Шаманов так апатичен, спит на ходу, — не по возрасту ему и не по профессии. Он следователь, то есть привычный для литературы романтико-детективный герой. А здесь мы его встречаем заспанным, пристегивающим на ходу забытую было в чужой спальне кобуру с револьвером. Человек, в сущности, неплохой и честный, он уже склонен к компромиссам с житейской неправдой, инерция его закачала.

Подробности у Вампилова всегда важны. Шаманов говорит, появляясь из мезонина Кашкиной, что он отлежал руку. Он отлежал душу — оттого так рассеян, неряшлив, равнодушен.

Но в отличие от предыстории Зилова, теряющейся в тумане, надломленность Шаманова строго мотивирована. Шаманов не захотел в трудном случае жертвовать профессиональной совестью. Он не стал обелять сынка важного человека, наехавшего на пешехода, спорил, отстаивал свою правоту — и надорвался. Теперь ему кажется, что добиваться справедливости — «это безумие». Отсюда и его апатия, неряшливость, кратковременные вспышки энергии, гаснущие впустую. Не то, что помочь, даже посоветовать что-то дельное старику-эвенку, пришедшему из тайги хлопотать о пенсии, он не может, кроме вялого: «Я тоже хочу на пенсию».

А возрождение героя возможно — возрождение любовью. Вот Шаманов понял, что его любит Валентина, и сам увлекся ею. И вроде снова хочется ему жить честно, и говорить правду в лицо, и всем помогать, и верить в добро, как в юности, как верит в него восемнадцатилетняя Валентина. «Все ко мне возвращается: вечер, улица, лес...» — реплика героя напоминает строку лирического стихотворения.

Подобно камертонному звуку, повторяется в пьесе мизансцена: Валентина чинит калитку палисадника перед чайной, оберегает газон с простенькими бледно-розовыми цветами. Все ломают калитку, топчут газон, ходят наискосок, как короче, посмеиваются над ней. «Детством занимаешься», — бросает отец. А Валентина упорно чинит. За ней — победительная вера молодости в красоту и благообразие, в устранение непорядка, в возможность разумно устроить жизнь. И она не одна: похоже, что старик Еремеев, простодушный эвенк, с той же верою всю жизнь в тайге прожил.

Правда, свой слом есть и у Валентины, этого воплощения нравственного здоровья. Когда она подумала, что Шаманов ее не любит да еще отец ладит выдать за другого, Валентина с отчаяния решается идти с Пашкой на танцы в Потеряиху. И тут она в первый раз не хочет чинить калитку: «Это напрасный труд... Надоело».

Конец пьесы не оставляет того чувства безысходности,

какое было в «Утиной охоте». Шаманов решает ехать на суд, явки на который он по малодушию хотел избежать. Он еще поборется за справедливость! Валентина снова чинит калитку — это как знак возрождения жизни в ней.

Вампилова кровно занимало, почему люди, вошедшие в жизнь молодыми, здоровыми, нравственно сильными, далеко не достигнув вершины своей судьбы, ломаются и погибают. Как победить процесс нравственной эрозии, как удержаться в убеждениях честных и сильных? Ответ Вампилова обращает нас к себе самим, к тем неисчерпаемым резервам человеческой стойкости, какие есть в каждом человеке, — лишь бы он не перестал верить, что может и должен жить достойно.

Вампилов правдив как художник, почти нигде не сглаживает углов, не припудривает, не выпрямляет жизнь. И кажется, вот-вот во взгляде его промелькнет усталость, выражение безнадежности. Но нет. Боязнь сделаться Зиловым, предупреждение Колесовым и Шамановым, как и с чего труха в человеке заводится, рождают призыв по-юношески верить в добро, иначе и жить нельзя.

С этой верой на дне души и жил драматург Вампилов.

Владимир Лакшин
1981

ПЬЕСЫ

Неожиданно берет у Саяпина ***ружье и***

отст... на ша... Вон от...

Не...ная ...а.

офи... (...уди...). ...

...ВИ...В. *(спок...но).* Ухо...е

ОФИЦИАНТ.

Брось, старичок...

ИЛОВ.

Убирайтесь.

Саяпин пятится к ...ери. ***Кузаков***

остается на ме...те. Он ...тоит

перед ***Зиловым.*** *За*

ним ближе к двери стоит

...фициант

ЗИЛОВ.

(Кузакову). **Уходи**

УЗАКОВ. Не уйду.

Я сказал тебе, что

не уйду, пока...

ИЛОВ. Уходи

КУЗАКОВ. Не уйду.

ЗИЛОВ. Я буду стрелять.

Прощание в июне

Комедия в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОЛЕСОВ
БУКИН
ФРОЛОВ
ГОМЫРА
РЕПНИКОВ
ЗОЛОТУЕВ
ТАНЯ
МАША
РЕПНИКОВА
ВЕСЕЛЫЙ
СЕРЬЕЗНЫЙ
КРАСАВИЦА
КОМСОРГ
СТРОГАЯ
} *студенты*
МИЛИЦИОНЕР

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Улица

Весна. Крашеный забор, большая доска с объявлениями, афишами. Угол старого двухэтажного дома, столб с табличкой «Остановка автобуса». Слышны гаммы: в старом доме кто-то учится играть на фортепиано.
Таня читает афиши. Появляется Колесов.

КОЛЕСОВ. Добрый вечер.
ТАНЯ (*не оборачиваясь*). Добрый вечер.
КОЛЕСОВ. Давно нет автобуса?
ТАНЯ. Не знаю. (*Оборачивается.*)
КОЛЕСОВ. Ого... добрый вечер!

ТАНЯ. Что значит «ого»?
КОЛЕСОВ. Комплимент.
ТАНЯ. А-а... (*Поворачивается к афише.*)

Некоторое время оба молча читают афиши.

КОЛЕСОВ (*подходит к Тане*). Девушка, куда вы едете, если не секрет?.. (*У афиши.*) В кино?.. Нет? Ну, значит, на концерт... Тоже нет?.. Куда же вы собрались? Неужели в театр?.. Все ясно. Куда — вы этого еще сами не знаете. А раз так, то идемте со мной.
ТАНЯ. Пристаете?
КОЛЕСОВ. Нет. Хочу вас пригласить...
ТАНЯ (*перебивает*). Спасибо, но пригласите кого-нибудь другого... И вообще у меня нет времени с вами разговаривать.
КОЛЕСОВ. Это неправда... Вы сколько раз прочли афиши? Скажите честно.
ТАНЯ (*не сразу*). Три. Ну и что?
КОЛЕСОВ. Видите, вам скучно.
ТАНЯ (*пожала плечами*). Просто я смотрю, куда завтра пойти.
КОЛЕСОВ. А сегодня? Куда вы хотите? На танцы? На концерт? На массовое гуляние?
ТАНЯ. Все это завтра. Почитайте. А в парке – через неделю.
КОЛЕСОВ. Чепуха! Мы откроем все это сегодня. Я вас приглашаю.
ТАНЯ. Куда вы меня приглашаете?
КОЛЕСОВ. На свадьбу. На первый случай я приглашаю вас на свадьбу.
ТАНЯ. На свадьбу? Прямо сейчас?
КОЛЕСОВ. Немедленно. Вас как зовут? У вас нет имени?

Молчание.

ТАНЯ. Есть. Да зачем оно вам?.. Я скажу, а вы, пожалуй, сразу и забудете.
КОЛЕСОВ. Почему?
ТАНЯ. Ну, вы так торопитесь. Конечно, вы все забываете.
КОЛЕСОВ. У меня хорошая память.

ТАНЯ. Не хвастайте.
КОЛЕСОВ. Нет, в самом деле, у меня приличная память. Хотите проверить?
ТАНЯ. Хорошо. Сейчас проверим... Отвернитесь!
КОЛЕСОВ. Отвернулся.
ТАНЯ. Так... А теперь скажите, кто приехал к нам на гастроли?
КОЛЕСОВ. Жанна Голошубова, эстрадная певица.
ТАНЯ. Правильно. А кто с ней?.. Так, не знаете... А запомнили ее портрет? Как она выглядит?
КОЛЕСОВ. Прекрасно выглядит. Улыбается.
ТАНЯ. Она вам нравится?
КОЛЕСОВ. Интересная женщина.
ТАНЯ. Вот и пригласите ее на свадьбу.
КОЛЕСОВ. А вы?.. Вы отказываетесь?
ТАНЯ. Вы это серьезно?
КОЛЕСОВ. Что?
ТАНЯ. Да вот приглашаете на свадьбу...
КОЛЕСОВ. С полной ответственностью. (*Смотрит на часы.*) Видите ли, женится мой друг, и на свадьбу я обещал прийти с самой симпатичной девушкой в городе. Я искал вас целый день, неужели вы меня подведете. Как?.. Нас ждут.
ТАНЯ. Нас?.. Ну знаете, вы... И где же «нас» ждут?
КОЛЕСОВ. Чапаєва, восемнадцать, комната сорок два. Ну?.. Соглашайтесь! Ручаюсь, скучно не будет.
ТАНЯ. Нет... И потом меня тоже ждут.
КОЛЕСОВ. Жаль... Ну что же... Придется пригласить артистку Голошубову... Счастливо оставаться.
ТАНЯ. Счастливо повеселиться.
КОЛЕСОВ (*пошел, вернулся*). Послушайте, давайте познакомимся. На прощание. (*Протягивает ей руку.*) Николай. Фамилия Колесов.
ТАНЯ (*подает ему руку*). Таня.
КОЛЕСОВ. И все же, Таня, зря вы от свадьбы отказываетесь. Пожалеете, Таня.
ТАНЯ. Ничего, переживу как-нибудь.
КОЛЕСОВ. Ну, смотрите. А то приходите, если надумаете. Комната сорок два — запомнили?
ТАНЯ. Как? Вы меня опять приглашаете? А с Голошубовой как же?

КОЛЕСОВ. Приглашаю и вас и Голошубову. Что тут такого? (*На ходу.*) Места всем хватит — свадьба! (*Исчезает.*)

Общежитие

В большой комнате вынесены кровати, сдвинуты столы. Свадебный ужин. Букин и Маша (жених и невеста), Фролов. Из гостей неумеренной непосредственностью выделяется друг и однокурсник Букина по прозвищу Гомыра. Прочих, сидящих за столом, удобно назвать так: Комсорг, Веселый, Серьезный, Красавица.
Разгар веселья.

КОМСОРГ Товарищи! Внимание, товарищи...

ГОМЫРА (*перебивает*). Прошу слова! (*Поднимается.*) Тихо!.. Хочу сказать пару слов...

БУКИН (*поощрительно*). Давай, Боря, скажи. Вырази.

ГОМЫРА. Сейчас, Вася, сейчас... Значит, так... Сегодня здесь в виде жениха и влюбленного человека сидит мой друг и геолог Вася Букин. Что я хочу сказать?.. Вася такой парень, что уж если он чего надумал, то он идет прямым путем, честно и откровенно. Без козьей морды. На козью морду он не способен... И между прочим, зря тут некоторые ухмыляются. С Васей я бывал во всевозможных маршрутах, кто-кто, а я знаю, какой Вася парень. По кустам он никогда не прятался, друзей в беде не бросал. Я это к тому говорю, что раз уж он попал в такую историю, то пусть он знает... (*Обращаясь к Букину.*) Короче, если что, то знай, Вася, у тебя есть друзья, которые не бросят тебя на произвол судьбы. У меня все. Выпьем.

МАША. Постойте. Что-то я не поняла. (*Гомыре.*) Ты не мог бы выразиться яснее?

БУКИН. Все ясно, Маша. Он предлагает выпить за дружбу. Верно, Боря?

ГОМЫРА. Вася, ты понял меня правильно.

СЕРЬЕЗНЫЙ. За дружбу.

Все, кроме Маши и Фролова, выпивают.

ГОМЫРА (*Фролову*). А ты?.. Почему ты не пьешь? (*Букину.*) Вася, почему он не пьет?

БУКИН. Не волнуйся, он выпьет.

КОМСОРГ Товарищи! Прошу внимания...

СЕРЬЕЗНЫЙ (*перебивает*). Снова тост? Нет, так нельзя, только выпили и снова. Дайте закусить.

МАША. В самом деле, мальчики. Ешьте. А то окосеете.

ВЕСЕЛЫЙ. А не спеть ли нам, ребята? По-моему, в самый раз. Такое что-нибудь, оригинальное.

КОМСОРГ (*прорывается*). Друзья! Послушайте, друзья. Сегодня мы отмечаем радостное для всех нас событие. Подумайте, всего у нас на пятом курсе биофака восемнадцать девушек, и, представьте себе, одиннадцать из них уже замужем. Сегодня мы выдаем замуж Машу — она двенадцатая, по-вашему, это не достижение? Вон у химиков, вы посмотрите, у них дела гораздо хуже. Да что говорить! От имени девушек нашего курса и от всей души я желаю молодым счастья и радости. И еще. Пусть этот Букин уважает Машу так же, как уважают ее у нас на курсе. Машенька, дай я тебя поцелую!

Комсорг и Маша целуются. Шум.

ГОМЫРА (*взял в руку бутылку, разглядывает ее*). «Абрау Дюрсо»... Нежности какие...

КОМСОРГ И самое главное, товарищи! Сюрприз для молодоженов! В качестве свадебного подарка наш комитет и профсоюз выделяют молодым комнату в первом общежитии!

Одобрительные возгласы, звон стаканов, выкрики: «Горько! Горько!» Букин и Маша целуются.

БУКИН. Спасибо... Мы с Машей пьем за здоровье комитета и профсоюза. А также за рядовых членов, здесь присутствующих. За вас.

СЕРЬЕЗНЫЙ. Послушайте, а где же Колесов?

КРАСАВИЦА. В самом деле, почему нет Колесова?

МАША (*засмеялась*). Он придет, не волнуйтесь. Наверное, до сих пор носится по улицам.

СЕРЬЕЗНЫЙ. С какой целью?
МАША. На нашу свадьбу он пообещал прийти с самой лучшей девушкой в городе.

Возгласы: «Пижон!», «Найдет!», «Приведет!», «Посмотрим!»

ВЕСЕЛЫЙ. Не оригинально.
БУКИН. Он зря старается. Я ему сразу сказал. Самая красивая девушка в городе уже здесь. Это моя невеста. (*Обнимает Машу.*)
ГОМЫРА. «Абрау Дюрсо»... До чего докатились, а?

Шум. Веселый что-то шепчет Красавице.

КРАСАВИЦА. Замолчите, это скучно.
ВЕСЕЛЫЙ. Я говорю совершенно серьезно... (*Поднимается.*) Минутку внимания!
СЕРЬЕЗНЫЙ. Опять? Нет, так невозможно. Вы навязываете бешеный темп.
ГОМЫРА. Действительно, дайте человеку пожрать.
ВЕСЕЛЫЙ. Минутку внимания! Я к вопросу о самой лучшей девушке. Жених прав, ваш Колесов жестоко просчитался. Самые лучшие девушки собрались сегодня за этим столом. Давайте же мы выпьем за их здоровье, а Колесов тем временем пусть бегает по улицам. За вас, женщины!

Шум. Пьют все, кроме Гомыры, который демонстративно отставил от себя стакан.

ГОМЫРА (*Фролову*). Выпил?.. За женщин ты пьешь, а за мужскую дружбу, значит, не пьешь? Что ты этим хочешь сказать? (*Букину.*) Вася, что он этим хочет сказать?
БУКИН. Ты зря к нему придираешься. Не надо, Боря.

Шум. Фролов, доселе молчавший, поднимается. Наступает тишина.

ФРОЛОВ. Я вижу, мне надо сказать несколько слов. Это просто необходимо... Люди здесь собрались в основном сведущие и, надеюсь, понимают, что сегодняшний вечер и для меня весьма знаменателен. Ни для кого здесь не секрет: пять лет я лю-

бил эту девушку и все пять лет она меня не любила. Маша, я не стал бы об этом говорить, но, помоему, тут некоторые нуждаются в справке, так вот... Мне не за что благодарить жениха, но, в конце концов, именно сегодняшний вечер освобождает меня от всех надежд, поверьте, за пять лет эти надежды мне изрядно надоели. Все должны знать: я пришел на свадьбу, чтобы искренне поздравить жениха и невесту и пожелать им самого хорошего. Желаю счастья.

МАША. Спасибо, Гриша...

СЕРЬЕЗНЫЙ. Хорошо сказал.

ГОМЫРА (*подозрительно*). Красиво...

БУКИН (*Фролову*). За твое здоровье.

ГОМЫРА (*поднимается*). А я предлагаю за геологов...

БУКИН. Подожди, старина. Сядь и закуси. Закуси, я тебя прошу.

ГОМЫРА. Что такое геология?.. Знаете?.. Не знаете. Геология — это такая штука... это когда мы уезжаем, а вы остаетесь с нашими женщинами.

БУКИН. Не говори лишнего, прошу тебя.

ГОМЫРА. Вася, заглянем правде в глаза. Мы с тобой уезжаем? Уезжаем. А они остаются. Что, неправда?.. Они ждут не дождутся, когда мы уедем.

БУКИН (*поднимается и усаживает Гомыру*). Сядь, старина...

СЕРЬЕЗНЫЙ. И веди себя приличнее.

ГОМЫРА. Приличнее?.. Ну да, «Абрау Дюрсо», конечно, где уж нам... Ну ничего. Мы скоро уезжаем, а там медведи. Одни только белые медведи...

ВЕСЕЛЫЙ. Ребятишки! Давайте-ка что-нибудь споем, а?

Шум. Маша поднимается, отходит в сторону. За нею Букин.

МАША. Твой Гомыра мне надоел.

БУКИН. Не сердись, он остро переживает момент. Это у него чисто алкогольное. Я уверен, что впоследствии ты его полюбишь.

МАША. С чего ради? Почему я его должна полюбить?

БУКИН. Но ведь он мне друг, не просто так... И, видишь ли, сейчас ему кажется, что я лезу в петлю.

МАША. В петлю? А ты что на это скажешь?
БУКИН. Я? Лезу и радуюсь. (*Целует* ее.)

За столом оживление, шум.

Ну, а вообще как тебе это все... ну весь обряд в целом? Ничего?
МАША. Нормально... Совсем не то, что я себе когда-то представляла.
БУКИН. А что такое, разве не весело?
МАША. Могло быть и повеселее.
БУКИН. Ты так считаешь?

Стучится и входит Строгая.

СТРОГАЯ. Добрый вечер. Я не стала бы вам мешать, но, как член студсовета, я должна вас предупредить: в общежитии ректор.
ВЕСЕЛЫЙ. Оригинально.
КРАСАВИЦА. По какому случаю?
СТРОГАЯ. В частности, ни по какому. Просто. Как правило, раз в семестр он нас навещает... Я не знаю, но мне кажется, надо его пригласить.
БУКИН. А кто против? (*Поднимается.*)
КОМСОРГ Сидите, жених. Я все сделаю. (*Уходит.*)
МАША (*Строгой*). Садись, Алла. Гостем будешь.
КРАСАВИЦА. Садись сюда.
СТРОГАЯ. Нет, что вы, девочки...
ГОЛОСА. Давай, давай.
— Присаживайся.

Гомыра дремлет.

СТРОГАЯ. Я не знаю, я даже не думала... Но, как член студсовета... (*Садится.*)
БУКИН. Итак, на свадьбе будет ректор. (*Маше.*) Ты рада?
МАША. Еще бы. Вот уж повеселимся.
КРАСАВИЦА. Колесов, видимо, уже не придет. Но это даже к лучшему.
ВЕСЕЛЫЙ (*ревнует*). Странно. То вам жалко, что его нет, то опять хорошо, что его нет. Странно и таинственно... (*Всем.*) Ну, так как же, споем мы

или нет? Романсик, а, какой-нибудь оригинальный?

БУКИН. Нет, никаких романсов. Есть пожелание что-нибудь повеселее. (*Поднимается.*) Одну минуточку... Предлагаю кое-что сверх программы. Новое в свадебном репертуаре. Букин прощается с Букиным. Минутку... (*Усаживает на свое место полуспящего Гомыру.*) Не похож, но дело не в этом. Представьте себе, что это Букин. То есть, что я сижу на месте и никуда не ушел. (*Идет к противоположному концу стола.*)

СТРОГАЯ (*с подозрением*). Интересно...

БУКИН (*со стаканом в руке*). Дамы и товарищи! Друзья! Букина я знаю неплохо. Лично я знаком с ним вот уже двадцать четыре года. Если всю водку, которую мы с ним выпили вместе, поставить сейчас на стол, то, уверяю вас, мы пили бы здесь не один день и не два.

ВЕСЕЛЫЙ. Оригинально.

БУКИН. Я его прекрасно знаю. Он был веселый парень, честное слово, я никак не думал, что в ближайшее время ему взбредет в голову жениться. Этой глупости я от него просто не ожидал.

СТРОГАЯ. Балаган.

БУКИН. Завтра же он выйдет на улицу, увидит там много красивых девушек, ему станет грустно, и он поймет, какой он дурак...

ВЕСЕЛЫЙ. Тоже оригинально.

Смех.

СТРОГАЯ. Послушайте, это же не свадьба, это... я даже не знаю...

ГОМЫРА (*внезапно очнулся. Маше*). Женщина... Там одни медведи. Одни только белые медведи...

МАША (*Букину*). Хватит. Убери от меня это чучело. И садись на свое место. Пока не поздно.

БУКИН. Ты хотела, чтобы было весело.

МАША. Теперь уже слишком весело.

КРАСАВИЦА (*Букину*). Нет, продолжайте, это интересно.

ВЕСЕЛЫЙ. Давай дальше, это оригинально.

БУКИН. Одним словом, с Букиным все кончено. Пропащий он человек. На наших глазах он отправляется в самый дальний и, я бы сказал, в самый рискованный маршрут... Подогнал ремни, сориентировался по азимуту — и привет! Курс — на семейную жизнь. Прощай, старина Букин! Счастливого тебе пути, и пусть лямки не режут тебе плечи. Горько!

Смех.

ГОМЫРА (*поднимается*). Вася! Друг!.. Все хорошо. Отлично. (*Мрачно.*) Но в этом деле замешана женщина.

МАША (*Букину*). Послушай, может, хватит?

БУКИН (*уводит Гомыру на место*). Все, Боря, номер окончен, садись на свое место.

МАША. Ему надо погулять.

ГОМЫРА (*Маше*). Женщина! Заглянем правде в глаза: все вы одинаковы. Стоит только нам уехать...

БУКИН (*трясет Гомыру*). Помолчи, Боря, помолчи...

СТРОГАЯ. Хамство.

ГОМЫРА. Все вы одинаковы. Все!

МАША. Ну вот что... уходи отсюда.

Молчание.

Уходи.

ГОМЫРА. Вася, мне предлагают удалиться...

БУКИН (*сдержанно*). Помолчи, Боря... Сиди, но помолчи.

МАША. Сидеть он не будет. Он встанет и уйдет.

ФРОЛОВ (*поднимается*). Он не встанет. Ему надо помочь.

СТРОГАЯ. Безобразие.

ФРОЛОВ. Ему надо проветриться.

ГОМЫРА. Ерунда! Мне просто надо выпить.

Фролов и Серьезный приближаются к Гомыре. Букин их останавливает.

БУКИН. Он останется.

МАША. Он уйдет.

БУКИН. Я прошу прощения. У тебя. У всех. Но он останется.

ГОМЫРА. Вася, не унижайся. Если ты не против, я могу удалиться.

БУКИН. Сиди и помалкивай.

МАША. Тогда я уйду.

БУКИН. Садись, прошу тебя. Невеста ты или не невеста?

МАША. Пусть он уходит или... Пусть уходит.

БУКИН (*твердо*). Он останется.

МАША. Как хочешь... (*Громко всем.*) Ну вот что, гости дорогие... Слушайте и не обессудьте. Свадьбу я объявляю недействительной.

БУКИН. Маша...

КРАСАВИЦА. Мария! Стоит ли?

МАША. Это шутка была, а не свадьба... Я (*показывает на Букина*) и пьяница вот этот — мы пошутили. Вот и все. (*Быстро уходит.*)

Красавица выходит вслед за Машей.

ФРОЛОВ (*Гомыре и Букину*). Развлекаетесь?.. Шуты гороховые.

Молчание.

ГОМЫРА (*поднимается, идет к Фролову*). Вася, дай слово мне.

БУКИН (*кричит*). Сядь, я тебе говорю!

Гомыра останавливается.

ФРОЛОВ (*насмешливо*). Ну?.. Дуэли, вероятно, не будет? (*Постоял и вышел.*)

БУКИН. Дуэли не будет. Он прав. Прошу выпить и закусить.

ГОМЫРА. Вася! Как же так? Разве это разговор?.. Это же... это «Абрау Дюрсо» вместо серьезного разговора, Вася! Я не узнаю тебя.

БУКИН. Вполне естественно. Ты сегодня много выпил.

ГОМЫРА. Ладно... пью последнюю. За цивилизацию. (*Пьет и выходит.*)

За Гомырой — Серьезный.

СТРОГАЯ. Зачем вы пригласили этого хулигана?
БУКИН. Он мой друг... И он сегодня не в духе.

Красавица возвращается. Букин выходит.

КРАСАВИЦА. Отказаться от свадьбы, вы подумайте. Вот оно — настоящее легкомыслие.
СТРОГАЯ. Я не знаю, конечно, и это не мое дело, но я должна сказать, что Машу я не понимаю. Фролов серьезный парень, давно ее любит, а Букин — откуда он взялся? Только познакомились и — готово! Да еще этот хулиган Гомыра. Прошлым летом, я слышала, у него увели невесту. Ну и что? Кто же тут виноват. Не все же подряд, правда же?
ВЕСЕЛЫЙ. Вот тебе и на. Так ничего и не спели.
СТРОГАЯ. Нет, Машу я не понимаю.
КРАСАВИЦА. А впрочем, эти геологи ничего... Занятные ребята.
ВЕСЕЛЫЙ. А Колесов? Вы о нем уже забыли?
КРАСАВИЦА. Колесов? Да... Жаль все-таки, что он не пришел.

Входит Комсорг с магнитофоном в руках.

КОМСОРГ Товарищи! Ректор в соседней комнате. Сейчас зайдет.
ВЕСЕЛЫЙ. Нашел время.
КОМСОРГ Принесла музыку... А где остальные? Что случилось?
ВЕСЕЛЫЙ. Свадьба закончилась.
КРАСАВИЦА. Начался медовый месяц.
КОМСОРГ Неужели поссорились?
СТРОГАЯ. Скандал, а не свадьба.
КОМСОРГ Как же так?.. Пригласили в гости ректора...
СТРОГАЯ (*поднимается*). Я, как член студсовета... Мне неудобно, я ухожу. (*Уходит.*)
КОМСОРГ Он идет... Что же мы ему скажем?
КРАСАВИЦА. Не волнуйтесь, как-нибудь отбрешемся. Ему-то не все равно.

Стук в дверь. Комсорг открывает.

РЕПНИКОВ (*входя*). Разрешите?
КОМСОРГ Проходите, Владимир Алексеевич.
РЕПНИКОВ. Добрый вечер.
ВСЕ. Добрый вечер.
КОМСОРГ Садитесь, Владимир Алексеевич.
РЕПНИКОВ (*присматривается*). Ну я, кажется, не вовремя... Где же гости?
КРАСАВИЦА. Гости?.. А они на улице... Гуляют.
РЕПНИКОВ. Ага... (*Веселому.*) Вы, видимо, жених? (*Садится.*)
ВЕСЕЛЫЙ. Я?.. Ну да... до некоторой степени...
РЕПНИКОВ. Геолог? Слышал-слышал. Зашел поздравить. Поздравляю вас.
ВЕСЕЛЫЙ. Меня?.. Ну что ж, спасибо.
РЕПНИКОВ. А невеста? Кто у вас невеста?
КОМСОРГ Она... она вышла...
КРАСАВИЦА. Маленькая неприятность. Пролили вино на белое платье.
РЕПНИКОВ. Ну, это пустяки.
КРАСАВИЦА. Разумеется, пустяки!

Входит Гомыра.

ГОМЫРА. А если что не так, то дайте мне по морде... (*Заметив Репникова.*) Нет, я ничего... Ничего такого... Одни медведи, одни только белые медведи...
РЕПНИКОВ. А что так невесело? Ни песен, ни танцев. Что, разве студенты разучились веселиться?
КРАСАВИЦА. Нет, что вы. Это у нас так... Затишье.
ВЕСЕЛЫЙ. А может, что-нибудь споем, действительно?

Комсорг, пробормотав «сейчас», включает магнитофон. Негромко звучит музыка — нечто развеселое.

ГОМЫРА (*Репникову*). Задумал геолог жениться — и вот, как видите... Выпьемте, Владимир Алексеевич, за геологию. Вы знаете, геология — это такая тонкая вещь...
РЕПНИКОВ. Что ж. Когда-то я тоже подумывал о геологии, но я домосед, и потому...
ГОМЫРА. Вы сидите дома. И правильно, между

прочим, делаете... А Вася геолог, да и молодой он еще... Ничего, потом еще будет благодарить своего друга, увидите. А я с самого начала был против...

РЕПНИКОВ. Против чего?

ГОМЫРА. Против всего. В основном против женского персонала... А вы разве не в курсе?

РЕПНИКОВ. Выходит, что нет. (*Всем.*) А что, собственно, у вас здесь случилось?..

Молчание.

КРАСАВИЦА. Не сошлись характерами. Обычная история...

РЕПНИКОВ. Обычная?.. На свадьбе стало ясно, что не сошлись характерами... любопытно...

ГОМЫРА (*трезвея*). Нет, если что, то Вася не виноват, имейте в виду. Из-за меня получилось...

РЕПНИКОВ. Из-за вас?.. Из-за вас все может случиться, не сомневаюсь. (*Всем.*) Ну-с, расскажите-ка мне все подробнее.

КРАСАВИЦА. Да нет, в общем-то, все было тихо, благородно...

КОМСОРГ Владимир Алексеевич, мы их помирим.

КРАСАВИЦА. Помирим, конечно. И вообще ничего дурного тут не было.

КОМСОРГ И не будет...

Окно вдруг распахивается, в комнату прыгает Колесов, Репников сидит спиной к окну так, что Колесов его не узнает, а может быть, и не замечает. Колесов бросается к выключателю. Темнота.

КОЛЕСОВ. Прошу прощения. Закройте дверь на ключ и сидите тихо. Если сюда постучатся — здесь живут девушки, они уже разделись и легли спать. Вам понятно?.. Двери не открывать ни в коем случае. Извините, что опоздал.

РЕПНИКОВ. Что такое?.. Что здесь происходит?

КОЛЕСОВ. Ничего особенного. Меня ловит милиция.

РЕПНИКОВ. Включите свет.

КОЛЕСОВ. Ни в коем случае! Здесь спят девушки, я, кажется, сказал. И выключите магнитофон.

С перепугу кто-то прибавил магнитофону звук. Все кричат.

РЕПНИКОВ. Включите свет!
КОЛЕСОВ. Тише!.. Что это за бас у вас тут появился?
РЕПНИКОВ. Я говорю, включите свет!
КОЛЕСОВ. А я говорю тебе — помолчи. Что с тобой? Ты что, темноты боишься?
РЕПНИКОВ. Немедленно включите свет!
КОЛЕСОВ. Слушай, замолчишь ты или нет?
КОМСОРГ Коля, прекрати!

У выключателя слышна возня. Что-то падает. Шум, музыка.

РЕПНИКОВ. Свет!..
КОЛЕСОВ. Гомыра, возьми своего друга, или...
ГОМЫРА. Без рук, Коля! Без рук!
КРАСАВИЦА. Кошмар!

Комсоргу удается включить свет. Колесов и Репников держат друг друга за руки. За окном стоит милиционер.
Пауза.

РЕПНИКОВ. Ах, это вы?
КОЛЕСОВ. Владимир Алексеевич?
РЕПНИКОВ (*Комсоргу о магнитофоне*). Выключите.

Комсорг выключает магнитофон. Милиционер в окне исчезает.

КОЛЕСОВ. Простите, Владимир Алексеевич, но в темноте...
РЕПНИКОВ. Вы меня не узнали. Надеюсь.
КОЛЕСОВ. Честное слово...
РЕПНИКОВ. Хорошо, это мы потом обсудим, расскажите-ка нам лучше, кто за вами гонится и почему?

Входит милиционер.

МИЛИЦИОНЕР Здравствуйте. (*Подходит к Колесову, протягивает руку.*) Документы.

Колесов отдает ему документы.

(*Берет их, просматривает.*) По какому поводу пьянка?

РЕПНИКОВ. Здесь, представьте себе, празднуют свадьбу.

МИЛИЦИОНЕР (*Репникову*). Что у вас произошло с нарушителем?

РЕПНИКОВ. Не беспокойтесь, мы здесь люди свои, разберемся сами.

МИЛИЦИОНЕР Как хотите. Вы, как видно, преподаватель?

РЕПНИКОВ. Да. А у вас что он натворил?

МИЛИЦИОНЕР Дебош в гостинице. Ваш студент ворвался в номер артистки Голошубовой...

КОЛЕСОВ. В номер я постучался.

МИЛИЦИОНЕР Ворвался и произвел там дебош.

КОЛЕСОВ. Я пригласил Голошубову на свадьбу, и она согласилась...

МИЛИЦИОНЕР Причем нанес телесные повреждения музыканту Шафранскому.

КОЛЕСОВ. Этот тип ворвался в номер, стал кричать, оскорбил женщину, и меня он оскорбил. Я привел его в чувство...

МИЛИЦИОНЕР Ударом кулака. Кроме того, пытался скрыться. Короче, копию протокола вы получите. (*Колесову*.) Пошли.

КОЛЕСОВ (*со вздохом*). Пойдемте. (*Всем*.) До свидания. (*Репникову*.) До свидания, Владимир Алексеевич.

Колесов и милиционер уходят.

РЕПНИКОВ. Хорош... В прошлом году биологи добивались свободного посещения. Если мне не изменяет память, Колесов возглавлял компанию... Боюсь, что он своего добился...

Молчание.

КРАСАВИЦА. Надо же...

КОМСОРГ Что же теперь будет?

РЕПНИКОВ. Судя по всему, его будут судить.

КРАСАВИЦА. А надо же так: перед самыми госэкзаменами! Неужели из-за этого...

РЕПНИКОВ (*перебивает*). Он получит по заслугам. Не меньше. Но и не больше.

Появляется Букин.

БУКИН (*со вздохом*). Здравствуйте...
РЕПНИКОВ. Здравствуйте...

Небольшая пауза.

БУКИН (*развел руками*). Виноват, каюсь... Прошу прощения... А что поделаешь? Да и кто тут больше всех пострадал? Я же и пострадал.
РЕПНИКОВ. А почему вы, собственно?
БУКИН. Кто же еще?
РЕПНИКОВ. А кто вы здесь такой, извините? Родственник невесты? Жениха?
БУКИН. Почему родственник?
РЕПНИКОВ. Ну кто вы?
БУКИН. Как кто? Жених... к сожалению...
РЕПНИКОВ. Жених?

Небольшая пауза.

Ну-ну, друзья. Спасибо вам за приглашение. Спасибо. Не могу остаться в долгу. Жениха и невесту приглашаю завтра к себе. К десяти часам... (*Остальным.*) И вы приходите.

Стук в дверь.

КРАСАВИЦА. Войдите.

Входит Таня.

ТАНЯ. Извините, я могу видеть Колесова?
КРАСАВИЦА. Кого?
ТАНЯ. Колесова.
ВЕСЕЛЫЙ. Э, зайдите, девушка, попозже. Суток этак через пятнадцать.
РЕПНИКОВ (*поворачивается*). Татьяна?

Загородная прогулка

Солнце. Молодые березы, древняя кладбищенская ограда, перед нею асфальт, вдали — новые строения. Колесов, Золотуев и милиционер входят. В руках у Колесова лом, Золотуев с лопатой. Останавливаются.

ЗОЛОТУЕВ. Товарищ сержант, это же кладбище.
МИЛИЦИОНЕР Ну и что?

ЗОЛОТУЕВ. Как — что? Мне пятьдесят восемь лет, у меня жаба. Я таких шуток не понимаю. Я возражаю.

МИЛИЦИОНЕР (*расшатывает ограду*). Возражай, пожалуйста.

ЗОЛОТУЕВ. Я против таких методов. Это незаконно. Мне полагается десять нормальных суток.

КОЛЕСОВ. Успокойтесь, сержант привел нас на экскурсию.

МИЛИЦИОНЕР Слушай, хулиганы. Дело простое: будете разбирать ограду. Ломать ее и выкапывать столбы. А после перетащите все это туда (*показывает*), подальше от дороги.

ЗОЛОТУЕВ. Господи, для чего же это?

МИЛИЦИОНЕР Не ваше дело. Постановление горсовета.

КОЛЕСОВ. А в самом деле, что здесь намечается?

МИЛИЦИОНЕР Трамвайная линия. Будете тут на трамвае кататься. Если, конечно, не сядете до той поры.

ЗОЛОТУЕВ. Старого человека вы заставляете разрушать кладбище! Разве это достойно?

КОЛЕСОВ. В самом деле, какая бестактность.

МИЛИЦИОНЕР Приступайте.

КОЛЕСОВ (*Золотуеву*). Живописный уголок, не правда ли? Вам здесь нравится?.. (*Милиционеру.*) Сержант, нам бы здесь местечко — тихо, по знакомству. А, сержант?

МИЛИЦИОНЕР Сейчас здесь не хоронят. И давай за работу. Приступайте. А я схожу тут... возьму папирос. Ваша норма — вон до того столба. И учтите, пока не сделаете — не уйдете.

ЗОЛОТУЕВ. Товарищ сержант, я все-таки протестую.

МИЛИЦИОНЕР Протестуй, пожалуйста. (*Уходит.*)

КОЛЕСОВ. Какие у вас могут быть протесты? Пожили, похулиганили — хватит с вас.

ЗОЛОТУЕВ. Был бы ты мой сын! Эх, и вздул бы я тебя!

КОЛЕСОВ. А вы возьмите меня на воспитание.

ЗОЛОТУЕВ. Тебя? Ну что ты? Сторожем я могу тебя взять. Мне нужен сторож. На дачу.

КОЛЕСОВ. Нет. Лучше на воспитание. Вы сирота, я, между прочим, тоже сирота — двумя сиротами на свете будет меньше. У вас, стало быть,

дача?.. Это интересно. А пенсия? Будет у вас пенсия?

ЗОЛОТУЕВ. Мне пенсия не нужна, у меня жаба.

КОЛЕСОВ. Дача и жаба. Нет, вы мне все больше и больше нравитесь... А интересно, за что вы страдаете?

ЗОЛОТУЕВ. За что?.. В том и дело, что неизвестно за что.

КОЛЕСОВ. Ну а все же?

ЗОЛОТУЕВ. Говорю, сам не знаю... Орхидею я у них выкопал — подумаешь, разорил!

КОЛЕСОВ. Какую орхидею?

ЗОЛОТУЕВ. Обыкновенную. На площади выкопал орхидею. Цветок такой... Да разве это хулиганство?

КОЛЕСОВ. Это неслыханная наглость. На площади, под носом у милиции. Вы что, в другом месте не могли?

ЗОЛОТУЕВ. Не мог.

КОЛЕСОВ. А зачем вам орхидея?

ЗОЛОТУЕВ. Люблю цветы.

КОЛЕСОВ. А зачем же выкапывать? Сорвать ведь незаметней.

ЗОЛОТУЕВ. Люблю живые цветы.

КОЛЕСОВ. Кому-нибудь подарить хотели?

ЗОЛОТУЕВ. Сам хотел любоваться. Единолично.

КОЛЕСОВ. Ну да, у вас дача, а возле дачи, конечно, садогород... большой, интересно?

ЗОЛОТУЕВ. Послушай! Чего ты ко мне пристал?

КОЛЕСОВ. Вы меня заинтриговали. Хулиган — и разводите орхидеи. Игра природы. Почему не укроп, почему орхидеи?

ЗОЛОТУЕВ. У меня свой участок. На своем участке, молодой человек, я что хочу, то и ворочу. Хватит болтать, пошли работать. Слышал, что сержант сказал? На ночь я здесь оставаться не желаю.

КОЛЕСОВ. Почему? Что вам здесь не нравится, не понимаю?

Работают. Появляются Маша и Таня.

МАША. Привет, Коля. Ты живой?

ТАНЯ. Добрый день.

КОЛЕСОВ. Здравствуйте, здравствуйте.

МАША. Слушай, что нам сказали в милиции. В настоящее время, говорят, он находится на кладбище. Но это, говорят, по секрету, только вам. Ничего шутки, а? (*Золотуеву.*) Я вас приветствую!

ЗОЛОТУЕВ. Здрасте.

КОЛЕСОВ. Это Золотуев. Тоже хулиган. В общем, шайка-лейка.

ЗОЛОТУЕВ. Глупости, я человек тихий. (*Идет вдоль ограды, в сторону.*)

КОЛЕСОВ (*Тане*). Идите сюда. Здесь можно сесть.

МАША. А где ваша охрана?

ЗОЛОТУЕВ. Конвой ушел куда-то.

ТАНЯ. Что же вы здесь делаете?

КОЛЕСОВ. Ломаем забор.

ТАНЯ. Зачем?

КОЛЕСОВ. Постановление горсовета. Этот свет расширяется, тот сокращается.

МАША. Красота!

КОЛЕСОВ. Садитесь, рассказывайте. Как свадьба? Где муж?

МАША. Где, в том-то и дело!.. Сбежала я от него, Коля, прямо со свадьбы.

КОЛЕСОВ. Как — со свадьбы? Почему?

МАША. Да не свадьба была! Какая там свадьба. Неохота рассказывать. Другие расскажут. Другие, они всегда лучше знают.

КОЛЕСОВ. Но в чем соль?

МАША. Из-за Гомыры все началось. Они друг дружку любят, вот пусть Васька на нем и женится. Представляешь, комнату дали, а Васька в ней Гомыру поселил. Издевается... Тут еще Фролов вчера в общежитии. Хочу, говорит, поучиться у тебя жить. Теперь вместе ходят.

КОЛЕСОВ. Не огорчайся, старушка. Ты у нас невеста по первому разряду.

МАША. Нет, Коля, не нужна я ему, а раз так, то все... Были у ректора. Мне, Букину и Гомыре по выговору. Но это пустяки... Твои дела хуже. Мы ничего не могли сделать.

КОЛЕСОВ. Короче.

МАША. Тебя исключают из университета.
КОЛЕСОВ. Исключают? Сейчас?.. Есть приказ?
МАША. Приказа нет, но ректор говорит, что все решено.
КОЛЕСОВ. Так.
МАША. Артист этот, ты ему выставил руку, а он гитарист.
КОЛЕСОВ. Во везет...
МАША. Он был у ректора, сказал, если тебя не накажут, то подаст на тебя в суд. Певичка эта, Голошубова, звонила декану.
КОЛЕСОВ. Так...
МАША. Ну она сказала, что ты вел себя прилично, в гости приглашал... Коля, мы к ректору всем курсом пойдем.
КОЛЕСОВ. Значит, уже и приказ?.. Да он что, озверел, что ли?
МАША. Полегче. Эта девочка, между прочим, дочь Владимира Алексеевича.
КОЛЕСОВ. Вы — дочь?
ТАНЯ. Что поделаешь.
КОЛЕСОВ. Час от часу не легче.
МАША. Но Таня, по-моему, на твоей стороне.
ТАНЯ. На чьей стороне, я еще не знаю.
МАША. Да ладно, будто я не чувствую... Коля, может, не все еще потеряно... Ты не расстраивайся...
КОЛЕСОВ. Я не расстраиваюсь... Хотя мне кажется, что меня можно было и не исключать...
МАША. Мы всем курсом, и деканат за тебя заступается...
КОЛЕСОВ (*перебивает*). Ладно.
МАША. Ну хорошо, пока. Побегу, у меня еще уйма дел, да еще вот новое — развод. Завтра пришлю тебе парней.
КОЛЕСОВ. Пусть принесут сигарет.
МАША. Хорошо. (*Уходит.*)
ТАНЯ. Я принесу вам сигарет, хотите?
КОЛЕСОВ. Папины сигареты? Спасибо, не надо.
ТАНЯ. Вы думаете, он не захочет поделиться с вами сигаретами?
КОЛЕСОВ. Не захочет.

ТАНЯ. Да нет, он не жадный. Послушайте, он так занят. Он всегда старается быть справедливым.

КОЛЕСОВ. Ну конечно! У него нет времени на то, чтобы быть справедливым. Очень его понимаю...

ТАНЯ. Ведь он не из мести, вы понимаете, что не из мести?

КОЛЕСОВ. Конечно. Месть — чувство, недостойное руководителя.

ТАНЯ. И все-таки отец добрый. Мне кажется, я говорила бы так, если бы и не была его дочерью.

КОЛЕСОВ. Таня, в своем папе вы не ошиблись. У вас хороший папа. Добрый, серьезный, авторитетный.

ТАНЯ. Если отец не прав, я защищать его не буду. Но мне хотелось бы выяснить... (*Молчит.*)

КОЛЕСОВ. Что выяснить?

ТАНЯ. Я с отцом поссорилась. Из-за вас.

КОЛЕСОВ. Напрасно. Ваш отец и я — люди взрослые. Между нами все может быть. Мы с ним, возможно, еще встретимся, побеседуем... А на вашем месте я бы плюнул на это дело и пошел бы в кино.

ТАНЯ. Легко так говорить, когда все ясно, а мне разобраться надо...

КОЛЕСОВ. Зачем, смешная вы девушка. Вот лежат за этой оградой. Они тоже хотели во всем разобраться. Уверяю вас, они так ничего и не поняли.

ТАНЯ. Так уж ничего?

КОЛЕСОВ. У каждого, наверное, было столько приключений... Да они просто не успели ничего понять.

ТАНЯ. Вы по себе мерите. Не все же торопятся, как вы. Другие думают, размышляют...

КОЛЕСОВ. Нет, Таня. Или жить, или размышлять о жизни — одно из двух. Тут сразу надо выбрать. На то и на другое времени не хватит. Так по-моему... Их жизнь (*показал рукой на ограду*) прошла, и разобраться в ней легче нам, живым. А уж нас рассудят другие. Со стороны, как-никак, всегда виднее.

Появляется Золотуев.

ЗОЛОТУЕВ. Мне пятьдесят восемь лет. Я устал.

КОЛЕСОВ. Послушайте... Вот вы говорили, что вам нужен сторож.

ЗОЛОТУЕВ. А что?

КОЛЕСОВ. Я ищу работу.

ЗОЛОТУЕВ. Тебя не возьму, даже не думай.

КОЛЕСОВ. Почему? Вы же мне предлагали.

ЗОЛОТУЕВ. Я раздумал. Ты грубиян, а я этого не люблю.

КОЛЕСОВ. Грубиян? А вы какого сторожа хотели? С хорошими манерами? Из консерватории?

ЗОЛОТУЕВ. Зачем? Мне нужен человек скромный, работящий... Поливать грядки — образование тут ни к чему. Мне нужен сторож, который умеет держать в руках лейку и ножницы.

КОЛЕСОВ. Наши интересы совпадают. Я увлекаюсь садоводством. Соображаете, как вам повезло?

ЗОЛОТУЕВ. Не знаю, молодой человек, не знаю... Сержант идет!

ТАНЯ. Что ж... Я пойду...

КОЛЕСОВ. Извините, Таня. Но сами видите — не та обстановка. Возможно, еще увидимся. Поговорим.

ТАНЯ. Ничего вы мне не объяснили... Только еще больше запутали. До свидания.

КОЛЕСОВ. Счастливо, Таня... Не огорчайте папу.

Таня уходит. Появляется милиционер.

МИЛИЦИОНЕР Так... Сачкуете? Я вам доверие, а вы мне...

КОЛЕСОВ. И мы вам доверие.

МИЛИЦИОНЕР Я — доверие, а вы — саботаж?.. Вы умные, а я — дурак?

КОЛЕСОВ. Виноваты, товарищ сержант, исправимся. Разрешите папироску.

Квартира

Большая комната в доме Репниковых. Первый этаж. Два больших окна, красивые портьеры. Судя по обстановке, комната эта предназначена для приема гостей, а также для праздничных ужинов и обедов. Дело к вечеру.
Таня и ее мать накрывают белой нарядной скатертью стол, стоящий посередине. На Репниковой фартук, Таня одета по-домашнему.

ТАНЯ (*сервирует стол*). Вечно эти церемонии. Можно и на кухне пообедать отлично.

РЕПНИКОВА. Воскресенье есть воскресенье. Не ворчи.

Репников появляется с букетом цветов и бутылкой вина. Он в отличном расположении духа.

РЕПНИКОВ. Ну как? (*Останавливается.*) Мм... Запах божественный! Как он? Уже готов, не правда ли?

РЕПНИКОВА. Еще нет.

РЕПНИКОВ (*бутылку поставил на стол, цветы передал Репниковой*). Как?! Но ведь прошло уже полтора часа!

РЕПНИКОВА. Еще минут пятнадцать.

РЕПНИКОВ (*с ужасом*). Еще пятнадцать?.. А не пережарится? (*Направляется к двери, которая ведет, по-видимому, на кухню.*) А соус?..

РЕПНИКОВА (*не дает Репникову пройти*). Нет-нет, тебе там делать нечего.

РЕПНИКОВ (*упирается*). Я взгляну, только взгляну...

РЕПНИКОВА. Иди в кабинет, жди в кабинете.

РЕПНИКОВ. Тсс... Шипит... как живой шипит... Он готов!

РЕПНИКОВА. Иди-иди! (*Подталкивает его к другой двери.*)

РЕПНИКОВ. Если через пятнадцать минут вы не подадите его на стол, предупреждаю вас, я умру. (*Уходит в кабинет.*)

РЕПНИКОВА (*взглянула на часы*). Да, с обедом мы сегодня подзатянули.

ТАНЯ. Ничего с ним не сделается.

РЕПНИКОВ (*появляясь в дверях*). А лук? Я не слышу запаха лука!

РЕПНИКОВА (*смеясь, закрывает дверь*). Ну прекрати, прекрати.

ТАНЯ. Вечно одно и то же.

РЕПНИКОВА. Опять ворчишь? Не понимаю, чем ты недовольна?

ТАНЯ. Вечно объедимся, как не знаю кто, а потом весь вечер перевариваем...

РЕПНИКОВА. Не ешь, никто тебя не заставляет.

ТАНЯ. Не поешь у тебя — как раз! Один запах чего стоит. Да и папаша — всегда он раздразнит...

РЕПНИКОВА (*поставила на стол вазу с цветами*). Хороши... А вот, смотри, бутоны. Эти увянут, а бутоны только-только распустятся... Но и они увянут.

ТАНЯ. А, скорей бы все это заканчивалось! Все весной хорошо, кроме экзаменов.

РЕПНИКОВА. Вот. Всем скорей. Скорей бы весна, скорей бы экзамены, скорей бы лето. Скорей бы, скорей. А куда?.. К гипертонии? К склерозу?

ТАНЯ (*обняла мать*). Ты-то чем недовольна? Молодая, красивая... Жить надо, а не философствовать. Размышляй, не размышляй — все равно ничего не поймешь. Только время упустишь.

РЕПНИКОВА. Что это? Откуда у тебя такие мысли?

ТАНЯ (*улыбнулась*). Из учебника. Из политэкономии.

РЕПНИКОВА. Ну-ну, не морочь мне голову. Знаю я, из какого учебника... Видно, прав отец — парень этот фокусник, да еще какой.

ТАНЯ. Мама, не суди человека, если ты его не знаешь.

РЕПНИКОВА. А что твой человек натворил в гостинице? А в общежитии?

ТАНЯ. Ничего страшного он не сделал.

РЕПНИКОВА. Такой успеет еще, сделает. Если не образумится. (*Идет на кухню. В дверях.*) Зови отца. (*Уходит.*)

Раздается звонок. Таня открывает дверь. Появляется Колесов.

КОЛЕСОВ. Здравствуйте, Таня.

ТАНЯ (*она растеряна*). Здравствуйте.

КОЛЕСОВ. Не ожидали?

ТАНЯ (*не сразу*). Вообще-то да, я не думала...

КОЛЕСОВ. Правду сказать, и я на это не рассчитывал.

Да вот. Чего только в жизни не бывает.

ТАНЯ. Опять что-нибудь случилось?

КОЛЕСОВ. Как же. Скандал на Панаме, на Занзибаре революция, пущены агрегаты Братской ГЭС — не слышали?.. А мы метем мостовую. Тут, на соседней улице.

ТАНЯ. Вас еще не отпустили?

КОЛЕСОВ. На полчаса. Под честное слово.

ТАНЯ. Проходите, присаживайтесь...

КОЛЕСОВ. Я, собственно... Я к Владимиру Алексеевичу.

ТАНЯ. Я так и думала.

КОЛЕСОВ. Он дома?

ТАНЯ. Да.

Появляется Репникова с большим блюдом в руках. На блюде большой, румяный, украшенный зеленью гусь.

КОЛЕСОВ. Добрый вечер.

РЕПНИКОВА. Здравствуйте.

ТАНЯ. Мама, это...

КОЛЕСОВ. Колесов.

РЕПНИКОВА. Да?.. Что ж, интересно познакомиться. (*Поставила блюдо на стол.*)

КОЛЕСОВ. Я, кажется, не вовремя, но...

РЕПНИКОВА. Почему же?.. Приглашаем с нами пообедать.

КОЛЕСОВ. Большое спасибо. Я уже пообедал.

РЕПНИКОВА. Вы присаживайтесь... Таня, усаживай гостя.

КОЛЕСОВ. Спасибо. (*Садится на краешек стула.*)

Молчание. Таня тоже усаживается на стул недалеко от Колесова. Входит Репников. Не замечая вначале Колесова, он приближается к столу, потирая руки.

(*Поднимается.*) Здравствуйте, Владимир Алексеевич.

РЕПНИКОВ (*не сразу*). Здравствуйте, молодой человек, здравствуйте.

КОЛЕСОВ. Прошу меня извинить, но обстоятельства заставили меня прийти к вам домой.

РЕПНИКОВ (*не сразу*). Ко мне?.. Так... Любопытно...

КОЛЕСОВ. Я решился вас побеспокоить, потому что в

университет я прийти не могу... ни завтра, ни послезавтра... Мне необходимо с вами поговорить.

РЕПНИКОВ. Со мной?.. (*Тане и Репниковой.*) Ну коли так, оставьте нас наедине. У молодого человека ко мне разговор.

Репникова уходит на кухню. Таня задерживается.

(*Строго.*) Таня, прошу тебя.

Таня уходит.

Я вас слушаю.

За окном раздается легкий стук, на который Репников вначале не обращает внимание.

КОЛЕСОВ. Я пришел к вам с просьбой.

Тот же стук в окно.

Я прошу прощения за высокопарный тон, но я хочу сказать вам, что я давно и твердо решил посвятить себя науке и не хотел бы терять времени даром...

Портьера внезапно отодвигается, и в открытом окне появляется физиономия Золотуева.

ЗОЛОТУЕВ (*Репникову*). Я душевно извиняюсь, но вашему гостю пора уходить. (*Колесову.*) Тебе пора.

КОЛЕСОВ (*подходит к окну, закрывает его своей спиной, шепотом, Золотуеву*). Исчезните!

Золотуев исчезает.

РЕПНИКОВ. Что за явление? Кто это?

КОЛЕСОВ. Да так, один дядя. Не обращайте внимания.

РЕПНИКОВ. Но что ему надо?

КОЛЕСОВ. Беспокоится, как бы я вам не надоел. Он ужасно за меня переживает.

РЕПНИКОВ. Так это ваш дядя?

КОЛЕСОВ. Да, это мой дядя.

РЕПНИКОВ (*с неудовольствием*). Пусть он войдет в таком случае.

КОЛЕСОВ. Да нет, пожалуй, не стоит. Он, знаете, чело-

век необщительный, нелюдим, можно сказать, и вообще... Владимир Алексеевич! Дело в том, что вот уже два года я занимаюсь одним делом... Травами, возможно, вы об этом слышали.

РЕПНИКОВ. Слышал. И что же?

КОЛЕСОВ. Получается, Владимир Алексеевич, в том-то и дело. Вы ученый и знаете, что значит для начинающего потерять год-два...

РЕПНИКОВ. Так... Вы сказали — я ученый. Неплохо. Посещать мои лекции — я не ученый, а как просить — так сразу ученый.

КОЛЕСОВ. Владимир Алексеевич, дело в том... Мне кажется, то, что я делаю, имеет значение не только для меня...

В окне из-за спины Колесова снова появляется физиономия Золотуева.

ЗОЛОТУЕВ. Слушай! Мы злоупотребляем доверием! Сержант нам этого не простит.

КОЛЕСОВ (*страшным шепотом, Золотуеву*). Сгиньте, я вам говорю!

ЗОЛОТУЕВ. Учти, мы останемся без каши.

РЕПНИКОВ (*Колесову*). Послушайте! Что наконец все это значит?

КОЛЕСОВ (*рукой отталкивает Золотуева от окна*). А, пустяки. Он большой любитель поесть и поговорить об еде. Иногда, знаете, ни с того ни с сего...

РЕПНИКОВ (*с раздражением*). Ваша правда, дядя ваш человек со странностями. (*Закрывает окно.*)

КОЛЕСОВ. Владимир Алексеевич! В среду в университете начинаются зачеты...

РЕПНИКОВ (*перебивает*). Итак, Колесов, вы решили, что достаточно явиться ко мне домой и все готово — и я отменяю приказ и допускаю вас к экзаменам.

КОЛЕСОВ. Кажется, я совершил ошибку, что пришел к вам домой. Я пришел к вам с личной просьбой, еще раз извините, что побеспокоил.

РЕПНИКОВ. Лихо, Колесов, работаете. На ходу подметки режете.

КОЛЕСОВ. То есть?

РЕПНИКОВ. Восстановили против меня дочь и решили, что самое время прийти ко мне с личной просьбой.

КОЛЕСОВ. Вашу дочь я не восстанавливал. Мы с ней знакомы, и только.

РЕПНИКОВ. Очень сожалею, что вы с ней знакомы.

КОЛЕСОВ. Моя просьба ничего общего не имеет с этим обстоятельством.

РЕПНИКОВ. Рассказывайте!

КОЛЕСОВ. Уверяю вас, я здесь не в качестве жениха.

РЕПНИКОВ (*не сразу*). Ей вы об этом говорили?

КОЛЕСОВ. Нет. Но она и не спрашивала.

Золотуев неожиданно появляется в другом окне.

ЗОЛОТУЕВ. Ты как хочешь, а я ухожу.

КОЛЕСОВ (*Золотуеву, тем же шепотом*). Вон отсюда... сумасшедший! (*Закрыл окно.*) Простите, Владимир Алексеевич... Видите ли... Я должен сознаться: дядя мой — хулиган...

РЕПНИКОВ (*в большом раздражении*). Все! (*Задернул портьеру.*)

КОЛЕСОВ. Владимир Алексеевич! Я пришел сюда с надеждой, что вы меня поймете...

РЕПНИКОВ. Все, Колесов. Разговор окончен! Вы не пришли сюда — нет, вы ворвались, по своему обыкновению! И не с просьбой, а с требованием! Да знаете вы, как называются подобные визиты?

КОЛЕСОВ (*тоже вспылил*). Не знаю. Я пришел к вам с просьбой, но унижаться перед вами я не намерен. И если вы меня не понимаете, то это вовсе не значит, что вы можете на меня кричать.

РЕПНИКОВ. Так! Надеюсь, вы не будете меня душить? Здесь! В моем доме!

Входит Репникова.

РЕПНИКОВА. Нельзя ли поспокойнее?

РЕПНИКОВ. Вот! Полюбуйся, пожалуйста! Очень любезный молодой человек! Бывший студент, ныне...

КОЛЕСОВ (*поклонился Репниковой*). Хулиган.

РЕПНИКОВ. Вот — полюбуйся!

РЕПНИКОВА. Что ж... Пусть хулиган — зачем же так волноваться? (*Берет Репникова под руку.*)
РЕПНИКОВ. Считайте, что разговор окончен! И прошу вас, молодой человек, мой дом, меня и мою дочь оставить в покое!

Жена силой уводит Репникова на кухню.

КОЛЕСОВ (*пошел к выходу, остановился — у зеркала*). Жених... Неужели я похож на жениха?

Появляется Таня.

Скажите, Таня, я похож на жениха?
ТАНЯ. Нисколько! Кто же действительно так просит? Кто так разговаривает? Вы на петуха похожи! На драчливого петуха.
КОЛЕСОВ. Серьезно? А ваш отец принял меня за жениха.
ТАНЯ. Что ж... Это глупо с его стороны. Извините.
КОЛЕСОВ. Глупо?.. А почему? По-моему, наоборот, за всю свою жизнь он впервые выдвинул интересную гипотезу. (*В дверях.*) До свидания, Таня. Передайте вашему папе, что вы мне нравитесь. Это произведет на него впечатление. (*Уходит.*)

Появляются Репникова и Репников.

РЕПНИКОВ. Ушел?
ТАНЯ. А что ему тут делать, в этом застенке?
РЕПНИКОВ. Что? Что ты сказала? (*Репниковой.*) Ты слышала?
РЕПНИКОВА. Татьяна, что ты себе позволяешь?
РЕПНИКОВ. Да понимаешь ли ты, что этот прохвост пришел сюда в расчете, что ты ему поможешь?
ТАНЯ. Ах вот как? Значит, ты отказал ему из-за меня?.. Говори! Из-за меня или нет?
РЕПНИКОВ. Я отказал ему, потому что он нахал. И довольно! Я не желаю больше о нем слышать!
ТАНЯ. А я не желаю тебя видеть! (*Надевает плащ.*)
РЕПНИКОВА. Можно узнать, куда ты собираешься?
ТАНЯ. Проветриться!
РЕПНИКОВА. Татьяна!

ТАНЯ. Что — Татьяна? Я не хочу, чтобы папа из-за меня делал подлости! Слышите! (*Уходит.*)

РЕПНИКОВ. Какова?.. Его влияние! (*Вдруг кричит.*) Кто впустил в мой дом этого проходимца?!

РЕПНИКОВА (*пожала плечами*). Я впустила. Открыла дверь, вижу — приятный человек... За что все-таки ты его так не любишь?

РЕПНИКОВ. А за что мне его любить? За что?.. (*Ходит вокруг стола.*) Мне никогда не нравились эти типы, эти юные победители с самомнением до небес! Тоже мне — гений!.. Он явился с убеждением, что мир создан исключительно для него, в то время как мир создан для всех в равной степени. У него есть способности, да, но что толку! Ведь никто не знает, что он выкинет через минуту, а что в этом хорошего?.. Сейчас он на виду, герой, жертва несправедливости! Татьяна клюнула именно на эту удочку! Да-да! Он обижен, он горд, он одинок — романтично! Да что Татьяна! По университету ходят целыми толпами — просят за него! Но кто ходит? Кто просит? Шалопаи, которые не посещают лекции, выпивохи, которые устраивают фиктивные свадьбы, преподаватели, которые заигрывают со всей этой братией. Понимаешь? Он не один — вот в чем беда. Ему сочувствуют — вот почему я его выгнал! А не выгони я его, представь, что эти умники забрали бы себе в головы! Хорош бы я был, если бы я его не выгнал!.. Одним словом, он вздорный, нахальный, безответственный человек, и Татьяна не должна с ним встречаться! Это надо прекратить раз и навсегда, пока не поздно!

РЕПНИКОВА (*не сразу*). А по мне так пусть. Пусть она любит проходимца, хулигана, черта рогатого — пусть.

РЕПНИКОВ. Нашей дочери ты желаешь... Вот как?

РЕПНИКОВА. Так. И еще неизвестно, как лучше — так или по-другому.

РЕПНИКОВ. Я тебя не понимаю.

РЕПНИКОВА. Что тут непонятного. У них так, у нас по-другому.

РЕПНИКОВ. У нас? (*Осторожно.*) Что у нас?..

РЕПНИКОВА. У нас все прекрасно.

РЕПНИКОВ. Тогда в чем дело? Изволь объясниться. Что, интересно, тебе не нравится?

РЕПНИКОВА. Ладно, мне все нравится... Садись наконец за стол, пока все окончательно не остыло.

РЕПНИКОВ. Нет! Не сяду до тех пор, пока не узнаю, на что ты намекаешь. (*Усаживается.*)

РЕПНИКОВА. Успокойся. Ты лучший муж в городе... А я... я хорошая жена... Ешь... Говорю тебе, у нас все прекрасно. Живем душа в душу. Все нам завидуют.

РЕПНИКОВ. Так... (*Поднимается из-за стола.*) Признаться, в последнее время я ожидал от тебя какой-нибудь глупости...

РЕПНИКОВА. «Последнее время»... Всю жизнь ты ожидал от меня глупости. Всегда. Глупости и больше ничего... Что — неправда? Всегда так было. Ты умилялся моей глупостью, воспитывал ее и вечно требовал от меня одной только глупости.

РЕПНИКОВ. Если это так, то, вижу, я достиг успеха. Только непонятно, для чего она мне, твоя глупость, зачем она мне понадобилась.

РЕПНИКОВА. Для удобства. И чтоб хоть чем-нибудь питать свое тщеславие. Гением ты можешь выглядеть только рядом с такой дурой, как я... Что я такое, ты не скажешь? Пока она училась в школе, я была членом родительского комитета. Теперь она выросла, кто я теперь?

РЕПНИКОВ (*не сразу*). Ты жена ученого, и ты действительно хорошая жена. Разве этого мало?

РЕПНИКОВА. Да ведь ты не ученый, в том-то и дело. Ты администратор и немного ученый. Для авторитета.

РЕПНИКОВ (*сильно уязвлен*). Обо мне не напишешь мемуаров — это тебя раздражает?

РЕПНИКОВА. Нет. Но я оправдала бы себя, если бы ты был ученый... Ладно, хватит об этом. И не беспокойся, тебе ничто не угрожает: я поняла все слишком поздно... Подумай лучше о дочери. Неужели ты не видишь, что она выросла и ей ничего уже нельзя запретить? И послушай. Что

тебе надо от этого парня? Чего ты в него так вцепился? Неужели нельзя отнестись к нему помягче?

Молчание.

РЕПНИКОВ. Ладно. Я подумаю... Скажи только, что у нас все хорошо. Все так и будет. Скажи!

РЕПНИКОВА. Садись — ешь.

РЕПНИКОВ. Хорошо... Но вначале я бы хотел услышать...

РЕПНИКОВА. Хорошо. Все хорошо. (*Целует его в щеку.*) Нормально.

РЕПНИКОВ. Я не хочу ссор. Я хочу мира и согласия. Неужели я этого не заслужил? (*Глянул в окно. Неожиданно.*) Каков наглец. Полюбуйся. Он любезничает с ней под носом. Не нахал ли? Ну скажи мне, скажи. Ну разве можно рядом с нашей дочерью терпеть такого человека. Никогда.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сад

Весенний сад. Деревянный навес; под ним садовые инструмены, висит ружье. Тут же несколько корзин, одна из которых полна цветов — из ромашек. Новенькая дача видна наполовину. Колесов проходит с лейкой в руке. Он босиком, растрепан. Появляется Таня.

ТАНЯ. Руки вверх, ни с места! Вы окружены... Вот так сторож! Я спокойно пробралась в сад, а вы и ухом не ведете. Добрый день.

КОЛЕСОВ. Долго ты меня искала?

ТАНЯ (*подходит*). Нет. Вы все очень толково объяснили. (*Осматривается.*) Сколько здесь цветов — надо же... Хозяин дачи важный человек?

КОЛЕСОВ. Да, он важная птица.

ТАНЯ. Пионы, гладиолусы... (*Подходит к клумбам.*) А это что?

КОЛЕСОВ. Дельфиниумы. А это галантус. Красный подснежник. Француз по происхождению.

ТАНЯ. А здесь?

КОЛЕСОВ. А здесь будет трава.

ТАНЯ. Трава?

КОЛЕСОВ. Альпийская. Как раз я ее и приручаю.

ТАНЯ. А что она — капризничает?

КОЛЕСОВ. Да, здешнее солнце ее не устраивает. Но ничего — приучим... Взгляни на тот вон косогор... Вид, скажем прямо, довольно бледный. А теперь представь на этом месте такую вот (*показывает*) траву, альпийский луг. Как?.. Я бы разрешил тебе побегать по нему босиком.

ТАНЯ. Я бы с удовольствием.

КОЛЕСОВ. Что ж, это я тебе устрою. (*Уносит лейку под навес.*)

ТАНЯ. А это то самое ружье, с которым вы ходите вокруг дома?

КОЛЕСОВ. Точно.

ТАНЯ. Представляю... А знаете, на кого вы сейчас похожи?

КОЛЕСОВ. На кого?

ТАНЯ. На проходимца. Так вас называет отец. А мне нравится. Про-хо-ди-мец... Забавное слово, правда?

КОЛЕСОВ. Ничего себе. Выразительное... Как папа, что он поделывает?

ТАНЯ. Не знаю, сегодня я его не видела.

КОЛЕСОВ. Разве он куда-нибудь уехал?

ТАНЯ (*беспечно*). Нет. Со вчерашнего дня я не была дома.

КОЛЕСОВ. Вот как?.. Где же ты ночевала?

ТАНЯ. Гуляла по городу.

КОЛЕСОВ. Всю ночь?

ТАНЯ. Да.

КОЛЕСОВ (*подходит к ней*). Почему?

ТАНЯ. Потому... Домой идти не хотелось. И никуда не хотелось. Вот я и гуляла.

КОЛЕСОВ. Одна?

ТАНЯ. Ко мне приставали.

КОЛЕСОВ. Почему ты не ночевала дома?.. Почему ты всю ночь гуляла по городу? (*Обнимает ее.*)

ТАНЯ (*уклоняясь от объятий, не очень, впрочем, энергично*). Потому... (*Нестрого.*) Отпустите...

КОЛЕСОВ. Ни в коем случае...

ТАНЯ. Отпустите...

КОЛЕСОВ. Никогда в жизни... Смотри на меня. Отвечай... В тот вечер почему ты пришла в общежитие?

ТАНЯ. Потому...

КОЛЕСОВ. А на кладбище?.. А сегодня?..

ТАНЯ. Потому... Потому... Потому...

Поцелуй. Потом Колесов усаживает ее на скамейку.

КОЛЕСОВ. Итак, дома ты не ночевала... В первый раз?

ТАНЯ. Да, в первый раз.

КОЛЕСОВ. Ну что ж. В конце концов, не все же тебе ночевать дома.

Небольшая пауза.

ТАНЯ. Как здесь тихо... Вы здесь один?

КОЛЕСОВ. По-моему, самое время называть меня на «ты». Как?

ТАНЯ. Хорошо. Ты здесь один?

КОЛЕСОВ. Нет. Днем здесь бывает хозяин.

ТАНЯ. А вечером?

КОЛЕСОВ. А вечером я один... Приходи, если хочешь... Придешь?

ТАНЯ. Да.

КОЛЕСОВ. Когда ты придешь?

ТАНЯ. В девять, в десять... Когда будешь ждать.

КОЛЕСОВ. В девять. Но лучше — в восемь. (*Снова пытается ее обнять.*) А сейчас? Ты куда-то торопишься?

ТАНЯ. Домой. Утешить родителей. Представляешь, что там делается? Я думаю, они разыскивают меня через милицию.

КОЛЕСОВ. Что же у вас случилось?

ТАНЯ. Отец на меня накричал, ну и вот... Раньше мы редко ссорились, а теперь каждый день скандалим... Это после вашего... (*поправилась*) твоего

посещения... Знаешь, оказалось, что мы друг друга не только не понимаем, но даже и не знаем как следует... Мне мать жалко... Да и отца жалко. В конце концов, не мать, а он всегда виноват, понимаешь?

Близко кто-то насвистывает.

(*Вскочив на скамейку, смотрит.*) Гости. По-моему, твои друзья.

КОЛЕСОВ (*привстал*). Вон как!.. Фролов и отставной муж Вася Букин. Теперь они уже вместе ходят. Друзья-соперники. Не понимаю, зачем им это надо?

Входят Фролов и Букин.

БУКИН (*напевает*). «Это ландыши все виноваты...»

ФРОЛОВ. Привет наемникам капитала!

КОЛЕСОВ. Закрой калитку.

БУКИН (*напевает*). «Этих ландышей целый букет...» Красиво живешь!

КОЛЕСОВ. Приходится... Познакомьтесь — Таня.

БУКИН (*кланяется*). Василий.

ТАНЯ. Таня.

ФРОЛОВ. Фролов.

КОЛЕСОВ. Дайте закурить. (*Закуривает.*)

БУКИН (*напевает*).

Это ландыши все виноваты,
Этих ландышей целый букет...
Хорошо погулять неженатым
На расцвете студенческих лет...

ФРОЛОВ (*Колесову*). Дела таковы. Ходили всем курсом в деканат, в профсоюз, в газету, шумели, говорили о твоих талантах. Собрались к ректору, но перед распределением ряды дрогнули.

КОЛЕСОВ. Знаю.

БУКИН. Когда мы с ректором беседовали о моей женитьбе, знаешь, что он сказал? Он сказал: вы настолько развинтились, что просто грех кого-нибудь из вас не выгнать. Вы и ваш друг, то есть я и Гомыра, вы, говорит, отъявленные, а Колесов,

так тот совсем конченый. Не поверишь, Гомыру й того напугал. Сидит, бедный, занимается. (*Тане.*) Вот какая жизнь. А у вас?

ТАНЯ. У меня?.. У меня все прекрасно.

БУКИН. Счастливый человек. Вам сколько лет? Четырнадцать?

ТАНЯ. Шутите, шутите.

БУКИН. Нет, серьезно?

ТАНЯ. Если серьезно — девятнадцать.

БУКИН. Не может быть.

ФРОЛОВ. Коля, не теряй надежды. Сегодня распределились. Завтра горстка храбрецов вместе с деканом двинет к ректору.

КОЛЕСОВ. Бесполезно... Зачеты вы уже сдали. Скоро экзамены.

БУКИН. «Мне семнадцать, тебе девятнадцать...» (*Взял ружье.*) Вот это фузея! Стреляет?

КОЛЕСОВ. Не знаю.

БУКИН (*напевает*). «Не года, а жемчужная нить...» (*С ружьем в руках ходит по двору.*)

ТАНЯ (*идет следом за Букиным*). Осторожнее. Это подснежники.

БУКИН. Ну? Надо понюхать.

ФРОЛОВ (*Колесову*). Получил назначение.

КОЛЕСОВ. Куда?

ФРОЛОВ. В район. На селекционную станцию. Хочешь, возьму водовозом?

КОЛЕСОВ. Надо подумать... Подожди, на селекционную?.. У Маши, кажется, там родители?

ФРОЛОВ. Совпадение.

БУКИН. Ну да, совпадение! Скрадывает мою жену. Очевидно.

ФРОЛОВ. У Маши свободный диплом. Неизвестно, что ей взбредет в голову.

БУКИН (*Колесову*). Понял? Это не Гриша, это черный ворон, который кружит, понимаешь, кру-жит... Коля, присматривай за мной. Как бы я его не подстрелил нечаянно.

КОЛЕСОВ. Слушай, ревнивец, вы еще не развелись?

БУКИН. Не разговариваем. Чтобы развестись, надо прилично друг к другу относиться.

ФРОЛОВ. Он еще на что-то надеется.
ТАНЯ (*подходит к Колесову*). Ну, я побежала?
КОЛЕСОВ. Я тебя провожу.
ТАНЯ (*Фролову и Букину*). До свидания.

Колесов и Таня уходят. Букин с ружьем стоит посреди двора.

ФРОЛОВ (*развалился на скамейке*). Не понимаю, на что ты еще надеешься? Неужели ты думаешь, что она полетит с тобой на север? Она прекрасно знает, что по дороге вы забудете ее где-нибудь в кабаке. Ты и твой лучший друг Гомыра.
БУКИН. Я понимаю, Гриша. Ты во что бы то ни стало хочешь разбить молодую семью.
ФРОЛОВ. Твоя песенка спета. Через месяц я посажу тебя на самолет, и помашем друг другу на прощание. В это время Маша будет ждать меня на вокзале. Тебя это устраивает?
БУКИН. Не надо, Гриша. Я впечатлительный. Возьму и выстрелю.
ФРОЛОВ. Ружье тебе идет, бандит.
БУКИН. «Это ландыши все виноваты...»
ФРОЛОВ. Мародер.
БУКИН. «Этих ландышей целый букет...»
ФРОЛОВ. Жизнерадостный погромщик.
БУКИН. Гриша, ты хорошо воспитан и знаешь, как себя надо вести. Во всех случаях жизни...
ФРОЛОВ. Тебе это не нравится?
БУКИН. Почему же. Мне нравится. Я даже тебе благодарен. Ты всегда умел меня вовремя остановить. Поправить. Удержать... Я тебе просто завидую. Ты организованный человек, цельная натура. У тебя удивительный такт и большое чувство меры...
ФРОЛОВ. Вот так всегда узнаешь со стороны, что ты неплохой человек.
БУКИН. С тобой никогда не наделаешь глупостей. В любом случае ты знаешь, как надо себя вести. Гриша, скажи, что делать, если тебе хочется выстрелить в человека?

Молчат. Игра принимает серьезный оборот. Фролов поднимается, подходит к Букину.

Вот что интересно. Ведь до этой самой минуты ты себе ничего такого даже и представить не мог.

ФРОЛОВ. Дай сюда.

БУКИН (*отступил*). Не подходи, Гриша. Я знаю, это самая глупая из моих шуток. Но ты не подходи. Скажи лучше, что делать.

ФРОЛОВ. Отдай ружье, клоун.

БУКИН. Я клоун. Рядом с таким серьезным человеком, как ты, я — шут. Но шуты — люди темные... Тебе никогда не приходило это в голову?

ФРОЛОВ (*садится*). Поиграй, поиграй. Чем бы дитя ни тешилось...

БУКИН. Ты не поверишь, Гриша, а на меня иногда такая находит серьезность... Я дикий человек, и мысли у меня дикие. И вот я думаю, что бы со мной было, если бы не ты? Ведь только ты, благоразумный человек, знаешь, как надо жить. А я, человек неблагоразумный, живу не так, как я хочу. Я живу так, как ты этого хочешь. И вот иногда, Гриша, мне тяжело на тебя смотреть...

ФРОЛОВ. Что ты плетешь?

БУКИН. И хочется сделать по-своему.

ФРОЛОВ. Поставь ружье.

БУКИН. И сегодня мы сделаем по-моему. Сегодня мы поступим благоразумно.

ФРОЛОВ. Поставь ружье, если хочешь со мной разговаривать.

БУКИН. Мы будем стреляться. Как бы глупо тебе это ни показалось.

ФРОЛОВ. Ах, дуэль. Во-от что... Иди-ка поспи. Дуэлянт!

БУКИН. Мужайся, Гриша. Сейчас мы пойдем за огород и бросим жребий.

ФРОЛОВ (*весело*). Это что же, на двоих один мушкет?

БУКИН. Ничего, по очереди. Там ты забудешь, что это глупо.

ФРОЛОВ. Ну а... секунданты? Кстати, сейчас они называются свидетелями.

БУКИН. Ты не отвертишься, даю тебе слово. Я даже струсить тебе не дам. (*Поднимает ружье.*)

ФРОЛОВ. Да ты что?.. Что ты, взбесился?

БУКИН. Пошли!

ФРОЛОВ. Подожди. Кого ты собираешься смешить?

БУКИН. Если ты будешь трусить, я прострелю тебе ногу.

ФРОЛОВ. Если ты собрался острить, надо собрать публику. В наше время не каждый день стреляются.

БУКИН. Пошли!

ФРОЛОВ. Слушай... Ты что — серьезно? А если мы друг друга покалечим? Подумай. Это же скандал, больница. И потом, ведь это позорное дело. Мы насмешим весь город...

БУКИН. Иди, я тебе говорю.

Идут по дорожке, которая ведет дальше, в сад.

ФРОЛОВ. Постой, Вася... Постой!

Останавливаются.

Слушай, давай подеремся, что ли. В конце концов набьем друг другу морды! Зачем же крайности!

БУКИН. Не хнычь. Может быть, тебе повезет.

ФРОЛОВ (*вдруг*). Ну идем!

Уходят. Появляется Колесов. Осматривается. Садится на скамейку. Раздается автомобильный гудок. Входит Золотуев. На нем соломенная шляпа, белая с вышивкой рубаха. Бодр. Держится уверенно.

КОЛЕСОВ. Ну что, дядя, как коммерция?

ЗОЛОТУЕВ. Я не коммерсант, я цветовод-любитель. Прошу не путать. Я, если хочешь знать, землю украшаю. Обо мне даже в газете писали.

КОЛЕСОВ. Это вы будете говорить, когда вас придут раскулачивать.

ЗОЛОТУЕВ (*усаживается на скамейку*). Как придут, так и уйдут. Законы я знаю, не волнуйся. Я, брат, образован.

КОЛЕСОВ. Да?! И какое у вас образование?

ЗОЛОТУЕВ. Хорошее. Я его, образование, на Индигирке получил.

КОЛЕСОВ. Ну! Так это хорошее образование. Там ведь и до Калифорнийского университета рукой подать... За что вас туда, если не секрет?

ЗОЛОТУЕВ. За что, за что. Может, я сам не знаю. Сам до сих пор удивляюсь — за что.

КОЛЕСОВ. Зря удивляетесь. Удивительно, как вас оттуда выпустили.

ЗОЛОТУЕВ. Я тебя выгоню, имей в виду!

КОЛЕСОВ. Не говорите глупостей. Вам не обойтись без научного сотрудника... А быстро вы сегодня обернулись.

ЗОЛОТУЕВ. Спрос неплохой, но цены падают. Надо торопиться. (*Поднялся, идет по двору.*) Много нарезал? Всего две корзины? Да чем ты тут занимаешься?.. Кран тоже не починил. Да ты на сигареты и на те не заработал.

КОЛЕСОВ. Кстати, о сигаретах. Привезли? (*Протягивает руку.*)

ЗОЛОТУЕВ. Две корзины с самого утра! Учти, если и дальше так пойдет, я не заплачу тебе ни копейки! (*Бросил Колесову пачку сигарет.*)

КОЛЕСОВ. Пачка? И это все? (*Закуривает.*) Послушайте, дядя. Как вы со мной обращаетесь? Как разговариваете? И вообще, где вы находитесь? В Аргентине? На собственной плантации?.. Не забывайтесь. Или вы хотите, чтобы ваша лавочка закрылась на учет?

ЗОЛОТУЕВ. Не пугай меня. Мне бояться нечего. Золото я не краду, валютой не торгую. Налоги плачу аккуратно. Обо мне не беспокойся, ты о себе побеспокойся... Мне нужны цветы, а ты что делаешь? С травами какими-то стал возиться. Нашел место! На кой черт мне твои травы?

КОЛЕСОВ. Жевать. Травы вам жевать надо.

ЗОЛОТУЕВ. Тьфу! Я даже в блатном мире такого грубияна не встречал. Недаром тебя выгнали из института.

КОЛЕСОВ. И потом, мы с вами договорились: день я работаю на вас, день — на себя. Вы что, мне не доверяете?

ЗОЛОТУЕВ. Не доверяю. Но ты не обижайся. Я никому не доверяю. Я — единственный человек, на которого я еще могу положиться.

КОЛЕСОВ. Это неправильно, дядя. Так нельзя... (*Не сразу.*) А что, дядя, была у вас семья?

ЗОЛОТУЕВ. Был я женат, и не единожды. Детей не было.

КОЛЕСОВ. Еще один нескромный вопрос — куда вам столько денег? Сколько их у вас, а вы все гребете, все хапаете, да еще трясетесь над ними — смотреть на вас тошно.

ЗОЛОТУЕВ. Зачем деньги — ну не глупый ли вопрос?

КОЛЕСОВ. Ведь у вас уже все есть: дом, дача, машина. Чего же вам еще, дядя? Ведь вы же старый человек.

ЗОЛОТУЕВ. Старый, а что из того? Покрутись с мое, покувыркайся, тогда не будешь спрашивать, зачем людям деньги. Кому дом, кому свобода, кому жар-птицу приобрести, а другому, бывает, и ничего не надо, потому как он денежки так любит, за одно наличие... Всякое бывает. Знаю я, к примеру, случай один, старичка одного знаю, так ему, грешнику, чтобы совесть свою успокоить, человека купить надо... (*Неожиданно.*) Хочешь расскажу?

КОЛЕСОВ (*с неохотой*). Валяйте, дядя, рассказывайте...

ЗОЛОТУЕВ. Ну слушай... (*Сначала спокойно, потом все более увлекаясь, держит монолог о взятке.*) Лет пятнадцать назад работал тот грешник в нашем городе в мясном магазине. Работа у него была интересная, он за прилавком стоял. Людей он не обижал и себя, конечно, не забывал. Время шло. Заходил в тот магазин покупатель, наезжали комиссии, ревизия налетала, а грешник все стоял за прилавком. Бывало, конечно, что и качнется, с кем не случается, качнется, но не падает — дело он свое знал, на ногах держался крепко. Долго бы он там простоял, если бы не объявился к нему тот самый человек. Объявился, поздоровался. Ревизор как ревизор. Моложавый такой, веселый. Стали бабки подбивать, и вышел у нашего продавца излишек. Небольшая была сумма, так себе. Говорить не о чем. А ревизор к нему с претензией: как же так, дорогой товарищ? Выходит,

вы народ обманываете? Что теперь с этим излишком, как нам быть? Как, думает наш продавец, известно как. И чтобы с ним, с излишком, не возиться, говорит ревизору: возьмите, говорит, его себе, будьте таким любезным. Обыкновенное дело. А тот ему отвечает: мало, говорит, что вы народ обвешиваете, вы, говорит, еще и взятку предлагаете. Ну, говорит, это вам так не пройдет... Ну, думает наш продавец, значит, мало дал. Значит, добавить надо. Ну и добавил. А ревизор ему на это: негодяй, говорит. Вы что, купить меня хотите? Ну, грит, на себя пеняйте. И ушел. Да еще дверью хлопнул. Ну, думает наш продавец, шутки в сторону. Опять мало. Нашел он того ревизо́ра и дает ему с перепугу все, что у него было. Все карманы вывернул. Ну, грит, ешь!

Молчание.

КОЛЕСОВ. Ну?

ЗОЛОТУЕВ. Вот тебе и «ну»! (*Не сразу.*) Посадил он того продавца на десять лет за излишек и взятку по совокупности. Такие дела. Десять лет, сам понимаешь, прошли как в сказке... И вот выходит наш продавец на свободу. Садился — жена у него оставалась, интересная баба. На пятнадцать лет моложе его была. А вернулся — ни кола ни двора. Ни одной близкой души. Идет он по родному городу, в кулак свищет. А навстречу ему ревизор. И улыбается, как десять лет назад. С возвращением, грит, рад вас видеть. То-то рад, думает наш продавец, а уж я-то как рад тебя видеть, если бы только знал. (*Тут свой рассказ он начинает сопровождать изображением в лицах.*) Ну, говорит ему продавец, дело прошлое, а скажи-ка ты теперь мне, дорогой товарищ, откровенно: сколько тебе тогда дать надо было? Какую сумму? Усмехается. Э, грит, много, у вас таких денег не было и не будет. А все ж таки, спрашиваю, сколько? Что вы, что вы, отвечает, эта сумма просто немыслима. А все ж таки? Тысячи,

усмехается, много тысяч, никак не меньше двадцати. А если, спрашивает тут бывший продавец, добуду я эти деньги и вам их принесу, возьмете их сейчас? Странный, отвечает, вопрос. Зачем же, говорит, вам сейчас давать мне деньги, а тем более мне их у вас брать? А продавец ему свое. Я, говорит, вам эти двадцать тысяч предоставлю, а вы, грит, их у меня возьмите. А взамен, грит, мне ничего от вас не потребуется, кроме одного вашего слова. Как это? — спрашивает. Вот так, отвечает, я вам двадцать тысяч, а вы мне одно только слово, и даже без свидетелей... Какое же, спрашивает, слово? А такое, говорит, сволочь я, зря человека посадил. Вот, грит, какое слово. И я, грит, не я, если от тебя этого слова не услышу. Да, говорит ему ревизор, странный вы человек и шутки у вас странные. Прощайте, говорит. А продавец ему вслед: нет, до свидания, обязательно увидимся. На том и разошлись.

Молчание.

КОЛЕСОВ. И все? Вся история?

ЗОЛОТУЕВ. Нет, не вся. Продавец нашел себе другое занятие, и снова завелась у него монета.

КОЛЕСОВ. Он что, в самом деле собирается к этому ревизору?

ЗОЛОТУЕВ. Еще как собирается.

КОЛЕСОВ. Думает, возьмет ревизор?

ЗОЛОТУЕВ. Конечно, возьмет.

КОЛЕСОВ. Вы уверены?

ЗОЛОТУЕВ. Двадцать тысяч! Кто же от них откажется? Кто? Я тебя спрашиваю! Кто откажется?

КОЛЕСОВ (*пожал плечами*). Честный человек.

ЗОЛОТУЕВ (*вдохновляется*). Где честный человек?.. Кто честный человек?.. Честный человек — это тот, кому мало дают. Дать надо столько, чтобы человек не мог отказаться, и тогда он обязательно возьмет! Возьмет! Ревизор возьмет! (*Забывается.*) Недолго ему осталось ждать! Еще полмесяца-месяц, и тогда хватит! Он все ему отдаст!

Дом, машину, дачу! По миру пойдет! (*Кричит.*) Но он возьмет у него! Возьмет! Я говорю тебе, возьмет!

КОЛЕСОВ (*поднялся*). Дядя, да вы кошмарный старик...

Молчание.

Дядя, спокойнее, что это вы так раздухарились? Что с вами?

ЗОЛОТУЕВ (*вдруг опомнился*). А?.. Верно, чего это я?

КОЛЕСОВ. Странно... Уж не вы ли тот самый продавец?

ЗОЛОТУЕВ. Что ты, что ты... Упаси бог, не я! Знакомый мой, товарищ мой! Срок вместе отбывали. Друг, можно сказать... За друга переживаю... Да еще нервишки. Какие они в моем возрасте?

Выстрел.

(*Вздрогнул.*) Что это?

КОЛЕСОВ. Понятия не имею. Да... Ну а как ваша жаба?

ЗОЛОТУЕВ. Жаба как жаба... Давит.

КОЛЕСОВ. Ну, дай ей бог здоровья.

ЗОЛОТУЕВ. Тьфу!.. Спасибо, сынок, и откуда только ты такой взялся!

Из сада появляется Фролов, за ним Букин.
В руках у Фролова ружье, у Букина — убитая сорока.

(*Колесову.*) Что за люди?

КОЛЕСОВ. Друзья.

ЗОЛОТУЕВ. Друзей нет, есть соучастники. Вы стреляли?

БУКИН. Ну мы.

ЗОЛОТУЕВ (*смотрит на Фролова подозрительно*). А что это вы вроде как не в себе.

БУКИН. Пролили кровь, раскаиваемся.

КОЛЕСОВ. Что за зверь?

БУКИН. Сорока.

ЗОЛОТУЕВ. За что вы ее, бедняжку?

БУКИН. Хлопнули свидетельницу.

ФРОЛОВ. Кого-нибудь надо было убить.

ЗОЛОТУЕВ. Открыли пальбу. Кто вам разрешил? Идите в лес, там и стреляйте.

ФРОЛОВ. Спасибо. На сегодня хватит. Мы неплохо провели время. Он хотел меня убить, но, к счастью, раздумал.

БУКИН. С чего это я взял, что я могу выстрелить?.. Я пережил в два раза больше. За тебя и за себя. А ты, Гриша, ты только за себя.

ФРОЛОВ. Псих. Чтобы я когда-нибудь с тобой связался! (*Идет со двора, но сначала не в ту сторону.*)

БУКИН. Как бы он с перепугу не угадал под трамвай. (*Отдает Колесову ружье.*) Держи! Трудная у тебя работа. В субботу увидимся.

Фролов и Букин уходят.

ЗОЛОТУЕВ. Ну и друзья! Головорезы.

КОЛЕСОВ (*поднял сороку*). Допрыгалась, дура. (*Унес ее под навес.*)

ЗОЛОТУЕВ (*кого-то увидел*). Последнее время здесь шатается много незнакомых людей...

КОЛЕСОВ. Кого вы там еще увидели? (*Смотрит на калитку.*)

ЗОЛОТУЕВ. А незнакомых людей я не люблю.

КОЛЕСОВ. Ого!

ЗОЛОТУЕВ. Кто такой?

КОЛЕСОВ. Это ко мне. По личному вопросу... Дядя, вы свободны.

ЗОЛОТУЕВ. Имей в виду, мне это не нравится... Не забывай, ты кран хотел починить. (*Уходит в дом.*)

Появляется Репников.

РЕПНИКОВ. Позволите?

КОЛЕСОВ. Проходите, Владимир Алексеевич. Проходите.

РЕПНИКОВ (*проходит*). Здравствуйте.

КОЛЕСОВ. Добрый вечер.

РЕПНИКОВ. Удивляетесь, как я вас нашел?

КОЛЕСОВ. Удивляюсь.

РЕПНИКОВ. Найти вас не трудно. В университете вы сделались знаменитостью.

КОЛЕСОВ. На это я не рассчитывал.

Репников садится на скамейку. Маленькая пауза.

РЕПНИКОВ. Хочу вас спросить. Можно?
КОЛЕСОВ. Пожалуйста, прошу вас.
РЕПНИКОВ. Чем вы сейчас занимаетесь?
КОЛЕСОВ. Как видите, стерегу дачу.
РЕПНИКОВ. Работаете сторожем?.. Зачем?.. В знак протеста? В насмешку? Потехи ради?
КОЛЕСОВ. Я устроился сюда не по идейным соображениям. Это место меня устраивает. Днем я занимаюсь делом, а ночью спокойно сплю. Воруют-то днем... Кроме того, Владимир Алексеевич, кто не работает — тот не ест.
РЕПНИКОВ. А наука? Собираетесь вы быть ученым?
КОЛЕСОВ. Буду, Владимир Алексеевич.
РЕПНИКОВ. Судя по вашему поведению — не скоро или никогда. По-моему, вы готовитесь в канатоходцы.
КОЛЕСОВ. Почему вы так думаете?
РЕПНИКОВ. А вы как думаете, может ученый ходить на голове?
КОЛЕСОВ. Не знаю. Пока я не ученый, а сторож, и метафоры вашей не улавливаю.
РЕПНИКОВ. А вы не горячитесь. На этот раз мы поговорим спокойно. Можно?
КОЛЕСОВ. Как вы хотите.
РЕПНИКОВ. Послушайте, Колесов, я признаю ваши способности. Но учтите, способных людей много. Гораздо больше, чем ученых. Не правда ли?
КОЛЕСОВ. Владимир Алексеевич, к чему этот разговор?

Помолчали.

РЕПНИКОВ. Прошлой ночью моей дочери не было дома. Вы не знаете, где она ночевала?
КОЛЕСОВ. У меня она не ночевала.
РЕПНИКОВ. Скажите откровенно, в каких вы с ней отношениях?
КОЛЕСОВ. Мы в хороших отношениях. Она мне нравится.
РЕПНИКОВ. И это все?
КОЛЕСОВ. Нет, Владимир Алексеевич, мне кажется, что и я ей нравлюсь.

РЕПНИКОВ. Так вот... Вы оставите ее в покое.
КОЛЕСОВ. А почему?
РЕПНИКОВ. А вы не знаете — почему?
КОЛЕСОВ. Не знаю.
РЕПНИКОВ. Перестаньте, вы все прекрасно понимаете. Я недооценил вас. С такими, как вы, лучше сразу соглашаться... Послушайте! Не встречайтесь с ней, оставьте ее в покое! Она вам нравится, могу это допустить, но ведь вам нравятся все хорошенькие девушки, разве нет? Так почему же именно моя дочь? Вчера она ушла из дому, надо полагать, она здесь появится. Прошу вас... гоните ее от себя, исчезните, придумайте что-нибудь...
КОЛЕСОВ. Владимир Алексеевич, скажите... А не кажется вам несколько странным...
РЕПНИКОВ. Что, Колесов?
КОЛЕСОВ. Да все. Все, для чего вы сюда явились? Не странно ли все это?
РЕПНИКОВ. Нисколько. Я пришел сюда, чтобы избавить от вас свою единственную дочь.
КОЛЕСОВ. А вы уверены, что она этого захочет?.. Интересно бы узнать и ее мнение.
РЕПНИКОВ. Вы старше ее, Колесов: ей девятнадцать лет. В ком же из вас искать мне здравый смысл, подумайте сами! (*Другим тоном.*) Я слышал, деканат еще раз собирается за вас ходатайствовать. Я возражать не буду... Получите диплом и уедете. По назначению... В Каменку на селекционную станцию, если угодно... Как раз то, что вам надо.

Небольшая пауза.

Что?.. Может быть, вы этого не хотите?

Молчание.

КОЛЕСОВ (*не сразу*). Нет. Об этом я не думал.

Молчание.

(*Медленно.*) Но теперь я должен об этом подумать.

РЕПНИКОВ. Меня привело к вам благоразумие. Будьте и вы благоразумны.

Молчание. Появляется Золотуев.

Так вот... Я буду ждать вашего звонка... До свидания. (*Уходит.*)

Золотуев проходит мимо Колесова, возвращается.

ЗОЛОТУЕВ. Кто это?

Молчание.

Профессор! Кто у тебя был?.. Сидишь, бездельничаешь... Чем рассиживать, прополол бы лучше пару грядок.

КОЛЕСОВ. Плевать я хотел на ваши грядки.

ЗОЛОТУЕВ (*удивился*). Ты что, не хочешь у меня работать?

КОЛЕСОВ. А вы думали, ваши клумбы — предел моих мечтаний. Вы рехнулись, дядя.

ЗОЛОТУЕВ (*встревоженно*). Собираешься уходить?.. Ты что, обиделся?.. Слушай, я на тебя не жалуюсь. Живи. Грубиян ты, конечно, порядочный, но и работник тоже, и в цветах понимаешь. Если откровенно — ты большой специалист.

КОЛЕСОВ (*усмехнулся*). Признали? Оценили, паук вы этакий.

ЗОЛОТУЕВ. Куда же ты собрался?.. Что, выгодное предложение?.. Ладно! Возись ты со своей травой, черт с ней! Слышь, я прибавлю тебе стипендию... Семьдесят. Хочешь?

КОЛЕСОВ (*рассеянно*). Помолчите, дядя.

ЗОЛОТУЕВ. Семьдесят нынче инженеры получают. А, профессор?

КОЛЕСОВ. Помолчите, я вам сказал.

ЗОЛОТУЕВ (*предупредительно*). Размышляй, я тебе не мешаю. Но не делай глупостей. Не дури, работай у меня. (*Уходит, оглядываясь.*)

Колесов сидит на скамейке. Звучит музыка: мелодия песенки «Это ландыши все виноваты». Освещение меркнет и перемещается, в саду — темные длинные тени. Девятый час вечера. Появляется Таня.

ТАНЯ. Я опоздала... (*Подходит к Колесову.*) На пять минут... Прощается?

Молчание.

(*Чувствует неладное.*) Что с тобой?

Молчание.

Что-нибудь случилось?

КОЛЕСОВ. Скандал на Панаме, на Занзибаре — революция. Я все еще работаю ночным сторожем...

ТАНЯ. У тебя испортилось настроение?.. Почему? Скажи.

КОЛЕСОВ. Да... Я все скажу.

ТАНЯ. Подожди, я тебя перебью...

КОЛЕСОВ (*вскочил, ему под ноги попала лейка, он швырнул ее в сторону*). Не надо меня перебивать!

ТАНЯ. Что с тобой?!

КОЛЕСОВ. Прости... И послушай. Ты ушла, а я здесь думал, и вот какое дело: нам надо остановиться... Я не Ромео. Мне только показалось, что я Ромео. Какой я к черту Ромео!.. В общем так: отбросим иллюзии, у нас с тобой ничего не выйдет... Все! Я не Ромео. У меня на это нет времени... Мне некогда, понимаешь?

ТАНЯ. Зачем ты мне это говоришь?

КОЛЕСОВ. Зачем говорю?.. Короче: нам надо остановиться. Вернее, нам не следует начинать. Днем я вел себя несколько... развязно, так это... Это у меня привычка такая. Прошу прощения.

ТАНЯ. Нет... Ты меня разыгрываешь...

Молчание.

КОЛЕСОВ. Все. А если ты отнеслась ко всему этому серьезно — наплюй, переживи... Вот и все, что я тебе хотел сказать.

ТАНЯ. Все?

КОЛЕСОВ. Все. И на этом поставим точку. Встречаться больше не будем.

Молчание.

ТАНЯ. Мне уходить?
КОЛЕСОВ. А ты как считаешь?
ТАНЯ. Все, что ты говорил мне, это вранье. Лучше бы ты сразу сказал, что я тебе не нравлюсь.
КОЛЕСОВ. Вот-вот. Ты мне не нравишься.

Молчание. Таня уходит. Колесов смотрит вслед. Потом бредет по двору. В третий раз натыкается на лейку, хватает ее, размахивается, но опускает руку — жест скорее смешной, чем многозначительный. С лейкой в руке стоит посреди двора.

Университет

Выпускной вечер в университете. Терраса, за ней окна зала, закрытые шторами. На террасе несколько столиков. Входа три: два из зала и один с улицы. Из зала доносится смех. Шум, музыка.
За одним из столиков сидит Колесов. Перед ним бутылка вина, несколько стаканов.
Из зала выходят Букин и Гомыра. Останавливаются у двери, не замечая Колесова. Букин рассеянно насвистывает или без слов напевает песенку: «Это ландыши...»

ГОМЫРА. Вася, ты извини меня за нахальство, но я хочу тебя спросить...

Букин продолжает насвистывать.

Вася, я про женщину. После свадьбы ты про нее ни слова, я так понял, что ее не существует в природе. А сегодня, Вася... Ты извини меня за наглость, но мне показалось...
БУКИН (*негромко*). Послушай... Убей меня, если хочешь, но я без нее жить не могу.
ГОМЫРА (*не сразу, с искренним удивлением*). Извини, Вася, если ты поставил вопрос так резко, значит... извини...

Заметили Колесова, подошли к нему.

БУКИН. А ты что один?
КОЛЕСОВ. Так, наслаждаюсь природой.

Молчание. Из зала доносится музыка.

ГОМЫРА. Парни... Вася, Николай...
БУКИН. Что такое?
ГОМЫРА. Ребята...
КОЛЕСОВ. Что, уже наклюкался? Успел?
ГОМЫРА. Да нет, парни, не то. Мысль в голову ударила: быстро время летит... (*Другим тоном.*) Магазины-то закрываются.
БУКИН. Выпьем?
ГОМЫРА. Не хочу.
БУКИН. Что такое?
ГОМЫРА. Не поверите, не принимал сегодня ни грамма и сейчас не хочу. А что, ребята, может, я желаю воспоминания сохранить об этом вечере?

Голос Золотуева: «Профессор!» Появляется Золотуев. Одет торжественно, но вид у него растерзанный. В руках — портфель.

ЗОЛОТУЕВ. Племянник...
КОЛЕСОВ. Дядя?
БУКИН. Коля, айда с нами, отдашь дань геологам.
КОЛЕСОВ. Сейчас приду. Дядя, вы откуда?
ЗОЛОТУЕВ. Едва тебя нашел... Беда у меня, профессор. Не взял.
КОЛЕСОВ. Что такое? Что там с вами стряслось?
ЗОЛОТУЕВ. Не взял, говорю! Выгнал. Сегодня было.
КОЛЕСОВ. Кто не взял? Чего не взял? Что вы плетете?
ЗОЛОТУЕВ. Он не взял! Ревизор.
КОЛЕСОВ. Ах, да. Ревизор?.. Вон оно что... Не взял?
ЗОЛОТУЕВ. Не удостоил... Эх, племянник, жизнь разбита... Ты-то как? Чем занимаешься?
КОЛЕСОВ. Я? Да вот... веселюсь. Сдал экзамены, прощаюсь с университетом.
ЗОЛОТУЕВ. Получил, значит, образование?.. Как это ты? Сколько дал?
КОЛЕСОВ (*не сразу, негромко*). Много дал... (*Золотуеву.*) Много, дядя, вам столько и не снилось... Прощайте, дядя. Идите себе.

Золотуев уходит.
Появляются Фролов и Маша.

МАША (*о Колесове*). Вон он где скрывается. (*Подходит.*) Что с ним делается, я не понимаю, все у него уладилось, все устроилось, все хорошо. (*Колесову.*) Ну-ка, отвечай, чем ты недоволен?

Колесов не отвечает.

МАША. Послушай, я вот все хочу тебя спросить, где эта девочка Таня? Почему ее не видно?

КОЛЕСОВ. А почему я должен знать, где она?.. Понятия не имею.

Небольшая пауза. Слышна музыка.

ФРОЛОВ. Хороший вечер.

МАША. Да... Тишина и прохлада. Хочется сказать какую-нибудь глупость.

ФРОЛОВ. В чем же дело?

МАША. Не умею. Чувствую, а сказать не умею.

ФРОЛОВ (*Колесову*). Когда ты уезжаешь?

КОЛЕСОВ. Точно не знаю, чем скорее, тем лучше.

МАША. А я на днях. Я же домой еду.

КОЛЕСОВ. Знаю.

МАША. Вон и Гриша туда собирается, в наши места. Коля, может, мне выйти за него, и точка?

ФРОЛОВ. Ты очень любезна.

МАША. А что? Серьезный, надежный, все понимает, любит. (*Фролову.*) Любишь ты меня или нет?

ФРОЛОВ. Если в таком тоне, то нет.

КОЛЕСОВ. Опять ты замуж собираешься? Это не к добру... Пойти к геологам, авось рассмешат...

МАША. Еще как рассмешат.

Колесов уходит в зал.

ФРОЛОВ. Маша, да или нет? Я пять лет жду ответа.

МАША. Я тебе уже говорила много раз.

ФРОЛОВ. Но теперь ты можешь сказать «да».

МАША. Могу, Гриша. Но это будет такое «да», что... Уж не лучше ли «нет»?

Фролов и Маша возвращаются в зал.
Из зала выходят Репников и Репникова.

РЕПНИКОВ. Веселиться они еще не разучились, не правда ли?

РЕПНИКОВА. Не знаю. Я никогда не была студенткой... Скажи мне, сколько слов сказала нам наша дочь за последнюю неделю? Ты сосчитал? Это легко сделать. Все кончится тем, что она от нас сбежит.

РЕПНИКОВ. Не понимаю, когда она успела так в него влюбиться?

РЕПНИКОВА. Вместо того чтобы задавать такие глупые вопросы, думал бы, как ей помочь.

РЕПНИКОВ. Каким образом? Насильно ведь мил не будешь. С этим тоже надо считаться.

РЕПНИКОВА. Я слышала, его собираются оставить в аспирантуре. Все за, один ты против.

РЕПНИКОВ. Ну уж нет! Хватит и того, что он закончил университет.

РЕПНИКОВА. Но, признайся, аспирантуры он заслуживает. Все говорят, что заслуживает.

РЕПНИКОВ. Послушай, эту историю знает весь город, и считается, что инцидент исчерпан. А мы — на́ тебе — начнем все сначала. Подумай, какой тут может быть резонанс? Подумай обо мне. Немного.

РЕПНИКОВА. Не понимаю, что предосудительного в том, что ты оставишь в аспирантуре хорошего парня?

РЕПНИКОВ. Да ведь ты его не знаешь как следует. А если он совсем не тот, за кого он себя выдает?.. И кроме того, это место уже обещано другому...

РЕПНИКОВА. Сделаешь, как я тебя прошу... Идем отсюда. Я озябла.

Возвращаются в зал.
Появляются Веселый, Красавица, Комсорг, Серьезный, Строгая, Фролов и Маша... В руках у Веселого бутылка.

ВЕСЕЛЫЙ. Сюда, ребятишки, на свежий воздух.

Все проходят к столу.

Итак, друзья мои, разрешите провозгласить тост. *(Наливает вино в стаканы.)*

КРАСАВИЦА. Без тостов нельзя? Тосты, тосты, просто так и выпить уже нельзя.

ВЕСЕЛЫЙ. Почему нельзя? Можно. Выпьем просто так, за лыжный спорт в Африке. (*Гогочет.*)

Входит Букин, за ним Гомыра.

БУКИН. Чего это вам так весело? Чему вы так шумно радуетесь? Уж не тому ли, что вы больше не студенты? (*Наливает вино себе и Гомыре.*) Бедняги. Вас ждут железные объятия самостоятельной жизни. Веселитесь, но не забывайте, что вы на похоронах...

СЕРЬЕЗНЫЙ. Что ж, неплохо сказано.

МАША. Ну, конечно... Без скоморохов сегодня не обойтись.

БУКИН. Последний раз в сезоне. Так сказать, спешите видеть... Кстати, Маша. Мы вот-вот разъезжаемся... А ведь мы с тобой зарегистрировались. Вот что значит легкомыслие. Не обдумали как следует, не взвесили, раз-два, наставили штампов. А теперь — развод. Это же такая морока.

МАША. Никакой мороки. Надо подать заявление в загс — всего-то.

БУКИН. Всего-навсего?.. Скажите, какой прогресс. Надеюсь, ты подашь заявление?

МАША. Да, я собиралась зайти, да все как-то времени не хватало. Не волнуйся, завтра я это обязательно сделаю.

БУКИН. Я знал, что ты не будешь упорствовать.

ГОМЫРА. Маша, мне надо с тобой поговорить.

МАША. Тебе?.. Со мной?

ГОМЫРА. Конфиденциально. Я абсолютно трезвый, прошу заметить.

КРАСАВИЦА И ВЕСЕЛЫЙ (*произносят разом*). Что?!

Смех.

ГОМЫРА. Я трезв как стеклышко. Прошу вас. (*Подает Маше руку.*)

МАША. Ну если так... (*Подает Гомыре руку, и они картинно удаляются.*)

КРАСАВИЦА. Вот так Гомыра.

ВЕСЕЛЫЙ. Оригинально.

БУКИН. Ну вот... еще один скандал. Прощальный. Весь вечер на манеже Вася Букин, комик-пародист... (*Фролову.*) Гриша, ты знаешь, о чем я сейчас жалею?.. Мне жалко почему-то ту самую сороку. Зачем мы ее убили? За что?.. При чем здесь сорока?

ФРОЛОВ (*отшатнувшись*). Не знаю... И вообще, эта ваша неврастения... Прошу меня от нее уволить.

БУКИН. Никто ничего не знает...

Из зала слышна музыка. Красавица и Веселый уходят в зал.

Пойду, пожалуй, в буфет.

Из другой двери из зала появляются Маша и Гомыра. Гомыра подводит к Букину Машу и проходит мимо.

Маша... Перед отъездом всегда хочется помириться. Так принято. У неврастеников.

МАША. Уйди.

БУКИН. Ну и жизнь... Никто ничего не понимает. Палеолит... Маша, я пересмотрел всю свою философию...

МАША. Молчи, идиот.

БУКИН (*просиял*). Ну вот!.. А при чем же здесь слезы?

МАША (*вытерла слезы*). Отстань. Это у меня алкогольное... Когда уезжаешь?

БУКИН. Третьего июля.

МАША. Меня возьмешь?

БУКИН. Там вечная мерзлота, предупреждаю.

Никого не замечая, Маша и Букин, обнявшись, уходят. Появляются Фролов и Колесов.

ФРОЛОВ. Все! С меня, кажется, хватит. (*Колесову.*) Коля, я хотел сказать, мне предложили аспирантуру. Это на твое место, и я должен тебе это сказать...

КОЛЕСОВ. Какой разговор? На здоровье, Гриша... Мне все равно.

ФРОЛОВ. Правда?.. Я молчал, потому что собирался уезжать. Но теперь — кончено. Я остаюсь в аспирантуре. (*Уходит.*)

С улицы входит Таня. Подходит к Колесову, сидящему за столом.

КОЛЕСОВ (*холодно*). Зачем ты пришла?

ТАНЯ. Поздравить тебя с окончанием... Поздравляю.

КОЛЕСОВ (*мрачно*). Спасибо.

ТАНЯ. Извини, если не вовремя...

КОЛЕСОВ. Да нет, в самый раз... Самое время меня поздравить...

ТАНЯ (*не сразу*). Ты уезжаешь?

КОЛЕСОВ. Да.

ТАНЯ (*не сразу*). Я бы не пришла. Но я узнала, что ты уезжаешь...

КОЛЕСОВ. Папа тебе сказал?

ТАНЯ. Да.

Небольшая пауза.

КОЛЕСОВ. Ну, как поживаешь?

ТАНЯ. Если бы тебя это интересовало, ты мог бы позвонить.

КОЛЕСОВ. Один раз звонил.

ТАНЯ (*радостно*). Ты мне звонил?

КОЛЕСОВ. Разговаривал с папой.

Пауза.

ТАНЯ. Твоя трава... подросла она? Помнишь, ты меня приглашал... Босиком по лугу.

КОЛЕСОВ. Луга еще нет... Но босиком уже можно.

ТАНЯ. А я даже сон такой видела: мы с тобой бежим по лугу.

КОЛЕСОВ. Бежим?.. В одну сторону, ты не заметила?

ТАНЯ. В одну. Конечно, в одну.

КОЛЕСОВ. Приятный сон... идиллический. (*Вдруг.*) Но зачем ты пришла — не понимаю. Я тебе все сказал, мы поставили точку, чего еще?

ТАНЯ (*с волнением*). Ты уедешь... Но мне кажется, что мы с тобой еще встретимся. Пусть не скоро, пусть через год, через два... И ты не запретишь мне об этом думать!.. И когда мы встретимся, тогда... Скажи мне сейчас: может быть. Больше мне ничего не надо. Скажи мне: может быть.

КОЛЕСОВ (*взял ее за плечи*). Ты бредишь... Через месяц эта сказка вылетит у тебя из головы.

ТАНЯ. Никогда!.. Как мне тебе это доказать?

КОЛЕСОВ (*забылся*). Ты полоумная... (*Привлек ее к себе. Потом спохватился.*) Ты сама не знаешь, что ты говоришь... Знаешь, не мешало бы тебе быть благоразумнее.

ТАНЯ. Благоразумнее?

КОЛЕСОВ. Именно. Именно благоразумнее.

ТАНЯ. Что это? Что это ты себе выдумал? Какое такое благоразумие?

КОЛЕСОВ. Послушай. Знаешь, ты к кому пришла?

ТАНЯ (*улыбается*). Знаю. К проходимцу.

КОЛЕСОВ. Хуже, в том-то и дело.

ТАНЯ. Ты не рад, что я пришла... Всегда я... всегда сама... Я нахалка, правда?

КОЛЕСОВ. Нет, ты молодец. Ты пришла вовремя... А прощать? Умеешь ты прощать?

Из зала выходит Репников.

ТАНЯ (*негромко*). Явился... Давно его не видели.

РЕПНИКОВ (*Тане*). И давно ты здесь?

ТАНЯ. Недавно. Пришла поздравить некоторых знакомых.

РЕПНИКОВ. Ну-ну. Есть с чем поздравить.

КОЛЕСОВ. Вот и я говорю, самое время нас с вами поздравить.

РЕПНИКОВ (*отводит Колесова в сторону*). Почему, черт возьми, вы устроили свидание?

КОЛЕСОВ. А потому, черт возьми, что мы давно не виделись. Целых три недели.

РЕПНИКОВ. Но... Разве у нас с вами речь шла о трех неделях?

КОЛЕСОВ. Мы соскучились, понятно вам это? Мы, может, вообще друг без друга не можем. По-моему, это дороже стоит. Вам не кажется?

РЕПНИКОВ. Не шутите, Колесов, теперь вам это не идет...

КОЛЕСОВ. Почему вы так думаете? Разве я изменился?

РЕПНИКОВ. Вы как думаете? Кто однажды крепко ос-

тупился, тот всю жизнь прихрамывает.

КОЛЕСОВ. В таком случае вы мало дали. Вы дали мне диплом и требуете, чтобы мы не встречались всю жизнь... Так вот... (*Вынимает диплом из кармана.*) Возьмите его обратно. (*Бросает диплом на стол.*)

ТАНЯ. Что? Что это значит?

КОЛЕСОВ. В тот день, когда ты приходила на дачу...

РЕПНИКОВ (*кричит*). Таня! Оставь нас вдвоем.

ТАНЯ. Нет, я не уйду отсюда.

РЕПНИКОВ. Ты уйдешь. (*Колесову.*) Могу я поговорить с вами с глазу на глаз?

Колесов и Таня переглядываются. Таня уходит.

КОЛЕСОВ. Что ж, давайте поговорим. Я вас слушаю.

РЕПНИКОВ. Вот вы меня ненавидите. А почему, собственно? Давайте разберемся... Когда я рвался в науку с таким же нетерпением, со мной случилось нечто похожее.

КОЛЕСОВ. С какой стати вы мне исповедуетесь?

РЕПНИКОВ. А разве нам с вами нельзя немного пооткровенничать? Согласитесь, у нас с вами есть нечто общее... Присаживайтесь... И подумайте, имеете ли вы право меня ненавидеть... Откровенно говоря, со мной вам просто повезло.

КОЛЕСОВ. Да-а. С вами не пропадешь.

РЕПНИКОВ. Пожалуй... Деканат предлагает оставить вас в аспирантуре.

КОЛЕСОВ. Так...

РЕПНИКОВ. И знаете, что... я не возражаю.

КОЛЕСОВ. Ага... Решили, стало быть, добавить? И на каких условиях?

РЕПНИКОВ. Татьяну забудьте, держите язык за зубами. Впрочем, вы сами понимаете. Мы будем молчать. И я и вы — оба, как миленькие. И заберите документ, он ваш... Все. Танцуйте, веселитесь. Увидимся. К сожалению. (*Уходит.*)

Входит Таня.

ТАНЯ. Не дрались?

КОЛЕСОВ. Поговорили.

ТАНЯ. И что?

КОЛЕСОВ. Меня хотят оставить в аспирантуре. Твой отец не возражает.

ТАНЯ. Ты в самом деле, ты остаешься... Правда? (*Не сразу.*) Что с тобой?.. Ты не рад?.. Ну что еще случилось?

КОЛЕСОВ. Сядем.

Садятся.

ТАНЯ. Все идет к лучшему. На Панаме порядок, на Занзибаре давно республика...

КОЛЕСОВ. Я должен рассказать тебе, как я закончил университет. (*Молчание.*) В тот вечер, когда ты приходила ко мне на дачу, там был твой отец... Я должен был выбрать. Одно из двух.

ТАНЯ. Не понимаю.

КОЛЕСОВ. Именно так: одно из двух. Ты или университет.

Молчание.

ТАНЯ. Я или университет?.. Чепуха какая...

КОЛЕСОВ. Так и было.

ТАНЯ (*помолчав*). Но ведь не хочешь же ты сказать, что... диплом ты выменял у моего отца на меня?

КОЛЕСОВ. Говорю как есть.

ТАНЯ. Чепуха... Скажи, что это чепуха... Прошу тебя, скажи, что это чепуха.

КОЛЕСОВ. Я не мог иначе.

Молчание.

Я выиграл время: ты должна это понять.

Молчание.

Может, ты хотела, чтобы я всю жизнь был сторожем?

Молчание.

Может, ты думаешь, что я сделал это ради собственного удовольствия?

ТАНЯ (*тихо*). Значит, с папой вы поладили... А

сейчас? О чем вы говорили с ним сейчас? Об аспирантуре?.. Значит, моя цена повышается... Жаль, что мой отец не академик... Ну ничего... И так неплохо, правда? (*Не сразу.*) А зачем ты сознался? Для чего? Или тебе это тоже пригодится?

КОЛЕСОВ. Перестань, выслушай меня!

ТАНЯ. Нет, я тебе не верю.

КОЛЕСОВ. Выслушай меня. Ты должна меня понять. Кто, если не ты?

ТАНЯ. Я все поняла. Ты сделал это не ради удовольствия, поняла. Ты не мог иначе, поняла... Ты выиграл время, теперь ты своего добьешься. Будет у тебя луг, будет все, как ты захочешь. На свете нет ничего такого, что могло бы тебе помешать... Все будет по-твоему... Без меня.

КОЛЕСОВ. Будет луг — кто побежит по нему босиком? Не могу же я один... Меня же примут за сумасшедшего. (*Берет ее за плечи.*) Оставайся...

ТАНЯ. Нет, я тебе не верю. Откуда я знаю, может, ты снова меня променяешь. В интересах дела. Я так не могу. Прощай... Прощай... (*Уходит.*)

КОЛЕСОВ. Таня! (*Идет вслед за ней.*)

На мгновение дорогу Колесову загораживает появившийся Золотуев.

Вы что? Что вам надо?

ЗОЛОТУЕВ. Куда ты теперь? Давай-ка ты ко мне... Я ведь один, ты знаешь. Один, как перст. Дом на тебя запишу, дачу, машину...

КОЛЕСОВ. Подождите, дядя... (*Уходит.*)

ЗОЛОТУЕВ. Племянник! (*Уходит за Колесовым.*)

Из зала врывается шумная компания: Красавица, Веселый, Серьезный, Строгая, Комсорг, Гомыра, Букин, Маша. Музыка из зала звучит громче.

ВЕСЕЛЫЙ. Сюда, ребята!.. Вроде бы все?

ВСЕ ХОРОМ. Горько! Горько!

СТРОГАЯ. Нет ректора.

ГОМЫРА. Ведут его, ведут... Горько!

Появляется Репников.

РЕПНИКОВ. В чем дело?
БУКИН. Владимир Алексеевич. Помните нашу свадьбу?
РЕПНИКОВ. Еще бы!
БУКИН (*всем*). Так вот. Свадьба продолжается. Как видите.

Шум. Веселый смех.

РЕПНИКОВ. Ах вот что! Значит, все благополучно? Я рад.
БУКИН. Представьте, мы выступаем в том же составе. Вот, все в сборе. Вас только и не хватало.
ВЕСЕЛЫЙ. А Колесов?
СЕРЬЕЗНЫЙ. Да, пока еще Колесова нет.

Смех.

РЕПНИКОВ (*смеется вместе со всеми*). Кстати о Колесове. Он остается в аспирантуре.

Шум. Одобрительные возгласы.

МАША. Где он, где? Надо его найти! Поздравить!
СЕРЬЕЗНЫЙ. Где Колесов?

Появляется Колесов.

КОЛЕСОВ. Я здесь.
СЕРЬЕЗНЫЙ. Поздравляю. Это справедливо. Тебя сохранили для науки.
КОМСОРГ Коля, наш бывший курс... Ты что, недоволен? Что с тобой? Что случилось?
БУКИН. Скажи что-нибудь, вырази!
КОЛЕСОВ. Мне нечего вам сказать. Но мне надо коечто сделать. (*Берет диплом, рвет его пополам. Бросает на стол.*)

Небольшая пауза.

МАША. Что ты наделал?
КОЛЕСОВ. Не волнуйтесь. Это мой диплом... Я за него заплатил. Вот и все... Прощайте.

И снова улица

Обстановка первой картины: старый дом, забор, тротуар, афишная тумба. Поздний летний вечер.
Колесов у афишной тумбы. Прошелся по тротуару, вернулся к тумбе, в задумчивости осматривает афиши.
Непонятно: то ли он ждет кого-то, то ли в этот вечер ему просто некуда пойти.
Снова прошелся и опять вернулся к афишной тумбе.
В старом доме вновь разучивают гаммы, которые теперь звучат много бойчее, чем ранней весной.
Появляется Таня. Проходит мимо.

КОЛЕСОВ (*останавливает ее*). Девушка, куда вы торопитесь?..

Молчание.

Домой?..

Молчание.

В парк?

Молчание.

На концерт?

ТАНЯ. Простите, у меня нет времени. (*Хотела уйти, он снова ее остановил.*) Мне некогда.

КОЛЕСОВ. Жаль... Я хотел пригласить вас...

ТАНЯ (*перебивает*). Пригласите кого-нибудь другого.

КОЛЕСОВ. Не могу. Приглашаю именно вас.

ТАНЯ. Меня один раз вы уже приглашали. Не помните?

КОЛЕСОВ. Помню... У меня приличная память.

Молчание.

Не пойдете?

ТАНЯ. Нет... Счастливо оставаться.

Стоят в трех шагах друг от друга.

Занавес

Старший сын

Комедия в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

БУСЫГИН
СИЛЬВА
САРАФАНОВ
ВАСЕНЬКА
КУДИМОВ
НИНА
МАКАРСКАЯ
ДВЕ ПОДРУГИ
СОСЕД

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Поздний весенний вечер. Двор в предместье. Ворота. Один из подъездов каменного дома. Рядом — небольшой деревянный домик, с крыльцом и окном во двор. Тополь и скамья. На улице слышны смех и голоса.

Появляются Бусыгин, Сильва и две девушки. Сильва ловко, как бы между прочим, наигрывает на гитаре. Бусыгин ведет под руку одну из девушек. Все четверо заметно мерзнут.

СИЛЬВА (*напевает*).

Ехали на тройке — не догонишь,
А вдали мелькало — не поймешь...

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Ну вот, мальчики, мы почти дома.

БУСЫГИН. Почти — не считается.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА (*Бусыгину*). Разрешите руку. (*Освобождает руку.*) Спасибо, что проводили. Здесь мы дойдем сами.

СИЛЬВА (*перестает играть*). Сами? Это как понять?.. Вы сюда (*показывает*), а мы, значит, обратно?..

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Значит, так.
СИЛЬВА (*Бусыгину*). Слушай, друг, как тебе это нравится?
БУСЫГИН (*первой девушке*). Вы нас бросаете на улице?
ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. А вы как думали?
СИЛЬВА. Думали?.. Да я был уверен, что мы едем к вам в гости.
ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. В гости? Ночью?
БУСЫГИН. А что особенного?
ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Значит, вы ошиблись. К нам ночью гости не ходят.
СИЛЬВА (*Бусыгину*). Что ты на это скажешь?
БУСЫГИН. Спокойной ночи.
ДЕВУШКИ (*вместе*). Приятного сна!
СИЛЬВА (*останавливает их*). Одумайтесь, девушки! Куда спешить? Вы же сейчас с тоски выть будете! Образумьтесь, пригласите в гости!
ВТОРАЯ ДЕВУШКА. В гости! Гляди-ка какой быстрый!.. Потанцевали, угостили вином и сразу — в гости! Не на тех напали!
СИЛЬВА. Скажи, какое коварство! (*Задерживает вторую девушку.*) Дай хоть поцелую на сон грядущий!

Вторая девушка вырывается, и обе быстро уходят.

Девушки, девушки, остановитесь!

Бусыгин и Сильва следуют за девушками.
Появляется Сарафанов с кларнетом в руках. Навстречу ему из подъезда выходит сосед, пожилой человек. Одет он тепло, вида болезненного. По манерам — служащий средней руки, заготовитель.

СОСЕД. Здравствуйте, Андрей Григорьевич.
САРАФАНОВ. Добрый вечер.
СОСЕД (*язвительно*). С работы?
САРАФАНОВ. Что?.. (*Поспешно.*) Да-да... С работы.
СОСЕД (*с насмешкой*). С работы?.. (*Укоризненно.*) Эх, Андрей Григорьевич, не нравится мне ваша новая профессия.
САРАФАНОВ (*поспешно*). Что это вы, сосед, куда собрались на ночь глядя?

СОСЕД. Как — куда? Никуда. Давление у меня скачет, на воздух вышел.

САРАФАНОВ. Да-да... Прогуляйтесь, прогуляйтесь... Это полезно, полезно... Доброй ночи. (*Хочет уйти.*)

СОСЕД. Подождите...

Сарафанов останавливается.

(*Указывает на кларнет.*) Кого проводили?

САРАФАНОВ. То есть?

СОСЕД. Кто помер, спрашиваю.

САРАФАНОВ (*испуганно*). Тсс!.. Тише!

Сосед прикрывает рот рукой, быстро кивает.

(*С упреком.*) Ну что же вы, ведь я же вас просил. Не дай бог, мои услышат...

СОСЕД. Ладно, ладно... (*Шепотом.*) Кого хоронили?

САРАФАНОВ (*шепотом*). Человека.

СОСЕД (*шепотом*). Молодого?.. Старого?

САРАФАНОВ. Средних лет...

Сосед долго и сокрушенно качает головой.

Извините меня, пойду домой. Продрог я что-то...

СОСЕД. Нет, Андрей Григорьевич, не нравится мне ваша новая профессия.

Расходятся. Один исчезает в подъезде, другой выходит на улицу.
С улицы появляется Васенька, останавливается в воротах. В его поведении много беспокойства и неуверенности, он чего-то ждет. На улице послышались шаги. Васенька бросается к подъезду — в воротах появляется Макарская. Васенька спокойно, изображая нечаянную встречу, идет к воротам.

ВАСЕНЬКА. О, кого я вижу!

МАКАРСКАЯ. А, это ты.

ВАСЕНЬКА. Привет!

МАКАРСКАЯ. Привет, кирюшечка, привет. Что ты здесь делаешь? (*Идет к деревянному домику.*)

ВАСЕНЬКА. Да так, решил немного прогуляться. Погуляем вместе?

МАКАРСКАЯ. Что ты, какое гулянье — холод собачий. (*Достает ключ.*)

ВАСЕНЬКА (*встав между нею и дверями, задерживает ее на крыльце*). Не пущу.
МАКАРСКАЯ (*равнодушно*). Ну вот. Начинается.
ВАСЕНЬКА. Ты мало бываешь на воздухе.
МАКАРСКАЯ. Васенька, иди домой.
ВАСЕНЬКА. Подожди... Давай поболтаем немного... Скажи мне что-нибудь.
МАКАРСКАЯ. Спокойной ночи.
ВАСЕНЬКА. Скажи, что завтра ты пойдешь со мной в кино.
МАКАРСКАЯ. Завтра увидим. А сейчас иди спать. А ну пусти!
ВАСЕНЬКА. Не пущу.
МАКАРСКАЯ. Я пожалуюсь твоему, ты достукаешься!
ВАСЕНЬКА. Почему ты кричишь?
МАКАРСКАЯ. Нет, это наказание какое-то!
ВАСЕНЬКА. Ну и кричи. Мне, может быть, даже нравится.
МАКАРСКАЯ. Что нравится?
ВАСЕНЬКА. Когда ты кричишь.
МАКАРСКАЯ. Васенька, ты меня любишь?
ВАСЕНЬКА. Я?!
МАКАРСКАЯ. Любишь. Что-то плохо ты меня любишь. Я тут в кофте стою, замерзла, устала, а ты?.. Ну пусти, пусти...
ВАСЕНЬКА (*сдается*). Ты замерзла?..
МАКАРСКАЯ (*открывая ключом дверь*). Ну вот... Умница. Раз любишь — надо слушаться. (*На пороге.*) И вообще: я хочу, чтобы ты меня больше не ждал, не следил за мной, не ходил по пятам. Потому что из этого ничего не выйдет... А сейчас иди спать. (*Входит в дом.*)
ВАСЕНЬКА (*приближается к двери, дверь закрывается*). Открой! Открой! (*Стучит.*) Открой на минутку! Мне надо тебе сказать. Слышишь? Открой!
МАКАРСКАЯ (*в окне*). Не ори! Весь город разбудишь!
ВАСЕНЬКА. Черт с ним, с городом!.. (*Садится на крыльцо.*) Пусть подымаются и слушают, какой я дурак!
МАКАРСКАЯ. Подумаешь, как интересно... Васенька, поговорим серьезно. Пойми ты, пожалуйста, у

нас с тобой ничего не может быть. Кроме скандала, конечно. Подумай, глупенький, я тебя старше на десять лет! Ведь у нас разные идеалы и все такое — неужели вам этого в школе не объясняли? Ты должен дружить с девочками. Теперь в школе, кажется, и любовь разрешается — вот и чудесно. Вот и люби кого полагается.

ВАСЕНЬКА. Не говори глупостей.

МАКАРСКАЯ. Ну хватит! Хороших слов ты, видно, не понимаешь. Ты мне надоел. Надоел, ясно тебе? Уходи, и чтоб я тебя здесь больше не видела!

ВАСЕНЬКА (*подходит к окну*). Хорошо... Больше ты меня не увидишь. (*Скорбно.*) Никогда не увидишь.

МАКАРСКАЯ. Совсем мальчик спятил!

ВАСЕНЬКА. Встретимся завтра! Один раз! На полчаса! На прощанье!.. Ну что тебе стоит!

МАКАРСКАЯ. Ну да! От тебя потом не отвяжешься. Я ведь вас прекрасно знаю.

ВАСЕНЬКА (*вдруг*). Дрянь! Дрянь!

МАКАРСКАЯ. Что?!. Что такое?!. Ну и порядки! Каждая шпана может тебя оскорбить!.. Нет, без мужа, видно, на этом свете не проживешь!.. Иди отсюда. Ну!

Молчание.

ВАСЕНЬКА. Прости... Прости, я не хотел.

МАКАРСКАЯ. Уходи! Баиньки! Щенок бесхвостый! (*Захлопывает окно.*)

Васенька бредет в свой подъезд. Появляются Бусыгин и Сильва.

СИЛЬВА. Как они нас, скажи?..

БУСЫГИН. Перекурим.

СИЛЬВА. А та, белобрысая, ничего...

БУСЫГИН. Маловата ростом.

СИЛЬВА. Слушай! Она же тебе нравилась.

БУСЫГИН. Уже не нравится.

СИЛЬВА (*смотрит на часы, свистнул*). Слушай, а сколько времени?

БУСЫГИН (*смотрит на часы*). Половина двенадцатого.
СИЛЬВА. Сколько?.. Сердечно поздравляю, мы опоздали на электричку.
БУСЫГИН. Серьезно?
СИЛЬВА. Все! Следующая в шесть утра.

Бусыгин свистнул.

(*Мерзнет.*) Брр... Джентльмены!.. Провожание устроили! Обормоты!
БУСЫГИН. Далеко до дома?
СИЛЬВА. Километров двадцать, не меньше!.. И все эти скромницы! Какого черта мы с ними связались!
БУСЫГИН. Что это за район, я здесь никогда не был.
СИЛЬВА. Ново-Мыльниково. Глушь!
БУСЫГИН. Знакомых нет?
СИЛЬВА. Никого! Ни родных, ни милиции.
БУСЫГИН. Ясно. А где прохожие?
СИЛЬВА. Деревня! Все уже спят. Они здесь ложатся еще засветло.
БУСЫГИН. Что же будем делать?
СИЛЬВА. Слушай, а как тебя зовут? Извини, там, в кафе, я толком не расслышал.
БУСЫГИН. Я тоже не расслышал.
СИЛЬВА. Давай по новой, что ли...

Трясут друг друга за руку.

БУСЫГИН. Бусыгин. Владимир.
СИЛЬВА. Севостьянов. Семен. В просторечии — Сильва.
БУСЫГИН. Почему Сильва?
СИЛЬВА. А черт его знает. Пацаны — прозвать прозвали, а объяснить не объяснили.
БУСЫГИН. Я тебя как-то видел. На главной улице.
СИЛЬВА. А как же! Я принимаю там с восьми до одиннадцати. Каждый вечер.
БУСЫГИН. Где-нибудь работаешь?
СИЛЬВА. Обязательно. Пока в торговле. Агентом.
БУСЫГИН. Что это за работа такая?
СИЛЬВА. Нормальная. Учет и контроль. А ты? Трудишься?

БУСЫГИН. Студент.
СИЛЬВА. Мы будем друзьями, ты увидишь!
БУСЫГИН. Подожди. Кто-то идет.
СИЛЬВА (*мерзнет*). А ведь прохладно, скажи!

Сосед возвращается с прогулки.

БУСЫГИН. Добрый вечер!
СОСЕД. Приветствую.
СИЛЬВА. Где здесь ночной клуб? А, милейший?..
БУСЫГИН (*Сильве*). Подожди. (*Соседу*.) Где автобус, скажите, пожалуйста.
СОСЕД. Автобус?.. Это на той стороне, за линией.
БУСЫГИН. Успеем мы на автобус?
СОСЕД. Можете. А вообще-то не успеете. (*Намеревается идти*.)
БУСЫГИН. Послушайте. Не скажете, где бы нам переночевать? Были в гостях, опоздали на электричку.
СОСЕД (*разглядывает их с опаской и подозрением*). Бывает.
СИЛЬВА. Нам бы только до утра прокантоваться, а там...
СОСЕД. Понятное дело.
СИЛЬВА. Где-нибудь за печкой. Скромненько, а?
СОСЕД. Нет-нет, мужики! Не могу, мужики, не могу!
БУСЫГИН. Почему, дядя?
СОСЕД. Я бы с большим удовольствием, но ведь я не один живу, сами понимаете, в обществе. Жена у меня, теща...
БУСЫГИН. Ясно.
СОСЕД. А лично я — с большим удовольствием.
БУСЫГИН. Эх, дядя, дядя...
СИЛЬВА. Валенок ты дырявый!

Сосед удаляется молча и боязливо.

Чертов ветер! Откуда он сорвался? Такой был день и — на тебе!
БУСЫГИН. Будет дождь.
СИЛЬВА. Его только не хватало!
БУСЫГИН. А может быть, снег.
СИЛЬВА. Эх! Сидел бы я лучше дома. Тепло по край-

ней мере. И весело тоже. У меня батя большой шутник. С ним не соскучишься. Нет-нет да и что-нибудь выдаст. Вчера, например. Мне, говорит, надоели твои безобразия. На работе, говорит, испытываю из-за тебя эти... неловкости. На, говорит, тебе последние двадцать рублей, иди в кабак, напейся, устрой дебош, но такой дебош, чтобы я тебя год-два не видел!.. Ничего, а?

БУСЫГИН. Да, почтенный родитель.

СИЛЬВА. А у тебя?

БУСЫГИН. Что — у меня?

СИЛЬВА. Ну с отцом. То же самое — разногласия?

БУСЫГИН. Никаких разногласий.

СИЛЬВА. Серьезно? Как это у тебя получается?

БУСЫГИН. Очень просто. У меня нет отца.

СИЛЬВА. А-а. Другое дело. А где ты проживаешь?

БУСЫГИН. В общаге. На Красного Восстания.

СИЛЬВА. А, мединститута?

БУСЫГИН. Его самого... Да, климат здесь неважный.

СИЛЬВА. Весна называется!.. Бррр... К тому же я целый месяц не высыпаюсь...

БУСЫГИН. Ну хорошо. Ты зайди в этот подъезд, постучись к кому-нибудь. А я попытаюсь в частном секторе. (*Направляется к дому Макарской.*)

Сильва уходит в подъезд.

(*Стучится к Макарской.*) Алле, хозяин! Алле! (*Повременил и стучится снова.*) Хозяин!

Окно открывается.

МАКАРСКАЯ (*из окна*). Кто это?..

БУСЫГИН. Добрый вечер, девушка. Послушайте, опоздал на электричку, замерзаю.

МАКАРСКАЯ. Я не пущу. Даже и не думай!

БУСЫГИН. Зачем же так категорически?

МАКАРСКАЯ. Я живу одна.

БУСЫГИН. Тем лучше.

МАКАРСКАЯ. Одна я, понятно?

БУСЫГИН. Прекрасно! Значит, у вас найдется место.

МАКАРСКАЯ. С ума сошел! Как же я могу тебя пустить, если я тебя не знаю!

БУСЫГИН. Велика беда! Пожалуйста! Бусыгин Владимир Петрович. Студент.

МАКАРСКАЯ. Ну и что из того?

БУСЫГИН. Ничего. Теперь вы меня знаете.

МАКАРСКАЯ. Ты думаешь, этого достаточно?

БУСЫГИН. А что еще? Ах да... Ну, не будем забегать вперед, но вы мне уже нравитесь.

МАКАРСКАЯ. Нахал.

БУСЫГИН. Зачем же так грубо?.. Скажите лучше, как вы себя там чувствуете, в вашем пустом...

МАКАРСКАЯ. Да?

БУСЫГИН. ...холодном...

МАКАРСКАЯ. Да?

БУСЫГИН. ...темном доме. Не страшно вам одной?

МАКАРСКАЯ. Нет, не страшно!

БУСЫГИН. А вдруг вы ночью заболеете. Ведь воды некому подать. Так нельзя, девушка.

МАКАРСКАЯ. Не беспокойся, не заболею! И давай не будем! Поговорим в другой раз.

БУСЫГИН. А когда? Завтра?.. Навестить вас завтра?

МАКАРСКАЯ. Попробуй.

БУСЫГИН. А я до завтра не доживу. Замерзну.

МАКАРСКАЯ. Ничего с тобой не сделается.

БУСЫГИН. И все же, девушка, мне кажется, вы нас спасете.

МАКАРСКАЯ. Вас? Разве ты не один?

БУСЫГИН. В том-то и дело. Со мной приятель.

МАКАРСКАЯ. Еще и приятель?.. Нахалы все невозможные! (*Захлопывает окно.*)

БУСЫГИН. Ну вот, поговорили. (*Идет по двору; выходит на улицу, осматривается.*)

Появляется Сильва.

Ну как?

СИЛЬВА. Пустые хлопоты. Звонил в три квартиры.

БУСЫГИН. Ну и что?

СИЛЬВА. Никто не открывает. Боятся.

БУСЫГИН. Темный лес... Христа ради у нас ничего не выйдет.

СИЛЬВА. Загнемся. Еще полчаса — и я околею. Я чувствую.

БУСЫГИН. А как в подъезде?

СИЛЬВА. Думаешь, тепло? Черта с два. Уже не топят. Главное, никто разговаривать не хочет. Спросят только, кто стучит, и все, больше ни слова... Мы загнемся.

БУСЫГИН. Мда... А кругом столько теплых квартир...

СИЛЬВА. Что квартир! А сколько выпивки, сколько закуски... Опять же, сколько одиноких женщин! Ррр! Это всегда выводит меня из себя. Идем! Будем стучаться в каждую квартиру.

БУСЫГИН. Подожди, а что ты собираешься им говорить?

СИЛЬВА. Что говорить?.. Опоздали на электричку...

БУСЫГИН. Не поверят.

СИЛЬВА. Скажем, что замерзаем.

БУСЫГИН. Ну и что? Кто ты такой, какое им до тебя дело? Сейчас не зима, до утра потерпишь.

СИЛЬВА. Будем говорить, что отстали от этого... от скорого поезда.

БУСЫГИН. Ерунда. Этим ты их не прошибешь. Надо выдумать что-то такое...

СИЛЬВА. Скажем, что за нами гонятся бандиты.

Бусыгин смеется.

Неужели не пустят?

БУСЫГИН. Плохо ты знаешь людей.

СИЛЬВА. А ты?

БУСЫГИН. А я знаю. Немного. Кроме того, иногда я посещаю лекции, изучаю физиологию, психоанализ и другие полезные вещи. И знаешь, что я понял?

СИЛЬВА. Ну?

БУСЫГИН. У людей толстая кожа, и пробить ее не так-то просто. Надо соврать как следует, только тогда тебе поверят и посочувствуют. Их надо напугать или разжалобить.

СИЛЬВА. Бррр... Ты прав. А для начала мы их разбудим. (*Двигается, чтобы согреться, потом поет и притоптывает.*)

Когда фонарики качаются ночные
И вам по улицам нельзя уже ходить...

БУСЫГИН. Перестань.

СИЛЬВА (*продолжает*).

Я из пивной иду,
Я никого не жду,
Я никого уже не в силах полюбить...

ГОЛОС СОСЕДА (*с верхнего этажа, он торжествует*). Эй, вы, артисты! А ну, проваливайте отсюда!

СИЛЬВА (*поднял голову*). Вам не нравится?

ГОЛОС СОСЕДА. Убирайтесь! У нас здесь своих хулиганов хватает!

СИЛЬВА. Заткнись, папаша!

ГОЛОС СОСЕДА. Негодяи!

Слышится стук захлопнувшегося окна.

СИЛЬВА. Слыхал?.. Тот самый дядя. Вишь, как преобразился.

БУСЫГИН. Да-а...

СИЛЬВА. Вот и верь после этого людям. (*Мерзнет.*) Ррр...

БУСЫГИН. Пошли в подъезд. Там хоть ветра нет.

Идут к подъезду. В это время в одном из окон вспыхивает свет. Приятели останавливаются и наблюдают.

Ты туда звонил?

СИЛЬВА. Нет. Смотри, кто-то одевается.

БУСЫГИН. Кажется, двое.

СИЛЬВА. Идут. Давай-ка это дело перекурим.

Бусыгин и Сильва отходят в сторону. Из подъезда выходит Сарафанов. Он осматривается и направляется к дому Макарской. Бусыгин и Сильва наблюдают.

САРАФАНОВ (*стучится к Макарской*). Наташа!.. Наташенька!.. Наташенька!..

МАКАРСКАЯ (*открыв окно*). Ну и ночь! Взбесились, да и только! Кто это еще?!

САРАФАНОВ. Наташенька! Простите, ради бога! Это Сарафанов.

МАКАРСКАЯ. Андрей Григорьевич?.. Я вас не узнала.

БУСЫГИН (*негромко*). Забавно... Нас она не знает, а его, стало быть, знает...

САРАФАНОВ. Наташа, милая, простите, что так поздно, но вы мне нужны сию минуту.

МАКАРСКАЯ. Сейчас. Открываю. (*Исчезает, потом впускает Сарафанова.*)

СИЛЬВА. Что делается! Ей двадцать пять, не больше.

БУСЫГИН. Ему шестьдесят, не меньше.

СИЛЬВА. Молодец.

БУСЫГИН. Так-так... Любопытно... Остался у него кто-нибудь дома?.. Жены, во всяком случае, не должно быть...

СИЛЬВА. Вроде там парень еще маячил.

БУСЫГИН (*задумчиво*). Парень, говоришь?..

СИЛЬВА. С виду вроде молоденький.

БУСЫГИН. Сын...

СИЛЬВА. Я думаю, у него их много.

БУСЫГИН (*соображает*). Может быть, может быть... Знаешь что? Пошли-ка с ним познакомимся.

СИЛЬВА. С кем?

БУСЫГИН. Да вот с сыночком.

СИЛЬВА. С каким сыночком?

БУСЫГИН. С этим. С сыном Сарафанова. Андрея Григорьевича.

СИЛЬВА. Что ты хочешь?

БУСЫГИН. Погреться... Пошли! Пошли погреемся, а там видно будет.

СИЛЬВА. Ничего не понимаю!

БУСЫГИН. Идем!

СИЛЬВА. Эта ночь закончится в милиции. Я чувствую.

Исчезают в подъезде.

Картина вторая

Квартира Сарафановых. Среди вещей и мебели старый диван и видавшее виды трюмо. Входная дверь, дверь на кухню, дверь в другую комнату. Закрытое занавеской окно во двор. На столе — собранный рюкзак. Васенька за столом пишет письмо.

ВАСЕНЬКА (*читает вслух написанное*). «...Я люблю те-

бя так, как тебя не будет любить никто и никогда. Когда-нибудь ты это поймешь. А теперь будь спокойна. Ты своего добилась: я тебя ненавижу. Прощай. *С.В.*»

Из другой комнаты появляется Нина. Она в халате и домашних туфлях. Васенька прячет письмо в карман.

НИНА. Накатал?

ВАСЕНЬКА. Твое какое дело?

НИНА. А теперь иди вручи ей свое послание, возвращайся и ложись спать. Где отец?

ВАСЕНЬКА. Откуда я знаю!

НИНА. Куда его понесло ночью?.. (*Берет со стола рюкзак.*) А это что?

Васенька пытается отнять у Нины рюкзак. Борьба.

ВАСЕНЬКА (*уступает*). Возьму, когда ты уснешь.

НИНА (*вытряхнула содержимое рюкзака на стол*). Что это значит?.. Куда ты собрался?

ВАСЕНЬКА. В турпоход.

НИНА. А это что?.. Зачем тебе паспорт?

ВАСЕНЬКА. Не твое дело.

НИНА. Ты что придумал?.. Ты что, не знаешь, что я уезжаю?

ВАСЕНЬКА. Я тоже уезжаю.

НИНА. Что?

ВАСЕНЬКА. Я уезжаю.

НИНА. Да ты что, совсем спятил?

ВАСЕНЬКА. Я уезжаю.

НИНА (*присев*). Слушай, Васька... Гад ты, и больше никто. Взяла бы тебя и убила.

ВАСЕНЬКА. Я тебя не трогаю, и ты меня не трожь.

НИНА. На меня тебе наплевать — ладно. Но об отце-то ты должен подумать.

ВАСЕНЬКА. Ты о нем не думаешь, почему я о нем должен думать?

НИНА. Боже мой! (*Поднимается.*) Если бы вы знали, как вы мне надоели! (*Собирает высыпанные на стол вещи в рюкзак, уносит его в свою комнату; на пороге останавливается.*) Скажи отцу, пусть утром меня не будит. Дайте выспаться. (*Уходит.*)

Васенька достает из кармана письмо, вкладывает его в конверт, конверт надписывает. Стук в дверь.

ВАСЕНЬКА (*машинально*). Да, войдите.

Входят Бусыгин и Сильва.

БУСЫГИН. Добрый вечер.
ВАСЕНЬКА. Здравствуйте.
БУСЫГИН. Можем мы видеть Андрея Григорьевича Сарафанова?
ВАСЕНЬКА (*поднимается*). Его нет дома.
БУСЫГИН. Когда он вернется?
ВАСЕНЬКА. Он только что вышел. Когда вернется, не знаю.
СИЛЬВА. А куда он ушел, если не секрет?
ВАСЕНЬКА Я не знаю. (*С беспокойством.*) А что такое?
БУСЫГИН. Ну а... как его здоровье?
ВАСЕНЬКА. Отца?.. Ничего... Гипертония.
БУСЫГИН. Гипертония? Надо же!.. И давно у него гипертония?
ВАСЕНЬКА. Давно.
БУСЫГИН. Ну а вообще он как?.. Как успехи?.. Настроение?
СИЛЬВА. Да, как он тут... Ничего?
ВАСЕНЬКА. А в чем, собственно, дело?
БУСЫГИН. Познакомимся. Владимир.
ВАСЕНЬКА. Василий... (*Сильве.*) Василий.
СИЛЬВА. Семен... В простонародье — Сильва.
ВАСЕНЬКА (*с подозрением*). Сильва?
СИЛЬВА. Сильва. Ребята еще в этом... в интернате прозвали, за пристрастие к этому...
БУСЫГИН. К музыке.
СИЛЬВА. Точно.
ВАСЕНЬКА. Ясно. Ну а отец вам зачем?
СИЛЬВА. Зачем? В общем, мы пришли это... повидаться.
ВАСЕНЬКА. Вы давно с ним не виделись?
БУСЫГИН. Как тебе сказать? Самое печальное, что мы никогда с ним не виделись.
ВАСЕНЬКА (*настороженно*). Непонятно...
СИЛЬВА. Ты только не удивляйся...
ВАСЕНЬКА. Я не удивляюсь... Откуда же вы его знаете?

БУСЫГИН. А это уже тайна.
ВАСЕНЬКА. Тайна?
СИЛЬВА. Страшная тайна. Но ты не удивляйся.
БУСЫГИН (*другим тоном*). Ладно. (*Васеньке.*) Мы зашли погреться. Не возражаешь, мы здесь погреемся?

Васенька молчит, он порядком встревожен.

Мы опоздали на электричку. Фамилию твоего отца мы прочли на почтовом ящике. (*Не сразу.*) Не веришь?
ВАСЕНЬКА (*с тревогой*). Почему? Я верю, но...
БУСЫГИН. Что? (*Делает к Васеньке шаг-два, Васенька пятится. Сильве.*) Боится.
ВАСЕНЬКА. Зачем вы пришли?
БУСЫГИН. Он нам не верит.
ВАСЕНЬКА. В случае чего — я кричать буду.
БУСЫГИН (*Сильве*). Что я говорил? (*Он тянет время, греется.*) Ночью всегда так: если один, значит, вор, если двое, значит, бандиты. (*Васеньке.*) Нехорошо. Люди должны доверять друг другу, известно тебе это? Нет?.. Напрасно. Плохо тебя воспитывают.
СИЛЬВА. Да-а...
БУСЫГИН. Ну отцу твоему, допустим, некогда...
ВАСЕНЬКА (*перебивает*). Зачем вам отец? Что вам от него надо?
БУСЫГИН. Что нам надо? Доверия. Всего-навсего. Человек человеку брат, надеюсь, ты об этом слышал. Или это тоже для тебя новость? (*Сильве.*) Ты только посмотри на него. Брат страждущий, голодный, холодный стоит у порога, а он даже не предложит ему присесть.
СИЛЬВА (*до сих пор слушал Бусыгина с недоумением, вдруг воодушевляется — его осенило*). Действительно!
ВАСЕНЬКА. Зачем вы пришли?
БУСЫГИН. Ты так ничего и не понял?
ВАСЕНЬКА. Конечно, нет.
СИЛЬВА (*изумляясь*). Неужели не понял?

БУСЫГИН (*Васеньке*). Видишь ли...

СИЛЬВА (*перебивает*). Да что там! Я ему скажу! Скажу откровенно! Он мужчина, он поймет. (*Васеньке, торжественно.*) Полное спокойствие, я открываю тайну. Все дело в том, что он (*указывает на Бусыгина*) твой родной брат!

БУСЫГИН. Что?

ВАСЕНЬКА. Что-о?

СИЛЬВА (*нагло*). Что?

Небольшая пауза.

Да, Василий! Андрей Григорьевич Сарафанов — его отец. Неужели ты до сих пор этого не понял?

Бусыгин и Васенька в равном удивлении.

БУСЫГИН (*Сильве*). Послушай...

СИЛЬВА (*перебивает, Васеньке*). Не ожидал? Да, вот так. Твой папа — его родной отец, как это ни странно...

БУСЫГИН. Что с тобой? Что ты мелешь?

СИЛЬВА. Братья встретились! Какой случай, а? Какой момент?

ВАСЕНЬКА (*в растерянности*). Да, в самом деле...

СИЛЬВА. Случай-то какой, вы подумайте! Надо выпить, ребята, выпить!

БУСЫГИН (*Сильве*). Идиот. (*Васеньке.*) Не слушай его.

СИЛЬВА. Нет уж! Я считаю, лучше сказать сразу! Честно и откровенно! (*Васеньке.*) Верно, Василий? Чего тут темнить, когда все уже ясно? Нечего темнить, просто надо выпить за встречу. Есть у тебя выпить?

ВАСЕНЬКА (*в той же растерянности*). Выпить?.. Конечно... Сейчас... (*Оглядываясь на Бусыгина, выходит на кухню.*)

СИЛЬВА (*он в восторге*). Сила!

БУСЫГИН. Ты что, рехнулся?

СИЛЬВА. Ловко ты к нему подъехал!

БУСЫГИН. Болван, как эта чушь взбрела тебе в голову?

СИЛЬВА. Мне?.. Это тебе она взбрела! Ты просто гений!

БУСЫГИН. Кретин! Ты понимаешь, что ты тут сморозил?

СИЛЬВА. «Страждущий брат!» Сила! Я бы никогда не додумался!

БУСЫГИН. Ну дубина... Подумай, дубина, что будет, если сейчас сюда войдет папаша. Представь себе!

СИЛЬВА. Так... Представил. (*Бежит к выходу, но останавливается и возвращается.*) Нет, выпить мы успеем. Папаша вернется через час, не раньше. (*Суетится перед выпивкой.*) Ну и папаша! (*Передразнивает.*) «Вы нужны мне сию минуту!» Гусь! Все они гуси. Твой, видать, был такой же, скажи?

БУСЫГИН. Не твое дело. (*Идет к двери.*)

СИЛЬВА. Постой, почему бы этому слегка не пострадать за того. Тут все справедливо, по-моему.

БУСЫГИН. Идем.

СИЛЬВА (*упирается*). Ну уж нет! Выпьем, потом пойдем. Я тебя не понимаю, неужели за свою идею ты не заслужил рюмку водки?.. Тсс! Вот она, наша выпивка. Идет. Приближается. (*Шепотом.*) Обними его, погладь по голове. По-родственному.

БУСЫГИН. Черт возьми! Надо же мне связаться с таким идиотом!

Входит Васенька с бутылкой водки, стаканами. Ставит все на стол. Он смущен и растерян.

СИЛЬВА (*наливает*). Да ты не расстраивайся! Если разобраться, у всех у нас родни гораздо больше, чем полагается... За вашу встречу!

Пьют. Васенька с трудом, но выпивает.

Жизнь, Вася, — темный лес, так что ты не удивляйся. (*Наливает снова.*) Мы сейчас с поезда. Он меня просто замучил и сам извелся: заехать — не заехать? А повидаться надо. Сам понимаешь, в какое время мы живем.

БУСЫГИН (*Васеньке*). Сколько тебе лет?

ВАСЕНЬКА. Мне? Семнадцатый.

СИЛЬВА. Здоровый парнюга!

БУСЫГИН (*Васеньке*). Что ж... твое здоровье.

СИЛЬВА. Стоп! Не так пьем. Не интеллигентно. Нет ли чего закусить?

ВАСЕНЬКА. Закусить?.. Конечно, конечно! Пошли на кухню!

СИЛЬВА (*останавливает Васеньку*). Может, ему сегодня отцу не показываться, как ты думаешь? Нельзя же так с ходу, неожиданно. Мы посидим немножко и... придем завтра.

ВАСЕНЬКА (*Бусыгину*). Ты не хочешь его видеть?

БУСЫГИН. Как тебе сказать... Хочу, но рискованно. Боюсь за его нервы. Ведь он обо мне ничего не знает.

ВАСЕНЬКА. Ну что ты! Раз ты нашелся, значит, нашелся.

Все трое уходят в кухню. Появляется Сарафанов. Он проходит к двери в соседнюю комнату, открывает ее, затем осторожно закрывает. В это время Васенька выходит из кухни и тоже закрывает за собой дверь. Васенька заметно опьянел, его обуяла горькая ирония.

САРАФАНОВ (*замечает Васеньку*). Ты здесь... А я прогулялся по улице. Там дождь пошел. Я вспомнил молодость.

ВАСЕНЬКА (*развязно*). И очень кстати.

САРАФАНОВ. В молодости я, бывало, делал глупости, но я никогда не доходил до истерики.

ВАСЕНЬКА. Слушай, что я тебе скажу.

САРАФАНОВ (*перебивает*). Васенька, так поступают только слабые люди. Кроме того, не забывай, остался только месяц до экзаменов. Школу тебе все-таки надо кончить.

ВАСЕНЬКА. Папа, пока ты гулял по дождичку...

САРАФАНОВ (*перебивает*). И в конце концов, не можете же вы так сразу — и ты и Нина. Нельзя же так... Нет-нет, никуда ты не уедешь. Я тебя не пущу.

ВАСЕНЬКА. Папа, у нас гости, и необычные гости... Вернее, так: гость и еще один...

САРАФАНОВ. Васенька, гость и еще один — это два гостя. Кто к нам пришел, говори толком.

ВАСЕНЬКА. Твой сын. Твой старший сын.

САРАФАНОВ (*не сразу*). Ты сказал... Чей сын?

ВАСЕНЬКА. Твой. Да ты не волнуйся... Я, например,

все это понимаю, не осуждаю и даже не удивляюсь. Я ничему не удивляюсь...

САРАФАНОВ (*не сразу*). И такие-то шутки у вас в ходу? И они вам нравятся?

ВАСЕНЬКА. Какие шутки? Он на кухне. Ужинает.

САРАФАНОВ (*внимательно смотрит на Васеньку*). Кто-нибудь там ужинает. Возможно... Но знаешь, милый, что-то ты мне не нравишься... (*Разглядел.*) Постой! Да ты пьян, по-моему!

ВАСЕНЬКА. Да, я выпил! По такому случаю.

САРАФАНОВ (*грозно*). Кто разрешил тебе выпивать?!

ВАСЕНЬКА. Папа, о чем речь? Тут такой случай! Я никогда не думал, что у меня есть брат, а тут — пожалуйста. Иди взгляни на него, ты еще не так напьешься.

САРАФАНОВ. Ты что, шельмец, издеваешься?

ВАСЕНЬКА. Да нет, я говорю серьезно. Он здесь проездом, очень по тебе соскучился, он...

САРАФАНОВ. Кто — он?

ВАСЕНЬКА. Твой сын.

САРАФАНОВ. Тогда кто ты?

ВАСЕНЬКА. А! Разговаривай с ним сам!

САРАФАНОВ (*направляется к кухне; услышав голоса, останавливается у двери, возвращается к Васеньке*). Сколько их там?

ВАСЕНЬКА. Двое. Я тебе говорил.

САРАФАНОВ. А второй? Он тоже хочет, чтобы я его усыновил?

ВАСЕНЬКА. Папа, они взрослые люди. Сам подумай, зачем взрослому человеку родители?

САРАФАНОВ. По-твоему, не нужны?

ВАСЕНЬКА. А, прости, пожалуйста. Я хотел сказать, что взрослому человеку не нужны чужие родители.

Молчание.

САРАФАНОВ (*прислушивается*). Невероятно. Свои дети бегут — это я еще могу понять. Но чтобы ко мне приходили чужие да еще взрослые! Сколько ему лет?

ВАСЕНЬКА. Лет двадцать.

САРАФАНОВ. Черт знает что!.. Ты сказал, двадцать

лет?.. Бред какой-то!.. Лет двадцать!.. Лет двадцать... (*Задумывается поневоле.*) Двадцать лет... двадцать... (*Опускается на стул.*)

ВАСЕНЬКА. Не огорчайся, папа. Жизнь — темный лес...

Из кухни вышли было Бусыгин и Сильва, но, увидев Сарафанова, отступают назад и, приоткрыв дверь, слушают его разговор с Васенькой.

САРАФАНОВ. Двадцать лет... Закончилась война... Двадцать лет... Мне было тридцать четыре года... (*Поднимается.*)

Бусыгин приоткрывает дверь.

ВАСЕНЬКА. Я понимаю, папа...

САРАФАНОВ (*вдруг рассердился*). Да что вспоминать! Я был солдат! Солдат, а не вегетарианец! (*Ходит по комнате.*)

Бусыгин, когда это возможно, приоткрывает дверь из кухни и слушает.

ВАСЕНЬКА. Я тебя понимаю.

САРАФАНОВ. Что?.. Что-то слишком много ты понимаешь! С твоей матерью мы еще не были знакомы, имей в виду!

ВАСЕНЬКА. Я так и думал, папа. Да ты не расстраивайся, если разобраться...

САРАФАНОВ (*перебивает*). Нет-нет! Глупости... Черт знает что...

Сарафанов находится между кухней и дверью в прихожую. Таким образом, у Сильвы и Бусыгина нет возможности бежать.

ВАСЕНЬКА. Думаешь, он врет? А зачем?

САРАФАНОВ. Он что-то напутал! Ты увидишь, что он напутал! Подумай! Подумай-ка! Чтобы быть моим сыном, ему надо на меня походить! Это первое.

ВАСЕНЬКА. Папа, он на тебя походит.

САРАФАНОВ. Что?.. Вздор! Вздор! Тебе просто показалось... Вздор! Стоит только мне спросить, сколь-

ко ему лет, и ты сразу поймешь, что все это чистейший вздор! Чепуха!.. А если уж на то пошло, сейчас ему должно быть... Должно быть...

Бусыгин высовывается из-за двери.

Двадцать... двадцать один год! Да! Двадцать один! Вот видишь! Не двадцать и не двадцать два!.. (*Поворачивается к двери.*)

Бусыгин исчезает.

ВАСЕНЬКА. А если ему двадцать один?
САРАФАНОВ. Не может этого быть!
ВАСЕНЬКА. А вдруг?
САРАФАНОВ. Ты имеешь в виду совпадение? Случайное совпадение, верно?.. Ну что же, такое не исключено... Тогда... Тогда... (*Думает.*) Не мешай мне, не мешай... Его мать должны звать... ее должны звать...

Бусыгин высовывается.

(*Его осенило.*) Галина!

Бусыгин исчезает.

САРАФАНОВ. Что ты теперь скажешь? Галина! А не Татьяна и не Тамара!
ВАСЕНЬКА. А фамилия? А отчество?

Бусыгин высовывается.

САРАФАНОВ. Ее отчество?.. (*Неуверенно.*) По-моему, Александровна...

Бусыгин исчезает.

ВАСЕНЬКА. Так. А фамилия?
САРАФАНОВ. Фамилия, фамилия... Достаточно имени... Вполне достаточно.
ВАСЕНЬКА. Конечно, конечно. Ведь прошло столько лет...
САРАФАНОВ. Вот именно! Где он был раньше? Вырос

и теперь ищет отца? Зачем? Я выведу его на чистую воду, ты увидишь... Как его зовут?

ВАСЕНЬКА. Володя. Смелей, папа. Он тебя любит.

САРАФАНОВ. Любит?.. Но... за что?

ВАСЕНЬКА. Не знаю, папа... Родная кровь.

САРАФАНОВ. Кровь?.. Нет-нет, ты меня не смеши... (*Садится.*) Они, говоришь, с поезда?.. Ты нашел, что поесть?

ВАСЕНЬКА. Да. И выпить. Выпить и закусить.

Бусыгин и Сильва пытаются ускользнуть. Они делают два-три бесшумных шага по направлению к выходу. Но в этот момент Сарафанов повернулся на стуле, и они тут же возвращаются в исходную позицию.

САРАФАНОВ (*поднимается*). Может, мне тоже следует выпить?

ВАСЕНЬКА. Не робей, папа.

Бусыгин и Сильва снова появляются.

САРАФАНОВ. Подожди, я... застегнусь. (*Поворачивается к Бусыгину и Сильве.*)

Бусыгин и Сильва мгновенно делают вид, будто они только что вышли из кухни. Молчание.

БУСЫГИН. Добрый вечер!

САРАФАНОВ. Добрый вечер...

Молчание.

ВАСЕНЬКА. Ну, вот вы и встретились... (*Бусыгину.*) Я все ему рассказал... (*Сарафанову.*) Не волнуйся, папа...

САРАФАНОВ. Вы... садитесь... Садитесь!.. (*Пристально разглядывает того и другого.*)

Бусыгин и Сильва садятся.

(*Стоит.*) Вы... недавно с поезда?

БУСЫГИН. Мы... собственно, давно. Часа три назад.

Молчание.

САРАФАНОВ (*Сильве*). Так... Вы, значит, проездом?..

БУСЫГИН. Да. Я возвращаюсь с соревнований. Вот... решил повидаться...

САРАФАНОВ (*все внимание на Бусыгина*). О! Значит, вы спортсмен! Это хорошо... Спорт в вашем возрасте, знаете... А сейчас? Снова на соревнования? (*Садится.*)

БУСЫГИН. Нет. Сейчас я возвращаюсь в институт.

САРАФАНОВ. О! Так вы студент?

СИЛЬВА. Да, мы медики. Будущие врачи.

САРАФАНОВ. Вот это правильно! Спорт — спортом, а наука — наукой. Очень правильно... Прошу прощения, я пересяду. *(Пересаживается ближе к Бусыгину.)* В двадцать лет на все хватает времени — и на учебу и на спорт; да-да, прекрасный возраст... (*Решился.*) Вам двадцать лет, не правда ли?

БУСЫГИН (*печально, с мягкой укоризной*). Нет, вы забыли. Мне двадцать один.

САРАФАНОВ. Что?.. Ну конечно! Двадцать один, разумеется! А я что сказал? Двадцать? Ну конечно же, двадцать один...

СИЛЬВА. Да вы не огорчайтесь. Ведь если разобраться, тут радоваться надо, а не огорчаться. По-моему.

ВАСЕНЬКА. В самом деле, папа.

САРАФАНОВ. Я — конечно... Я рад... (*Искательно.*) Мы все здесь рады, не правда ли?

БУСЫГИН. Конечно... Больше всех — я.

САРАФАНОВ (*приободрившись*). Васенька, есть у нас что-нибудь выпить? Дай нам выпить!

ВАСЕНЬКА. Это можно. (*Уходит на кухню.)*

Молчание. Потом Бусыгин и Сарафанов, обращаясь друг к другу, начинают говорить одновременно. Затем они одновременно извиняются.

БУСЫГИН. Говорите...

САРАФАНОВ. Нет-нет, говорите... (*Осторожно.*) Говори...

Входит Васенька, ставит на стол бутылку и стаканы, затем усаживается и, устроивши руки на спинке стула, роняет голову. Он пьян. Сарафанов торопливо наполняет стаканы.

БУСЫГИН. Я хотел сказать, что вот... Наконец-то наступил тот момент, о котором...

Появляется Нина.

НИНА (*сердито*). Вы дадите мне спать?.. Что это? Что здесь происходит?

ВАСЕНЬКА (*приподнимает голову*). Ты только не удивляйся... *(Роняет голову.)*

Появление Нины производит на Бусыгина и Сильву большое впечатление.

НИНА. Что вы здесь устроили? (*Сарафанову.*) До сих пор по ночам ты пил один. В чем дело?

САРАФАНОВ (*неуверенно*). Нина, у нас большая радость. Наконец-то нашелся твой старший брат.

НИНА. Что?

САРАФАНОВ. Твой старший брат. Познакомься с ним.

НИНА. Что такое?.. Кто нашелся? Какой брат?

СИЛЬВА (*подталкивает Бусыгина*). Это он. Вот такой (*показывает*) парень.

НИНА (*Бусыгину*). Это ты — брат?

БУСЫГИН. Да... А что?

СИЛЬВА. Что тут особенного?

ВАСЕНЬКА (*не поднимая головы, негромко, нетрезвым голосом*). Да, что особенного?

САРАФАНОВ (*Нине*). Ты о нем не знала. К сожалению... (*Бусыгину.*) Я не говорил тебе. Откровенно говоря, я боялся, что ты меня... позабыл.

ВАСЕНЬКА. Вот. Он боялся.

БУСЫГИН. Что вы, как я мог забыть...

САРАФАНОВ. Прости, я был не прав.

НИНА. Так. Давайте по порядку. Выходит, ты — его отец, а он — твой сын. Так, что ли?

САРАФАНОВ. Да.

НИНА (*не сразу*). Ну что ж. Вполне возможно.

ВАСЕНЬКА. Вполне.

НИНА (*Бусыгину*). А где, интересно, ты был раньше?

ВАСЕНЬКА. Да, где он был раньше?

НИНА (*легонько хлопнув Васеньку по голове*). Помолчи!

САРАФАНОВ. Нина! Нашелся твой брат. Неужели ты этого не понимаешь?

НИНА. Понимаю, но мне интересно, где он был раньше.

ВАСЕНЬКА (*приподняв голову*). Не волнуйся. Нашу мать папа тогда еще в глаза не видел. Верно, папа?

САРАФАНОВ. Помолчи-ка!

НИНА. Да, давненько вы не виделись. А ты уверен, что он твой сын? (*Бусыгину.*) Сколько тебе лет?

Васенька засыпает.

СИЛЬВА. Взгляните на них. Неужели вы не видите?

НИНА (*не сразу*). Нет. Не похожи.

СИЛЬВА (*Бусыгину, обидчиво*). По-моему, нас тут в чем-то подозревают.

НИНА (*Сарафанову о Сильве*). А это кто такой? Тоже родственник?

БУСЫГИН. Он мой приятель. Его зовут Семен.

НИНА. Так сколько тебе лет, я не расслышала?

БУСЫГИН. Двадцать один.

НИНА (*Сарафанову*). Что ты на это скажешь?

САРАФАНОВ. Нина! Нельзя же так... И потом, я уже спрашивал...

НИНА. Ладно. (*Бусыгину.*) Как выглядит твоя мать, как ее зовут, где она с ним встречалась, почему она не получала с него алименты, как ты нас нашел, где ты был раньше — рассказывай подробно.

СИЛЬВА(*с беспокойством*). Как в милиции...

НИНА. А вы что думали?.. По-моему, вы жулики.

САРАФАНОВ. Нина!

БУСЫГИН. А что, разве похожи?

НИНА (*не сразу*). Похожи. (*Бусыгину.*) Рассказывай, а мы послушаем.

СИЛЬВА (*Бусыгину, трусливо*). На твоем месте я бы обиделся и ушел. Прямо сейчас.

БУСЫГИН. Об отце я узнал совсем недавно...

НИНА. От кого?

БУСЫГИН. От своей матери. Мою мать зовут Галина Александровна, с отцом они встречались в тысяча девятьсот сорок пятом году...

САРАФАНОВ (*в волнении*). Сынок!
БУСЫГИН. Папа!

Сарафанов и Бусыгин бросаются друг к другу и обнимаются.

СИЛЬВА (*Нине*). Как?.. Кровь, она себя чувствует.
САРАФАНОВ. Нина! У меня никакого сомнения! Он твой брат! Обними его! Обними своего брата! (*Бусыгину.*) Обнимитесь!
БУСЫГИН. Я рад, сестренка... (*Вдруг подходит к Нине и обнимает ее — с перепугу, но не без удовольствия.*) Очень рад...
СИЛЬВА (*завистливо*). Еще бы.
САРАФАНОВ (*окончательно расстроган*). Боже мой... Ну кто бы мог подумать?
НИНА (*Бусыгину*). Может быть, довольно? (*Освобождается. Она весьма смущена.*)
САРАФАНОВ. Кто бы мог подумать... Я рад, рад!
БУСЫГИН. Я тоже.
НИНА. Да... Очень трогательно...
СИЛЬВА. Ура! Предлагаю выпить.
САРАФАНОВ (*Бусыгину*). Есть предложение выпить. Как, сынок?
БУСЫГИН. Выпить? Это просто необходимо.
НИНА. Выпить? Вот теперь я вижу: вы похожи.

Все смеются.

СИЛЬВА (*выпивает; Нине и Бусыгину*). Встаньте-ка рядом!.. Вот так! (*Поставил их рядом.*) Теперь возьмитесь за руки... Вот так! (*Сарафанову.*) Взгляните на них!

Нина освобождает руку. Она снова и чуть заметно теряется.

Что, не похожи?.. Ну!
САРАФАНОВ. Э-э... да, конечно...
СИЛЬВА. Просто плакать хочется! Какой случай, а?.. Выпьѐмте, товарищи!
САРАФАНОВ. Я счастлив... Я просто счастлив!
СИЛЬВА (*Сарафанову*). За вас, за вашу дружную семью!
БУСЫГИН. Твое здоровье, папа.
САРАФАНОВ (*в волнении*). Спасибо, сынок.

Затемнение. Звучит веселая музыка. Музыка умолкает, зажигается свет. Та же комната. За окном утро. Сарафанов и Бусыгин сидят за столом. Бутылка пуста. Сильва спит на диване.

САРАФАНОВ. У меня было звание капитана, меня оставляли в армии. С грехом пополам я демобилизовался. Я служил в артиллерии, а это, знаешь, плохо влияет на слух. Кроме того, я все перезабыл. Гаубица и кларнет как-никак разные вещи. Вначале я играл на танцах, потом в ресторане, потом возвысился до парков и кинотеатров. Глухота, к счастью, сошла, и, когда в городе появился симфонический оркестр, меня туда приняли... Ты меня слушаешь?

БУСЫГИН. Я слушаю, папа!

САРАФАНОВ. Вот и вся жизнь... Не все, конечно, так, как замышлялось в молодости, но все же, все же. Если ты думаешь, что твой отец полностью отказался от идеалов своей юности, то ты ошибаешься. Зачерстветь, покрыться плесенью, раствориться в суете — нет, нет, никогда. (*Привстал, наклоняется к Бусыгину, значительным шепотом.*) Я сочиняю. (*Садится.*) Каждый человек родится творцом, каждый в своем деле, и каждый по мере своих сил и возможностей должен творить, чтобы самое лучшее, что было в нем, осталось после него. Поэтому я сочиняю.

БУСЫГИН (*в недоумении*). Что сочиняешь?

САРАФАНОВ. Как — что? Что я могу сочинять, кроме музыки?

БУСЫГИН. А... Ну ясно.

САРАФАНОВ. Что ясно?

БУСЫГИН. Ну... что ты сочиняешь музыку.

САРАФАНОВ (*с подозрением, с готовностью обидеться*). А ты... как к этому относишься?

БУСЫГИН. Я?.. Почему же, это хорошее занятие.

САРАФАНОВ (*быстро, с известной горячностью*). На многое я не замахиваюсь, нет, мне надо завершить одну вещь, всего одну вещь! Я выскажу главное, только самое главное! Я должен это сде-

лать, я просто обязан, потому что никто не сделает это, кроме меня, ты понимаешь?

БУСЫГИН. Да-да... Ты извини, папа, я хотел тебя спросить...

САРАФАНОВ (*очнулся*). Что?.. Спрашивай, сынок.

БУСЫГИН. Мать Нины и Васеньки — где она?

САРАФАНОВ. Э, мы с ней разошлись четырнадцать лет назад. Ей казалось, что вечерами я слишком долго играю на кларнете, а тут как раз подвернулся один инженер — серьезный человек, мы с ней расстались... Нет, совсем не так, как с твоей матерью. Твоя мать славная женщина... Боже мой! Суровое время, но разве можно его забыть! Чернигов... Десна... Каштаны... Ты знаешь ту самую мастерскую на углу?.. Ну, швейную!

БУСЫГИН. Ну еще бы!

САРАФАНОВ. Вот-вот! Там она работала...

БУСЫГИН. Сейчас она директор швейной фабрики.

САРАФАНОВ. Представляю!.. И она все такая же веселая?

БУСЫГИН. Все говорят, что она не изменилась.

САРАФАНОВ. В самом деле?.. Молодцом! Да ведь сейчас ей не больше сорока пяти!

БУСЫГИН. Сорок четыре.

САРАФАНОВ. Всего-то?.. И что... она не замужем?

БУСЫГИН. Нет-нет. Мы с ней вдвоем.

САРАФАНОВ. Вот как?.. А ведь она заслуживает всяческого счастья.

БУСЫГИН. Моя мать на свою жизнь не жалуется. Она гордая женщина.

САРАФАНОВ. Да-да... Печально, что и говорить... Нас перевели тогда в Гомель, она осталась в Чернигове, одна, на пыльной улице... Да-да. Совсем одна.

БУСЫГИН. Она осталась не одна. Как видишь.

САРАФАНОВ. Да-да... Конечно... Но подожди... Подожди! Подожди, подожди. Я вспоминаю! Прости меня, но у нее не было намерения родить ребенка!

БУСЫГИН. Я родился случайно.

САРАФАНОВ. Но почему она до сих пор молчала? Как можно было столько лет молчать?

БУСЫГИН. Я же говорю: она гордая женщина.
САРАФАНОВ. Хорошо, что так случилось. Я рад.
БУСЫГИН. Кто мой отец? С этим вопросом я приставал к ней с тех пор, как выучился говорить.
САРАФАНОВ. Тебе в самом деле так хотелось меня найти?
БУСЫГИН. Разыскать тебя я поклялся еще пионером.
САРАФАНОВ (*растроган*). Бедный мальчик! Ведь, в сущности, ты должен меня ненавидеть...
БУСЫГИН. Вас — ненавидеть?.. Ну что ты, папа, разве тебя можно ненавидеть?.. Нет, я тебя понимаю.
САРАФАНОВ. Я вижу, ты молодец. Не то что твой младший брат. Он у нас слишком чувствителен. Говорят, тонкая душевная организация, а я думаю, у него просто нет характера.
БУСЫГИН. Тонкая организация всегда выходит боком.
САРАФАНОВ. Вот-вот! Именно поэтому у него насчастная любовь... Жили в одном дворе, тихо, мирно, и вдруг — нá тебе! Сдурел, уезжать собирается.
БУСЫГИН. А кто она?
САРАФАНОВ. Работает здесь в суде, секретарем. Старше его, вот в чем беда. Ей около тридцати, а ведь он десятый класс заканчивает. Дело дошло до того, что этой ночью я должен был идти к ней...
БУСЫГИН. Зачем?
САРАФАНОВ. Поздно вечером он явился и объявил мне, что уезжает. Она прогнала его — это было написано у него на лице. А чем я мог ему помочь? Я подумал, что ее, может быть, смущает разница в возрасте, может, боится, что ее осудят, или, чего доброго, думает, что я настроен против... В этом духе я с ней и разговаривал, разубеждал ее, попросил ее быть с ним... помягче... Знаешь что? Поговори с ним ты. Ты старший брат, может быть, тебе удастся на него повлиять.
БУСЫГИН. Я попробую.
САРАФАНОВ. Я так тебе рад, поверь мне. То, что ты появился, — это настоящее счастье.
БУСЫГИН. Для меня это тоже... большая радость.
САРАФАНОВ. Это правда, сынок?
БУСЫГИН. Конечно.

САРАФАНОВ. Дай-ка я тебя поцелую. (*Поцеловал Бусыгина по-отечески в лоб. Тут же смутился.*) Извини меня... Дело в том, что я было совсем уже затосковал.

БУСЫГИН. А что тебя беспокоит?

САРАФАНОВ. Да вот, суди сам. Один бежит из дому, потому что у него несчастная любовь. Другая уезжает, потому что у нее счастливая...

БУСЫГИН (*перебивает*). Кто уезжает?

САРАФАНОВ. Нина. Она выходит замуж.

БУСЫГИН. Она выходит замуж?

САРАФАНОВ. В том-то и дело. Буквально на днях она уезжает на Сахалин. А вчера мальчишка заявляет мне, что он едет в тайгу на стройку, вон как! Теперь ты понимаешь, что произошло в тот момент, когда ты постучался в эту дверь?

БУСЫГИН. Понимал, когда стучался...

САРАФАНОВ (*перебивает*). Произошло чудо! Настоящее чудо. И они еще говорят, что я неудачник!

БУСЫГИН. Значит, она выходит замуж... А за кого?

САРАФАНОВ. Э, ее будущий муж — летчик, серьезный человек. На днях он заканчивает училище и уже назначен на Сахалин. Сегодня, кстати, она собирается меня с ним познакомить.

БУСЫГИН. Так... Сколько же Нине лет?

САРАФАНОВ. Девятнадцать.

БУСЫГИН. Да?

САРАФАНОВ. А что такое? Ей и не могло быть больше. Но она серьезная. Она очень серьезная. Я даже думаю, что нельзя быть такой серьезной. Конечно, ей доставалось. Она была тут хозяйка, работала — она портниха — да еще готовилась в институт. Нет, она просто молодец.

БУСЫГИН. Так... А почему же она не возьмет тебя с собой?

САРАФАНОВ. Нет-нет, здесь, в этом городе, у меня все, я здесь родился и... Нет, зачем мне им мешать? Вот уже три месяца, как она встречается со своим будущим мужем, на днях они уезжают, а я его, представь, еще в глаза не видел. Каково это? Но что это я — все жалуюсь, хватит. Уже утро, те-

бе надо поспать. Ложись, сынок. Ничего, если ненадолго ты устроишься здесь, рядом с товарищем?

БУСЫГИН. Отлично.

САРАФАНОВ. А потом, когда они поднимутся...

БУСЫГИН (*перебивает*). Ты не беспокойся.

САРАФАНОВ. Ну, приятного тебе сна. (*Снова целует Бусыгина в лоб.*) Не сердись, сынок, я слишком взволнован... Спи.

Сарафанов уходит в другую комнату. Бусыгин бросается к Сильве, расталкивает его. Сильва мычит и отбивается.

БУСЫГИН. Вставай, Сильва! Вставай, тебе говорят.

СИЛЬВА (*просыпаясь*). Ну и жизнь...

БУСЫГИН. Вставай!

СИЛЬВА. Я целый месяц не высыпаюсь! Один только день и есть, чтобы поспать, воскресенье — и вот, пожалуйста. Слушай, а сестричка твоя ничего себе, а? Я бы не стал сопротивляться.

БУСЫГИН. Вставай, не разговаривай. (*Бросает Сильве рубаху.*) Пошевеливайся!..

Сильва поднимается.

Ты дрыхнул, а мы всю ночь играли друг у друга на нервах.

СИЛЬВА. Что?.. Они нас уже поняли?.. Нет? (*Быстро одевается.*) Все равно. Смех смехом, а дело такое. Подсудное. (*Сунул ноги в ботинки.*) Помчались!

Бусыгин стоит в задумчивости.

Ну что ты?

БУСЫГИН. Этот папаша — святой человек.

СИЛЬВА. Да, здорово ты его напаял. Просто красиво.

БУСЫГИН. Нет уж, не дай-то бог обманывать того, кто верит каждому твоему слову. Идем.

Бусыгин и Сильва направляются к дверям. В это время из другой комнаты с подушкой в руках выходит Сарафанов.

САРАФАНОВ. Сынок!

Бусыгин замирает на месте. Сильва останавливается на пороге.

Куда ты, сынок?

БУСЫГИН (*оборачивается к Сарафанову*). Я... собственно, мы... Нам пора...

СИЛЬВА. Да-да, надо ехать. У нас ведь там эта... сессия на носу.

БУСЫГИН. Да... к сожалению...

САРАФАНОВ. Как? Ты хочешь уехать?.. Прямо сегодня? Сейчас?

БУСЫГИН. Да, папа. Мы и так задержались. Пропустили много занятий, и вообще...

Сарафанов выронил из рук подушку.

(*Поднимает ее.*) Но ты не думай, закончится сессия — и я сразу же приеду...

САРАФАНОВ (*опустившись на стул*). Нет-нет, я понимаю... Конечно... С какой стати? Чего я еще должен был ждать?.. Встретились, поговорили, чего еще?

БУСЫГИН. Я приеду... В конце июня я приеду... Ты слышишь?

Сарафанов молчит.

Ты что, не веришь?

САРАФАНОВ. Почему? Я тебе верю, но... Неужели ты мог уехать не попрощавшись?

БУСЫГИН. Я, собственно... Я не хотел тебя будить. И, если откровенно, мне трудно с тобой прощаться. Я хотел без этого...

САРАФАНОВ. Это правда?

СИЛЬВА. Что вы, он так нервничал.

САРАФАНОВ (*приободрившись*). В самом деле?.. (*Поднимается.*) Ну что ж. Раз надо ехать, значит, что ж... Так, выходит, в конце июня?

БУСЫГИН. Да...

САРАФАНОВ. Так это пустяки. Всего полтора месяца... А сейчас... Вам сейчас надо уходить? Сию минуту?

СИЛЬВА. Да, наш поезд уходит что-то около десяти.

САРАФАНОВ. Ну что ж... (*Подает Сильве руку.*) До сви-

дания. Рад был с вами познакомиться. В июне приезжайте вместе.

СИЛЬВА. Обязательно.

САРАФАНОВ. Ну, сынок... Ничего не поделаешь, институт — дело серьезное... Жаль, конечно, но все же... Главное, встретились... (*Вдруг.*) Подожди. Я должен подарить тебе одну вещицу.

БУСЫГИН. Какую вещицу? Что ты, папа...

САРАФАНОВ. Нет-нет! Это непременно! Это так себе, пустячок, но ты обязан его принять. Сейчас! (*Быстро идет в другую комнату; на пороге.*) Васенька! (*Уходит.*)

Небольшая пауза.

СИЛЬВА. Ну?.. Чего ты ждешь?

БУСЫГИН. Иди... Я уйду позже...

СИЛЬВА. Слушай! Напаяли мужика — хватит. Идем отсюда...

БУСЫГИН. Иди, я тебя не держу.

СИЛЬВА. А что ты хочешь?.. Что ты задумал, объясни. Может, я тоже рискну.

БУСЫГИН. Нет, иди лучше.

СИЛЬВА. А что такое?.. Если воровство, то я, конечно, пас. Воровство — это не мой жанр.

БУСЫГИН. Дубина. Он сейчас войдет, а нас нет. Можешь ты это себе представить?

СИЛЬВА. Ну, представил. Ну и что?

БУСЫГИН. Ты как знаешь, а я пока останусь. Ненадолго.

СИЛЬВА. Зачем?

Бусыгин молчит.

Смотри, старичок, задымишь ты на этом деле. Говорю тебе по-дружески, предупреждаю: рвем когти, пока не поздно.

Из соседней комнаты выходит Нина. Она в халате и с полотенцем на плече.

НИНА (*Сильве*). Доброе утро... (*Бусыгину.*) Ну, здравствуй... братец...

Бусыгин и Сильва здороваются.

Как спалось?

СИЛЬВА. Спасибо, хорошо.

НИНА. А что это вы у дверей стоите?

СИЛЬВА. Мы?.. Да так, дышим тут, прохлаждаемся...

НИНА. А вы откройте окно. Если не боитесь простудиться. (*Уходит.*)

СИЛЬВА. А?.. Видал? Глаза, волосы? А нога как сделана? Слушай! У нее же все есть.

БУСЫГИН. Есть, да не про твою честь.

СИЛЬВА. Может, ты из-за нее остаешься, а? Решил заняться?.. Учти, ты ей брат. Тебе нельзя. Вот мне — другое дело. Мне можно.

Входит Сарафанов. В руке у него табакерка.

САРАФАНОВ. Вот, сынок. Это пустячок, серебряная табакерка, но дело в том, что в нашей семье она всегда принадлежала старшему сыну. Еще прадед передал ее моему деду, а ко мне она попала от твоего деда — моего отца. Теперь она твоя.

Небольшая пауза.

БУСЫГИН (*в замешательстве берет табакерку, кладет ее на стол*). Спасибо, папа... Ты знаешь, я решил задержаться. На денек. А завтра улечу самолетом.

САРАФАНОВ. А это возможно?

БУСЫГИН. А почему нет?

САРАФАНОВ. Прекрасная мысль! Мы проведем вместе целый день... Сегодня воскресенье?.. Ах, беда! К семи мне придется съездить в филармонию, но это ненадолго. Я там в первом отделении, это час, ну полтора, не больше. Да, великое дело авиация, незаменимая вещь!.. (*Сильве.*) А вы, Семен? Надеюсь, вы тоже остаетесь?

СИЛЬВА. Вы меня спрашиваете?.. Я, знаете ли...

Появляется Нина и проходит в другую комнату. Сильва провожает ее выразительным взглядом. Бусыгин тоже смотрит на нее.

Конечно! Куда он, туда и я. Мы с ним неразлучные.

САРАФАНОВ. Вот и прекрасно. Я вижу, вы настоящие товарищи.

Из другой комнаты выходит Васенька. Он морщится, волосы у него всклокочены.

(*Весело.*) Ага... Сарафанов-младший. Состояние плачевное.

БУСЫГИН. Первое похмелье.

Сарафанов и Бусыгин смеются.

ВАСЕНЬКА. Вы уверены, что первое? *(Садится на диван, сидит, опустив голову.)*

САРАФАНОВ. Выпей воды.

СИЛЬВА. Молока.

БУСЫГИН. Горячего чая.

САРАФАНОВ. Хорошо еще, что ему сегодня не надо в школу.

ВАСЕНЬКА. А я туда вообще больше не пойду.

САРАФАНОВ. Опять ты за свое?

ВАСЕНЬКА. Что — опять? Я сказал, что уеду, и уеду.

БУСЫГИН. На твоем месте я бы сначала доучился. В тайгу ты всегда успеешь. В это заведение прием идет круглый год.

САРАФАНОВ. Насколько я понимаю, там нужны плотники и лесорубы.

ВАСЕНЬКА. Ну и что? Преодолею трудности, буду стараться, старшие товарищи мне помогут.

Входит Нина.

Да вообще, не всем же учиться, кому-то и работать надо.

НИНА. Куда он собирается?

ВАСЕНЬКА. Не твое дело.

САРАФАНОВ. Ну-ну! Тебе полезно знать мнение сестры. Она тебя в десять раз серьезнее.

ВАСЕНЬКА. Папа, я — серость, это давно известно. Зато у тебя есть дочь. Она серьезная, умная, красивая...

СИЛЬВА. Это — без смеха.

ВАСЕНЬКА. Кроме того, у тебя появился еще один сын, так что вы могли бы оставить меня в покое. Не мешайте мне быть серым.
САРАФАНОВ. Вот и поговори с ним, попробуй.
НИНА (*Бусыгину*). Поздравляю тебя, ты попал в сумасшедший дом.
БУСЫГИН (*Васеньке*). На твоем месте на этот раз я бы все-таки послушался отца. И сестренку.
ВАСЕНЬКА. Ты вовремя нашелся. Будешь слушаться их вместо меня.
БУСЫГИН. Я уезжаю. К сожалению.
НИНА. Уезжаешь?.. Когда?
БУСЫГИН. Завтра.
СИЛЬВА. Нас ждет институт, как это ни печально.
НИНА. Да?.. А я-то думала...
ВАСЕНЬКА. Она думала, он останется с папой. Нашла козла отпущения.
САРАФАНОВ. Васенька, не устраивай скандала... А что касается Володи — летом он приедет меня навестить.
НИНА. Выходит, ты здесь так, мимоходом...
БУСЫГИН. А ты, выходит, перед отъездом?
СИЛЬВА. Перед каким отъездом?
ВАСЕНЬКА. У меня идея.
САРАФАНОВ. Так. У моего младшего сына шевельнулся рассудок.
ВАСЕНЬКА. Папе нужно жениться.
САРАФАНОВ. Что ты сказал?
ВАСЕНЬКА. Тебе надо жениться.

Нина смеется.

САРАФАНОВ (*Нине*). Прекрати. Он просто грубиян. Что в этом смешного?
НИНА. На ком, Васенька?
ВАСЕНЬКА. На Володиной матери. На ком же еще.
САРАФАНОВ. Я вижу, ты совсем распоясался.
НИНА (*насмешливо*). А что, папа? Тут стоит подумать. (*Бусыгину*.) А что ты на это скажешь?
БУСЫГИН. Я?.. Даже не знаю, что сказать.
САРАФАНОВ. Не обращай на них внимания. Я распустил их, как видишь.

ВАСЕНЬКА. Ты напрасно сердишься. Я не предлагаю тебе ничего дурного. Даже наоборот...

САРАФАНОВ. Помолчи-ка, шут гороховый. (*Сильве.*) Семен, как вам нравится это семейство?

СИЛЬВА. Исключительное семейство. (*На Бусыгина.*) Ему крупно повезло.

САРАФАНОВ. Нина, Володя завтра уезжает, а я чуть задержусь на работе. (*Бусыгину.*) Сегодня у нас серьезная программа — Глинка, Берлиоз. (*Нине.*) Так что ты, вы то есть, постарайтесь прийти пораньше...

НИНА. Хорошо.

САРАФАНОВ. Ну а пока... Который час?.. Десятый? Пора бы и позавтракать.

НИНА (*подходит к окну, открывает его*). Да, но вначале здесь надо хоть немного прибрать. Подите все в ту комнату. (*Смотрит в окно.*) Васенька, иди полюбуйся. Наталья при всем параде.

Сильва, Сарафанов и Бусыгин подходят к окну.

САРАФАНОВ (*Бусыгину*). Это она.

БУСЫГИН. Что ж, она интересная.

СИЛЬВА. А кто такая?

САРАФАНОВ. Соседка наша.

НИНА. Краса родимого села. (*Васеньке.*) Ну что же ты сидишь? Иди к ней, попрощайся. Сегодня ты еще не прощался.

ВАСЕНЬКА. Отстань.

НИНА. Или ты уже отправил ей письмо?

ВАСЕНЬКА. Отстань, говорю. Что тебе от меня надо?

НИНА. Надо, чтобы ты не сходил с ума. Сначала думать надо, а потом уже с ума сходить!

БУСЫГИН. Разве? Уж лучше наоборот.

НИНА. Да?

БУСЫГИН. Я так считаю.

НИНА. И очень глупо.

САРАФАНОВ. А по-моему, Володя прав. Думать, конечно, не лишнее, но...

НИНА. Давайте, давайте, оправдывайте его, защищайте. Если хотите, чтобы он совсем рехнулся.

ВАСЕНЬКА (*поднимается, Нине*). Думай сколько тебе

влезет, а я не хочу. Я с ума хочу сходить, понятно тебе? Сходить с ума и ни о чем не думать! И оставь меня в покое! (*Уходит в другую комнату.*)

БУСЫГИН (*Нине*). Зачем же ты так?

САРАФАНОВ. Напрасно, Нина, честное слово. Ты подливаешь масло в огонь.

НИНА. Что он, на самом деле! Нашел перед кем унижаться.

САРАФАНОВ. Ты не права. Она девушка неплохая.

БУСЫГИН. Его можно понять. Она интересная...

НИНА. Да? Ты так думаешь?

БУСЫГИН. А что? Внешне, во всяком случае, она весьма привлекательна.

НИНА. В таком случае у тебя дурной вкус. И отойдите от окна, я начинаю уборку. Расселась тут, выставилась... Оклахома!

СИЛЬВА. А лучше всего вот что: не думать ни о чем и с ума не сходить. Так оно спокойнее. По-моему.

НИНА. Я объявила уборку. Слышали?

САРАФАНОВ. Хорошо, хорошо. Идем, Володя.

БУСЫГИН. Ты иди, а я останусь. На минутку.

САРАФАНОВ. Хорошо. (*Уходит в другую комнату.*)

СИЛЬВА (*у окна*). А знаете, Нина, я с вами согласен. В этой Наталье нет ничего особенного.

НИНА. Ладно, хватит. Все — в ту комнату. (*Уходит на кухню.*)

СИЛЬВА (*изображает восторг, щелкает пальцами*). Огонь, а не сестричка. Дай-ка я помогу ей прибраться.

БУСЫГИН. Нет, мне надо с ней поговорить.

СИЛЬВА. Слушай! Ты же ей брат. Какие у вас могут быть разговоры?

БУСЫГИН. Семейные. Семейные разговоры. (*Подталкивает Сильву к двери.*)

СИЛЬВА (*упирается*). А если я влюбился?

БУСЫГИН. Иди-иди. И придержи там отца.

СИЛЬВА. Кого?

БУСЫГИН. Ну папашу. Неужели непонятно?.. Давай-давай. (*Вытолкнув Сильву, закрывает за ним дверь.*)

Появляется Нина с веником и тряпкой.

Я тебе помогу... Ты не против?

НИНА. Помоги... Будешь пол мести. Умеешь?

Появляется Сильва.

СИЛЬВА. Я вам помогу.

НИНА. Спасибо, но, по-моему, мы и вдвоем управимся.

СИЛЬВА. Нет, но, может быть, что-нибудь переставить, вынести...

БУСЫГИН. Ты только будешь нам мешать.

СИЛЬВА. Но, дети! Обратите внимание. (*Подводит Бусыгина и Нину к зеркалу.*) Вы так похóдите! Я говорю, плакать хочется.

БУСЫГИН. Иди-иди. (*Подталкивает Сильву.*) Можно мне поговорить со своей сестрой? (*Закрывает за Сильвой дверь.*)

НИНА. Да нет, совсем мы не похожи. Ну просто ничего общего...

БУСЫГИН. Возможно...

НИНА. Даже странно... От папы, конечно, всего можно ожидать, но такого... Кто бы мог подумать, что у меня есть брат, да еще старший. Да еще такой интересный.

БУСЫГИН. А я? Разве я думал, что у меня такая симпатичная сестренка?

НИНА. Симпатичная?

БУСЫГИН. Конечно!

НИНА. Ты так считаешь?

БУСЫГИН. Нет, я считаю, что ты красивая.

НИНА. Красивая или симпатичная, я что-то не пойму.

БУСЫГИН. И то и другое, но... мне надо с тобой поговорить...

НИНА. Да?

БУСЫГИН. Значит, ты уезжаешь...

НИНА. А что?.. Ну да, уезжаю. Отец тебе, наверно, объяснил.

БУСЫГИН. Так... Значит, уезжаешь... И что, выходит, насовсем?

НИНА. Ну да. А что тебя волнует?

БУСЫГИН. Меня?.. Видишь ли, какое дело. Ведь отец человек уже немолодой и не такой уж здоровый, и характер у него... В общем, отец есть отец, и если Васенька уедет, то... ты сама понимаешь...

НИНА. Не понимаю...

БУСЫГИН. Но ведь он останется один.

НИНА. Так... И что?

БУСЫГИН. Но ведь ты могла бы...

НИНА. Взять его с собой?

БУСЫГИН. Ну, в общем... Или могла бы здесь остаться.

НИНА. Вот как?.. Надо же, какой ты заботливый.

БУСЫГИН. А как иначе? Ведь он тебе не кто-нибудь — отец родной.

НИНА. А тебе?.. И если ты такой заботливый сын, почему бы тебе не взять его к себе?

БУСЫГИН. Мне?

НИНА. А что ты так удивился? Ты — старший сын, если на то пошло, это твой долг... Что?

БУСЫГИН. Нет, но... Но ведь я же... Я только вчера здесь появился. И потом, ты забываешь о моей матери.

НИНА. А ты забываешь о моем женихе... (*Начинает уборку.*) Легко тебе быть заботливым. Со стороны... Никто его здесь не бросает, приедет к нам на свадьбу, помогать ему будем, письма писать, а впоследствии... Мы оставляем его здесь только на первое время. На год, ну, на полтора.

БУСЫГИН. У летчиков что, медовый месяц длится полтора года?

НИНА. Тебе не нравится, что он летчик?

БУСЫГИН. Почему же? Мне нравится... Это замечательно... Неотразимо. «Не улетай, родной, не улетай».

НИНА. Я не понимаю твоего тона... Сегодня я вас познакомлю. Он хороший парень.

БУСЫГИН. Я представляю. Наверное, он большой и добрый.

НИНА. Да, ты прав.

БУСЫГИН. Некрасивый, но обаятельный.

НИНА. Точно.

БУСЫГИН. Веселый, внимательный, непринужденный в беседе...
НИНА. Да-да-да. Откуда ты все знаешь?
БУСЫГИН. Волевой, целеустремленный. В общем, за ним ты — как за каменной стеной.
НИНА. Все верно. Волевой, целеустремленный. А чем это плохо? По крайней мере он точно знает, что ему в жизни надо. Много он на себя не берет, но он хозяин своему слову. Не то что некоторые. Наврут с три короба, наобещают, а на самом деле только трепаться и умеют.
БУСЫГИН. Может, он у тебя вообще никогда не врет?
НИНА. Да, не врет. А зачем ему врать?
БУСЫГИН. Да? Я хочу его видеть. Покажи мне его. Дай хоть краем глаза на него взглянуть.
НИНА. Вечером увидишь.
БУСЫГИН. А днем нельзя? Я хотел бы рассмотреть его как следует. Никогда не врет — просто замечательно.
НИНА. Послушай! Что ты против него имеешь? Он простой, скромный парень. Допустим, он звезд с неба не хватает, ну и что? Я считаю, это даже к лучшему. Мне Цицерона не надо, мне мужа надо.
БУСЫГИН. А-а. Ну если так, тогда конечно. Тогда в самый раз.
НИНА. Постой! Ведь ты его не знаешь!
БУСЫГИН. Ну и что? Зато я тебя знаю.
НИНА. Знаешь? Меня? Когда это ты успел?
БУСЫГИН. Да вот сейчас.
НИНА. Какой ты способный — надо же! Поговорил пять минут и все понял!
БУСЫГИН. Не все.
НИНА. Ну, что ты понял?
БУСЫГИН. Понял, что тебе надо.
НИНА. Ну что?
БУСЫГИН. Мужа. Ты сама сказала.
НИНА (*рассердилась*). Ну, знаешь ли! Это уже... ты... Кто ты такой, чтобы говорить мне такие вещи?
БУСЫГИН. Какие вещи?
НИНА. Ведь ты его в глаза не видел! За что ты на него

накинулся? Да если хочешь знать, он ничем не хуже тебя! Нисколько!

БУСЫГИН. Не спорю.

НИНА. Даже лучше!

БУСЫГИН. Не возражаю. Какое же сравнение. Конечно, он лучше.

НИНА. Он шире тебя в плечах и выше! На полголовы выше!

БУСЫГИН (*развел руками*). Тогда тем более.

НИНА. Что — тем более?.. Ты нахал! Нахал и выскочка!

БУСЫГИН. Да?

НИНА. И псих! Папа твой псих, и ты такой же.

БУСЫГИН. Спасибо.

НИНА. Пожалуйста!

Пауза. Нина метет пол, Бусыгин протирает мебель. У стола случайно наталкиваются друг на друга и прекращают работу.

Ты обиделся?

БУСЫГИН. Да нет...

НИНА. Я психанула... А ты тоже хорош...

БУСЫГИН. Да нет, зря я на него напустился, в самом деле.

НИНА. Значит, мир? (*Протягивает ему руки.*) Я тебя обругала... Не сердишься?

БУСЫГИН (*привлекает ее к себе*). Да нет же, нет...

Стоят лицом к лицу, и дело клонится к поцелую. Небольшая пауза. Потом враз и неожиданно отпрянули друг от друга.

(*Откашлявшись, весьма неестественно.*) Так как же с отцом, мы недоговорили...

НИНА (*имея в виду только что происшедшее*). Ты странный какой-то...

БУСЫГИН. Послушай, сестренка. Надо что-то решать...

НИНА. Очень странный...

БУСЫГИН. С отцом, я имею в виду... Почему — странный? Просто я не спал всю ночь, ничего странного...

Появляются Сарафанов и Сильва. Сильва наигрывает на гитаре.

Папа! Как ты себя чувствуешь?

САРАФАНОВ. Прекрасно, сынок.

СИЛЬВА (*поет*).

Эх, да в Черемхове на вокзале
Двух подкидышей нашли,
Одному лет восемнадцать,
А другому — двадцать три!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Двор. Домик Макарской, тополь, скамья, часть ограды, но улицы не видно. Макарская, сидя на скамейке, смотрит в сторону ворот.
Появляется Васенька. Останавливается в нерешительности, потом преувеличенно бодро направляется к воротам.

МАКАРСКАЯ (*замечает его*). Васенька!

Васенька замирает.

Подойди ко мне. Я тебя отшлепаю. За вчерашнее.

ВАСЕНЬКА (*не оборачиваясь*). Для этой цели поищите кого-нибудь другого.

МАКАРСКАЯ. Да подойди, не бойся.

ВАСЕНЬКА. У вас хорошее настроение, да? Вам хочется поиграть?.. Роль мышки меня больше не устраивает.

МАКАРСКАЯ. Иди сюда, дурачок.

ВАСЕНЬКА (*не выдерживает, оборачивается и подходит*). Ну вот... Ты можешь мною позавтракать... Если хочешь.

МАКАРСКАЯ. Какой ты смешной... Хочешь со мной в кино?

ВАСЕНЬКА (*не сразу*). В самом деле?.. Когда?

МАКАРСКАЯ. А что там идет? Есть что-нибудь приличное?

ВАСЕНЬКА. Есть! Итальянский фильм! Он идет здесь, рядом.
МАКАРСКАЯ. О чем?
ВАСЕНЬКА. Называется «Развод по-итальянски».
МАКАРСКАЯ. О разводе? Не пойду! Они мне на работе надоели. Три дела — два развода. Что ни день, то развод! Это что же, в Италии, значит, так же?
ВАСЕНЬКА. Нет-нет! Там как раз все по-другому.
МАКАРСКАЯ. А я тебе говорю, что я их насмотрелась! Наслушалась! Нахожусь под впечатлением. Замуж не собираюсь.
ВАСЕНЬКА. Есть еще один... Но тоже о разводе. «День счастья».
МАКАРСКАЯ. Почему же так называется?
ВАСЕНЬКА. Там женщина ушла от плохого мужа к хорошему.
МАКАРСКАЯ. Это ей только так кажется. Еще что-нибудь идет или все?
ВАСЕНЬКА. Все.
МАКАРСКАЯ. Тогда лучше по-итальянски.
ВАСЕНЬКА. Иду за билетами?
МАКАРСКАЯ. Иди, кирюшечка, иди.
ВАСЕНЬКА. Какой сеанс?
МАКАРСКАЯ. Какой хочешь.
ВАСЕНЬКА. Тогда на все подряд. На все сеансы. На сорок лет вперед. (*Уходит.*)
МАКАРСКАЯ. Одичал мальчишечка.

Появляется Сильва.

СИЛЬВА. Здравствуйте, Наташа.
МАКАРСКАЯ. Здравствуйте.
СИЛЬВА. Не помешаю?
МАКАРСКАЯ. Вроде бы нет.
СИЛЬВА (*садится рядом*). Меня зовут Семеном.
МАКАРСКАЯ. Неплохо. Откуда вы знаете мое имя?
СИЛЬВА. Не удивляйтесь. Я давно за вами наблюдаю.
МАКАРСКАЯ. Даже?
СИЛЬВА. Вернее, любуюсь.
МАКАРСКАЯ. И где вы меня видели?
СИЛЬВА. Никогда не скажу.

МАКАРСКАЯ. Вот оно что... Так я сама вам скажу.
СИЛЬВА. Как? И вы меня видели?
МАКАРСКАЯ. Вы где разводились?
СИЛЬВА. Что-что?
МАКАРСКАЯ. Вы в каком суде разводились?
СИЛЬВА. Ну что вы! Никогда этого не было. Я не люблю впутывать государство в свои личные дела. Зачем? У государства и так забот хватает.
МАКАРСКАЯ. Я работаю в суде. Секретарем. Не там ли мы встречались?
СИЛЬВА. Не там. К счастью.
МАКАРСКАЯ. Мне кажется, что все мужчины побывали в нашем суде. Такое впечатление.
СИЛЬВА. Надо же. Такая девушка — и на такой пыльной работе... Ваш домик?
МАКАРСКАЯ. Мой.
СИЛЬВА. Живете одна, мне известно. Нескромный вопрос — почему?
МАКАРСКАЯ. Почему живу одна? Нравится — и живу. А вы что же, недовольны?
СИЛЬВА. Нет, что вы! Наоборот. Романтично. Пригласите в гости.
МАКАРСКАЯ. На каком основании?
СИЛЬВА. Я вам не нравлюсь?
МАКАРСКАЯ. Вы? Ничего. Симпатичный нахал.
СИЛЬВА. Нахал, не возражаю. Но и нахалам тоже нужна любовь.
МАКАРСКАЯ. Вот. Свет раскололся пополам: на женихов и нахалов. С женихами — скука, с нахалами — слезы. Вот и поживи!
СИЛЬВА. Чем вы занимаетесь вечером?
МАКАРСКАЯ. Иду в кино. (*Поднимается, идет к дому.*)
СИЛЬВА (*идет за ней*). Кино... Хорошее занятие... А нельзя ли это самое кино перенести? На будущее.
МАКАРСКАЯ (*на пороге*). А зачем?
СИЛЬВА. Как вы живете? Можно поинтересоваться?
МАКАРСКАЯ. Входите. Все равно ворветесь.
СИЛЬВА. Это действительно. (*Входит вслед за Макарской в дом.*)

Из подъезда выходят Нина и Бусыгин. Нина в плаще, с сумочкой.

БУСЫГИН. Нет-нет, иди одна. Лучше уж я пойду с отцом. Послушаю музыку. Глинку, Берлиоза...

НИНА. Я тебе не советую.

БУСЫГИН. Почему?

НИНА. Никакого Берлиоза ты не услышишь.

БУСЫГИН. Как же? Отец сказал...

НИНА. Мало ли что он сказал. Вот уже полгода, как он не работает в филармонии.

БУСЫГИН. Серьезно?

НИНА. Да. И лучше, если ты об этом будешь знать.

БУСЫГИН. Где же он работает?

НИНА. Работал в кинотеатре, а недавно перешел в клуб железнодорожников. Играет там на танцах.

БУСЫГИН. Да?

НИНА. Но имей в виду, он не должен знать, что ты об этом знаешь.

БУСЫГИН. Понятно.

НИНА. Конечно, это уже всем давно известно, и только мы — я, Васенька и он — делаем вид, что он все еще в симфоническом оркестре. Это наша семейная тайна.

БУСЫГИН. Что ж, если ему так нравится...

НИНА. Я не помню своей матери, но недавно я нашла ее письма — мать там называет его не иначе как блаженный. Так она к нему и обращалась: «Здравствуй, блаженный...», «Пойми, блаженный...», «Блаженный, подумай о себе...», «У тебя семья, блаженный...», «Прощай, блаженный...» И она права... На работе у него вечно какие-нибудь сложности. Он неплохой музыкант, но никогда не умел за себя постоять. К тому же он попивает, ну и вот, осенью в оркестре было сокращение, и, естественно...

БУСЫГИН. Погоди. Он говорил, что он сам сочиняет музыку.

НИНА (*насмешливо*). Ну как же.

БУСЫГИН. А что за музыка?

НИНА. Музыка-то?.. Потрясающая музыка. То ли кан-

тата, то ли оратория. Называется «Все люди — братья». Всю жизнь, сколько я себя помню, он сочиняет эту самую ораторию.

БУСЫГИН. Ну и как? Надеюсь, дело идет к концу?

НИНА. Еще как идет. Он написал целую страницу.

БУСЫГИН. Одну?

НИНА. Единственную. Только один раз, это было в прошлом году, он переходил на вторую страницу. Но сейчас он опять на первой.

БУСЫГИН. Да, он работает на совесть.

НИНА. Он ненормальный.

БУСЫГИН. А может, так ее и надо сочинять, музыку?

НИНА. Ты рассуждаешь, как он... И все-таки жалко.

БУСЫГИН. Чего жалко?

НИНА. Жалко с вами расставаться... Ничего не понимаю. Я так ждала отъезда, а теперь, когда осталось несколько дней... И с Васькой жалко расставаться. И с тобой. Хотя еще вчера я про тебя и знать не знала... Слушай, братец! Где ты пропадал? Почему ты раньше не появился?

БУСЫГИН. Но ты знаешь...

НИНА. Нет бы раньше. Водил бы меня в кино, на танцы, защищал бы, уму-разуму учил. А то — на́ тебе, явился! В последний день, как нарочно. Это даже подло с твоей стороны.

БУСЫГИН. Что поделаешь?.. Оставайся, если хочешь. (*Поправляется с заметной поспешностью.*) Задержись, я имею в виду.

НИНА. Зачем?

БУСЫГИН. Ну... в кино сходим, на танцы...

НИНА. Ты же завтра уезжаешь?

БУСЫГИН. А я... я вернусь.

НИНА. Нет, все уже решено.

БУСЫГИН. Где ты с ним встречаешься?

НИНА. В центре, как обычно.

БУСЫГИН. Когда вы появитесь?

НИНА. Мы идем в кино. Здесь будем часов в восемь... Ну хочешь, пойдем вместе?

БУСЫГИН. Что я там буду делать?.. Нет. Познакомимся с твоим летчиком вечером.

НИНА. Надеюсь, он тебе понравится. Он хороший, он

так ко мне относится... Ты не думай, я и другим нравилась. Я сама его выбрала.

БУСЫГИН. Почему? Он лучше всех?

НИНА. Он меня любит... Знаешь, увлечения есть увлечения, но в жизни хочется чего-то раз и навсегда.

БУСЫГИН. Понятно.

НИНА. Что тебе опять понятно?

Из домика слышится смех Макарской.

БУСЫГИН. Веселая женщина.

НИНА. Даже слишком. Опять кого-то подцепила...

БУСЫГИН. Ты к ней чересчур строга. Она милая женщина.

НИНА. Откуда ты знаешь, какая она?

БУСЫГИН. А я с ней знаком.

НИНА. Да?

БУСЫГИН. Вчера, когда мы искали вашу квартиру, я с ней беседовал...

НИНА. Вот как?

БУСЫГИН. Она мне понравилась.

НИНА. Понравилась?

БУСЫГИН. А что?

НИНА. Она?

БУСЫГИН. А почему бы и нет? Она славная...

НИНА. Старуха.

БУСЫГИН. Блондинка. Мне нравятся блондинки.

НИНА. Крашеная.

Снова слышится смех Макарской.

БУСЫГИН. Жизнерадостная. Я люблю жизнерадостных.

НИНА. Терпеть ее не могу!

БУСЫГИН. Одинокая. Одиноких мне всегда жалко.

НИНА. Ненавижу!

БУСЫГИН (*заигрался*). А я, пожалуй, за ней все-таки приударю.

НИНА. Нет! Не смей к ней подходить.

БУСЫГИН. Ого!.. Послушай, это уже похоже на ревность.

НИНА (*удивляясь*). Что?..

БУСЫГИН. Может, ты меня ревнуешь?

НИНА (*испугалась*). Ревную?.. (*Смутившись.*) Ну да... Конечно, ревную. А разве сестра не может ревновать?

БУСЫГИН (*забывшись*). Да какая сестра!.. (*Опомнился.*) Ну да, сестра — брата! Конечно, может. Если она его... Если она к нему хорошо относится...

НИНА (*неуверенно*). Ну конечно...

БУСЫГИН. Это в порядке вещей. Вон на Кавказе, так там даже до резни доходит... Ну, ты иди, а то опоздаешь.

НИНА (*очнувшись*). Да! Давно пора... Пойду... (*Идет, но возвращается.*) Послушай, а на Кавказе не бывает так, чтобы сестра влюбилась в брата?

БУСЫГИН. Влюбилась?.. Нет, так на бывает.

НИНА. Что ты говоришь? (*Засмеялась.*) А я-то думала...

БУСЫГИН (*тоже смеется*). По-моему, это невозможно.

НИНА (*смеется*). Невозможно?

БУСЫГИН. По-моему, нет.

НИНА (*смеется*). А жалко... (*Перестав смеяться.*) А с тобой, знаешь, не соскучишься.

БУСЫГИН. Со мной? Никогда.

НИНА. Ладно, я ухожу... Часа в два разбуди отца. Еда на плите, разогреете. Да посмотри за младшим братом, как бы он не сбежал.

БУСЫГИН. Не сбежит. Мы с ним договорились.

НИНА. Смотри, отец на тебя надеется... Счастливо. (*Подходит к нему ближе.*) А с этой (*жест в сторону домика Макарской*) ты все же лучше не связывайся. Хорошо?

БУСЫГИН. Хорошо... Счастливо тебе...

НИНА. Счастливо, братец. (*Уходит.*)

БУСЫГИН (*помахав ей рукой, негромко*). Прощай, сестренка...

На пороге появляются Сильва и Макарская. Макарская смеется. Бусыгин стоит у ворот, им с крыльца его не видно.

СИЛЬВА. Итак, когда солнце позолотит верхушки деревьев...

МАКАРСКАЯ (*в дверях, смеясь*). Хорошо, хорошо... Счастливенько!

СИЛЬВА (*деловито*). Значит, в десять.

МАКАРСКАЯ. В десять, в десять... (*Исчезает, закрыв дверь.*)

Сильва сходит с крыльца, замечает Бусыгина.

СИЛЬВА. А, мсье Сарафанов! (*Подходит.*) Жизнь бьет ключом! (*Жест в сторону домика Макарской.*) Слыхал?

БУСЫГИН. Слыхал.

СИЛЬВА. А чего ты затосковал? В чем дело? Сын ты здесь или бедный родственник?

БУСЫГИН. Тебе не кажется, что мы здесь загостились?

СИЛЬВА. Да нет, все нормально. Мне здесь уже нравится. Тебе тоже здесь неплохо. Дела идут.

БУСЫГИН. Какие дела?

СИЛЬВА. Я имею в виду сердечные.

БУСЫГИН. Ничего такого нет.

СИЛЬВА. Рассказывай, будто я не вижу. У вас бешеный интерес. Причем взаимный. На вас просто нельзя смотреть — плакать хочется.

БУСЫГИН. Брось. Она выходит замуж.

СИЛЬВА. Слыхал, но...

БУСЫГИН (*перебивает*). И на днях уезжает. Вот и весь интерес... Хорошо мы погостили, весело, но пора и честь знать. Собирайся.

СИЛЬВА. Куда?

БУСЫГИН. Домой.

СИЛЬВА. Погоди... Зачем? У меня же в десять свидание.

БУСЫГИН. Оно не состоится. Какого черта ты суешься куда не следует? Ты что, не видишь, что с пацаном делается из-за этой женщины?

СИЛЬВА. А я-то тут при чем?

БУСЫГИН. Не валяй дурака. И никаких свиданий. Все. Мы едем домой.

СИЛЬВА. Ни за что. Не могу же я обманывать женщину?

БУСЫГИН. Можешь. Иди попрощайся. Скажи ей, что, когда солнце позолотит верхушки деревьев, ты будешь уже далеко.

СИЛЬВА. Слушай, что ты опять придумал?.. Мы вернемся сюда ночью, а?

БУСЫГИН. Зачем?

СИЛЬВА. Не вернемся?.. Тогда ты поезжай, а я...

БУСЫГИН. Мы поедем вместе.

СИЛЬВА. Почему?.. Слушай. У тебя какие-то планы, я понимаю. Но я-то ничего не знаю. За что я должен страдать? Объясни — тогда другое дело. Ты держишь меня в полной темноте. Это некрасиво. Друзья так не поступают.

БУСЫГИН. Хорошо. Раз мы друзья, я прошу тебя как друга: едем. Ты сам сказал, что ты мой друг.

СИЛЬВА. Ну правильно, друг. Но нельзя же сено на мне возить. С сестрой мне нельзя, с другой мне тоже нельзя, как же мне жить дальше?

БУСЫГИН. Короче, вот: если когда-нибудь ты постучишься в эту дверь *(жест в сторону домика Макарской)*, это плохо для тебя кончится. Понятно?.. Ну что? Ты остаешься?

СИЛЬВА. Черт с ней. Не ссориться же нам из-за женщины. Едем... Эту большую глупость я делаю только потому, что я тебя полюбил. В интересах мужской дружбы.

БУСЫГИН. Ладно, ладно...

СИЛЬВА. Жди меня здесь, я заберу гитару.

БУСЫГИН. Я зайду тоже.

СИЛЬВА. Э, лучше ты этого не делай. Там папаша, разговоры. Опять на два часа.

БУСЫГИН. Он спит. Я напишу ему записку.

Неожиданно появляется Васенька.

СИЛЬВА. А, прилетел, голубь!

ВАСЕНЬКА. А, выползли на солнышко!

БУСЫГИН. Откуда ты, старина?

ВАСЕНЬКА. Какое вам дело, крокодилы?

СИЛЬВА. У тебя шикарное настроение. Выиграл в «замеряшки»?

ВАСЕНЬКА. Отец дома?

БУСЫГИН. Он спит.

ВАСЕНЬКА. Что поделываете?

СИЛЬВА. Кто что. Твой брат совершает благородные поступки, а я... мне выпить бы, что ли.

ВАСЕНЬКА. Тогда идите домой. Там на кухне, за батареей, кое-что есть. Энзэ отца.

СИЛЬВА. Энзэ. А что именно?

ВАСЕНЬКА. Не знаю. По-моему, калгановая. Устраивает?

СИЛЬВА. Калгановая? Ну, это не лучший из напитков... Но ничего, сойдет.

БУСЫГИН (*Сильве*). Иди, я сейчас.

Сильва исчезает в подъезде.

Ну так как, братишка, договорились?

ВАСЕНЬКА. Все железно.

БУСЫГИН. Я — другое дело, мне необходимо ехать... Может, даже сегодня. А ты... Короче, я надеюсь, что ты меня не подведешь.

ВАСЕНЬКА. Я остаюсь. Теперь это бесповоротно.

БУСЫГИН. Да нет, ты парень крепкий.

ВАСЕНЬКА. Ну ладно, ты иди.

БУСЫГИН. Слушаюсь, братишка. (*Уходит в подъезд.*)

Васенька стучится к Макарской. Та появляется.

МАКАРСКАЯ. Купил билеты?

ВАСЕНЬКА. Еще бы! Знаешь, какая была свалка?

МАКАРСКАЯ. Можно догадаться. Пуговицы-то где?

ВАСЕНЬКА. Одна здесь, другая там!

МАКАРСКАЯ. Давай хоть эту. Подожди. (*Уходит в дом.*)

Васенька достает из кармана запечатанный конверт, спички, сжигает конверт у крыльца ее дома.

(*Появляясь.*) Что ты делаешь?

ВАСЕНЬКА (*весело*). Так. Жгу одно послание.

МАКАРСКАЯ. Дай пиджак.

Какое-то время молча сидят на крыльце рядом. Васенька затих, замер и вдруг уткнулся головой в ее плечо.

Что это ты?..

ВАСЕНЬКА. Не знаю.

МАКАРСКАЯ. Легче, легче!.. (*Подняла его голову снисхо-*

дительным жестом.) Разнежился мальчишечка!

ВАСЕНЬКА. Прости. Это у меня... пройдет...

МАКАРСКАЯ (*отдает ему пиджак*). Возьми. Когда эта пуговица оторвется, ты меня забудешь. Такая примета... Подожди, у тебя на какой сеанс билеты?

ВАСЕНЬКА. На последний, на десять часов... А что?

МАКАРСКАЯ. На десять? Ты с ума сошел!

ВАСЕНЬКА. Но ты сказала — на какой хочешь.

МАКАРСКАЯ. Только не на десять!

ВАСЕНЬКА. Ты сказала...

МАКАРСКАЯ. Васенька, голубчик, на десять невозможно.

ВАСЕНЬКА. На какой хочешь. Ты сама сказала.

МАКАРСКАЯ. Васенька! На десять я пойти не могу!

ВАСЕНЬКА. Почему?

МАКАРСКАЯ. Не могу, и все.

ВАСЕНЬКА. Почему не можешь?

МАКАРСКАЯ. Не могу — это значит не могу! Беги за билетами, если еще хочешь со мной в кино.

ВАСЕНЬКА. Почему? Я должен знать.

МАКАРСКАЯ. Должен знать? С чего это ты взял? И что это за манера все знать?.. И не смотри на меня так.

ВАСЕНЬКА. Что случилось? У тебя свидание?

МАКАРСКАЯ. Ты что, прокурор? (*Кричит.*) Да не смотри на меня так! Кто это тебе сказал, что ты можешь так на меня смотреть?

ВАСЕНЬКА. У тебя свидание?

МАКАРСКАЯ. Угадал. Свидание! Ну и что?

ВАСЕНЬКА. Зачем ты так сделала?

МАКАРСКАЯ. Да уж так. Пока ты ходил за билетами, тут кое-что изменилось.

ВАСЕНЬКА. Что?

МАКАРСКАЯ. Говорят тебе, перестань допрашивать!

ВАСЕНЬКА. Что изменилось?!

МАКАРСКАЯ. Мне понравился один парень, вот что! Получай уж все как есть!

ВАСЕНЬКА. А где этот парень был раньше? Где?!

МАКАРСКАЯ. Господи! Как ты мне надоел!..

ВАСЕНЬКА. Зачем ты отправила меня за билетами, садистка?

МАКАРСКАЯ. Да пожалела я вас! Папу твоего пожалела...

ВАСЕНЬКА. Что-о?.. При чем здесь отец?

МАКАРСКАЯ. А при том, что он вчера ночью сватать меня приходил.

ВАСЕНЬКА. Врешь!

МАКАРСКАЯ. И что это за семейка такая, господи! За такого-то, за идиотика, — сватать! Это надо же додуматься!

ВАСЕНЬКА (*хватает ее за руку*). Я... я убью тебя!

МАКАРСКАЯ. Ты! Ха-ха! Напугал. Да ты и мухи-то и той не обидишь! Не в состоянии. (*Выдергивает из его руки свою.*) И вот что, детка. Все. Концерт окончен. Иди и не придуривайся. Пока тебя не выпороли. (*Уходит, хлопнув дверью.*)

Из подъезда выходят Бусыгин и Сильва с гитарой. На их глазах Васенька вдруг обрывает пуговицу, пришитую Макарской. Пуговицу эту — оземь!

БУСЫГИН. Братишка, что с тобой?.. Что случилось?

Васенька стоит в оцепенении.

БУСЫГИН. Кто тебя обидел?.. Она?

СИЛЬВА (*Васеньке*). Что бы я тебе посоветовал, старичок, так это махнуть рукой. На время. Ты любишь девушку — она крутит тебе динамо. Нормальное явление. А ты посмотри, что она будет делать, когда ты ее не будешь любить.

БУСЫГИН. Прекрати, что ты мелешь.

Васенька вдруг убегает в подъезд.

Балбес. Что ты натворил, ты видишь?

СИЛЬВА. Слушай, ты чего это, а? Заболел? Что он тебе, действительно родной брат, что ли?

БУСЫГИН. Черт подери... Что же теперь делать?

СИЛЬВА. Что делать? Сматываться. Раз собрались.

Появляется Сарафанов.

(*Негромко.*) Проснулся, дождались.

САРАФАНОВ. Володя!
БУСЫГИН. Что такое?
САРАФАНОВ (*с отчаянием*). Он собирает рюкзак! (*Исчезает в подъезде.*)
СИЛЬВА. Все. Пошли отсюда.
БУСЫГИН (*с досадой*). Я остаюсь.
СИЛЬВА. Ну вот, привет! (*Проводит большим пальцем по струнам гитары.*) Значит, все по новой?.. Слушай, эта песня мне надоела.

Картина вторая

Квартира Сарафановых. Девятый час вечера. Бусыгин стоит у двери в соседнюю комнату. Сильва, лежа на диване, наигрывает на гитаре.

СИЛЬВА (*напевает*).

Ах, дети, дети, что же вы, дети,
Зачем вы пьете кровь мою,
У нас таких законов нету,
Чтоб брат любил сестру свою...

БУСЫГИН. Перестань.
СИЛЬВА. По-моему, он давно дрыхнет.
БУСЫГИН. Нет, в том-то и дело. Он смотрит в потолок (*взглянул на часы*) вот уже шестой час.
СИЛЬВА. Может, он умер?
БУСЫГИН (*приоткрывает дверь*). Послушай, старина, что ты там наблюдаешь? Что-нибудь забавное? Из жизни тараканов, а?.. (*Помолчав, закрывает дверь.*) Бесполезно.
СИЛЬВА. Тебе нравится сестра, почему ты должен караулить брата? Мне непонятно. Слушай, а кто будет тебе этот парень, если... Зять, что ли?
БУСЫГИН. Вроде так.
СИЛЬВА. Зятек, точно! (*Смеется.*) Я тебе уже завидую. А кто такой?
БУСЫГИН. Курсант. Отличник боевой и политической подготовки.
СИЛЬВА. Представляю, что здесь получится. Может, тебе лучше удалиться?.. Я понимаю, ты хочешь повидаться с сестрицей.

БУСЫГИН. Может быть.
СИЛЬВА. Ясно. Хочешь с ней поговорить. Как следует, а?
БУСЫГИН. Это не твое дело.
СИЛЬВА. А курсант? А там папаша подойдет. Будет у вас потеха. А я тут при чем? (*Бросает гитару, дотягивается до лежащего на трюмо семейного альбома Сарафановых и листает его.*)
БУСЫГИН. Можешь пойти в кино. Вот билеты. Он их выбросил.
СИЛЬВА. Ну? Чего только нет в этом доме. (*Берет билеты.*) Я подумаю. (*Листает альбом.*)
БУСЫГИН. Ты говорил с этой девицей?
СИЛЬВА. О чем? (*Показывает альбом Бусыгину.*) Смотри, папаша, оказывается, тоже был молодым.
БУСЫГИН. Сказал ты ей, что между вами все кончено?
СИЛЬВА. Нет. Я же больше ее не видел.
БУСЫГИН. Мог бы сказать.
СИЛЬВА. Проживет без объяснений! Не маленькая. Я ее больше не знаю, как ты хотел... А скажи, она... ничего себе, а?
БУСЫГИН. Не вздумай потащить ее в кино.
СИЛЬВА. Ну что ты! За кого ты меня принимаешь?.. С женщинами главное — не забывать, что на свете есть много других женщин... От этой я отказываюсь. В интересах мужской дружбы... А верно, в этом есть что-то приятное — пострадать за товарища. Я даже уважать себя стал. В самом деле. Лежу вот и уважаю. (*Листает альбом, показывает Бусыгину.*) Твоя сестричка в ранней юности. Вот. Играет в классики. Взгляни. Полюбуйся.
БУСЫГИН. Видел.
СИЛЬВА (*листает дальше*). А это? После выпускного бала. Они гуляют по улице. Малинник!.. Что? Она тут самая симпатичная. (*Листает дальше, застонал.*) Мм... Пляж! Это самое интересное... (*Показывает Бусыгину.*) Видел?
БУСЫГИН. К сожалению. Лучше бы мне этого не видеть.
СИЛЬВА. Как-то раз на пляже был такой случай. Тонула одна девица, я ее вытащил.
БУСЫГИН (*рассеянно*). Ну и что?
СИЛЬВА. Ну и то. Тащил — не видел, а вытащил, гля-

нул — несимпатичная. Не повезло. Мне бы (*щелкнул по фотографии*) такую спасти! Она тонет, а я ее спасаю, а? Неплохое начало, скажи?

БУСЫГИН. Слушай. Пошел бы ты лучше в кино.

Стук в дверь.

Войдите, дверь открыта.

Входит Кудимов, курсант авиаучилища. В руках у него букет и две бутылки шампанского.

КУДИМОВ. Добрый вечер.

БУСЫГИН. Добрый вечер.

КУДИМОВ. Квартира Сарафановых?

БУСЫГИН. Да.

КУДИМОВ. А Нина? Разве она еще не пришла?

БУСЫГИН. Еще нет.

КУДИМОВ (*подходит к столу*). Черт возьми! У меня не так уж много времени. (*Ставит бутылки.*) Мы потерялись в гастрономе. (*Берет со стола стакан. Энергичен.*)

БУСЫГИН (*вежливо*). Вы здесь в первый раз?

КУДИМОВ (*воткнув в стакан цветы*). В первый раз, совершенно верно. (*Улыбается. Он и далее много улыбается. Добродушен.*)

БУСЫГИН. Ну и ничего... сориентировались?

КУДИМОВ. А как же! (*Подмигнув.*) Знакомые места. (*Ставит стакан с цветами на стол.*) Ну что, парни, давайте знакомиться.

БУСЫГИН. Давайте.

Трясут друг друга за руки.

КУДИМОВ. Михаил.

БУСЫГИН. Владимир.

КУДИМОВ. Это ты?.. Все знаю... Сочувствую. Рад.

БУСЫГИН. Благодарю за чуткость.

КУДИМОВ (*Сильве*). Михаил.

СИЛЬВА (*солидно*). Севостьянов. Семен Парамонович.

КУДИМОВ. Парамонович? Комик!

СИЛЬВА. Комик? Простите, это вы о ком?

КУДИМОВ. Артист! (*Хлопнул Сильву по плечу.*)

СИЛЬВА (*холодно*). Что за фамильярности вы себе позволяете?

КУДИМОВ. Да ладно тебе!.. (*Смотрит на часы.*) Черт! В половине одиннадцатого я должен быть в казарме. Ну как, парни, выпьем или подождем Ниночку?

СИЛЬВА (*холодно*). Выпьем.

КУДИМОВ. А где папаша?

БУСЫГИН. Кого ты называешь папашей?

КУДИМОВ. Как — кого?.. Отца Ниночки, твоего отца!

БУСЫГИН. Ты с ним незнаком и уже называешь папашей... А впрочем... Он на работе.

СИЛЬВА. Вы присаживайтесь.

КУДИМОВ. Черт побери! Почему ты говоришь мне «вы»?

СИЛЬВА. А почему вы говорите «ты»? Мне и моему другу. Это нас шокирует.

КУДИМОВ (*весело*). Парни! Что за формальности? Мне эта субординация (*показывает*) во как осточертела! Давайте проще!.. Выпьем по этому поводу!

Кудимов и Сильва пьют.

СИЛЬВА (*Бусыгину*). Солдат всегда солдат. Его не переделаешь. (*Садится на диван, Кудимову.*) Прошу вас.

КУДИМОВ. Да что вы, в самом деле! Парламент здесь, что ли?

СИЛЬВА. Навроде этого. (*Наигрывает на гитаре.*) А интересно, начальство разрешает вам жениться?

БУСЫГИН (*Сильве*). Перестань.

КУДИМОВ. А почему нет? Я заканчиваю училище.

СИЛЬВА. А интересно...

БУСЫГИН (*перебивает*). Помолчи, я тебе сказал.

КУДИМОВ. А чего? Пусть он хохмит. Я не против.

Входит Нина.

НИНА (*Кудимову*). Ага, ты здесь. (*Остальным.*) Привет. (*Проходит.*) Познакомились?

СИЛЬВА. Было дело.

КУДИМОВ. Веселые ребята. Люблю веселых ребят... Ну, выпьем? Чтобы не терять время даром.

СИЛЬВА. Вот это правильно.
НИНА. Не торопитесь. Подождем отца.
КУДИМОВ. Подождем. Но через полчаса я ухожу.
СИЛЬВА. Вот жизнь. Регламент. Чуть что, опоздал — губа и все такое. Тяжело, верно?
КУДИМОВ. Я не жалуюсь.
БУСЫГИН. А что у вас полагается за опоздание?
КУДИМОВ. Я никогда не опаздываю.
БУСЫГИН. Я так и думал.
НИНА. В конце концов, не беда, если сегодня ты даже и опоздаешь. Один раз можно.
КУДИМОВ. А зачем мне опаздывать?
БУСЫГИН. Да, зачем ему опаздывать?
НИНА (*Кудимову*). Сегодня ты немного задержишься.
КУДИМОВ. Зачем?
НИНА. Просто так. Задержишься, и все.
КУДИМОВ. Если необходимо — я готов, но просто так, извини, я не вижу в этом смысла.
БУСЫГИН. Правильно, курсант, не поддавайся. Дисциплина прежде всего.
КУДИМОВ. Дело не в этом. Я дал себе слово не опаздывать. А свое слово я уважаю.
НИНА. Сегодня ты опоздаешь. Я так хочу.
БУСЫГИН. Не слушай ее, курсант. Главное — быть принципиальным.

Появляется Сарафанов. Он выгладит утомленным, но настроение у него лирическое.

САРАФАНОВ. Добрый вечер, архаровцы! (*Замечает Кудимова.*) Извините.
НИНА. Познакомься, папа...
КУДИМОВ. Кудимов. Михаил.
САРАФАНОВ (*церемонно, с подчеркнутым достоинством, слегка изображая блестящего гастролера, любимца публики*). Сарафанов... Так-так... очень приятно... Наконец-то мы вас видим, так сказать, воочию. Очень приятно. Садитесь, пожалуйста. (*Бусыгину.*) Васенька дома?
БУСЫГИН. Дома. Но он не в духе.

Сарафанов снимает шляпу, кладет ее на стол, в плаще опускается на стул. Нина уносит в прихожую его шляпу.

САРАФАНОВ (*Кудимову*). Мой старший сын. Познакомились?

КУДИМОВ. Да. Познакомились.

Возвращается Нина.

САРАФАНОВ. Спасибо... (*Нине и Кудимову.*) Ну что ж, молодые люди, что ж... Вы давно все обдумали, решили, а мы... Мы принимаем так, как оно есть. Такова уж наша участь.

КУДИМОВ (*наливает всем шампанского*). С вашего разрешения — за вас, за наше знакомство.

Все встают.

САРАФАНОВ. Что ж. Я рад. Мы все здесь рады, верно, Володя?

НИНА (*Бусыгину*). Ты рад или не рад?

БУСЫГИН. Твое здоровье, папа.

КУДИМОВ. Ваше здоровье.

СИЛЬВА. Ваше здоровье.

САРАФАНОВ. Спасибо, спасибо. Но у меня другой тост, друзья... Извините, но я сяду. (*Садится.*) Устал... Сегодня я устал. Как будто я пешком прошел через весь город... (*На мгновение смутился, потом — снова чуть рисуясь.*) Глинка, если вы знаете, любил кларнет и в своих сочинениях всегда уделял ему много места...

В то время как Сарафанов говорит, Кудимов пристально всматривается в его лицо.

Да... Так вот. Сейчас, когда я возвращался домой, я размышлял о жизни. Кто что ни говори, а жизнь всегда умнее всех нас, живущих и мудрствующих. Да-да, жизнь справедлива и милосердна. Героев она заставляет усомниться, а тех, кто сделал мало, и даже тех, кто ничего не сделал, но прожил с чистым сердцем, она всегда утешит. Сегодня я хочу выпить за своих детей... (*Замечая пристальный взгляд Кудимова.*) Простите, отчего вы так на меня смотрите?

КУДИМОВ. Извините, но мне кажется, я вас где-то ви-

дел. Не могу вспомнить, когда и при каких обстоятельствах, но я вас где-то видел.

САРАФАНОВ (*с беспокойством*). Возможно... Так вот, я хочу выпить за своих детей, за тебя, Володя... (*Нине*) за тебя, за Васеньку. (*Кудимову.*) Это мой младший, он сейчас отдыхает. Итак, за вас, дети, за ваше здоровье, за ваше счастье...

Все, кроме Бусыгина, выпивают.

БУСЫГИН. Твое здоровье, папа. (*Выпивает.*)

КУДИМОВ (*глядя на Сарафанова*). Не могу вспомнить где, но я вас видел. Это точно.

НИНА. Ну видел, ну и что?..

КУДИМОВ. Но где?

НИНА. Да не все ли равно?

КУДИМОВ. Я буду мучиться, пока не вспомню. У меня всегда так. Ну где же, где?

САРАФАНОВ (*с беспокойством, но и не без оптимизма*). Я артист. Вы могли видеть меня на эстраде.

НИНА. Папа музыкант, ты прекрасно об этом знаешь.

САРАФАНОВ (*с большим беспокойством, но и надеждой*). Возможно, в филармонии?

КУДИМОВ. Нет-нет...

САРАФАНОВ (*поспешно и категорически*). Значит, в театре.

КУДИМОВ. Нет, не в театре...

НИНА. Боже мой, какое это имеет значение?..

КУДИМОВ. Минуточку, минуточку...

БУСЫГИН (*Кудимову*). А ты не опоздаешь? Осталось восемнадцать минут.

КУДИМОВ. Спасибо, за часами я слежу... Но я должен вспомнить...

НИНА. Да хватит тебе! Так можно вспоминать до самой смерти.

КУДИМОВ. Вспомнил!

СИЛЬВА. Наконец-то.

КУДИМОВ. Я видел вас на улице!

НИНА. Ну слава богу. Надеюсь, ты успокоился?

КУДИМОВ. Ну конечно! Ты сказала «до самой смерти», и я сразу вспомнил. (*Сарафанову.*) Я видел вас на похоронах.

Небольшая пауза.

НИНА. На каких похоронах?

КУДИМОВ. Черт! Как я мог забыть, ведь это было на прошлой неделе, и в руках у вас был этот самый кларнет!

НИНА. Нет, ты обознался.

КУДИМОВ. Ни в коем случае. Хоронили какого-то шофера, вы шли по улице Коминтерна часа в четыре дня.

НИНА. А я говорю, ты обознался.

КУДИМОВ. Да нет же, Нина! Хоть я видел только мельком, но у меня хорошая зрительная память.

БУСЫГИН. На этот раз она тебя подвела. Ты его с кем-то спутал.

КУДИМОВ. Ничего подобного. (*Сарафанову.*) Вы были в плаще и в этой самой шляпе. Скажите!

САРАФАНОВ. Э...

БУСЫГИН (*перебивает*). Тебе показалось.

КУДИМОВ. Да точно!

БУСЫГИН. Ты обознался.

КУДИМОВ (*Сарафанову*). Да скажите вы им.

БУСЫГИН. Папа, молчи. (*Кудимову.*) Ты обознался, неужели ты этого не понимаешь?

КУДИМОВ. Да я даю вам честное слово!

БУСЫГИН. Послушай! Ты ошибся, это ясно всем, и тебе в том числе.

КУДИМОВ. Нет, минутку!

БУСЫГИН. Сам понимаешь, что ошибся, и настаиваешь на своем. Нехорошо. Выходит, ты врешь.

КУДИМОВ (*вскакивает*). Что? Да я тебя за такие слова...

СИЛЬВА (*незаметно тянет Кудимова за ремень, пытается его усадить*). Сиди и не кашляй.

БУСЫГИН (*поднимается*). К тому же тебе пора в казарму. У тебя в запасе всего тринадцать минут.

НИНА. Прекратите! Сейчас же прекратите!

САРАФАНОВ. Да, ребята. Не надо скандалить...

КУДИМОВ. Я разговариваю нормально и говорю правду, а если (*поворачиваясь к Бусыгину*) кому-то это не нравится, пусть он идет ко всем чертям.

САРАФАНОВ. Что значит — кому-то? Он мой сын и брат моей дочери. И вы должны разговаривать повежливей.

КУДИМОВ. Но вы-то? Почему вы молчите? Ведь это вы были на похоронах. Скажите, в конце концов!

САРАФАНОВ. Да, я должен признаться... Михаил прав. Я играю на похоронах. На похоронах и на танцах...

КУДИМОВ. Ну вот! Что и требовалось доказать.

САРАФАНОВ (*Бусыгину и Нине*). Я понимаю ваше поведение... Спасибо вам... Но я не думаю, что играть на похоронах позорно.

КУДИМОВ. А кто об этом говорит?

САРАФАНОВ. Всякая работа хороша, если она необходима...

КУДИМОВ. Нет, вы не подумайте, что я вспомнил об этом потому, что мне не нравится ваша профессия. Где вы работаете — для меня не имеет никакого значения.

БУСЫГИН. Для тебя.

САРАФАНОВ. Спасибо, сынок... Я должен перед вами сознаться. Вот уже полгода, как я не работаю в оркестре.

НИНА. Ладно, папа...

КУДИМОВ (*Нине и Бусыгину*). А вы об этом не знали?

САРАФАНОВ. Да. Я скрывал от них... И совершенно напрасно...

КУДИМОВ. Вот что...

САРАФАНОВ. Да... Серьезного музыканта из меня не получилось. И я должен в этом сознаться...

КУДИМОВ. Ну что же. Уж лучше горькая правда, чем такие вещи.

БУСЫГИН (*показывает Кудимову часы*). Десять минут. (*Сарафанову.*) Папа, о чем ты грустишь? Людям нужна музыка, когда они веселятся и тоскуют. Где еще быть музыканту, если не на танцах и похоронах? По-моему, ты на правильном пути.

САРАФАНОВ. Спасибо, сынок... (*Кудимову.*) Вы видите? Что бы я делал, если б у меня не было детей? Нет-нет, меня не назовешь неудачником. У меня замечательные дети...

Из соседней комнаты выходит Васенька. Он в плаще, за плечами у него рюкзак.

ВАСЕНЬКА. Ага... Большое оживление в семейной жизни... Что ж, продолжайте, я желаю вам всего хорошего.

САРАФАНОВ. Васенька... Ты выбрал неподходящее время...

ВАСЕНЬКА. Нет, папа, нет, дорогой! На этот раз меня не остановишь.

БУСЫГИН (*подходит к Васеньке с намерением снять с него рюкзак*). Послушай, старина, бросай мешок, не надо так спешить.

НИНА (*подходит к Васеньке*). Раздевайся. (*Пытается снять плащ.*)

ВАСЕНЬКА (*Нине*). Отстань. (*Вырывается.*) Что тебе надо? Чего тебе не хватает? Положись на папу, он все устроит.

САРАФАНОВ. Васенька!

ВАСЕНЬКА. Зачем ты ходил к ней ночью? Кто тебя просил?

САРАФАНОВ. Васенька! Я хотел тебе добра.

ВАСЕНЬКА. Сумасшедший! Было лучше, когда ты обо мне не заботился!

НИНА (*кричит*). Замолчите!

СИЛЬВА (*взглянув на часы, поднимается*). Мне, право, неудобно... Лучше я пойду. У меня билетик в кино, я думаю, общество не возражает?.. (*Уходит.*)

НИНА. Ну? Может, хватит? Или вы решили показать сегодня всю программу целиком?

ВАСЕНЬКА. Прощайте! (*Идет к двери.*)

САРАФАНОВ. Постой!

Бусыгин задерживает Васеньку.

Подожди. Я готов просить у тебя прощения, но я запрещаю тебе уходить.

БУСЫГИН (*Васеньке*). А как же наш уговор, старина?

ВАСЕНЬКА (*вырывается*). Пусти! Оставайся с ним сам, если тебе хочется! Вы мне все осточертели! (*Бусыгину.*) И ты тоже! Пусти, тебе говорят! Я и видеть-то вас не могу!

САРАФАНОВ (*вышел из себя*). Пусти его... Раз так, пусть он убирается. Силой мы его держать не будем.

Бусыгин отпускает Васеньку, и тот мгновенно уходит.

Ничего, ничего. Пусть-ка он один помыкается...

НИНА. Закатили... Очень красиво. Концерт для кларнета с оркестром.

САРАФАНОВ (*забегал по комнате*). Вот-вот. А теперь твоя очередь. Вступай. Начинай. Пошли отца ко всем чертям. Не станешь же ты со мной церемониться!

НИНА. Ну, начинается. (*Кудимову.*) Сейчас ты услышишь все, на что они способны.

КУДИМОВ. Ничего, ничего... Я не обращаю внимания.

САРАФАНОВ. Вот именно! Не обращайте внимания! Наплюйте! Делайте по-своему! (*Убегает в спальню.*)

БУСЫГИН (*Кудимову, шепотом*). Курсант, тебе пора.

НИНА (*Бусыгину, кричит*). Перестань! Что ты все суешься?

КУДИМОВ. Нет. В самом деле. Мне пора. Я ухожу.

НИНА. Нет. Оставайся. Здесь должен быть хотя бы один здравомыслящий человек.

ГОЛОС САРАФАНОВА (*из спальни, он кричит*). Я здесь лишний, я знаю! Я прекрасно знаю!

НИНА. Папа, сейчас тебе лучше помолчать...

КУДИМОВ. Я очень сожалею, но мне действительно пора.

НИНА. Нет, ты останешься.

КУДИМОВ. Пойми меня правильно. У тебя каприз, а я дал себе слово...

НИНА (*неожиданно сухо*). Да. Иди. А то, чего доброго, в самом деле опоздаешь.

КУДИМОВ. Хорошо. Завтра увидимся. (*Уходит.*)

Нина выходит за ним.

САРАФАНОВ (*появляясь*). Куда же он? Зачем? Я здесь лишний. Я! Я — старый диван, который она давно мечтает вынести... Вот они, мои дети, я только что их хвалил — и на тебе, пожалуйста... Получай за свои нежные чувства!

Появляется Нина, останавливается у дверей.

Да, я воспитал жестоких эгоистов. Черствых, расчетливых, неблагодарных.

БУСЫГИН. Успокойся, папа, по-моему, ты не прав.

САРАФАНОВ. Да-да, я сделал свое дело, я их вырастил... (*горько*) теперь я свободен и на старости лет могу насладиться одиночеством...

БУСЫГИН. Ты не будешь один... Если ты не против, я останусь с тобой.

Небольшая пауза. Нина поднимает голову.

САРАФАНОВ. Ты сказал...

БУСЫГИН. Да. Если ты останешься один, я перееду к тебе жить. Если ты захочешь... В вашем городе тоже есть мединститут.

САРАФАНОВ (*расстроганно*). Сынок... Ты у меня один... Ты единственный. Что бы я делал, если бы не было тебя?

БУСЫГИН. Успокойся... По-моему, тебе надо прилечь, ты сильно переволновался. Пойдем, ты отдохнешь, успокоишься... (*Уводит Сарафанова в соседнюю комнату и возвращается.*)

НИНА. Ты в самом деле хочешь здесь остаться?

БУСЫГИН. Да... А как быть? По-твоему, можно оставить его одного? (*Подходит к ней.*) Сильно ты из-за курсанта расстроилась?

НИНА. Да уж. Показали вы... выступили... проявили таланты.

БУСЫГИН. Никто не хотел, чтобы ты расстраивалась.

НИНА. А ты? Куда ты суешь свой нос? Зачем? Почему ты сделал из него идиота?

БУСЫГИН. Он мне не нравится.

НИНА. Ну и что? Не ты же замуж за него собираешься!.. Что тебе надо?.. (*Помолчав.*) Ну, допустим, допустим, он не самый умный, не самый красивый, если даже так — тебе-то что до этого?

БУСЫГИН. Да нет, он парень неплохой... Не в этом дело...

НИНА. Так в чем дело? В чем?!

БУСЫГИН. Он мне не нравится, потому что мне нравишься ты.

НИНА. Что?.. И поэтому ты устроил скандал?..
БУСЫГИН. Возможно.
НИНА. Псих! Свалился на мою голову... Братец!.. Хороша семейка. Тебя тут только и не хватало... Я знаю, это у нас фамильное. Фамильная шизофрения!
БУСЫГИН. Успокойся! (*Садится рядом с ней, слегка ее обнимает, утешает.*) Он парень хороший, но ты успокойся.
НИНА. А если я его люблю? Тогда как?
БУСЫГИН. Тогда все в порядке. Завтра он тебя будет ждать.
НИНА. Да, будет ждать.
БУСЫГИН. Ну и вот. И поженитесь. И уедете на Сахалин.
НИНА (*не сразу, спокойно*). Никуда я не уеду.
БУСЫГИН. Как же так?
НИНА. Да так... Ты прав, отца нельзя оставлять. Сегодня я это поняла. И еще я поняла, что я папина дочка. Мы все в папу. У нас один характер... Какой, к черту, Сахалин!
БУСЫГИН. Так... А летчик? Согласится он?..
НИНА. Не знаю я. Ничего не знаю... Может, согласится, а может, уедет. Встретимся — поговорим. Сейчас мне как-то все равно.
БУСЫГИН. Ну и не расстраивайся. Кому-кому, а тебе стоит только свистнуть, сбежится столько парней — тебе придется складывать их в штабеля.
НИНА (*усмехнувшись*). Ничего. Ты мне поможешь.
БУСЫГИН. Ну нет. С меня хватит... Если ты останешься здесь, я уеду.
НИНА. Здравствуйте! Это почему же?
БУСЫГИН. Почему?.. Потому что... Потому что я идиот и не вижу из этого никакого выхода!
НИНА. Какого выхода? Из чего?.. Да, ты ненормальный. Что верно, то верно. И ты всегда такой был? Или это с тобой недавно?
БУСЫГИН. Недавно.
НИНА. И что случилось?
БУСЫГИН. Влюбился.
НИНА. В кого?

БУСЫГИН. Как тебе сказать... Она принадлежит другому.

НИНА. Отбей. У тебя должно получиться.

БУСЫГИН. Легко сказать.

НИНА. А что тебе мешает?.. Ну? Что же ты молчишь?.. Я не знаю, кто она такая, но я (*с удивлением*) ей завидую. Иногда мне даже жалко, что ты мой брат.

БУСЫГИН. А я тебе не брат...

НИНА. Что?

БУСЫГИН. Я тебе не брат... И никогда не был твоим братом.

НИНА (*поднимается*). Врешь...

БУСЫГИН (*поднимается*). Я не шучу. У меня нет и не было сестры.

НИНА. Врешь... (*Отступает от него.*) Я тебе не верю.

БУСЫГИН. Но факт есть факт. Отца своего я не знал, а моя мать живет в Челябинске. Твой отец там никогда не был. Я обманул его.

НИНА. Зачем?

БУСЫГИН. Все вышло совершенно случайно...

НИНА. Ты... Почему ты до сих пор молчал?

БУСЫГИН. Твой отец принял меня за своего. И началось. Сначала он, потом ты. Я тут у вас совсем запутался...

НИНА. Ты... ты сумасшедший...

БУСЫГИН. Может быть, но я больше не хочу быть твоим братом.

НИНА. Ты... ты авантюрист. Тебя надо сдать в милицию!

БУСЫГИН. Сдай, лучше сидеть в КПЗ, чем быть твоим братом.

НИНА. Тебя надо гнать из дома... Тебя надо с лестницы спустить!

БУСЫГИН. Да?.. А когда я был твоим братом, я тебе нравился. Немного.

НИНА. Молчи, бессовестный!.. Я не знаю, кто-нибудь когда-нибудь видел такого психа?

Появляется Сарафанов.

САРАФАНОВ. Володя! Я все понял! Из этого дома надо уходить. Уходить, пока тебя не вынесли! (*С воодушевлением.*) Сынок! Я все обдумал. Мы едем в Чернигов!

Бусыгин в полной растерянности.

Мы едем вместе! Сегодня! Немедленно! Едем, едем, едем!

НИНА (*засмеявшись*). Ты женишься, надо полагать?

САРАФАНОВ (*кричит*). Все может быть! Не вижу в этом ничего смешного! (*Бусыгину.*) Я думал об этом, в самом деле. Если твоя мать... Словом, я хочу ее видеть... (*Нине.*) Перестань! (*Бусыгину.*) Полюбуйся на нее! Для нее нет ничего святого. Я не могу здесь оставаться, ты сам видишь. Я собираю вещи, сейчас, сию минуту, немедленно. (*Идет в другую комнату, на пороге, обращаясь к Нине.*) Я возьму кларнет и ноты. Это все, что я отсюда возьму... Когда уходит поезд?..

БУСЫГИН. Н-не знаю...

САРАФАНОВ. Не важно! Я собираюсь. Немедленно! (*Уходит.*)

Молчание.

НИНА. Ну?.. Что ты собираешься делать?

БУСЫГИН (*растерянно*). Не знаю...

НИНА. Теперь ты понимаешь, что ты натворил? Понимаешь? Нас он уже за детей не считает, а ты стал его любимчиком. Ведь он в тебе души не чает. Представляешь, что будет с ним, когда он узнает правду?

БУСЫГИН (*мечется*). Что же делать? Ничего ему не говорить?

Небольшая пауза. Смотрят друг на друга.

Нет! Так дело не пойдет! Главное — сказать ему, объяснить... Он мне не отец, но он мне... я его... Словом, если... (*понизив голос*) если ты уедешь, я и в самом деле перееду к нему. Конечно, если он меня поймет. Но как, как ему все объяснить?

НИНА. Не знаю. Вы сумасшедшие, вы и разговаривайте. А я не знаю.

Появляется Сарафанов. В руках у него чемодан и кларнет.

САРАФАНОВ. Володя, я готов.

Бусыгин и Нина молча смотрят на него.

НИНА. Собрался? Ничего не забыл? (*Смеется.*)

САРАФАНОВ. Смотри на нее! Разве это дочь? Избавилась от отца и даже не скрывает удовольствия. (*Нине.*) Ну ничего. Ты меня еще вспомнишь! Боже мой, как все это нелепо! Подумать только, я мог остаться с ними! На всю жизнь! А ведь им нужен не я! Нет! Совсем другой человек! Всегда! С самого начала им нужен был другой! Ты понимаешь? Двадцать лет я жил чужой жизнью! Свое счастье я оставил там, в Чернигове. Боже мой! Почему я ее не разыскал? Как я мог! Не понимаю! Но теперь — кончено, кончено! Я возвращаюсь, возвращаюсь! (*Бусыгину.*) Ты увидишь, твоя мать будет счастлива... (*чуть образумившись*) если захочет... Что?.. Ты мне не веришь?..

БУСЫГИН. Нет, верю, но... Зачем же так спешить?

САРАФАНОВ. Нет-нет! Немедленно! Закончить все разом! Разом — и конец! На вокзал! На вокзал!.. Ну что ты, сынок? Идем!

НИНА (*неожиданно ласково*). Не надо, папа. Успокойся. Ты зря так волнуешься... (*Усаживает его на стул.*) Сядь, успокойся.

Небольшая пауза.

САРАФАНОВ (*садится, недоуменно*). Что такое?.. Что случилось?.. Володя?.. Ты от меня что-то скрываешь?

НИНА. Папа, я никуда не еду. Я остаюсь.

На пороге появляется Васенька. Вид у него испуганно-торжественный. Все оборачиваются к нему.
Молчание.

(*Васеньке.*) Что случилось?.. Что?..

Небольшая пауза.

ВАСЕНЬКА. Все. Я их поджег.
БУСЫГИН. Поджег?.. Кого?
ВАСЕНЬКА. Ее и любовника.
САРАФАНОВ. Боже мой!

Все, кроме Васеньки, бросаются к окну. На пороге появляется Сильва. Лицо у него в саже. Одежда на нем частично сгорела, в особенности штаны. Он слегка дымится. Молчание.

СИЛЬВА. Я крупно пострадал. Мне нужны брюки.

Появляется Макарская.

САРАФАНОВ (*Макарской*). Что случилось? Что?
МАКАРСКАЯ. А вы не видите? Сегодня он грозился меня убить, и вот — пожалуйста!
НИНА. Васенька — убить?..
САРАФАНОВ. Неужели?
МАКАРСКАЯ. Вот вам и неужели! Я сама думала — неужели, а он — вон как! Озверел!
САРАФАНОВ (*Васеньке*). Как ты мог?.. Как?
МАКАРСКАЯ. А очень просто. Окно было открыто, он штору подпалил, а рядом ковер. Ну и пошло по всей комнате. Сжечь меня хотел.
СИЛЬВА (*Сарафанову*). Дайте мне брюки. Взаймы.
САРАФАНОВ. Брюки?.. Сейчас-сейчас... (*Уходит в спальню.*)
БУСЫГИН (*подходит к Сильве*). Ну?.. Любовничек...
СИЛЬВА. Какая любовь? Я там с огнем боролся. В гробу бы я ее видел, такую любовь.
МАКАРСКАЯ. Что?.. Вон ты как заговорил...
СИЛЬВА. А ты как хотела? Гори, если тебя поджигают, а я здесь при чем?
БУСЫГИН. Жалко, что твоя шкура так плохо подгорела.
СИЛЬВА. Да ты что, старичок? Что ты говоришь?
БУСЫГИН. А ведь я тебя предупреждал.
СИЛЬВА. Вот, значит, как... Все сынка изображаешь? Брата?
БУСЫГИН. Слушай. Беги отсюда, пока цел.
СИЛЬВА. В таком виде? Куда?

МАКАРСКАЯ (*Васеньке*). Ты в самом деле хотел меня сжечь?

ВАСЕНЬКА (*неожиданно спокойно*). Ничего не вышло. Как видишь.

МАКАРСКАЯ (*с удивлением и с некоторым уважением*). Бандит. В один день стал бандитом.

СИЛЬВА. Да не он это, где ему. (*Бусыгину.*) Гони брюки, слышишь? Смех смехом, а ведь я и привлечь могу. Как-никак — поджог. (*В сторону Макарской.*) Она подтвердит.

МАКАРСКАЯ (*Сильве*). На меня не рассчитывай.

СИЛЬВА. Да? Может, ты ему спасибо скажешь за то, что он тебя поджег?

МАКАРСКАЯ. Может, скажу. (*Васеньке.*) Спасибо не скажу, но скажу, что такого я от тебя никак не ожидала.

СИЛЬВА. Думаешь, это он? Ошибаешься.

МАКАРСКАЯ (*Сильве*). А тебя я видеть не хочу.

СИЛЬВА. Взаимно. (*Берет гитару.*) Я ухожу... Но одолжите брюки! До завтра.

БУСЫГИН. Обойдешься. Это тебе даже идет. Давай отсюда... Или ты хочешь, чтобы я тебя проводил?

Сарафанов появляется с брюками в руках.

СИЛЬВА (*в дверях*). Ну, спасибо тебе, старичок, за все спасибо. Настоящий ты оказался друг... Я ухожу. Но вначале я должен открыть глаза общественности. Хату поджег он (*указывает на Бусыгина*), а не кто-нибудь. И воду тут у вас мутит тоже он. Учтите, он рецидивист. Не заметили?.. Ну смотрите, он вам еще устроит. И между прочим (*Нине*), он тебе такой же брат, как я ему племянница, учти это, пока не поздно. (*Сарафанову.*) А вы, папаша, если вы думаете, что он вам сын, то вы крупно заблуждаетесь. Я извиняюсь.

САРАФАНОВ. Вон отсюда! Вон!

Сильва исчезает.

Мерзавец!

Небольшая пауза.

БУСЫГИН. Но он прав.
САРАФАНОВ. Кто прав?..
БУСЫГИН. Я вам не сын.
САРАФАНОВ. Что такое?.. Что это значит?
БУСЫГИН. Я вам не сын. Я обманул вас вчера.
САРАФАНОВ. Володя! Что ты говоришь?..
БУСЫГИН. Поймите, я не хотел! Все вышло случайно. Вчера, когда вы (*в сторону Макарской*) к ней стучались, я узнал ваше имя и заметил вашу квартиру. С этого все и началось. Мы хотели согреться и уйти...
МАКАРСКАЯ. Погоди! Это ты искал вчера, где переночевать?
БУСЫГИН. Да. Все вышло само собой. Утром, вместо того чтобы уйти...
САРАФАНОВ. Это невозможно... Не верю. Быть этого не может!
БУСЫГИН. Я надеюсь, что вы меня простите, потому что я... В общем, я рад, что попал к вам...
САРАФАНОВ. Значит, ты мне... Выходит, я тебе... Как же так?.. Да нет, я не верю! Скажи, что ты мой сын!.. Ну! Сын, ведь это правда? Сын?!
БУСЫГИН. Нет...
САРАФАНОВ. Кто же ты? Кто?!
НИНА. Он — псих. Он настоящий псих, а мы все только учимся. Даже ты, папа, по сравнению с ним школьник. Он настоящий сумасшедший.
ВАСЕНЬКА. Ну и дела...
МАКАРСКАЯ. Да-а, история...
САРАФАНОВ. Но я не верю! Не хочу верить!
БУСЫГИН. Откровенно говоря, я и сам уже не верю, что я вам не сын. (*Взглянув на Нину.*) Но факт есть факт.
САРАФАНОВ. Не верю! Не понимаю! Знать этого не хочу! Ты — настоящий Сарафанов! Мой сын! И притом любимый сын!
НИНА (*Бусыгину*). Я тебе говорила... (*Сарафанову, весело.*) А я? А Васенька? Интересно, ты еще считаешь нас своими детьми?
САРАФАНОВ. Нина! Вы все мои дети, но он... Все-таки он вас постарше.

Все смеются.

МАКАРСКАЯ. Чудные вы, между прочим, люди.
НИНА (*смеется*). Чудные — дом чуть не сожгли.

Макарская махнула рукой.

САРАФАНОВ. То, что случилось, — все это ничего не меняет. Володя, подойди сюда...

Бусыгин подходит. Он, Нина, Васенька, Сарафанов — все рядом. Макарская в стороне.

Что бы там ни было, а я считаю тебя своим сыном. (*Всем троим.*) Вы мои дети, потому что я люблю вас. Плох я или хорош, но я вас люблю, а это самое главное...
МАКАРСКАЯ. Извините, конечно. (*Бусыгину.*) Но я хочу спросить. У тебя родители имеются?
БУСЫГИН. Да... Мать в Челябинске.
НИНА. Она одна? (*Смеется.*) Папа, тебя это не интересует?
БУСЫГИН. Она живет с моим старшим братом.
НИНА. А сам ты? Как ты сюда попал?
БУСЫГИН. Я здесь учусь.
САРАФАНОВ. Где же ты живешь?
БУСЫГИН. В общежитии.
САРАФАНОВ. В общежитии... Но ведь это далеко... и неуютно. И вообще, терпеть я не могу общежитий... Это я к тому, что... Если бы ты согласился... словом, живи у нас.
БУСЫГИН. Нет, что вы...
САРАФАНОВ. Предлагаю от чистого сердца... Нина! Чего же ты молчишь? Пригласи его, уговори.
НИНА (*капризно*). Ну с какой стати? Почему он должен жить у нас? Я не хочу.
БУСЫГИН. Я буду вас навещать. Я буду бывать у вас каждый день. Я вам еще надоем.
САРАФАНОВ. Володя! Я за то, чтобы ты у нас жил — и никаких.
БУСЫГИН. Я приду завтра.
НИНА. Когда?

БУСЫГИН. В семь... В шесть часов... Кстати! Который час?

НИНА. Половина двенадцатого.

БУСЫГИН. Ну вот. Поздравьте меня. Я опоздал на электричку.

Занавес

Утиная охота

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЗИЛОВ
КУЗАКОВ
САЯПИН
КУШАК
ГАЛИНА
ИРИНА
ВЕРА
ВАЛЕРИЯ
ОФИЦИАНТ
МАЛЬЧИК

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Городская квартира в новом типовом доме. Входная дверь, дверь на кухню, дверь в другую комнату. Одно окно. Мебель обыкновенная. На подоконнике большой плюшевый кот с бантом на шее. Беспорядок.
На переднем плане тахта, на которой спит Зилов. У изголовья столик с телефоном.
В окно видны последний этаж и крыша типового дома, стоящего напротив. Над крышей узкая полоска серого неба. День дождливый.
Раздается телефонный звонок. Зилов просыпается не сразу и не без труда. Проснувшись, он пропускает два-три звонка, потом высвобождает руку из-под одеяла и нехотя берет трубку.

ЗИЛОВ. Да?..

Маленькая пауза. На его лице появляется гримаса недоумения. Можно понять, что на том конце провода кто-то бросил трубку.

Странно... (*Бросает трубку, поворачивается на другой бок, но тут же ложится на спину, а через мгновение сбрасывает с себя одеяло. С некоторым*

удивлением обнаруживает, что он спал в носках. Садится на постели, прикладывает ладонь ко лбу. Весьма бережно трогает свою челюсть. При этом болезненно морщится. Некоторое время сидит, глядя в одну точку, — вспоминает. Оборачивается, быстро идет к окну, открывает его. С досадой махнул рукой. Можно понять, что он чрезвычайно недоволен тем, что идет дождь.)

Зилову около тридцати лет, он довольно высок, крепкого сложения; в его походке, жестах, манере говорить много свободы, происходящей от уверенности в своей физической полноценности. В то же время и в походке, и в жестах, и в разговоре у него сквозят некие небрежность и скука, происхождение которых невозможно определить с первого взгляда. Идет на кухню, возвращается с бутылкой и стаканом. Стоя у окна, пьет пиво. С бутылкой в руках начинает физзарядку, делает несколько движений, но тут же прекращает это неподходящее его состоянию занятие. Звонит телефон. Он подходит к телефону, снимает трубку.

ЗИЛОВ. Ну?.. Вы будете разговаривать?..

Тот же фокус: кто-то положил трубку.

Шуточки... (*Бросает трубку, допивает пиво. Поднимает трубку, набирает номер, слушает.*) Идиоты... (*Нажимает на рычаг, снова набирает номер. Говорит монотонно, подражая голосу из бюро погоды.*) В течение суток ожидается переменная облачность, ветер слабый до умеренного, температура плюс шестнадцать градусов. (*Своим голосом.*) Ты понял? Это называется переменная облачность — льет как из ведра... Привет, Дима... Поздравляю, старик, ты оказался прав... Да вот насчет дождя, черт бы его подрал! Целый год ждали и дождались!.. (*С недоумением.*) Кто разговаривает?.. Зилов... Ну конечно. Ты что, меня не узнал?.. Умер?.. Кто умер?.. Я?!. Да вроде бы нет... Живой вроде бы... Да?.. (*Смеется.*) Нет, нет, живой. Этого еще только не хватало — чтоб я умер перед самой охотой! Что?! Не поеду — я?! С чего ты это взял?.. Что я, с ума сошел? Подожди, может, это ты со мной не хочешь?.. Тогда в чем дело?.. Ну вот еще, нашел чем шутить... Го-

лова-то, да (*держится за голову*), естественно... Но, слава богу, пока цела... Вчера-то? (*Со вздохом.*) Да вот вспоминаю... Нет, всего я не помню, но... (*Вздох.*) Скандал — да, скандал помню... Зачем устроил? Да вот и сам думаю — зачем? Думаю, не могу понять — черт знает зачем!.. (*Слушает, с досадой.*) Не говори... Помню... Помню... Нет, конца не помню. А что, Дима, что-нибудь случилось?.. Честное слово, не помню... Милиции не было?.. Свои? Ну, слава богу... Обиделись?.. Да?.. Что они, шуток не понимают?.. Ну и черт с ними. Переживут, верно?.. И я так думаю... Ну ладно. Как же мы теперь? Когда выезжаем?.. Ждать? А когда он начался?.. Еще вчера? Что ты говоришь!.. Не помню — нет!.. (*Ощупывает челюсть.*) Да! Слушай, а драки вчера не было?.. Нет?.. Странно... Да, кто-то врезал. Разок... Да, по морде... Думаю, что кулаком. Интересно кто, ты не видел?.. Ну не важно... Да нет, ничего страшного. Удар вполне культурный...

Стук в дверь.

Дима! А что, если он зарядил на неделю?.. Да нет, я не волнуюсь... Ну ясно... Сижу дома. В полной готовности. Жду звонка... Жду... (*Положил трубку.*)

Стук в дверь.

Войдите.

В дверях появляется венок. Это большой, дешевый, с крупными бумажными цветами и длинной черной лентой сосновый венок. Вслед за ним появляется несущий его мальчик лет двенадцати. Он всерьез озабочен исполнением возложенной на него миссии.

(*Весело.*) Привет!

МАЛЬЧИК. Здравствуйте. Скажите, вы Зилов?

ЗИЛОВ. Ну я.

МАЛЬЧИК (*поставил венок у стены*). Вам.

ЗИЛОВ. Мне?.. Зачем?

Мальчик молчит.

Слушай, парень. Ты что-то путаешь...
МАЛЬЧИК. Вы — Зилов?
ЗИЛОВ. Ну и что?..
МАЛЬЧИК. Значит, вам.
ЗИЛОВ (*не сразу*). Кто тебя послал?.. А ну, сядь сюда.
МАЛЬЧИК. Мне надо идти.
ЗИЛОВ. Садись.

Мальчик садится.

(*Разглядывает венок, поднимает его, расправляет черную ленту, надпись на ней читает вслух.*) «Незабвенному безвременно сгоревшему на работе Зилову Виктору Александровичу от безутешных друзей»... (*Молчит. Потом смеется, но недолго и без особого веселья.*) Ты понял, в чем дело?.. Зилов Виктор Александрович — это я и есть... И видишь, жив-здоров... Как тебе это нравится?

Мальчик молчит.

Где они? Внизу?
МАЛЬЧИК. Нет, они ушли.
ЗИЛОВ (*не сразу*). Пошутили и ушли...
МАЛЬЧИК. Я пойду.
ЗИЛОВ. Проваливай... Нет, подожди. Скажи... Тебе такие шутки нравятся?.. Остроумно это или нет?

Мальчик молчит.

Нет, ты скажи, послать товарищу такую штуку на похмелье да еще в такую погоду, разве это не свинство?.. Друзья так не поступают, как ты думаешь?
МАЛЬЧИК. Я не знаю. Меня попросили, я принес...

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. Ты тоже хорош. Живым людям венки разносишь, а ведь наверняка пионер. Я бы в твоем возрасте за такое дело не взялся бы.

МАЛЬЧИК. Я не знал, что вы живой.
ЗИЛОВ. А если бы знал, не понес бы?
МАЛЬЧИК. Нет.
ЗИЛОВ. Спасибо и на этом.

Маленькая пауза.

МАЛЬЧИК. Я пойду.
ЗИЛОВ. Подожди, а что они тебе сказали?
МАЛЬЧИК. Сказали, пятый этаж, двадцатая квартира... Сказали, постучать, спросить Зилова и отдать. Вот и все.
ЗИЛОВ. Видишь, как просто. А сколько смеху... (*Вешает венок себе на шею.*) Разве не смешно? (*Подходит к зеркалу, картинно причесывается.*) Смешно или нет?.. Почему ты не смеешься?.. Наверно, у тебя нет чувства юмора. (*Оборачивается к мальчику, поднимает себе, как спортсмену-победителю, правую руку.*) Витя Зилов! Эс-Эс-Эс-Эр. Первое место... А за что?.. (*Опускает руку.*) Не смешно?.. Что-то не очень, верно? (*Бросает венок, садится на постель так, что его лицо обращено к окну.*) А может, и в самом деле мы с тобой перестали понимать шутки?

Пауза.

Тебе надо идти?

МАЛЬЧИК. Да... надо уроки готовить...
ЗИЛОВ. Да... Уроки дело серьезное... А как тебя зовут?
МАЛЬЧИК (*не сразу*). Витя.
ЗИЛОВ. Да? Оказывается, ты тоже Витя... А тебе не кажется это странным?
МАЛЬЧИК. Я не знаю.

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. Ну ладно, Витька, иди, занимайся. Заходи как-нибудь... Зайдешь?
МАЛЬЧИК. Хорошо.
ЗИЛОВ. Ну иди.

Мальчик уходит. Маленькая пауза.

Так... Значит, пошутили и разошлись...

Зилов сидит на своей тахте. Взгляд его устремлен на середину комнаты.
Звучит траурная музыка, звуки ее постепенно нарастают. Свет медленно гаснет, и так же медленно зажигаются два прожектора. Одним из них, светящим вполсилы, из темноты выхвачен сидящий на постели Зилов. Другой прожектор, яркий, высвечивает круг посреди сцены. При этом обстановка квартиры Зилова находится в темноте.
На площадке, освещенной ярким прожектором, сейчас возникнут лица и разговоры, вызванные воображением Зилова. К моменту их появления траурная музыка странным образом преображается в бодрую, легкомысленную. Это та же мелодия, но исполняемая в другом размере и ритме. Негромко она звучит в продолжение всей сцены. Поведение лиц, их разговоры в этой сцене должны выглядеть пародийно, шутовски, но не без мрачной иронии.
Появляются Саяпин и Кузаков.

САЯПИН. Да нет, что ты. Не может этого быть.

КУЗАКОВ. Факт.

САЯПИН. Да нет, он пошутил, как обычно. Ты что, его не знаешь?

КУЗАКОВ. Увы, на этот раз все серьезно. Серьезнее некуда.

САЯПИН. Спорим, что он распустил этот слух, а сам сидит в «Незабудке».

Кузаков и Саяпин исчезают. Появляются Вера, Валерия, потом Кушак.

ВАЛЕРИЯ. Вы только подумайте, вчера он собирался на охоту, шутил... Еще вчера! А сегодня?!.

ВЕРА. Такого я от него не ожидала. Он был как алик из аликов.

КУШАК. Какое несчастье! Я бы никогда не поверил, но, знаете ли, последнее время он вел себя... Я далеко не ханжа, но должен вам сказать, что он вел себя весьма... мм... неосмотрительно. К добру такое поведение не приводит.

Вера, Валерия и Кушак исчезают. Появляется Галина, за ней Ирина.

ГАЛИНА. Я не верю, не верю, не верю... Зачем он так сделал?

ИРИНА. Зачем?

ГАЛИНА (*Ирине*). Скажи, он тебя любил?

ИРИНА. Я не знаю...

ГАЛИНА. Мы прожили с ним шесть лет, но я его так и не поняла. (*Ирине.*) Мы будем с тобой дружить. Будем?

ИРИНА. Да...

Обнимаются и плачут.

ГАЛИНА. Я уезжаю... навсегда... Напишешь мне письмо?

ИРИНА (*сквозь слезы*). Хорошо...

Галина исчезает. Появляются Кушак и официант.

КУШАК (*Ирине*). Очень, очень приятно...

ОФИЦИАНТ. Девушка, в таком состоянии одной вам быть нельзя.

КУШАК. Да, но... Нет, конечно... И все-таки...

ОФИЦИАНТ В шесть часов мы ждем вас в «Незабудке», договорились?

ИРИНА (*сквозь слезы*). Хорошо...

Ирина, Кушак и официант исчезают. Появляется Кузаков.

КУЗАКОВ. Кто знает... Если разобраться, жизнь, в сущности, проиграна... (*Исчезает.*)

Появляется официант с подносом.

ОФИЦИАНТ Итак, товарищи, скинемся. (*Ухмыляется.*) Нет, вы меня не так поняли. Скинемся на венок.

Бросая монеты на поднос, последовательно проходят Галина, Кузаков, Саяпин, Валерия, Вера, Кушак и Ирина. Бодрая музыка внезапно превращается в траурную. Прожекторы гаснут, музыка обрывается, в темноте слышен звон монет. Затем освещается вся сцена. Зилов сидит на тахте. Взгляд его по-прежнему устремлен на середину комнаты. Поднимается. Идет на кухню, возвращается оттуда с бутылкой. Некоторое время стоит перед окном, насвистывает мелодию пригрезившейся ему траурной музыки.

С бутылкой и стаканом устраивается на подоконнике. Вертит в руках плюшевого кота, разглядывает его долго и внимательно, будто видит его впервые.

Поднимается, подходит к телефону, набирает номер.

ЗИЛОВ. Магазин?.. Веру пригласите к телефону... Кто вызывает?.. Скажите, Зилов... Да, Зилов... (*Ждет.*) Занята?.. Понятно. (*Бросает трубку, возвращается к подоконнику, пьет пиво. Задумчив.*)

Свет на сцене гаснет, передвигается круг, и сцена освещается. Перед нами новая декорация.
Начинается его первое воспоминание.
Уголок кафе «Незабудка». На виду одно небольшое окно. Два-три столика. Видна дверь на улицу. Зилов и Саяпин усаживаются за один из столиков.
Саяпин одного возраста с Зиловым, но уже лысеет и полноват. Вид у него весьма простодушный. Он любит посмеяться. Часто смеется некстати, иногда, даже себе во вред, не может удержаться от смеха.

САЯПИН (*громко*). Дима! Привет!.. Обрати внимание.

Появляется официант. Это ровесник Зилова и Саяпина, высокий, спортивного вида парень. Он всегда в ровном деловом настроении, бодр, уверен в себе и держится с преувеличенным достоинством, что, когда он занят своей работой, выглядит несколько смешным.

ОФИЦИАНТ (*подходит*). Привет, ребята.
САЯПИН. Привет, Дима.
ЗИЛОВ. Как ты, старина?
ОФИЦИАНТ. Спасибо, нормально. А ты?
ЗИЛОВ. Неплохо.
ОФИЦИАНТ Уже собираешься, а?
ЗИЛОВ. Уже собрался.
ОФИЦИАНТ (*слегка подсмеиваясь*). Уже собрался?.. Молодец.
ЗИЛОВ (*с отчаянием*). Еще целых полтора месяца! Подумать только...
ОФИЦИАНТ (*усмехнулся*). Доживешь?
ЗИЛОВ. Не знаю, Дима. Как дожить — не представляю.
ОФИЦИАНТ А ты жди спокойно. Если хочешь, чтобы из тебя вышел охотник, — не волнуйся. Главное — не волноваться.
САЯПИН. Слушайте! До вашей охоты еще полтора месяца, а до конца перерыва всего тридцать пять минут. (*Зилову.*) Мы зачем сюда пришли, забыл?
ЗИЛОВ. Да, Дима, у нас полчаса. Надо выпить и закусить. Управимся?

ОФИЦИАНТ Попробуем.

ЗИЛОВ. Стало быть, так: три салата, три шашлыка и выпить... (*Саяпину.*) Что он пьет?

САЯПИН. По-моему, публично он вообще не употребляет.

ЗИЛОВ. А винишко?

САЯПИН. Смотри, обеденный перерыв, насчет этого он — сам знаешь...

ЗИЛОВ (*официанту*). Мы ждем шефа.

ОФИЦИАНТ Ясно.

ЗИЛОВ. Я думаю, он глушит водку. По ночам.

САЯПИН. И правильно, между прочим, делает. Умеет человек. Все умеет.

ОФИЦИАНТ Есть свежее пиво.

ЗИЛОВ. Пиво не надо. Бутылку вина. Две бутылки. Гуляю.

САЯПИН (*официанту*). Поздравь его. Получил квартиру.

ОФИЦИАНТ. Серьезно?

ЗИЛОВ. Сам не верю.

ОФИЦИАНТ. А где?

ЗИЛОВ. У моста.

ОФИЦИАНТ. Точно? Значит, будем соседями?

ЗИЛОВ. Маяковского, тридцать семь, квартира двадцать.

ОФИЦИАНТ Ну так отлично. Поздравляю, старичок. Молодец.

ЗИЛОВ. Новоселье в восемь ноль-ноль. Сегодня. Я тебя жду.

ОФИЦИАНТ. Спасибо, Витя, но я не могу. Сегодня я работаю до одиннадцати.

ЗИЛОВ. Подменись.

ОФИЦИАНТ Бесполезно. У нас все в отпуске.

ЗИЛОВ. Заболей.

ОФИЦИАНТ Нет, старичок, так я не делаю. Извини.

ЗИЛОВ. Жаль.

ОФИЦИАНТ. Извини, но сегодня — никак. Ничего не выйдет... (*Пишет.*) Два вина, три салата, три раза шашлык... (*Зилову.*) Но учти, с тебя полбанки.

ЗИЛОВ. Какой разговор.

Официант уходит.

САЯПИН (*об официанте*). Смотри, какой стал. А в школе робкий был парнишка. Кто бы мог подумать, что из него получится официант.

ЗИЛОВ. Э, видел бы ты его с ружьем. Зверь.

САЯПИН. Скажи-ка...

ЗИЛОВ. Гигант. Полсотни метров влёт — глухо. Что ты! Мне бы так.

САЯПИН. Слушай, а шеф будет на новоселье?

ЗИЛОВ. Да. И он за вами заедет.

САЯПИН. Слушай, а что ему взбрело с нами обедать?

ЗИЛОВ. А где ему обедать?

САЯПИН. У него же дом рядом. Опять же без жены он, сам знаешь, ни шагу.

ЗИЛОВ. А он жену вчера на юг отправил.

САЯПИН. Вот оно что. То-то загулял мужик... Нет, что ни говори, он человек серьезный... Ну вот квартиры. Обещал — делает. Ты получил, и я получу. Говорят, у него там (*показывает*) рука. Это верно?

ЗИЛОВ (*кого-то увидел*). Стоп! Сядь сюда... (*Прячется.*) Так! Сюда!.. Сюда! (*Двигает Саяпина.*)

САЯПИН (*оглядывается*). В чем дело?.. Да это Верочка. Твоя любовь, если я не ошибаюсь. «Твоя любовь — не струйка дыма...»

ЗИЛОВ. Сиди так. (*Прячется.*) Сегодня нам лучше не встречаться. И вообще она мне надоела.

САЯПИН. Витя, бесполезно. Она тебя заметила.

ЗИЛОВ (*садится на свое место*). Черт! Ну и порядки в этих магазинах. Вечно она шатается в рабочее время... (*Машет рукой.*) Привет.

Появляется Вера. Ей около двадцати пяти. Она явно привлекательна, несколько грубоватая, живая, всегда «в форме». Сейчас она в костюме продавца промтоварного магазина. А вообще она одевается красиво и носит неизменно роскошную прическу.

ВЕРА. Привет, алики! Давно я вас не видела. (*Усаживается.*)

Официант приносит вино и салаты.

Так вы меня ждали?.. Чудненько.

ОФИЦИАНТ (*Вере*). Привет, малютка.

ВЕРА. Здравствуй, алик.

ОФИЦИАНТ (*Зилову*). Еще раз шашлык, если я правильно понимаю?

ЗИЛОВ. Да, будь другом.

Официант уходит.

ВЕРА (*Зилову*). Веселишься? Что, получил квартиру?

ЗИЛОВ. Ну получил.

ВЕРА. Очень за тебя рада. А где ты пропадал?

ЗИЛОВ. Дома, Верочка. Дома и на работе.

ВЕРА. А если я соскучилась. Нельзя же пропадать целыми неделями.

ЗИЛОВ. У меня срочные дела. Дела, дела. Днями и ночами.

САЯПИН. У нас вся контора в отпуске. Вдвоем пластаемся.

ЗИЛОВ. Да. Горим трудовой красотой.

ВЕРА. Смотри, алик, я найду себе другого.

ЗИЛОВ. Сама найдешь или тебе помочь?

ВЕРА. Спасибо, сама не маленькая.

САЯПИН. Слушай, что это ты всех так называешь?

ВЕРА. Как, алик?

САЯПИН. Да вот аликами. Все у тебя алики. Это как понимать? Алкоголики, что ли?

ЗИЛОВ. Да она сама не знает.

САЯПИН. Может, это твоя первая любовь — Алик?

ВЕРА. Угадал. Первая — алик. И вторая алик. И третья. Все алики.

ЗИЛОВ (*Саяпину*). Понял что-нибудь?

САЯПИН (*кого-то увидел*). Идет. (*Вере.*) Наше начальство. Не советую вам афишировать свои отношения. Очень строгий товарищ. (*Поднялся.*)

ЗИЛОВ (*подхватил*). Да, при нем полегче.

ВЕРА. Ладно, ладно. Поняла.

САЯПИН. Вы с ним друзья и не больше. Ясно?..

ВЕРА. Ясно, алик. Мы с ним одноклассники.

Саяпин уходит.

Увидимся вечером?

ЗИЛОВ. Сегодня? Нет, Верочка, сегодня не выйдет.

ВЕРА. Почему?.. Скажи откровенно.

ЗИЛОВ. Ну пожалуйста. У меня сегодня новоселье.

ВЕРА. Новоселье... А почему бы тебе меня не пригласить?

ЗИЛОВ. Тебя?.. Я бы с удовольствием, но жена, я думаю, будет против.

ВЕРА. Почему? Ты встречаешь одноклассницу, приглашаешь в гости, что тут особенного?

ЗИЛОВ. Думаешь, жена у меня дура.

ВЕРА. А что, умная?.. Так познакомь меня с ней.

ЗИЛОВ. Это зачем?

ВЕРА. Хочу ума-разума набраться. Что, нельзя?

ЗИЛОВ. Этого только не хватало. Не говори глупостей, завтра увидимся. Все.

Появляются Саяпин и Кушак.
Кушак — мужчина солидный, лет около пятидесяти. В своем учреждении, на работе он лицо довольно внушительное: строг, решителен и деловит. Вне учреждения весьма неуверен в себе, нерешителен и суетлив. Будучи в гостях, постоянно выглядывает в окно, как, впрочем, почти все владельцы автомобилей.

Сюда, Вадим Андреич. Садитесь.

КУШАК. Добрый день.

ВЕРА. Здравствуйте.

ЗИЛОВ. Ее зовут Вера.

КУШАК. Очень приятно... Очень.

Официант приносит шашлыки и удаляется.

ЗИЛОВ (*взял в руки бутылку*). Под шашлычки. Не возражаете?

КУШАК. Мм... Оно конечно — обеденный перерыв. (*Вере.*) У нас, знаете ли, насчет этого принципиально...

ВЕРА. Ну ничего. В виде исключения — не повредит.

КУШАК. Вы думаете? Ну что ж, в виде исключения — почему же. И потом, это ведь не водка. (*Озирается.*)

САЯПИН. Вадим Андреич, и причина крупная. Человек квартиру получил. Шутка ли.

КУШАК. Да, и причина серьезная.

ЗИЛОВ (*наливает всем вина*). Считайте, Вадим Андреич, что это небольшая разминка. Перед вечером. Не забыли? Ждем вас в восемь, как договорились.

КУШАК. Не знаю, право, идти ли мне. У меня, видите ли, и настроение неважное, и жена у меня отсутствует... мм... в настоящее время.

ЗИЛОВ. Вадим Андреич, вы же обещали.

ВЕРА. А где, если не секрет, жена ваша?

КУШАК. Она сейчас, видите ли, в Сухуми. Отдыхает.

ЗИЛОВ. Она отдыхает, а вам что, нельзя?

КУШАК. Действительно... но с другой стороны: она там одна, а я в гости, видите ли, веселиться... Ведь это... мм... неэтично вроде бы. Как вы думаете?

ВЕРА. Вы хороший муж. Прямо — музейная редкость. Такому мужу куда угодно разрешается. В любую компанию.

ЗИЛОВ. Она права. Решено, вы приедете.

КУШАК (*Вере*). Значит, вы советуете пойти...

ВЕРА (*многозначительно*). Обязательно. Другой на вашем месте и сомневаться бы не стал. Чепуха какая.

КУШАК. Нет, нет, вы не подумайте, я далеко не ханжа, но... словом... Словом, я согласен. (*Собрался с духом, погрозил Вере пальцем.*) Смотрите, выходит, что вы меня... мм... совратили. (*Озирается.*)

ВЕРА (*интригующе*). Ну, до этого еще далеко, а было бы интересно... Было бы ничего...

КУШАК (*туповато*). Вы так думаете?

ВЕРА. Да. Я так думаю. Верные мужья — моя слабость.

ЗИЛОВ. А? Вадим Андреич! Берегитесь.

ВЕРА (*Кушаку*). Выпейте. И знаете что? Я буду называть вас аликом. Не возражаете?..

КУШАК. Аликом?.. Но почему Аликом?

ВЕРА. Вам не нравится?

КУШАК. Я не знаю, право...

ВЕРА. Ну пожалуйста...

КУШАК. Алик... Странно... Но для вас... Если вам нравится...

ВЕРА. Давно бы так. (*Дотронулась пальцем до его носа.*) Алик.

Пауза. Саяпин незаметно для Кушака беззвучно смеется. Зилов с любопытством наблюдает за Верой и Кушаком. Кушак озирается.

КУШАК. А знаете, здесь неплохо готовят. Я, признаться, давно здесь не бывал...

ВЕРА. А вы заглядывайте. По вечерам здесь бывает музыка.

КУШАК. Что, и сегодня будет?

ВЕРА. Что будет?

КУШАК. Музыка...

ВЕРА. Обязательно. Но ведь сегодня вы идете на новоселье.

КУШАК. А вы? Извините, разве вы не идете?

ВЕРА. А меня туда не приглашают.

КУШАК. Разве?..

ВЕРА. Нет, все правильно. На новоселье обычно собираются друзья, а мы с Виктором — так... Учились когда-то в одной школе, всего-то. Случайно встретились.

КУШАК. Вот как?..

ВЕРА. Поэтому какое же приглашение. Я и не напрашиваюсь.

КУШАК. Мм...

Саяпин толкает Зилова в бок. Небольшая пауза.

ЗИЛОВ (*Вере*). Что ты выдумываешь? Я просто не успел тебя пригласить. Милости прошу.

ВЕРА. Спасибо. Только, пожалуйста, не думайте, что я напросилась.

КУШАК. Что вы! Кто так думает?

САЯПИН. Никто.

ЗИЛОВ. Да. Всем будет очень приятно. Очень весело. Короче, тебя там только и не хватало. Запиши адрес.

Свет гаснет, круг в темноте поворачивается, и снова зажигается свет.
Продолжается первое воспоминание Зилова.
Квартира Зилова. Зилов и Галина ждут гостей. Стол, вокруг которого хлопочет Галина, один стул, железная кровать, чемодан — вот и вся обстановка.
Галине двадцать шесть. В ее облике важна хрупкость, а в ее поведении — изящество, которое различимо не сразу и ни в

коем случае не выказывается ею нарочно. Это качество, несомненно, процветающее у нее в юности, в настоящее время сильно заглушено работой, жизнью с легкомысленным мужем, бременем несбывшихся надежд. На ее лице почти постоянно выражение озабоченности и сосредоточенности (она учительница, а у учителей с тетрадями это нередко). Сейчас она в темном платье, поверх которого надет фартук, на ногах — домашние туфли.

ЗИЛОВ (*у стола*). Жратва, я тебе скажу, нешуточная. Никто из них не заслужил такой жратвы. Кроме начальства.

ГАЛИНА. Все ничего. Но на что мы их усадим?

ЗИЛОВ. Женщин на койку, а я сяду на стул, остальные — на пол.

ГАЛИНА. А начальство?

ЗИЛОВ. На пол! Другой раз будет давать квартиру с мебелью.

ГАЛИНА. Позор. Трое на кровати, стол, чемодан — пять мест. А будет? Раз, два, три... шесть человек.

ЗИЛОВ. Семь.

ГАЛИНА. Семь? Почему?.. Мы, Саяпины, Кузаков и Кушак — все. Кушак, ты говорил, без жены. Итого шесть. Шесть персон.

ЗИЛОВ. Будет еще одна персона.

ГАЛИНА. Вот как? А кто? Неужели этот твой ужасный Дима?

ЗИЛОВ. Нет, сегодня он работает. А почему он ужасный?

ГАЛИНА. Не знаю, но он ужасный. Один взгляд чего стоит. Я его боюсь.

ЗИЛОВ. Ерунда. Нормальный парень.

ГАЛИНА. Так кто же все-таки седьмой — интересно.

ЗИЛОВ. Одна милая женщина.

ГАЛИНА. Да?

ЗИЛОВ. Разве я тебе о ней не говорил?

ГАЛИНА. Представь — нет. Сюрприз.

ЗИЛОВ. Совсем забыл! Ее зовут Вера. Она, насколько я знаю, ничего себе, интересная... В общем, Кушак от нее в восторге.

ГАЛИНА. Понятно. В первый же вечер из нашей квартиры ты устраиваешь...

ЗИЛОВ. Ну что ты. У него чистая любовь.

ГАЛИНА. Чистая любовь, а жена будет сидеть дома?
ЗИЛОВ. Его жена старая ведьма. И между прочим, он просил меня поговорить с тобой. Я забыл.
ГАЛИНА. О чем?
ЗИЛОВ. Чтобы ты разрешила им здесь встретиться.
ГАЛИНА. А если я говорю — нет?
ЗИЛОВ. Поздно.
ГАЛИНА. Я не хочу, чтобы у нас, в нашей квартире...
ЗИЛОВ. Что с ней сделается, с квартирой, если бедняга Кушак, — между прочим, эту самую квартиру, ты знаешь, выбил нам он, а не кто-нибудь, — что с ней сделается, если он отдохнет здесь часок-другой, помечтает, скажет милой женщине пару глупостей, что от этого — потолок обвалится?
ГАЛИНА. Мне это не нравится.
ЗИЛОВ. Да нет, дело, конечно, не в квартире, надеюсь, ты так не думаешь. Просто я ему посочувствовал. И ты посочувствуй человеку, нельзя же быть такой бессердечной.
ГАЛИНА (*готовит на столе еще один прибор*). Да уж для друзей ты готов на все.
ЗИЛОВ (*обнимает ее*). Перестань. Дай лучше я тебе помогу.
ГАЛИНА. У меня все готово.
ЗИЛОВ. Отлично. Предлагаю выпить.
ГАЛИНА. Вдвоем?
ЗИЛОВ. По одной.
ГАЛИНА. Нет, давай как полагается. Дождемся гостей.
ЗИЛОВ (*выбирает бутылку*). Лучше, я думаю, водки. Для начала. (*Наливает.*)
ГАЛИНА. Нехорошо. Придут гости, а мы с тобой косые.
ЗИЛОВ. Велика беда.
ГАЛИНА. Не напивайся сегодня, слышишь.
ЗИЛОВ. Ладно, ладно.
ГАЛИНА. Ну что ж, за новоселье?
ЗИЛОВ. Давай.
ГАЛИНА. Вчера, когда переезжали, сажусь в машину и думаю: ну все. Привет вам, тети Моти и дяди Пети. Прощай, предместье, мы едем на Бродвей!
ЗИЛОВ. Салют.

Они выпивают.

ГАЛИНА. Мы здесь заживем дружно, верно?
ЗИЛОВ. Конечно.
ГАЛИНА. Как в самом начале. По вечерам будем читать, разговаривать... Будем?
ЗИЛОВ. Обязательно.
ГАЛИНА. Хуже всего, когда тебя нет дома и не знаешь, где ты.
ЗИЛОВ. А мы здесь устроим телефон.
ГАЛИНА. Не люблю телефоны. Когда ты говоришь со мной по телефону, мне кажется, что ты врешь.
ЗИЛОВ. Напрасно. Напрасно ты не доверяешь технике. Ей как-никак принадлежит будущее.

Пауза. Галина подошла к окну.

ГАЛИНА (*глядя в окно*). Знаешь, сегодня я получила письмо. Совсем неожиданно. И, думаешь, от кого?
ЗИЛОВ. Ну? (*Наливает себе рюмку.*) От кого же?
ГАЛИНА. Представь себе, от друга детства. И как только он обо мне вспомнил — удивительно.

Зилов выпивает.

Наши родители дружили, а мы с ним были жених и невеста. А разъехались, когда нам было по двенадцать лет. (*Смеется.*) Он был очень смешной. Когда мы прощались, он заплакал, а потом сказал, и, знаешь, совсем серьезно: «Галка, укуси меня на прощанье».
ЗИЛОВ. Ну и что? (*Наливает.*) Укусила ты его?
ГАЛИНА. Да. За палец.
ЗИЛОВ. Забавно. (*Выпивает.*)
ГАЛИНА. Пишет, что у него не удалась семейная жизнь, намерен век прожить холостяком.
ЗИЛОВ. Что ж. Неплохая мысль.
ГАЛИНА. Кто-то приехал. По-моему, к нам. По-моему, они. Ну, конечно. Саяпин, его Лерочка преподобная, а третий?
ЗИЛОВ (*подходит к окну*). Шеф. Его машина.
ГАЛИНА. А Кузаков?

ЗИЛОВ. Придет, куда он денется.
ГАЛИНА. А милая женщина?
ЗИЛОВ. Все в порядке. Она будет позже. (*Выходит в прихожую.*)

Галина надела хорошие туфли вместо домашних, сняла фартук, но подумала и надела его снова.

ЗИЛОВ (*в прихожей*). Прошу.

Входят Кушак, Саяпин и Валерия.
Валерии около двадцати пяти. В глаза бросается ее энергичность. Ее внешней привлекательности несколько противоречит резкая, почти мужская инициатива. Волосы у нее крашеные, коротко подстриженные. Одевается модно.

КУШАК (*преподносит Галине цветы*). С новосельем. Сердечно поздравляю.
ВАЛЕРИЯ (*идет по комнате*). Ну-ну, дайте, дайте взглянуть.
САЯПИН. Годится, годится. Подходящая изба.
КУШАК. Славная квартирка, славная. Желаю, желаю. От души.

Валерия проходит на кухню.

ГОЛОС ВАЛЕРИИ. Холодная? Горячая?.. Красота! Газ? Красота!..
ВАЛЕРИЯ (*появляется*). Так, так, так... А здесь? Восемнадцать квадратов?
ГАЛИНА. Да... кажется.
ВАЛЕРИЯ. Красота!
КУШАК. Квартирка чудесная. (*Подошел к окну — взглянул на свою машину.*)

Валерия устремляется в другую комнату. Галина проходит за ней.

САЯПИН (*с тоской*). Нет, что и говорить, изба в порядке. (*Проходит в комнату.*)
ГОЛОС ВАЛЕРИИ (*из комнаты*). Балкон?.. Юг?.. Север?..
КУШАК. Ну что ж, квартира — дело большое. Еще раз поздравляю.
ЗИЛОВ. Еще раз благодарю.

ГОЛОС ВАЛЕРИИ (*из комнаты*). Красота!

КУШАК. Чудесно, чудесно... И что, все уже в сборе? (*Заглядывает в комнату.*)

ЗИЛОВ (*закрыв дверь в комнату*). Ее нет, но скоро появится, будьте уверены. Вы ее заинтриговали.

КУШАК. Ты думаешь?

ЗИЛОВ. Не скромничайте. Она на вас упала.

КУШАК. Виктор! (*Озирается.*) Как ты выражаешься... И ты хочешь сказать...

ЗИЛОВ. Хочу сказать: не зевайте.

КУШАК. Но послушай, удобно ли мне... Посуди сам, здесь Саяпины, твоя жена. Этично ли это.

ЗИЛОВ. Ерунда. Действуйте смело, не церемоньтесь. Это все делается с ходу. Хватайте быка за рога.

КУШАК. Ай-ай-ай, не знал, не думал, что ты такой легкомысленный. Смотри, Виктор, ты меня... мм... развращаешь.

ЗИЛОВ. Давно хотелось сделать вам что-нибудь приятное.

Появляются Валерия, Саяпин и Галина.

ВАЛЕРИЯ. Мебель! Немедленно — мебель! (*Проходит в прихожую.*)

КУШАК. Да, мебель необходимо... Но ничего, не все сразу, потихонечку, помаленечку. (*Подошел к окну — взглянул на свою машину.*)

ГАЛИНА. А пока сидеть придется на кровати.

Из туалета слышится звук спускаемой воды, голос Валерии: «Красота», вслед за тем Валерия появляется.

ВАЛЕРИЯ. Ну поздравляю. Теперь у вас будет нормальная жизнь. (*Саяпину.*) Толечка, если через полгода мы не въедем в такую квартиру, я от тебя сбегу, я тебе клянусь!

КУШАК. Мм... Через полгода это вопрос... мм... утрясется. Будем надеяться...

ВАЛЕРИЯ (*театрально*). О, Вадим Андреич! Я готова...

ЗИЛОВ. На что?

ВАЛЕРИЯ. Я готова на вас молиться. Честное слово!

ЗИЛОВ. Молись, дочь моя...

САЯПИН (*поспешно*). Так. Здесь будет телевизор, здесь диван, рядом холодильник. В холодильнике пиво и прочее. Все для друзей.

Звонок. Зилов выходит в прихожую. Маленькая пауза.

ЗИЛОВ (*на пороге*). Вадим Андреич! Встречайте.

Кушак направляется в прихожую.

ВАЛЕРИЯ (*Зилову*). А кто там?
ЗИЛОВ. Знакомая Вадима Андреича. Одна милая женщина.
ВАЛЕРИЯ (*удивилась.*) Какая знакомая?
ЗИЛОВ. Молодая, интересная. (*Выходит в прихожую.*)
ВАЛЕРИЯ. Скажите, какой молодец.
ГАЛИНА. Кто молодец?
ВАЛЕРИЯ. Вадим Андреич, конечно. Ему ведь сорок, наверно.
САЯПИН. Сорок шесть.

Появляются Зилов, Вера и Кушак. В руках у Веры большой пакет.

ЗИЛОВ. Прошу.
КУШАК (*Вере*). Прошу вас.
ЗИЛОВ (*всем*). Знакомьтесь...
ВЕРА. Меня зовут Вера.
ВАЛЕРИЯ. Валерия.
ВЕРА. Очень приятно.
ЗИЛОВ. Моя жена.
КУШАК. Хозяйка дома.
ГАЛИНА. Галина.
ВЕРА. Очень приятно. Поздравляю вас с новосельем. Вот... (*Протягивает Зилову большой пакет.*)
ВАЛЕРИЯ (*Зилову*). Что там? Что?
ЗИЛОВ. Бомба, я думаю.
ВАЛЕРИЯ. Покажи, я умираю от любопытства.

Зилов вынимает из пакета большого плюшевого кота. Саяпин вдруг мяукнул довольно искусно.

(*Испуганно.*) Ой!

Все рассмеялись.

Напугали, честное слово. (*Берет кота в руки, разглядывает его.*) Ну и кот!

КУШАК. Усы! Какие усы! А глаза! Как живые. (*Вере.*) Прелестный подарок.

ВАЛЕРИЯ (*передает кота Галине*). Очень симпатичный.

ГАЛИНА (*Вере*). Большое спасибо.

ВЕРА. Представьте, я дала ему имя.

ГАЛИНА. Интересно, какое?

ВЕРА. Я назвала его аликом.

ЗИЛОВ. О, боже мой...

КУШАК (*укоризненно*). Верочка...

ВЕРА. Если вам нравится, можете его так называть.

ВАЛЕРИЯ. Алик. Чудное имя. (*Галине и Зилову.*) Он принесет вам счастье.

ЗИЛОВ. Уже чувствуется.

КУШАК. А теперь наша очередь, не так ли?

ВАЛЕРИЯ. Толечка, волоки.

Саяпин выходит в прихожую, возвращается со свертками, начал было их разворачивать.

Нет, пусть он сначала угадает!

Звонок.

ГАЛИНА. Кузаков. (*Выходит в прихожую.*)

ЗИЛОВ (*Валерии.*) Что я должен угадать?

ВАЛЕРИЯ. Угадай, что мы тебе подарим?

Входят Кузаков и Галина.
Кузакову около тридцати. Яркой внешностью он не выделяется. Большей частью задумчив, самоуглублен. Говорит мало, умеет слушать других, одет весьма неряшливо. По этим причинам в обществе он обычно в тени, на втором плане. Переносит это обстоятельство с достоинством, но и не без некоторой досады, которую хорошо скрывает.

КУЗАКОВ. Приветствую всех в новом помещении. (*Проходит, осматривает стол.*) Кажется, не опоздал.

ВАЛЕРИЯ. Нисколько. Дарим подарки.

КУЗАКОВ. Подарки?.. (*Валерии.*) А что ты на меня так

смотришь? Думаешь, пришел с пустыми руками? (*Зилову.*) Витя! Пойдем, ты мне поможешь.

ЗИЛОВ. Даже так?

КУЗАКОВ. Только так.

ВАЛЕРИЯ. Интересно.

Кузаков и Зилов выходят.

Один он не донесет, подумайте-ка.

КУШАК. Верочка, садитесь, прошу вас.

ВЕРА. Спасибо, алик.

САЯПИН (*Валерии, о свертках*). Ну что? Развернуть?

Кушак бросается к окну — взглянул на свою машину.

ВАЛЕРИЯ. Нет, нет. Посмотрим сначала, что он там выдумал.

ГАЛИНА. Да будет вам. Давайте лучше к столу.

Стук дверей. Кузаков и Зилов вносят садовую скамейку. Все смеются.

КУЗАКОВ. Ну вот, пожалуйста. Из собственного гарнитура.

ВАЛЕРИЯ. Босяк.

ГАЛИНА. Спасибо, Кузя. Лучше нельзя было придумать.

ЗИЛОВ (*усаживается на скамейку*). Модерн. (*Кузакову.*) Садись, бродяга.

ГАЛИНА. Поставьте ее к столу. На нее сядут дамы.

ВАЛЕРИЯ. А вот теперь мы. Минутку внимания! (*Зилову.*) Догадайся, что мы тебе подарим.

ЗИЛОВ. Не знаю. Подарите мне остров. Если вам не жалко.

ВАЛЕРИЯ. Нет, серьезно.

ЗИЛОВ. Ну не знаю.

ВАЛЕРИЯ. Вот что ты больше всего любишь?.. Ну что?

ЗИЛОВ. Что я люблю... Дай подумать.

ВАЛЕРИЯ. Ну жену, это само собой...

ГАЛИНА. Да нет, давно не любит...

ВЕРА (*усмехнулась*). Может, любовницу.

Саяпин хохотнул.

КУШАК (*удивленно*). Верочка...
ВАЛЕРИЯ (*Зилову*). Ну? Сообразил?
ЗИЛОВ. Соображаю, не могу сообразить.
ВАЛЕРИЯ. Вот тупица. Ну что же ты любишь — в самом деле!
ГАЛИНА. Он любит друзей больше всего.
ВЕРА. Женщин. Подарите ему женщину.
КУЗАКОВ. Все чепуха. Больше всего на свете Витя любит работу.

Дружный смех.

КУШАК (*первые слова — сквозь общий смех*). Ну зачем же так?.. Деловой жилки ему не хватает, это верно, но ведь он способный парень, зачем же так шутить?
ВАЛЕРИЯ. Нет, от него ничего не добьешься. Ладно. Ты не знаешь, а мы знаем. Знаем, что ты любишь. (*Саяпину.*) Толечка, разверни.

Саяпин развернул сверток. В нем оказались предметы охотничьего снаряжения: нож, патронташ и несколько деревянных птиц, какие на утиной охоте используются для подсадки. Все это Саяпин показал присутствующим.

ЗИЛОВ. Ба!..

Все смеются.

САЯПИН (*Зилову*). Держи.
ЗИЛОВ (*принимая подарки*). Это — да, это — уважили. Как же я, дурак, не догадался?
ГАЛИНА. Да, тут уж вы ему угодили.
ЗИЛОВ. Да-а. Вы правы. Утиная охота — это вещь. (*Одевает патронташ, увешивает себя деревянными утками. В этом наряде он останется до конца картины.*)
ВАЛЕРИЯ. В сентябре придем на дичь, учтите.
ГАЛИНА (*оживленно*). Приходите. Но предупреждаю, дичь будет из магазина.
КУШАК. Ну как же так?
ГАЛИНА. А у него так. Главное — сборы да разговоры.
ЗИЛОВ. Э, не слушайте ее.
ГАЛИНА. Что, неправда? Ну скажи, убил ты что-ни-

будь хоть раз? Признайся! Ну хотя бы маленькую, ну хоть вот такую (*показывает на пальце*) птичку?

КУЗАКОВ. Ну что ты ему показываешь? Он в такую (*показывает обеими руками*) не попадает, а ты что хочешь?

Все смеются.

ЗИЛОВ (*он доволен подарками и не обращает внимания на насмешки*). Ладно, ладно. Поживем — увидим.

САЯПИН. Витя! Чтоб наверняка — стреляй по этим. (*Провел пальцем по деревянным уткам.*) Они не улетят.

ЗИЛОВ. Ладно. Что вы в этом смыслите?

ГАЛИНА (*хлопнула в ладоши*). Внимание. Гостей прошу к столу. Прошу.

Все усаживаются. Кушак подошел к окну — взглянул на свою машину.

ВЕРА (*Кушаку*). Алик, что ты там все высматриваешь, а? Что ты там оставил?

КУЗАКОВ. Автомобиль. Всего-навсего.

КУШАК (*смутился*). Нет... то есть да. Именно — автомобиль.

ВАЛЕРИЯ. Вадим Андреич, вы не беспокойтесь. Мы тут у окна, нам удобнее. (*Саяпину.*) Посматривай.

Все уселись, кроме Кузакова.

ВЕРА (*Кузакову*). А вы? (*Подвинулась на скамейке.*) Садитесь, алик, не стесняйтесь.

КУЗАКОВ. Спасибо. (*Садится.*) Но вы ошиблись. Мое имя Николай, а вы назвали меня Аликом.

ВЕРА. Ну какая разница.

КУШАК (*удивился*). Верочка?..

ВАЛЕРИЯ. Совершенно верно. Он похож на кота. (*Кузакову.*) Не спорь, ты на него похож. Покажите-ка.

Галина показывает Кузакову плюшевого кота. Все смеются.

Копия.

КУЗАКОВ. Никакого сходства. Это провокация.

ЗИЛОВ (*Кузакову*). Не спорь, старик. Смирись. (*Взял в руки бутылку, наливает всем вина.*)

КУЗАКОВ. Хорошо. (*Вере.*) Но позже я потребую у вас объяснения.

ВЕРА. Ладно, объяснимся.

ЗИЛОВ. Итак, друзья... (*Взял в руки рюмку.*) Поехали?

САЯПИН. Понеслись.

ВАЛЕРИЯ. Стойте! «Понеслись», «поехали»! Что вы, в пивной, что ли. Здесь новоселье, по-моему.

ЗИЛОВ. Так, а что ты предлагаешь?

ВАЛЕРИЯ. Ну есть же какие-то традиции, обычаи... Кто-нибудь знает, наверное...

Молчание. Зилов наливает всем вина.

ВЕРА. Я могу сплясать на столе. Если хотите.

КУШАК. Верочка! (*Зилову.*) Как она шутит... мм... (*Вере*) неподражаемо...

КУЗАКОВ. Смутно вспоминаю. За четыре угла пьют четыре раза. По традиции.

ВАЛЕРИЯ (*передразнивает Кузакова*). «Смутно вспоминаю». Эх вы, обормоты. (*Кушаку.*) Вадим Андреич, вся надежда на вас.

КУШАК (*поднимается*). Друзья! Не будем ломать голову. Вы люди молодые...

ВАЛЕРИЯ (*удивленно*). А вы? Вадим Андреич!

ВЕРА. Да, алик, не прибедняйся, ты еще не так плох.

КУШАК (*Вере и Валерии*). Благодарю вас, благодарю. Так вот, мы люди молодые, зачем нам дедовские премудрости. Просто. Поздравим наших хозяев с новосельем. Выпьем за новую квартиру.

Возгласы одновременно: «С новосельем!», «Салют!», «Спасибо», «Ну-ну».

ЗИЛОВ. Поехали.

САЯПИН. Понеслись.

Громко звучит та же бодрая музыка. Свет гаснет и через несколько секунд зажигается снова, музыка звучит негромко. Окончание первого воспоминания сопровождается музыкой.

Та же комната. Обстановка того же вечера. Гости прощаются. Зилов и Вера. Вера в плаще.

ВЕРА. Твоя жена мне понравилась. Удивляюсь даже, как тебе удалось на такой жениться.

ЗИЛОВ. Не знаю, Верочка, не знаю. Это было давно, шесть лет назад...

ВЕРА. Представляю, сколько она натерпелась от тебя... Ты алик из аликов.

ЗИЛОВ. Ладно. Позвони мне на работу. Завтра.

ВЕРА. Позвоню... Если будет время.

ЗИЛОВ. Ну как хочешь.

ВЕРА. Этот бодрячок, он, кажется, на что-то надеется?

ЗИЛОВ. Пусть надеется. Жалко, что ли?

ВЕРА. Может, мне с ним пойти? Как? Ты не против?

ЗИЛОВ. Ладно, не болтай. Он свое дело сделал, пусть теперь гуляет.

ВЕРА. А то, может, пойти? Начальство все-таки.

ЗИЛОВ. Послушай. Делай, что хочешь. Ты сама все это затеяла.

Подвыпивший Кушак появляется в прихожей.

КУШАК. Какой вечер! Волшебный, если можно так выразиться... Я благодарю судьбу...

ВЕРА. А вы не судьбу, вы (*о Зилове*) его поблагодарите.

КУШАК. Разумеется! Спасибо, Виктор, за гостеприимство и... за все.

Галина выходит из кухни.

И вам, Галина Николаевна, большое спасибо. Этот вечер я запомню на всю жизнь.

ВЕРА. Я тоже.

ГАЛИНА. Очень рада. Надеюсь, вы будете у нас бывать. Я буду рада.

ВЕРА (*Галине*). Счастливо вам. (*Зилову и Кузакову.*) До свиданья, алики.

КУЗАКОВ. Да свиданья.

Кушак и Вера выходят.

ГАЛИНА. Я вас провожу. (*Выходит.*)
ЗИЛОВ (*Кузакову*). Вот и прекрасно. Всем хорошо, все довольны. Приятный вечер.
КУЗАКОВ. Слушай, Вера — кто она такая и откуда?
ЗИЛОВ. Что, понравилась?
КУЗАКОВ. Откровенно говоря, да.
ЗИЛОВ. Ну так займись, в чем же дело.
КУЗАКОВ. Но я не пойму, причем здесь Кушак. Что между ними?
ЗИЛОВ. Между ними? Почти ничего. Одна только его пьяная фантазия.
КУЗАКОВ. И я так думаю.
ЗИЛОВ. Говорю тебе, бедняга зря старается.
КУЗАКОВ. Так, так, значит, все это ее легкомыслие — показное.
ЗИЛОВ. Ты думаешь?
КУЗАКОВ. А ты не видишь? Разве ты таких не встречал?
ЗИЛОВ. Каких?
КУЗАКОВ. Да вот таких, как она. Они напускают на себя черт знает что, а на самом деле...
ЗИЛОВ. Что на самом деле?
КУЗАКОВ. Да, Витя, мне кажется, она совсем не та, за кого себя выдает.
ЗИЛОВ (*похлопал Кузакова по плечу*). Старик, ты ошибаешься, как всегда.

Кушак появляется из прихожей.

КУШАК. Виктор!.. Мм... Могу я с тобой поговорить?
КУЗАКОВ. Можете, можете. Я с ним уже наговорился. (*Зилову.*) До свиданья, Витя.
ЗИЛОВ. Привет, Коля.

Кузаков уходит.

Так?
КУШАК. Она... мм... я от нее в восторге! Но... каким образом?
ЗИЛОВ (*бесцеремонно*). Вы что, не знаете?.. Обещайте, клянитесь, угрожайте. Как обычно...
КУШАК. Но... мм... в какой форме?

ЗИЛОВ. Боже мой! Озолочу, женюсь, убью — что вы еще можете ей сказать? Действуйте.

КУШАК (*бежит, но возвращается*). А ты уверен, что... мм... Не выйдет тут что-нибудь скандальное?

ЗИЛОВ. Вы как маленький, ей-богу.

КУШАК. Нет, пойми меня правильно, я далеко не ханжа, но... Все-таки...

ЗИЛОВ. Будьте мужчиной, и все будет в порядке.

Кушак уходит. Зилов один. Разглядывает подарки. Появляется Галина.

ГАЛИНА. По-моему, я напилась.

ЗИЛОВ. Конечно. Пьяная в лоскуты.

ГАЛИНА. Серьезно? Что же гости подумали?

ЗИЛОВ. А! Они мне надоели.

Маленькая пауза.

ГАЛИНА. Слушай, слушай, что я тебе скажу.

ЗИЛОВ. Ну.

ГАЛИНА. Я хочу ребенка.

ЗИЛОВ. Опять?

ГАЛИНА. Пора нам с тобой, слышишь?

ЗИЛОВ. Ты думаешь?

ГАЛИНА. Никогда я его так не хотела... А ты? Что ты на это скажешь?

ЗИЛОВ. Я?.. Ну если пора, в самом деле, то почему бы...

ГАЛИНА. Нет, ты его не хочешь, я знаю.

ЗИЛОВ. Да нет, с чего ты это взяла? Я не против... Ну чего ты расстроилась? Это же не проблема. Сказано — сделано.

ГАЛИНА. Тебе он не нужен.

Появляется Кушак. Галина уходит в другую комнату.

КУШАК (*он сильно раздосадован*). Виктор! Виктор...

ЗИЛОВ. Что такое?

КУШАК. Но она... Она исчезла!

ЗИЛОВ. Да?.. Кто исчез? Женщина или машина?

Кушак бросается к окну — взглянул на свою машину.

КУШАК. Женщина. Она сбежала... что это значит?.. Как это называется?

ЗИЛОВ. Динамо.

КУШАК. Что?

ЗИЛОВ (*с раздражением*). Динамо. Это называется прокрутить динамо... Она вам провернула динамо. Не понимаете?

КУШАК (*неожиданно трезво*). Виктор... Ты меня разочаровываешь.

Веселая музыка превращается в траурную.
Затемнение, во время которого возобновляется декорация начала пьесы.
Зилов пьет пиво, сидя на подоконнике. Вдруг поднимается и швыряет плюшевого кота в угол комнаты.

Картина вторая

Комната Зилова.
За окном по-прежнему дождь.
Зилов набирает номер по телефону.

ЗИЛОВ. Скажите, там Кузаков у вас далеко?.. Его нет?.. Ладно. (*Нажимает на рычаг, набирает номер.*) Бюро информации? Дайте трубочку Саяпину... Нет?.. Не приходил? Ясно. (*Бросает трубку.*) Работнички... (*В задумчивости сидит у телефона.*)

Затемнение, во время которого круг снова поворачивается.
Сцена освещается. Новая декорация.
Воспоминание второе.
Комната в учреждении. Одно окно, два грубых шкафа, четыре стола. За одним из них сидит Саяпин. Появляется Зилов.

ЗИЛОВ. Шеф озверел. (*Проходит, усаживается.*) Знаешь, что он придумал? Требует модернизацию, поточный метод, молодое растущее производство. Срочно.

САЯПИН. Это он придумал еще на прошлой неделе... Ты что, не помнишь?

ЗИЛОВ. А есть что-нибудь похожее?

САЯПИН. Похожее?.. Есть фарфоровый завод. (*Достает из стола.*) Но он лежит у нас целый год.

ЗИЛОВ. Дай взглянуть. Так... (*Листает.*) План реконструкции, поточный метод... То, что надо!
САЯПИН. Но это проекты.
ЗИЛОВ. А чья работа? (*Смотрит.*) Смирнов. Главный инженер. Знаю такого. Серьезный товарищ.
САЯПИН. Но проекты нам не нужны. Нам нужны факты.
ЗИЛОВ. Факты? А где мы их сегодня возьмем? А завтра?.. Стоп!.. Стоп... Стоп... Стоп! Инженер излагает все в настоящем времени.
САЯПИН. Ну и что?
ЗИЛОВ. Как — что? Он излагает так, как будто все уже готово. Понятно?.. А сколько сей труд лежит у нас?
САЯПИН. Примерно год.
ЗИЛОВ. Прекрасно. Будем считать, что за год эти чудесные проекты осуществились. Мечта стала явью. Я подписываю. (*Расписывается.*)
САЯПИН. Гениально, но... рискованно.
ЗИЛОВ. Ерунда. Проскочит. Никто внимания не обратит. Кому это надо?.. Подписывай.
САЯПИН. Я бы с удовольствием, но...
ЗИЛОВ. Давай, давай. У нас замечательная работа, но, согласись, она несколько суховата. Немного смелости, творческой фантазии — это нам не повредит.
САЯПИН. И все же придется проверить. Придется позвонить на завод, инженеру...
ЗИЛОВ. Боюсь, что инженер нас разочарует. Старик, будем оптимистами.
САЯПИН. Погорим.

Стук в дверь. Зилов открывает.

ГОЛОС. Почта.
ЗИЛОВ. Давайте.
ГОЛОС. Распишитесь.

Зилов бросает на стол пачку пакетов.

САЯПИН (*разбирает почту*). Тебе письмо.
ЗИЛОВ. От женщины?

САЯПИН. От Зилова А.Н. (*Бросает письмо через стол.*) Письмецо от внука получил Федот...

ЗИЛОВ. От папаши. Посмотрим, что старый дурак пишет. (*Читает.*) Ну-ну... О, боже мой. Опять он умирает. (*Отвлекаясь от письма.*) Обрати внимание, раз или два в году, как правило, старик ложится помирать. Вот послушай. (*Читает из письма.*) «...на сей раз конец — чует мое сердце. Приезжай, сынок, повидаться, и мать надо утешить, тем паче, что не видела она тебя четыре года». Понимаешь, что делает? Разошлет такие письма во все концы и лежит, собака, ждет. Родня, дура, наезжает, ох, ах, а он и доволен. Полежит, полежит, потом, глядишь, поднялся — жив, здоров и водочку принимает. Что ты скажешь?

САЯПИН. Пенсионер?

ЗИЛОВ. Персональный.

САЯПИН. А сколько ему лет?

ЗИЛОВ. Да за семьдесят. То ли семьдесят два, то ли семьдесят пять. Так что-то.

САЯПИН. Старый. И в самом деле может помереть.

ЗИЛОВ. Он? Да нет, папаша у меня еще молодец.

САЯПИН. Все-таки ты взял бы да съездил.

ЗИЛОВ. Когда?

САЯПИН. Ну в отпуск, в сентябре.

ЗИЛОВ. Не могу. Сентябрь — время неприкосновенное: охота.

Маленькая пауза.

САЯПИН. Ну так как же со статьей? Что будем делать?

ЗИЛОВ. По-моему, мы договорились: сдаем. Я подписал.

САЯПИН. Тебе легко, а вот мне... Сейчас, когда стоит вопрос о квартире, сам понимаешь...

ЗИЛОВ. Слушай, бросим жребий — и делу конец. Орел — сдаем, решка — признаемся, что никакой статьи у нас нет.

САЯПИН (*вздохнул*). Давай...

Стук в дверь.

ЗИЛОВ. Прошу. (*Бросает монету.*)

Входит Ирина. Монета остается без внимания.
Ирине восемнадцать лет. В ее облике ни в коем случае нельзя путать непосредственность с наивностью, душу с простодушием, так же как ее доверчивость нельзя объяснять неосведомленностью и легкомыслием, потому главное в ней — это искренность. Но нельзя забывать и о том, что на наших глазах она делает в жизни свои самые первые самостоятельные шаги.

ИРИНА. Здравствуйте.
ЗИЛОВ. Добрый день.
ИРИНА. Извините, это редакция?

Небольшая пауза.

ЗИЛОВ. А в чем дело, девушка?
ИРИНА. Я хотела напечатать одно объявление...
ЗИЛОВ. Объявление?.. Какое объявление?
ИРИНА. Понимаете, я потеряла одного человека, мы должны были встретиться...
ЗИЛОВ. Садитесь, расскажите не торопясь. (*Усаживает ее, подмигивает Саяпину.*) Думаю, что мы вам поможем.
ИРИНА. Правда?
ЗИЛОВ. Постараемся.
САЯПИН. Он сделает все возможное.
ИРИНА. Правда? Спасибо вам, большое спасибо...
ЗИЛОВ. Пожалуйста. Но в чем дело?
ИРИНА. Понимаете, очень надо найти одного человека. Мы с ним сюда вместе ехали, в одном вагоне. Его Костя зовут, а вот фамилии не знаю...
ЗИЛОВ. Дальше.
ИРИНА. Я его обманула. Но я не виновата, честное слово.
ЗИЛОВ. Что же случилось?
ИРИНА. Понимаете, мы договорились с ним встретиться сегодня в двенадцать часов у Главпочтамта. И надо же: как раз сегодня у нас сочинение.
САЯПИН. Что, вступительное?
ИРИНА. Да, я поступаю в иняз. Если бы я знала, где здесь у вас Главпочтамт, я бы сочинение раньше сдала. В общем, прибежала, а его уже нет...
САЯПИН. И все?

ИРИНА. Так нехорошо получилось.
ЗИЛОВ. Да, неслыханный обман. В нашем городе так не делают. Вы откуда приехали?
ИРИНА. Из Михалевки.
ЗИЛОВ. Это где же такая?
ИРИНА. А это далеко. На севере.
ЗИЛОВ. А зовут вас как?
ИРИНА. Ирина.
САЯПИН. Хорошее имя.
ЗИЛОВ. Ну и что, Ирина? Как же вы дальше будете жить?
ИРИНА. Если вы напечатаете объявление...
ЗИЛОВ. Ну какое объявление...
ИРИНА (*живо*). Я уже обдумала! Можно так... «Костя! Я опаздала. Жди меня у Главпочтамта в двенадцать часов пятого августа. Я все объясню. Ирина...» Можно так?..
САЯПИН. «Жди меня, и я вернусь, только очень жди».
ИРИНА. Неужели нельзя?.. Он прочтет. Он все газеты читает. На каждой станции газеты покупал. Он и сам стихи пишет.
ЗИЛОВ. Э, так он поэт. Может быть, Константин Симонов?
ИРИНА. Шутите. Симонов старый и живет в Москве.
ЗИЛОВ. Ничего подобного. Раньше жил в Москве, а теперь — здесь.
ИРИНА (*удивилась*). Правда?
ЗИЛОВ. Ну конечно. Ну ее, говорит, Москву, надоела. Шум, гам, суета, сколько, говорит, можно. Поживу, говорит, я где-нибудь в тишине. Да, да.
ИРИНА. Нет, он не Симонов. Он всего два стихотворения написал, а третье — прямо в вагоне.
ЗИЛОВ. И посвятил его вам, не правда ли?
ИРИНА. Откуда вы знаете?
ЗИЛОВ. Он посвятил вам стихотворение, и вы его за это полюбили. Разве не так?
ИРИНА. Полюбила?.. Нет, что вы...
ЗИЛОВ. А разве вы его не любите?
ИРИНА. Ну конечно нет.
ЗИЛОВ. Тогда зачем вам его искать?

ИРИНА. Чтобы объяснить. А то ведь получится, что я его обманула.

ЗИЛОВ (*Саяпину*). Что ты на это скажешь?

САЯПИН. Люби меня, детка, пока я на воле, люби меня, детка, пока я твой...

Входит Кушак.

КУШАК. Где статья? Чем вы занимаетесь?.. Вы по какому вопросу, девушка?

ЗИЛОВ. Ее зовут Ирина. Она по личному вопросу.

КУШАК. Только не говорите мне, что она ваша одноклассница.

ЗИЛОВ (*разглядывая Ирину*). Молчу. Если бы даже и сказал — никто бы мне не поверил.

САЯПИН. Она ищет друга.

КУШАК. Здесь? Среди вас?

ИРИНА. Нет, я хочу напечатать объявление.

КУШАК. Объявление?.. У нас? С какой стати?

Саяпин беззвучно смеется.

ИРИНА. Но ведь это редакция.

КУШАК. Редакция?.. (*Грозит Зилову и Саяпину кулаком.*) Вы ошибаетесь, девушка. Здесь не редакция.

ИРИНА. Как?

ЗИЛОВ. Все в порядке, редакция рядом.

ИРИНА (*Зилову*). Тогда зачем вы так?.. Я не понимаю...

КУШАК (*раздраженно*). Что тут непонятного? Вам нужна редакция, а наше учреждение называется ЦБТИ. Центральное бюро технической информации, если угодно...

ИРИНА (*поднимаясь*). Извините. (*Идет к двери.*)

КУШАК (*провожая ее взглядом, смягчился*). Ничего... Очевидно, вас ввело в заблуждение слово «информация». Желаю вам всего хорошего.

ИРИНА (*Зилову, в дверях*). Зачем же вы так?..

ЗИЛОВ (*идет вслед за ней*). Не волнуйтесь, Ирина, все будет хорошо. (*В дверях Кушаку и Саяпину*). Минутку. (*Уходит.*)

КУШАК. Вы думаете сдавать статью?

САЯПИН. Думаем.

КУШАК. Вижу я, о чем вы думаете. Здесь дом свиданий или учреждение? Сколько вас предупреждать?

САЯПИН. При чем здесь я? Вы же знаете, я к женщинам почти равнодушен.

КУШАК. Безобразие. В конце концов, всему бывает время и место. Предупреждаю в последний раз. И поторопитесь с работой. После обеда я отправляю ее в типографию. (*Уходит.*)

САЯПИН. Ему — девочки, а мне — выговоры. (*Звонит по телефону.*) Редакция?.. Кузаков?.. Да нет, какие к черту шахматы. Зилов у тебя?.. Нет? Скотина!.. Да нет, не ты... Ну, если хочешь, ты тоже.

Входит Зилов.

ЗИЛОВ. Ну, что ты про нее скажешь?

САЯПИН. Слушай, иди-ка ты с ней вместе знаешь куда?

ЗИЛОВ. Ну-ну? Куда — посоветуй. Я думаю, в кино. Для начала.

САЯПИН. К черту! Он (*показывает на дверь кабинета*) требует статью. Что будем делать? Так он этого не оставит... Ты имей в виду, он имеет на тебя зуб — за новоселье. Ты что, забыл?

ЗИЛОВ. Плевать. (*Надевает плащ.*) Такие девочки попадаются не часто. Ты что, ничего не понял? Она же святая... Может, я ее всю жизнь любить буду — кто знает. (*Идет к двери.*)

САЯПИН. Стой! Постой же, черт возьми!

ЗИЛОВ. Ну? Короче. Меня ждет девушка.

САЯПИН. Они требуют статью. Что будем делать?

ЗИЛОВ. Опять статья! Будь она проклята! Спихнуть, и делу конец. Подписывай.

САЯПИН. Я крупно рискую, сам понимаешь.

ЗИЛОВ. Черт подери! В первый раз, что ли? (*Вспомнил.*) Постой! А жребий! Монета! Где она?

Оба ищут брошенную двадцать минут назад монету.

Как у нас было?

САЯПИН. Орел — сдаем, решка — нет... Вот она. Решка. Смотри.

ЗИЛОВ. Не повезло... Подожди, по-моему, ты перепу-

тал. Решка — сдаем, орел — нет... Слушай. Давай-ка снова! Решка — сдаем, орел — нет. (*Бросает монету.*)

САЯПИН. Орел.

ЗИЛОВ (*с досадой*). Черт возьми!.. Ну ничего не поделаешь — судьба. Займемся этой дурацкой статьей завтра. (*Идет к двери.*)

САЯПИН (*останавливает его*). Тогда идем к нему вдвоем. Один я отдуваться не намерен.

ЗИЛОВ. Вот еще кошмар... Слушай! Бог троицу любит. Бросим третий раз. Решка — признаемся, орел — нет. (*Бросает монету.*)

САЯПИН. Орел.

ЗИЛОВ (*с облегчением*). Слава богу, хоть одно дело сделали. (*Идет к двери.*)

Телефонный звонок.

САЯПИН (*в телефон*). Да... Сейчас... (*Зилову.*) Стой! Тебя.

ЗИЛОВ. Кто?

САЯПИН. По-моему, жена.

ЗИЛОВ. Меня нет.

САЯПИН. Я уже сказал...

ЗИЛОВ. Идиот! (*Берет трубку.*) Что такое?.. В чем дело?.. (*Закрыл трубку рукой.*) Будь другом, займи ее на минутку. Она ждет у входа. Да смотри не хами. Ее спугнуть — дважды два. Давай...

Саяпин выходит.

Ну что случилось?.. Увидеться?.. Сейчас?.. Это невозможно... Срочная работа. Отчет... Все в отпуске. Вдвоем тут пластаемся... Нет. Нет... Ну что за спешка? Что с тобой?.. Да нет, что случилось?.. Что?.. Ребенок?.. Ты уверена?.. Ну и прекрасно. Поздравляю... Сын, я уверен... А как же?.. Ну рад... Да рад я, рад... Ну что тебе — спеть, сплясать?.. Увидеться?.. Сегодня увидимся. Ведь не сию же минуту он у тебя будет... Что?.. Подожди! (*Видно, что на том конце брошена трубка. Этим он несколько раздосадован.*) Ну вот, уже и разобиделась. (*Выходит.*)

Затемнение. Круг передвигается, сцена освещается.
Зилов сидит в своей комнате у телефона.
Зилов поднимается, ходит по комнате. У венка останавливается. Некоторое мгновение стоит перед венком.

ЗИЛОВ. Пошутили, мерзавцы...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Комната Зилова. За окном идет дождь. Зилов разговаривает по телефону.

ЗИЛОВ (*нетерпеливо*). А я вам говорю, по этому телефону звонить бесполезно... Да, бесполезно. У вас там всегда одно и то же: переменная облачность, ветер слабый до умеренного. Что?.. Вы взгляните в окно... По-вашему, переменная облачность, а по-моему — ливень... Я хочу знать, когда он закончится... (*Примирительно.*) Кому же это известно? Господу богу?.. Тоже мне — покорители природы, не знаете даже, когда дождь закончится... Интересно, чем вы там занимаетесь?.. Что? (*Торопливо. Можно понять, что ему хочется поговорить.*) Минутку! Давайте с вами поболтаем, все равно от вашей работы никакого толку... Да вы, девушка, не сердитесь... Сорок лет?.. Ну что ж. Почему бы вам не вспомнить молодость?.. Мне?.. Да как вам сказать. «Я девчонка совсем молодая, а душе моей тысяча лет...» Слышали такую песенку?.. Что?.. Ах, вас вызывают... Жаль. Очень жаль. (*Положил трубку. Улегся на тахту. Лежит на спине, руки закинув за голову.*)

Затемнение.
Свет на сцене зажигается.
Начинается воспоминание третье.
Квартира Зиловых. Тахта, несколько стульев, на подоконнике подаренный Верой кот.
Ранний час утра.

Галина спит, сидя за столом, на котором горит лампа и лежит большая стопа тетрадей.
Щелкнул дверной замок, Галина проснулась и подняла голову. Она в очках, которые сейчас сняла и положила на стол. Отвернулась к окну.
Появляется Зилов.

ЗИЛОВ. Привет.
ГАЛИНА. Доброе утро. (*Погасила лампу на столе.*)
ЗИЛОВ. А почему ты не спишь?..

Пауза.

Что, много работы?.. (*Снимает пиджак, бросает его на тахту.*) Ты что, совсем не ложилась?..

Маленькая пауза.

Нет, нет. Нельзя так много работать. Мы не лошади. (*Садится на тахту.*) Я падаю с ног. (*Зевает.*) Нет, из этой конторы надо бежать. Бежать, бежать... Ну сама посуди, разве это работа?.. Знаешь, где я был?..

Маленькая пауза.

Представь себе, в Свирске. Вчера после обеда — бах! Садись — поезжай. Куда? На фарфоровый завод. Зачем? Грандиозное событие: реконструировали цех. Изучить, обобщить, информировать научный мир. О чем? Заводик-то — ха! Промартель. Гиблое дело. Тоска... Нет, мне это не подходит. Я все-таки инженер, как-никак... (*Маленькая пауза.*) Я звонил тебе в школу, ты была на уроке... Нет, дома нам нужен телефон. Он просто необходим, согласись... Галка!..

Молчание.

Ты что, не хочешь со мной разговаривать?.. Странно...

Пауза. Он прилег на тахту.

Что случилось? Чем ты недовольна?.. Может, я в чем виноват, так скажи, сделай милость...

Или, может, давно не получала писем? От друга детства, а? Не пишет, что ли?.. Тогда при чем здесь я?.. Я устал и хочу спать. Дай мне постель... Слышишь? Я спал всего два часа. На вокзале...

Маленькая пауза.

Нет, в чем дело? Может, ты мне не веришь?

ГАЛИНА. Вечером тебя видели в городе.

ЗИЛОВ. Что?.. Интересно... Кто это меня мог видеть?.. Меня, в городе, вечером... Чудеса! (*Маленькая пауза.*) А что ты называешь вечером? Если семь часов, то пожалуйста — я объясню.

ГАЛИНА. Ни одному твоему слову не верю.

ЗИЛОВ (*подумал и оскорбился*). Ты это серьезно?

ГАЛИНА. Не верю ни одному твоему слову.

ЗИЛОВ (*спокойно*). Напрасно. Жена должна верить мужу. А как же? В семейной жизни главное — доверие. Иначе семейная жизнь просто немыслима. Так кто же это видел меня вчера в городе? Вернее, якобы в городе и якобы меня?..

ГАЛИНА. Это не имеет значения.

ЗИЛОВ. Нет, мы все должны выяснить, чтобы у тебя не было никаких подозрений. Кто и где меня видел?

ГАЛИНА. В десять часов тебя видели в гастрономе.

ЗИЛОВ. Кто?

ГАЛИНА. Не все ли равно! Соседка тебя видела.

ЗИЛОВ. Марья Васильевна?.. Она?.. Тогда все ясно. Она же близорукая. Подумай сама, она меня видела, а я ее нет. Да этого просто не могло быть. Старуха обозналась. (*Подходит к ней.*) Галка, ты стала слишком подозрительной. Соседям ты веришь больше, чем мне. Как тебе не стыдно. (*Пытается ее обнять.*)

ГАЛИНА (*высвобождается*). Ты, кажется, устал...

ЗИЛОВ. Ну и что?

ГАЛИНА. Ну вот, можешь меня не обнимать. Отдохни, раз устал.

ЗИЛОВ. Ну не так уж я устал... (*Снова пытается ее обнять.*)

ГАЛИНА (*отходит от него*). Нет. Мне это неприятно. (*Не сразу.*) И у нас с тобой больше этого не будет.

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ (*забеспокоился*). Что значит «не будет»?.. Что с тобой? Как ты на меня смотришь?.. Что такое?.. Так ты можешь смотреть на кого-нибудь другого, на насильника какого-нибудь. Я тебе муж как-никак... Ты даже собираешься родить мне ребенка...

ГАЛИНА. Можешь не беспокоиться. Ребенка у нас не будет.

ЗИЛОВ. Что?.. Что ты хочешь сказать?.. Ты была в больнице?

Маленькая пауза.

(*Грозно.*) Говори! Ты была в больнице?

ГАЛИНА. Можно подумать, что ты этого не хотел.

ЗИЛОВ (*расходится*). Что ты натворила!.. Как ты могла!.. Почему ты это скрыла?.. Говори!.. Ты не смела распоряжаться одна, слышишь?.. Ты понимаешь, что ты делаешь? Понимаешь?.. Нет, этого я тебе не прощу!

ГАЛИНА. Перестань паясничать.

Пауза.

ЗИЛОВ. Это ужасно... Ужасно, что ты со мной не посоветовалась. (*Маленькая пауза.*) А что теперь? Теперь уж не вернешь... (*Подходит к ней.*) Ты-то как? Нормально?.. (*Маленькая пауза.*) Ну не грусти. Это дело мы поправим... Все будет хорошо... (*Пауза.*) Все будет хорошо, ты слышишь... В следующий раз ты шагу не сделаешь без моего совета. Да, да. Будешь находиться под моим наблюдением, не веришь?

ГАЛИНА. Ни одному слову твоему не верю.

ЗИЛОВ. Но почему?.. Ведь я же тебе верю.

ГАЛИНА. А я тебе нет.

ЗИЛОВ. Странно... (*Помолчал.*) Когда-то мы обещали друг другу верить, вспомни-ка. Друг другу, а не

соседям... Может, этого не было? Или ты этого не помнишь?

ГАЛИНА. «Когда-то»... Вспомнил. Мало ли что было когда-то.

ЗИЛОВ. А разве что-нибудь изменилось?

ГАЛИНА. Изменилось? Ну что ты. Просто все прошло.

ЗИЛОВ. Слушай. Давай без паники. (*Хотел к ней подойти, она отступила. Уселся на стул посреди комнаты.*) Ну кое-что изменилось — жизнь идет, но мы с тобой — у нас с тобой все на месте. Во всяком случае, у меня к тебе все в целости-сохранности. Как шесть лет назад. Как в тот вечер. Надеюсь, ты его не забыла?

ГАЛИНА. Сейчас утро, а не вечер. Брось. Ничего у нас не осталось.

ЗИЛОВ. Да нет, все в порядке. А если что не так, мы все можем вернуть в любую минуту. Хоть сейчас. Все в наших руках.

ГАЛИНА. Ничего мы не вернем.

ЗИЛОВ. Не веришь?.. А вот мы сейчас посмотрим. Закрой глаза. Сейчас ты все увидишь. Закрой глаза. (*Маленькая пауза.*) Ну ладно, можешь смотреть. (*Осматривает комнату.*) Та-ак... Да, та была поменьше... Стол был здесь. (*Передвигает стол.*) Кровать — здесь. (*Передвигает тахту.*) Это (*взял с подоконника кота и бросил его под тахту*) не годится... Что еще?.. Вино. Было вино... у нас нет вина?.. А жаль... Да! Цветы! Были цветы... Ты не помнишь — какие?.. По-моему, подснежники. Ну да, ведь был апрель. Апрель?

ГАЛИНА. Прекрати. И не трогай этого. Лучше не трогай.

ЗИЛОВ (*обиделся*). Не трогай? Что ты этим хочешь сказать?.. Для меня тот вечер — святая вещь. Праздник. И мы его вернем, ты увидишь... Цветы! (*Схватил со стола медную пепельницу, показал ее Галине.*) Подснежники. Я пришел к тебе с подснежниками.

ГАЛИНА. Ты что, издеваешься?

ЗИЛОВ. Да нет же! Как ты не можешь этого понять?..

Сядь сюда!.. Ну сядь, я тебя прошу... Когда я вошел, ты сидела у окна. Здесь. Садись... (*Усаживает ее силой.*)

ГАЛИНА (*поднимается*). Оставь, пожалуйста.

ЗИЛОВ (*снова ее усаживает*). Ты смотрела в окно. Смотри в окно... Оно было раскрыто. (*Раскрывает окно, отступил в глубь комнаты.*) Так... Что еще было?

ГАЛИНА. Прекрати ради бога.

ЗИЛОВ. Нет, бога не было, но напротив была церковь, помнишь?.. Ну да, планетарий. Внутри планетарий, а снаружи все-таки церковь. Помнишь, ты сказала: я хотела бы обвенчаться с тобой в церкви?.. А я что тебе ответил?..

Маленькая пауза.

По-моему, я тебя поцеловал?.. Так мы и сделаем: ты сейчас скажи это, про церковь, а я тебя поцелую.

ГАЛИНА. Оставь меня, пожалуйста.

ЗИЛОВ. Да, не будем забегать вперед. Ты смотрела в окно. Смотри в окно. Когда я вошел, ты оглянулась... Итак, я вхожу. (*Изображает.*) Ты оглядываешься. Оглянись... Нет, ты должна оглянуться. Когда ты оглянулась и мы посмотрели в глаза друг другу, я понял, что все случится в тот вечер. А ты?.. Ты ведь тоже это почувствовала... Ладно. Все по порядку и не отвлекаемся. Я вхожу, ты оглядываешься. (*Кричит.*) Вхожу!

Галина невольно оглядывается.

Э, нет, не годится. Ты смотришь на меня, как на насильника. А взгляд был нежный, уверяю тебя... Попытайся... Я вхожу. (*Изображает.*) Вхожу... (*Громко.*) Галка!

Галина оглянулась.

Да... Ну ничего. Сойдет... (*Играет.*) Я не опоздал?

ГАЛИНА. Опоздал. Ты должен был явиться вчера вечером, а не сегодня утром.

ЗИЛОВ. Боже мой! Пойми, что сейчас ты не здесь, а там. Там. Понимаешь? В тот вечер. Давай... (*Изображает.*) Я не опоздал?

Галина молчит. Зилов подошел к ней и передал ей пепельницу — цветы.

ГАЛИНА (*иронически.*) Спасибо.
ЗИЛОВ. Кого ты здесь высматриваешь, признавайся...
ГАЛИНА (*не сразу и насмешливо.*) Здравствуй, Витя, бывал ли ты когда-нибудь в церкви?
ЗИЛОВ. Да. Раз мы заходили с ребятами. По пьянке. А ты?
ГАЛИНА (*насмешливо*). А я с бабушкой. За компанию.
ЗИЛОВ. Ну и как?
ГАЛИНА (*насмешливо*). Да ничего. Я хотела бы обвенчаться с тобой в церкви.

Зилов пытается ее поцеловать.

Не лезь, пожалуйста.
ЗИЛОВ. Нет, нет. «Не лезь» — это не оттуда. Вспомни-ка, что ты тогда сказала...

Маленькая пауза.

(*С горьким упреком.*) Вот видишь, ты ничего уже не помнишь.
ГАЛИНА. Я-то помню, представь себе... (*Вспоминает с легкой насмешкой.*) Представь себе, мы поднимаемся по ступеням, входим, а там тишина, горят свечи и все так торжественно...
ЗИЛОВ. Точно! А потом я сел здесь (*садится*) и спросил тебя... (*Изображает.*) Хозяйка дома?
ГАЛИНА. Это было совсем не так. Тогда ты волновался...
ЗИЛОВ (*играет*). Хозяйка дома? (*Ждет, потом подсказывает.*) Нет, она на дежурстве... Ну!.. (*Играет.*) Хозяйка дома?
ГАЛИНА (*задумчиво*). Да... В тот вечер она была на дежурстве...
ЗИЛОВ (*играет*). Значит, сегодня ее не будет?

Он ее обнимает. Она его отстраняет, но весьма мягко. Она-таки увлекается воспоминаниями.

Значит ее не будет?

ГАЛИНА. Ну, допустим, не так. Я сказала тебе... (*Негромко, глубоким голосом повторяет те далекие слова.*) Пойдем куда-нибудь...

ЗИЛОВ (*подхватывает*). Нет.

ГАЛИНА. Пойдем в планетарий. Мы ведь ни разу там не были.

ЗИЛОВ. Нет.

ГАЛИНА. Ну хочешь, я провожу тебя до общежития?

ЗИЛОВ. Ты хочешь, чтобы я ушел?

ГАЛИНА. Нет... Идем погуляем, прошу тебя... (*Отвлекаясь от воспоминаний.*) Ну что же ты? (*Подсказывает ему.*) Никуда я не пойду.

ЗИЛОВ. Никуда я не пойду.

ГАЛИНА. Почему?

ЗИЛОВ. Потому что... (*Затрудняется*). Потому что...

ГАЛИНА (*нетерпеливо*). Почему?

ЗИЛОВ (*вспомнил*). Потому что я тебя люблю.

ГАЛИНА. А если мы немного погуляем, разве ты перестанешь меня любить?

ЗИЛОВ (*неуверенно*). Нет, но я этого не переживу...

ГАЛИНА (*свободно*). Пойдем, прошу тебя. Докажи, что ты меня любишь... (*Ждет, потом.*) Ну что же ты?.. (*Взволнованно.*) Говори же, говори!

ЗИЛОВ (*фальшиво*). Я жить без тебя не могу.

ГАЛИНА. Не так! Совсем не так! Неужели ты не чувствуешь?.. Ну!

ЗИЛОВ (*неуверенно*). Милая...

ГАЛИНА. Не то!

ЗИЛОВ (*вопросительно*). Любимая?..

ГАЛИНА. Нет!

ЗИЛОВ (*роковым голосом*). Дорогая!

ГАЛИНА (*с болью*). Нет! Нет!.. Неужели ты не можешь?

ЗИЛОВ (*крутится*). Не волнуйся... Минутку, минутку... Сейчас все будет на месте... (*Наконец его осенило.*) Вспомнил! (*Взял ее за руку.*) Иди ко мне!

ГАЛИНА (*освободила руку*). Нет! Ты не сказал мне самого главного.

ЗИЛОВ. Неважно. (*Пытается ее обнять.*)

ГАЛИНА. Нет! Ты должен это вспомнить... Вспомни, прошу тебя!

Маленькая пауза.

(*С отчаянием.*) Вспомнишь ты или нет?

Пауза. Она ждет.

ЗИЛОВ. Черт возьми! Мало ли что мог мужчина сказать в такую минуту!

ГАЛИНА (*почти с ненавистью*). Ты все забыл. Все!

ЗИЛОВ. Ну хватит. (*Грубо.*) Иди сюда. (*Силой привлекает ее к себе.*)

Галина вырывается и медленно от него отступает. Молчание. Галина вдруг опускается на стул и плачет.

(*Не сразу, с искренним огорчением.*) Ну вот... Вспомнили молодость.

Затемнение. Свет зажигается. Зилов, закинув руки за голову, лежит на тахте.

Картина вторая

Зилов ходит по комнате. Постоял у окна. Подходит к телефону, набирает номер.

ЗИЛОВ. Дима?.. Это я, Зилов. Этот дождь, по-моему, никогда не кончится... Он будет лить сорок дней и сорок ночей. А что? Однажды, говорят, так уже было... Дима! Что, если поехать сейчас?.. А что? В Ключах заночуем, а?.. Ну что нам топь?.. А если без коляски? Без коляски мы его перетащим, я ручаюсь... Никак?.. Скверно... Откровенно говоря, отвратительное настроение... Да одно к одному. А тут еще друзья меня порадовали... Еще не слышал?.. Ты знаешь, что они мне прислали?.. Венок... Венок!.. Ну натурально — для гроба, для могилы... Пошутили, мерзавцы... Тебе смешно?.. А мне, знаешь, не очень... Я человек впечатлительный, мне этот юмор теперь по ночам сниться будет... Друзья! Разве это друзья?

Это оасовцы какие-то. Слушай, а ты не знал про эту шутку?.. Ну слава богу, хоть один есть приличный человек... (*С беспокойством.*) Дима! Я тебя вчера случайно не задирал? Ничего?.. Слава богу... (*С волнением.*) Старина, ты прости за глупый разговор, но скажи, старик, как ты ко мне относишься?.. (*Слушает.*) А я... Я так тебе скажу. После вчерашнего я остался один... Нет, чувствую, что один. И получается так, что ты — самый близкий мне человек... (*Принужденно смеется.*) Да нет, не в этом дело... В общем, слава богу, что мы едем с тобой на охоту... (*Обычным тоном.*) Да, я жду твоего звонка... Никуда не выхожу — жду. *(Положил трубку, пошел по комнате, остановился. Стоит лицом к окну.)*

Затемнение. Круг поворачивается, зажигается свет.
Воспоминание следующее.
Бюро технической информации. Зилов и Саяпин. Саяпин что-то пишет.

ЗИЛОВ. Шестой час. Шабаш. (*Складывает бумаги в стол.*) Остановись. Последнее время ты работаешь, как машина.

САЯПИН. А что делать? Хорошо тебе рассуждать, ты человек с квартирой... Что ни говори, отдельная квартира — дело великое. Ну возьми хоть эту сторону. В чужой квартире всё на виду, всё на людях. Жена скандалит, а ты, если ты человек деликатный, терпи. А может, мне ее стукнуть хочется? Нет, действительно... Вот дадут нам квартиру, тогда мы еще посмотрим кто кого.

ЗИЛОВ (*смеется*). На новоселье я подарю вам боксерские перчатки.

САЯПИН. Да, с квартирой ты человек свободный. Не нравится тебе эта контора — взял, махнул в другую.

ЗИЛОВ. Куда, например?

САЯПИН. Ну на завод куда-нибудь или в науку, например. А что такого?

ЗИЛОВ. Брось, старик, ничего из нас уже не будет.

САЯПИН. Почему же?

ЗИЛОВ. А потому, что ты, как говорит мой папаша, ленив и развращен...

САЯПИН. А ты?

ЗИЛОВ. Я?.. (*Усмехнулся.*) Впрочем, я-то еще мог бы чем-нибудь заняться. Но я не хочу. Желания не имею.

САЯПИН. Лично мне и здесь неплохо, но жена...

ЗИЛОВ. Нет, старик, наша контора для нас с тобой самое подходящее место. Дом родной.

САЯПИН. Посмотрим. (*Убирает со стола.*) У тебя какая программа? Мы идем на футбол.

ЗИЛОВ (*развалился на стуле*). Идите.

САЯПИН. А пока (*достает из стола шахматную доску*) успеем еще сгонять партию.

ЗИЛОВ. Валяйте.

САЯПИН. А футбол будет веселый. Наши и Красногорск. Не хочешь посмеяться? (*Набирает номер по телефону.*)

ЗИЛОВ. Не занимай телефон. Я жду звонка.

САЯПИН (*по телефону*). Кузаков?.. Как настроение?.. Хочешь получить мат? Тогда иди, пока у меня есть время...

ЗИЛОВ. Я жду звонка. Слышишь?

САЯПИН. Ты не забыл, я играю белыми... Ну живее. (*Положил трубку.*) Кто тебе будет звонить? (*Расставляет шахматные фигуры.*) Не та ли девочка?

ЗИЛОВ. Ну и что?

САЯПИН. Я вижу, ты взялся за нее капитально.

ЗИЛОВ. Она мне нравится.

Телефонный звонок.

(*Снимает трубку.*) Ира?.. Здравствуй, радость моя... Где ты?..

САЯПИН. Любовь моя и радость, зачем ты не со мной...

ЗИЛОВ. Я скучаю... Не веришь?.. Ну как я тебе докажу?.. Ну увидишь, как я похудел... Да, со вчерашнего вечера... А долго ли. Это все быстро делается... Ты где?.. Что?.. Из автомата?.. Тебе мешают?.. Кто тебе мешает?.. Пристают?.. (*Саяпину.*)

Пацаны. Вот видишь, она чересчур хорошенькая... (*По телефону.*) Пошли их к чертовой матери. Пригрози милицией... И не смей им улыбаться, слышишь!.. В шесть я жду тебя в «Незабудке»... В «Незабудке» в шесть. Не опаздывай... Что?.. Ты не вздумай с ними разговаривать. Ни в коем случае! (*Положил трубку.*) Скажи, как шпана обнаглела.

САЯПИН. Я не могу понять — ты влюбился или ты над ней издеваешься?

Появляется Кушак. В руках у него небольшая брошюра.

КУШАК. Вы что, посадить меня хотите?

Маленькая пауза.

Где вы взяли эту липу?

Маленькая пауза.

Кто из вас подсунул мне эту наглую дезинформацию?

ЗИЛОВ. Шеф, что случилось?

КУШАК. Ах, разумеется, вы ничего не знаете...

ЗИЛОВ. Что, здесь (*показывает на брошюру*) есть какие-нибудь неточности?

КУШАК. Неточности?.. Отлично сказано! Не думал, что вы такой скромный. Неточности! Да тут сплошное вранье! Ложь!

ЗИЛОВ. А что именно?

КУШАК (*тычет пальцем в открытую брошюру*). Вот! Вот! Будто вы не знаете!

ЗИЛОВ. Фарфоровый завод? Неужели?

КУШАК. Никакой реконструкции там не было и нет!

ЗИЛОВ. Что вы говорите!

КУШАК. Здесь нет ни одного слова правды!

ЗИЛОВ. Если так, то это действительно ужасно. Скандал! Как же это могло случиться? Будем выяснять, что ж делать?.. Сейчас... Где у нас оригинал? (*Шарит в столе.*)

КУШАК. Кто из вас этим занимался?

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. Ну я.

КУШАК. Зилов, вы мне не нравитесь все больше и больше.

ЗИЛОВ. Что поделаешь. Может, мне сменить прическу?

КУШАК. Не острите, Зилов. Все это не так весело, как вам кажется, я вас уверяю. Садитесь и пишите объяснительную. (*Саяпину.*) Вы тоже.

САЯПИН. Я?

КУШАК. Вы. Именно вы. Статью вы подписали оба. Оба будете отвечать.

ЗИЛОВ. Он тут ни при чем.

КУШАК. Так. Выходит, вы один тут виноваты?

ЗИЛОВ. Выходит, так.

КУШАК. Я так и думал... Благородно с вашей стороны, очень даже благородно. Прекрасно вас понимаю. Настоящие друзья только так и поступают.

ЗИЛОВ. Нет, я понимаю, что я его подвел...

КУШАК (*иронически*). Ага, значит, вы его подвели. Значит, так: вас надо наказать, а его следует поощрить. Правильно я вас понимаю?

ЗИЛОВ. Ну что ж, вполне логично.

КУШАК. Так, так. Хорошо у вас получается. Просто замечательно... Одно только нехорошо... Нехорошо, друзья мои, что других вы считаете глупее себя. Или это тоже хорошо?

ЗИЛОВ. Это плохо.

КУШАК. Плохо! Именно — плохо. Зачем вы его выгораживаете — это нам всем очень хорошо понятно. И мне в том числе... Так почему же, на каком таком основании я обязан быть глупее всех, вы не скажете? (*Зилову, в упор.*) Согласитесь со мной. Этот вопрос я должен был перед вами поставить. Рано или поздно.

Валерия появляется и останавливается у дверей. Они ее не замечают.

ЗИЛОВ. Да, вопрос интересный...

КУШАК. А дальше будет еще интереснее. Скажите, вас устраивает работа в нашем учреждении?

ЗИЛОВ (*не сразу*). Да, вполне устраивает... А что, разве вопрос стоит так остро?

КУШАК. Если ответственность за эту (*потряс в воздухе брошюрой*) вопиющую безответственность ляжет на вас одного — я вас уволю. (*Маленькая пауза.*) Как видите, друзья-приятели, вам придется сказать правду... Так кто же этим занимался? Вы один? Или вы оба?

Небольшая пауза.

САЯПИН. Я не в курсе этой статьи. Ее готовил Зилов. Я ему поверил.

КУШАК. Так... (*Зилову.*) Ну, а вы теперь что скажете?

ЗИЛОВ. Я уже сказал. Статью готовил я.

КУШАК. В таком случае вопрос исчерпан. (*Саяпину.*) Но выговор вы все-таки получите. Впредь никогда и ничего не подписывайте до тех пор, пока не прочтете внимательнейшим образом. Это азбучная истина. В свое время она была известна любому младенцу. Безобразие!

ВАЛЕРИЯ. Здравствуйте!

КУШАК. Добрый день.

ВАЛЕРИЯ (*Кушаку*). Что они тут натворили, а? Халтурщики! Вадим Андреич, их не ругать, их бить надо. Жаль, я слабая женщина...

КУШАК. Да, я вынужден вам пожаловаться. Они допустили серьезную ошибку в работе. Я бы сказал — непростительную ошибку.

ВАЛЕРИЯ. Вот как?.. Так взгрейте их как следует! Во всяком случае, мужа я прошу наказать со всей строгостью.

КУШАК. Вашему мужу не хватает вашей... мм...

ЗИЛОВ (*подсказывает*). Принципиальности.

КУШАК. Вот именно!

ВАЛЕРИЯ (*мужу*). Обормот. (*Кушаку.*) Вадим Андреич, что бы вы с ним ни сделали — мне все доставит большое удовольствие.

КУШАК. Мне очень жаль, но на этот раз действительно не обойтись без последствий.

ВАЛЕРИЯ. Вадим Андреич! У меня блестящая идея! Лучшего наказания ему не придумаешь! Вы дадите им выговор, что угодно — им все трын-тра-

ва. Даже если их прогнать с работы — все равно, их ничем не прошибешь. Кроме одного...

САЯПИН. Что это, интересно?

ВАЛЕРИЯ (*Кушаку*). Сказать?

КУШАК. Скажите, Валерия. У вас, слава богу, есть здравый смысл.

ВАЛЕРИЯ (*о Саяпине*). Его мы лишаем футбола! На сегодня. А?

САЯПИН (*настроился на нужный тон*). Слушай!

ВАЛЕРИЯ. Да-да-да! Вместо футбола ты будешь сидеть здесь и будешь работать. Сверхурочно! Ты понял? А на футбол пойдем мы. Я и Вадим Андреич!

ЗИЛОВ. Неплохо.

ВАЛЕРИЯ (*Кушаку*). Как?

САЯПИН (*в том же тоне*). Ну знаешь, ты тут не распоряжайся...

ВАЛЕРИЯ (*Кушаку*). Решено?

КУШАК (*деланно смеется*). Забавно, конечно... но в то же время... Это вроде бы не мера...

ВАЛЕРИЯ. Решено! Вы ведь тоже болельщик?

КУШАК. Я?.. Да я как-то не особенно, не заядлый, а так, знаете, умеренный...

ВАЛЕРИЯ. Тогда вы не представляете, что значит для него футбол! Идемте! Идемте! Поверьте, это будет ему настоящим наказанием.

КУШАК. Но я, право, не знаю...

ВАЛЕРИЯ. Вадим Андреич! С ним все ясно, он занят, они оба заняты, не пойду же я одна — в конце концов!

КУШАК. Нет, я... ничего, но, подумайте, ведь это можно по-разному истолковать...

ВАЛЕРИЯ. Вадим Андреич! Какие толки! Что тут толковать? (*Мужу.*) А ну скажи, что ты думаешь.

САЯПИН. Вадим Андреич, к сожалению, у нас командует она. Ее не свернешь...

ВАЛЕРИЯ (*взяла Кушака под руку*). Вадим Андреич, мы опаздываем. А Зилову, знаете, задержите отпуск. На недельку. Если он вовремя не попадет на охоту...

ЗИЛОВ. Это не твоя забота.

ВАЛЕРИЯ. Этого он не переживет, как видите. (*Увлекает к двери растерянного Кушака.*) Ладно, мы торопимся.

КУШАК (*в дверях*). Смотрите, Валерия. Если вы думаете, что теперь им все сойдет с рук, — вы ошибаетесь.

ВАЛЕРИЯ. Еще бы. Каждому — по заслугам. Так что не надейтесь. Дружба дружбой, а служба... (*Исчезает вместе с Кушаком.*)

САЯПИН (*не без гордости*). Видал?

ЗИЛОВ. Да, с ней не пропадешь.

САЯПИН. Подруга жизни.

ЗИЛОВ. Да уж, подобралась у вас семейка. И ты-то молодец...

САЯПИН. Старик, он тебя не уволит... Старик, пойми! У меня же квартира горела! На твоих глазах! Неужели не понимаешь?

Голос за дверью: «Телеграмма».
Зилов выходит и тут же возвращается с телеграммой в руках. На ходу он раскрыл телеграмму — и вдруг останавливается. Некоторое время стоит неподвижно.

Что случилось?

ЗИЛОВ. Умер отец. (*Пауза. Садится на стул, опустил голову.*) На этот раз старик не ошибся...

Пауза.

САЯПИН. Когда?

ЗИЛОВ. Вчера, в шесть часов... (*Маленькая пауза.*) Батя, батя... Если бы я знал... (*Пауза. Поднимается, набирает номер по телефону.*) Галка... Умер отец... Да... Да... У тебя есть деньги?.. Неси, какие есть. Я уезжаю... Сегодня. Сейчас... Да... Жду тебя в конторе. Жду... (*Положил трубку.*)

САЯПИН. Успеешь?

ЗИЛОВ. Должен успеть... Пять часов самолетом, на пароходе полсуток, а там на автобусе... Надеюсь, что успею.

САЯПИН. Да-а... Теперь он тебя наверняка не уволит.

ЗИЛОВ. Что?

САЯПИН. Я говорю, такое несчастье — не уволит, не имеет права.

ЗИЛОВ. Заткнись-ка, идиот.

Появляются Кузаков и Вера. Зилов сидит, опустив голову.

КУЗАКОВ. Привет, алики!

Маленькая пауза.

Что грустите, что невеселы, соколики, или выпить захотели, алкоголики? (*Проходит, садится за шахматную доску.*) Ну-с, гроссмейстер...

САЯПИН. Подожди. Тут не до игры.

КУЗАКОВ. А что случилось?

ВЕРА. Они разочаровались в жизни.

КУЗАКОВ. Что ж. Может, они и правы. Жизнь в основном проиграна.

Саяпин показывает Кузакову телеграмму.

ВЕРА (*Зилову*). Алик, что с тобой? Похмелье, что ли? Головка болит?

ЗИЛОВ. Замолчи, дура.

ВЕРА. Он действительно не в духе.

ЗИЛОВ. Заткнись, тебе говорят!

КУЗАКОВ (*Вере*). Оставь его.

ЗИЛОВ (*Вере*). Зачем ты сюда явилась? Чего тебе здесь надо?

КУЗАКОВ. Она пришла со мной.

ЗИЛОВ. Водить по учреждениям, ты мог бы найти что-нибудь поприличнее.

Маленькая пауза.

ВЕРА (*Кузакову*). Ну? Что ты ему на это ответишь?

Кузаков молча протягивает Вере телеграмму.
Траурная музыка. Затемнение. Круг поворачивается.
Музыка умолкает. Зажигается свет.
Воспоминание продолжается.
Кафе «Незабудка». Зилов и Галина останавливаются у входа в кафе.

ЗИЛОВ. А теперь ты иди.

ГАЛИНА. Не успеешь зайти домой?

ЗИЛОВ. Зачем?

ГАЛИНА. Собраться.

ЗИЛОВ. Какие сборы? Я еду не на именины... Ну иди. Иди домой.
ГАЛИНА. Все-таки, может быть...
ЗИЛОВ. Что?
ГАЛИНА. Может, мы поедем вместе?
ЗИЛОВ. Нет, нет, решено, я еду один.
ГАЛИНА. Я думала, так будет лучше...
ЗИЛОВ. Как?
ГАЛИНА. Если я поеду с тобой.
ЗИЛОВ. Чем лучше?.. Тут ничем не поможешь... Сколько времени?
ГАЛИНА. Без двадцати шесть.
ЗИЛОВ. До свиданья. Мне пора на самолет. Я загляну сюда, мне надо немного выпить... До свиданья. (*Проходит в кафе, садится за столик.*)

Галина стоит у входа.

Дима!

Появляется официант.

ОФИЦИАНТ (*Галине*). Привет, Галка... Проходи, гостьей будешь. (*Подошел к Зилову.*) Привет, Витя.
ЗИЛОВ. Привет, Дима. Принеси, пожалуйста, водки.
ОФИЦИАНТ (*негромко о Галине*). Витя, почему твоя жена со мной не здоровается?.. Мне, конечно, все равно, но невежливо как-то с ее стороны... Сколько водки?
ЗИЛОВ. Двести.

Официант уходит. Галина подходит к столику.

Ты еще здесь?
ГАЛИНА. Я посижу с тобой. (*Садится.*) Пока ты здесь.
ЗИЛОВ. Я хочу быть один, ты понимаешь?
ГАЛИНА. Не понимаю. Мне казалось, что именно сейчас...
ЗИЛОВ. Именно сейчас я хочу остаться один.

Маленькая пауза.

ГАЛИНА. Да, я понимаю. Твоему отцу я была чужая...

И тебе я давно чужая... Я тебе хотела сказать, давно хотела сказать... Я получаю письма...

ЗИЛОВ. Какие письма?

ГАЛИНА. Я получаю письма каждый день.

ЗИЛОВ. Да?.. От кого, интересно?.. Он друга детства, конечно?

ГАЛИНА. Он меня любит.

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. Ну, а как ты к нему относишься?

ГАЛИНА. Я не знаю... Но так, как у нас, так больше невозможно.

ЗИЛОВ. И ты решила сказать мне об этом именно сегодня?

ГАЛИНА. Я тебе не нужна. Скажи правду.

ЗИЛОВ. И тебе не совестно?.. У тебя переписка, шашни, черт знает что, и это ты преподносишь мне именно сегодня! В тот самый день, когда у меня умер папа... Ну спасибо тебе, утешила.

Маленькая пауза.

ГАЛИНА. Наверное, я виновата, но я больше не могу... Прости, если виновата.

ЗИЛОВ. Да нет, ты не стесняйся! Чего там! Продолжай! Расскажи, что там у тебя с ним, как. Рассказывай.

ГАЛИНА. Мне нечего рассказывать.

ЗИЛОВ. Нечего?.. Не знаю, не знаю. Не уверен. Ты молчала, значит, ты уже меня обманывала. Откуда же мне знать, что там у вас на самом деле!

ГАЛИНА. Перестань, что ты выдумываешь.

ЗИЛОВ. Я выдумываю? Ты сама сказала, что уже не знаешь, кого любишь.

ГАЛИНА. Это неправда!

ЗИЛОВ. Ты понимаешь, до чего ты дошла? И чтобы такую женщину я привел на могилу своего отца? Никогда! Уходи, я не желаю тебя видеть!

ГАЛИНА. Ты с ума сошел! Сам не знаешь, что ты говоришь...

ЗИЛОВ. Уходи, я тебе говорю! И вообще можешь не

показываться! Можешь ехать к своему другу — пожалуйста! Желаю счастья!

ГАЛИНА. Да что с тобой?.. Я не давала ему никакого повода. Я давно ему не отвечаю... Я написала ему всего два письма. Всего два письма. Как же ты можешь?..

ЗИЛОВ (*вдруг спокойно*). Ладно... Я психанул, извини... Нервы сдают. Должна понять, в каком они у меня состоянии...

ГАЛИНА. Я сама виновата. Ты меня прости...

ЗИЛОВ. Ладно, ты не обижайся... Я ведь чувствовал, что мне надо остаться одному... (*Маленькая пауза.*) И все-таки ты иди домой, хорошо?

ГАЛИНА (*поднимается*). Хорошо.

ЗИЛОВ. И не сердись.

ГАЛИНА. Я не сержусь. Когда ты вернешься?

ЗИЛОВ. Когда?.. Я думаю, через неделю-полторы.

ГАЛИНА. Плохо, что я тебя не собрала. Ты даже без плаща.

ЗИЛОВ. Ничего, обойдусь... (*Подходит к ней, поцеловал ее в щеку.*) До свиданья.

Галина уходит. Пауза. Появляется официант.

Сколько времени?

ОФИЦИАНТ Без пяти шесть... Закусить ничего не надо?

ЗИЛОВ. Нет... Дима, выпей со мной.

ОФИЦИАНТ (*садится*). Спасибо, Витя, но на работе я — ни грамма. Это мой закон, ты знаешь. (*Не сразу.*) Ну как? Считаешь деньки-то? Сколько там у нас осталось?.. Мотоцикл у меня на ходу. Порядок... Витя, а лодку-то надо бы просмолить. Ты бы написал Хромому... Витя!

ЗИЛОВ. Да?

ОФИЦИАНТ. Я говорю насчет лодки. Написать бы туда надо.

ЗИЛОВ. Я уже все сделал. Лодка на воде.

ОФИЦИАНТ. Молодец.

ЗИЛОВ. Да, ведь восемнадцать дней осталось. Пустяки... (*Молчит.*)

ОФИЦИАНТ. О чем грустишь?

ЗИЛОВ. Несчастье у меня, Дима.
ОФИЦИАНТ А что такое?
ЗИЛОВ. Старика еду хоронить...
ОФИЦИАНТ (*не сразу и сочувственно*). Понятно...

Маленькая пауза. Зилов выпивает.

Дело печальное...
ЗИЛОВ. Скверно, Дима... Хреновый я был ему сын. За четыре года ни разу его не навестил...
ОФИЦИАНТ Н-да...
ЗИЛОВ. Теперь вот повидаемся...
ОФИЦИАНТ Далеко?
ЗИЛОВ (*утвердительно качает головой*). Боюсь, не успею... (*Не сразу.*) Сколько с меня?
ОФИЦИАНТ. Рубль шестьдесят.
ЗИЛОВ (*достает деньги*). Да. Я тебе должен три рубля...
ОФИЦИАНТ. Три двадцать, Витя.
ЗИЛОВ. А, извини... Вот. (*Отдает деньги.*) Спасибо.
ОФИЦИАНТ (*поднялся, прикинул на счетах*). Тридцать пять копеек с меня.

Зилов махнул рукой.

Благодарю.

У входа появляется Ирина.

ЗИЛОВ (*официанту*). Пока, Дима.
ОФИЦИАНТ. Пока. Держись, старик, не падай духом. (*Уходит.*)
ИРИНА (*подходит*). Добрый вечер.
ЗИЛОВ. Иди сюда. Садись.

Ирина садится, дурашливо сложила руки на столе, выпрямилась, подняла голову, все как за партой. Рассмеялась.

(*Положил на ее руки свою ладонь.*) Ну? Как ты себя вела?
ИРИНА. Я послушная девочка. Я вела себя, как ты велел.
ЗИЛОВ. Ты умница. А та шпана?.. Ну у телефона?

ИРИНА. Ой! Я еле от них убежала. Они сумасшедшие. Сначала они не выпускали меня из телефонной будки.

ЗИЛОВ. Вот мерзавцы.

ИРИНА. Да нет, они сумасшедшие. Они меня не выпускают, а я им говорю, пустите, а то я вас обругаю. Потом один говорит, не ругайся, пойдем с нами, у меня, говорит, день рождения. Врет, наверное. Я говорю, я иду на свидание. А они, все равно, говорят, мы тебя проводим. Ну разве не сумасшедшие? (*Без паузы.*) А ты меня обманул. Ты не похудел. Нисколько. Но ты грустный.

ЗИЛОВ. Я уезжаю.

ИРИНА. Когда?

ЗИЛОВ. Сейчас. Попрощаемся, и на самолет.

Маленькая пауза.

ИРИНА. Обязательно надо?

ЗИЛОВ. Обязательно.

ИРИНА. Тогда поезжай. А я буду тебя ждать. А долго ждать?

ЗИЛОВ. Долго. Целую неделю.

Появляется Галина. В руках у нее плащ и портфель. Она входит быстро, но, сделав несколько шагов к столику, где сидят Зилов и Ирина, останавливается.
Маленькая пауза. Галина смотрит на них, они на нее. Рука Зилова все еще лежит на руках Ирины.
Галина подходит к ближайшему стулу, оставляет на нем плащ и портфель. И вдруг быстро уходит.
Маленькая пауза.

ИРИНА. Кто это?

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. Это моя жена.

ИРИНА (*поражена*). Жена?..

ЗИЛОВ. Да, я женат...

Пауза.

Так... Ты потрясена. Убита... Для тебя все кончено...

Маленькая пауза.

Ну?.. Можешь назвать меня мерзавцем, можешь встать и уйти... Делай, что хочешь.

Маленькая пауза.

Все кончено, не правда ли?.. А? Что же ты молчишь?.. Ты не знаешь, что говорят в таких случаях? Пожалуйста, я тебя научу...

ИРИНА (*тихо*). Нет...

ЗИЛОВ. Что — «нет»? Говорю тебе, я женат... Разве это ничего не меняет?

ИРИНА. Да, это ничего не меняет... Все равно...

ЗИЛОВ (*садится с нею рядом, обнимает ее*). Радость моя! Ты белая как стенка, успокойся, все это ерунда. Я женат — в самом деле, расписан — действительно, но мы с ней давно уже чужие люди, друзья, добрые друзья. Не больше.

ИРИНА. Это правда?

ЗИЛОВ. Я мог тебе все рассказать в первый день, но зачем — подумай?.. Ну что ты! Если бы я хотел тебя обмануть, я бы сегодня тебя обманул, сейчас. Сказал бы, что она моя сестра...

ИРИНА. Сначала я чуть не умерла... А потом почувствовала, что мне все равно, женат ты или нет. И мне стало страшно.

ЗИЛОВ. Бедная девочка! Прелесть моя! Ты понятия не имеешь, какая ты прелесть...

Маленькая пауза. Зилов целует Ирине руку. Она унимает его, смущенно поглядывая по сторонам.

ИРИНА. Я хочу есть.

ЗИЛОВ. Прекрасная мысль. Сейчас мы поужинаем. И выпьем чего-нибудь, верно? (*Громко.*) Дима!..

ИРИНА. А твой самолет? Ты успеешь?..

ЗИЛОВ (*помрачнел*). Да, ты права... Я должен торопиться...

Появляется официант.

ОФИЦИАНТ (*Зилову*). Ты меня звал?

ЗИЛОВ. Да... (*Маленькая пауза. Нерешительно.*) Что-нибудь поесть и вина... Немного.

ОФИЦИАНТ. Поесть — что именно?

ЗИЛОВ (*Ирине*). Что ты желаешь?

ИРИНА. Что ты, то и я.

ЗИЛОВ (*вдруг решительно*). Бифштексы. Что-нибудь холодное, вина бутылку и коньяку — двести. Все.

ИРИНА. Не опоздаешь на самолет?

ЗИЛОВ. Я еду завтра. (*Официанту.*) Ты все понял?

ОФИЦИАНТ. Все ясно.

Траурная мелодия, которая внезапно обрывается и после секундной паузы сменяется своим развязным вариантом. Круг поворачивается, музыка умолкает, зажигается свет. Зилов стоит посреди своей комнаты. Лицо его обращено к окну.

Картина третья

ЗИЛОВ (*набирает номер по телефону*). Общежитие?.. Будьте добры, позовите из сороковой комнаты Ирину... Что?.. А давно?.. С вещами?.. Поступила она в институт, вы не знаете?.. Сегодня?.. Минутку! У вас нет телефона приемной комиссии?.. Два двадцать один тридцать семь... Спасибо. (*Нажимает на рычаг, потом снова набирает номер.*) Два двадцать один тридцать семь... Приемная комиссия?.. Вас беспокоят из редакции... Кузаков... Да, Кузаков... У нас к вам просьба. К вам на первый курс поступала Рожкова Ирина Николаевна... Рожкова. Факультет английского языка... Что с ней — поступила или нет? Узнайте, пожалуйста... Да, срочно... Телефон? Пять двадцать сорок восемь... Минут через двадцать?.. Хорошо, я жду. (*Положил трубку. Сидит у телефона.*)

Затемнение. Сцена освещается.
Воспоминание следующее.
Квартира Зилова. На виду две комнаты, разделенные стеной и дверью. В одной комнате Зилов, сидя за столом, на котором у него весы, различные коробки, гильзы, занимается охотничьими приготовлениями. В этой комнате в глаза бросается ружье, деревянные утки, большая фотография Зилова,

запечатленного на лоне природы, в охотничьем снаряжении и увешанного добычей. В другой комнате, где происходило новоселье, Галина занята сборами в дорогу. Здесь на видном месте новенький телефон.
Галина заканчивает сборы, закрывает чемодан, присаживается и сидит молча.
Зилов выходит из своей комнаты.

ЗИЛОВ. Собралась?.. Ну что ж. Присядем на дорогу. (*Садится.*) Ты подала телеграмму?

ГАЛИНА. Да...

ЗИЛОВ. Тебя встретят?

ГАЛИНА. Да, встретят...

ЗИЛОВ. А ты уверена, что они дома?

ГАЛИНА. Они?.. Да, кто-нибудь из них всегда дома.

ЗИЛОВ. Отдохни как следует. Пусть по грибы тебя сводят, по ягоды... Дядя твой не охотник?

ГАЛИНА. По-моему, нет...

ЗИЛОВ. А как там с охотой? Не знаешь?

ГАЛИНА. По-моему, хорошо. Там прекрасный лес, озера... (*Вдруг.*) Поедем.

ЗИЛОВ. Туда? На охоту?

ГАЛИНА. Нет, я пошутила. Я тебя не возьму... Отдыхать так отдыхать.

ЗИЛОВ. Верно, лучше мы разъедемся. Ненадолго.

ГАЛИНА. Да, лучше разъедемся...

ЗИЛОВ. Охота скоро начинается, так что бросаться сейчас на новое место не годится. Я ждал целый год и не могу рисковать.

ГАЛИНА. Да... Зачем рисковать... (*Пауза. Поднялась.*) Знаешь, ты меня не провожай. Чемодан легкий... Я возьму такси.

ЗИЛОВ. Как хочешь... Когда тебя ждать?

ГАЛИНА. Ждать?.. Разве ты будешь меня ждать?

ЗИЛОВ. А как же? Когда ты приедешь?

ГАЛИНА. Приеду... когда-нибудь.

ЗИЛОВ. Когда-нибудь? Что это значит?

ГАЛИНА. Да нет, я пошутила. Приеду через месяц... Ну, давай прощаться.

Они целуются.

Счастливо тебе... Вспоминай меня. Иногда... Ну, привет?

ЗИЛОВ. Привет... Будешь возвращаться, обязательно подай телеграмму. Слышишь?

ГАЛИНА (*на пороге*). Да, обязательно... (*Уходит.*)

ЗИЛОВ (*на две секунды присел, задумался, потом прошелся по комнате, взглянул в окно, снова прошелся, потом, усевшись на тахту, набрал номер по телефону*). Общежитие?.. Будьте любезны, пригласите из сороковой комнаты Ирину... Рожкову, Ирину Николаевну... Некому идти?.. Не может быть. Я звоню по делу из института... Проректор... Да, проректор... Будьте так любезны... Жду... (*Улегся на диван. Пауза. Чужим голосом.*) Товарищ Рожкова?.. Ирина Николаевна, если я не ошибаюсь... Вас беспокоит проректор... Видите ли, у нас тут возник один вопрос... Вы комсомолка?.. Нет?.. А почему?.. Это не объяснение... Может быть, вы в бога верите?.. Тогда во что же вы верите?.. А кто, по-вашему, должен знать? Я, что ли?.. Серьезней надо быть, товарищ Рожкова, серьезней... Ну хорошо, в институт мы вас все-таки принимаем, даем вам стипендию... повышенную. Да, повышенную. И знаете почему?.. За красивые глаза... Они у вас голубые, если мне память не изменяет... (*Своим голосом.*) Здравствуй, моя радость... (*Смеется.*) Ну, конечно, я... А ты поверила?.. Ну не ругайся... Увидишь, все так и будет... Я дома... (*Деловито.*) Ты вот что. Давай быстренько ко мне... Прямо сейчас... Да... Я один... Один как перст... Она уехала... Пока на месяц... Никаких, я тебя жду... Очень просто. Я же тебе показывал... Да, второй от остановки... Зеленый балкон, совершенно верно... Этаж пятый, квартира двадцатая... Жду... (*Положил трубку, прошелся по комнате, уселся на подоконник.*)

Появляется Галина.

Что случилось?.. Что-нибудь забыла?

ГАЛИНА. Нет, я вернулась, чтобы... Я хочу сказать тебе правду. Я уезжаю насовсем.

ЗИЛОВ. Насовсем?

ГАЛИНА. Да.

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. «Насовсем» — это как понимать? Навеки, навсегда, так, что ли?
ГАЛИНА. Так... Навеки, навсегда.
ЗИЛОВ. Ты это серьезно?

Маленькая пауза.

И давно ты это надумала?
ГАЛИНА. Да.
ЗИЛОВ. Выходит, ты могла уехать — и ни слова?
ГАЛИНА. Не смогла, как видишь...
ЗИЛОВ. И ты уверена...
ГАЛИНА (*перебивает*). Меня ждет такси. Прощай.
ЗИЛОВ. Подожди. Так такие дела на делаются. Собираешься навеки и даже не поинтересуешься, что я об этом думаю.
ГАЛИНА. Прошу тебя, не надо больше никаких разговоров. Зачем? Мы уже все сказали... за шесть лет... Я больше не могу... Прощай.
ЗИЛОВ. Нет, так не пойдет. «Навсегда», «навеки», «прощай» — это ты выбрось из головы. Ты едешь на месяц, ровно на месяц.
ГАЛИНА. Я опоздаю на поезд.
ЗИЛОВ. Плевать я хотел на этот поезд. Дай слово, что ты вернешься. Иначе я тебя не пущу. Дай слово и оставь мне адрес, слышишь?
ГАЛИНА. Какой тебе адрес?
ЗИЛОВ. Какой?.. Твой, конечно. Адрес твоего дяди, какой еще?

Маленькая пауза.

ГАЛИНА. Я еду не к дяде.
ЗИЛОВ. Что?.. Куда же ты едешь? К кому?.. К другу детства?

Маленькая пауза.

К нему?

ГАЛИНА. Да.

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ (*закипает*). Так вот оно что...
ГАЛИНА. Брось. Хватит тебе прикидываться. Куда я еду, к кому — тебе это все равно. И не делай вида, что тебя это волнует. Тебя давно уже ничего не волнует. Тебе все безразлично. Все на свете. У тебя нет сердца, вот в чем дело. Совсем нет сердца...
ЗИЛОВ (*трясет ее*). А у тебя, дрянь такая, у тебя есть сердце? А? Где оно? Где оно, я тебя спрашиваю? Покажи мне его, если оно у тебя есть!
ГАЛИНА. Пусти меня... Пусти.
ЗИЛОВ. Ах, ты торопишься... Я понимаю, тебе не терпится наставить мне рога... Ну уж нет, черт возьми! (*Тащит ее в другую комнату.*) Не так-то это просто! (*В другой комнате усадил ее на стул.*) Сядь и не шевелись! Шлюха! (*Выходит на балкон, кричит.*) Эй, шеф!.. Шеф!.. Эй! Будьте любезны, позовите водителя!..

Галина сидит, опустив голову.

Когда появится, скажите ему, чтобы поднялся на пятый этаж... Будьте любезны...

Галина вдруг поднимается и выходит в первую комнату.

И пусть прихватит чемодан!.. Спасибо!.. (*Оборачивается, бежит к двери, но в это время Галина закрыла ее на ключ.*) Открой! (*Стучит.*) Открой немедленно! (*Разбегается, ударил дверь плечом. Безуспешно.*) Открой!.. Открой — хуже будет!..

Галина, опустившись перед дверью на пол, плачет.

(*Мгновение постоял молча.*) Открой, добром тебя прошу... Не доводи меня, пожалеешь...

Галина плачет громче.

(*Некоторое время стучит, потом перестает стучать. Постоял молча.*) Ну ладно, открой. Я

тебя не трону... А этого друга, слышишь, я его убью... Открывай!.. Никуда ты не уйдешь... Это просто немыслимо.

Галина поднялась, вытерла слезы.

Не забывай, ты моя жена... Когда я услышал от тебя такое — удивляюсь, как я тебя не задушил. (*Помолчал.*) Послушай! Я хочу поговорить с тобой откровенно. Мы давно не говорили откровенно — вот в чем беда...

Галина тихо уходит.

(*Искренне и страстно.*) Я сам виноват, я знаю. Я сам довел тебя до этого... Я тебя замучил, но, клянусь тебе, мне самому опротивела такая жизнь... Ты права, мне все безразлично, все на свете. Что со мной делается, я не знаю... Не знаю... Неужели у меня нет сердца?.. Да, да, у меня нет ничего — только ты, сегодня я это понял, ты слышишь? Что у меня есть, кроме тебя?.. Друзья? Нет у меня никаких друзей... Женщины?.. Да, они были, но зачем? Они мне не нужны, поверь мне... А что еще? Работа моя, что ли! Боже мой! Да пойми ты меня, разве можно все это принимать близко к сердцу! Я один, один, ничего у меня в жизни нет, кроме тебя. Помоги мне! Без тебя мне крышка... Уедем куда-нибудь! Начнем сначала, уж не такие мы старые...

Появляется Ирина.

Ты меня слышишь?..

Ирина останавливается.

Слышишь?

ИРИНА. Да...

ЗИЛОВ. Я возьму тебя на охоту. Хочешь?

ИРИНА. Хочу.

ЗИЛОВ. Вот и прекрасно... Знаешь, что ты там увидишь?.. Такое тебе и не снилось, клянусь тебе.

Только там и чувствуешь себя человеком. Я повезу тебя на лодке, слышишь? Ведь ты ее даже не видела. Я повезу тебя на тот берег, ты хочешь?

ИРИНА. Да... (*Она, проникаясь его волнением, стоит перед дверью, не шелохнувшись.*)

ЗИЛОВ. Но, учти, мы поднимемся рано, еще до рассвета. Ты увидишь, какой там туман — мы поплывем, как во сне, неизвестно куда. А когда подымается солнце? О! Это как в церкви и даже почище, чем в церкви... А ночь? Боже мой! Знаешь, какая это тишина? Тебя там нет, ты понимаешь? Нет! Ты еще не родился. И ничего нет. И не было. И не будет... И уток ты увидишь. Обязательно. Конечно, стрелок я неважный, но разве в этом дело?.. На охоту я не взял бы с собой ни одну женщину. Только тебя... И знаешь почему?.. Потому что я тебя люблю... Ты слышишь?.. Ну открой же меня!

ИРИНА. Открыть?.. Разве ты закрыт?

Зилов толкнул дверь.

В самом деле. (*Повернула ключ.*)

Зилов распахнул дверь. Пауза. Зилов поражен, растерян.

Что ты так на меня смотришь?

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. Черт возьми!.. Ты просто королева!.. Какое платье! Чудо! Где ты его взяла?

ИРИНА. Это?.. Но оно старое... Я вчера была в нем и позавчера...

ЗИЛОВ. Не может быть... Все равно, сегодня ты особенная... Такую я тебя еще ни разу не видел.

ИРИНА (*рада*). Это правда?.. А кто тебя закрыл?

ЗИЛОВ. Закрыл?.. Ах, закрыл! Сосед... Взрослый человек и все придуривается.

ИРИНА. Ты в самом деле так меня любишь?

ЗИЛОВ. Как?

ИРИНА. Так, как ты сейчас говорил.

ЗИЛОВ (*обнимает ее*). Ты что, сомневаешься?

ИРИНА. Нет... Как ты меня узнал? Неужели ты знаешь мои шаги?

ЗИЛОВ. Конечно.

ИРИНА (*она счастлива*). Даже не верится...

ЗИЛОВ. Ну почему же? Я тебя ждал... Но если признаться честно, я увидел тебя с балкона.

ИРИНА. А твоя охота, она далеко?

ЗИЛОВ. Что?.. Да, да, очень далеко. Безумно далеко.

ИРИНА. Отец тоже брал меня на охоту... Я поеду с тобой, что бы ни было. Поступлю или нет — все равно. А когда?

ЗИЛОВ. Что — когда?

ИРИНА. Когда мы поедем на охоту?

Зилов вдруг начинает смеяться.

Почему ты смеешься?

Он смеется, не может ответить.

Что с тобой?.. Почему ты смеешься?

ЗИЛОВ (*сквозь смех*). Нет, нет... Не обращай внимания. Это я так... Вспомнил кое-что... Сейчас... Сейчас... (*Перестал смеяться.*) Ну вот и все.

ИРИНА (*испуганно*). Ты не надо мной смеялся?

ЗИЛОВ. Ну что ты. Конечно нет. Просто я вспомнил... Вспомнил один анекдот. Вчера в конторе рассказали. Неожиданно вспомнил. Бывает же так.

ИРИНА. Расскажи.

ЗИЛОВ. Что рассказать?

ИРИНА. Анекдот расскажи.

ЗИЛОВ. Да не стоит.

ИРИНА. Нет, расскажи.

ЗИЛОВ. Ну хорошо... Муж уехал в командировку... Или нет, жена уехала в командировку... Да ну его к черту!

ИРИНА. Нет, расскажи.

Зилов качает головой: нет.

Но почему?

ЗИЛОВ. Тебе нельзя. Этот анекдот нехороший. Мерзкий анекдот.

ИРИНА. Когда же мы поедем на охоту?
ЗИЛОВ. Скоро. Скоро поедем.

Затемнение. Из темноты слышны телефонные звонки. Зажигается свет. Зилов сидит у телефона. Телефон звонит.

ЗИЛОВ (*очнувшись, хватает трубку*). Да... Да... Что? Взяла документы?.. Не прошла по конкурсу — вы это точно знаете?.. Минутку! Когда она взяла документы?.. Ясно... Нет, минутку! У меня к вам большая просьба... Скажите, вы ее знаете?.. Так вот, если случайно она еще к вам зайдет, передайте ей... ну вдруг!.. Передайте ей, что звонил Зилов... Зилов. И что он умоляет ему позвонить... Да, умоляет. Так и передайте... (*Положил трубку.*) Уехала...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Зиловых. На столе огромный рюкзак и ружье в брезентовом чехле.
За окном по-прежнему дождь.
Зилов разговаривает по телефону. Сейчас он в свитере, в широких брюках, босой, на голове у него кепка. На тахте лежит телогрейка, на полу — охотничьи сапоги.

ЗИЛОВ. Нет, больше не могу... Знаешь, Дима, я плохой охотник, но, видит бог, я неплохой товарищ, я бы не стал, как ты... Нет, ждать не буду... Не могу... Ладно, бог с тобой и с твоим мотоциклом... Да, прямо сейчас... Да, по дождю... Как-нибудь... До Ключей автобусом, а там пешком... Да так. Не знаешь, как ходят пешком?.. Правильно, значит, ты еще не забыл... Что?.. Лодка?.. Как всегда — пожалуйста... Ну моя, ну и что из этого? Пополам, как обычно... Да нет, лодки мне не жалко, зря беспокоишься... Минутку, Дима, ми-

нуточку!.. Я хотел тебя спросить... спросить... подожди... Да! Слушай, не ты ли это двинул мне вчера по скуле?.. Да вот никак не вспомню... Да нет, при чем тут подозрения, просто спрашиваю... Ну если б знал, не спрашивал бы... Ну извини, не придавай этому значения... Да так, интересно все-таки... Ладно, извини еще раз — не обижайся... Ладно, там увидимся... Увидимся... Привет. (*Положил трубку. Собирается. Сел, натягивает сапоги.*)

Стук в дверь.

Да!

Голос за дверью: «Телеграмма».

(*Поднимается, выходит в прихожую, возвращается, развернул телеграмму, читает ее вслух.*) «Дорогой Алик... Выражаем глубочайшее соболезнование по поводу преждевременной кончины нашего лучшего друга Зилова Виктора Александровича... Группа товарищей...» (*Пауза.*) Группа товарищей... Ну-ну... (*Медленно рвет телеграмму.*)

Звучит музыка — причудливое чередование траурной мелодии с ее веселой вариацией. В темноте круг поворачивается. Свет зажигается, музыка умолкает, начинается воспоминание последнее.
Кафе «Незабудка». Сдвинуты два стола.
Зилов и официант. Официант накрывает на стол. Зилов сидит во главе стола. Он в черном костюме, торжественный и возбужденный.

ЗИЛОВ. Ну так... И пару шампанского. А как же? Праздник у нас или нет?
ОФИЦИАНТ Сколько будет человек?
ЗИЛОВ. Семь. Семь персон.
ОФИЦИАНТ Кто да кто?
ЗИЛОВ. Все те же. Друзья! А кто еще?.. Откровенно говоря, я и видеть-то их не желаю.
ОФИЦИАНТ. Поссорился?
ЗИЛОВ. Поссорился?.. Вроде бы да... А может, и нет... Да разве у нас разберешь?.. Ну вот мы с тобой

друзья. Друзья и друзья, а я, допустим, беру и продаю тебя за копейку. Потом мы встречаемся и я тебе говорю: «Старик, говорю, у меня завелась копейка, пойдем со мной, я тебя люблю и хочу с тобой выпить». И ты идешь со мной, выпиваешь. Потом мы с тобой обнимаемся, целуемся, хотя ты прекрасно знаешь, откуда у меня эта копейка. Но ты идешь со мной, потому что тебе все до лампочки, и откуда взялась моя копейка, на это тебе тоже наплевать... А завтра ты встречаешь меня — и все сначала... Вот ведь как. А ты говоришь поссорился... Просто я не желаю их видеть.

ОФИЦИАНТ Тогда зачем ты их пригласил?

ЗИЛОВ. Да так, для души.

ОФИЦИАНТ Не понимаю.

ЗИЛОВ. Для полноты счастья. Сам подумай, какая разница: сегодня я гляжу на эти рожи, а завтра я на охоте.

ОФИЦИАНТ Чудишь, старичок...

ЗИЛОВ. Завтра мы отправимся пораньше, верно? Часиков бы в шесть, а, Дима?.. Если выедем рано, к вечеру будем на месте.

ОФИЦИАНТ Успеем. Официально охота разрешается послезавтра.

ЗИЛОВ. В том-то и дело. Значит, завтра надо быть там. А как же? Иначе мы пропустим первое утро.

ОФИЦИАНТ Не волнуйся, мы успеем.

ЗИЛОВ. Черт возьми! Какие-то сутки — и мы с тобой уже в лодке, а? В тишине. В тумане. Выпей, Дима. Выпей за первое утро.

ОФИЦИАНТ Витя, не уговаривай. Я на работе.

ЗИЛОВ. Да ведь последний вечер. Считай, что уже в отпуске.

ОФИЦИАНТ Я сказал: нет. Мне отчитываться, деньги сдавать, и вообще ты мой закон знаешь.

ЗИЛОВ. Да наплюй ты на свой закон. (*Подает официанту стакан.*) Одну. За первое утро.

ОФИЦИАНТ Ни одной. Завтра — пожалуйста. Хоть сто порций.

ЗИЛОВ. Ладно... Говоря по совести, этот кабак мне оп-

ротивел. Мы не увидим его целый месяц. И слава богу... Итак, за утиную охоту. (*Выпивает.*) У меня предчувствие, что на этот раз мне повезет.

ОФИЦИАНТ Предчувствия — побоку. Если не можешь стрелять, предчувствия не помогут. Как мазал, так и будешь.

ЗИЛОВ. Дима, ну сколько я могу мазать? Неужели и в этот раз?

ОФИЦИАНТ. Витя, я тебе сто раз объясняю: будешь мазать до тех пор, пока не успокоишься.

ЗИЛОВ. Да что это такое? «Не волнуйся», «успокойся»! Дима, шутишь ты надо мной, что ли? Я понимаю, нужен глаз, рука, как у тебя...

ОФИЦИАНТ Витя, глаз у тебя на месте, и рука нормальная, и все ты понимаешь, но как дойдет до дела — ты не стрелок. А почему? Потому что в охоте главное — это как к ней подходить. Спокойно или нет. С нервами или без нервов... Ну вот сели на воду, ты что делаешь?

ЗИЛОВ (*поднялся*). Как — что я делаю?

ОФИЦИАНТ (*перебивает*). Ну вот. Ты уже вскакиваешь, а зачем? Ведь это все как делается? Спокойно, ровненько, аккуратненько, не спеша.

ЗИЛОВ. А влёт? Тоже не спеша?

ОФИЦИАНТ. Зачем? Влёт бей быстро, но опять же полное равнодушие... Как сказать... Ну так, вроде бы они летят не в природе, а на картинке.

ЗИЛОВ. Но они не на картинке. Они-то все-таки живые.

ОФИЦИАНТ Живые они для того, кто мажет. А кто попадает, для того они уже мертвые. Соображаешь?

ЗИЛОВ (*легкомысленно*). Ясно... Выпью-ка я еще. За то, чтоб не волноваться. (*Выпивает.*) На этот раз все будет вот так. (*Показывает большой палец.*) Ты увидишь...

ОФИЦИАНТ (*насмешливо*). Ну посмотрим... Только бы погода не испортилась.

ЗИЛОВ. Не может быть. Упаси боже...

Маленькая пауза.

ОФИЦИАНТ. Витя, у тебя, кажется, жена уехала? Точно?.. Говорят, ты остался один?

ЗИЛОВ. А что? Ты насчет ключа?.. Я не один. Я живу с невестой.

ОФИЦИАНТ С невестой? (*Ухмыльнулся.*) Неплохо сказано...

ЗИЛОВ (*вдруг с раздражением*). А что ты ухмыляешься? Может, ты с ней спал?

ОФИЦИАНТ (*озадачен*). Да нет... Чего это ты?

ЗИЛОВ. Я ничего. А ты не ухмыляйся, когда не следует... Невеста как невеста. Я на ней женюсь, понял?

ОФИЦИАНТ. Разве я против?.. (*Закончил работу, шагнул назад, одновременно взмахнул салфеткой.*) Порядок.

ЗИЛОВ. Ты вот что. (*Вынимает деньги, дает их официанту.*) Ты неси сюда еще пару бутылочек. Раз в году могу я раскрутиться? Имею право?

ОФИЦИАНТ. Конечно, Витя. Хозяин — барин. Как обычно.

Появляются Вера и Кузаков. В руках у Веры несколько астр.

КУЗАКОВ. Привет, алики!

ЗИЛОВ. Привет, привет...

ОФИЦИАНТ Привет.

ЗИЛОВ. Присаживайтесь.

ВЕРА (*о Зилове*). Смотрите, какой он сегодня шикарный.

КУЗАКОВ. Красавчик.

ВЕРА. Именинник.

КУЗАКОВ. Принц.

ЗИЛОВ. Ладно, не болтайте. Садитесь за стол.

ВЕРА (*передает цветы официанту*). Алик, будь добр, поставь их в вазу.

ОФИЦИАНТ (*насмешливо*). Слушаюсь. (*Уходит.*)

КУЗАКОВ (*Вере об официанте*). Ты с ним знакома?

ВЕРА. Знакома, к сожалению.

ЗИЛОВ. Ты лучше спроси, с кем она не знакома.

КУЗАКОВ. Он мне не нравится.

ВЕРА. Мне тоже, Коля. Но делать вид, что я его не знаю, зачем?

ЗИЛОВ. Бросьте, он отличный парень. (*Кузакову.*) А ты, кажется, ее ревнуешь?
КУЗАКОВ (*привлек Веру к себе*). Ты прав — ревную.
ВЕРА. А что в этом плохого? (*Слегка обнимает Кузакова.*)
ЗИЛОВ. Какие нежности, черт возьми... (*Кузакову, насмешливо.*) Слушай, ты на ней женись.
КУЗАКОВ. Знаешь, я так и сделаю.
ЗИЛОВ (*удивленно*). Серьезно?
КУЗАКОВ. А ты что-нибудь имеешь против?
ЗИЛОВ (*насмешливо*). Я против?.. Ну что ты. Наоборот. Благословляю.

Появляются Валерия, Саяпин и Кушак.

САЯПИН. Привет, алики!

Все поздоровались. Официант принес цветы, вино и удалился.

ЗИЛОВ. Милости прошу к столу. Рассаживайтесь. Сюда, Вадим Андреич.
КУШАК. Да, пожалуй, я сяду здесь. (*Садится рядом с Зиловым.*) Рядом с отпускником.
ЗИЛОВ. Ну вот, все в сборе. Сейчас придет моя невеста... (*Ждет замечаний.*)
ВАЛЕРИЯ. Невеста?
ЗИЛОВ. А что?.. Может, вас это не устраивает?
ВАЛЕРИЯ. Ну, во всяком случае, — новость...
ВЕРА. У тебя невеста?
ЗИЛОВ. Да, невеста. Если уж у тебя есть жених, то почему бы...
ВАЛЕРИЯ (*перебивает*). Ну хорошо, хорошо. Невеста так невеста. Но мне кажется, если ты нас пригласил, то мог бы не пить заранее. Мог бы воздержаться.
ЗИЛОВ. Так вот. Сейчас придет моя невеста и мы будем выпивать. Давненько мы с вами не выпивали, а, Вадим Андреич?
КУШАК (*ему явно не по себе*). В самом деле... (*Озирается.*) Но ведь я по этой части не особенно...
ЗИЛОВ. Ничего не известно. По-моему, вы пьете дома. По ночам.

ВАЛЕРИЯ. Какая глупость. Вадим Андреич — единственный здесь мужчина, которого нельзя назвать пьяницей.

САЯПИН. Братцы! Что я вижу! Гляньте на стол!

ЗИЛОВ. В чем дело?

САЯПИН. Крабы!

ВАЛЕРИЯ. Крабы?.. Красота! Роскошь!

КУШАК. Действительно, крабы теперь большая редкость.

ВЕРА. А мне они не нравятся.

ЗИЛОВ. Это потому, что ты их никогда не пробовала.

КУШАК. А вот любопытная вещь. Лет пятнадцать назад в магазинах крабами были забиты все полки. Представьте, никто не брал.

ВАЛЕРИЯ. Не понимали.

САЯПИН. Тогда многого не понимали. Жили как папуасы.

ЗИЛОВ. Ну а теперь?

САЯПИН. Что теперь? Теперь другое дело. Узнали, что почем, разобрались.

ЗИЛОВ. Не говори. Теперь все дураки стали умными.

КУШАК. М-м... Друзья, к чему этот разговор?

САЯПИН. Да, не будем вдаваться в политику. Кому это надо?

Появляется Ирина. Она веселая, в светлом платье.

ИРИНА. Добрый вечер.

Все поздоровались.

ЗИЛОВ (*довольно мрачно*). Где ты была?

Его тон сразу же сбивает с Ирины веселость. Она молчит.

Ладно. Иди сюда.

Ирина подходит.

(*Всем.*) Вот. Прошу любить и жаловать. Ее зовут Ирина. (*Ирине.*) Знакомься. Это вот Вадим Андреич.

КУШАК. Очень приятно.

ЗИЛОВ. Мой шеф. Руководитель, стало быть. Большой либерал.

Ирина слегка кланяется всем поочередно.

(*Церемонными жестами представляет ей своих друзей.*) Саяпин. Тоже крупный деятель... Его боевая подруга. Дальше... Кузаков. Жених, как я только что выяснил... (*О Вере.*) А это... ты сама видишь. Тоже, оказывается, невеста... Все они мои лучшие друзья.

ИРИНА (*мягко*). Я очень рада.

ЗИЛОВ. Они тоже очень рады. (*Всем.*) Или вы недовольны?

Маленькая пауза. Саяпин не удержался, прыснул.

Все довольны? Я так и думал. А теперь давайте выпьем. За утиную охоту.

Маленькая пауза. Зилов выпивает один.

КУЗАКОВ (*насмешливо*). Ну и как? Хорошо прошла?

ЗИЛОВ. Замечательно.

КУЗАКОВ. Ты что же, пригласил нас посмотреть, как ты напиваешься?

ЗИЛОВ. Нет, зачем же. Я вас пригласил, чтобы посмотреть на трезвых людей.

ВАЛЕРИЯ. И долго ты намерен на нас смотреть?

ЗИЛОВ. Уже налюбовался. Можете выпить. За охоту. Предупреждаю, пить вы сегодня будете только за охоту. Исключительно.

Маленькая пауза.

КУШАК (*осторожно*). Я понимаю, Виктор, охота — это твое хобби, но...

ЗИЛОВ (*перебивает*). Какое еще к черту хобби? Охота она и есть охота. (*Фыркнул.*) Хобби! Чем говорить такие пошлости, выпьем-ка лучше за открытие сезона.

ВАЛЕРИЯ (*Зилову*). Послушай, со своей охотой ты совсем помешался.

КУШАК. В самом деле, Виктор. Я полагаю, здесь у ка-

ждого есть свои увлечения, нельзя же так, ведь мы твои гости...

ЗИЛОВ. Ерунда. Вы будете пить за охоту — и никаких. А если нет, то зачем вы здесь собрались?

Несмотря на выпитое, Зилов пока еще в трезвом уме и твердой памяти.

КУЗАКОВ. Не понимаю, чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы мы ушли?

САЯПИН. Да нет! Витя шутит. Как всегда. Вы что, его не знаете?

ЗИЛОВ (*Ирине*). Ты только посмотри на эту компанию. Посмотри, какие они все серьезные. Они не выпивают, не закусывают. У них совсем другое на уме. Они пришли учить меня жить.

ВЕРА. Мне это уже надоело.

ЗИЛОВ. Надоело? Ну конечно! Ты ведь не привыкла к длинным разговорам.

ИРИНА (*она растеряна, негромко, Зилову*). Перестань...

ЗИЛОВ. Подожди! Ты их не знаешь. Это такие порядочные люди, что им просто стыдно сидеть со мной за одним столом. (*Вере.*) Не правда ли, Верочка? Признайся, что ты умираешь от стыда. Ты ведь у нас невеста. (*Смеется.*)

КУЗАКОВ (*поднимается*). Слушай! Сколько я тебя знаю, ты всегда был мелким шкодником. Что случилось? На этот раз, я вижу, ты размахнулся не на шутку. Чего доброго, ты устроишь здесь настоящий скандал.

ВЕРА. А мы будем ждать? А может, лучше пойдем отсюда?

ЗИЛОВ. Нет, зачем же? Не торопитесь, дайте нам на вас полюбоваться. Вы — такая замечательная пара. Вас же надо по телевизору показывать. Особенно невесту.

КУЗАКОВ. Ты еще не наговорился?

ЗИЛОВ. Невеста! Вы меня не смешите. Спросите-ка ее, с кем она здесь не спала.

ИРИНА. Виктор!

Кузаков поднимается и направляется к Зилову. Саяпин поднимается и приближается к Зилову с другой стороны.

ВЕРА (*вскакивает и кричит*). Не трогайте его!

Кузаков и Саяпин останавливаются. Маленькая пауза.

Не будете же вы бить пьяного... И потом он... Он говорит правду.

ВАЛЕРИЯ (*Вере*). Да как вы можете! Да он совсем обнаглел. Ему кажется, что он уже на болоте со своей двустволкой!

КУШАК (*Зилову*). Виктор! Ты забываешься. Ты не в лесу. В конце концов, здесь общественное место, семейные люди, девушки...

ЗИЛОВ. Ах да! Конечно! Семья, друг семьи, невеста — прошу прощения!.. (*Мрачно*.) Перестаньте. Кого вы тут обманываете? И для чего? Ради приличия?.. Так вот, плевать я хотел на ваши приличия. Слышите? Ваши приличия мне опротивели.

ИРИНА (*трясет Зилова*). Виктор!..

КУШАК (*негодует*). Ну знаешь ли! Я далеко не ханжа, но это уже слишком! (*Поднимается*.)

ЗИЛОВ (*Кушаку*). Ну конечно! Вы пришли провести вечер — тихо, благородно, и вдруг такое безобразие. Так, что ли? Зачем вы пришли, скажите-ка лучше откровенно. Ну зачем?.. Молчите? А я вам скажу, зачем вы сюда пришли. Вам нужна девочка — вот зачем вы сюда пожаловали.

КУШАК. Прекратите, хулиган!

ИРИНА. Виктор!

Появляется официант.

ОФИЦИАНТ. Витя, не шуми, старик, шуметь не разрешается...

ЗИЛОВ (*вырывается. Всем*). Хватит вам валять дурака! Сколько можно! Нужна девочка — так и скажите.

ВАЛЕРИЯ. Хам да и только.

ЗИЛОВ (*Кушаку*). Нужна, ну и пожалуйста! Выбирай любую. Хоть ту (*показывает на Веру*), хоть эту (*показывает на Валерию*), вы же друг семьи, так в чем же дело? Он (*показывает на Саяпина*) вам ус-

тупит. С удовольствием!

ИРИНА (*трясет Зилова*). Замолчи! Или я уйду.

ВАЛЕРИЯ. Хам! (*Саяпину.*) Чего стоишь? Не слышишь, нас оскорбляют!

Саяпин направляется к Зилову, но официант его останавливает.

ОФИЦИАНТ Спокойно... У нас не разрешается.

ЗИЛОВ (*Кушаку*). Ну что же вы? Выбирайте!

ИРИНА (*с отчаянием*). Я уйду, ты слышишь!

ВАЛЕРИЯ. Хам! (*Кушаку и Саяпину.*) Идемте отсюда!

Валерия, Кушак и Саяпин направляются к выходу. Вера и Кузаков за ними.

ЗИЛОВ (*кричит*). Постойте!

Уходящие останавливаются.

(*Хватает Ирину за руку и быстро выводит ее из-за стола.*) Вот вам еще! Еще одна! Хватайте!

ИРИНА (*кричит*). Виктор!

ЗИЛОВ. Рекомендую! Восемнадцать лет! Прелестное создание! Невеста! Ну! Что же вы растерялись? Думаете, ничего не выйдет? Ерунда! Поверьте мне, это делается запросто!

ОФИЦИАНТ. Спокойно, спокойно... (*Оттесняет Зилова к столу.*)

Ирина смотрит на Зилова с ужасом.

КУЗАКОВ (*Ирине*). Идемте с нами...

ЗИЛОВ. Вот, вот. Возьмите ее с собой и убирайтесь... (*Кричит.*) Убирайтесь, я вам говорю! Вон отсюда!

ВАЛЕРИЯ (*на пороге*). Придурок!

САЯПИН. Браконьер!

Кушак, Вера, Кузаков, Валерия и Саяпин уходят. Официант усаживает Зилова за стол. Ирина стоит посреди комнаты. Она как бы в оцепенении.

ЗИЛОВ (*вслед уходящим*). Вот и прекрасно! Катитесь к чертям собачьим! Знать вас больше не желаю! Подонки!.. Алики! Чтоб вам пусто было! (*Нали-*

вает себе водки и залпом выпивает. Только сейчас он окончательно пьянеет. Обращаясь к Ирине.) И ты убирайся вместе с ними.

ОФИЦИАНТ. Кого-кого, а девушку ты зря обижаешь. С такой милой девушкой я бы на твоем месте так не разговаривал.

ЗИЛОВ. А ты еще кто такой?.. Ах, лакей... И ты туда же? Ну и хватай ее, если она тебе нужна. Мне плевать... Она такая же дрянь, точно такая же. А нет, так будет дрянью. У нее еще все впереди...

ОФИЦИАНТ (*обращаясь к Ирине, как бы извиняясь за себя и за Зилова*). Отключился. Сам не знает, что говорит.

ЗИЛОВ (*Ирине*). Что ты так на меня уставилась? Что тебе от меня надо? (*Официанту.*) Слушай, ты, лакей! Убери ее отсюда. И сам уходи. Я хочу остаться один... Я вам не верю, слышите?..

Ирина медленно, как во сне, идет к выходу и исчезает. Зилов уронил голову на стол.

ОФИЦИАНТ (*подходит к Зилову, толкает его в бок, поднимает ему голову*). Я — лакей?

ЗИЛОВ (*смутно*). В чем дело?..

ОФИЦИАНТ. Я спрашиваю: я — лакей?

ЗИЛОВ. Ты?.. Конечно. А кто же еще?

Официант оглядывается, потом бьет Зилова в лицо. Зилов падает между стульев. Официант без всякого перерыва начинает убирать со стола.
Появляются Кузаков и Саяпин.

САЯПИН. Где он?

ОФИЦИАНТ (*показывает*). Готов. И рогом не шевелит.

САЯПИН. Герой.

КУЗАКОВ (*поднимает Зилова, Саяпину*). Помоги.

ОФИЦИАНТ. Хорошо, что вы вернулись. Я с ним таскаться не собираюсь. По долгу службы. (*Уходит с подносом.*)

Кузаков и Саяпин усаживают Зилова на стул и приводят в чувство.

КУЗАКОВ. Очнись, скандалист.

ЗИЛОВ (*смутно*). В чем дело?

КУЗАКОВ. Пошли домой.

ЗИЛОВ. Домой?.. Зачем? Что я там забыл?.. Нет, домой я не хочу. Никуда не хочу. Я остаюсь здесь. Решено!

САЯПИН (*громко, Зилову на ухо*). Уже ночь, чучело. Кафе закрывается. Ночь, понимаешь! Ночь!

ЗИЛОВ. Ночь?.. (*Вдруг энергично.*) Где ночь? Где ты ее видишь? Ночью должно быть темно. А это что такое? (*Тычет пальцем в открытую дверь, через которую видна освещенная улица.*) Что это?.. Разве это ночь? Ну? Светло как днем! Какая же это к черту ночь! Нет, мне все это опротивело... (*Вдруг обмяк.*)

КУЗАКОВ. Пьян мертвецки... (*Зилову.*) Ты можешь передвигать ногами?..

ЗИЛОВ. Пока — да... Но сначала выпьем. Выпьем и пойдем... (*Вдруг.*) Подождите! А где моя невеста?

САЯПИН. Хватился!

ЗИЛОВ. Где моя невеста? Где она? Верните ее! Верните! Мы обвенчаемся в планетарии...

На улице возникает шум и вид начинающегося дождя.

САЯПИН. Дождь пошел.

КУЗАКОВ. А вот мы его по дождичку. Взяли.

Они поднимают Зилова со стула. Он сопротивляется.

ЗИЛОВ. Куда вы меня ведете?

САЯПИН. В планетарий. Сочетаться законным браком.

ЗИЛОВ (*уперся*). Не хочу.

КУЗАКОВ (*Саяпину*). Подожди... (*Зилову, громко.*) Слушай, хулиган! Ты едешь завтра на охоту. Забыл?

ЗИЛОВ. На охоту?.. (*Воспрянул.*) Черт возьми! Вы правы, надо торопиться. (*Поднялся, едва не упал.*)

Они его подхватили.

КУЗАКОВ. Труп. Берем его под руки.

САЯПИН. Труп?

КУЗАКОВ. Ну да, покойник. Боюсь, что нам придется его нести.

САЯПИН (*потирает руки*). Покойничек! (*Смеется.*) У меня блестящая идея! (*Смеется.*) Завтра мы ему устроим!

КУЗАКОВ. Что устроим?

САЯПИН. Вот такой (*показывает большой палец*) сюрприз! Он нам устроил сегодня, а мы ему устроим завтра! Покойничек! (*Хохочет.*) Пошли!

Берут Зилова под руки, уводят. Шум дождя усиливается. Траурная музыка. Секундное затемнение, после чего, как в первой картине, последовательно зажигаются два прожектора. Первым, неярким, освещен Зилов, стоящий у дверей, так, как оставили мы его в начале этой картины. Вторым, ярким прожектором в середине комнаты высвечен круг, на котором сейчас возникнут видения Зилова из первой картины.

Теперь эта сцена с начала до конца должна сопровождаться траурной музыкой. Поведение лиц и разговоры, снова возникшие в воображении Зилова, на этот раз должны выглядеть без шутовства и преувеличений, как в его воспоминаниях, то есть так, как если бы все это случилось на самом деле.

Из комнаты, в свет яркого прожектора, являются Кузаков и Саяпин.

САЯПИН. Да нет, что ты. Не может этого быть.

КУЗАКОВ. Факт.

САЯПИН. Да нет, он пошутил, как обычно. Ты что, его не знаешь?

КУЗАКОВ. Увы, на этот раз все серьезно. Серьезнее некуда.

САЯПИН. Спорим, что он распустил этот слух, а сам сидит в «Незабудке».

Появляются Вера и Валерия, потом Кушак.

ВАЛЕРИЯ. Вы только подумайте, вчера он собирался на охоту, шутил... Еще вчера! А сегодня?!

ВЕРА. Такого я от него не ожидала. Он был алик из аликов...

КУШАК. Какое несчастье!.. Я никогда бы этому не поверил, но, знаете ли... Последнее время он вел себя... Я далеко не ханжа, но я должен сказать, что он вел себя весьма... мм... неосмотрительно. К добру такое поведение не приводит.

Все исчезают. Появляется Галина, за ней Ирина.

ГАЛИНА. Я не верю, не верю, не верю... Зачем он так

сделал?

ИРИНА. Зачем?

ГАЛИНА (*Ирине*). Скажи, он тебя любил?

ИРИНА. Я не знаю...

ГАЛИНА. Мы прожили вместе шесть лет, но я его так и не поняла. (*Ирине.*) Мы будем с тобой дружить, хорошо?

ИРИНА. Хорошо.

Обнимаются и обе плачут.

ГАЛИНА. Я уезжаю... навсегда... Напишешь мне письмо?

ИРИНА (*сквозь слезы*). Хорошо...

Галина исчезает. Появляются Кушак и официант.

КУШАК (*Ирине*). Очень, очень приятно...

ОФИЦИАНТ Девушка, в таком состоянии вам нельзя быть одной.

КУШАК. Да, но... Нет, конечно... И все-таки...

ОФИЦИАНТ В шесть часов мы ждем вас в «Незабудке». Придете?

ИРИНА (*сквозь слезы*). Хорошо...

Все исчезают. Появляется Кузаков.

КУЗАКОВ (*задумчиво*). Кто знает... Если разобраться, жизнь, в сущности, проиграна... (*Исчезает.*)

В траурном шествии последовательно проходят Галина, Кузаков, Саяпин, Валерия, Кушак, Ирина, официант. Последним проходит мальчик, несущий венок.
Оба прожектора внезапно гаснут, музыка обрывается. Две-три секунды на сцене — темнота.
Сцена освещается. Зилов один в своей комнате. Он стоит перед окном долго и неподвижно.
За окном дождь.
Он хотел закрыть окно, но вдруг распахнул его и высунулся на улицу.

ЗИЛОВ (*кричит*). Витька!.. Куда ты?.. А как уроки?.. Порядок?.. Ну молодец... Что? Не волнуйся, все как надо... Давай... Прощай, Витька... Прощай. (*Закрыл окно. Снял с головы кепку, бросил ее на пол. Подошел к телефону, набрал номер.*) Дима?..

Знаешь, я не поеду... Да нет, хочу тебя предупредить: я вообще не еду... Раздумал... Да вот раздумал... У меня другие планы... Да, другое место... Нет, что ты. Где мне с тобой тягаться... Слушай, ты чем сейчас занимаешься?.. Да вот хочу тебя пригласить... На поминки... На мои... Да вот надоела. Или я ей надоел. Одно их двух... Короче, я приглашаю тебя на поминки. Ну да, по-соседски... Что, лень перейти улицу?.. Выпить? Конечно, будет. А как же?.. Придешь?.. Все, договорились. (*Положил трубку, поднял ее снова, набрал номер.*) Мне Саяпина... Привет. Зилов... Да, живой... Получил, спасибо. Очень смешно... И Кузаков там? Отлично... Молодцы. Я умираю со смеху... Конечно... Все правильно, ребята... Ну, так что ж? Приходите на поминки... Ну конечно. Уж доведем это дело до конца... Вот я вам и говорю, приходите на поминки... Как — что делать?.. Выпьете, закусите — как водится... Да, прямо сейчас... Идете?.. Вот и прекрасно. (*Положил трубку, уселся за стол, достал бумагу, ручку, что-то написал. Поднялся, взял ружье, вынул его из чехла, собрал, поставил его у стола. Развязал рюкзак, достал из него патронташ, вынул из него патрон, зарядил ружье — все это довольно торопливо. Уселся на стул, ружье поставил на пол, навалился грудью на стволы. Примерился к курку одной рукой, примерился другой. Поставил стул к столу, уселся, ружье устроил так, что стволами оно уперлось ему в грудь, прикладом — в стол. Отставил ружье, стянул с правой ноги сапог, снял носок, снова устроил ружье между грудью и столом. Большим пальцем ноги нащупал курок...*)

Раздается телефонный звонок. Он сидит неподвижно. Телефон звонит настойчиво и долго.
Он поднимается и быстро подходит к телефону. Снимает трубку. Трубка у него в одной руке, в другой — ружье.

Да... Говорите, я вас слушаю... Говорите!.. (*Чрезвычайно взволнованно.*) Кто это?.. Послушайте, мне не до шуток...

В дверях появляются Кузаков и Саяпин. Они появляются без стука. Вид Зилова с ружьем, в одном сапоге, тон его разговора их настораживает, и они, остановившись в дверях, ничем не выдают своего присутствия. Зилов стоит к ним спиной.

Кто это?.. Кто звонит? Отвечайте! (*Мгновение держит трубку перед глазами, снова подносит ее к уху, затем руку с трубкой медленно опускает вниз.*)

Так с ружьем и трубкой в руках некоторое время он стоит у телефона.
Не глядя бросает трубку мимо телефона. Возвращается к столу, устанавливает на должном расстоянии сдвинутый недавно стул, и как только он на него усаживается, Кузаков набрасывается на него сзади и выхватывает из его рук ружье. Зилов вскакивает. Небольшая пауза.

Дай сюда! (*Бросается к Кузакову.*)

Борьба.

САЯПИН. Витя... Витя... Что с тобой?

Вдвоем они его одолели и усадили на тахту.

КУЗАКОВ (*с ружьем в руках*). Псих. Нашел себе игрушку.
ЗИЛОВ (*тяжело дышит*). Нахалы...
САЯПИН. И мы же — нахалы!
ЗИЛОВ. Стучаться надо, черт вас возьми!
САЯПИН. Озверел. (*Взял со стола записку, читает ее вслух.*) «В моей смерти прошу никого не винить...» Витя, да ты что, старик? С ума ты сошел, что ли!
КУЗАКОВ (*переломил ружье, вынул патрон, разглядывает его*). Ты и в самом деле спятил.
САЯПИН (*взял патрон, спрятал его в карман, Зилову*). Да за такие вещи... (*Кузакову.*) А если бы мы пошли пешком, а? Что тогда? (*Зилову.*) Неужели бы ты...
ЗИЛОВ. Вы пришли раньше времени. Уходите.
КУЗАКОВ. Никуда мы не уйдем.
САЯПИН (*садится*). Мы тут у тебя посидим. Отдохнем, перекурим. Верно, Коля?.. Ну, дела. (*Кузакову.*) А ты еще говоришь, пойдем пешком. А я гляжу —

такси, нет, говорю, давай прокатимся, как будто чувствовал.

КУЗАКОВ (*Зилову*). Опомнись, милый мой, возьми себя в руки... Обуйся. Для начала.

Пауза.

ЗИЛОВ. Уходите.

КУЗАКОВ. Никуда мы не уйдем, даже не думай.

ЗИЛОВ. Ну как хотите. Мне торопиться некуда.

КУЗАКОВ. Что случилось? Ты что, жизнь тебе не дорога?

ЗИЛОВ. Только не надо меня уговаривать. Напрасный труд. Это дело я доведу до конца.

К этому времени в комнате чуть светлеет, и на полоске неба, видимой в окно, появляются редкие проблески синевы.

КУЗАКОВ (*подходит к телефону, поднимает трубку, набирает номер*). Магазин?.. Веру позовите к телефону... Вера?.. Ты меня не теряй, я задержусь... Непредвиденное обстоятельство... Когда? Точно не знаю. Будь дома, хорошо?.. Счастливо. (*Положил трубку.*)

САЯПИН. Витя, может, ты из-за венка расстроился, а?.. Витя?.. Неужели ты на нас обиделся?

ЗИЛОВ. Какого черта вы полезли в такси? Кто вас просил? Вы что, не могли пешком пройти четыре квартала?

КУЗАКОВ. Да что же все-таки случилось? В чем дело?.. Чем ты недоволен? Чего тебе не хватает? Молодой, здоровый, работа у тебя есть, квартира, женщины тебя любят. Живи да радуйся. Чего тебе еще надо?

ЗИЛОВ. Мне надо, чтобы вы ушли.

САЯПИН. Витя, ты что говоришь, соображаешь? Ведь мы же твои друзья, как же мы можем уйти? Покинуть тебя в такую минуту! Да ты что?

ЗИЛОВ. Это дело я доведу до конца. И никто, черт вас подери, ни одна душа на свете мне не помешает. Вам ясно?.. Все.

Пауза.

САЯПИН. Ребята, что же вы молчите?.. Поговорим о чем-нибудь, а?

Маленькая пауза.

(*Простодушно.*) Витя, ты замечаешь, у тебя полы рассыхаются. Придется ремонтировать. (*Поднимается, подходит к кухонной перегородке и стучит по ней.*) Картон... Картон и штукатурка. Халтура... Плохо дома стали делать... (*Подходит к другой перегородке.*)

Зилов наблюдает за ним с возрастающим любопытством.

А тут? (*Стучит.*) То же самое...

Небольшая пауза.

ЗИЛОВ. Ну, ну. Что же ты остановился? Давай, дружище, продолжай. Пройдись по комнатам, прикинь, что куда поставить.

САЯПИН. Витя! Да ты что! Неужели ты думаешь, что я претендую...

ЗИЛОВ. Претендуешь? Нет, старина, ты не претендуешь, ты пришел сюда за ключами. Так вот они. (*Вынул из кармана ключи, бросил их Саяпину.*) Бери... Бери, не стесняйся.

САЯПИН. Старик, ты с ума сошел!

КУЗАКОВ. Перестань, ты его не так понял.

САЯПИН. Да за кого ты нас принимаешь!

ЗИЛОВ. Бросьте, ребята, не будем сентиментальничать, чего уж тут. Признавайтесь, вам обоим это на руку. Разве нет?.. Так в чем же дело? Какого же черта вы здесь ждете? Дайте сюда ружье и уходите. Пока я не передумал.

КУЗАКОВ. Чего ты мелешь, опомнись. Кому она нужна, твоя смерть, подумай сам. Ему она нужна?.. Мне?.. Да и тебе она не нужна. А если тебе не нравится твоя жизнь, ну и отлично, живи по-другому, кто тебе мешает?.. И не суди по себе, не думай о людях скверно.

ЗИЛОВ. Ладно, хватит. (*Саяпину.*) Толя, гони этого праведника из своей квартиры.

САЯПИН. Почему же, я разделяю...
КУЗАКОВ. А что касается венка, я готов просить у тебя прощения.
ЗИЛОВ. Замолчи, я тебе не верю.
КУЗАКОВ. Я в этом и не участвовал, но о венке я знал, и раз он здесь, значит, и я тут виноват.
ЗИЛОВ. Не верю я тебе. Не верю. Ты понял?.. Вот и уходи.
КУЗАКОВ. Не уйду. Я не уйду отсюда, пока это твое глупое самоубийство, эта дурь не выйдет у тебя из головы.

Появляется официант.

ОФИЦИАНТ. Привет... Чего базарите?
САЯПИН. Вот, вот. Хорошо, что ты пришел. Ты посмотри на него и послушай, что он тут себе позволяет.
ОФИЦИАНТ. А где же поминки?
ЗИЛОВ. Видишь ли, я не успел как следует подготовиться.
ОФИЦИАНТ. А где выпивка?
ЗИЛОВ. К тому же я здесь уже не хозяин.
САЯПИН (*официанту, показывает пальцем у головы*). Не видишь? Взгляни. (*Передает официанту записку Зилова.*) И скажи ему пару слов...
ОФИЦИАНТ (*читает*). «В моей смерти прошу никого не винить...»
САЯПИН. Одна попытка уже была. На наших глазах.
ОФИЦИАНТ. Да?
КУЗАКОВ. В самом деле.
САЯПИН. Вот. (*Протягивает официанту патрон.*) Из ружья.
ОФИЦИАНТ (*разглядывает патрон*). Картечь... А пистоны у тебя ненадежные. Замени на простые, они безотказные.
ЗИЛОВ. Спасибо за совет.
ОФИЦИАНТ (*присаживается*). Смени обязательно. Дождь кончился. (*Взял в руки ружье.*) Через часок (*переломил ружье*) можно будет (*играючи, двумя движениями зарядил ружье*) от-

правляться. Понял? Кончай базар, через час я подъеду.

ЗИЛОВ. Никуда я не еду. Я тебе уже сказал. (*Кузакову и Саяпину.*) Не беспокойтесь, ваше дело верное.

САЯПИН. Витя! Хватит сходить с ума! Собирайся на охоту.

КУЗАКОВ. Обувайся. (*Взял в руки рюкзак.*) Одевай рюкзак. (*Саяпину и официанту.*) Выведем его на улицу.

Кузаков и Саяпин подступают к Зилову.

ЗИЛОВ. Не трогайте меня. Не прикасайтесь.

ОФИЦИАНТ Короче. Будешь шизовать или поедешь на охоту?

ЗИЛОВ. Никуда я не поеду.

ОФИЦИАНТ Ну что тебе сказать?.. Дурак. Больше ничего не скажешь. (*Поднимается.*)

САЯПИН. Ты что, уходишь?

ОФИЦИАНТ. А что я могу сделать? Ничего. Сам должен соображать.

ЗИЛОВ. Правильно, Дима. Ты жуткий парень, Дима, но ты мне больше нравишься. Ты хоть не ломаешься, как эти... Дай руку...

Официант и Зилов жмут друг другу руки.

Кланяйся там...

ОФИЦИАНТ Ну пока, Витя. Жалко, что мы не едем вместе. Не вовремя ты расстроился... А то смотри, лучше будет — приезжай...

ЗИЛОВ. Ладно, Дима, прощай.

ОФИЦИАНТ Подожди, а где твоя лодка?

ЗИЛОВ. Лодка у Хромого.

ОФИЦИАНТ В сарае?

ЗИЛОВ. Да, в сарае.

ОФИЦИАНТ Значит, я...

ЗИЛОВ (*хрипло*). Бери.

ОФИЦИАНТ Спасибо, Витя. А если что...

ЗИЛОВ (*голос его дрогнул*). Считай, что она твоя... Берите... Все берите...

САЯПИН. Витя, ну что ты говоришь...
ЗИЛОВ. Вы все уже поделили. Вы рады моей смерти. Рады!
КУЗАКОВ. Врешь!
ЗИЛОВ (*вдруг со злобой*). Я еще жив, а вы уже тут? Уже слетелись? Своего вам мало? Мало вам на земле места?.. Крохоборы!

Он бросается на них. Борьба.

КУЗАКОВ. Врешь... Врешь... Врешь...
ОФИЦИАНТ. Спокойно... Возьми себя в руки!.. Ты можешь взять себя в руки?
ЗИЛОВ (*вдруг перестает сопротивляться*). Могу... (*Спокойно.*) Я могу... Но теперь вы у меня ничего не получите. Ничего. (*Неожиданно берет у Саяпина ружье и отступает на шаг.*) Вон отсюда.

Небольшая пауза.

ОФИЦИАНТ (*удивленно*). Серьезно?
ЗИЛОВ (*спокойно*). Уходите.
ОФИЦИАНТ. Брось, старичок...
ЗИЛОВ. Убирайтесь.

Саяпин пятится к двери. Кузаков остается на месте. Он стоит перед Зиловым. За ним ближе к двери стоит официант.

(*Кузакову*). Уходи.
КУЗАКОВ. Не уйду. Я сказал тебе, что не уйду, пока...
ЗИЛОВ. Уходи.
КУЗАКОВ. Не уйду.
ЗИЛОВ. Я буду стрелять. (*Направляет стволы на Кузакова.*)
КУЗАКОВ. Стреляй.
ОФИЦИАНТ Ружье заряжено.
ЗИЛОВ. Вот и прекрасно.

Саяпин исчезает.

ОФИЦИАНТ Давай-ка. (*Хватает Кузакова, выталкивает его за дверь.*) Так будет лучше... А теперь опусти ружье.

ЗИЛОВ. И ты убирайся.

Мгновение они смотрят друг другу в глаза. Официант отступает к двери.

Живо.

Официант задержал появившегося в дверях Кузакова и исчез вместе с ним.
Зилов некоторое время стоит неподвижно. Затем медленно опускает вниз правую руку с ружьем.
С ружьем в руках идет по комнате. Подходит к постели и бросается на нее ничком.
Вздрагивает. Еще раз. Вздрагивает чаще.
Плачет он или смеется, понять невозможно, но его тело долго содрогается так, как это бывает при сильном смехе или плаче. Так проходит четверть минуты. Потом он лежит неподвижно.
К этому времени дождь за окном прошел, синеет полоска неба, и крыша соседнего дома освещена неярким предвечерним солнцем.
Раздается телефонный звонок. Он лежит неподвижно. Долго звонит телефон. Он лежит неподвижно. Звонки прекращаются.
Звонки возобновляются. Он лежит не шевелясь. Звонки прекращаются.
Он поднимается, и мы видим его спокойное лицо. Плакал он или смеялся — по его лицу мы так и не поймем.
Он взял трубку, набрал номер. Говорит ровным, деловым, несколько даже приподнятым тоном.

ЗИЛОВ. Дима?.. Это Зилов... Да... Извини, старик, я погорячился... Да, все прошло... Совершенно спокоен... Да, хочу на охоту... Выезжаешь?.. Прекрасно... Я готов... Да, сейчас выхожу.

Занавес

Провинциальные анекдоты

Трагикомическое представление в двух частях

Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, — редко, но бывают.

Н.В.Гоголь

АНЕКДОТ ПЕРВЫЙ

ИСТОРИЯ С МЕТРАНПАЖЕМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КАЛОШИН — администратор гостиницы «Тайга».
ПОТАПОВ — командированный, по профессии метранпаж.
РУКОСУЕВ — врач, приятель Калошина.
КАМАЕВ — молодой человек, преподаватель физкультуры.
МАРИНА — жена Калошина, официантка ресторана «Тайга».
ВИКТОРИЯ — девушка, устраивающаяся на работу.

Одиночный номер провинциальной гостиницы. Кровать, стол, два кресла, тумбочка, на тумбочке репродуктор и телефон. Дальняя стена закрыта яркими дешевыми портьерами. Щелкает дверной замок, и в комнате появляется Виктория, миловидная девушка лет двадцати. На ходу она снимает плащ и туфли, открывает шкаф и, невидимая за дверцей шкафа, мгновенно переодевается. Теперь на ней легкий халат и домашние туфли.

Она подходит к стене и раздвигает портьеры. За ними оказывается окно, в которое видны светящиеся окна на противоположной стороне улицы, а рядом, прямо под окном, горит обратная сторона неоновой вывески «Гостиница «Тайга». Мгновение Виктория смотрит в окно, потом оборачивается, идет по комнате, закрывает дверь на ключ, берет со стола книгу, открывает ее. Не отрываясь от книги, приближается к кровати, сдергивает с нее покрывало, сбрасывает с ног туфли. Прилегла на кровать.

В это время раздается нетерпеливый стук в дверь. Виктория вскакивает, надевает туфли, набрасывает на кровать покрывало, поправляет прическу.

Стук повторяется. Виктория открывает дверь. В дверях появляется Потапов, небольшой сухощавый мужчина лет сорока. На нем серые брюки, светлая рубаха, галстук и дешевый вельветовый пиджак. Этот скромного вида человек сейчас явно раздосадован.

ПОТАПОВ. Здравствуйте! У вас радио работает?
ВИКТОРИЯ. Радио?
ПОТАПОВ (*нетерпеливо*). Радио!
ВИКТОРИЯ. А что такое?
ПОТАПОВ. Работает или нет?

Виктория включает радиоприемник, раздается голос комментатора, ведущего футбольный репортаж. Потапов входит в комнату и крадется к радиоприемнику.

ГОЛОС КОММЕНТАТОРА. ...у Хусаинова, он передает его Янкину, Янкин переходит на правую половину поля...

Потапов останавливается рядом с радиоприемником, слушает.

...его атакуют, он передает... но нет, пас неточен, и вот уже атаку начинает Шалимов... Шалимов передает мяч... но нет, снова неточно, и мяч снова у Хусаинова...

ВИКТОРИЯ. Футбол, а я-то думала.
ПОТАПОВ. Тише!
ГОЛОС КОММЕНТАТОРА. Хусаинов обыгрывает Шалимова...
ВИКТОРИЯ. Вы меня напугали...
ПОТАПОВ (*строго*). Тихо!
ГОЛОС КОММЕНТАТОРА. ... его атакуют два защитника.
ВИКТОРИЯ Да вы присаживайтесь...
ГОЛОС КОММЕНТАТОРА. Хусаинов посылает мяч на штрафную площадку, а там...
ВИКТОРИЯ. Садитесь...
ПОТАПОВ (*свирепо*). Вы можете помолчать?
ГОЛОС КОММЕНТАТОРА. ...там никого не оказалось, увы, никого, кроме защитника команды «Торпедо»... А вот и свисток судьи... Итак, первая половина игры закончилась безрезультатно... Ноль-ноль. Команды отправляются на отдых, отдохнем, товарищи радиослушатели, и мы... а через пятнадцать минут встретимся снова, чтобы узнать, кто же победит в этом увлекательном, напряженном поединке.
ГОЛОС ДИКТОРА. Передаем легкую музыку.

Музыка.

ПОТАПОВ (*опускается в кресло*). Если в этот раз они проиграют — я... Я за себя не отвечаю!

Небольшая пауза.

ВИКТОРИЯ (*осторожно*). Можно мне что-нибудь сказать?
ПОТАПОВ. Что... (*Вдруг очень вежливо.*) Извините меня! Я, это самое, сам не знаю, как... футбол, сами понимаете...
ВИКТОРИЯ. Не понимаю. Смотреть на него — еще туда-сюда, а так — не понимаю...
ПОТАПОВ. Простите за беспокойство.
ВИКТОРИЯ. Да ладно уж, ничего...
ПОТАПОВ. Видите ли, я сосед ваш, мой номер рядом, сидел у себя, слушал, и раз — радио испортилось — на самом интересном. Я — в коридор, туда-сюда. Двенадцатый час — у всех уже темно, а у вас свет. Как я сюда ворвался, и сам не заметил. (*Пятится к двери.*) Еще раз извините.
ВИКТОРИЯ. Подождите.

Потапов останавливается.

Куда же вы? Где же вы дальше будете слушать?

ПОТАПОВ. Не знаю. Поищу где-нибудь...
ВИКТОРИЯ. А то забирайте мой приемник, утром вернете.
ПОТАПОВ. Разрешите?
ВИКТОРИЯ. Забирайте.
ПОТАПОВ. Большое вам спасибо. (*Взял радиоприемник.*) Извините еще раз, спокойной ночи.

Потапов уходит, но, как только Виктория снова приготовилась лечь, опять раздается стук в дверь — на этот раз деликатный... Виктория открывает дверь.
Входит Потапов.
При этом дверь в коридор остается открытой.

ПОТАПОВ. Простите, но в моем номере он не работает. (*Передает Виктории радиоприемник.*)
ВИКТОРИЯ. Вот беда-то.
ПОТАПОВ. Очевидно, испортилась проводка.
ВИКТОРИЯ. Ну и что теперь?

ПОТАПОВ. Ума не приложу. Большое вам спасибо... (*Мнется.*) Пойду искать кого-нибудь...
ВИКТОРИЯ. Ладно уж. (*Включила радиоприемник.*) Садитесь, слушайте.
ПОТАПОВ. В самом деле?
ВИКТОРИЯ. Ну а что? Будете рыскать по всей гостинице.
ПОТАПОВ. Но ведь вам спать надо.
ВИКТОРИЯ. Да ничего. Я ложусь поздно. (*Придвинула кресло к радиоприемнику.*) Устраивайтесь поближе.
ПОТАПОВ. Ну спасибо, девушка. (*Усаживается.*) За вашу доброту дай вам бог хорошего жениха.
ВИКТОРИЯ. Благодарю.

В дверях появляется Семен Николаевич Калошин. Ему около шестидесяти, он лыс, кругл и вальяжен. Он невысок ростом, но держится очень прямо. При этом голова его почти постоянно откинута чуть назад, брови чаще всего чуть сдвинуты, а глаза обычно слегка прищурены. Благодаря всему этому общий вид его довольно внушителен, а людей выше его ростом для него не существует.
Одет он в хороший темный костюм, который сидит на нем, впрочем, довольно мешковато.
Прежде чем заговорить, он критически осматривает присутствующих.

КАЛОШИН. Товарищи, одиннадцать часов. Посторонних прошу покинуть помещение.

Небольшая пауза.

ВИКТОРИЯ. Здесь посторонних нет, здесь все свои. Товарищ живет рядом.
ПОТАПОВ. Да, мой номер за стеной.
КАЛОШИН. Не имеет значения. Согласно распорядку после одиннадцати все расходятся по своим номерам.
ВИКТОРИЯ. Да, но тут такое дело...
КАЛОШИН (*перебивает*). Дела, товарищи, будете обделывать завтра. А сегодня прошу вас по своим номерам.
ПОТАПОВ. Послушайте...
КАЛОШИН (*перебивает*). Не знаю, товарищи...
ВИКТОРИЯ (*перебивает*). Хорошо, хорошо. Он уйдет.
КАЛОШИН. Давайте, товарищи, давайте.
ВИКТОРИЯ. Уйдет, сейчас уйдет.

КАЛОШИН. Предупреждаю, я проверю. (*Уходит.*)
ВИКТОРИЯ. Лучше с ним не спорить.
ПОТАПОВ. Да, придется уходить.
ВИКТОРИЯ. Нет, вы меня не поняли. Закройте свой номер на ключ и возвращайтесь.
ПОТАПОВ. Знаете, лучше с ним не связываться.
ВИКТОРИЯ. Закроемся, радио сделаем потише — обойдется. Идите, закрывайте номер.
ПОТАПОВ. Ну что ж... (*Выходит и тотчас возвращается.*) Закрыл.
ВИКТОРИЯ. А все почему? У нас двери были открыты. (*Убавляет звук радиоприемника.*) Дерут такие деньги, да еще на цыпочках ходи.
ПОТАПОВ. Вы в командировке?
ВИКТОРИЯ. Я — нет. Я здесь одну ночь, завтра в общежитие уйду. Я на строительство приехала, на работу. А вы?
ПОТАПОВ. Я здесь в командировке. (*Усаживается.*)
ВИКТОРИЯ. Откуда вы?
ПОТАПОВ. Из Москвы.
ВИКТОРИЯ. Ладно, вы слушайте, а я буду читать. А дверь мы... (*Подошла к двери, хотела ее запереть.*)

Но дверь внезапно раскрылась, и на пороге возник Калошин.

КАЛОШИН (*миролюбиво*). Так. Хотели закрыться...
ВИКТОРИЯ. У него радио испортилось...
КАЛОШИН (*многозначительно*). Я понимаю...
ВИКТОРИЯ. Он футбол послушает и уйдет.
КАЛОШИН (*игриво*). Футбол, говорите?
ПОТАПОВ. Футбол, совершенно верно.
КАЛОШИН (*весело*). Футбол?
ВИКТОРИЯ. Ну конечно.
КАЛОШИН. Так, так. Значит, футбол?
ПОТАПОВ. Да футбол же. Неужели вы не понимаете?
КАЛОШИН. Я понимаю. Я все понимаю. Я, товарищи, уже не маленький.
ПОТАПОВ. То есть? Что вы этим хотите сказать?
КАЛОШИН. Да то. Сами понимаете что.
ПОТАПОВ. Да что именно?

КАЛОШИН. Да то, товарищи, что дураков вы здесь не ищите.
ПОТАПОВ. То есть?
ВИКТОРИЯ. Ну?.. Ну что скажете?
КАЛОШИН. А вы что скажете?.. Футбол?
ПОТАПОВ. Да. Футбол.
КАЛОШИН. Ну вот, опять футбол!.. А закрываться для чего, разрешите вас спросить? Если футбол, то для чего тогда двери на ключ закрывать?
ВИКТОРИЯ. Я не могу... Да от вас закрылись, от вас! Чтобы не лезли здесь, не мешались...
КАЛОШИН (*перебивает*). «Не мешали»? Вот и я так думаю, чтоб не мешали. Кому же нравится, когда мешают?
ПОТАПОВ. Да вы... Да с вами просто нельзя разговаривать!
КАЛОШИН. Разговаривать со мной можно. Но вы, товарищи, разговаривать не умеете. К сожалению. (*Официально.*) Поэтому прошу вас в свой номер.
ПОТАПОВ. Хорошо. Я уйду, но...
ВИКТОРИЯ (*перебивает*). А вы не уходите. (*Калошину.*) Вы уходите. (*Открывает дверь.*) Пусть он уходит.
КАЛОШИН. То есть как?
ВИКТОРИЯ. Вот так. Уходите, и все. Как-нибудь без вас обойдемся. Здесь я хозяйка.
КАЛОШИН. Что?
ВИКТОРИЯ. Да ничего. Никто вас сюда не звал с вашими разговорчиками.
КАЛОШИН. Да вы что? Вы что, уважаемая, законов не знаете?
ВИКТОРИЯ. Не знаю.
КАЛОШИН. Не знаете? Так могу вам разъяснить.
ПОТАПОВ. Послушайте...
КАЛОШИН (*перебивает*). И вы не знаете? И вам могу разъяснить.
ВИКТОРИЯ. Ну?
КАЛОШИН. Вы зарегистрируйтесь сначала, а потом уж закрывайтесь. Потом — пожалуйста. Милости просим. Не знали? Допустим, что не знали. Будете знать. А сейчас прошу вас из женского номера.

ВИКТОРИЯ. Нет! Я не могу...

ПОТАПОВ. Хорошо. Я уйду. Но вы... вы извинитесь. Перед девушкой извинитесь.

КАЛОШИН. Это за что, интересно?

ПОТАПОВ. За оскорбление. Неужели вы не понимаете, что вы ее оскорбили?

КАЛОШИН (*сердится*). Во-первых, извиняться буду не я, во-вторых, извиняться будете вы, и притом не перед ней, а перед вашей законной супругой. А пока прошу вас пройти в свой номер. По-хорошему.

Музыка в радиоприемнике умолкает. Включается стадион. Шум стадиона.

ПОТАПОВ. Нет, хватит! Теперь я отсюда не уйду.

ВИКТОРИЯ. Правильно.

КАЛОШИН. Уйдете.

ПОТАПОВ. Нет, не уйду. (*Усаживается в кресло рядом с радиоприемником.*)

ГОЛОС КОММЕНТАТОРА. Итак, наш микрофон установлен на стадионе «Динамо», где на кубок страны встречаются две столичные команды — «Спартак» и «Торпедо»...

КАЛОШИН. Это вы так думаете, что не уйдете, а на самом деле вы не только уйдете, но вполне еще и выскочить можете.

Шум стадиона.

ПОТАПОВ. Нет, не уйду. Делайте, что хотите, зовите милицию, а я... Я буду слушать репортаж.

ГОЛОС КОММЕНТАТОРА. Первая половина матча, как вам известно, закончилась ничейным результатом и...

КАЛОШИН (*подошел, выключил радиоприемник*). Все.

ПОТАПОВ. Не мешайте, я вам не советую. (*Включил радиоприемник.*)

ГОЛОС КОММЕНТАТОРА. ...нападение и защита...

ПОТАПОВ. Не трогайте!

Калошин выключил радиоприемник. Потапов включил.

Калошин выключил радиоприемник и схватил Потапова за руку.

КАЛОШИН (*тащит Потапова к двери*). Добром не хотите... Слов не понимаете...
ПОТАПОВ. Не смейте. (*Упирается.*)
ВИКТОРИЯ (*помогает Потапову*). Не имеете права!
ПОТАПОВ. Отпустите!

Возня у двери, в результате которой Калошин взашей выталкивает Потапова за дверь.
Стоят друг против друга, один по ту сторону порога, другой — по эту. Оба тяжело дышат.

КАЛОШИН. Предупреждал?.. Предупреждал...
ПОТАПОВ. Вы мне за это ответите!
ВИКТОРИЯ. Вы ответите!
ПОТАПОВ. Даю вам слово, так я это не оставлю.
КАЛОШИН. Давай, давай...
ПОТАПОВ. Вы меня попомните...
ВИКТОРИЯ. Попомните!
ПОТАПОВ. Я вам обещаю. (*Уходит.*)
КАЛОШИН. Давай, давай... Видали мы таких... донжуанов...
ВИКТОРИЯ. Уходите.
КАЛОШИН. Да погоди ты... (*Идет к креслу, уселся.*) Уф...
ВИКТОРИЯ (*с презрением*). Что, притомились?
КАЛОШИН. А ты думала...
ВИКТОРИЯ. Довольны?.. Пожилой, можно сказать, человек...
КАЛОШИН. Так вот и зарабатываешь свой хлеб....
ВИКТОРИЯ. Как только не стыдно...
КАЛОШИН. Досталась мне работенка. Вот уж действительно — наградили меня должностью. С этажа на этаж — целый день, целый день! Да еще со скандалами... Нет, ты скажи мне, скажи, ну как с вашим братом, с приезжим, работать? Как? С вами по-хорошему — вы не понимаете, начинаешь с вами по закону — вы в бутылку. Ведь он мне руку чуть не выставил.
ВИКТОРИЯ. А вы? Как вы его толкнули?
КАЛОШИН. Пусть знает.
ВИКТОРИЯ. А если бы он об стенку ударился?

КАЛОШИН. Ничего бы ему не сделалось. Почесался бы и дальше. Невелик барин.

ВИКТОРИЯ. Откуда вы знаете?

КАЛОШИН. Вижу. Тут вашего брата пятьсот человек, если каждый будет свою амбицию показывать, что же такое получится?.. Ну чего он взъерепенился? Разве нельзя было по-хорошему? Он что, не знает, как это делается?

ВИКТОРИЯ. Что делается?

КАЛОШИН. Ну тебе еще, скажем, простительно, по малолетству, а он-то о чем думал?

ВИКТОРИЯ. Вы сами виноваты. Чушь всякую стали городить. Он вас не трогал. Он только что болельщик, а так человек воспитанный, из Москвы приехал...

КАЛОШИН (*живо*). Откуда?

ВИКТОРИЯ. Из Москвы.

КАЛОШИН (*тень сомнения*). То есть как — из Москвы?

ВИКТОРИЯ. Да так, что из Москвы... А что? Струсили?

КАЛОШИН. Ерунда... Подумаешь, из Москвы. И в Москве шантрапы хватает.

ВИКТОРИЯ. А если он начальник, тогда как?

КАЛОШИН. Да ты что, не знаешь его, что ли?

ВИКТОРИЯ. Конечно, нет.

КАЛОШИН. Не врешь?

ВИКТОРИЯ. Говорю вам, не знаю. (*Злорадно.*) А вдруг начальник?

КАЛОШИН. Он?.. Ерунда. Учителишка или около того.

ВИКТОРИЯ. А вдруг?

КАЛОШИН (*забеспокоился*). Чего «вдруг»? Какое «вдруг»? Вельветовый пиджачок, галстучек барахольный — видать птицу по полету.

ВИКТОРИЯ. По одежде, значит, встречаете?

КАЛОШИН. А ты думала? На этой работе глаз — первое дело. Если бегать каждому в анкету заглядывать — без ног останешься.

ВИКТОРИЯ. А что — одежда? Есть большие люди, а одеваются скромно, и мне кажется...

КАЛОШИН (*поднялся*). Крестись, если кажется. А мне голову не морочь. (*Подходит к телефону, набирает номер.*) Я устал, меня там, поди, уже жена

ищет... Кажется ей... (*Положил трубку, набирает номер снова.*) Нет, не в добрый час я связался с гостиницей, не в добрый час. Предлагали же мне спокойную работу, так нет же, погнался я за дурными деньгами...(*В трубку.*) Регистратура?.. Администратор говорит... Посмотрите там, кто у нас проживает в двести одиннадцатом номере... Двести одиннадцать. Потапов?.. Кто он такой, откуда?.. Из Москвы?.. А кто таков?.. Как, как?.. Метранпаж?.. Это что такое?.. (*Отвлекся от телефона, Виктории.*) Что такое метранпаж?

ВИКТОРИЯ (*искренне*). Не знаю.

КАЛОШИН (*в трубку*). Выясните, кто такой метранпаж... Срочно... Он как вселился — по брони или... по командировке... А куда прибыл? В какую организацию?.. Не записано?.. Сколько раз вам указывалось, чтобы анкеты заполнялись от корки до корки... Безобразие... Он когда вселился?.. Сегодня?.. Кто же он такой?.. Я спрашиваю, что это обозначает? Что такое метранпаж?.. Что? Никто не знает?.. Как же так?.. Срочно выясняйте... У него?.. Нет-нет, у него не спрашивать... Если он к вам подойдет — разговаривайте вежливо... (*Бросил трубку.*) Метранпаж... Что это?

ВИКТОРИЯ (*не без коварства*). Метранпаж... По-моему, это из ОБХСС.

КАЛОШИН (*испуганно*). Но-но! Скажешь тоже... Метранпаж... Слово-то какое-то... Черт знает, что за слово!.. Может, по профсоюзу?

ВИКТОРИЯ. А вдруг он депутат?

КАЛОШИН. Но-но-но! Поосторожнее... В «люксе» бы поселился, и это... предупредили бы нас. Всегда предупреждают.

ВИКТОРИЯ. Ну и что, что всегда. А он взял и так приехал, без предупреждения. Посмотреть, что вы тут вытворяете.

КАЛОШИН. Но-но-но-но-но! Ты, знаешь, говори, да не заговаривайся!.. Метран-паж... паж... Паж? В царское время при дворе чего-то такое было, а? Было?

ВИКТОРИЯ. Да вроде было.

КАЛОШИН. Черт его знает... (*Набирает номер по телефону, в трубку.*) Ресторан?.. Музу Ханановну... А кто это? Слушай, друг, не знаешь ты случайно, что такое метранпаж?.. Ну да, откуда тебе... где тебе, говорю... Калошин... Погоди... Там жена моя еще не ушла?.. Работает?.. Да нет, не надо. Уж она-то подавно не знает... Ладно... (*Бросил трубку.*) Никто не знает! И что за учреждение такое? Темнота, невежество... Вот же предлагали мне кинохронику, ведь вполне же культурное предприятие, так нет же... (*Набирает другой номер.*) Андрей Васильевич?.. Добрый вечер... Калошин... Извините, что так поздно, но... Да по делу, то есть нет, не по делу... По делу, Андрей Васильевич... Андрей Васильевич, будьте так любезны, объясните вы мне, неучу, кто такой метранпаж... Ме-тран-паж... Не встречали? Да вот тут случай небольшой... Нет-нет, ничего особенного. Извините... Извините... Спокойной ночи. (*Опустил трубку.*) В двух институтах обучался. Невежа! Вот ведь! На кинохронике, так там наверняка каждый гардеробщик скажет, а тут? (*Набирает номер; в трубку.*) Регистратура?.. Ну что? Выяснили?.. Кто такой метранпаж?.. Что?.. Из газеты?.. Кажется? А точно вы не могли узнать?.. Там редактор есть, корреспонденты, а это, это кто?.. Не узнали, так какого же черта... Выясняйте... Немедленно! (*Бросил трубку.*) Кажется, из газеты.

ВИКТОРИЯ. Из газеты?

КАЛОШИН (*трусит и не скрывает, что трусит*). А из какой газеты?.. Из «Труда»? Или из «Известий», чего доброго?.. А вдруг он над всеми газетами сразу? Что же тогда будет, а? Что же он тогда со мной сделает? Ведь тогда он... Ведь он что захочет, то и сделает... Посадит на ладошку, дунет — и полетишь! Да еще, может, так полетишь, что нигде и не сядешь, не приземлишься никогда, а так и будешь вечно летать по воздуху!

ВИКТОРИЯ. Ага, запрыгали...

КАЛОШИН. Где он?.. Извинюсь! Сию минуту извинюсь! (*Быстро выходит.*)

Из коридора слышен стук в соседнюю дверь и голос Калошина: «Товарищ Потапов...» Стучит очень деликатно. «Товарищ Потапов... Товарищ... э-э... метранпаж».

КАЛОШИН (*появляется в комнате*). Где он? Куда ушел? Куда?

ВИКТОРИЯ. Я не знаю. Может, в милицию.

КАЛОШИН. Что же делать?

ВИКТОРИЯ. Вот уж не знаю. Вы кашу заварили, вы и расхлебывайте.

КАЛОШИН. Так что же это выходит?.. Если он... да еще и в милицию...

ВИКТОРИЯ. Так вам и надо. Лично мне вас ни капли не жалко.

КАЛОШИН. А за что? Что я ему сделал?.. Почему он молчал? Почему не назвался? Разве так можно? Я ведь тоже человек — не овца какая-нибудь. Покрутись-ка здесь целый день, побегай-ка. У меня склероз, гипертония, мне до пенсии три года. Я вообще немного нервный. Я, может... (*Остановился, как бы ухватывая идею, заговорил решительно.*) Ну нет! Всякое со мной бывало, но до суда еще никогда не доходило! И не дойдет! (*Энергично, но просительным тоном.*) Дочка! Будь добра, беги-ка ты, разыщи его!.. Слышишь?

ВИКТОРИЯ. С чего ради я побегу?

КАЛОШИН. Найди его! Поговори с ним! Скажи, что кается, мол, администратор, землю, скажи, грызет, дрожит, мол, на глаза попадаться, и вообще, скажи, что-то, мол, не в себе... Ну! Не в службу, а в дружбу!

ВИКТОРИЯ. Какая это у нас с вами дружба? Бегите сами, а мне спать пора.

КАЛОШИН. Дочка! Мне позвонить надо, иди, я тебя очень прошу! Ведь я по-хорошему хочу. Я извиняться буду. Перед ним... и перед тобой! Перед тобой хоть сейчас!

ВИКТОРИЯ. А! Нужны мне ваши извинения.

КАЛОШИН. Отблагодарю, дочка... Скорей, а? Моя судьба сейчас, может, от секунды зависит! (*Хватается за телефон.*)

ВИКТОРИЯ. Ладно. Да не думайте, что ради вас. Звоните и уходите отсюда. Я спать хочу. (*Уходит.*)

КАЛОШИН (*набирает номер*). Врешь... врешь... врешь... Голыми руками меня не возьмешь! (*В трубку.*) Катя? Это Калошин... Супруг дома? На дежурстве?.. Все, Катя, потом, потом! (*Нажимает на рычаг, набирает две цифры; в трубку.*) «Скорая помощь»?.. Мне Рукосуева!.. Да, да! Бориса Петровича! (*Ждет.*) Врешь — не возьмешь... (*В трубку.*) Борис?.. Это Семен... Борис, спасай!.. Меня спасай!.. Меня!.. История... В гостинице... Нарвался... Я нарвался!.. Вези меня в больницу!.. Здоров, но мне нужна справка... Что вроде бы я... не в себе, вроде бы!.. Не в себе, говорю, понимаешь?.. Псих я, понимаешь? Припадочный я!.. Да нет же! Здоров я!.. Здоров, говорю!.. Ну как будто бы!.. Милицию, кажись, вызвали... Судом пахнет... Судом, говорю, пахнет! Понял? Выезжай сию минуту!.. Что?.. Машины нету?.. А скоро?.. Скорей, Борис, скорей!.. Горю!.. Гибну!.. Век буду благодарить. Жду!.. В гостинице... второй этаж... двести десятый... Борис! Борис! Погоди... Что такое метранпаж? Метранпаж!.. Не знаешь? Что? В постель?.. Понятно... Борис!.. Борис! Погоди! (*Понизил голос.*) Может, мне пока здесь... это самое... попсиховать?.. Ну это... пошуметь, побуянить?.. Не очень? Так... Значит, не очень?.. Понимаю... Ну я тут так — потихому... В постель?.. Ясно... Скорей! Давай скорей! (*Бросил трубку, вытер пот со лба.*) Врешь! (*Набрал номер; в трубку.*) Регистратура?.. Не выяснили?.. Это я уже слышал! Я вас спрашиваю, какую должность занимает?.. Бросайте все! Выясняйте немедленно!.. Там жена моя не подходила?.. Когда подойдет, скажете ей — пусть едет домой... Да, без меня... Задержался по важному делу... Да, может не ждать... Не ждать... Не ждать!.. Когда узнаете, что такое метранпаж, позвоните в двести десятый номер... Пост! Пост какой занимает? Да чтоб в

точности! (*Бросил трубку.*) Врешь... Кто бы ты ни оказался, все равно, брат, Калошина голыми руками ты лучше не бери. Калошин хоть и не метранпаж, но тоже и не водовоз какой-нибудь... (*Снимает с себя пиджак, галстук, башмаки, ложится на кровать и забирается под одеяло. Поднимается, разбрасывает снятую одежду по номеру, чуть подумав, расстегивает ворот, выпускает рубаху поверх штанов.*) Такую вам, уважаемые, видимость устрою, такое вам покажу представление, что и не возгордитесь и не возрадуетесь! (*Снова ложится. Но тут же садится на постели и внимательно рассматривает номер: что бы такое еще придумать. Достает очки, надевает их; берет с тумбочки книгу и, раскрыв ее, ложится.*)

Появляется Виктория.

ВИКТОРИЯ (*на пороге*). Его нигде не... не... (*Полагая, что она попала не в ту комнату.*) Извините! (*Выскочила и закрыла дверь.*)

КАЛОШИН. Не нашла... Ну ничего, товарищ метранпаж! Теперь неизвестно еще, кто у кого будет прощения просить...

Виктория снова, на этот раз осторожно, открывает дверь.

(*Спокойно.*) Вам кого?

Виктория в полном недоумении снова закрывает дверь.

(*С удовлетворением.*) Не узнает.

Виктория входит в третий раз.

Вы ко мне?.. Ну так проходите.

ВИКТОРИЯ. Что это?

КАЛОШИН. Вы проходите, не стесняйтесь.

ВИКТОРИЯ. Что это значит?

КАЛОШИН. Вы о чем?

ВИКТОРИЯ. Что вы делаете?

КАЛОШИН. Я?.. Лежу, как видите.

ВИКТОРИЯ. Да, но... Что это значит?

КАЛОШИН. Ничего. Лежу, и все... Решил немного от-

дохнуть, полежать, почитать книжечку. Что ж тут удивительного.

ВИКТОРИЯ. Но это... это... Очень даже странно!

КАЛОШИН. Об чем разговор, не понимаю.

ВИКТОРИЯ. Это же просто... просто... я даже не знаю...

КАЛОШИН. А что такое? Что вас волнует, не понимаю. Если вы насчет того, что я ваше место занял, то так и скажите. Я подвинуться могу.

ВИКТОРИЯ. Что?

КАЛОШИН. Могу подвинуться. Пожалуйста.

ВИКТОРИЯ. Да вы что, в самом деле?.. Вы хулиганите или вы рехнулись?

КАЛОШИН. Нет, зачем же? Я невелик барин, не метранпаж какой-нибудь, могу и подвинуться. (*Подвинулся.*)

ВИКТОРИЯ (*негромко*). Сошел с ума... (*Громче.*) Что с вами?.. Как вы себя чувствуете?

КАЛОШИН. Спасибо, хорошо. Самочувствие отличное, перехожу на прием.

ВИКТОРИЯ (*негромко*). Рехнулся! (*Громче.*) Я вызову врача, хорошо?

КАЛОШИН. Замечательно.

ВИКТОРИЯ (*подходит к телефону, стоит спиной к Калошину. Набрала номер, негромко.*) «Скорая помощь»?

Калошин сел на постель, прислушивается к разговору.

Приезжайте в гостиницу... Тут с человеком плохо... По-моему, он сошел с ума... Приезжайте!.. Номер двести десятый... Чего нет?.. Машины?.. Скоро будет?.. Хорошо... (*Положила трубку.*)

Калошин улегся.

(*Оборачиваясь к Калошину, тоном, каким разговаривают с детьми.*) Ну вот. Скоро он приедет.

КАЛОШИН. Кто приедет?

ВИКТОРИЯ. Врач приедет.

КАЛОШИН. А зачем он приедет?

ВИКТОРИЯ. Зачем? (*Осторожно.*) Да так просто. В гости.

10—510

КАЛОШИН. В гости?.. Ну что ж, пусть приезжает. А я пока почитаю, не возражаете? (*Раскрывает книгу, читает вслух.*) «С утра покинув приозерный луг, летели гуси дикие на юг...»

Раздается стук, и тут же дверь открывается. Появляется Марина — жена Калошина.
Марине чуть за тридцать, она довольно привлекательная, но грубоватая и чрезмерно крашенная женщина. На ней плащ, яркие чулки, модные туфли. На голове кружевная наколка, которую официантки носят во время работы. При ее появлении Калошин приподнимается, но тут же ложится снова. Пауза, во время которой никто из присутствующих не знает, как следует себя вести и что следует сказать.

(*Не найдя ничего лучшего, продолжает читать стихи.*) «А позади за ниткою гусиной спешил на юг... э-э... косяк перепелиный...»

МАРИНА. Это как же понимать?

КАЛОШИН. Э... что?

МАРИНА. Как это понимать?

КАЛОШИН (*неуверенно*). Я думаю, так надо понимать, что дело к осени...

МАРИНА. Чем же вы это здесь занимаетесь, а? (*Кричит.*) Чем занимаетесь, я спрашиваю! Отвечайте, бесстыдники!

ВИКТОРИЯ. Подождите...

МАРИНА (*перебивает*). Это как же называется?

ВИКТОРИЯ. Да подождите вы кричать...

МАРИНА (*Калошину*). Как это называется? Это важное дело называется? Важное дело?

КАЛОШИН. Да... дело серьезное.

МАРИНА. Серьезное?

ВИКТОРИЯ. Послушайте...

МАРИНА. Стыд-то какой — надо же!

ВИКТОРИЯ. Послушайте меня! Он же ненормальный!

МАРИНА. Что-о?

ВИКТОРИЯ. Ненормальный, говорю. Он с ума сошел.

МАРИНА. А ты и рада? Вместо того чтоб надавать ему по роже...

ВИКТОРИЯ (*перебивает*). Да не кричите вы, вам говорят! У него с головой не в порядке!

МАРИНА. А у тебя с головой в порядке? Связалась со стариком, бесстыдница!

ВИКТОРИЯ. Перестаньте! Сначала разберитесь...
МАРИНА. Молчи, вертихвостка!
ВИКТОРИЯ. Слушайте!
МАРИНА. Молчи!
ВИКТОРИЯ. Послушайте!
МАРИНА. Замолчи, негодяйка!
ВИКТОРИЯ (*вышла из себя*). Сама вы негодяйка!
МАРИНА. Мерзавка.
ВИКТОРИЯ. От мерзавки слышу!
МАРИНА. Да я тебе сейчас все космы повыдергиваю!
ВИКТОРИЯ. Раскричалась тут, испугался ее кто-то!
КАЛОШИН. Давайте, давайте, давайте...
ВИКТОРИЯ. Чего вы раскричались? Вы кто такая?
МАРИНА. Я?! Я кто такая?
ВИКТОРИЯ. Ну вы, вы! Кто вы? (*Калошину.*) Кто она? Жена, что ли?
КАЛОШИН (*мужественно*). Она?.. Не знаю... Первый раз ее вижу...

Марина ахает и замирает на некоторое время, раскрыв рот и выпучив глаза.

ВИКТОРИЯ. Вот и нечего кричать. Сначала надо разобраться, а потом...
МАРИНА (*подступая к Калошину*). Ты... ты... Да ты что, бессовестная твоя рожа? Ты что говоришь, ты соображаешь или нет?
ВИКТОРИЯ. Вот и именно, что не соображает.
МАРИНА. Кто я такая?.. Ну!
КАЛОШИН. Вы?.. Вы... э-э-э...
МАРИНА (*подступая ближе*). Кто я?
КАЛОШИН (*отодвигаясь*). Ты?.. Ты... э-э-э...
МАРИНА. Ну? (*Выхватила из его рук книгу.*) Не узнаешь?
КАЛОШИН (*струсил*). Узнаю, узнаю!.. (*Спохватился.*) Кажется... э... где-то видел, но... (*Виктории.*) Но кто такая — не припомню...
МАРИНА. Что-о? (*Замахивается на него книгой.*)
КАЛОШИН. Вспомнил, вспомнил!
МАРИНА. Ну? Кто я тебе такая? (*Снова замахивается.*) Отвечай!
КАЛОШИН. Жена, моя жена! (*Виктории.*) Она очень похожа на мою жену.

МАРИНА. Похожа?

КАЛОШИН. Как две капли воды! (*Виктории.*) Но моя жена не такая дура...

МАРИНА. Что-о?

КАЛОШИН. Нет-нет! Моя жена умная женщина...

ВИКТОРИЯ (*Марине*). Кто же вы на самом деле? Жена или нет?

МАРИНА. Говори, злодей!

КАЛОШИН (*твердо*). Это не моя жена.

ВИКТОРИЯ. Ну? Теперь вы понимаете?

МАРИНА. Да ты что, старый черт, смеешься надо мной?

КАЛОШИН. А вы не шумите. Шуметь и скандалить — это вы можете. Грубости и разные неприятные слова — это вы тоже хорошо знаете. А вот что такое метранпаж — это вам известно?

МАРИНА. Слушай, Семен! Ты это брось! Ты мне идиота не разыгрывай.

ВИКТОРИЯ. А он и не разыгрывает. Он забрался на кровать, когда меня не было в номере.

МАРИНА. Что-о?.. Да за кого вы меня принимаете?

ВИКТОРИЯ. Да говорят вам, он свихнулся! Неужели вы до сих пор не видите?

МАРИНА. Вижу, не волнуйся! Я его, паршивца, насквозь вижу! С ума он сошел, надо же! Так я вам и поверила!

ВИКТОРИЯ. Нет, с вами бесполезно. Вот приедет врач...

МАРИНА. Что, что?

ВИКТОРИЯ. Я говорю, приедет врач, тогда...

МАРИНА (*перебивает*). Ты врача вызвала?

ВИКТОРИЯ. Конечно.

МАРИНА (*Калошину, панически*). А ну поднимайся!.. Поднимайся, и чтоб духу твоего здесь не было! Вставай немедленно!

КАЛОШИН. Нет, нет! Ни в коем случае.

МАРИНА. Ты что же, подняться не можешь?

КАЛОШИН. Не могу.

МАРИНА. Стыд-то какой! До врача дошло, надо же! Нашел себе дело на старости-то лет, да еще с больным сердцем! Тьфу! Бесстыжие твои глаза.

КАЛОШИН. Я не могу...

МАРИНА. Поднимайся как хочешь! Не хватало еще, чтобы тебя видели в этой кровати! Поднимайся сию же минуту!

КАЛОШИН. Нет, нет... нельзя!.. Невозможно... Вы знаете, кто я? Я букашка, жучок я, божья коровка. Если я сейчас поднимусь — меня ветром унесет!

МАРИНА (*пытается его поднять*). Вставай, мошенник!

КАЛОШИН (*вцепился руками в кровать*). Нет, нет, нет...

МАРИНА (*Виктории*). А ну помоги!

ВИКТОРИЯ. Да не трогайте вы его.

МАРИНА. Поднимайся, Семен! Хуже будет...

КАЛОШИН. Хуже не будет.

МАРИНА. Издеваетесь?.. Мало вам всего, так вам еще меня осрамить надо? Опозорить по всему городу?.. Ну уж нет! Ничего не выйдет. Уж я-то найду на вас управу! (*Подошла к телефону, набрала номер.*) Думаете, я одна и надо мной издеваться можно?.. Ошибаетесь. (*В трубку.*) Муза?.. Это Марина... Муза, посмотри, Олег еще там?

КАЛОШИН (*привстал*). Какой Олег?

МАРИНА (*в трубку*). Да он обычно за крайним столиком сидит... Позови... (*Калошину.*) Пеняй теперь на себя.

КАЛОШИН. Кто такой Олег?

МАРИНА (*вызывающе*). Да так, один знакомый. (*В трубку.*) Олег... Это Марина... Олег, поднимись-ка в двести десятый номер... Скорей. (*Бросает трубку.*)

КАЛОШИН (*с возмущением*). Ты вызвала его сюда?

МАРИНА. Что, не нравится?

КАЛОШИН (*с большим возмущением.*) Его — сюда?

МАРИНА. Что? Я гляжу, тебе лучше стало?

КАЛОШИН (*спохватился, спокойно*). Значит, ты позвала его сюда. (*Ложится.*) Вот и хорошо... Веселее будет.

ВИКТОРИЯ. Представляю. А может, здесь без него обойдется?

МАРИНА. А это уже не твое дело. Он мой друг, понят-

но вам? Между прочим, между мужчиной и женщиной я больше обожаю дружбу. Не то что некоторые. (*Калошину.*) С этого дня он будет ходить к нам в гости, так и знай.

Стук в дверь. Калошин вздрагивает.

(*Открывает дверь.*) Заходи, Олег.

Появляется Камаев, молодой человек лет около тридцати. Он здоров, румян и неплохо одет. За норму поведения им принята некая развязная галантность. В руках у него сверток — явно бутылка.

КАМАЕВ. Всеобщий привет.

МАРИНА. Проходи, Олег... Знакомься. Это вот, с журналом, мой муж.

КАМАЕВ. Муж? Двадцать копеек!

МАРИНА. Он самый.

КАМАЕВ (*озадачен*). Ну что ж... Очень приятно... (*Поклон.*) Камаев... Преподаватель... Вы... вам нездоровится?

МАРИНА. Он немного устал.

КАМАЕВ. Ну что ж... значит, надо немного отдохнуть... (*Калошину.*) Это ваша дочь?

МАРИНА. Да нет, это хозяйка номера.

КАМАЕВ. Да? Очень приятно. (*Поклон.*) Олег... Камаев. Преподаватель.

ВИКТОРИЯ. Уже слышали.

КАМАЕВ. А почему девушка такая сердитая?

МАРИНА. А ты не понимаешь?

КАМАЕВ. Я не понимаю. Я человек веселый, я... А что, собственно, я должен понять?

МАРИНА. Представь себе, я им помешала.

КАМАЕВ. Что-что?

МАРИНА. Я им помешала.

КАМАЕВ. Им? (*Удивляется, смотрит сначала на Викторию, потом на Калошина.*) Не может этого быть...

МАРИНА. Ты что, мне не веришь?

КАМАЕВ. Нет, это серьезно?

МАРИНА. Олег, ты просто ребенок.

ВИКТОРИЯ. Может, хватит?

КАМАЕВ (*Виктории и Калошину*). Ну я вас поздравляю!

(*Калошину.*) Поднимайтесь, по этому поводу надо выпить.

МАРИНА. Представь себе, он не может подняться.

КАМАЕВ. Да?

МАРИНА. Тебе придется ему помочь.

КАМАЕВ. Не может подняться? Что ты говоришь! (*Разглядывает Викторию.*) Я тебя поздравляю...

КАЛОШИН (*негромко, но еле сдерживаясь*). Ну подождите...

МАРИНА. Что ты сказал?

КАЛОШИН. Подождите, детки, дайте только срок, будет вам и белка, будет и свисток...

КАМАЕВ. Что такое?

МАРИНА. Представь себе, он прикидывается сумасшедшим.

КАМАЕВ. Да?.. Это зачем же?

МАРИНА. Выкручивается, ясное дело.

ВИКТОРИЯ. Он не прикидывается, он сумасшедший. А вы...

МАРИНА (*перебивает*). А ты помолчи. (*Камаеву.*) Послушал бы ты, что она здесь заливала. Доказывала мне, что он лег в постель, когда ее не было в номере. Ты представляешь?

Камаев смеется.

ВИКТОРИЯ. Нет, я больше не могу... К черту! (*Садится в кресло спиной к присутствующим.*) Разбирайтесь сами.

КАЛОШИН. Подождите, детки.

МАРИНА. Вот, возьми его.

КАЛОШИН. ... дайте только срок...

МАРИНА. Ведь кто его не знает — поверить может. Псих и псих.

КАМАЕВ. Да я вижу, вы тут весело время проводите.

ВИКТОРИЯ. Что и говорить!

КАМАЕВ. Что ж. Я к вам присоединяюсь. Но поначалу надо немного выпить.

МАРИНА. Нет, сначала надо его поднять.

КАМАЕВ. Зачем? Пусть отдыхает.

МАРИНА. Нет, нет! Вот-вот сюда заявится врач.

КАМАЕВ. Ну и что!

МАРИНА. Как — что? Представляешь, какие будут разговоры, если...

КАМАЕВ. Уже понял.

МАРИНА. Ведь по всему городу пойдет, а зачем нам это надо?

КАМАЕВ. Да, это никому не надо. (*Калошину.*) Она права, придется вам подняться.

КАЛОШИН. Подождите, детки...

КАМАЕВ. Ждать нет никакого смысла.

КАЛОШИН. ...дайте только срок...

КАМАЕВ. Хоть вы и сумасшедший, но неплохо бы вам подумать сейчас о своей репутации.

КАЛОШИН. ...будет вам и белка, будет и свисток!

КАМАЕВ. Поторопитесь. Пока здесь все свои и инцидент пока имеет частный характер. Но как только сюда войдет кто-нибудь посторонний... Подумайте, как вы будете выглядеть в общественном мнении.

МАРИНА. Ладно, хватит с ним разговаривать. Бери его и поднимай.

КАЛОШИН (*вцепился в кровать*). Нет, нет!.. Не трогайте меня... Я букашка, я мошка, но я... я ужалить могу! Лучше не трогайте.

МАРИНА (*Камаеву*). Бери его за шиворот, и никаких.

КАМАЕВ. Ну зачем же так? (*Калошину*). Мы и сами в состоянии, мы люди интеллигентные, не правда ли?

КАЛОШИН. Мы мошки, мы букашки...

КАМАЕВ. Перестаньте. Вы человек цивилизованный и не хуже меня знаете, что значит моральное разложение. Поднимайтесь.

МАРИНА. Олег, ты провозишься.

КАМАЕВ. Прошу вас. Не принуждайте меня к физическому воздействию. Я человек воспитанный, но...

КАЛОШИН (*вдруг садится на постели, с тихой яростью*). Если ты человек воспитанный... (*громче и выше тоном*) если ты человек цивилизованный... (*пронзительным голосом и потрясая в воздухе кулаками*) если ты человек интеллигентный!.. то-

гда (*остановился, опустил кулаки, потом — с просьбой, отчаянной, но одновременно и смиренной*), тогда скажи мне, что такое метранпаж?

Небольшая пауза.

ВИКТОРИЯ (*поднимается*). Нет, я больше не могу. (*Камаеву.*) Отвечайте, если знаете. На этом он и помешался.

КАМАЕВ. На чем?

ВИКТОРИЯ. На метранпаже.

КАМАЕВ. Это как же?

ВИКТОРИЯ. А вот так. Ко мне в номер зашел человек, а он его отсюда вытолкал.

КАМАЕВ. Так...

ВИКТОРИЯ. А потом спохватился. Вытолкал, а кого вытолкал — неизвестно.

КАМАЕВ. Так...

ВИКТОРИЯ. Кто такой? Позвонил в регистратуру, а там ему и говорят: метранпаж. А кто такой метранпаж — никто не знает.

КАМАЕВ. Так, так...

ВИКТОРИЯ. Кто такой, откуда? Может, это шишка какая-нибудь? Тут уж он по-настоящему сдрейфил. Куда ни позвонит — никто не знает. Сказали — из газеты, а в точности неизвестно. Тут он и вовсе.

КАМАЕВ. Так...

ВИКТОРИЯ. Ну и вот. И тронулся. С перепугу...

МАРИНА. Врет она.

КАМАЕВ (*Марине*). Подожди. (*Виктории.*) Значит, никто не знает, кто такой метранпаж?

ВИКТОРИЯ. В том-то и дело! Если знаете — объясните ему! Вдруг это ему поможет.

КАМАЕВ (*забавляется*). Навряд ли. Боюсь, как бы ему не стало хуже...

Калошин, до сих пор жадно прислушивающийся к разговору, теперь не может скрыть своего волнения и испуга.

Оскорбить метранпажа, знаете...

ВИКТОРИЯ (*с нетерпением*). Да кто он такой?

КАМАЕВ. Н-да... (*Калошину.*) Вы его не били?

КАЛОШИН (*вне игры*). Нет! Нет!

КАМАЕВ. Признавайтесь честно, здесь все свои. Было рукоприкладство?

КАЛОШИН. Н-ничего такого! Клянусь!

ВИКТОРИЯ. Он его вытолкал.

КАМАЕВ. Вытолкал?.. Это нехорошо... А не выражались?

КАЛОШИН. Как?

КАМАЕВ. Употребляли нецензурные выражения?.. Не матерились?

КАЛОШИН. Ни разу!

ВИКТОРИЯ. Он назвал его донжуаном.

КАМАЕВ. Метранпажа — донжуаном?.. Н-да, это уже... Это совсем нехорошо.

ВИКТОРИЯ. Да кто же такой метранпаж?

МАРИНА. Кто?

ВИКТОРИЯ. Знаете вы или нет?

КАЛОШИН (*дрожит*). Что такое метранпаж?

КАМАЕВ. Я вижу, к вам вернулся рассудок. Тем хуже для вас. В вашем положении лучше оставаться сумасшедшим.

КАЛОШИН (*тяжело дышит*). Что такое метранпаж?

КАМАЕВ. Метранпаж — это... это... Да, дорогой мой, плохи ваши дела.

ВИКТОРИЯ. Да не тяните вы!

КАМАЕВ. Метранпаж — это, друзья мои, не что иное, как человек из министерства. Большой человек...

Небольшая пауза.

Да, друзья мои, это так, ничего не поделаешь..

Стук в дверь. Калошин вздрагивает и опускается на постель. Стук в дверь повторяется. Марина осторожно приоткрывает дверь и выглядывает в коридор.

МАРИНА. Борис?.. Это ты? (*Открывает дверь.*)

Появляется Рукосуев, человек одного с Калошиным возраста. Он в белом халате, в очках, в руках у него белый ящичек.

Нам повезло. Это Борис, его старый друг.

КАМАЕВ. Камаев... Преподаватель.

РУКОСУЕВ (*проходит*). Ну? Где наш больной? В постели? (*Чуть насмешливо.*) Стало быть, дело серьезное... (*Садится на постель.*) Семен, ты что это, голубчик? (*Калошин лежит неподвижно.*) Что с тобой стряслось?

МАРИНА. Да ты не волнуйся, он больше притворяется.

РУКОСУЕВ (*изображая удивление*). Притворяется?.. Для чего же притворяться?

МАРИНА. Да вот. Натворил здесь делов, вот и крутится теперь.

РУКОСУЕВ. Семен... Семен!..

Марина трясет Калошина. Он стонет.

МАРИНА. Ты что, оглох?

РУКОСУЕВ. Семен!

МАРИНА. Хватит придуряться.

РУКОСУЕВ (*чуть посмеивается*). Семен, это уже лишнее.

МАРИНА. Хватит, говорю, придуриваться. Это же Борис, ты что, не видишь?.. Оглох он, что ли?

РУКОСУЕВ. Семен... Это ты, брат, уже через край...

КАМАЕВ. Ну артист...

ВИКТОРИЯ. Поднимайтесь, хватит вам паясничать.

РУКОСУЕВ. Семен... (*Берет руку Калошина, слушает пульс.*) Что с тобой?

МАРИНА. Отвечай, шут гороховый!

РУКОСУЕВ (*вдруг серьезно, с тревогой*). Подождите!

МАРИНА. Надо же, до чего обнахалился...

РУКОСУЕВ (*строго*). Тихо! (*Пауза.*) Ему плохо!

МАРИНА. Что?

РУКОСУЕВ. Он без сознания.

КАМАЕВ. Вы серьезно?

РУКОСУЕВ. Никаких шуток. (*Достает из ящичка шприц и прочее.*)

МАРИНА. Как же так?

РУКОСУЕВ. Тише! (*Измеряет Калошину давление.*) У него сердечный приступ.

МАРИНА. Ну вот... Доигрался...

Рукосуев делает Калошину укол. Все молчат. Рукосуев снова прослушивает у Калошина пульс и сердце.

ВИКТОРИЯ. Ну что?
МАРИНА. Как он?
РУКОСУЕВ. Тише... Он... Да, он умирает.
МАРИНА (*громко*). Умирает?

Калошин стонет.

Семен!
КАЛОШИН (*вдруг*). Что ты сказал?.. Борис? Это ты? Это ты сказал?
МАРИНА. Семен!
КАЛОШИН. Я слышал... Она сказала, что я помираю... Это правда?
РУКОСУЕВ. Спокойно, Семен. Ничего не говори.
КАЛОШИН. Нет, это правда... Я и сам чувствую, что помираю...
МАРИНА (*плаксиво*). Семен, дорогой!
КАЛОШИН. Не притворяйся, Марина... Всю жизнь притворялась, хватит.
РУКОСУЕВ. Семен! Тебе нельзя разговаривать.
КАЛОШИН. Борис, не обманывай... Мне конец... Ты сам сказал...
МАРИНА. Семен, не надо! Я не хочу...
КАЛОШИН. Врешь.
МАРИНА. Семен...
КАЛОШИН. Все шесть лет...
МАРИНА. Молчи, Семен.
КАЛОШИН. Ты ждала этого часа.
МАРИНА. Тебе нельзя разговаривать...
КАЛОШИН. Вот и радуйся.
РУКОСУЕВ. Тише, Семен, тише.
КАМАЕВ. Доктор, я полагаю, посторонним здесь делать нечего...
КАЛОШИН. Он еще здесь? (*Приподнял голову.*) Ты еще здесь?
КАМАЕВ. Вы мне?
КАЛОШИН. Вон отсюда, сутенер.
РУКОСУЕВ. Спокойнее, прошу тебя!
КАЛОШИН. Вон отсюда!
МАРИНА. Семен...
КАЛОШИН. И ты, змея... вон отсюда!

РУКОСУЕВ. Тише, тише!
КАЛОШИН (*Марине и Камаеву*). Вон отсюда!.. Я желаю помереть среди порядочных людей!

Камаев выходит.

МАРИНА. Семен...
КАЛОШИН. Вон!
РУКОСУЕВ (*выводит Марину*). Выйди, выйди. Так будет лучше. (*Закрывает дверь.*) Семен, я запрещаю тебе разговаривать.
КАЛОШИН. Ничего... Я так долго молчал...
РУКОСУЕВ. Тебе нельзя волноваться. Успокойся. (*Прослушивает у Калошина пульс.*)

Раздается стук. Виктория подходит к двери.

КАЛОШИН. Кто это?
РУКОСУЕВ. Не открывайте.
КАЛОШИН. Может, это метранпаж?
РУКОСУЕВ. Никому не открывать.
КАЛОШИН. Почему? Пусть он заходит... Метранпаж так метранпаж. Все равно... Плевать я на него хотел... Приехал тоже... Как он приехал, так порядочные люди не приезжают. Так воры приезжают и аферисты.

Стук повторяется.

Откройте... Я ему скажу кое-что... на прощанье. Пусть знает.
РУКОСУЕВ. Успокойся, Семен.
КАЛОШИН. Хоть он и метранпаж, а помирать-то и ему придется.
ВИКТОРИЯ (*у дверей*). Это не метранпаж, это ваша жена.
КАЛОШИН. Ее не пускайте. Житья мне не давала, так пусть хоть даст помереть по-человечески.

Звонит телефон.

ВИКТОРИЯ (*подходит, берет трубку*). Да, двести десятый... Семена Николаевича?
РУКОСУЕВ. Никаких разговоров. Положите трубку.

ВИКТОРИЯ (*по телефону*). Он... он занят... Что передать?.. Метранпаж?.. Откуда?.. Из типографии?.. Что?.. Наборщик?.. Это точно?.. Хорошо, я передам... (*Положила трубку.*) Метранпаж — это из типографии.

КАЛОШИН. Из типографии?

ВИКТОРИЯ. Наборщик.

КАЛОШИН. Наборщик? (*Небольшая пауза. Затем начинает смеяться, но тут же стонет.*) Наборщик! (*Смеется и стонет.*) Мышь типографская... Тля!.. Букашка!.. А ведь как напугал... До смерти напугал...

РУКОСУЕВ. Перестань, Семен! Тебе нельзя шевелиться.

КАЛОШИН. Ну не идиот ли я?.. Слова перепугался, звука... скрипа тележного... Стыд... Позор...

РУКОСУЕВ. Помолчи, я тебя прошу.

КАЛОШИН. Да так, видно, мне и надо... Как был невежа, так невежей и помираю...

РУКОСУЕВ. Лежи спокойно... (*Делает Калошину укол.*) Воды!

Виктория подает стакан с водой.

КАЛОШИН. Зачем?.. Помираю я, Борис, чего уж тут... Сердце... Чувствую, как оно останавливается...

РУКОСУЕВ (*подает Калошину лекарство*). Выпей.

КАЛОШИН. Напрасно это... Все напрасно...

РУКОСУЕВ. Пей, Семен.

КАЛОШИН. Нет, Борис. Видно, от судьбы не уйдешь.

Небольшая пауза. Стакан с водой Рукосуев поставил на тумбочку.

Давно, когда я еще баней заведовал, сказал мне один грамотный человек. С вашим характером вы, говорит, далеко пойти можете, но, говорит, учтите, погубит вас ваше невежество. Так оно и вышло... Хотел я от судьбы уйти: следы заметал, вертелся, петли делал, с места на место перескакивал. Сколько я профессий переменил? Кем я только не управлял, чем не заведовал?.. И складом, и баней, и загсом, и рестораном. И по

профсоюзу, бывало, и по сапожному делу, и по снабжению, и по спортивному сектору — в каких только сферах я не вращался? С кем только дела не имел? И с туристами, и с инвалидами, и со шпаной, бывало. Большим начальником, правда, никогда не был, но все же... Одно время был я даже директором кинотеатра... И везде, бывало, что-нибудь да получится. То инвентаря, бывало, не хватит, то образования... Всякое со мной случалось, но ничего, везло мне все же. Хлебнешь, бывало, а потом, глядишь, снова выплыл... Судьба только меня и остановила. Сколько ни прыгал, а досталась мне в конце концов эта самая гостиница. И метранпаж в результате... (*Чуть передохнул.*) Начальства я, Боря, всегда боялся... Ничего на свете не боялся, кроме начальства. Больше скажу: я так его боялся, что когда сделался начальником, я самого себя стал бояться. Сижу, бывало, в своем кабинете и думаю — я это или не я. Думаю — как бы мне самого себя, чего доброго, под суд не отдать... После привык, конечно, но все равно. По сути дела, так всю жизнь и прожил в нервном напряжении. Дома, бывало, еще ничего, а придешь на работу — и начинается. С одним одно из себя изображаешь, с прочими — другое, и все думаешь, как бы себя не принизить. И не превысить. Принизить нельзя, а превысить и того хуже... День и ночь, бывало, об этом думаешь. Откровенно, Борис, тебе скажу, сейчас вот только и дышу спокойно... Перед самой смертью.

РУКОСУЕВ. Да подожди ты, Семен...

КАЛОШИН. Нет, Борис, моя песенка спета... Кончено...

Снова стучат. Виктория снова подходит к двери.

Увидишь жену мою... первую жену, Клаву... Дочь мою увидишь — передай им, что помирал, мол, о них думал...

Виктория приоткрыла дверь и шепчет что-то, очевидно, Марине.

РУКОСУЕВ. Закройте дверь.

КАЛОШИН. Эх, Борис! Только и было жизни, что в молодости... Помнишь, на реке работали?.. Буксир был «Григорий Котовский», помнишь?.. А «Лейтенант Шмидт»? (*Плачет.*) Помнишь...

РУКОСУЕВ. Помню, помню. Ты только не волнуйся.

КАЛОШИН. А «Иван Тургенев»? (*Плачет.*) Эх, Борис... Пропала моя жизнь... пропала... А кто виноват?.. Метранпаж виноват?

Стук в дверь.

Жена новая виновата?

РУКОСУЕВ. Никто не виноват, лежи спокойно. (*Пытается завладеть рукой Калошина.*)

КАЛОШИН (*убирает руку*). Нет, Борис. Сам я виноват... Сам во всем виноват.

Снова стук в дверь.

ВИКТОРИЯ (*у двери*). Жена ваша просится.

КАЛОШИН. Впустите ее.

РУКОСУЕВ. Нет, нет.

КАЛОШИН. Пусть войдет... Что она мне сделала? Ведь я знал, все знал... Только вид делал, что не знаю... А ей что? Она молодая, красивая, ей жить хочется. Ведь она меня в два раза моложе, я ей, можно сказать, жизнь испортил... Пусть войдет, проститься нам надо.

Виктория впускает Марину.

МАРИНА. Семен!.. Как он!.. Семен, как ты?

КАЛОШИН. Марина, бог с тобой, прощаю я тебя... И ты меня прости. И не поминай лихом... Похорони меня и выходи замуж... Ничего. Выходи, пока не поздно...

МАРИНА (*удивилась и растрогалась*). Семен! Да что же это ты?

КАЛОШИН. Да вот за него и выходи, за этого... Если он тебе нравится.

Марина заплакала.

Да пусть он войдет.

МАРИНА (*плача, открывает дверь*). Олег!.. Иди сюда, Олег...

Камаев появляется в дверях.

КАЛОШИН. Войди!

Камаев входит, останавливается рядом с Мариной.

Ну что, Борис?.. Погляди на них...

МАРИНА (*в голос*). Семе-ен!.. Век тебя не забудем...

КАЛОШИН. Ну и бог с вами... Живите.

КАМАЕВ (*ошеломлен*). Что?

КАЛОШИН. Женитесь, говорю... Разве ты не хочешь?

КАМАЕВ. Я... Нет, я... Признаться, я об этом не думал.

МАРИНА (*перестала плакать*). Как — не думал?.. Ты всегда говорил...

КАМАЕВ. Разве я говорил?

МАРИНА. Ну как же, Олег...

КАМАЕВ. Значит, говорил. Но еще не думал.

МАРИНА. Да ты что, Олег? Выходит, ты меня обманывал?

КАМАЕВ (*пришел в себя*). Совсем нет, но... Нельзя же так. Человек умирает, а мы про женитьбу... Нехорошо.

КАЛОШИН. Ничего... Дачу отдадите Клаве, а квартиру себе берите. Да живите дружно. За деньгами не гоняйтесь, за чинами тоже... Главное, чтобы совесть была чиста...

РУКОСУЕВ. Подожди, Семен... (*Пытается взять руку Калошина, чтобы прослушать пульс.*)

КАЛОШИН (*убрал руку*). Хватит, Борис... Мое дело ясное... Мне конец... Сердце... Вот-вот разорвется... (*Камаеву.*) А метранпаж — это не из министерства, запомните... Это из типографии, наборщик...

КАМАЕВ. Что вы говорите?

КАЛОШИН. Учиться надо, молодой человек...

Рукосуев наконец завладел рукой Калошина, прослушивает пульс.

Если бы я мог прожить еще одну жизнь... Разве бы я так ее прожил?

РУКОСУЕВ. Подожди-ка...

КАЛОШИН. Марина... Плиту мне положите... Небольшую... она недорого стоит.

Марина снова заплакала.

На плите напишите...

РУКОСУЕВ. Подожди-ка... Ничего не понимаю...

КАЛОШИН. Хотя... Не надо ничего писать. Только фамилие, имя, отчество, год рождения и...

РУКОСУЕВ (*возбужденно*). Семен! Ты... У тебя... Ну конечно! У тебя приличный пульс... У тебя вполне приличный пульс!.. Минутку! Посмотрим давление... (*Измеряет Калошину давление.*)

Небольшая пауза.

Семен! Тебе лучше.

КАЛОШИН. То есть как?

РУКОСУЕВ. Так! Считай, ты выкарабкался.

КАМАЕВ (*Рукосуеву*). Серьезно?

РУКОСУЕВ. Какие могут быть шутки? Он будет жить.

МАРИНА. Семен...

КАЛОШИН. Жить?.. (*Садится на постели.*) Но... но как же так?

РУКОСУЕВ. Будешь жить, Семен... Ты что, недоволен?

КАЛОШИН. Но как же?.. Что же это получается?

КАМАЕВ. А что вас смущает? Живите на здоровье. Вам крупно повезло.

МАРИНА. Живи, Семен, к-конечно...

КАЛОШИН. Но что же я теперь... как?

КАМАЕВ. А в чем, собственно, дело? Если вас смущает ваше завещание, так вы... вы не стесняйтесь. Пусть все будет по-старому. У меня, например, никаких претензий.

МАРИНА. Вот как?

КАМАЕВ, Да. (*Калошину.*) Откровенно говоря, мне даже так больше нравится.

МАРИНА. Но ты... ты всегда говорил...

КАМАЕВ. Что я говорил? Послушай, что за навязчивая идея? Даже неловко, честное слово. Человек жить остался, радоваться надо, а ты что? Нет, я этого не понимаю.

ВИКТОРИЯ. Я не могу...

МАРИНА (*Камаеву*). А я тебя, кажется, поняла.

РУКОСУЕВ. Семен, что с тобой?.. Ты что, не рад:

МАРИНА. Так вот нет же! Не бывать по-старому!.. Семен! Прости меня! (*Приближается к Калошину.*) Прости, Семен... Я... Если бы... Я останусь с тобой! А он... этот... Я знать его не хочу!

КАМАЕВ. И слава богу.

МАРИНА. Семен! Прости...

РУКОСУЕВ (*Калошину*). Да очнись ты!

МАРИНА. Семен! Посмотри на меня! Скажи что-нибудь...

Стук в дверь.

ВИКТОРИЯ. Кто там еще?.. Я не могу...

Стук повторяется.

Войдите.

Появляется Потапов. Он сильно возбужден.

ПОТАПОВ. Можете меня поздравить. Они выиграли... А что тут у вас происходит?.. Здесь в коридоре вся гостиница собралась...

КАЛОШИН. Вся гостиница?.. (*Энергично.*) К черту гостиницу! Я начинаю новую жизнь. Завтра же ухожу на кинохронику.

ВИКТОРИЯ. Нет, я больше не могу!

Занавес

АНЕКДОТ ВТОРОЙ

ДВАДЦАТЬ МИНУТ С АНГЕЛОМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ХОМУТОВ — агроном
АНЧУГИН — шофер } командированые из города Лопацка.
УГАРОВ — экспедитор }
БАЗИЛЬСКИЙ — скрипач, прибывший на гастроли.
СТУПАК — инженер } молодожены.
ФАИНА - студентка }
ВАСЮТА — коридорная гостиницы «Тайга».

Двухместный номер той же гостиницы. В комнате беспорядок, на столе пустые бутылки. Шторы закрыты, комнату освещает дешевая люстра. Из соседних номеров доносятся звуки: пассажи, исполняемые на скрипке, и время от времени женский смех.

На одной из постелей сидит Угаров. Он только что проснулся и теперь сидит понуря голову. Его гнетет похмелье. Он поднимается, шарит в тумбочках и под столом. Он уже одет, но на ногах у него один ботинок. Угарову лет тридцать с лишним, он проворен, суетлив, не лишен оптимизма, который сейчас, правда, ему трудно проявить.

Он осматривает бутылки. Видно, что они пусты. С отвращением пьет воду из графина. Напился. Отдышался. Шарит по карманам. В карманах ни гроша, это становится понятным. Идет по комнате, открыл шторы.

За окном, оказывается, белый день.

УГАРОВ (*громко*). Подъем!

Анчугин просыпается, приподнимает голову, тупо смотрит на Угарова. Анчугин угрюм, медлителен, тяжеловат на подъем. Энергия дремлет в нем до поры до времени.

УГАРОВ. С добрым утром!

АНЧУГИН (*сообразив, где он и что с ним, собственно, происходит*). Выпить. (*Протянул руку в сторону стола.*)

УГАРОВ. Выпить?.. Сколько хочешь. (*Подает Анчугину графин с водой.*)

АНЧУГИН (*отстранил руку Угарова с графином*). Выпить.

УГАРОВ. Не хочешь? А чего ты хочешь? (*С горькой усмешкой.*) Водки, пива или, может, коньяку?

АНЧУГИН. Водки.
УГАРОВ (*помолчал*). Так. Водку, значит, предпочитаешь.
АНЧУГИН. Нету? Ничего?.. (*Поднимается, осматривает пустые бутылки.*) А деньги есть?
УГАРОВ (*бросает Анчугину его пиджак*). Обследуй.
АНЧУГИН (*шарит по карманам, трясет пиджак*). Тишина... А у тебя?
УГАРОВ. Ни копейки... Слушай, а где мой ботинок? Ты не знаешь? (*Ходит по комнате, ищет ботинок.*) Где он делся? Ты его не видел?

Молчание.

А есть у нас в этом городе знакомые?
АНЧУГИН. У меня — никого.
УГАРОВ. И у меня. Я здесь в первый раз. (*Маленькая пауза.*) Надо соображать. Хотя бы три рубля.
АНЧУГИН. Три шестьдесят две.
УГАРОВ. А закусь?
АНЧУГИН (*помолчав*). А где их взять?
УГАРОВ. На заводе?
АНЧУГИН. Правильно, на заводе. А то где?
УГАРОВ (*рассуждает*). Нежелательно... Первый раз. Служебные отношения, сам понимаешь...
АНЧУГИН. Звони.
УГАРОВ. Вот положение... Ну ладно. (*Придвинул к себе телефон. Колеблется.*) Нарушаю этикет.
АНЧУГИН. Хрен с ним, с этикетом.
УГАРОВ. Нежелательно... У нас ведь как? Экспедитор дает, а экспедитору никто ничего не дает — закон... Ну ладно. (*Набирает номер.*) Молчит... (*Достает записную книжку.*)
АНЧУГИН (*поставил бутылки рядом*). Тридцать шесть копеек.
УГАРОВ. Полста семь — пятнадцать, начальник сбыта. Строгая женщина... (*Набирает номер.*) Не отвечает.
АНЧУГИН. Тридцать шесть, а бутылка пива — тридцать семь. Не получается.
УГАРОВ. Полста семь — тридцать четыре, проходная.

(*Набирает номер.*) Фарфоровый?.. Почему у вас контора не отвечает? Серьезно?.. (*Положил трубку.*) Вот, Федор Григорьевич, сегодня воскресенье... выходной.

Молчание, а за стеной — скрипка.

АНЧУГИН. Да... Оригинальный случай...
УГАРОВ. Слушай! Где же мой ботинок? Украли его, что ли?

За стеной скрипка активизируется.

АНЧУГИН. А этому (*жест головой в сторону стены*) горя мало. Пилит и пилит.
УГАРОВ. А что ему делать? Артист. Обеспеченный человек.
АНЧУГИН. Надоел.

Женский смех.

Вот еще тоже. Кобыла.
УГАРОВ. А тут парочка поселилась. Молодые. Веселые... И водки им не надо. (*С надеждой.*) Федор Григорьевич! А кто пил с нами вчера?
АНЧУГИН. Не помню. (*Пауза.*) Беда... Отправили меня с тобой, на мою голову. Я три месяца не пил, а ты, змей, за три дня всего меня испортил.
УГАРОВ. Да ладно, Федор Григорьевич, этим ты себе не поможешь. Где денег-то взять?
АНЧУГИН. Где их возьмешь?
УГАРОВ. Занять.
АНЧУГИН. У кого?
УГАРОВ. В том-то и вопрос. Думать надо. Соображать.
АНЧУГИН. Не могу я думать, у меня голова болит.

Молчание. Слышна скрипка.

(*Вдруг вскакивает.*) Замолчит он или нет? (*Хотел ударить кулаком по стене, но Угаров его удержал.*)
УГАРОВ. Спокойно, Федор Григорьевич, так ты себе тоже не поможешь.
АНЧУГИН. Душу он мне выматывает.

УГАРОВ. У него работа такая, зачем шуметь. Наоборот, артистов уважать надо. Они большие деньги заколачивают. (*Изображает игру на скрипке.*) Туда провел — рубль, обратно — опять же рубль. (*Неожиданно.*) Даст он нам трояк или нет?

АНЧУГИН. Он?

УГАРОВ. А что тут такого? Так, мол, и так, не одолжите ли до завтра. Сегодня даем телеграмму — завтра получаем. А?.. Давай, Федор Григорьевич.

АНЧУГИН. А почему я? Почему, к примеру, не ты?

УГАРОВ. Ну, Федор Григорьевич. Я же твой начальник как-никак.

АНЧУГИН. Какой ты начальник. (*Помолчал.*) Не пойду.

УГАРОВ. Федор Григорьевич! Ты посмотри на меня. Куда же я пойду? Я же без ботинка!.. Ведь в таком виде нельзя появляться в обществе. Неприлично...

АНЧУГИН. Не пойду.

УГАРОВ. Ладно. Ты иди к молодоженам, а музыканта я беру на себя, так уж и быть... Ну?.. Они сюда на машине прикатили — богатые, вдвоем опять же — добрые. Ты постучись, извинись, как полагается, поздоровайся. Мужа вызови в коридор...

АНЧУГИН. А кто он такой?

УГАРОВ. Он? Да вроде бы инженер. Вызови его в коридор... Хотя — нет, не вызывай, проси при женщине, при женщине лучше...

АНЧУГИН. Учи ученого. (*Поднимается.*) Хрен с ним, к инженеру — попробую. (*Уходит.*)

УГАРОВ (*набирает номер телефона*). Товарищ скрипач?.. (*Этак непринужденно.*) Доброе утро... Ну и как? Как вам спалось?.. (*Сбавил тон.*) Виноват... Соседи ваши... Мы в основном, видите ли, по промышленности... Да нет, по номеру соседи, по гостинице... Да, да... Вот вы играете, а мы с другом слушаем и буквально наслаждаемся. Что?.. Вчера-то?.. Да, да. Было, было! (*Хихикает.*) Не говорите... (*Оправдывается.*) Это гости, знаете ли, гости... Они, все они... Люди, сами понимаете, простые, бесхитростные, чуть что — петь, плясать... Я с вами согласен. Совершенно вер-

но... Приму к сведению... В чем дело?.. Дело, знаете ли, щекотливое, вопрос, можно сказать, обоюдоострый... Короче? Хорошо. Можно покороче... Не дадите ли вы нам взаймы — немного? Вы извините, конечно, но завтра мы получаем сумму... Что? Понятно... (*Видно, что разговор окончен. Бросил трубку.*) Жлобина!

Стук в дверь. Входит Васюта со шваброй в руках. Васюта — пожилая, усталая женщина, с резким рассерженным голосом.

ВАСЮТА (*осматривает комнату*). Убирать будем?

УГАРОВ. Можно. А можно и не убирать. Все равно.

ВАСЮТА. Который день пьете? (*Прибирает номер.*)

УГАРОВ. Который?.. Третий, Анна Васильевна. Третий, с твоего разрешения.

ВАСЮТА. В честь чего пьете? На что? На какие такие капиталы?

УГАРОВ. На свои, Анна Васильевна, на трудовые.

ВАСЮТА. Господи! Что люди с деньгами делают! Видеть этого не могу.

УГАРОВ. Это вы о чем?

ВАСЮТА. О том. Я вот, к примеру, по копейке собираю, никак внучку одеть не могу, а вы на водку — сотнями, сотнями фугуете. Зло меня берет. (*Прибирается в шифоньере.*) Это что? Господи! Срам, да и только!

УГАРОВ. Что, Анна Васильевна?

ВАСЮТА. Да где же это видано, чтобы ботинок-то в урну класть.

УГАРОВ. Что вы говорите! Как же он туда попал?

ВАСЮТА. Вот и я говорю — как?

УГАРОВ. Как?.. Самому удивительно.

ВАСЮТА. Чистый срам... (*Пауза. Убирает комнату.*) А вот пока не забыла. От администрации вам напоминание: за номер не плачено за трое суток да графин разбили третьего дня. Приготовьте денежки...

УГАРОВ. Анна Васильевна! Ты меня убиваешь.

Входит Анчугин.

Анна Васильевна, Анна Васильевна... Я понимаю...

внуки, они заботу требуют, но бывает так, что и не выпить нельзя. Вот ты, Анна Васильевна (*об Анчугине*), на него посмотри... Посмотри.

ВАСЮТА (отвлекается от уборки). Ну?.. Чего я на нем не видела?

УГАРОВ. Ведь он человек нездоровый. Больной... (*Врасплох.*) Анна Васильевна, голубушка! Спаси. Дай три рубля до завтра.

ВАСЮТА (*быстро*). Нет, нет. Не дам. (*Расстроилась.*) Ни стыда у вас, ни совести! Сотнями швыряете, а просите — у кого? Нет! Нет! И не говорите и не думайте! (*Уходит.*)

АНЧУГИН. Удавится — не даст.

Пауза.

УГАРОВ. А как соседи?

АНЧУГИН. Кто? (*Показывает.*) Они?.. Держи карман шире. Парень-то не дурак, образованный. У нас, говорит, свадебное путешествие, большие расходы, извини, говорит, друг, и закрой дверь с той стороны! Отрубил. (*Жест в сторону стены.*) А этот?

УГАРОВ. Отказал — то же самое.

АНЧУГИН. Это дело гиблое. Никто не даст. (*Сел на постель, держится за голову.*) Не могу я. Черепок раскалывается.

Женского смеха больше не слышно. Слышна скрипка. Анчугин поднимается и колотит кулаком в стенку. Угаров его удерживает.

УГАРОВ. Не скандаль, Федор Григорьевич. Что толку?

АНЧУГИН. Мозги он мне сверлит, зараза.

Быстро стучит и входит Базильский, весьма горячий человек, со смычком в руках. Ему лет около пятидесяти.

БАЗИЛЬСКИЙ. Что это значит? Зачем вы стучите в стену?

АНЧУГИН. Ваша музыка мне надоела.

БАЗИЛЬСКИЙ. О! Так я вам помешал? Извините! Я мешаю вам орать, реветь, рычать, простите великодушно.

УГАРОВ (*снисходительно*). Ну на первый раз, я думаю...

БАЗИЛЬСКИЙ. Виноват, виноват! А вчера вы даже визжали. Вот вы (*показывает на Анчугина*) именно визжали. Это-то как вам удается — не понимаю.

УГАРОВ. А вот так — получается.

БАЗИЛЬСКИЙ. А теперь еще стучать в стену? Не слишком ли это, друзья мои?

АНЧУГИН. Ваша музыка нам надоела. (*Помолчав.*) На нервы она действует.

УГАРОВ. Да, товарищ скрипач, у нас нервы не железные.

БАЗИЛЬСКИЙ. Нервы? Разве у вас есть нервы?

УГАРОВ. А то как же? У вас нервы есть, а у нас, выходит, нет?

БАЗИЛЬСКИЙ. Представьте — не подозревал. (*Ходит по комнате.*) И сию минуту, представьте, не разумею, откуда у вас нервы и зачем вам нервы. (*Останавливается.*) А если они у вас есть, какого же черта вы стучите в стену?

АНЧУГИН. Ваша музыка нам осточертела.

УГАРОВ. Здесь вам не Дворец культуры, здесь гостиница, здесь люди отдыхают, между прочим.

АНЧУГИН. Все. И больше чтоб — ни звука. Ясно?

УГАРОВ. Вот придем к вам на концерт — там играйте, пожалуйста, а тут...

БАЗИЛЬСКИЙ (*психанул*). Что? Вы — на мой концерт?.. Зачем?.. Заче-ем?

УГАРОВ. Как это — зачем? Послушать. Получить удовольствие.

БАЗИЛЬСКИЙ. Удовольствие?.. Не пугайте меня, черт подери! Не надо! (*Бегает по комнате.*) Сто лет не ходили и еще сто лет не ходите — ради бога! Вы в балаган отправляйтесь, в кабак! Туда, туда — прямиком.

УГАРОВ (*несколько озадачен*). Что вы против нас имеете?

БАЗИЛЬСКИЙ. А ко мне — нет! Ко мне — не надо! У меня не смешно! Не смешно! И никаких удовольствий! Лучше я буду играть в пустом зале! И не мешайте мне работать, черт возьми! (*Уходит стремглав.*)

Маленькая пауза.

АНЧУГИН. Заводной мужик.

УГАРОВ. Видно, народ на него не ходит — деньга не идет.

АНЧУГИН. Деньга есть — жмется.

Вновь слышна скрипка.

УГАРОВ (*осматривает бутылки*). Тридцать шесть копеек. Даем телеграмму?

АНЧУГИН. Кому?

УГАРОВ. Надо подумать. Подать в управление — протянут дня три наверняка. Жена — не поймет. Остается матери... ей...

АНЧУГИН. Мать — конечно. Мать не подведет.

УГАРОВ (пишет в записную книжку). «Лопацк. Перова, два. Угаровой. Срочно сорок. Белореченск, главпочтамт. До востребования. Целую. Виктор» (*Считает количество слов.*) Раз, два, три... По три копейки... Уложились.

АНЧУГИН (*держится за голову*). Три рубля — всего и надо-то. Я когда в геологии работал, три рубля мне было — раз плюнуть. Плюнуть и растереть. (*Презрительно.*) Три рубля! (*Помолчал.*) А ведь без них подохнуть можно.

УГАРОВ. Да не ной ты, Федор Григорьевич. Придумаем что-нибудь. В лесу мы живем, что ли? Неужели на свете нет добрых людей? Найдем. (*Поднимается, распахивает окно.*) Смотри, сколько народу. Полная улица...

АНЧУГИН (*подходит к окну*). Ну?.. Вот и попроси у них. (*Помолчал.*) Чего не просишь? Проси...

Оба смотрят в окно.

Все они добры, когда у тебя деньги есть. А когда — нет?.. Вот я тебе сейчас покажу. (*Кричит в окно.*) Люди добрые! Граждане! Минуту внимания.

УГАРОВ. Что ты? Зачем?

АНЧУГИН (*Угарову*). Гляди, что получится. (*Кричит.*)

Люди добрые! Помогите! Тяжелый случай! Безвыходное положение!

УГАРОВ. Чего ты хочешь?

АНЧУГИН (*Угарову*). Погоди. (*Кричит.*) Граждане! Кто даст взаймы сто рублей?

УГАРОВ (*смеется*). Не шути, Федор Григорьевич, милиция такие шутки не любит.

АНЧУГИН. Гляди на них. Смеются... (*Кому-то на улице.*) Ну, чего лыбишься? (*Угарову.*) Вишь, расплылся на сытый-то желудок... А другие будто и не слышат... А толстяк, гляди, даже ходу прибавил.

Угаров смеется.

Вот так. Вот они, твои люди добрые.

Оба отходят от окна.

Деньги, когда их нет, — страшное дело.

Помолчали.

УГАРОВ. Смех смехом, а где же, действительно, взять три рубля?

АНЧУГИН. Фуфайку мою толкнуть? Новая.

УГАРОВ. Или часы. Черт с ними.

АНЧУГИН. Часы теперь не в цене. Фуфайку — это вернее.

Стук в дверь.

УГАРОВ. Да! Заходите.

Входит Хомутов. Ему лет сорок. Одет он опрятно, держится скромно, даже неуверенно. Бывают мгновения, когда на него нападает внезапная задумчивость, рассеянность, невнимание к собеседнику. Но, впрочем, отвлечься от разговоров у него почти не будет возможности.

ХОМУТОВ. Добрый день.

УГАРОВ. Здравствуйте.

ХОМУТОВ. Скажите, это вы просили денег?

Молчание.

Ну вот сейчас, из окна... Вы?..

АНЧУГИН. Ну и что?

ХОМУТОВ. Так вот я... Если деньги вам необходимы, то...

УГАРОВ. Что?

АНЧУГИН. Может (*усмехнулся*), хочешь дать нам денег?

ХОМУТОВ. Да. Могу вам помочь.

Молчание.

АНЧУГИН. А по шее получить не желаешь?

ХОМУТОВ. По шее?.. За что?

АНЧУГИН. Ну так. Для смеха.

ХОМУТОВ (*улыбается*). По шее не хочу.

УГАРОВ. А что вы, собственно, хотите?

ХОМУТОВ. Хотел вам помочь. Но я вижу, что вы пошутили... Что ж. Возможно, это смешно... Извините. (*Идет к двери.*)

АНЧУГИН. Подожди. А зачем ты приходил?

ХОМУТОВ (*остановился*). Я же говорю: собрался вас выручать.

АНЧУГИН (*усмехнулся*). Хотел нам дать денег?

ХОМУТОВ. Да.

Молчание.

УГАРОВ. Вы что, шутите?.. А может, издеваетесь?

ХОМУТОВ. Да нет, выходит, вы надо мной подшутили...

УГАРОВ. Нам, знаете ли, не до шуток, мы сегодня не завтракали еще...

ХОМУТОВ (*не сразу*). Я не понимаю, вам деньги нужны или нет?

УГАРОВ (*Анчугину*). Он предлагает на троих.

ХОМУТОВ. Ничего подобного.

АНЧУГИН. Тогда не придуривайся. Говори, зачем пришел.

ХОМУТОВ. Я хотел вас выручить, но я не настаиваю. (*Идет к двери, но в это время Анчугин его окликает.*)

АНЧУГИН. Слушай, друг... (*Подошел к Хомутову.*) Слушай. Полезай ты хоть в самую свою душу, разве ты вырвешь оттуда хотя бы три рубля? Нет?.. То-то...

ХОМУТОВ. Товарищи! Вы меня удивляете и обижаете даже... (*Достает деньги.*) Вот. Держите...

УГАРОВ. То есть?

ХОМУТОВ. Держите, держите.

УГАРОВ. В каком смысле? (*Деньги берет.*)

ХОМУТОВ. Берите, берите, пользуйтесь, что вы, действительно. Надеюсь, и вы меня выручите, если придется... (*Задумчиво.*) Всем нам, смертным, бывает нелегко, и мы должны помогать друг другу. А как же иначе? Иначе нельзя... (*Маленькая пауза.*) Ну хорошо. Раз уж вы так щепетильны — вот мой адрес. (*Подошел к столу — написал адрес.*) Вот адрес. Вернете, если вы иначе не можете. Но предупреждаю, можно и не возвращать...

УГАРОВ. Как — не возвращать?

ХОМУТОВ. Так, не возвращать. Счастливо вам. До свидания. (*Уходит.*)

Молчание. Потом Угаров боязливо считает деньги.

АНЧУГИН. Сколько?

УГАРОВ. Сто! (*Бросает деньги на стол. Пауза.*) Слушай, мне это не нравится... (*Небольшая пауза.*) Тут что-то не то... У меня такое впечатление, что нас сейчас будут бить... А, Федор Григорьевич?

АНЧУГИН (*считает деньги*). Сто...

УГАРОВ. Слушай, вроде я его где-то видел. Ты не видел?.. А вчера его здесь не было?.. Нет?.. Вроде — нет...

АНЧУГИН. Погоди-ка. (*Быстро уходит.*)

УГАРОВ (*садится у стола перед деньгами*). Не было печали... (*Оглядывает комнату, быстро и как-то воровато прибирает постели, наводит в комнате порядок, деньги прикрывает газетой.*) Черт знает что... (*Размышляет. Открывает дверь, заглядывает в коридор. Потом — громко.*) Анна Васильевна!

Васюта появляется, останавливается в дверях.

Анна Васильевна, вы умная женщина, а вот скажите... Вот, допустим, приходит к вам незнакомый человек, здоровается честь по чести, разго-

варивает, потом ни с того ни с сего достает пачку ассигнаций и говорит: «Вам надо сто рублей — держите». И уходит. Может такое быть? А?

ВАСЮТА. Глупости... Чего звали? Денег не дам, не просите.

УГАРОВ. Спасибо, Анна Васильевна. Все. Вы — умная женщина. Дай вам бог здоровья, живите еще сто пятьдесят лет.

ВАСЮТА. Делать вам, пьяницам, нечего. (*Уходит.*)

Угаров прикрывает дверь, подходит к столу, снова считает деньги, просматривает их на свет. Появляется Хомутов, ведомый Анчугиным.

АНЧУГИН. Вот. (*Указывает Хомутову на деньги.*) Забирай ссуду. Ну тебя к черту.

ХОМУТОВ. Но ведь я их вам отдал, ведь это некрасиво. И потом они вам нужны, зачем же...

УГАРОВ (*перебивает*). Послушайте, вас как — совсем отпустили или так... Ненадолго?

ХОМУТОВ. Откуда отпустили?

УГАРОВ. Ну... Из дома...

ХОМУТОВ. На неделю, какое это имеет значение.

УГАРОВ. На неделю, да еще без присмотра. Непорядок.

ХОМУТОВ. Эти деньги... Как вам сказать... Словом, у меня есть деньги, а эти — они мне не нужны.

АНЧУГИН. А может, денежки вовсе и не твои, а?

ХОМУТОВ. А чьи они, по-вашему?

УГАРОВ. Я извиняюсь, но они у вас не фальшивые?

ХОМУТОВ. Да что такое, товарищи! Это же глупо, наконец. Я же от души, поймите!

АНЧУГИН. Скажи откровенно: «Лензолото» или «Мамслюда»?

ХОМУТОВ. Не понимаю.

АНЧУГИН. Откуда аванс, подъемные то есть? «Лензолото»? Или «Мамслюда»?

ХОМУТОВ. Какое «Лензолото»? Какая «Мамслюда»? Бог с вами!.

УГАРОВ. Так... А между прочим, вы в бога верите?

ХОМУТОВ. В бога?.. Нет, но...

УГАРОВ. Но?.. В секте, случайно, не состоите?

Хомутов разводит руками.

А кто вы, собственно, такой? Где работаете?

ХОМУТОВ. Я?.. Ну агроном я.

АНЧУГИН. Агроном?

ХОМУТОВ. Агроном.

АНЧУГИН. Сеем, значит, пашем.

ХОМУТОВ. Сеем, пашем.

АНЧУГИН. Колхоз, конечно, миллионер?

ХОМУТОВ. Миллионер, да...

АНЧУГИН. Рабочей силы, конечно, не хватает?

ХОМУТОВ. Рабочей силы?.. Да, не хватает. Ну и что?

АНЧУГИН. Так сразу бы и говорил. Дом, конечно, срубите, корову дадите, а?

ХОМУТОВ. Да нет же! Просто даю. Выручаю. Почему же вы мне не верите?

Маленькая пауза.

(*Вдруг.*) Скажите, у вас родители живы?

УГАРОВ. А что? Почему вы спрашиваете?

ХОМУТОВ. Да так, интересно...

АНЧУГИН. Из милиции, что ли? (*Достает документы.*) Тогда — на, смотри.

УГАРОВ. А может, из органов? А какой интерес? Мы люди маленькие — он шофер, я экспедитор. Какой интерес?

ХОМУТОВ. Ерунда. Еще раз повторяю. Просто даю... Бескорыстно... Не возьмете?

АНЧУГИН. Воздержимся.

УГАРОВ. Я чувствую, возьми я эти деньги — и на мне потом долго будут возить воду.

АНЧУГИН (*отдает Хомутову деньги*). На. Пересчитай.

ХОМУТОВ (*положил деньги в карман*). Я вижу, простое человеческое участие вам непонятно. К сожалению... Что ж. До свидания. Не поминайте лихом. (*Идет к двери.*)

АНЧУГИН (*останавливает Хомутова, положил ему руки на плечи, получается — обнял*). Послушай, друг, ну не морочь ты нам голову. Объясни хоть на прощанье, признайся. А то ведь я и спать не буду, ну в самом деле. Сто рублей просто так, за

здорово живешь — ну кто тебе поверит, сам посуди...

ХОМУТОВ (*не сразу*). Я хотел вам помочь.

АНЧУГИН. Врешь. (*Вдруг скрутил Хомутову руки.*) Полотенце.

Угаров полотенцем связывает Хомутову руки.

ХОМУТОВ (*ошеломлен*). Товарищи!.. В чем дело? Товарищи! (*Пытается освободиться.*)

АНЧУГИН. Не дергайся... Расскажи все по порядку.

ХОМУТОВ. Товарищи! Что вы делаете?..

УГАРОВ. Спокойно... спокойно...

Возня. Вторым полотенцем они привязывают его руки к спинке кровати.

Вот так... Поговорим спокойно, в деловой обстановке.

АНЧУГИН. Рассказывай.

ХОМУТОВ. Развяжите меня. Сейчас же развяжите.

АНЧУГИН. Скажи сначала, зачем приходил.

ХОМУТОВ. Я все сказал. Не понимаю, что вам от меня надо.

УГАРОВ. Это мы вас спрашиваем: что вам от нас надо?

АНЧУГИН. Откуда гроши, рассказывай. Где ты их взял?

ХОМУТОВ. Товарищи, но ведь это насилие, настоящее насилие. Развяжите меня, слышите?

АНЧУГИН (*под носом у Хомутова покрутил своим кулаком*). Если ты хлопочешь пенсию, то смотри, я могу тебе помочь.

ХОМУТОВ. За что?.. За то, что я хотел вас выручить?

АНЧУГИН (*вдруг дружески*). Ну хватит, кирюша. Хватит темнить. (*Сел рядом с Хомутовым. Доверительно.*) Слушай, ты можешь на нас надеяться.

УГАРОВ. Целиком и полностью.

АНЧУГИН. Не продадим, будь спокоен... Скажи-ка, деньжата ворованные, верно?

УГАРОВ. Ну украл, ну что особенного, подумаешь — редкость.

АНЧУГИН (*с надеждой*). Украл?

ХОМУТОВ (*обозлился*). Да! Да! Да! Украл! Это вас устраивает? Украл! Это вы понимаете!

Молчание.

АНЧУГИН (*зло*). Зачем же ты людям нервы трепал, а? Богородицу из себя выламывал, доброго человека! Приятно тебе было, а?

ХОМУТОВ (*растерянно*). Но ведь вы же сами хотели... Вы даже добивались, чтобы я сказал вам, что деньги ворованные. Что же вы нервничаете?

УГАРОВ (*с сожалением*). Не крал он, видно, что не крал. Другое... А что?

АНЧУГИН. Минутку. (*Из пиджака Хомутова достает документы, протягивает их Угарову.*) Посмотрим, что ты за птица.

УГАРОВ (*читает*). «Хомутов Геннадий Михайлович. Агроном».

АНЧУГИН. Агроном?

УГАРОВ. Агроном. И фамилия, как у агронома.

АНЧУГИН. Слушай, агроном, откуда же у тебя столько лишних денег?.. Вот мы отведем тебя в ОБХСС, пусть-ка они поинтересуются.

УГАРОВ (*не сразу*). А может, вы оттуда и есть?

АНЧУГИН. Откуда деньги? (*Подступает к Хомутову.*) Скажешь или нет?

УГАРОВ. Не надо, Федя, не надо! Хуже будет. (*Удерживает Анчугина.*)

ХОМУТОВ. Развяжите или вы за это ответите.

АНЧУГИН. Я тебе сейчас... (*Вырывается.*)

УГАРОВ. Слушай... Давай-ка его развяжем. Мало ли что? Пусть идет себе подальше.

Борьба между Угаровым и Анчугиным.

АНЧУГИН. Нет... Он мне расскажет... Разъяснит по-человечески...

УГАРОВ. А я тебе говорю... отпустим...

АНЧУГИН. А я говорю — нет.

Они таскают друг друга по комнате.

УГАРОВ. Отпустим...

АНЧУГИН. Не выйдет...
ХОМУТОВ. Прекратите, товарищи, прекратите!.. Остановитесь.

Борьба продолжается, но поскольку силы у них оказываются равными, оба устают и падают на кровать...

АНЧУГИН (*тяжело дышит, Угарову*). Фраер... Барбос...
УГАРОВ (*тяжело дышит*). Дурак ты, Федор Григорьевич...
АНЧУГИН. Молчи, паразит.
УГАРОВ. Нарываешься сам не знаешь на что... (*Поднимается и делает попытку развязать Хомутова.*)

Анчугин бросается на Угарова. И снова они сидят на кровати.

Дурак, дурак и есть.
ХОМУТОВ. Ну, а теперь?.. Может, вы меня развяжете?
УГАРОВ. Действительно, что нам с ним делать?
АНЧУГИН. Ничего... Так он у меня не уйдет.
УГАРОВ. Что делать, тебя спрашивают?

Маленькая пауза.

АНЧУГИН. Позвать кого-нибудь. Людей позвать. Пусть рассудят. (*Поднимается, стучит в одну стену, потом в другую, выходит в коридор. Возвращается, распахнув дверь, стоит у порога.*) Проходите, граждане. Помогите, если можете.

Входят Базильский и Ступак со своей женой Фаиной. Ступак — упитанный молодой человек лет тридцати. Держится уверенно. Фаине лет двадцать, не больше. У Базильского в руках смычок и скрипка — по рассеянности. Васюта появляется вслед за ним.

БАЗИЛЬСКИЙ. В чем дело?
СТУПАК. Что случилось?
ВАСЮТА. Это еще что такое?
АНЧУГИН. Садись, Анна Васильевна, и слушай. Садитесь, граждане. (*Угарову.*) Введи в курс.
УГАРОВ. Уважаемые соседи! Вы видите перед собой человека, который буквально за полчаса истрепал нам все нервы.

БАЗИЛЬСКИЙ. Покороче.

ХОМУТОВ. Развяжите мне руки.

СТУПАК. А почему он связан? Он что, преступник?

УГАРОВ. Может, и преступник, а может, и почище преступника. Так вот, поднимаемся мы сегодня, извиняюсь, с похмелья.

АНЧУГИН. В общем, дело такое. Тут я давеча шутки ради крикнул в окно, мол, граждане, займите сто рублей.

СТУПАК. Мы слышали. По-моему, эта шутка возмутительная.

БАЗИЛЬСКИЙ (*Анчугину, нетерпеливо*). Продолжайте.

АНЧУГИН. Ну пошутил, и забыли мы это дело. Тут вваливается этот гусь...

УГАРОВ. Буквально нам незнакомый...

АНЧУГИН. И говорит: «Это вы просили деньги?»

УГАРОВ. Деньги нам нужны, конечно. Перехватить у соседей рубля три, ну десятку — это понятно...

АНЧУГИН. А этот достает сотню, сто рублей то есть...

ВАСЮТА. Господи!

АНЧУГИН. Достает и говорит: «Нужны, так берите, пользуйтесь».

СТУПАК. Не может быть.

АНЧУГИН. Оставляет здесь эту сотню и уходит. (*Хомутову.*) Так или нет?

ХОМУТОВ. Рассказывайте дальше.

АНЧУГИН. Ну я его, конечно, догоняю, волоку сюда, как, что, почему — растолкуй нам честно. Сто рублей — не шутки...

УГАРОВ. Не за красивые же глаза, сами понимаете...

АНЧУГИН. А он нам — мораль. Помочь, говорит, хотел, от души, говорит, от всего сердца. Ну вот и бьемся мы тут с ним, а он на своем — просто, говорит, даю, бескорыстно... Что же это такое, а? Рассудите, люди добрые.

СТУПАК М-да... Интересно...

УГАРОВ. Может, мы не понимаем действительно. Он шофер, я добываю унитазы для родного города — может, мы жизни не понимаем?

ВАСЮТА. Да он, поди, пьяный.

АНЧУГИН. Трезвый он. Ни в одном глазу, в чем и дело.

УГАРОВ. Вот вы, товарищ скрипач, вы человек серьезный, поговорите с ним как следует.
ХОМУТОВ. В самом деле, объясните им, втолкуйте...
БАЗИЛЬСКИЙ. Скажите, а все, что они тут расписали...
ХОМУТОВ. Да, так и было.
БАЗИЛЬСКИЙ. Но... Что же, сто рублей? В самом деле?
ХОМУТОВ. Да. Сто рублей.
СТУПАК. И как же — бескорыстно?
ХОМУТОВ (*с досадой*). Да. Бескорыстно.
СТУПАК. Интересно... Интересно, почем нынче бескорыстие...
БАЗИЛЬСКИЙ (*Хомутову*). Подарить этим молодцам сто рублей?.. Загадочно.
УГАРОВ. То-то и дело, что загадочно.
СТУПАК (*Базильскому*). Ну это вы напрасно. Что тут таинственного? Жулик. Жулик, и только.
ФАИНА (*мужу*). Зачем же ты так? Ведь неизвестно...
СТУПАК (*перебивает*). Что неизвестно? Неизвестны мотивы, недаром же он их скрывает. Такую шутку может выкинуть только аферист, пройдоха, заведомо несерьезный человек. Словом, жулик.
ВАСЮТА. Позвать администратора?
БАЗИЛЬСКИЙ. А может быть, врача? (*Хомутову*.) Вы уверены, что вы здоровы?..
ХОМУТОВ. Я здоров. А вот с вами что, товарищи? Неужели все вы этого не понимаете? У одного человека ни копейки, а у другого червонцы. Одному деньги необходимы, а другой их копит. Так вот, второй дает первому, делится с ним, помогает. Что же тут особенного? Это же так просто.
СТУПАК. Это ерунда. Идеализм, но скорей всего жульничество.
ХОМУТОВ. Послушайте, все мы больше всего заботимся о себе. Но при этом нельзя, поверьте мне, нельзя вовсе забывать о других. Приходит час, и мы дорого расплачиваемся за свое равнодушие, за свой эгоизм. Это так, уверяю вас...
СТУПАК. Бред. И притом религиозный. Бред и вранье.
ХОМУТОВ (*Ступаку*). Да-а, я вас понимаю. Сами вы, как видно, никому не поможете. Так хотя бы

поймите другого, того, кто помогает. (*Всем.*) Неужели не понимаете?

УГАРОВ. Здесь не такие дураки, как вы думаете.

СТУПАК. Возможно, вы ищете популярности? Наживаете моральный капитал? Тогда понятно.

БАЗИЛЬСКИЙ. Непостижимо! В этом городе никто, кроме старух и вундеркиндов, не посещает концертов. А интеллигентные люди, вместо того чтобы заботиться о культуре, пьют водку и стараются во что бы то ни стало удивить белый свет. Зачем вы это делаете? Для чего? Этим самым вы развращаете публику, понимаете вы это?.. Нет, не верю я в вашу доброту! Это чертовщина какая-то — наверняка! Неудивительно, если завтра эта история попадет в газету.

СТУПАК. Может, вы журналист и добываете себе фельетон? А может — новый почин?

ФАИНА (*мужу*). Перестань.

ХОМУТОВ. Вот уж в самом деле: сделай людям добро, и они тебя отблагодарят.

СТУПАК. Бросьте эти штучки. Кто вы такой, чтобы раскидываться сотнями? Толстой или Жан Поль Сартр? Ну кто вы такой? Я скажу, кто вы такой. Вы хулиган. Но это в лучшем случае.

ВАСЮТА. Да откуда ты такой красивый? Уж не ангел ли ты небесный, прости меня, господи.

БАЗИЛЬСКИЙ. Увы, с ангелом у него никакого сходства. (*Хомутову.*) Вы шарлатан. Или разновидность шарлатана.

ХОМУТОВ. Ну, спасибо. Буду теперь знать, как соваться со своим участием.

СТУПАК. Бросьте. Никто вам здесь не верит.

Маленькая пауза.

ФАИНА (*всем*). А что, если в самом деле?.. Если он хотел им помочь. Просто так...

СТУПАК (*кричит*). Не говори глупостей!

ФАИНА (*ужаснулась*). Почему ты на меня кричишь?

СТУПАК. Потому что — не лезь куда не следует.

ФАИНА (*Хомутову*). Слышите, я вам верю. Верю, что вы делаете это просто так.

СТУПАК. Дура! Просто так ничего не бывает. И никогда! Запомни это!

УГАРОВ. Это уж факт, девушка. Просто так ничего не бывает.

ФАИНА (*всем*). Вы так думаете?

ВАСЮТА. А то как еще?

ФАИНА (*Базильскому*). И вы так считаете?

БАЗИЛЬСКИЙ. Как я считаю, что я считаю — это еще ничего и никогда не изменило. (*Встал в стороне, скрестив руки на груди.*)

СТУПАК (*Фаине*). Не суйся тут со своей наивностью! (*Сбавил тон.*) Прошу тебя.

ФАИНА. Значит, все, что ни делается, — все не просто так?

ВАСЮТА. Все, милая, все — даже и не сомневайся. И помощь и участие — все теперь не просто. Уж любовь, и та...

ФАИНА. Что — любовь?

ВАСЮТА. Что — любовь? А то, милая, что любовь любовью, а, сама знаешь, с машиной-то, к примеру, муж лучше, чем без машины.

СТУПАК (*кричит*). Замолчите!

ВАСЮТА. А что, разве неправду говорю?

Фаина садится на кровать рядом с Хомутовым.

СТУПАК (*Васюте*). Что вам тут надо?

ВАСЮТА. Да я не вам говорю — ей. Пусть знает свое место. Вам же на пользу.

СТУПАК. Заткнитесь вы, старуха!

ВАСЮТА. А вы чего орете?

ФАИНА. Чего он орет?.. Да машина-то не его. Машина-то моя.

АНЧУГИН (*Хомутову, с угрозой*). Смотри, агроном. Смущаешь ты людей...

СТУПАК (*Фаине*). Причем здесь машина? Как тебе не стыдно? (*Всем.*) Товарищи! Что здесь происходит? Это просто чудовищно! Мы же все перегрыземся. И все из-за него! Из-за него! Он провока-

тор! Он всех нас оскорбил! Оклеветал! Наплевал нам в душу! Его надо изолировать! Немедленно!

АНЧУГИН. Пусть скажет сначала, зачем приходил.

Все, кроме Фаины, подступают к Хомутову.

УГАРОВ. Откуда деньги?

АНЧУГИН. Зачем давал? За что?

БАЗИЛЬСКИЙ. Вы можете наконец назвать истинную причину?

СТУПАК (*кричит*). Говорите, черт возьми!

Маленькая пауза.

ХОМУТОВ (*страдальчески*). Я хотел им помочь.

Гул возмущения. Все, кроме Фаины, кричат и говорят разом: «Псих!», «Пьяница!», «Жулик!», «Врешь!», «Покалечу!»

БАЗИЛЬСКИЙ. Маньяк! Уж не воображаете ли вы себя Иисусом Христом?

ФАИНА (*встает между Хомутовым и надвигающейся на него компанией*). Остановитесь! (*Кричит.*) Опомнитесь!

Все останавливаются.

ХОМУТОВ. Чего вы от меня добиваетесь? Чего хотите?.. Сказать вам, что я зарезал?.. Ограбил?.. Убил?

СТУПАК. Не исключено. Я даже уверен, что мы раскрыли преступление. Позвонить в милицию — и делу конец. (*Подходит к телефону.*)

БАЗИЛЬСКИЙ. Нет, нет. Звоните в больницу. Это мания величия. Определенно. Он вообразил себя спасителем.

Молчание.

СТУПАК (*набирает номер*). Справочное? Номер психбольницы... Спасибо. (*Набирает номер.*)

ХОМУТОВ (*хрипло*). Хорошо. Развяжите... Я все объясню.

Маленькая пауза. Анчугин развязывает Хомутова.

(*Медленно.*) Вы меня убедили, вы сможете сделать со мной, что угодно... Но я не намерен сидеть в сумасшедшем доме. Мне некогда... Я приехал сюда на неделю... (*Помолчав.*) В этом городе жила моя мать... Она жила здесь одна, и я не видел ее шесть лет... (*С трудом.*) И эти шесть лет... я... я ни разу ее не навестил. И ни разу... Ни разу я ей не помог. Ничем не помог... Все шесть лет я собирался отправить ей эти самые деньги. Я таскал их в кармане, тратил... И вот... (*Пауза.*) Теперь ей уже ничего не надо... И этих денег тоже.

ВАСЮТА. Господи!

ХОМУТОВ. Я похоронил ее три дня назад. А эти деньги я решил отдать первому, кто в них нуждается больше меня... Остальное вам известно.

Молчание.

Теперь, надеюсь, вы меня понимаете?

Маленькая пауза.

АНЧУГИН. Браток... Так что же ты раньше не сказал?

ХОМУТОВ. А кому захочется в этом-то признаваться?

ВАСЮТА. Господи, грех какой...

УГАРОВ. А мы-то, а?.. Нехорошо вышло.

БАЗИЛЬСКИЙ (*Хомутову*). Простите, если возможно...

УГАРОВ (*Васюте, негромко*). Вина...

Васюта исчезает.

БАЗИЛЬСКИЙ (*удивляется*). Это ужасно, ужасно. С нами что-то приключилось. Мы одичали, совсем одичали...

АНЧУГИН (*садится рядом с Хомутовым*). Прости, друг. Не серчай...

УГАРОВ. Если б знали, какой разговор...

СТУПАК. Извините, разумеется. Но получается, что мы с вами квиты. Сегодня я в первый раз поссорился со своей женой. (*Фаине.*) Перестань дуться. Как видишь, у товарища несчастье. (*Подходит к Фаине.*) Ну, извини меня. (*Хотел взять ее за руку.*) Ну не дуйся.

ФАИНА (*убрала свою руку*). Не трогай, пожалуйста.
СТУПАК. Да?.. Даже так?

Фаина молчит.

А ну идем! (*Пошел к двери, остановился.*) Или ты намерена здесь оставаться?
ФАИНА. Да, намерена.
СТУПАК. Да?.. Ну как хочешь. (*Выходит.*)
БАЗИЛЬСКИЙ (*Хомутову*). Прошу вас, не думайте, что мы уж такие отпетые... Это было что-то ужасное, наваждение какое-то, уверяю вас... Мы должны были вам верить — конечно! Мы были просто обязаны...

Появляется Васюта с вином, Угаров немедленно начинает наполнять стаканы.

АНЧУГИН (*Хомутову*). Пойми, браток. Деньги, когда их нет, — страшное дело.
ВАСЮТА. Бог с ними, с проклятыми. Где деньги, там и зло — всегда уж так.
УГАРОВ (*Хомутову*). Что поделаешь... (*Со стаканом в руке.*) За вашу маму... Так сказать, за помин души... Извините. (*Выпивает.*)
АНЧУГИН (*Хомутову*). Так это... не горюй. Выпей, брат, вина.

Анчугин, Васюта и Хомутов медленно выпивают.

ФАИНА. И мне дайте. (*Выпивает.*)

Молчание. Базильский, стоя у дверей, не знает, что делать — уйти или остаться.

УГАРОВ. А вы, товарищ скрипач, присаживайтесь. (*Помолчал, потом, обращаясь ко всем.*) Ну что же теперь поделаешь?
ХОМУТОВ (*встрепенулся*). Да нет, товарищи, ничего, ничего. Жизнь, как говорится, продолжается.

Пауза.

АНЧУГИН (*запел*). Глухой неведомой тайго-о-ою...

УГАРОВ (*Базильскому*). Подыграйте, товарищ скрипач.

АНЧУГИН (*продолжает*).

Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахали-и-ина
Звериной узкою тропой...

Анчугин и Угаров повторяют две последние строки вместе. Базильский вдруг подыгрывает им на скрипке. Так они поют: бас, тенор и скрипка.

Занавес

Прошлым летом в Чулимске

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ШАМАНОВ
ПАШКА
ПОМИГАЛОВ
ДЕРГАЧЕВ
МЕЧЕТКИН
ЕРЕМЕЕВ
ВАЛЕНТИНА
КАШКИНА
ХОРОШИХ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Утро

Летнее утро в таежном райцентре.

Старый деревянный дом с высоким крыльцом, верандой и мезонином.

За домом возвышается одинокая береза, дальше видна сопка, внизу покрытая елью, выше — сосной и лиственницей. На веранду дома выходят три окна и дверь, на которой прибита вывеска «Чайная». Перед мезонином небольшой балкончик, и дверь на него чуть приоткрыта, внизу окна закрыты ставнями. На одной из ставен висит бумажка, должно быть, распорядок работы чайной. Здесь же, на веранде, стоит несколько новеньких металлических столов и стульев. Слева от дома — калитка и скамейка, а дальше высокие ворота. Начинаясь за воротами, вверх к дверям мезонина ведет лестница с перилами. На карнизах, оконных наличниках, ставнях, воротах — всюду ажурная резьба. Наполовину обитая, обшарпанная, черная от времени, резьба эта все еще придает дому нарядный вид.

Перед домом — деревянный тротуар и такой же старый, как дом (ограда его тоже отделана резьбой), палисадник с кустами смородины по краям, с травой и цветами посередине. Простенькие бледно-розовые цветы растут прямо в траве, редко и беспорядочно, как в лесу.

Палисадник расположен так, что для посетителей, направляющихся в чайную с правой стороны улицы, он выглядит

некоторым препятствием, преодолеть которое должно, обойдя его по тротуару, огибающему здесь половину ограды палисадника. Труд этот невелик — в обход шагов десяток, не более того, но по укоренившейся здесь привычке посетители, не утруждая себя «лишним шагом», ходят прямо через палисадник. Следствием этой манеры является неприглядный вид всего фасада: с одной стороны из ограды выбито две доски, кусты смородины обломаны, трава и цветы помяты, а калитка палисадника, которая выходит прямо к крыльцу чайной, распахнута и болтается косо на одной петле.

У крыльца на веранде лежит человек. Устроился он в углу, незаметно. Из-под телогрейки чуть торчат кирзовые сапоги — вот и все. Сразу и не разглядишь, что это человек. Первоначальная тишина и неподвижность картины нарушаются лаем собак где-то по соседству и отдаленным гудением мотора. Потом щелкает заложка большой калитки и появляется Валентина.

Валентине не более восемнадцати лет, она среднего роста, стройна, миловидна. На ней ситцевое летнее платье, недорогие туфли на босу ногу. Причесана просто.

Валентина направляется в чайную, но на крыльце неожиданно останавливается и, обернувшись, осматривает палисадник. Бегом — так же как и поднялась — спускается с крыльца. Она проходит в палисадник, поднимает с земли вынутые из ограды доски, водворяет их на место, потом кое-где расправляет траву и принимается чинить калитку. Но тут калитка срывается с петли и хлопает о землю. При этом человек, спящий на веранде и ранее Валентиной не замеченный, неожиданно и довольно проворно поднимается на ноги.

Валентина слегка вскрикивает от испуга.

Перед Валентиной стоит старик невысокого роста, сухой, чуть сгорбленный. Он узкоглаз, лицо у него темное, что называется, прокопченное, волосы седые и нестриженые. В руках он держит свою телогрейку, а рядом с ним лежит вещевой мешок, который он, очевидно, подкладывает под голову. Его фамилия Еремеев.

ЕРЕМЕЕВ. Ты — почему?

Валентина молчит. Испуг еще не прошел, и она смотрит на Еремеева широко раскрытыми глазами.

Почему? Зачем кричать?

ВАЛЕНТИНА. Ой, как вы меня напугали...

ЕРЕМЕЕВ. Напугал?.. Почему напугал? Я не страшный.

ВАЛЕНТИНА. Нет, вы страшный, если неожиданно... (*Улыбается.*) Извините, конечно...

ЕРЕМЕЕВ (*улыбается*). Зачем бояться? Зверя надо бояться, человека не надо бояться.

ВАЛЕНТИНА. Уже не боюсь... (*Снова возится с калиткой.*) Помогите, пожалуйста.

Еремеев спускается с крыльца.

Подержите мне ее... Вот так...

Вдвоем они наладили калитку.

Ну вот, большое вам спасибо... Я вас разбудила?

ЕРЕМЕЕВ (*кивает*). Разбудила. (*Кашляет.*)

ВАЛЕНТИНА (*поднимается на крыльцо*). Как же вы здесь спали?.. Холодно же. Да и жестко, наверно... Постучались бы.

ЕРЕМЕЕВ. Зачем стучаться? Зимой надо стучаться... Ты Афанасия знаешь?

ВАЛЕНТИНА. Афанасия?.. А вы к нему?

Еремеев быстро кивает.

Так он сейчас придет. Сюда.

ЕРЕМЕЕВ. Сюда?

ВАЛЕНТИНА. Должен прийти. Он сейчас здесь работает, чайную ремонтирует... Да вы лучше к нему сходите. Вон их дом (*показывает*), два окна... Знаете?

ЕРЕМЕЕВ. Сейчас придет — тут его подожду.

ВАЛЕНТИНА. Как хотите... (*Ключом открывает дверь чайной.*) Да вы садитесь, чего зря стоять. Присаживайтесь.

В это время с громким стуком распахивается дверь на балкончике мезонина. Валентина, которая в это мгновение заходит в помещение чайной, на секунду замирает на пороге. На балкончике мезонина появляется Кашкина. Прищурясь, она смотрит на улицу.
Кашкиной двадцать восемь лет, не меньше, но и не больше. Она привлекательна. Недлинные прямые волосы, до сего момента непричесанные. Чуть близорука и впоследствии появится в очках. Сейчас она босая, в домашнем халате.

КАШКИНА (*негромко*). Ну вот... День будет отличный — опять...

Валентина исчезает в помещении чайной и поспешно закрывает за собой дверь. Еремеев присел на стул, сидит неподвижно.

Послушай, почему мне так не везет? (*Обращается к кому-то находящемуся в комнате, но говорит, не оборачиваясь, глядя на улицу.*) В мае здесь

стояла замечательная погода, помнишь? Так вот. Я ухожу в отпуск — начинается дождь. Приезжаю в город — там идет дождь. Еду к тетке, ну, думаю, наконец позагораю. Заявляюсь — и там дождь. А за день до моего приезда было солнце. (*Расчесывает волосы.*) Возвращаюсь сюда, выхожу на работу, и вот пожалуйста: прекрасные деньки. Ужас какой-то... (*Приостанавливает руку с расческой.*) Послушай. Ты ждал меня хоть немного?.. Или вовсе не ждал? (*Мгновение ждет ответа, потом продолжает расчесывать волосы, усмехается.*) Ладно, можешь не отвечать. Не затрудняй себя. Это я так спросила, от нечего делать... А все же денек сегодня будет чудесный. Послушай-ка! Идем сегодня на танцы... А почему бы и не пойти?.. Ну да, сейчас ты скажешь, что это безумие, что для танцев ты уже устарел, — я уже знаю, что ты скажешь... Что?.. Молчишь. Значит, все правильно... Ну ладно, я ведь только предлагаю... Заварить тебе чаю?.. (*Ждет ответа, потом оборачивается.*) Чаю тебе заварить?.. Неужели уснул?.. Успел уже... (*Помолчав.*) Ну и спи. (*Не без горечи.*) Спать — на это ты способен. Это единственное, что тебе еще не надоело... Ну и ладно. Ну и спи себе. (*Уходит с балкончика.*)

С правой стороны улицы появляется Мечеткин. Ему около сорока лет. Он в новом сером костюме, в потешной зеленой шляпе, при галстуке. Держится он до странности напряженно, явно напуская на себя начальственную строгость, руководящую озабоченность. Старается говорить низким голосом, но часто срывается на природный фальцет. Он приближается к ограде, вынимает из нее одну доску, пытается протиснуться, но безуспешно — мужчина он, что называется, в теле. Вынимает другую доску и проходит через палисадник, оставляя за собой открытую калитку. При его появлении Еремеев поднимается и собирает свою постель: складывает в мешок телогрейку.

МЕЧЕТКИН. Что такое?.. (*Строго.*) Ты что тут делаешь?

Еремеев молчит.

А?.. Спал, что ли?

ЕРЕМЕЕВ (*кивает головой, улыбается*). Отдыхал маленько.

МЕЧЕТКИН. Отдыхал, значит?.. (*Язвительно.*) Ну и как ты отдохнул?

ЕРЕМЕЕВ (*простодушно*). Хорошо отдохнул.

МЕЧЕТКИН. Так, так... Ну, а кто тебе разрешил?.. А?.. Я вопрос задаю, кто тебе разрешил здесь спать?.. (*Стучит в дверь.*)

Еремеев молчит. Валентина появляется на пороге. На ней белый фартук.

(*Приподнял свою шляпу, заговорил любезно.*) Работникам общепита...

ВАЛЕНТИНА. Доброе утро.

МЕЧЕТКИН. Ну и как оно... Как дела? Как настроение?

ВАЛЕНТИНА. Спасибо, хорошо.

МЕЧЕТКИН. Впечатление производите положительное...

ВАЛЕНТИНА (*смеется*). Неужели?

МЕЧЕТКИН. Определенно, определенно...

ВАЛЕНТИНА. Вы, Иннокентий Степанович, я гляжу, сегодня в хорошем настроении...

МЕЧЕТКИН. А где же буфетчица? Еще не пришла? (*Смотрит на часы.*) Опять она задерживается.

ВАЛЕНТИНА. Не волнуйтесь, сейчас придет. Садитесь, обождите минутку... (*Исчезает.*)

МЕЧЕТКИН (*прошелся по веранде*). Так, так... А ведь ты мне так и не ответил. Кто разрешил тебе здесь спать?.. А? Гостиница тут, что ли?

ЕРЕМЕЕВ. Ночью пришел, из тайги пришел...

МЕЧЕТКИН. Видать, что из тайги... А зачем? По какому поводу?

ЕРЕМЕЕВ. По делу пришел.

МЕЧЕТКИН. По делу, говоришь?.. Знаем мы ваши дела. Нализжетесь, понимаете ли, и все дела. А пришел, так иди в гостиницу. На общем основании.

ЕРЕМЕЕВ. Зачем в гостиницу. У меня друг есть. Афанасий. Будить его не стал.

Появляется Хороших, женщина лет сорока пяти. Она моложава на вид, энергична, в движениях смела и размашиста. Одета щеголевато.

МЕЧЕТКИН (*Еремееву*). Будить не стал, скажи какой стеснительный. А в общественном месте валяться нестеснительный?.. Вот друг, понимаете.

ХОРОШИХ (*Мечеткину*). Дай пройти. Чего опять разоряешься? (*Еремееву.*) Никак Илья?

ЕРЕМЕЕВ. Илья, Илья...

ХОРОШИХ. Здравствуй-ка, Илья!

ЕРЕМЕЕВ. Здравствуйте, здравствуйте!

ХОРОШИХ (*проходит в помещение чайной, на пороге*). Здравствуй, Валентина.

МЕЧЕТКИН (*разглядывает свои часы*). Так, так...

Хороших появляется и открывает ставни одного из трех окон. В этом окне оказывается витрина буфета, весы, бутылки на полке и прочее.

Между прочим, уже десять девятого.

ХОРОШИХ. Ну и что?

МЕЧЕТКИН. Опаздываете, Анна Васильевна. Раньше вставать надо.

ХОРОШИХ. Тебя я не спросила. (*Исчезает за дверью. Тут же появляется в буфете за окном. Еремееву.*) Давненько ты здесь не заявлялся.

ЕРЕМЕЕВ. Давно, давно.

МЕЧЕТКИН (*Хороших*). Имейте в виду, дисциплина у нас для всех существует. Положение общее.

ХОРОШИХ. Да отстань ты, дай с человеком поговорить.

МЕЧЕТКИН. Смотрите, Анна Васильевна. Вы ведь не в первый раз, вы систематически задерживаетесь, так что имейте в виду... Мне две яичницы, простоквашу, хлеб и стакан чаю... Имейте в виду, на вас и так сигналы поступают...

ХОРОШИХ. Да иди ты со своими сигналами. Ты лучше скажи мне, когда ты женишься.

МЕЧЕТКИН. То есть?.. Что вы этим хотите сказать?

ХОРОШИХ. А то сказать, что давно тебе пора. Уж я жду, жду...

МЕЧЕТКИН. Гм... А ваше-то, между прочим, какое до этого дело?

ХОРОШИХ. Да как же. Женился бы, так, слава богу, сюда перестал бы ходить. Дома бы питался. Вот

бы удружил так удружил. Зато жене твоей я бы не позавидовала.

МЕЧЕТКИН. Анна Васильевна!.. Вы забываетесь, между прочим.

ХОРОШИХ (*пишет на бумажке. Громко*). Валентина! Две яичницы! (*Подает Мечеткину хлеб и талоны.*) Ешь да помолчи немного. (*Еремееву.*) А ты, Илья? Завтракать будешь?

ЕРЕМЕЕВ. Спасибо, спасибо.

В буфете раздается телефонный звонок.

ХОРОШИХ (*поднимает трубку*). Столовая слушает... Доброе утро... Открылись... Ремонт? Идет ремонт, заканчиваем... Нет-нет, полный день работаем, до десяти... Да вот, вдвоем пока управляемся, остальные в отпуске... Когда пожелаете, вам мы всегда рады... Доброго здоровья. (*Положила трубку, Еремееву.*) Ты когда пришел?

ЕРЕМЕЕВ. Ночью пришел.

ХОРОШИХ. Спал где же?

МЕЧЕТКИН. Тут и спал. Вот еще тоже. Тут люди питаются, понимаете ли... (*Проходит в чайную.*)

ХОРОШИХ. А чё же ты не постучался? Или забыл, где живем?

ЕРЕМЕЕВ. Не забыл.

ХОРОШИХ. Так чё же ты?.. Разве в доме места мало?.. А тут нынче у нас, наоборот, тесно. Видишь, на веранде пока обходимся. Ремонт у нас.

МЕЧЕТКИН (*появляется с едой на подносе*). Тоже безобразие. Ремонтируетесь крайне медленно.

ХОРОШИХ. Да помолчи ты, окаянный.

МЕЧЕТКИН. Меню однообразное. Котлеты вчерашние.

ХОРОШИХ. Ну и как ты, Илья, так один и живешь?

ЕРЕМЕЕВ. Один, один.

ХОРОШИХ. Как же так, в тайге-то? Старый ты стал, тяжело, поди, одному?

ЕРЕМЕЕВ. Старый, старый.

ХОРОШИХ. А вон и дружок твой ковыляет. Идол безобразный.

Появляется Дергачев. Ему около пятидесяти. Он высок ростом, широкоплеч, кудряв, словом, мужик еще видный. Одно нехорошо: левая нога в колене у него не сгибается — протез. При ходьбе он заметно припадает и резко взмахивает правой рукой. В левой руке он держит ящичек со столярным инструментом. Он хмур и небрит. Проходит через палисадник по пути, проделанному Мечеткиным. При виде Еремеева он оживляется.

ДЕРГАЧЕВ. Э, кого я вижу. (*Подходит, инструмент оставил на стуле. Одной рукой трясет руку Еремеева, другой хлопает его по плечу.*) Здорово, брат, здорово.

ЕРЕМЕЕВ. Здорово, Афанасий... Здорово... (*Смех и кашель.*)

ДЕРГАЧЕВ. А я, брат, думал, тебя уже и на свете нету...

ХОРОШИХ. Во. Обрадовал человека.

ДЕРГАЧЕВ. Постарел, брат, постарел, но молодец — долго живешь.

ЕРЕМЕЕВ. Долго живу, долго... (*Смеется.*)

ДЕРГАЧЕВ. Ну и правильно. Нашего брата, охотника, задаром со света не сгонишь, так или нет?

ХОРОШИХ. Что верно, то верно.

ДЕРГАЧЕВ. Молодец, Илья.

ХОРОШИХ. Илья, ты когда жену похоронил? Прошлым летом или позапрошлым?

ЕРЕМЕЕВ. Два лета прошло...

ХОРОШИХ. С тех пор, значит, один... Старику-то мыслимо ли?

ДЕРГАЧЕВ. Да-а, одному-то там неинтересно.

ЕРЕМЕЕВ. Неинтересно...

Небольшая пауза.

ДЕРГАЧЕВ. Анна...

Хороших не отвечает.

Анна... Ну.

ХОРОШИХ. Чё — ну?

ДЕРГАЧЕВ. Ну... Или не понимаешь?

ХОРОШИХ. Да чё ну-то?.. Павел там проснулся?

ДЕРГАЧЕВ. Встал твой Павел. Рожу свою бреет. Нахальную...

ХОРОШИХ. Нахальную? А ты на свою посмотри. Он свою хотя бы бреет...
ДЕРГАЧЕВ (*перебивает*). Об нем сейчас говорить не будем.
ХОРОШИХ. Ничё, сам начал...
ДЕРГАЧЕВ (*внушительно*). Анна! Насчет Павла разговор закончен. Пусть он уматывает. Отпуск у него закончился, дальше терпеть его не буду. (*Помолчав.*) И на этом точка. (*Небольшая пауза. Мягче.*) Сейчас разговор другой... Ко мне друг пришел, слышишь?
ХОРОШИХ. Не слышу. И не желаю слышать.
ДЕРГАЧЕВ (*не сразу*). Ну...

Хороших молчит.

Ну!
ХОРОШИХ. Да чё ну-то? Ну да ну! Поехал ты, что ли?
ДЕРГАЧЕВ. Ну!
ХОРОШИХ. Счастливого пути, ежели поехал.
ДЕРГАЧЕВ. Кому говорят! (*Грохнул ладонью по столу.*)
МЕЧЕТКИН (*вздрогнул*). А?
ДЕРГАЧЕВ (*Хороших, спокойнее*). Принимай гостя.
МЕЧЕТКИН. Опять скандалишь?
ДЕРГАЧЕВ. А ты не суйся!
МЕЧЕТКИН (*поднимается*). Безобразие. В общественном месте орут, понимаете, как в загоне... (*Подходит к буфету.*)
ХОРОШИХ (*Дергачеву*). На самом деле. Я тебе не лошадь.
ДЕРГАЧЕВ. Принимай гостя...
ХОРОШИХ. Твой гость, ты его и принимай.
ЕРЕМЕЕВ. Афанасий... Зачем шумишь, Афанасий? Не надо шуметь...
ДЕРГАЧЕВ. Погоди, Илья...
МЕЧЕТКИН. Отпустите-ка мне конфет. Этих... (*Показывает.*) Двести грамм.

Валентина появляется с подносом, прибирает на столе, за которым сидел Мечеткин. Обратила внимание на палисадник, отставила поднос, спустилась вниз. Снова возится с досками и калиткой.

ДЕРГАЧЕВ. Ну смотри, Анна.

ХОРОШИХ (*рассчитываясь с Мечеткиным*). Ничё-ничё, обойдетесь. Я не миллионщица и растрату делать не желаю.

МЕЧЕТКИН (*жует конфету*). Растрату, между прочим, никто не желает делать, а приходит ревизия и выясняется...

ХОРОШИХ. А ты не каркай.

МЕЧЕТКИН. Я не каркаю, я предупреждаю.

ХОРОШИХ (*Дергачеву*). Зря рассиживаешься. Дело бы делал. Начальство вон с утра уже названивает. У меня этот твой ремонт в печенках уже сидит.

ДЕРГАЧЕВ. Смотри, Анна. С утра сегодня выпрашиваешь.

ХОРОШИХ. Ничё-ничё. Ни грамма сегодня не получишь, ни капли. (*Мстительно.*) И на этом точка. (*Громко.*) Валентина!.. Где ты? (*Выходит из буфета, но тут же возвращается.*) Где она?

ВАЛЕНТИНА (*налаживает калитку*). Я здесь!

ХОРОШИХ. Опять ты с палисадником? Не надоело тебе?.. Иди сюда, ящики занесем.

ВАЛЕНТИНА. Я сейчас.

Гремит засов, открываются ворота, и появляется Помигалов, отец Валентины. Из ворот он выкатывает мотоцикл. Помигалову за пятьдесят лет. Он среднего роста, суховатый, но крепкий мужчина, с решительными, спокойными движениями, твердым взглядом. Одет в робу и кирзовые сапоги.
В открытые ворота видна часть двора, навес, поленница под навесом, тын и калитка в огород — всюду порядок.

ПОМИГАЛОВ (*всем*). Доброе утро.

С ним здороваются.

(*Закрывает ворота. Громко, на ходу, не глядя в сторону чайной.*) Валентина! В обед подметешь двор, натаскаешь воды. Борова покорми да выпустить его не забудь.

ВАЛЕНТИНА (*возится с калиткой*). Папа! Иди-ка сюда.

ПОМИГАЛОВ. Чего тебе?

ВАЛЕНТИНА. Иди помоги.

ПОМИГАЛОВ (*разглядел, чем занимается Валентина, махнул рукой.*) А! Некогда мне.

ВАЛЕНТИНА. Да на секунду! Тут только придержать надо.

ПОМИГАЛОВ. Кому это надо? (*Ведет мотоцикл в сторону.*) Брось. Детством занимаешься... (*Отдает Валентине распоряжения.*) За боровом присмотри. Да про баню не забудь. Будешь воду носить, смотри, чтобы куры в огород не попали. (*Исчезает.*)

Слышится треск мотоцикла. Треск удаляется.

ХОРОШИХ. И действительно, Валентина. Твой он, что ли, палисадник этот?.. А главное — даром ведь упрямишься: ходит народ поперек и будет ходить.

ДЕРГАЧЕВ. А ты бы ее не учила. Не твое дело. Нравится девке чудить, пусть она чудит. Пока молодая. Верно, Илья?

ЕРЕМЕЕВ. Верно, верно. Однако добрая девушка.

МЕЧЕТКИН (*жует*). Вот еще тоже. Не палисадник, а анекдот ходячий. Стоит, понимаете, на дороге, мешает рациональному движению.

ХОРОШИХ. Валентина! Скоро ты?

ВАЛЕНТИНА. Сейчас... Готово... (*Ей удалось-таки наладить калитку.*) Иду!

МЕЧЕТКИН (*поднялся*). И вообще. Будут у вас здесь продолжаться безобразия — я вас на весь район разрисую. Имейте в виду. (*Уходит.*)

Валентина проходит в чайную. Появляется в буфете раза два-три вместе с Хороших — заносят ящики.

ЕРЕМЕЕВ. Человек ушел — большой, однако, начальник.

ДЕРГАЧЕВ (*с пренебрежением*). Кто? Этот?.. В райздраве он бухгалтером. Да статейки в газету пописывает.

ЕРЕМЕЕВ. Строгий, однако.

ДЕРГАЧЕВ (*усмехнулся*). Не говори... Седьмой секретарь.

ЕРЕМЕЕВ. Секретарь?

ДЕРГАЧЕВ. Да, прозвали так. Седьмой секретарь, иначе его тут не величают.

Хороших появляется в буфете одна. Валентина выходит на веранду, вытирает со стола, за которым завтракал Меченкин.

Илья, у тебя деньги есть?

ЕРЕМЕЕВ. Деньги? Есть маленько.

ХОРОШИХ (*Дергачеву*). Не совестно тебе?

ДЕРГАЧЕВ. А тебе не совестно?

ХОРОШИХ. Илья! Не вздумай ему ставить.

ДЕРГАЧЕВ. Не твое дело. Давай, Илья, не слушай бабу.

ХОРОШИХ. Илья!

ЕРЕМЕЕВ (*в замешательстве*). Так нехорошо... Так тоже нехорошо... (*Улыбается.*) Тогда надо немного выпить.

ХОРОШИХ. У-у! Все вы заодно. Алкоголики. (*Достает бутылку, со стуком ставит ее на стойку.*) На, подавись.

ДЕРГАЧЕВ (*не сразу, спокойно, но внушительно*). Давай стаканы и поднеси по-человечески.

ХОРОШИХ. Еще чего? И не подумаю... Сам возьмешь, ничё с тобой не сделается.

ДЕРГАЧЕВ. Ну!

ВАЛЕНТИНА. Я подам, тетя Аня...

ХОРОШИХ. Нет. Обойдутся. У нас тут самообслуживание.

Еремеев хочет взять бутылку.

ДЕРГАЧЕВ (*останавливает его*). Сиди, Илья. (*Хороших.*) Неси ее сюда.

ХОРОШИХ. Счас, тороплюсь. (*Помолчав.*) Не дождешься, я те говорю.

ДЕРГАЧЕВ. А я говорю, неси ее сюда.

Наверху открывается дверь мезонина, появляется Шаманов. Шаманову тридцать два года, роста он чуть выше среднего, худощав. Во всем у него — в том, как он одевается, говорит, движется — наблюдается неряшливость, попустительство, непритворные небрежность и рассеянность. Иногда, слушая собеседника, он, как бы внезапно погружаясь в сон, опускает голову. Время от времени, правда, на него вдруг находит оживление, кратковременный прилив энергии, после которого, впрочем, он обычно делается особенно апатичным. Появляясь, он надевает на руку часы и осматривается. В этот же момент из мезонина раздается голос Кашкиной.

ГОЛОС КАШКИНОЙ. Подожди.
ШАМАНОВ (*с некоторым нетерпением*). Да?
ГОЛОС КАШКИНОЙ. Завтракаем вместе?

Они разговаривают негромко, но внизу их, конечно, слышно. Валентина, услышав их голоса, меняется в лице, движения ее становятся напряженными, неестественными.

ШАМАНОВ (*с досадой*). Я не против, но я... Меня там машина должна ждать.
ХОРОШИХ (*Дергачеву, смеясь*). Сиди, сиди. Долго-то все равно не высидишь.
ГОЛОС КАШКИНОЙ. Подожди, я уже собралась.
ВАЛЕНТИНА (*на которую сильно действуют голоса наверху, пытаясь не подать вида и скрыть свои чувства, обращается к Хороших.*) Будет вам, тетя Аня! (*Снова намеревается подать бутылку.*)
ХОРОШИХ (*жестом предупреждает намерения Валентины*). Ты чё? Нет у тебя своего дела? (*Кивком головы и глазами указывает наверх.*) Слышишь, что ли?

Валентина вспыхнула, вздрогнула, как от удара.

(*Ядовито.*) Пошевелись. Люди завтракать идут.
ШАМАНОВ (*заговорил потише*). Я буду внизу. (*Шагает вниз, лестница под ним заскрипела. Он останавливается, затем ступает осторожнее.*)
ГОЛОС КАШКИНОЙ. Все. Я иду.

В ответ на ее слова Шаманов начинает спускаться быстрее, но при этом старается сохранить ту же осторожность, для чего ему приходится чуть согнуться.
В этот момент Валентина уходит в помещение чайной. Из мезонина появляется Кашкина. Сейчас на ней светлая юбка, белая блузка, босоножки. В руках — сумочка.

КАШКИНА (*наблюдая, как Шаманов крадется вниз, негромко, насмешливо*). Держите вора!

Шаманов останавливается и выпрямляется.

Держите его, он украл у меня пододеяльник.
ХОРОШИХ (*Дергачеву*). Да хоть целый день просиди, мне-то от этого...

ШАМАНОВ (*Кашкиной*). Слушай, что за шутки?

КАШКИНА. Никакие не шутки. Ты крадешься, как вор.

ШАМАНОВ. А ты как хотела? Чтобы мы в обнимку ходили?

КАШКИНА. Послушай. Скоро три месяца, как ты ходишь по этой лестнице, неужели ты думаешь, что в Чулимске остался хотя бы один человек, который тебя тут не видел?

ШАМАНОВ. Ну и что? Может, нам теперь рассветы встречать здесь, на крыше?

КАШКИНА. Ну что ты — рассветы, где уж нам?.. Ладно уж, давай как поспокойнее. Спускайся. Сначала ты, а потом я.

ШАМАНОВ. Черт подери! (*Делает два-три шага наверх. С досадой и иронией.*) Руку, мадам, здесь такая шаткая лестница. (*Берет Кашкину под руку.*) Прошу вас. Наплюем на предрассудки, раз уж вы без этого никак не можете.

ХОРОШИХ (*Дергачеву*). Ну? Может, вы теперь ее и пить не будете?

Дергачев, грозно насупившись, сидит неподвижно.

КАШКИНА. Ладно, ладно. Иди... Иди, я забыла деньги... Да! Ты тоже кое-что забыл... (*Достает из сумки пистолет в кобуре.*) На, и больше никогда не оставляй у меня эту штуку.

ШАМАНОВ (*берет пистолет*). Мерси.

Кашкина возвращается в мезонин. Шаманов цепляет кобуру с пистолетом за ремень под пиджаком, поворачивается и спускается по лестнице шумно, без всякой предосторожности.

ХОРОШИХ (*подняла вверх палец*). Половина девятого. Следователь от аптекарши спускается. (*Исчезает, появляется в дверях, ставит бутылку на стол, подает стаканы, тарелку с закуской.*) Больше не получите. (*Уходит в чайную.*)

Шаманов появляется и, снова становясь осторожным, тихонько закрывает за собой калитку. Чуть выждав, неслышно удаляется в сторону.

ДЕРГАЧЕВ (*разлил в стаканы*). Ну, Илья... За встречу.

Еремеев моргает, суетливо кивает головой. Оба выпивают.

ХОРОШИХ (*появляется в буфете*). Илья, а дочь твоя где же?.. Где проживает?

ЕРЕМЕЕВ. Дочь?.. В Ленинграде была. Не знаю где...

ХОРОШИХ. Чё, и писем не пишет?

ЕРЕМЕЕВ. Не пишет...

ХОРОШИХ. Вот беда-то...

ДЕРГАЧЕВ. Да, брат, неважные твои дела.

ЕРЕМЕЕВ. Неважные, неважные. Оленя нет, зверя в тайге мало стало, руки стали болеть — совсем неважные. (*Неожиданно.*) Не знаешь, пенсию не дадут?

ДЕРГАЧЕВ. Пенсию?.. Погоди, а сколь же тебе лет?

ЕРЕМЕЕВ (*поспешно*). Шиисят пять уже было, давно было. Уже семисят четыре.

ХОРОШИХ. Семьдесят четыре?.. Ну, Илья, ты даешь! Девять лет, как пенсия полагается!

ЕРЕМЕЕВ. Полагается. Зангеев Петька давно получает.

ХОРОШИХ. А ты-то чё думал?.. Ну, Илья, голова два уха. Дурень ты! Шляпа! Чего же ты ждешь?.. Дуй в райсобес!

ДЕРГАЧЕВ. Погодите вы в райсобес. Разбежались... Ты с Петькой не равняйся, у него зарплата была. Он от лесничества всю жизнь работал.

ХОРОШИХ. А Илья? Не работал, что ли?

ЕРЕМЕЕВ. Работал. У геологов работал, проводником работал. Сорок лет работал...

ДЕРГАЧЕВ. Работать-то ты работал, а документы у тебя есть?

ЕРЕМЕЕВ. А?

ДЕРГАЧЕВ. Документы, говорю. Трудовая книжка?.. Справки, что ты у геологов работал?.. Есть у тебя?

Еремеев молчит.

ХОРОШИХ. Неужто нету?

ДЕРГАЧЕВ. Нет?.. А раз нет, значит, пенсию не жди. Без справок ты ее не получишь. Даже и не рыпайся.

Из мезонина выходит Кашкина, спускается вниз.

ЕРЕМЕЕВ. Как же, Афанасий! Я работал, у геологов работал...

ХОРОШИХ. О чем же ты думал? Собирать надо было документы-то. А теперь где те геологи?

ДЕРГАЧЕВ. Ищи-свищи.

Из калитки выходит Кашкина, здоровается со всеми, проходит к буфету.

ХОРОШИХ. Долго, барышня, спишь. Все, поди, сны досматриваешь?

КАШКИНА. Ладно, Анна Васильевна, не острите. Есть простокваша?

ХОРОШИХ. Простокваша есть, а булочки вчерашние. Свежих сегодня не будет.

КАШКИНА. А сигареты?

ХОРОШИХ. Нету, милая. Не получала.

КАШКИНА. Весело живем.

ХОРОШИХ (*громко*). Валентина! Одну простоквашу!

ЕРЕМЕЕВ. Я работал, сорок лет работал...

ДЕРГАЧЕВ. Документов нет, и разговору нет.

ЕРЕМЕЕВ. Я работал. Ты, Афанасий, знаешь...

ДЕРГАЧЕВ. Я-то знаю...

ЕРЕМЕЕВ. Со мной пойдешь, расскажешь... Разве не поверят?

ДЕРГАЧЕВ. Илья, Илья. Глупый ты человек. Тебе пенсия оттуда (*показал пальцем в небо*) причитается, а здесь, брат, ты не жди. Здесь тебе не отломится.

ХОРОШИХ. Да постой ты его расстраивать. Сперва надо толком все разузнать.

Валентина появляется в буфете со стаканом простокваши. Она и Кашкина кивают друг другу довольно официально. Кашкина взяла булочку, простоквашу, расплатилась и уселась за столик справа, в углу. Дергачев разливает по второй.

Илья! Не пил бы ты больше, а шел бы лучше в собес или куда там... (*Дергачеву.*) А тебе то же самое: не грех бы и остановиться, об работе подумать.

Шаманов появляется оттуда, куда он исчезал, — с левой стороны улицы. Валентина незаметно для присутствующих исчезает из буфета.

ШАМАНОВ. Доброе утро.
ДЕРГАЧЕВ. Здравствуйте.
ХОРОШИХ. Владимир Михалыч... Ждем вас, ждем. (*Обернувшись.*) Валентина! Одну яичницу.
ШАМАНОВ. Да... И чаю там или компоту...
ХОРОШИХ (*пишет*). Чай, компот. Больше ничего не надо?
ШАМАНОВ. Нет, Анна Васильевна, пожалуй, больше ничего...
ХОРОШИХ. Вот и правильно. Не то что эти. (*Кивает в сторону Дергачева и Еремеева.*)
ШАМАНОВ. А что такое?
ХОРОШИХ. Не видите? Ни свет ни заря уже запузыривают.
ШАМАНОВ. Ага... Уже, значит, начали... Не рано ли?
ДЕРГАЧЕВ. Вы как знаете, а нам не рано.
ШАМАНОВ. Думаете, не рано?
ДЕРГАЧЕВ. В самый раз.
ШАМАНОВ. В таком случае, Анна Васильевна... Стаканчик винца.
ХОРОШИХ (*укоризненно*). Владимир Михалыч...
ШАМАНОВ. Винца, винца, не более того... (*Кашкиной.*) Зина, может быть... (*Показывает — не выпить ли ей с ним за компанию.*)

Кашкина отрицательно качает головой. Шаманов взял вино, хлеб, подсел к Кашкиной.

ДЕРГАЧЕВ. Так-то, брат Илья. В собес ты, конечно, сходи, но на пенсию, между нами говоря, не рассчитывай. А покамест выпьем. За любовь без обмана.
КАШКИНА (*подняла стакан с простоквашей*). Я к вам присоединяюсь.

Шаманов молча поднимает свой стакан. Все выпивают.

ХОРОШИХ. Владимир Михалыч, тут такое дело, вы в курсе, наверно.
ШАМАНОВ. Что, Анна Васильевна?
ХОРОШИХ. Да вот человек тут, Еремеев Илья, за пенсией пришел. Вот вы рассудите, ему семьдесят

четыре года, он у геологов всю жизнь проводником работал...

ЕРЕМЕЕВ. Работал...

ХОРОШИХ. Работал, а документов не имеет. Ни справок у него, ни трудовой книжки — ничего нет. Вот как ему насчет пенсии? Что делать?

ШАМАНОВ. А где ж документы?

Еремеев молчит.

Это вы Еремеев?

ЕРЕМЕЕВ (*не сразу*). Еремеев, Еремеев...

ХОРОШИХ. Эвенк он по национальности...

ЕРЕМЕЕВ (*кивает*). Эвенк.

ХОРОШИХ. Только что фамилия русская. Крещеный он.

ЕРЕМЕЕВ (*поспешно*). Крещеный, крещеный...

ХОРОШИХ. Да какие ж с него документы? Ведь он человек простой — неученый, таежный житель. Кабы ему раньше знать про эти документы...

ШАМАНОВ. Но паспорт-то у него, надеюсь, есть?

ЕРЕМЕЕВ. Есть. Есть паспорт.

ШАМАНОВ. Что ж, в таком случае надо взять с места работы справки и...

ХОРОШИХ. Да где ж он их возьмет? Геологи-то те разъехались давным-давно. Где они теперь? Кто по городам, а кто, поди, уже и помер.

ШАМАНОВ. Я не знаю, но существуют же отчеты всевозможные, архивы... Придется вам в это дело углубиться.

КАШКИНА. Кому углубиться? Ему углубиться?

ШАМАНОВ. Ничего не поделаешь, придется поездить, похлопотать... Вы в исполком сначала сходите, может, там что-нибудь посоветуют.

ДЕРГАЧЕВ. Все без пользы.

ХОРОШИХ. Это как же — без пользы? Мыслимо ли? Да ведь он и просить бы не стал и не пришел бы, если бы не нужда. Старик он, в тайге один остался...

КАШКИНА (*Шаманову*). Неужели ничего нельзя сделать?

ШАМАНОВ. Не знаю... Я тоже хочу на пенсию.

Валентина появляется с яичницей для Шаманова. Ставит ее перед ним, не глядя ни на него, ни на Кашкину.

(*Машинально*). Спасибо. (*Отодвигает от себя тарелку с яичницей.*)

КАШКИНА (*возвращая тарелку на место*). Недожаренная. То, что ты любишь. (*В отличие от Шаманова, внимательно глядя на Валентину.*) Наша кухня делает успехи.

Валентина старается не обнаружить своих чувств, но уходит в чайную слишком порывисто.

ДЕРГАЧЕВ. Давай, Илья. (*Разливает.*) Живы будем — не помрем.

ЕРЕМЕЕВ (*не уловив смысла*). Помрем, помрем.

ХОРОШИХ. Эй вы, хватит вам распивать. Ты, Илья, иди в исполком, а ты работай начинай. Утра девять часов, людей бы постеснялся.

ДЕРГАЧЕВ. Неймется тебе, да? (*Поднялся.*) Смотри, Анна, выпросишь ты сегодня... (*Еремееву.*) Идем отсюдова. (*Взял недопитую бутылку, стаканы, ящик с инструментом, прошел в помещение чайной.*)

Еремеев идет за ним.

ШАМАНОВ. Ты не опоздаешь на работу?

КАШКИНА. Не волнуйся... А твоя машина? Что-то ее не видно.

ШАМАНОВ. Должна подойти.

Хороших выходит из буфета в помещение чайной.

КАШКИНА. Куда ты едешь?.. Что там новенького, хорошенького?

ШАМАНОВ. Одно и то же... Грабанули киоск с водкой — в Потеряихе, в Табарсуке тракторист избил жену.

КАШКИНА. За что он ее?

ШАМАНОВ. Избил?.. Как нам оттуда сообщили: «За нетактичное поведение».

КАШКИНА. За что? (*Смеется, потом.*) Наверно, из ревности. (*Со вздохом.*) Боже, бывает же такое.

ШАМАНОВ. Безумие... (*Вздох.*) И когда все это кончится...

КАШКИНА. Ну, знаешь, если бы все были такими благоразумными, как ты...

ШАМАНОВ. И прекрасно. Тогда, может быть, меня отпустили бы на пенсию.

Из помещения чайной доносится голос Хороших: «Хватит, говорю, распивать!» Потом она появляется в дверях, закрывает их плотней, и последующий разговор Кашкиной и Шаманова сопровождается скандальным гомоном, доносящимся из-за дверей.

КАШКИНА. Не подерутся они там?

ШАМАНОВ. Очень может быть.

КАШКИНА. Знаешь, почему у них так?

ШАМАНОВ (*равнодушно*). Почему?

КАШКИНА. Она его любит...

Шум за дверью усиливается. Голос Хороших звучит пронзительно, но слов разобрать невозможно.

Он ее — тоже. Они любят друг друга, как в молодости.

ШАМАНОВ. Только бы они друг друга не убили. Последнее время они что-то чересчур усердствуют.

КАШКИНА. Это потому, что здесь Пашка. Ты знаешь, что Афанасий ему не отец?

ШАМАНОВ. Слышал.

КАШКИНА. Но когда Афанасий уходил на фронт, она была ему не жена. Только невеста.

ШАМАНОВ. Ну и что?

КАШКИНА. Пашка родился сразу после войны, а Афанасий — он был в плену, потом на севере, вернулся только в пятьдесят шестом году... Ты подумай. До сих пор он не может ей простить, до сих пор страдает. Разве это не любовь? Ну скажи... Ты как думаешь?

ШАМАНОВ. Не знаю. Я в этом плохо разбираюсь.

Небольшая пауза. За дверью скандал поутих, доносятся лишь отдельные выкрики. Что именно выкрикивают — не поймешь.

Зина, что ты от меня хочешь?

КАШКИНА. Я?
ШАМАНОВ. Да, ты. Что ты от меня хочешь?
КАШКИНА. А как ты думаешь?
ШАМАНОВ. Чтоб я на тебе женился.
КАШКИНА. Возможно... Но главное не в этом.
ШАМАНОВ. Не знаю. У меня такое впечатление, что ты хочешь от меня чего-то невозможного.
КАШКИНА. Боюсь, что так оно и есть.
ШАМАНОВ. Зина, я сделаю все, что ты захочешь. Но если у меня чего-то нет, значит, нет. Нельзя же, в самом деле, требовать от меня того, чего у меня нет.
КАШКИНА. Ну спасибо тебе. Умеешь ты высказываться деликатно... Ну да ладно... Какие у тебя планы на вечер?
ШАМАНОВ. Планы?
КАШКИНА. Послушай, идем сегодня на танцы.
ШАМАНОВ. На танцы?
КАШКИНА. Ну почему нет? Что же вечером делать?
ШАМАНОВ. Зина, ты меня удивляешь. Какие танцы, что ты. На танцах я в последний раз был в тысяча девятьсот...
КАШКИНА. Ладно, можешь не продолжать.
ШАМАНОВ. И потом, к счастью, сегодня здесь не танцы, а кинофильм. И я его, слава богу, уже видел.
КАШКИНА. А я не про ДК говорю, я предлагаю пойти в Потеряиху...
ШАМАНОВ. Куда?
КАШКИНА. Или в Ключи. Там сегодня танцы...
ШАМАНОВ. В Потеряиху? В Ключи?.. Ты шутишь, правда же?
КАШКИНА. Ну почему? До Ключей семь, а до Потеряихи всего пять километров. Отличная прогулка.
ШАМАНОВ. Пять туда и пять обратно. (*Ужасаясь.*) Десять километров.
КАШКИНА. А тебе не стыдно?
ШАМАНОВ. Ну в ДК — еще куда ни шло, но в Потеряиху! Зина, это безумие.
КАШКИНА. Ладно, ладно. Никто тебя туда не тащит. Просто я думаю, чем заняться сегодня после работы. Ладно... Что я тебя хотела спросить... Да.

Что бы ты сделал, если бы я тебе изменила?

ШАМАНОВ. Ты уверена, что хотела спросить именно это?

КАШКИНА. Да, именно. Если бы я тебе изменила, сделал бы ты что-нибудь вообще, а если бы сделал, то что именно?

ШАМАНОВ (*со вздохом*). Что бы я сделал?.. Ну известное дело. Я бы тебя застрелил. Или бы задушил. Ты что предпочитаешь?.. В свою защиту я бы сказал, что ты замучила меня нелепыми вопросами. Суд бы меня оправдал. А вообще я хочу на пенсию.

КАШКИНА (*не сразу*). А знаешь, эта шутка похожа на правду.

ШАМАНОВ. Какая шутка?

КАШКИНА. Да вот про пенсию. Мне кажется, это и на самом деле твое единственное желание.

ШАМАНОВ. Конечно.

КАШКИНА. Одного я только не пойму: как ты дошел до такой жизни... Объяснил бы наконец.

Шаманов пожал плечами.

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА (*он поет*).

Это было давно,
Лет пятнадцать назад...

КАШКИНА. Ну серьезно. Сколько мы знакомы? А ведь я про тебя ничего почти не знаю. А что знаю, услышала от других людей, не от тебя. Знаешь, даже немного обидно... Да нет, не беспокойся, пожалуйста, ничего я от тебя не требую... Но я хотела бы тебя понять.

ШАМАНОВ. Зачем, Зина, зачем понять?

КАШКИНА. Зачем?.. Да хотя бы, чтобы не задавать тебе нелепых вопросов. В самом деле, ну почему бы тебе не рассказать мне про свою городскую жизнь?

ШАМАНОВ. Ни в коем случае. Стоит рассказать, и вопросов у тебя появится еще больше, и они будут еще нелепее. Уволь, Зина... Не обижайся, но у меня нет никакого желания исповедоваться.

12—510

КАШКИНА. Ладно, ладно, никто тебя не заставляет... (*Не сразу.*) Но ты не думай, что я про тебя ничего не знаю. Кое-что мне все-таки известно.

ШАМАНОВ. Тем лучше.

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА.

Это было давно,
Лет пятнадцать назад,
Вез я девушку тройкой почтовой...

КАШКИНА. Говорят, ты был совсем другим человеком, не таким, как сейчас... Жена, говорят, у тебя была чья-то там дочь, и очень красивая. И вообще сначала ты процветал. Так говорят... (*Не сразу.*) В общем, в городе я встретила одну знакомую, Ларису, из облздрава — знаешь такую?

ШАМАНОВ. Не помню.

КАШКИНА. Не помнишь?.. А она тебя помнит. Оказывается, ты разъезжал в собственной машине. Никогда бы не подумала... Лариса, она так сказала: «У него было все, чего ему не хватало — не понимаю». И еще она сказал: «Он бы далеко пошел, если бы не свалял дурака...»

Шаманов усмехнулся.

Это ее слова. (*Чуть жеманно, подражая голосу своей городской знакомой.*) «Что с ним тогда стряслось — не понимаю...» (*Тихо.*) А я тебя понимаю. (*Сразу, как бы извиняясь.*) Мне кажется, я понимаю, в чем дело.

ШАМАНОВ (*вяло*). В чем дело?

КАШКИНА. Год назад чей-то сынок на машине наехал на человека. Было такое?.. Ну вот. И тебе поручили это дело. Верно?.. Лариса говорит, что того сынка, ну этого, который наехал на человека, она тоже знает. (*Снова подражая голосу Ларисы.*) «Старушка, с одной стороны, дело было темное, а с другой стороны, дело было абсолютно ясное, никто не думал, что он захочет его посадить. Никто от него этого не ожидал». Ты ее не припоминаешь — Ларису? У нее глаза чуть такие (*показывает*), крашеные волосы — черные, и —

что еще?.. Да! Ногти. Ничего не скажешь, ногти у нее чу́дные. Ну что, ты ее не припоминаешь?

ШАМАНОВ. Не знаю. У них там у всех чу́дные ногти... Не помню.

КАШКИНА. Странно... Так вот, никто не ожидал, что ты захочешь его посадить, а ты вдруг захотел. Но у тебя ничего не получилось. Суд перенесли, следствие передали другому, но ты, говорят, на этом не успокоился. (*Подражая Ларисе.*) «Он уперся как бык... не знаю уж, кем он себя вообразил, но он тронулся, это точно. Он ушел от жены, нигде не показывался, одеваться стал кое-как, короче, он совсем опустился...» Так это было?

ШАМАНОВ. Вот видишь, все ты про меня знаешь, не понимаю, на что ты обижаешься.

КАШКИНА. Неужели это был ты?.. (*Не сразу.*) Я думаю, ты добивался справедливости.

ШАМАНОВ. Допустим. И что из этого?

КАШКИНА. Но ведь это здорово.

ШАМАНОВ. Ты думаешь?

КАШКИНА. Разве это плохо?

ШАМАНОВ. Не хорошо и не плохо. Это безумие. Твоя Лариса права.

КАШКИНА. Моя?

ШАМАНОВ. Я ее не помню. Но добиваться невозможного — в самом деле сумасшествие... Между прочим, суд состоится на днях... Я получил повестку.

КАШКИНА. Да?

ШАМАНОВ. Да! Кое-кто в городе ждет, что я примчусь туда и буду на этом суде выступать.

КАШКИНА. А ты?.. Не собираешься?

ШАМАНОВ. Ни в коем случае. С меня хватит. Биться головой об стену — пусть этим занимаются другие. Кто помоложе и у кого черепок потверже.

КАШКИНА. Да-а, ты был другой человек, теперь я вижу.

ШАМАНОВ (*вялый жест*). Какой бы я ни был, мое выступление ничего не изменит. Ничего ровным счетом. А раз так, значит, оно никому не нужно.

КАШКИНА. Ты в этом уверен?

ШАМАНОВ. На девяносто девять процентов.

КАШКИНА. И все-таки... Один процент остается.

ШАМАНОВ. Один против девяноста девяти — это шанс для умалишенных. Вот и пусть их — дерзают. И закончим этот пустой разговор.

КАШКИНА. Как хочешь...

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА.

Это было давно,
Лет пятнадцать назад...

КАШКИНА. Знаешь, что сказала эта Лариса, когда узнала, что ты здесь? (*Подражая Ларисе.*) «Что ж, деревня, говорят, успокаивает, он правильно сделал, что туда уехал».

ШАМАНОВ. Ерунда. Мне просто было некуда податься.

КАШКИНА. Она передавала тебе привет. (*Подражая Ларисе.*) «Сердечный привет, надеюсь, он еще не постригся в монахи».

ШАМАНОВ (*рассмеялся*). Вспомнил! У нее здесь (*показывает*) железная коронка.

КАШКИНА. Точно!

ШАМАНОВ. Когда она смеется, эта коронка чуть дребезжит.

Оба смеются.

КАШКИНА. Точно!

ШАМАНОВ. До сих пор дребезжит?

КАШКИНА. До сих пор.

ШАМАНОВ. Ну да, глаза чуть такие. (*Показывает. Одобрительно.*) И надо сказать, она...

КАШКИНА (*перебивает*). Да-да. Она ничего. Даже очень ничего.

ШАМАНОВ. Вспомнил, вспомнил. (*Перестав смеяться, неожиданно.*) Подлая баба. Но неглупая.

КАШКИНА. Долго же ты ее вспоминал... Ну да ладно. (*Поднимается*). Пора в свою аптеку. Мой зав — она вон она, уже делает мне ручкой из окошечка. Пойду... Когда увидимся?.. За ужином?

ШАМАНОВ. Не знаю, Зина. К вечеру вернусь... Куда я денусь? (*Поднялся, пошел к буфету.*)

Появляется Пашка — сын Хороших и пасынок Дергачева. Идет он напрямик: вынимает из ограды палисадника доску, ногой толкает калитку. Калитка снова повисла на одной петле. Пашке двадцать четыре года, в деревне он в гостях, на нем ярко-красная экстравагантная куртка, но одновременно и грубые рабочие башмаки. Парень он крупный, неуклюжий. Взгляд чуть исподлобья, говорит басом. Вообще склонность идти напролом хорошо согласуется с его внешностью.

ПАШКА. Здрасте.
КАШКИНА. Добрый день.

Шаманов кивает ему. Пашка проходит к буфету.

(*Уходит через палисадник по пути, проделанному Пашкой. Шаманову.*) До вечера. (*Исчезает.*)

ШАМАНОВ. Счастливо. (*У буфета протянул руку в окно, достал оттуда телефон, снял трубку.*) Дайте милицию...

Пашка у буфета. Стучит пальцами по витрине.

Дежурный?.. Это Шаманов... Жду машину в Табарсук... Скоро?.. А когда?.. Скажи ему, пусть он подъедет к чайной... Жду его здесь... Скажи, пусть поторопится. (*Поставил телефон на место, отошел от буфета, уселся за столик, но не за тот, за которым сидел с Кашкиной, а за другой, у крыльца — подальше от буфета.*)

ПАШКА (*стучит.*) Ма-ать!

В буфете появляется Хороших.

ХОРОШИХ. Явился...
ПАШКА. Дай-ка «Беломору».
ХОРОШИХ (*дает ему папиросы*). Дров наколол?
ПАШКА. Наколол.
ХОРОШИХ. Баню сегодня протопишь.
ПАШКА. Пусть инвалид протопит.
ХОРОШИХ. Я говорю, ты протопишь. Понял?
ПАШКА. Ладно, там видно будет. (*Уселся прямо на подоконник-прилавок, закурил.*) Денек сегодня будет... Законный денек.
ХОРОШИХ. Не твой денек, Павел... Куда уселся? Слазь отсюдова. (*Сталкивает его с подоконника.*)

ПАШКА. Да погоди ты, мать. Дай покурить спокойно.
ХОРОШИХ (*не сразу*). Чё, скажешь, покурить сюда пришел?
ПАШКА. А чё еще? Дашь выпить и выпить могу.
ХОРОШИХ. Я вот те выпью. Еще чего не хватало.
ПАШКА. Да не надо, не надо. Я и без того заведенный.
ХОРОШИХ. Заведенный... Уезжать тебе надо, Павел.
ПАШКА. Ну во-от. В гости, называется, приехал. К матери родной... Гонишь, что ли?
ХОРОШИХ. Не гоню, а пора тебе. Отпуск кончился. Отгулял свое. Как бы тебя там с работы не выгнали.
ПАШКА. Не выгонят, не беспокойся. Это я у вас тут не котируюсь, а там — не беспокойся...

Хороших вздохнула шумно и горестно.

(*Негромко.*) Где она?
ХОРОШИХ. Послушайся, Павел, матери — уезжай. Пустое твое дело.
ПАШКА. Обижаешь, мать. Помочь бы могла.
ХОРОШИХ. Эх, Павел. Никому ты тут не нужен, кроме меня. Чем тебе поможешь?
ПАШКА. А не поможешь, значит, не мешай.

Появляется Валентина с подносом и тряпкой. Прибирает на столе, за которым сидели Шаманов и Кашкина.

Здравствуй, Валентина.
ВАЛЕНТИНА. Здравствуй. (*Направляется в помещение чайной, но Пашка загораживает ей дорогу.*)
ПАШКА. Погоди...

Она старается пройти — безуспешно.

(*Схватил ее за руку.*) Ну чё ты как неродная...
ВАЛЕНТИНА. Пусти.
ПАШКА. А выйдешь вечером?
ВАЛЕНТИНА. Нет.
ПАШКА. Точно не выйдешь?

Валентина пытается освободить руку — напрасно.

А ты не торопись, ты подумай...

ВАЛЕНТИНА. Я тебе уже сказала... Пусти.
ХОРОШИХ (*строго*). Павел!
ПАШКА (*понизив голос, глухо*). Я тебе скажу, Валя... Зря ты вертишься. Никуда ты от меня не денешься.
ВАЛЕНТИНА (*с отчаянием*). Пусти!
ШАМАНОВ. Послушай-ка. Нельзя ли полегче?
ПАШКА (*оборачивается*). Чё такое?

Валентина освободилась, быстро зашла в чайную.

ШАМАНОВ. Я говорю, нельзя ли полегче — с девушкой?
ПАШКА. А чё такое?.. Чё тебе не нравится?

Шаманов не отвечает.

(*Садится напротив Шаманова.*) Нет, серьезно, чем ты недоволен?
ХОРОШИХ. Павел!
ПАШКА. Я разговариваю с девушкой, а ты чё? Недоволен, что я с ней разговариваю?
ШАМАНОВ. Я-то доволен. Девушка недовольна.
ПАШКА. А чё ты за нее волнуешься? Кто ты ей такой, с какого боку?
ХОРОШИХ. Павел! Как с людьми разговариваешь?
ПАШКА. Нормально, как мне еще разговаривать? По-иностранному, что ли?.. А то я могу. (*Лицом и корпусом подался к Шаманову.*) Хау ду ю ду — это по-английски, а по-русски это значит — не суйся не в свое дело. Правильно?
ШАМАНОВ. Да нет, милый мой. Слабоват ты в английском. Хау ду ю ду — это значит: не валяй дурака, веди себя приличнее.
ПАШКА (*хмыкнул одобрительно*). Ничё...
ХОРОШИХ. Так его, Владимир Михалыч, покрепче его понужните, чтоб он понимал.
ПАШКА (*поднимается*). Ничё, ничё. Чувствуется, что поговорил с образованным человеком. (*Нагнулся к Шаманову, глухо.*) Но учти, следователь. К Валентине ты больше не касайся. Ни под каким видом... Я тебе серьезно говорю. (*Отходит от столика Шаманова.*)

В буфете за спиной Хороших появляется Еремеев. Он протягивает Хороших деньги.

ХОРОШИХ. Нет, нет. Сказала ни грамма — и точка.

ЕРЕМЕЕВ. Маленько, однако, налей.

ХОРОШИХ. Отойди, Илья. Выйди из буфета. (*Выталкивает Еремеева.*) Сказала — нет...

Дергачев появляется и подталкивает Еремеева с другой стороны.

ДЕРГАЧЕВ. Не твои деньги, не имеешь права.

ХОРОШИХ. Нет, я вам говорю. Не получите!

ДЕРГАЧЕВ (*грозно*). Обслужить клиента, и никаких!

ПАШКА (*подходит к буфету, Хороших*). Чего он там разошелся?

Еремеев выбирается из буфета.

ХОРОШИХ. Выйди, Афанасий. Не получишь больше — все равно.

ДЕРГАЧЕВ. Ну, Анна, на себя пеняй...

ПАШКА. Эй ты, деятель...

Дергачев повернулся, только сейчас он заметил Пашку.

Выйди из буфета. По-хорошему.

ДЕРГАЧЕВ. А-а, щенка своего позвала. Поможет, думаешь?

ХОРОШИХ. Выйди, Афанасий. А ты, Павел, помолчи...

ДЕРГАЧЕВ (*Пашке*). Заткнись, не то...

ПАШКА. Ну чё?..

Дергачев стучит кулаком по прилавку.

Тише, тише. А то смотри, руку зашибешь.

ХОРОШИХ. Молчи, Павел!.. Афанасий, перестань!.. Господи, господи... Налью я тебе — только перестань! Налью, слышишь?

ПАШКА. Куда лить-то?.. Хватит с него, налил с утра пораньше.

ДЕРГАЧЕВ. Ну, щенок... (*Быстро выходит из буфета.*)

ХОРОШИХ. Афанасий! (*Устремляется вслед за Дергачевым.*)

Дергачев появляется, приближается к Пашке, берет его за грудки.

ПАШКА (*хватает его за руки*). Ну и чё?.. А дальше чё?.. Ну?

ДЕРГАЧЕВ. Я покажу тебе... Я научу тебя... Крапивник!

Хороших появляется, пытается разнять Пашку и Дергачева, которые топчутся по всей веранде. При этом сила явно на стороне Пашки, он лишь защищается.
Пытаясь их разнять, к Хороших присоединяется Шаманов. Еремеев появляется, сокрушенно качает головой. В дверях чайной появляется Валентина, останавливается на пороге.

Я покажу вам!.. Я вам устрою!..

ПАШКА. Мать, убери его от меня!..

ХОРОШИХ. Афанасий!.. Павел!

ШАМАНОВ (*кричит*). Остановитесь!

На секунду они останавливаются.

Уведите его домой. Он пьян.

ХОРОШИХ (*подталкивает Дергачева и Пашку к крыльцу*). Опомнись! Афанасий... Павел! Веди его домой...

ПАШКА. Да пошел он... Сама с ним возись!

ХОРОШИХ. Помоги мне, Павел... Уведем его, слышишь... Ради бога, Павел...

ДЕРГАЧЕВ. А ну отцепитесь!.. Я научу вас свободу любить...

ПАШКА. Ладно, кончай... Повоевал — хватит... Пошли.

Пашка потащил Дергачева через палисадник. Хороших идет за ними. У дыры они возятся, затем Пашка вынимает еще одну, третью доску и выталкивает Дергачева из палисадника. Исчезают все втроем. Еремеев идет следом, но палисадник обходит.

ШАМАНОВ. Веселенькое утро, ничего не скажешь...

Шум и голос Хороших: « Не трогай его! Не трогай его!» Затем шум удаляется и умолкает.
Валентина спускается в палисадник, подбирает доски и начинает восстанавливать ограду. Шаманов сначала рассе-

янно, потом внимательнее наблюдает за Валентиной. С момента ухода Пашки, Дергачева, Хороших и Еремеева прошло не менее полминуты.

Валентина...

Валентина прекратила работу.

Вот я все хочу тебя спросить... Зачем ты это делаешь?

ВАЛЕНТИНА (*не сразу*). Вы про палисадник?.. Зачем я его чиню?

ШАМАНОВ. Да, зачем?

ВАЛЕНТИНА. Но... Разве непонятно?

Шаманов качает головой: непонятно.

И вы, значит, не понимаете... Меня все уже спрашивали, кроме вас. Я думала, что вы понимаете.

ШАМАНОВ. Нет, я не понимаю.

ВАЛЕНТИНА (*весело*). Ну тогда я вам объясню... Я чиню палисадник для того, чтобы он был целый.

ШАМАНОВ (*усмехнулся*). Да? А мне кажется, что ты чинишь палисадник для того, чтобы его ломали.

ВАЛЕНТИНА (*делаясь серьезной*). Я чиню его, чтобы он был целый.

ШАМАНОВ. Зачем, Валентина?.. Стоит кому-нибудь пройти, и...

ВАЛЕНТИНА. И пускай. Я починю его снова.

ШАМАНОВ. А потом?

ВАЛЕНТИНА. И потом. До тех пор, пока они не научатся ходить по тротуару.

ШАМАНОВ (*покачал головой*). Напрасный труд.

ВАЛЕНТИНА. Почему напрасный?

ШАМАНОВ (*меланхолически*). Потому что они будут ходить через палисадник. Всегда.

ВАЛЕНТИНА. Всегда?

ШАМАНОВ (*мрачно*). Всегда.

ВАЛЕНТИНА. А вот и неправда. Некоторые, например, и сейчас обходят по тротуару. Есть такие.

ШАМАНОВ. Неужели?

ВАЛЕНТИНА. Да. Вот вы, например. Вы всегда обходите по тротуару.

ШАМАНОВ (*искренне удивился*). Я?.. Ну не знаю, не замечал... Во всяком случае, пример неудачный. Я хожу с другой стороны.

ВАЛЕНТИНА. С другой стороны, но и с этой вы тоже ходите. И всегда вокруг.

ШАМАНОВ. Да? Ну, значит, мне просто лень нагибаться. Мне лучше обойти, чем нагибаться... (*Не сразу.*) Нет, Валентина, ты зря стараешься.

ВАЛЕНТИНА. Неправда... (*Двумя-тремя жестами закончила с оградой.*) Вот и все. Много ли здесь труда — и все на месте. И ограда целехонька. (*Живо.*) Ну неужели вы не понимаете? Ведь если махнуть на это рукой и ничего не делать, то через два дня растащат весь палисадник.

ШАМАНОВ. Так оно и будет.

ВАЛЕНТИНА. Неправда! Увидите, они будут ходить по тротуару.

ШАМАНОВ. Ты возлагаешь на них слишком большие надежды.

ВАЛЕНТИНА. Да нет же, они поймут, вы увидите. Должны же они понять — в конце концов. Я посею здесь маки и тогда...

ШАМАНОВ (*перебивает*). Нет, Валентина, напрасный труд. (*Подошел к буфету, извлек оттуда телефон, снял трубку.*) Дайте милицию... (*Ждет, потом Валентине.*) А ты не пробовала прибить доски гвоздями?

ВАЛЕНТИНА (*улыбается*). Пробовала. Две доски сломали пополам.

ШАМАНОВ. Вот видишь. Говорю тебе, это напрасный труд. (*По телефону.*) Дежурный?.. Следователь Шаманов... Послушай, там Комаров далеко?.. Дай ему трубку... Здравствуй, Федя... Шаманов... Из чайной... Что там у вас? Когда будет машина?..

Валентина принимается за калитку.

Вот я и звоню: когда она будет?.. Когда?.. А побыстрее нельзя?.. Мне все равно, но если ехать, значит, нечего тянуть резину, уже одиннадцатый

час... К начальнику?.. А что такое?.. Вызывают в город?.. Знаю, получил повестку... Ну да, тот самый процесс... Да, послезавтра. А мне все равно — хоть сегодня — я не еду... Зачем? Там уже все решено, а с меня хватит... Все. Я не любитель красивых жестов... Говорю тебе: нет... Да, можешь сказать ему, что я отказываюсь... И вообще я хочу на пенсию... Да, так ему и передай... Так... А чем он недоволен?.. Пистолет?.. Да (*хлопнул себя по бедру*), у меня. А что такое?.. Ну и что?.. Я вернулся ночью, когда я его мог сдать?.. Ничего, переживет... Что? Сдать его сейчас?.. Ну да, охота мне сейчас тащиться... Не пойду... Нет, я не против дисциплины, просто мне лень туда идти... Ладно, пусть он успокоится, убивать я никого не собираюсь... (*Слушает, потом.*) Какие еще слухи?.. Так, так... Понятно. Общественность интересует, где я ночую... Беспокоится?.. Встревожена? Надо же. У меня такое впечатление, что общественность это волнует больше, чем меня самого... Ну вот что. Я, конечно, польщен вниманием, но где мне ночевать — эту заботу я попросил бы доверить мне лично. Как-никак сам я в этом больше разбираюсь...

Тут Валентина опустила голову ниже.

(*Заметил это и далее разговаривает, глядя на Валентину.*) Я не понимаю, у нас милиция или монашеский орден?.. Послушай, хватит на эту тему. Здесь рядом девушка, и я не могу сказать тебе всего, что я об этом думаю... Девушка?.. Да, интересная... по-моему, да... Здешняя... Да, как ни странно... Успокойся, старина. Ты ей в отцы годишься... Ты прав: еще совсем зеленая... И наш разговор ее смущает... Ну, привет... Да, жду машину. (*Поставил телефон на место.*)

Пауза. Шаманов, пройдясь по веранде, подходит к крыльцу. Валентина налаживает калитку.

(*Наблюдает за ней снова, на этот раз с большим интересом.*) Валентина...

Валентина подняла голову. Небольшая пауза.

Послушай... Оказывается, ты красивая девушка...

Калитка, которую Валентина придерживала, падает на землю.

Не понимаю, как я раньше этого не замечал...

Валентина снова берется за калитку.

Да брось ты эту калитку... (*Не сразу.*) Ах, какая ты упрямая. (*Спускается с крыльца.*) Ну что там?.. Помочь тебе?

ВАЛЕНТИНА. Если хотите... Подержите ее. Да, так...

ШАМАНОВ. Держу... (*Не сразу.*) Не опускай голову, ты же не видишь, что ты делаешь.

Валентина наладила калитку, выпрямилась. Небольшая пауза. Валентина — в палисаднике, Шаманов стоит против нее по другую сторону калитки.

ВАЛЕНТИНА. Спасибо... С этой калиткой не так-то просто... Другой раз легко, а сегодня что-то не получается...

ШАМАНОВ. Да, в самом деле... Странное сегодня утро... Вижу тебя целый год и только сейчас разглядел по-настоящему. И я должен тебе сказать...

ВАЛЕНТИНА (*тихо*). Не надо.

ШАМАНОВ. Ты лишаешь меня слова? Почему?

ВАЛЕНТИНА. Потому что вы надо мной смеетесь.

ШАМАНОВ. Смеюсь? Нисколько. Я говорю серьезно... Ты красивая, Валентина. Что в этом смешного?.. (*Не сразу.*) Ну вот, и уже покраснела... Нет, нет, не опускай голову, дай я на тебя полюбуюсь. Я давно не видел, чтобы кто-нибудь краснел.

Далее — она хотела выйти, но он прикрыл калитку.

Подожди... Подожди, Валентина... Удивительное дело. Мне кажется, что я вижу тебя в первый

раз, и в то же время... (*Неожиданно.*) Послушай!.. Да-да... (*Не сразу.*) Когда-то, давным-давно у меня была любимая... и вот — удивительное дело — ты на нее похожа. (*Не сразу.*) К чему бы это? А, Валентина?

Небольшая пауза.

Сколько тебе лет?.. Семнадцать?.. Восемнадцать?

ВАЛЕНТИНА. Да.

ШАМАНОВ. А почему ты не в городе?.. Твои сверстники, по-моему, все уже там.

ВАЛЕНТИНА. Да, многие уехали...

ШАМАНОВ. А ты? Почему ты осталась?

ВАЛЕНТИНА. Осталась... А разве всем надо уезжать?

ШАМАНОВ. Нет. Совсем нет... Но раз ты осталась, значит, у тебя есть на то причины.

ВАЛЕНТИНА. Значит, есть.

ШАМАНОВ. А в чем дело?.. Я слышал, отец тебя не пускает. Это правда?.. Или — что тебя держит?

ВАЛЕНТИНА. Вам неинтересно...

ШАМАНОВ. А все же, в чем дело?.. (*Не сразу.*) Что с тобой?.. Ну-ну, если это тайна, я не спрашиваю... Это тайна?

Небольшая пауза.

Валентина, ты замечательная девушка. Все у тебя на лице — все твои тайны. Ты не уехала, потому что ты влюбилась... Разве нет?.. А в кого, интересно?.. Не скажешь?.. Ну еще бы! (*Любуется ею, потом, усмехнувшись.*) Глянула бы ты на себя со стороны... (*Не сразу.*) Ах, Валентина, грустно мне на тебя смотреть. Грустно, потому что меня уже никогда не полюбит такая девушка, как ты.

ВАЛЕНТИНА (*у нее вырывается то, что она могла бы сказать ему в любую минуту.*) Неправда!

ШАМАНОВ. Что неправда? (*С любопытством.*) Кто ж, интересно, может на меня позариться?.. Что-то не вижу я желающих... Может, ты кого знаешь?

ВАЛЕНТИНА (*тихо*). Все знают... Кроме вас.

ШАМАНОВ. Вот как?

ВАЛЕНТИНА. Вы один здесь такой: ничего не видите... (*Неожиданно громко, с отчаянием.*) Вы слепой! Слепой — ясно вам?

Небольшая пауза.

ШАМАНОВ (*никак не ожидал этого признания и явно им озадачен; с удивлением*). Ты это серьезно?.. (*Не сразу, с растерянностью.*) Ты уверена, что... (*Остановился.*)

ВАЛЕНТИНА (*с напряжением, изо всех сил стараясь улыбнуться*). Слепой... Но не глухой же вы, правда же?

ШАМАНОВ (*не сразу*). Да нет, Валентина, не может этого быть... (*Засмеялся.*) Ну вот еще! Нашла объект для внимания. Откровенно говоря, ничего хуже ты не могла придумать... (*Открыл калитку, сделал шаг и... погладил ее по голове.*) Ты славная девочка, ты прелесть, но то, что ты сейчас сказала, — это ты выбрось из головы. Это чистейшей воды безумие. Забудь и никогда не вспоминай... И вообще: ты ничего не говорила, а я ничего не слышал... Вот так.

ВАЛЕНТИНА (*негромко, с усилием*). Я не сказала бы никогда. Вы сами начали.

ШАМАНОВ (*довольно сухо*). Я пошутил.

Валентина отступает на шаг, затем быстро выходит из палисадника.

Постой... (*Идет за ней следом.*) Валентина!

Она исчезает, оставляя за собой открытой калитку своего дома.

(*Постоял-постоял, а потом поднялся на веранду и уселся на стул. Некоторое время сидит вытянув ноги и запрокинув голову.*) Ну вот... Только этого мне и недоставало.

Кашкина и Пашка появляются одновременно, она с левой стороны, он — с правой. Столкнувшись у палисадника с Кашкиной, Пашка останавливается и, резко повернувшись, уходит обратно. Кашкина, на этот раз обойдя палисадник, поднимается на веранду.

КАШКИНА. Где ж твоя машина?.. (*Иронизирует.*) Бедненький, сидишь тут в одиночестве, скучаешь, и развлечь тебя некому. Все куда-то разбежались...

Шаманов глянул на нее мрачно.

(*Другим тоном.*) Наше окно напротив, так что извини...

ШАМАНОВ. Сколько угодно. Тем более: глазеть в окно — в этом все ваше дело.

КАШКИНА. Не все, допустим, но когда есть на что посмотреть... А было на что посмотреть.

ШАМАНОВ. Что ж, значит, не зря вы сегодня пришли на работу.

КАШКИНА. Успокойся, никто этого не видел, кроме меня. Я одна наблюдала.

ШАМАНОВ. Ну?.. Надеюсь, тебе хорошо было видно?

КАШКИНА. Прекрасно. Вот только не слышно ничего...

ШАМАНОВ. А что тебя интересует? Я охотно тебе перескажу.

КАШКИНА. Как это вы вдруг... разговорились?

ШАМАНОВ (*насмешливо*). Да так, очень просто. Я сделал ей комплимент, она... Да, вот так, слово за слово, незаметно. Кое-что выяснилось...

КАШКИНА. А раньше ты этого не замечал?

ШАМАНОВ (*не сразу*). А что ты раньше замечала?

КАШКИНА (*не сразу*). Ну выяснилось, а дальше? Как это тебе понравилось?

ШАМАНОВ. Мне-то?.. (*Все так же насмешливо.*) А что мне? Она меня заинтриговала. Да, а ты как думаешь? Она милая девушка — разве нет? И я жалею, что не замечал этого раньше... Да, вот так. Раньше не замечал, зато сегодня... как бы тебе это выразить... Она явилась неожиданно, как луч света из-за туч. Нравится тебе такое сравнение?

КАШКИНА. Неплохо.

ШАМАНОВ. Кроме того, она напоминает мне мою первую любовь — не веришь?.. Это совершенно серьезно... А в довершение ко всему — вот, ока-

зывается, она в меня уже влюблена... Ну что? Как, по-твоему, все это называется?

КАШКИНА. Я не пойму, над кем ты сейчас издеваешься?

ШАМАНОВ (*тем же тоном*). Судьба — другим словом все это не назовешь. Судьба. И она говорит мне: дерзай, старик, у тебя еще не все потеряно. Вот, она говорит, тебе тот самый случай — лови, другого уже не будет... (*Помолчал.*) Да. Вот так.

КАШКИНА. И что дальше?

ШАМАНОВ. Дальше?.. Известное дело. Я благодарю судьбу, плюю на предрассудки, хватаю девчонку и — привет. Я начинаю новую жизнь. Тебя это устраивает?

КАШКИНА. А тебя?

ШАМАНОВ (*другим тоном, с раздражением*). Зина. У тебя политика такая или ты действительно дура?.. Ну в самом деле! Мы с тобой знаемся, мне кажется, уже тыщу лет, а ведь ты совсем меня не понимаешь — ну совершенно! (*Расходится.*) Да нет, ты извращаешь каждое мое слово, каждый звук, каждую букву! Начни я за здравие, ты тут же начнешь за упокой, заикнись я про Фому, ты обязательно свернешь все на Ерему. Черт знает что! Ну скажи на милость, ну чего ты сюда прибежала? Зачем? Что такого ты здесь увидела? (*Вскочил.*) Ну в самом деле! Ну откуда берутся у тебя эти дикие мысли, эти нелепые подозрения? Ну скажи, ну что, что может быть у меня с этой девчонкой? Ну? Чем, черт меня подери, похож я на влюбленного? Ну чем, я тебя спрашиваю! Похож я на него хоть чем-нибудь?.. (*Перевел дух.*) Боже мой... Что за дурацкое утро! Что сегодня с вами? Что вам от меня надо?.. Я ни-че-го не хочу. Абсолютно ничего. Единственное мое желание — это чтобы меня оставили в покое. Все! И ты тоже. Ты — прежде всех!.. И вообще, с какой стати ты меня терроризируешь, по какому праву? Я не желаю больше этого терпеть, не же-ла-ю, ясно тебе?

КАШКИНА. Ясно... Но почему ты так разнервничался?

ШАМАНОВ. Уйди, Зина.

КАШКИНА. Что с тобой?.. На тебе лица нет... Ты не болен?

ШАМАНОВ. Уй-ди... Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Сейчас. С этой самой минуты.

КАШКИНА. Ладно, я уйду, но...

ШАМАНОВ (*перебивает*). Уйди. (*Внезапно угас, опустился на стул. Негромко, полностью равнодушным голосом.*) Уйди, я тебя прошу.

Кашкина уходит с недоумением и обидой. Пауза, во время которой Кашкина заходит во двор, появляется на лестнице и исчезает у себя в мезонине.
Появляется Пашка. Поднимается на веранду, некоторое время молча стоит перед Шамановым.

Ну?.. Что скажешь?

ПАШКА. Разговор у нас уже был... Может, ты меня не понял?.. Про Валентину понял ты или нет?

ШАМАНОВ. Пока нет. Еще не понял.

ПАШКА. Брось, не прикидывайся... Втихаря к ней подбираешься, по-интеллигентному?.. А я тебе говорю прямо, и притом последний раз говорю: увижу тебя с ней — обоим не поздоровится... Худо будет. Говорю тебе честно. (*Молчит.*)

ШАМАНОВ. Все?.. А теперь иди... (*Не сразу.*) Иди, иди. Погуляй, остуди голову... (*Небольшая пауза.*) Предупреждаю тебя, сегодня у меня отвратительное настроение.

ПАШКА. Это ты брось. Я тебе серьезно говорю: последний раз предупреждаю. А там... (*Глухо.*) Убью, понял?

ШАМАНОВ (*усмехнулся*). Убьешь?

ПАШКА. Убью. И не посмотрю, кто ты есть и чё у тебя там на ремне прицеплено. Убью.

ШАМАНОВ. Да неужели?..

ПАШКА. Думаешь, пушки твоей постесняюсь?

ШАМАНОВ. Убьешь?

ПАШКА. Плевал я на твою пушку.

ШАМАНОВ (*не сразу*). А что пушка?.. Вот она. (*Достал кобуру с пистолетом, вынул пистолет, положил его на стол и отодвинул от себя, ближе к Пашке.*) Убьешь?

Пашка усмехнулся, взял пистолет, осмотрел его, вынул обойму, вставил обратно.

Что? Все в порядке?

Пашка подбросил пистолет на руке.

Стрелять-то умеешь?

Пашка усмехнулся.

А то ведь еще не убьешь — напугаешь только или, чего доброго, покалечишь... Или убьешь?

ПАШКА. Возьми. Надо будет, обойдусь и без него. (*Протягивает пистолет Шаманову, но тот его не принимает. Пистолет остается у Пашки.*)

ШАМАНОВ. Зачем же без него?.. Каким образом? Поленом, что ли? Или топором?.. Нет, милый мой, поленом — это вульгарно, поленом я не согласен... У тебя в руках неплохая машина. Старенькая, правда, но все же... Может, попробуешь?

ПАШКА. Брось, следователь. Кончай. Мне не до шуток, учти это.

ШАМАНОВ. Мне тоже не до шуток.

ПАШКА. Держи. (*Снова протягивает Шаманову пистолет.*) Я тебя предупредил, ты меня понял. Разойдемся добром... Слышь? (*Глухо.*) Шуруй по чердакам. Знай свое место... И учти, этот разговор последний. Если увижу...

ШАМАНОВ (*перебивает*). Ты увидишь... Сегодня же ты увидишь.

ПАШКА. Брось.

ШАМАНОВ. Мы встречаемся здесь. В десять вечера... Мы с ней давно встречаемся. Ты опоздал.

ПАШКА. Заткнись...

ШАМАНОВ. Ты зря стараешься. Ты ей не нужен.

ПАШКА (*кричит*). Заткнись, тебе говорят!

ШАМАНОВ. Ты ей не нужен.

Пашка отступает от Шаманова, сжимая в руке пистолет.

Она любит меня... Тебе не видать ее... идиот, как ты не понимаешь... никогда не видать... (*Вцепив-*

шись руками в подлокотники стула, кричит истерически.) Стреляй!

Пашка нажимает на собачку — ясно слышен стук бойка. Осечка. На лице у Шаманова — ужас, потом недоумение. Пашка роняет пистолет.

(*Приходит в себя, но разжать пальцы, которыми несколько секунд назад он схватился за подлокотники, ему не сразу удается. Но вот он овладел руками. Ладонью провел по лбу и по глазам.*) Подними пистолет.

Пашка поднимает пистолет.

Положи на стол.

Пашка положил пистолет на стол.

Уходи.

Пашка, чуть пошатываясь, будто пьяный, спускается с веранды. Он уходит. Шаманов хотел подняться, но безуспешно. Ноги его не держат.
Через мгновение появляется Еремеев. Что-то бормоча и охая, он усаживается на нижней ступеньке крыльца.

ЕРЕМЕЕВ. Ох-хо-хо...
ШАМАНОВ. Что, дед? Как твои дела?
ЕРЕМЕЕВ. Дела, ядреная бабушка. Человеку не верят, бумагам верят.

Шум подъезжающей машины.

Работал, сорок лет работал...
ШАМАНОВ (*поднимается*). Сочувствую тебе, дед. Помочь ничем не могу. (*Прячет пистолет.*)

Звук машинного тормоза, мужской голос: «Ну чё, поехали?»

Сейчас поедем! (*Берет со стола салфетку, достает ручку, быстро пишет и складывает салфетку вчетверо.*) Дед, у меня к тебе просьба. Будь добр, передай эту бумагу Валентине. Знаешь Валентину?

Еремеев кивает. Шаманов отдает ему записку. Появляется

Кашкина. Услышав голос Шаманова, она останавливается на пороге.

Отдашь ей. Только сразу, как она придет. Договорились?

Еремеев кивает.

Да смотри, другому кому не отдай.
ЕРЕМЕЕВ. Хорошо, хорошо.
ШАМАНОВ (*себе*). Ну вот... (*Еремееву.*) Спасибо, дед. (*Быстро сходит с крыльца, исчезает.*)

Шум отъезжающей машины. Кашкина спускается вниз.

КАШКИНА (*покружив несколько перед Еремеевым, вступает с ним в разговор*). Ну и как? Что у вас новенького?.. Были в райсобесе?.. Что там сказали? Дадут вам пенсию?

Еремеев качает головой.

А почему?
ЕРЕМЕЕВ. Ох-хо, бумаги надо. Ты грамотная, сама, однако, знаешь... (*Живо.*) Из города приехала?
КАШКИНА. Я?.. Да, из города...
ЕРЕМЕЕВ (*с надеждой*). Карасева знаешь?.. Начальником партии работал... Не знаешь?

Кашкина пожала плечами.

Эдельмана знаешь?

Кашкина качает головой.

Быкова, однако, тоже не знаешь...
КАШКИНА. Нет, нет, откуда же? Город ведь большой.
ЕРЕМЕЕВ. Где найдешь? Как найдешь?
КАШКИНА. Но почему? Если они там, если не разъехались...
ЕРЕМЕЕВ (*махнул рукой*). Здесь не найдешь, там совсем не найдешь.
КАШКИНА. Зря вы так. Вы не торопитесь, не падайте духом раньше времени... Что это у вас? (*Показы-*

вает на записку, которую Еремеев держит в руке.)

ЕРЕМЕЕВ. А?.. Бумага. Девушка придет, отдать надо. Парень просил.

КАШКИНА (*не сразу*). А все-таки вы надежды не теряйте. Я про пенсию говорю... Я тут с одной женщиной беседовала. Вам надо к ней зайти... Она вас проконсультирует и... В общем, вы к ней зайдите.

ЕРЕМЕЕВ. Где работает?

КАШКИНА. Пойдете по этой улице, спросите райздрав, вам покажут. А в райздраве спросите Розу Матвеевну... Она вас ждет.

ЕРЕМЕЕВ (*засуетился*). Райздрав, говоришь? Ждет, говоришь?

КАШКИНА. Да, но как же вам быть? Ведь вам сейчас бумагу надо отдать... Надо?

ЕРЕМЕЕВ. Надо, надо.

КАШКИНА. Ну вот. И к Розе Матвеевне надо. Тоже сейчас... Что же делать?

ЕРЕМЕЕВ (*расстроился*). Что же делать?

КАШКИНА. Вот задача... Что же придумать?

ЕРЕМЕЕВ. Что же придумать?..

КАШКИНА. Ладно! Идите, так уж и быть. А бумагу давайте сюда. Я передам.

ЕРЕМЕЕВ (*очень доволен*). Спасибо, спасибо... (*Отдает Кашкиной записку.*)

КАШКИНА. А кому передать?

ЕРЕМЕЕВ. Валентину знаешь?

КАШКИНА. Ну как же.

ЕРЕМЕЕВ. Она придет, ей отдай.

КАШКИНА. Ну-ну, хорошо.

ЕРЕМЕЕВ (*пошел, остановился*). Роза, говоришь?

КАШКИНА. Роза Матвеевна, не забудьте.

ЕРЕМЕЕВ (*снова приостановился*). Бумагу Валентине отдай. Другому не отдай.

КАШКИНА. Ладно, ладно.

Еремеев уходит.

(*Подходит к буфету, достает телефон, поднимает трубку.*) Дайте райздрав... (*Ждет, потом.*) Роза, ты?.. Привет... Роза, у меня к тебе просьба.

Сейчас к тебе придет один старик... Эвенк, очень старый. Он насчет пенсии. Не удивляйся. Ему надо помочь, если можно... Ну я не знаю. Ты сама подумай. Может, санаторий, может, дом престарелых... Во всяком случае, выслушай его, посоветуй что-нибудь, посочувствуй... Да, надо... Ладно. Посочувствуй старому человеку — это само по себе неплохо. Согласна?.. Ну пока. (*Убрала телефон, подошла к столику, уселась, на мгновение задумалась, потом решительно развернула записку, последние слова которой прочла вслух.*) «...здесь... в десять вечера...» (*Медленно складывает записку.*)

Появляется Хороших.

ХОРОШИХ. Господи... Стыд и стыд. (*Кашкиной.*) Видала, поди... Сцепились-таки, разбойники. У меня сердце чуяло. (*Зашла в чайную, появилась в буфете.*) Да видно, не уйдешь: двум медведям в одной берлоге не место... (*Не сразу.*) А ты чего не на работе? Зинаида?.. Или не слышишь?

КАШКИНА. Что вам, Анна Васильевна?

ХОРОШИХ. А где Валентина?.. (*Громко.*) Валентина!.. Где она?.. Буфет нараспашку, касса открытая, она чё думает?.. Давно здесь сидишь? Не видала ее?

КАШКИНА. Нет, Анна Васильевна.

ХОРОШИХ. Сроду без спросу не уходила, чё это с ней? (*Громко.*) Валентина!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вечер

Конец того же дня. От дома и от палисадника — длинные вечерние тени. Солнце близится к закату.

Из помещения чайной время от времени раздается визг ножовки, стук молотка — там идет работа.

Валентина стоит на веранде перед палисадником. Хороших в буфете. Она щелкает на счетах, что-то записывает.

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА (*он поет*).

Это было давно,
Лет пятнадцать назад,
Вез я девушку тройкой почтовой...

ХОРОШИХ. На твоем месте, Валентина, я отсюда давно уехала бы. Слышишь?.. Целый месяц молчком, не надоело тебе? (*Не сразу.*) Ну действительно! Сестры у тебя выучились, по иркутскам живут да по красноярскам, а ты чем хуже? Ведь ты, поди, и в городе ни разу не была. Это в твои-то годы... Павел вон рассказывает: в городе и работать можно и учиться — все условия. Ему вон и квартиру обещают, несмотря, что холостой... (*Помолчала.*) Отца твоего могу понять. Его хозяйство не пускает. И деньга леспромхозовская. (*Значительно.*) Тебя не понимаю. (*Вдруг запальчиво.*) Слушай! Докуда это будет продолжаться? Думаешь, заступился он за тебя, значит, что ж?.. Да ничего это не значит! Так просто, для порядка и вовсе не ради тебя. Не замечал он тебя и не замечает. Скажи, не так?

ВАЛЕНТИНА. Так, тетя Аня, так.

ХОРОШИХ. У него жена в городе! Знаешь ты про это?.. А Зинаида? Или ты не видишь?

ВАЛЕНТИНА. Вижу, тетя Аня.

ХОРОШИХ. Так из-за кого же ты переживаешь — подумай! Не стыдно тебе?

ВАЛЕНТИНА. Нет... Не стыдно... Я никому не навязываюсь. А из-за кого переживаю — это мое дело... И вы мне не запретите. Не то что вы, а если хотите знать, даже он сам не может мне запретить. Это мое дело.

Хороших энергично разводит руками, варажая тем самым крайнюю степень удивления и отчаяния что-либо доказать. Обе некоторое время молчат.

ХОРОШИХ (*негромко, примирительно, с горечью*). Что мне с Павлом делать? Как быть?.. Упрямый он. И дурной сделался... Упрямый он всегда был. Я мать ему, но выходка у него не моя... Бывало, чё увидит, ну пропало. Вынь да положь. Лет до де-

сяти, пока я одна была, баловала я его. (*Вздохнула.*) Потом отошла ему лафа. (*Не сразу.*) Не даст он нам покою... Слышишь, Валентина. Не отстанет он от тебя.

Небольшая пауза. Мечеткин появляется с левой стороны, минуя палисадник, подходит к буфету.

Что делать — не знаю. Кажется, сама бы сейчас взяла и сбежала куда глаза глядят.

МЕЧЕТКИН. Почему, Анна Васильевна? Я извиняюсь, что вмешиваюсь, но разве плохо вам здесь живется?

ХОРОШИХ. А что хорошего-то? Какое здесь житье?.. Ну нам еще, старикам, ну ладно, а для молодежи? Добра-то в нашем Чулимске. Одно комарье. Куда ни повернись — тайга в любую сторону на сотни верст. Другой раз как подумаешь — душно делается... Глядите, Илья на что уж таежный житель, и то не выдерживает...

МЕЧЕТКИН. Глупо вы, между прочим, рассуждаете... Две котлеты, две простокваши и чай... Глупо и в корне неверно. И все ваши несчастья, между прочим, заключаются в том, что вы не выписываете ни одной газеты.

ХОРОШИХ. Действительно.

МЕЧЕТКИН. А то бы вы знали, что через несколько лет через нас пройдет железная дорога.

ХОРОШИХ. Обслужи его, Валентина. (*Громко.*) Валентина!

Валентина оборачивается.

Очнулась? Дай ему котлеты.

Валентина уходит в чайную.

(*Как бы про себя.*) Как в воду опущенная.

МЕЧЕТКИН. А что с ней?

ХОРОШИХ. А я знаю? (*Усмехнулась.*) Тоже, поди, газеты не выписывает.

Из чайной выходят Дергачев и Еремеев. Дергачев несет стремянку. Еремеев несколько брусков. Все это они складывают на веранде в углу.

ДЕРГАЧЕВ. Отдохнем, Илья. (*Садится на ступеньку крыльца.*)

Еремеев усаживается рядом. Валентина появляется, подает Мечеткину котлеты. Тот принимается за еду. Валентина уходит в чайную. Кашкина вышла на балкончик и тут же исчезла.

МЕЧЕТКИН (*жует, обращаясь к Еремееву*). Слышал я, ты пенсию хлопочешь?

ЕРЕМЕЕВ (*машет руками*). Обратно ухожу, в тайгу ухожу.

МЕЧЕТКИН (*обращаясь к остальным*). Вот друг. За пенсией явился. Без документов.

ХОРОШИХ. Ну и что? Работал же человек. Если он не знал про бумаги эти, виноват он, что ли?

МЕЧЕТКИН. Кто же виноват? Жил, понимаете, беззаботно, как птичка божья, а?.. Ну вот, а теперь будь любезен, расплачивайся за собственное легкомыслие. (*Жует.*) У тебя дети есть?

ХОРОШИХ. Дочь у него. А что толку? Уехала — и с концом.

МЕЧЕТКИН. Совершеннолетняя?

ХОРОШИХ. Хватился. За сорок, поди, не меньше.

МЕЧЕТКИН. Вот народец. А раньше у них и того хуже было. Раньше они стариков вообще бросали. Сами, понимаете, на новое место, а стариков не берут. Продуктишек им оставят на день, на два, а сами ходу. (*Еремееву.*) Был такой обычай.

ХОРОШИХ. Ты обычаем ему не тычь, скажи лучше, что ему делать. (*С насмешкой.*) Ты у нас парень авторитетный, вес имеешь, законы знаешь — вот и давай.

МЕЧЕТКИН (*не замечая насмешки, раздувается*). Гм. Что ж... Могу дать ему добрый совет.

ХОРОШИХ. Ну?

МЕЧЕТКИН. Пусть в суд подает.

ЕРЕМЕЕВ (*испуганно*). Почему в суд?

МЕЧЕТКИН. На дочь свою, на алименты. Разыщут твою дочь, будешь с ней судиться.

ЕРЕМЕЕВ. Зачем суд? Почему дочь? Нет, нет! Не надо!

МЕЧЕТКИН (*всем*). Струсил. Вот друг. (*Еремееву.*) Чего испугался? Судить будут заочно, притом в твою же пользу. И притом...

ЕРЕМЕЕВ (*перебивает*). Нет, нет! Обратно ухожу, в тайгу ухожу.

ХОРОШИХ. Нет, Илья, ты послушай. (*О Мечеткине.*) Дурак дураком, а дело говорит.

МЕЧЕТКИН (*оскорбился*). Анна Васильевна! Вы забываетесь.

ХОРОШИХ (*Еремееву*). Ты пойми, ведь дочь твою найдут.

ЕРЕМЕЕВ (*дрогнул*). Найдут, говоришь?

ХОРОШИХ. В чем и дело. Помогать она тебе должна. А не захочет, ну тогда ее судом заставят.

ЕРЕМЕЕВ (*качает головой*). Нет, нет! В тайгу ухожу.

ДЕРГАЧЕВ. Ну и правильно. Научат они тебя: с собственной дочерью судиться. А ты не слушай. Ты век не судился, и не твое это дело.

Кашкина появляется на своем балкончике.

Твое дело свободное. Закон — тайга, прокурор — медведь. Собирайся, брат, до дому.

ЕРЕМЕЕВ (*закивал*). До дому, до дому.

ДЕРГАЧЕВ. И вот, Илья, я с тобой пойду.

Хороших насторожилась.

ЕРЕМЕЕВ. Ты пойдешь?

ДЕРГАЧЕВ. А что? Или не возьмешь?

МЕЧЕТКИН (*с осуждением*). Вот друзья, вот, понимаете. (*Поднимается.*)

ДЕРГАЧЕВ (*Еремееву*). Забыл, как вместе промышляли?

ЕРЕМЕЕВ. Давно, однако, было... До войны, однако.

ДЕРГАЧЕВ. А ты не бойся. От тебя я не отстану. Уж как-нибудь. (*Поднимается, уходит в чайную.*)

Еремеев идет за Дергачевым. Мечеткин, намереваясь пройти через палисадник, подходит к калитке, но в это время его окликает Кашкина.

КАШКИНА. Иннокентий Степаныч!

МЕЧЕТКИН. А? (*Оборачивается.*)

КАШКИНА. Который час?

МЕЧЕТКИН. Э-э... Двадцать минут девятого.

КАШКИНА. Спасибо. (*Поворачивается, чтобы уйти.*)

МЕЧЕТКИН. Зинаида Павловна! Извините, есть один разговор.

КАШКИНА. Да?

МЕЧЕТКИН. Нет, нет! Разговор серьезный, вопрос обоюдоострый. Я должен поговорить с вами как член месткома.

Дергачев выходит из чайной с ножовкой в руках. Взял брусок, начал пилить.

КАШКИНА. Так что? Мне к вам спуститься или вы ко мне подниметесь?

МЕЧЕТКИН. Вам — как можно? Я поднимусь. (*Направляется во двор, потом по лестнице наверх.*)

ХОРОШИХ. Ты чего старика дразнишь? Какой ты ходок? Какая такая охота?

ДЕРГАЧЕВ. Дело мое. Тебя не спрашивают.

ХОРОШИХ. С ума сошел? Здесь маешься, а там...

ДЕРГАЧЕВ (*перебивает*). Все лучше, чем здесь. Пойду — и никаких. И давай без шума. Хватит.

Мечеткин поднялся к Кашкиной, она усадила его на балкончике.

ХОРОШИХ (*насмешливо*). Станете соболей добывать — припаси уж и на мою долю, не забудь... (*Без насмешки.*) Забудешь?.. А было что дарил.

ДЕРГАЧЕВ. Было, да прошло. (*Уходит в чайную.*)

Хороших вытирает платком глаза.
Из чайной слышен стук — Дергачев работает.

КАШКИНА (*вся в себе*). Я вас слушаю.

МЕЧЕТКИН. Видите ли, Зинаида Павловна... Вопрос, с одной стороны, узколичный, а с другой стороны, должен вам сказать...

КАШКИНА. О чем это вы? Говорите прямо.

МЕЧЕТКИН. Поймите меня правильно. Лично я против вас и против товарища Шаманова ничего не имею.

КАШКИНА (*рассеянно*). Ага... Понятно... Ну и что?

Хороших выходит из буфета в чайную.

МЕЧЕТКИН. Все бы ничего, но сигналы, Зинаида Павловна. Сигналы поступают. Надо же как-то реагировать... (*Хлопнул себя по щеке — убил комара.*) Что будем делать?

КАШКИНА (*себе*). Что делать?.. Что делать?.. (*Мечеткину.*) Вы водку пьете? Давайте выпьем водки.

МЕЧЕТКИН. А?

КАШКИНА. Хотите выпить?

МЕЧЕТКИН. С вами? (*Остолбенел от внезапно открывшейся перед ним возможности.*) Если вы не шутите...

КАШКИНА. У вас есть деньги?

МЕЧЕТКИН. Е-есть...

КАШКИНА. Так в чем же дело? Жмите вниз, несите бутылку. Потом рассчитаемся... Что такое? Может, вы непьющий?

МЕЧЕТКИН. Н-нет, я употребляю... В отдельных случаях...

КАШКИНА. Тогда чего вы стоите?

Мечеткин двинулся, но в противоположную от лестницы сторону.

Вы куда?.. Что это с вами? Вы случайно не алкоголик?

МЕЧЕТКИН. Ни в коем случае.

КАШКИНА. Так что с вами такое?

МЕЧЕТКИН. Ничего, Зинаида Павловна! Побежал за водкой.

КАШКИНА. Подождите... Что-то мне расхотелось пить.

МЕЧЕТКИН (*не сразу, драматическим тоном*). Все ясно. Это был минутный каприз, я так и знал.

КАШКИНА. Что-о?

МЕЧЕТКИН. А может... сбегать все же?

КАШКИНА. Нет, не надо.

МЕЧЕТКИН. Зинаида Павловна! Поймите меня правильно. Я не по легкомыслию, я, Зинаида Павловна, серьезно... Я жениться могу.

КАШКИНА. Что-что-что? (*Машет руками — отгоняет комаров.*)

МЕЧЕТКИН (*упавшим голосом*). Женюсь...

Кашкина рассмеялась.

Зинаида Павловна...

Она смеется.

Зинаида Павловна... Вы забываетесь...

КАШКИНА (*сквозь смех*). Иннокентий Степаныч, золото... Ну могла ли я надеяться, что кто-нибудь меня сегодня рассмешит?

МЕЧЕТКИН. Вот, значит, как? Значит, вы меня разыграли? Я к вам всей душой, а вы ко мне, извините?

КАШКИНА. Да нет же, просто мы друг друга не поняли... Спасибо вам за ваше предложение, но... Уверяю вас, зря вы так обиделись. Ну подумайте, гожусь я вам в невесты?

МЕЧЕТКИН (*неуверенно*). А что, Зинаида Павловна?

КАШКИНА. Ну что вы? Вы такой принципиальный, такой положительный, а я?.. Вспомните-ка, зачем вы сюда пришли. Вспомнили?.. Скажите, вы были женаты?

МЕЧЕТКИН. Ни разу.

КАШКИНА. А я и замужем побывала. Видите... Нет, Иннокентий Степаныч, увы, я вам не пара. Вам надо искать невесту, достойную вас. Достойную, вы понимаете?.. Что требуется от невесты? Прежде всего невинность. Вы согласны?.. (*Задумчиво.*) Ума не надо. Забота, преданность — все это лишнее. Опыт — ни в коем случае. Главное — невинность... Вам все понятно? Ищите девушку.

МЕЧЕТКИН. Легко сказать, если они все разбежались.

КАШКИНА. Все ли?

МЕЧЕТКИН. Поголовно, Зинаида Павловна. Труба у нас с этим вопросом. Прямо катастрофа.

КАШКИНА. Плохо ищете.

МЕЧЕТКИН. Плохо? Да я все места прочесал. Все учреждения. Не в школу же мне идти, сами понимаете... (*Не сразу.*) Кого вы имеете в виду? Даже не знаю.

КАШКИНА. Подумайте...

Мечеткин думает, потом разводит руками.

Боже мой, да она тут, под самым вашим носом.

МЕЧЕТКИН (*удивился*). Валентина?

КАШКИНА. Неужели она вам не нравится?

МЕЧЕТКИН (*не сразу*). Но она... ей... Мне, Зинаида Павловна, уже сорок лет.

КАШКИНА. Вот и прекрасно.

МЕЧЕТКИН. Я, извините, лысый. (*Снимает шляпу, показывает лысину.*)

КАШКИНА. Ерунда. Просто у вас открытый лоб. Очень выразительный.

МЕЧЕТКИН. Но она такая э-э... миниатюрная, а я, извините...

КАШКИНА. Что вас смущает? Полнота мужчине не вредит. Она придает ему импозантность.

МЕЧЕТКИН. Как вы сказали?

КАШКИНА. Импозантность. Разве не так?

МЕЧЕТКИН. Слово красивое.

КАШКИНА. Вы себя явно недооцениваете.

МЕЧЕТКИН. Вы думаете...

КАШКИНА (*перебивает*). Я уверена. Вы тут первый жених. Это вам каждый скажет.

МЕЧЕТКИН. А Пашка?

КАШКИНА. Он ей не нравится.

МЕЧЕТКИН. А вам не кажется, что она посматривает на... э-э... на другого?

КАШКИНА. Вам показалось. И нечего рассуждать, надо действовать. Поговорите с ней, пригласите ее погулять, у вас есть лодка, покатайте ее на лодке, побеседуйте с ее отцом, вы местный житель, он человек патриархальный, да мало ли что? За счастье, Иннокентий Степаныч, надо драться. Зубами и ногами. Ясно вам?

МЕЧЕТКИН (*вдохновился*). Я вас понял.

КАШКИНА (*как бы спохватываясь*). Извините, что-то у меня голова разболелась. (*Исчезает в мезонине.*)

МЕЧЕТКИН (*не сразу, но решительно*). Зубами и ногами! (*Спускается по лестнице, появляется внизу. Про-*

шелся несколько раз по веранде, остановился у буфета. Постучал пальцем по витрине.) Анна Васильевна!

Появляется Хороших.

Будьте любезны э-э... порцию котлет.

ХОРОШИХ (*взяла у Мечеткина деньги, выдала ему талон. Громко.*) Валентина!.. Одни котлеты. (*Исчезает.*)

Мечеткин уселся за столик. Валентина появляется с котлетами.

МЕЧЕТКИН (*принимает тарелку, отставил ее в сторону*). Валентина... Дело не в котлетах. Дело в том, что мне надо решить с тобой один вопрос... (*Хлопнул себя по шее — убил комара.*) У твоего отца на лодке какой мотор? «Москва»? А у меня, между прочим, «Вихрь». На десять лошадей больше. Но вопрос не в этом... Когда ты заканчиваешь работу?

ВАЛЕНТИНА (*пожала плечами*). Через час примерно. А что?

МЕЧЕТКИН. Ну вот, перенесем этот разговор на после работы.

ВАЛЕНТИНА. Можете сейчас сказать... (*Отгоняет руками комаров.*)

МЕЧЕТКИН. Нет, Валентина. Разговор будет серьезный. Вопрос довольно обоюдоострый. Нет, не сейчас.

ВАЛЕНТИНА (*пожала плечами*). Как хотите... (*Уходит в чайную.*)

МЕЧЕТКИН (*проводил Валентину взглядом, потом*). Зубами и ногами... (*Придвинул к себе тарелку, принялся за еду.*)

С этого момента медленно, как это бывает в природе, наступает вечер. Освещение таким образом убывает постепенно, незаметно для глаза.
Приближающийся треск мотоцикла. Мечеткин поспешно доедает котлету. Мотоцикл замолк, у своих ворот появляется Помигалов.

(*Приподнимает шляпу, которая во время еды была у него на голове.*) Лесорубам, передовикам производства!

ПОМИГАЛОВ. Добрый вечер.

МЕЧЕТКИН (*поспешно спускается с крыльца и помогает Помигалову вкатить во двор мотоцикл.*) Отличная машина. Но я, между прочим, нацелился на «Запорожца». (*Закрывает ворота.*) Федор Игнатьевич, как у вас со временам?.. Видите ли, есть один разговор.

ПОМИГАЛОВ. Разговор?.. Что ж, выкладывай.

МЕЧЕТКИН. Разговор серьезный, вопрос обоюдоострый...

Оба исчезают во дворе. Валентина появляется, прибирает на столе.
Появляется Пашка. Сейчас он с ружьем за плечами. Одет он в робу защитного цвета, обут в резиновые сапоги. На поясе ремень, на котором болтаются два рябчика. Негромко насвистывая, он поднимается на веранду.

ПАШКА (*подходит к Валентине, демонстрирует рябчиков*). Трофеи... Мало их стало... Возьми, если хочешь.

ВАЛЕНТИНА. Не надо. (*Убила комара на своей руке.*)

ПАШКА. Поговорим, Валя.

Небольшая пауза.

Когда я отсюда уезжал, ты вот (*показывает*) была. Совсем пацанка, я и не смотрел на тебя... Да и смотреть не на что было... За шесть лет, Валя, я кое-что повидал. И геологию тебе, и службу, и стройки разные, и городской жизни попробовал...

ВАЛЕНТИНА. Не много ли?

ПАШКА. Я, Валя, везде нужен. Не об этом речь... Вот, говорят, в гостях хорошо, а дома лучше. Может, правда? Может, хватит мне шататься? Здесь дом, хозяйство, леспромхоз — работы навалом. Шофера здесь, говорят, неплохо заколачивают... Может, закрыть гастроли и приземлиться на лоне родной природы? Может, так, Валя?.. (*Ждет, потом.*) Чё молчишь? Совета у тебя спрашиваю.

ВАЛЕНТИНА. Твое дело. Что я тебе посоветую?

ПАШКА (*глухо*). Следователя ждешь?

Валентина качает головой: нет, никого я не жду.

Врешь.

Валентина пытается уйти.

(*Не пускает ее.*) О чем с ним говорила? Утром.

Валентина молчит.

Я все знаю.

ВАЛЕНТИНА. Ты что, подслушивал?

ПАШКА. Зачем? У меня нет такой удачи — подслушивать... У нас с ним разговор был. (*Помолчав.*) Он сказал, что ты будешь его ждать. Здесь. В десять часов... Нет, что ли? Чё так смотришь?.. Брось, Валя, не прикидывайся. Он сказал, что вы с ним давно встречаетесь.

ВАЛЕНТИНА. Не ври, Павел.

ПАШКА. Я вру?

ВАЛЕНТИНА. А то нет. Ты меня выпытываешь. Не мог он так сказать.

ПАШКА. Сказал.

Валентина качает головой.

Давно встречаемся. Так и сказал.

ВАЛЕНТИНА (*качает головой, потом как бы про себя*). Разве что снова пошутил.

ПАШКА. Разговор был серьезный.

ВАЛЕНТИНА. Ты его не знаешь. Шутит он или серьезно — сразу у него не поймешь... Ну зачем ему выдумывать, чего не было?

ПАШКА. Не было?

ВАЛЕНТИНА (*с сожалением*). Да, не было.

ПАШКА. Точно не было?

ВАЛЕНТИНА (*запальчиво*). Было, не было — тебе-то что? Было бы, если бы он захотел! Так и знай.

Небольшая пауза. Кашкина появляется и спускается вниз. В руке у нее хозяйственная сумка.

ПАШКА. Не хочу знать, Валя. Ничего не хочу знать. (*Глухо.*) В Потеряихе сегодня танцы...

ВАЛЕНТИНА. Нет...

ПАШКА. На руках тебя понесу. До самой Потеряихи.

ВАЛЕНТИНА. Нет. (*Мягче.*) Я не пойду... Не могу я с тобой пойти, пойми.

ПАШКА (*качает головой*). Я тупой, Валя, я не пойму.

КАШКИНА (*поднимается на веранду*). Добрый вечер. (*Пашке о рябчиках.*) Ах, какая роскошь! Молодцом, молодцом. Поздравляю... Это куропатки?

ПАШКА. Рябчики.

КАШКИНА. Рябчики? Ах, какая роскошь! И они что, прямо в лесу... летают?

ПАШКА. Эти свое уже отлетали.

КАШКИНА. Ужасно... У-у, какие брови! Вы посмотрите, какие красные.

ПАШКА. Самец.

КАШКИНА. А ведь я никогда не ела рябчиков.

ПАШКА (*протягивает ей рябчиков*). Ну вот попробуйте.

КАШКИНА. Ну что вы, я не для того сказала.

ПАШКА. Берите, берите.

КАШКИНА. Нет, нет. Вас ждут с добычей...

ПАШКА (*перебивает*). Держите, нас много, нам все равно не хватит, а одной вам в самый раз.

КАШКИНА. Нет, нет. (*Со значением.*) Я ужинаю не одна, у меня будет гость, так что...

ПАШКА. Берите, вам говорят. На двоих, по штуке на каждого — тоже ничего. (*Сует Кашкиной рябчиков.*)

Во время разговора Валентина стоит перед палисадником, глядя прямо перед собой.

КАШКИНА (*принимает рябчиков*). Спасибо. Но я за них заплачу. (*Роется в сумочке.*)

ПАШКА. Это вы бросьте. Или так берите, или...

КАШКИНА. Ну спасибо... А ведь я шла за этими дрянными котлетами. (*С восторгом.*) Ах, какой у меня сегодня будет ужин! Настоящий сюрприз. Мужчины любят рябчиков, не правда ли?

ПАШКА. А как же. Особенно если... (*Жестом обозначает выпивку.*)

КАШКИНА. Да! Сегодня это просто необходимо. Валентина, что там у вас есть, какое вино?

Валентина не отвечает.

По-моему, вермут. (*Поморщилась.*) Нет! Не годится. Иду в магазин. (*Спускается с крыльца, подходит к калитке палисадника.*)

ВАЛЕНТИНА. Обойдите кругом.

Кашкина останавливается и подчеркнуто вопросительно смотрит на Валентину.

Обойдите, пожалуйста, кругом.

КАШКИНА. Ах да! Извини, все время забываю... Пожалуйста. (*Обходит палисадник.*) Это мне ничего не стоит. (*Исчезает.*)

ПАШКА (*подходит к Валентине*). Валя...

Валентина поворачивается и быстро уходит в чайную. Пашка, чуть помедлив, спускается с крыльца и уходит. На этот раз — минуя палисадник.
Со двора выходят Мечеткин и Помигалов с канистрой в руке.

МЕЧЕТКИН. Значит, если я вас правильно понял, вопрос упирается в личную инициативу.

ПОМИГАЛОВ. Назови, как хочешь, а тут не я главный. Сам знаешь, как нынче водится.

МЕЧЕТКИН. Ясно, Федор Игнатьевич. Если вы не возражаете, первую встречу я назначил сегодня.

ПОМИГАЛОВ. Уже назначил? Гляди, какой шустрый.

МЕЧЕТКИН. Оперативность, Федор Игнатьевич... Если вы не возражаете.

ПОМИГАЛОВ (*усмехнулся*). Возражать не имею права. (*Насмешливо.*) Но смотри у меня.

МЕЧЕТКИН. Что вы, Федор Игнатьевич!

ПОМИГАЛОВ. А то ведь у меня дробовик близко. В сенях висит. А меня ты знаешь.

МЕЧЕТКИН. Что вы! Кто ж вас не знает? Да я разве позволю? Нахальство, Федор Игнатьевич, совсем не в моих интересах.

ПОМИГАЛОВ. Ну-ну. Действуй. Вдруг да — мало ли что. А пока топай.

МЕЧЕТКИН. До свиданья, Федор Игнатьевич. (*Приподнял шляпу.*) До свиданьица. (*Уходит.*)

ПОМИГАЛОВ (*громко*). Валентина!

Валентина выходит из чайной, спускается с веранды, подходит к отцу.

ВАЛЕНТИНА. Ты куда собрался?

ПОМИГАЛОВ (*кивая в сторону, куда ушел Мечеткин*). Видала?.. Говорит, свидание тебе назначил.

ВАЛЕНТИНА. Глупости, папа. Он просто хотел о чем-то поговорить.

ПОМИГАЛОВ (*усаживается на скамейку*). Он свататься приходил.

ВАЛЕНТИНА (*улыбнулась*). Свататься?.. (*Усаживается рядом с отцом.*)

ПОМИГАЛОВ. А ты думала?

ВАЛЕНТИНА. Не смеши, отец.

ПОМИГАЛОВ (*не сразу*). А я тебя не смешу. Я серьезно говорю... Скажи-ка мне, тебе сколько лет?

ВАЛЕНТИНА. А ты не знаешь?

ПОМИГАЛОВ. Ты не знаешь. Все еще детством занимаешься. А ведь тебе уже немало. Тебе, Валентина Федоровна, замуж пора.

ВАЛЕНТИНА (*легко*). Правда?

ПОМИГАЛОВ. А ты как думала? Самое время. А где твои женихи?.. Ну где? Эти, что тут крутятся, это не женихи, я тебя в сотый раз предупреждаю. Не дай бог с которым увижу — из этих.

ВАЛЕНТИНА (*прижалась к отцу*). Постой, папа! Что-то не то ты говоришь. То за порог не выпускаешь, а то сразу — замуж.

ПОМИГАЛОВ (*строго*). А ты слушай. Пришло время, и говорю. Женихов не вижу. Это — первый. Один. И свататься пришел. Сам пришел, по чести, по-хорошему. И что? А я уважаю.

ВАЛЕНТИНА (*чуть от него отодвинулась*). Папа... Ты взаправду, что ли?

ПОМИГАЛОВ. А что?.. Старый, скажешь? А я тебе скажу — как смотреть. Мать твоя, покойница, меня на пятнадцать лет была моложе. И что?.. А на сестер оглянись. Ну пошли они за молодых, и что вышло? Одна теперь без мужа мается, другая — неизвестно как. Отца родного позабыла. А нам наука. Кеха, может, и не первого разбору жених, зато...

ВАЛЕНТИНА. Папа! Ну что ты говоришь? Ведь он смешной. Да и вообще! Я и слушать-то тебя не хочу.

ПОМИГАЛОВ. Нет, ты послушай. Человек сватается, значит, он требует к себе отношения. Просмеять его недолго, а я считаю, не смеяться надо, а задуматься. Не такой он и смешной. Трудится честно, не пьет, не дерется, и дом у него, и скарб, и деньги есть. (*Как бы предупреждая возражение.*) Да, Валентина Федоровна, и деньги! Потому, если у человека есть деньги, значит, он уже не смешной. Значит, серьезный. Нищие нынче из моды вышли. Даже по городам пошло: и свадьбу надо, и кольцо, и сберкнижку. И что? А я приветствую.

ВАЛЕНТИНА (*поднимается*). Папа... ты... Ты куда-то собирался... Иди куда собирался.

ПОМИГАЛОВ (*поднимается, внушительно*). Неволить не могу. А подумать — подумай... Об городе не мечтай. Помни: пока я жив, твой дом здесь. Вот он стоит. (*Показал.*) Советская, тридцать четыре. Отсюда и располагай. (*Пошел, остановился.*) Загони кур, телка накорми. И чтоб к одиннадцати дома была.

После его ухода Валентина снова опускается на скамейку. Солнце уже скрылось, и с этого момента на дворе начинает заметно темнеть.
В буфете появляется Хороших, а с улицы Пашка — одновременно. Пашка одет так, как он был одет утром. Он направился было к Валентине, но Хороших его окликнула.

ХОРОШИХ. Павел!.. Пойди сюда.

ПАШКА (*подходит, не сразу*). Ну, мать, чё скажешь?

ХОРОШИХ (*не сразу, мягко*). Собирайся, Павел. Надо тебе ехать... Уезжай.

ПАВЕЛ (*не сразу*). Все?

Валентина поднимается и входит во двор.

ХОРОШИХ. Не гоню я тебя. Прошу... Сделай, Павел, для матери... Пожалей меня.

ПАШКА. Так... (*Грубо.*) А меня кто пожалеет?

Из чайной выходит Дергачев, в руке у него ящик с инструментами.

ДЕРГАЧЕВ (*на пороге*). Живей, Илья, живей. Приберут, не наше это дело.

Еремеев появляется и идет следом за Дергачевым.

ХОРОШИХ (*с наигранной бодростью*). Эй, работники! Куда вы? Дело сделано — садитесь, так уж и быть.

ДЕРГАЧЕВ (*на ходу*). Благодарим. Мы по воздуху погуляем. (*Еремееву.*) Живей, Илья.

Оба проходят через палисадник, исчезают.

ПАШКА. До магазина подались. (*Не сразу.*) Опять ты перед ним стелешься?

ХОРОШИХ (*не сразу*). Я перед ним всю жизнь стелюсь. Понятно тебе?

ПАШКА. Брось. Сколь вас вижу, вечно вы как собаки лаетесь.

ХОРОШИХ. Верно. Как собаки. При тебе. А без тебя — это ты врешь.

ПАШКА (*не сразу*). Вон, значит, как. При мне, значит...

ХОРОШИХ (*резко*). Завтра же уезжай.

Небольшая пауза. Хороших быстро прибирается, запирает кассу, — словом, собирается уходить.

ПАШКА. Спасибо, мать... Приласкала ты меня, приголубила...

Хороших выходит из буфета, появляется на веранде, закрывает буфет снаружи, потом — двери в чайную.

Мать, а кто виноват?..

Валентина появляется и останавливается у скамейки.

Кто виноват, мать?.. Говори... Откуда я взялся? Ты меня родила или не ты?

ХОРОШИХ. Замолчи!

ПАШКА. Кто ждал твоего Афанасия?

ХОРОШИХ (*кричит*). Замолчи!

ПАШКА. Кто его не дождался?
ХОРОШИХ. Замолчи!
ПАШКА. Ты или я?
ХОРОШИХ. Замолчи! Будь ты проклят... (*Ищет оскорбления, потом.*) Крапивник!

Молчание.

(*Приходит в ужас от того, что она только что произнесла.*) Паша... сынок... (*Плачет.*) Прости меня... (*Идет к Пашке, но он ее останавливает.*)
ПАШКА (*глухо*). Ладно, мать... Иди...

Хороших плачет.

Иди, мать.
ХОРОШИХ. Прости, сынок, и... (*Сквозь слезы.*) Уезжай, сынок... Уезжай от греха подальше... (*Уходит через палисадник, утирая глаза платком.*)

Пашка медленно прошел до крыльца, уселся на ступеньку. Небольшая пауза. Валентина подходит к Пашке.

ПАШКА (*с горечью*). А говорят, дома лучше. Не соответствует... (*Вдруг хватил кулаком о перила.*)

Пауза. Пашка сидит, понурив голову.

ВАЛЕНТИНА (*подходит к нему поближе и осторожно касается его плеча*). Павел... Павел... Я пойду... На танцы.
ПАШКА (*поднял голову*). Пожалела?.. Не надо.

Появляется Кашкина.

ВАЛЕНТИНА. Я переоденусь, и мы пойдем... Сейчас. (*Быстро уходит домой.*)
КАШКИНА (*растерянно*). Уже закрыли?.. Вот несчастье. Вспомнила, что у меня нет лука. Скажите, можно их приготовить с чесноком? Без лука?
ПАШКА. Все равно.
КАШКИНА. Спасибо... (*Заходит во двор, появляется наверху на лестнице, но, пройдя ее наполовину, ос-*

танавливается и садится на ступеньки, поставив рядом свою сумку. Небольшая пауза. Поднимается и решительно спускается вниз. Ее сумка остается на ступеньках лестницы.)

ГОЛОС КАШКИНОЙ (*во дворе*). Подожди, Валя!.. Постой!.. Послушай меня. Не ходи. Не делай этого... Подожди, выслушай меня.

ГОЛОС ВАЛЕНТИНЫ. Я вам, кажется, не мешаю. Что вам от меня надо?

Валентина появилась и резко захлопнула за собой калитку. Она в сиреневом платье, в руке у нее синяя кофта.

ВАЛЕНТИНА (*подходит к Пашке, останавливается перед ним; улыбается*). Ну вот. Я собралась.

Пашка поднялся, некоторое время смотрит на нее, потом вдруг подхватывает ее на руки.

Нет! Нет!.. (*Мягче.*) Я сама пойду.

Пашка ее отпускает.

(*У палисадника. Медленно, в задумчивости дотрагивается рукой до калитки.*) Ну вот... Снова все поломали...

ПАШКА. Чё? Снова за ремонт? (*Смеется.*) Ну, Валюша, подписалась ты с этим палисадником!.. Ладно. Дай я его налажу. (*Направляется к калитке, но Валентина жестом его останавливает.*)

ВАЛЕНТИНА. Не надо.

ПАШКА. Да я его мигом.

ВАЛЕНТИНА. Нет. Это напрасный труд. Надоело... Идем. (*Проходит напрямик, через палисадник. Пашка — за ней.*)

ПАШКА (*на ходу*). В Потеряиху?.. Или в Ключи?

ВАЛЕНТИНА. Все равно.

Оба исчезают. Кашкина выходит со двора, делает несколько нерешительных шагов вслед за ними, останавливается.
К этому времени уже наступили сумерки. Небо еще синее, но на земле исчезли тени и стелется мрак. Еще хорошо различаются фигуры, но лица можно уже не узнать.
Кашкина поднимается на веранду и тихо садится в углу за столик. Пройдет четверть минуты, прежде чем появится Мечеткин.

Мечеткин, минуя палисадник, подходит к крыльцу. Можно заметить, что он прифрантился: сорочка белеет под темным пиджаком. Воображая из себя незаурядного кавалера, присажывается на перила, достает белый платок, сначала эффектно им обмахивается, затем громогласно в него сморкается.

МЕЧЕТКИН (*задушевным голосом*). Замечательная погода. В начале августа, между прочим, обычное явление... Листал я сегодня одну книженцию. Так, вместо отдыха. И вот попалось мне там одно стихотворение. Лирическое, между прочим... Такое... (*Мнется, напрягает память.*) Одну минуту...

КАШКИНА (*безразлично*). Не трудитесь вспоминать.

МЕЧЕТКИН. Простите... (*Поднимается на веранду.*) Это вы?.. Извините, но здесь должна быть...

КАШКИНА. Ее здесь нет.

МЕЧЕТКИН. Нет?

КАШКИНА. И не будет.

МЕЧЕТКИН. Как же? Она должна быть...

КАШКИНА. Не будет... Можете ее не ждать.

МЕЧЕТКИН. Почему же? У меня назначено. Я подожду. (*Усаживается на перила.*) Надеюсь, я вам не помешаю. (*Обмахивается платком.*)

КАШКИНА. Зря ждете. Идите лучше домой.

МЕЧЕТКИН. То есть?.. Что вы этим хотите сказать?

КАШКИНА (*с раздражением*). Я говорю, отдыхайте. Идите домой.

МЕЧЕТКИН (*задет ее тоном*). Между прочим, Зинаида Павловна, вы этого не решаете: сидеть мне или идти домой. Это вопрос узколичный.

КАШКИНА. Ну и болван же вы, Мечеткин.

МЕЧЕТКИН (*поднимается*). Болван?.. Зинаида Павловна, вы забываетесь.

Появляется Шаманов. Он идет быстро, почти стремительно. Взбегает на веранду.

ШАМАНОВ (*Кашкиной*). Зина?.. (*Прошелся по веранде, смотрит по сторонам, вернулся к Кашкиной.*) Мне надо с тобой поговорить.

МЕЧЕТКИН. Не буду мешать. Но учтите, Зинаида Павловна, я вашу аллегорию понял. (*Уходит.*)

ШАМАНОВ. Зина... Я должен перед тобой извиниться. За утрешнее. Я был к тебе несправедлив. Прости, ты оказалась права. Ты знаешь меня лучше, чем я сам. Ты самая умная женщина на свете.

КАШКИНА (*с горькой усмешкой*). Вот как?

ШАМАНОВ (*подсаживается к Кашкиной, берет ее за руку*). С первого дня, сколько мы друг друга знаем, ты понимала меня с полуслова. (*Смеется.*) Да! Ведь утром я говорил тебе совсем не то!.. Ты удивляешься?.. Зина!.. Я сам удивляюсь. Но такой уж сегодня день — утром одно, а вечером совсем другое. Странный день. Но, честное слово, он стоит всех моих дней в Чулимске. Ты тыщу раз права: разве я жил здесь, разве можно назвать это жизнью? Я спал, спал на ходу, я дрыхнул. Бессовестно, беспросветно дрыхнул все эти четыре месяца... Слушай! Это было недавно. Утром я проснулся и увидел свои руки. Они лежали у меня на груди — мои собственные руки, — и вдруг — ты слышишь? — они показались мне чужими. Представь себе это! Сначала руки, а потом весь я: все тело и даже мысли показались мне не моими. Все будто бы принадлежало другому человеку! Сейчас я думаю об этом с ужасом, а тогда — и вот в чем главный-то ужас! — тогда мне было все равно. Так все равно, что я даже не почувствовал, что я дошел до ручки. Понимаешь ты меня, Зина? Как я жил, дальше так жить было нельзя. И вот сегодня... (*Поднялся.*) Удивительный сегодня день! Ты можешь смеяться, но мне кажется, что я и в самом деле начинаю новую жизнь. Честное слово! Этот мир я обретаю заново, как пьяница, который выходит из запоя. Все ко мне возвращается: вечер, улица, лес, — я сейчас ехал через лес, — трава, деревья, запахи — мне кажется, я не слышал их с самого детства... (*Сел, снова взял ее за руки.*) Пойми меня. Ведь только сейчас я вижу тебя по-настоящему... Ты самая добрая, самая умная, самая красивая женщина на свете. Ты прекрасная женщина. Я хочу, чтобы ты меня поняла. Я хочу, чтобы ты меня

простила. Я хочу... Я хочу тебя спросить... Где Валентина?

КАШКИНА (*не сразу*). Она... Они ушли на танцы.

ШАМАНОВ. С кем?

КАШКИНА. С Пашкой.

ШАМАНОВ. Не может быть...

КАШКИНА. Твоя записка... Она попала ко мне... Валентина ее не видела...

ШАМАНОВ. Что?.. И ты могла...

КАШКИНА. Я хотела ей сказать...

ШАМАНОВ. Ну?

КАШКИНА (*безнадежно*). Что ты назначил ей свидание, она этого не знает.

ШАМАНОВ. Когда она ушла?

КАШКИНА. Полчаса... Минут двадцать назад.

ШАМАНОВ. Куда? В Ключи?.. В Потеряиху?

КАШКИНА. В Потеряиху.

ШАМАНОВ. Врешь.

Кашкина не отвечает. Шаманов молча смотрит ей в глаза, потом сбегает с крыльца и быстро уходит налево, в сторону, противоположную той, куда ушли Валентина и Пашка.

КАШКИНА (*поднимается, быстро идет к крыльцу, останавливается, кричит*). Они пошли в Потеряиху!.. Володя!

Пауза. Потом Кашкина заходит во двор, медленно поднимается к себе в мезонин.
Затемнение. Пауза. Потом — не менее полминуты — нарастающий треск дизеля, дающего Чулимску освещение. Далее — треск дизеля становится ровным, приглушенным. Им сопровождается вся последующая картина.

Ночь

Электрическая лампочка, приделанная под карнизом веранды, освещает палисадник, часть веранды, крыльцо и площадку перед крыльцом. Вверху, плотно занавешенное, тускло светится окно мезонина.
Тень мелькнула в окне мезонина.
Со двора выходит Помигалов, садится на скамейку, которая находится в полутьме. Долго ничего не происходит и ничего не слышно, кроме далекого ровного рокота дизеля. Потом с той стороны, где находится дом Хороших, раздается голос Дергачева.

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА (*он напевает*).

Это было давно,
Лет пятнадцать назад,
Вез я девушку тройкой почтовой...

Помигалов поднимается и уходит во двор.

Это было давно,
Лет пятнадцать назад...

Наверху в окне снова мелькнула тень.

Вез я девушку тройкой почтовой...

Кашель Еремеева. Кашкина выходит на балкон. Потом появляется Хороших.

КАШКИНА. Анна Васильевна?.. Это вы?..

Хороших останавливается.

Не спите?

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА.

Это было давно,
Лет пятнадцать назад...

ХОРОШИХ. Уснешь тут, как же... Голова кругом. Кассу закрыла или так оставила — не помню. (*Не сразу.*) А ты чего не спишь?

КАШКИНА (*не сразу*). Бессонница... Который час?

ХОРОШИХ. Второй. Четверть второго.

Обе молчат. Кашкина уходит к себе.

ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА. Это было давно...

Хороших поднимается на веранду, появляется Помигалов.

ПОМИГАЛОВ (*приближаясь к веранде*). Анна, ты, что ли?

ХОРОШИХ (*испуганно*). Я!.. Я, Федор Игнатьич... (*Как бы оправдываясь.*) Кассу, кажись, не закрыла, пришла проверить... А ты чего?

ПОМИГАЛОВ. Парень твой дома или нет?

ХОРОШИХ. Кто? Пашка-то?.. А я и не знаю... Он на сеновале ночует.

ПОМИГАЛОВ. Где Валентина?

ХОРОШИХ. Не знаю, Федор. Почему же мне знать?.. Может, на танцах? Наши, чулимские, в Ключи ушли. Еще не возвращались.

ПОМИГАЛОВ. По танцам она не ходит, тебе известно.

ХОРОШИХ. Где она — не знаю...

Пауза.

ПОМИГАЛОВ. А то смотрите... (*Заходит во двор, тут же распахивает ворота, выкатывает мотоцикл на улицу, влево.*)

Через мгновение треск мотоцикла раздается и удаляется. Почти в это же время с противоположной стороны улицы раздаются голоса Пашки и Валентины. Хороших открывает чайную и входит туда, но не закрывая за собой дверь и не зажигая света.

ГОЛОС ВАЛЕНТИНЫ. Уйди.

ГОЛОС ПАШКИ. Стой... Ну постой же! Ну послушай, чё скажу...

ГОЛОС ВАЛЕНТИНЫ. Уйди.

ГОЛОС ПАШКИ. Не будь дурой, Валя... Ну до этого — ну ладно, ну а теперь-то чего?

Появляются: Пашка пятится перед Валентиной. Валентина идет прямая, глядя мимо Пашки.

Кофту возьми. (*Сует ей кофту, она ее не берет.*)

Кофта падает ей под ноги. Валентина на нее наступила. Пашка поднял кофту, накинул ее Валентине на плечи.

ВАЛЕНТИНА (*сорвала с себя кофту, остановилась; с презрением, не оборачиваясь*). Ко мне больше не подходи... Уезжай отсюда... (*С угрозой.*) Не уедешь — отцу расскажу. (*Идет к своему двору.*)

Пашка устремляется за нею, но появляется Хороших и окликает Пашку.

ХОРОШИХ. Павел!

Пашка останавливается и поворачивается к Хороших. Валентина у ворот своего дома в полутьме останавливается в нерешительности, а через мгновение безвольно опускается

на скамейку. В продолжение последующего разговора Пашка и Хороших не замечают присутствия Валентины.

Ты чё наделал?

ПАШКА (*бодро*). Все, мать. Завилась веревочка... Она моя.

ХОРОШИХ (*угрюмо*). Нет, Павел...

ПАШКА. Брось, мать. Это пустяки, это попервости.

Небольшая пауза.

ХОРОШИХ. Дурак... Она тебя возненавидела...

ПАШКА. Молчи, мать. Все будет в норме.

ХОРОШИХ. И я бы тебя возненавидела... Я бы тебя... (*Подступает к Пашке.*)

Наверху появляется Кашкина и, прислушавшись, спускается вниз.

ПАШКА (*пятится*). Спокойно, мать...

ХОРОШИХ (*наступает*). Я бы тебе...

ПАШКА (*пятится*). Мать, мать...

ХОРОШИХ. Слышал, чё она тебе сказала?.. Завтра чтоб духу твоего здесь не было. Федор, он шутить с тобой не будет.

ПАШКА. Не боюсь я его... Делайте чё хотите! Никого не боюсь!

ХОРОШИХ (*толкает его*). Уходи, Павел!

Оба исчезают. Кашкина появляется со двора.

КАШКИНА. Валя...

ВАЛЕНТИНА (*не сразу*). Чего вам?

КАШКИНА. Суди как хочешь... Вот записка. (*Подает Валентине записку, та ее не принимает.*) Тебе... От Владимира... Он написал ее утром. Я ее перехватила.

ВАЛЕНТИНА (*не сразу*). Что там написано?

КАШКИНА. Он ждал тебя здесь. В десять вечера... Он любит тебя...

Пауза. Валентина сидит неподвижно, глядя прямо перед собой.

Появляется Шаманов, подходит к скамейке. Небольшая пауза.

Кашкина, как стояла, не поворачиваясь, пошла по улице и исчезла в темноте.

ШАМАНОВ (*мягко*). А бог все-таки существует... Слышишь, Валентина? Когда я сюда подходил, я подумал: если бог есть, то сейчас я тебя встречу... Кто докажет мне теперь, что бога нет? (*Сел рядом с ней, с чувством.*) Я искал тебя... Ты слышишь?.. С десяти часов где я только не побывал... И чего я только не передумал... Валентина... Ведь утром я сказал тебе совсем не то...

Валентина, закрыв лицо руками, внезапно разражается рыданиями.

(*Поднимается со скамейки.*) Валентина... Что с тобой?

Она рыдает.

Что случилось?.. Что случилось?..

Рыдания.

Успокойся... Успокойся... (*Дотронулся рукой до ее плеча.*) Что бы ни случилось — успокойся...

Из темноты появляется Пашка и неслышно приближается к скамейке.

Послушай меня... Что бы ни случилось — скажи слово, и я увезу тебя отсюда... (*Взял ее за плечи.*) Хочешь я тебя увезу?

Она прервала рыдания и впервые посмотрела ему в лицо.

Да, Валентина. Ты не знаешь, чем ты стала для меня за эти несколько часов... Понимаю, ты можешь мне не поверить... Но ты не знаешь, что со мной произошло. Я объясню тебе. Если можно объяснить чудо, то я попробую...

ПАШКА. Зря стараешься.

Шаманов оборачивается.

Все, следователь. Твое дело — сторона... Ты опоздал.

Небольшая пауза. В это время раздается нарастающий треск мотоцикла. Пашка и Шаманов стоят, готовые броситься друг на друга. Треск мотоцикла приближается.

ВАЛЕНТИНА (*вдруг поднимается, кофтой вытирает слезы*). Едет отец. Уходите.

Небольшая пауза.

ПАШКА. Уходи, следователь... Не мешайся не в свое дело.

ВАЛЕНТИНА. Уходите оба.

Треск мотоцикла рядом, луч фары выхватывает всех троих из полутьмы. Затем мотоцикл глохнет, и к скамейке быстро подходит Помигалов.

ПОМИГАЛОВ (*всем, грозно*). Ну?

Все молчат.

(*Валентине.*) Где ты была?.. С кем?

ШАМАНОВ. Со мной. Она была со мной... Мы были в Потеряихе.

ПАШКА. Врешь! (*Помигалову.*) Я с ней был! Я!.. Он врет.

ШАМАНОВ. Она была со мной.

Пашка бросается на Шаманова, но Помигалов его осаживает.

ПОМИГАЛОВ. Стой!.. (*Валентине.*) Кто с тобой был?

ПАШКА (*Валентине*). Скажи!

ПОМИГАЛОВ. Говори! (*Указывает на Пашку.*) Этот?

ВАЛЕНТИНА. Нет.

ПОМИГАЛОВ (*указывая на Шаманова*). Он?

ВАЛЕНТИНА. Нет.

Небольшая пауза.

Не верь им, отец. Они ждали меня здесь. Я была с Мечеткиным... Успокойся...

Молчание.

Они здесь не при чем, пусть они не врут... И пусть... пусть они больше ко мне не вяжутся.

Молчание.

Идем, отец... Идем домой...

Отдаленный стук дизеля прерывается и медленно умолкает. Лампочка под карнизом тускнеет и гаснет. Все погружается в полную темноту.

Утро следующего дня

Половина девятого утра. На веранде все, кроме Валентины и ее отца.
Хороших в буфете. За ближним к буфету столиком сидит Пашка. У его ног стоит большой чемодан.
Шаманов и Кашкина сидят за средним столиком, заканчивают завтрак.
За соседним столиком Мечеткин обставлен едой со всех сторон.
На ступеньках крыльца рядом сидят Дергачев и Еремеев. Еремеев укладывает свой мешок. Дергачев ему помогает.
Некоторое время все молчат.

МЕЧЕТКИН (*обращаясь не то к Шаманову, не то к Кашкиной*). Этот самый дом (*стучит пальцем по столу*) строил купец Черных. И, между прочим, этому купцу наворожили (*жует*), наворожили, что он будет жить до тех пор, пока не достроит этот самый дом. (*Пауза. Ест.*) Вот, понимаете, до чего суеверие доходило. Когда он достроил дом, он начал его перестраивать. (*Жует.*) И всю жизнь перестраивал...

Молчание.

ДЕРГАЧЕВ. Зря ты, Илья. Остаться тебе надо.

ЕРЕМЕЕВ (*качает головой*). Тайга меня ждет. Ягода ждет, шишка ждет. Белка — тоже ждет... Зимой, однако, приду.

ДЕРГАЧЕВ. Смотри, Илья... Места для тебя всегда хватит.

ШАМАНОВ (*поднимается, подходит к буфету. Взял телефон, снял трубку*). Дайте милицию... Начальника... Добрый день. Шаманов... Скажите, есть у

нас сейчас машина?.. Нельзя ли подбросить меня к самолету?.. В город. Да, хочу выступить на суде... Да, завтра... Нет, я решил ехать... Нет, я поеду... Мне это надо. И не мне одному... Да... Спасибо...

Со двора выходит Валентина.

Хорошо... Спасибо... До свиданья. (*Положил трубку.*)

Все повернулись к Валентине. Тишина.
Строгая, спокойная, она поднимается на веранду. Вдруг остановилась, повернула голову к палисаднику. Не торопясь, но решительно спускается в палисадник. Подходит к ограде, укрепляет доски.
Ворота распахиваются, появляется Помигалов с мотоциклом. Он останавливается и, как и все, молча наблюдает за Валентиной.
Валентина перешла к калитке палисадника. Налаживает калитку и, когда, как это случается часто, в работе ее происходит заминка, сидящий ближе всех к калитке Еремеев поднимается и помогает Валентине.
Тишина. Валентина и Еремеев восстанавливают палисадник.

Занавес

Одноактные пьесы
сценки
монологи

Свидание

Сценка из нерыцарских времен

Майский день. Тихая городская улочка. В тени двухэтажного дома сидит сапожник, последний из кустарей-одиночек. Это бородатый благообразный старичок с задатками интеллигентности, трезвый, в хорошем настроении. Перед ним табуретка, инструменты — все в образцовом порядке. К нему подходит молодой человек в сером пиджаке и обуженных в мастерской брюках.

СТУДЕНТ. Здравствуйте!

САПОЖНИК. Добрый день!

СТУДЕНТ. Изнываете без работы?

САПОЖНИК. Прячусь от жары. В моих башмаках нет такой роскошной вентиляции...

СТУДЕНТ (*усаживаясь на табурет и снимая ботинки*). Досадная случайность. Привычка ходить не глядя под ноги... Эти штиблеты должны жить во что бы то ни стало.

САПОЖНИК. Ты хочешь сказать: во что бы это тебе ни стоило? (*Осматривает штиблеты.*) Операция рискованная...

СТУДЕНТ (*поспешно и категорически*). Десять рублей!

САПОЖНИК. Сколько?

СТУДЕНТ. Десять. И то из сострадания к безработным хирургам.

САПОЖНИК. Тридцать рублей. Из сочувствия к городскому порядку.

СТУДЕНТ. Только десять.

САПОЖНИК. Тогда давай своим ботинкам порошки — по три раза в сутки... И потом, мне кажется, я чинил эти штиблеты кому-то другому.

СТУДЕНТ. Но-но!

САПОЖНИК. Пришить, подбить, поставить набойки — тридцать рублей!

СТУДЕНТ. Ну хорошо... Среднее арифметическое между десятью и тридцатью — двадцать рублей.

Чините, черт с вами! Но условие: как можно быстрее. Промедление смертельно.

САПОЖНИК. Что ж, давай. Я воспитан по-старому.

СТУДЕНТ. Что-то мне сдается, что вы, папаша, сидите на чужом месте.

САПОЖНИК (*принимаясь за работу*). Почему это на чужом? Место самое мое. Где еще сидеть шестидесятипятилетнему пенсионеру, изнывающему от скуки жизни? Здесь светит солнце, ходят люди... Гляди, девушки-то, девушки-то, так и шьют, так и шьют!

Проходящая мимо девушка, коротко подстриженная и модно одетая, вдруг вскрикивает и приседает на тротуар.

ДЕВУШКА (*с отчаянием*). Каблук! (*Осматривается.*) Сапожник! Как удачно!

САПОЖНИК (*любезно*). Очень удачно!

ДЕВУШКА (*подходя, поглядывая на часы*). Оторвался каблук, пришейте, пожалуйста.

СТУДЕНТ. Вы видите, мастер занят.

ДЕВУШКА. Но надеюсь, вы уступите. Мне ужасно некогда.

СТУДЕНТ. Мне тоже некогда.

ДЕВУШКА. Но войдите в положение.

САПОЖНИК (*девушке*). Разрешите вашу модель...

СТУДЕНТ Ни в коем случае! Я опаздываю.

ДЕВУШКА. Вы не имеете права... Мастер согласен.

СТУДЕНТ Зато я не согласен. Присядьте... то есть вам придется постоять.

ДЕВУШКА. Благодарю... Поймите, меня ждут...

СТУДЕНТ. Очень рад за вас... (*Смотрит на часы.*) Поторопитесь, патриарх.

ДЕВУШКА (*смотрит на часы, нервничает*). Я не говорю уж о благородстве, но элементарная вежливость, порядочность...

СТУДЕНТ Вежливым и предупредительным с вами будет тот, к кому вы торопитесь. Он, и никто другой. Я же не вижу в этом никакого смысла. Другое дело, если бы вы мне понравились...

ДЕВУШКА. Ну знаете ли! Вы, вы... (*Нервничает, ломает руки. Тихо.*) Ну хорошо... Я прошу вас, вы по-

нимаете, прошу... Я даже признаюсь вам... мне нельзя опоздать. Решается судьба, от этих минут зависит счастье...

СТУДЕНТ. Не нервничайте. Мое счастье, может быть, тоже зависит от этого вот гвоздя. А почему вы думаете, что ваше счастье лучше моего? (*Сапожнику.*) Скажите, патриарх, сколько вам лет? Вы, наверно, успели уже заметить, что взаимоотношение полов состоит из предрассудков и заблуждений. Оттого, что какой-то болван тысячелетие назад взял манеру бренчать под окнами капризной особы на гитаре, прикладывать руку к сердцу и прочее, я должен сейчас уступать во всем каждой женщине. И, заметьте, женщины уже не ждут проявления чуткости, томно закатив глаза, а требуют, кричат и грозят судом. Не уступите в автобусе места — и вас назовут невежей, хамом и кем угодно. (*Смотрит на часы.*) Вот, скажем, вы. Вы пристаете ко мне с нелепым требованием: «Уступите мне свое счастье!» С какой стати! Я не могу, не имею возможности быть чутким и нежным со всеми девушками, починяющими обувь у частников. Не нервничайте. Вас ждет феодал с гитарой. Вы, я полагаю, понравитесь ему и без каблука. Спешите — вейте из него веревки, гните в бараний рог. Но при чем здесь я?

ДЕВУШКА (*сапожнику*). Прибейте этому молодому человеку язык.

СТУДЕНТ. Вам нечем будет за это заплатить. (*Смотрит на часы.*) Поторопитесь, патриарх! Осталась минута!

САПОЖНИК. Дети, разве можно заходить так далеко с самого начала?

ДЕВУШКА. Для таких нахалов не бывает начала.

СТУДЕНТ. Вы хамеете на глазах...

ДЕВУШКА (*вспыхивая*). Нет, это вы — хам! (*Сапожнику.*) Сколько минут ходьбы до памятника Крылову?

СТУДЕНТ (*с ужасом*). Крылову?

САПОЖНИК. Пять, не больше.

ДЕВУШКА (*смотрит на часы*). Опоздала! (*Всхлипывая.*) Вы... Вы самый наглый хам...

СТУДЕНТ (*бледнея*). Вы... Вы — Лиля?..

ДЕВУШКА (*нервно*). Что! Так это вы... Ха-ха-ха! Чудесно! Ха-ха-ха!... Прощайте! Не смейте звонить! (*Быстро уходит.*)

САПОЖНИК. В чем дело? Обувайся, беги за ней...

СТУДЕНТ (*бормочет*). Девушка с нежным голосом... Гордая любовь... Первая встреча...

САПОЖНИК (*краснея от любопытства*). В чем дело?

СТУДЕНТ (*кричит*). В чем дело! В чем дело! Дело в том, что свидание состоялось. Первое свидание! Три месяца я упивался этим голосом, боялся дышать в телефонную трубку. Почти признался в любви, боготворил... Гордая и таинственная. Едва вымолил свидание...

САПОЖНИК. Хе-хе... Феодал рвет струны...

СТУДЕНТ. Молчи, старый пират! Черт посадил тебя сюда! Разрешают же частные лавочки.

Месяц в деревне, или Гибель одного лирика

Трагическая сцена-монолог

Сентябрь. Колхозная сушилка. Сквозь стену, требующую капитального ремонта, проглядывает осенний вечер. Вороха зерна, клейтон, бункера, совки и прочее. Работа окончена. Тихо и пусто.
Но вот из кучи мякины появляется Виктор Рассветов, студент лет двадцати. В городе он занимается сочинением стихов для своей знакомой (которая, кстати, тоже приехала в колхоз). Хочет стать поэтом, но не имеет для этого ничего, кроме маниакального желания. Ночами просиживает над экспромтами. Здесь он не причесан и не брит, в одежде художественный беспорядок.

РАССВЕТОВ (*стряхнув пыль с ушей*). Так... Только это мне и оставалось: выспаться в мякине. Теперь еще пожевать овса, и можно запрягать в фургон. (*Осматривается.*) Труженики ушли. Завалили, мерзавцы, мякиной и ушли. Сейчас буду танцевать под двухрядную гармонику. Как они могут! В телогрейке, в сапогах... (*Ломается, паясничает.*) Разрешите вас ангажировать на мазурку. Пардон, я отдавил вам ножку... Как могут!
Но главное! Она-то, она! Сегодня я видел, как она грызла кость. Урчала и чавкала, как голодный динозавр. Это она, та, около которой я боялся дышать, чтобы не сдуть, как пушинку, с которой я говорил только рифмами, чтобы не оскорбить ее слуха. Родная сестра Лауры, Беатриче, Керн, она ворует дрова и ругается с кладовщиком, который вместо междометий употребляет самые последние ругательства. Вчера она заработала два трудодня, и... сколько радости, какой восторг!.. Два трудодня — праздник души, именины сердца! Тьфу! Когда я читал ей самые красивые и самые нежные свои вещи, она не улыба-

лась так, как улыбалась на комплимент Яшки-механизатора насчет того, что она сама завела зернопогрузчик. Где мы встречаемся! Ха-ха! Сцена на току, свидание на сушилке, мимолетная встреча вечером у пилорамы. Ха-ха-ха! (*Поет на мотив фокстрота «На карнавале».*) На пилораме под сенью ночи... (*Вдруг задумывается, потом садится и переобувается. Вздыхает.*) Все наводит на размышление о бренности: рваные носки, раздавленная машиной курица... Все идет прахом, все обманчиво, как моя любовь. Что здесь может вдохновить поэта? Осень, березки? По мне березки хороши, когда их не надо пилить и таскать.

Зачем меня принесло сюда! Разве я не мог достать справку, что у меня болит печень! (*Долго и с нездоровым напряжением всматривается в стоящий рядом клейтон. Вдруг хватает лопату, бросается к клейтону.*) Чертова машина! Разнесу в щепки! (*Замахивается лопатой.*) Разнесу! (*Проваливается в бункер.*)

Исповедь начинающего

Психологический этюд

Коридор редакции. По коридору туда и обратно ходит, напевая драматическую тему из второго действия «Риголетто», молодой человек в черном костюме с бледным лицом. Испачканные в чернилах руки он заложил за спину и нервно шевелит там большим пальцем.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля-ля, ля-ля. (*Вздрагивая и останавливаясь.*) Не знаю, как я кончу, но начал я плохо... (*Снова ходит.*) Я проклинаю тот день и тот час, когда впервые сел писать рассказы, мне ненавистны те люди, которые говорили мне, что у меня получается, сколько раз я пытался бросить... (*Останавливается.*) Но легко сказать «бросить писать!». (*Распаляясь.*) Можно избавиться от тысячи дурных привычек и приобрести две тысячи хороших, можно стать вежливым, чутким, бескорыстным, можно бросить курить, пить, можно бросить наконец жену, детей, но — бросить писать?! Человек, раз напечатавший где-нибудь рассказ или стихотворение, уже никогда не остановится писать. Это невозможно, так же как невозможно дураку перестать валять дурака!

Если бы вы знали, как много я пишу! Честное слово, я не могу равнодушно видеть чистую бумагу, сейчас же у меня появляется какой-то зуд и непобедимое желание исписать эту бумагу, исчеркать. На моем столе безобразие от начатых и незаконченных рукописей. И вы думаете, я выбрасываю всю эту чепуху? Не-ет! (*Усмехаясь.*) Я аккуратно складываю все в стол в тайной надежде, что когда-нибудь эти бумаги схватит дрожащая рука исследователя.

Знаете, я болен. Пока я не сплю, меня беспрерывно сосет необъяснимое беспокойство, слов-

но в кармане у меня билет на какое-то прекрасное единственное представление, а время уходит, уходит, и билет пропадает... По ночам мне снятся запутанные сюжеты... и, знаете, я скажу вам больше: для меня жизнь моя — черновик. Да-да! Черновик, исчерканный, запутанный, черновик, в котором не разберется ни одна душа на свете. (*Несколько раз проходит туда и обратно. Грустно.*) А обивать пороги редакций, вы думаете, легко и весело? Придешь к иному редактору, принесешь рассказ, а он эдак сквозь зубы: «Ну, что скажете?» Будто я пришел занимать деньги или украсть пресс-папье с его стола. (*Останавливается у двери с табличкой «Редактор».*)

Вот сейчас за этой дверью решается, будет ли напечатан мой новый рассказишко или нет. Конечно, я надеюсь, но, скорее всего, его не возьмут. Мне кажется, что рассказ я писал вяло, с постыдным равнодушием к своим героям. Там героиня у меня смеется, а когда я писал это место, я засыпал с ручкой в руках. (*Снова ходит.*)

Говоря откровенно, вдохновения никакого вообще нет. Вдохновение выдумали поэты, чтобы пустить пыль в глаза. Гонорар и тщеславие — вот единственные двигатели творчества. Не верите? Прочитайте... э... впрочем, не скажу кого, вы можете передать мои слова... Не вошедши в литературу, рано впутываться в литературные интриги. (*Останавливается у той же двери.*)
Пойду узнаю, как рассказ. Впрочем, мне кажется, что войти надо немного погодя. Почему? (*Усмехается.*) И раньше, пока я не занимался поэмами, у меня были некоторые странности. Мои родные и знакомые смеялись над ними или беспокоились. Теперь же никто не замечает этих странностей, все мне прощают и ждут, видимо, от меня чего угодно. (*Помолчав.*) И правда, все может быть. Я ничему не удивляюсь и сам, кажется, на все готов.

(*Выходит. Его нет минуты две. Появляется. В лице перемена. Прячет улыбку. Помолчал. Не-*

сколько раз прошелся.) Да... (*Небрежно.*) А вы знаете, рассказец-то мой взяли. Редактор говорит: «Талантливо растете». Заметьте, это сказал человек, которому льстить мне не имеет никакого смысла. Впрочем, я и без него знаю, что я талантлив. (*Смутившись всего на секунду.*) Согласитесь, что пишущий должен быть несколько самонадеян, иначе критик задавит в нем автора.

Так вот, в воскресенье в газете будет мой рассказ, полюбопытствуйте. Я сталкиваю там два характера — игра света и тени, в духе Рембрандта. Поинтересуйтесь. Там будет подписано: Лев Коровин. (*С достоинством.*) Это я.

Последний рассказ я писал с увлечением. Там у меня героиня плачет, и, представьте себе, когда я писал это место, я плакал тоже. И вы, может быть, заплачете. (*Бравируя.*) Так вы поинтересуйтесь, не пожалеете. (*Уходит, насвистывая балладу герцога: «Постоянство, тяжелые цепи постоянства...»*)

Успех

Пьеса в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПОГОРЕЛОВ
МАШЕНЬКА
ЕЛЕНА ИВАНОВНА

Перед занавесом — скамейка, на которой развалившись сидит Погорелов, молодой актер. Он репетирует роль.

ПОГОРЕЛОВ (*в зрительный зал, саркастически*). Собрались? Вот и прекрасно, я знал, что вы придете. Разве можете вы отказать себе в таком удовольствии?! Еще бы! Вы пришли сюда удивляться, гореть благородным негодованием, хихикать, злорадствовать, вы пришли сюда почувствовать себя положительными интеллигентными людьми, пришли осудить, заклеймить и растоптать меня всем стадом. Что ж! Я знаю, вам это необходимо. Вам всем, чтобы чувствовать себя хорошими, необходимо время от времени собираться и съедать одного-двух таких же, как вы, негодяев. Когда вам очень повезет, вы съедаете хорошего человека. И не давитесь. Нет ничего, чем бы вы могли подавиться. Что?.. Нет уж, вы послушайте! Раз вы пришли, я скажу вам все, что я о вас думаю! (*Листает рукопись, смотрит на часы, снова листает рукопись. Вдруг вскакивает, продолжает в зрительный зал.*) Если среди вас есть трезвенники, верные мужья и честные служащие, то это ничего не значит.

Входит Машенька, останавливается.

Воровать вам мешают лень, неповоротливость и трусость, не пьете вы из жадности, не изменяете женам только потому, что начисто лишены воображения.

МАШЕНЬКА (*смеясь и аплодируя*). Браво! Браво! Ты бесподобен! Ты страшен! Браво!..

ПОГОРЕЛОВ. Машенька! Ну разве можно так опаздывать?

МАШЕНЬКА. Отлично... Но знаешь, твой герой такое чудовище, что даже не верится...

ПОГОРЕЛОВ. Жуть! Я и сам его не понимаю. Я репетировал сейчас третий акт, его выступление на товарищеском суде. А по ходу действия я отказываюсь от матери, спекулирую шикарным бельем, клевещу, двурушничаю, вскрываю два сейфа, обманываю массу девушек... в конце пьесы за мной приходит взвод милиционеров.

МАШЕНЬКА. Вот так роль! Клад!

ПОГОРЕЛОВ. По совести говоря, на первый раз я хотел бы что-нибудь попроще.

МАШЕНЬКА. Не прибедняйся. Ты вполне созрел для крупной роли.

ПОГОРЕЛОВ. Вот-вот! Созрел. И режиссер говорит: «Из вас, по-моему, выйдет незаурядный подлец».

МАШЕНЬКА. Боже, за кого я собираюсь замуж.

ПОГОРЕЛОВ. Для исполнения этой роли у меня не хватает жизненного опыта — его надо срочно приобретать. Не обмануть ли мне тебя на первый случай?

МАШЕНЬКА. Этого делать не сле-ду-ет. Чтобы играть на сцене самого себя, не надо ничего, кроме нахальства. А тебе надо доказать, что у тебя талант.

ПОГОРЕЛОВ. Да. Мне нужен успех. Нужен как воздух.

МАШЕНЬКА. Кому не нужен успех?

ПОГОРЕЛОВ. Артистам в особенности. Без него артист чахнет, становится завистником и интриганом.

МАШЕНЬКА. Я уверена, тебе повезет.

ПОГОРЕЛОВ. Кто знает... Последнее время я подозрительно счастлив. Мне крупно повезло в любви. (*Обнимает ее.*) В театре получил большую роль, я ру-

мян, даже ботинки мне не жмут... Хорошо ли это?

МАШЕНЬКА. Не беспокойся. На сегодня у тебя есть одна неприятность.

ПОГОРЕЛОВ. Уже?

МАШЕНЬКА (*торжественно*). Сегодня ты знакомишься с моей мамашей.

ПОГОРЕЛОВ. Сегодня?

МАШЕНЬКА. Через десять минут. Не отвиливай.

ПОГОРЕЛОВ. Что ты? Я рад...

МАШЕНЬКА. Она приехала утром. Мы с ней так редко виделись, но она меня любит. Впрочем, увидишь сам. Маман — забавная женщина. Ты должен ей понравиться. Будь галантным, вежливым.

ПОГОРЕЛОВ. Как! Еще одна роль?

МАШЕНЬКА. Положительная. Ты ведь хотел положительную.

ПОГОРЕЛОВ. Я рад, но я этого не репетировал.

МАШЕНЬКА. Ничего, сыграешь. Экспромтом.

ПОГОРЕЛОВ. Может быть, не сегодня, а?.. Завтра премьера. Башка у меня до отказа забита моим подлецом... Пожалей меня.

МАШЕНЬКА. Ничего не знаю. Перевоплощайся — это тебе полезно. В конце концов, будь самим собой.

ПОГОРЕЛОВ. Легко сказать... я уже забыл, какой я есть.

МАШЕНЬКА. Идем, она нас ждет.

ПОГОРЕЛОВ (*идет за Машенькой*). Маша, а что, если мы по дороге ограбим банк, а? Развлечемся.

Они уходят.

Занавес открывается. В комнате Погорелов, один у зеркала. Поправляет галстук, прическу.

ПОГОРЕЛОВ. Итак, роль непьющего, почтительного молодого человека. Из огня да в полымя! Еще одна возможность провалиться... (*Перед зеркалом, улыбается.*) Простодушие... (*Переминается с ноги на ногу.*) Невинность... (*Прячет руки.*) Застенчивость... Счастлив с вами познакомиться! Что вы сказали? О, разумеется! С вами я во всем согласен...

Входят Машенька и Елена Ивановна, миловидная, любезная женщина.

МАШЕНЬКА. Не сбежал? Ну вот... Это Коля...

ПОГОРЕЛОВ. Погорелов.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Елена Ивановна. Рада с вами познакомиться.

ПОГОРЕЛОВ. Очень рад...

МАШЕНЬКА. Ну вот... Вы будете говорить друг другу любезности, а я займусь обедом. Договорились?.. Не скучайте.

Машенька уходит. Погорелов и Елена Ивановна мгновение молчат.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Я вас представляла немного другим... Вы еще такой молодой...

ПОГОРЕЛОВ (*улыбается*). Вы считаете, что я вас обманул?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Что вы!.. Но вы такой молодой! Вы в Москве учились?

ПОГОРЕЛОВ. Да.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Вы жалеете, что уехали из Москвы?

ПОГОРЕЛОВ. Нет... То есть сначала жалел...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А теперь не жалеете. Почему?

ПОГОРЕЛОВ. Когда я познакомился с Машей, все переменилось...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Все стало вокруг голубым и зеленым, не так ли?

ПОГОРЕЛОВ. Вы правы... голубым и зеленым.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Вот-вот... А вы уверены в том, что любите Машу?

ПОГОРЕЛОВ. Я?.. Я уверен...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Я спрашиваю бесцеремонно. Вы не сердитесь на меня. Она — моя дочь, и в том, что я желаю ей счастья, нет ничего дурного.

ПОГОРЕЛОВ. Я вас понимаю.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Не надо спешить. Я знаю, мужчины любят ошибаться...

ПОГОРЕЛОВ. Уверяю вас, Елена Ивановна...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Вы так молоды, что можете оши-

биться. Вот вы скажите, какой, по-вашему, должна быть жена?

ПОГОРЕЛОВ (*смеется*). Какой?.. Жена должна быть умной, чуткой... э... э... равноправным членом, должна быть другом, помощницей, так сказать... (*запутался, вдруг неожиданно сам для себя*) боевой подругой рецидивиста.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА (*удивилась*). Что?

ПОГОРЕЛОВ (*спохватился*). Простите... я оговорился...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Видите, у вас об этом еще весьма смутное представление. Вам не надо спешить. Видите ли, любовь часто отпускается в кредит — ею пользуются мальчишки, из которых еще неизвестно что получится... Это я не о вас, это я вообще...

ПОГОРЕЛОВ (*он недоволен собой, нервничает*). Да, вы правы... Но я вам что хочу сказать... Я вам хочу сказать... Вы желаете Маше счастья. И я желаю ей того же. Но что такое счастье? (*Помимо воли начинает играть подлеца.*) Вы считаете, что это верный муж, верная жена, незабудки, золотые, серебряные и прочие свадьбы. Разве это главное? Ваше представление о счастье ненаучно. (*Его понесло.*) Извините, но я должен сообщить вам кое-что из букваря: главное — это деньги. Без них верный муж — фантастика, верная жена — утопия, золотая свадьба — совсем уж абстракционизм. Муж должен уметь зарабатывать деньги, жена должна уметь их тратить. Вот и все.

Елена Ивановна озадачена. Она смотрит на Погорелова с удивлением. Он смутился. В это время вошла Машенька, с кухонным ножом в руках.

МАШЕНЬКА. Придется вас разлучить на минутку. Мама, я не знаю, сколько надо луку.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА (*поднимается, уходит вместе с Машенькой*). Извините.

ПОГОРЕЛОВ (*один*). Провал! Она видит меня насквозь!.. Бедная женщина! Она терпит из вежливости. До чего бездарно! Жениха и того провалил! Совсем отупел: сбился на подлеца! Если я не

в состоянии убедить одну мамашу, что же будет завтра?.. Что делать?! Отказаться от роли, пойти в осветители?.. (*Несется к зеркалу.*) Попробовать еще?.. Была не была! Провал так провал! Потом объяснюсь. Она, кажется, добрая баба, должна понять...

Входит Елена Ивановна.

(*По-хозяйски.*) Садитесь.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Спасибо... Девочка делает успехи. Жаркое получается.

ПОГОРЕЛОВ (*развязно*). Мы, Елена Ивановна, люди серьезные и не будем играть втемную. Все решено: женюсь на вашей дочери.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А!..

ПОГОРЕЛОВ. Не надо истерик, не надо восторгов. Обойдемся без междометий, восклицаний и прочих изъявлений чувств. Экономьте нервы...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА (*удивленно*). О!..

ПОГОРЕЛОВ. Вопросов вы мне не задавайте. Я все сам объясню.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Я... слушаю.

ПОГОРЕЛОВ. Мир, Елена Ивановна, состоит из скучных, малокультурных женихов и симпатичных обольстителей. Я не жених. Посмотрите на меня — разве я похож на жениха?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Не очень... Вы похожи на Жерара Филипа.

ПОГОРЕЛОВ. Тем не менее я женюсь, жертвую и хочу, чтобы вы это поняли и оценили.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Я пытаюсь понять.

ПОГОРЕЛОВ. Женщине вредно много думать. Я все объясню сам... Я не так воспитан, чтобы жениться из деликатности. Другие страдают, млеют, говорят разные глупости, носят на руках, а кончается у всех одинаково. Не так ли? Я на все эти предисловия не имею времени. Предупреждаю: я не собираюсь носить вашу дочь на руках. Руки у меня заняты. Потому позвольте мне называть вещи своими именами — я женюсь по расчету.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Какая... мм... откровенность!

ПОГОРЕЛОВ. Отбросим иллюзии — любовь дело практическое. Любить — это значит рубить дрова и продавать их в три раза выше себестоимости. Я так понимаю.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА (*вдруг хихикает*). Вы... невозможный фантазер!

ПОГОРЕЛОВ. Так вот...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Я хотела вас спросить. Маша меня отвлекла... Вы сказали, жена — это помощница, так я вас поняла?

ПОГОРЕЛОВ. Боевая подруга рецидивиста.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А дети? Их ведь надо растить, воспитывать!

ПОГОРЕЛОВ. Что?.. Не больше двух. Воспитывать их, к сожалению, надо, чтобы не выросли ротозеями... Теперь... Зачем я женюсь на вашей дочери? Ваша дочь мне, признаться, нравится. Она... ничего себе... шик, экстра, прима. Но дело, конечно, не в этом. Мы знакомы всего две недели. Но этого достаточно для того, чтобы почувствовать взаимную выгоду. Маша — художник. Мне нужна жена художник... с другой стороны, мне необходима связь с людьми культурными, с запросами. Я артист, но я могу быть и швейцаром в ресторане, и директором бани, и на прочих, так сказать, смежных профессиях — только заплатите мне больше.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Какая непосредственность!

ПОГОРЕЛОВ. Я такой человек, что мне никогда и ничего не дадут, если сам я не возьму. Но сам я возьму обязательно. Как только мы поженимся, я уйду из театра. В театре не развернешься. Я перейду в какое-нибудь солидное учреждение с дебетом-кредитом. Например, в комиссионный магазин — на простор!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА (*учтиво*). Вы давно в театре?

ПОГОРЕЛОВ. Давно. Пора уходить. Меня в театре считают, как бы это сказать... ну... непорядочным человеком. Это пустяки. Мне завидуют. Завидуют моему умению жить... Я выкладываю

вам все начистоту потому, что уверен, что вы умная женщина, любите свою дочь и, значит, по мере ваших возможностей будете нам помогать. Вы продавали когда-нибудь чужие вещи?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Что-то не припомню...

ПОГОРЕЛОВ. Будете продавать. У вас благообразный вид... У вас какое образование?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Как вам сказать... можно сказать, ниже среднего.

ПОГОРЕЛОВ. Ничего. Даже лучше. Будете писать анонимные письма. Этим занималась моя бывшая жена, но она писала так складно и доказательно, что этим письмам никто не верил.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Вы были женаты?

ПОГОРЕЛОВ. Да, был женат. Так вот, если вы желаете, чтобы ваша дочь была счастлива, сегодня же вы сделайте мне небольшую услугу. Мне нужны деньги. Для одного дельца. И вы их мне дадите. Если вы мне откажете... Между прочим, у нас с Машенькой все зашло уже очень далеко. Вы можете поздравить нас чисто формально... постфактум, так сказать, — вы меня понимаете... если вы не дадите мне сейчас денег, я могу не жениться на вашей дочери.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. О!.. Не надо меня убеждать!..

ПОГОРЕЛОВ. Я все могу.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА (*любовно*). Сколько вам надо?

ПОГОРЕЛОВ. Что?! (*В замешательстве.*) Двести рублей.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА (*с готовностью*). Конечно, я вас выручу! Минуточку... (*Уходит.*)

ПОГОРЕЛОВ (*вслед*). Но... Елена Ивановна!..

Она ушла.

Что за чертовщина!.. Как это понять?

Вбегает Машенька.

МАШЕНЬКА. Ты — умница. Она от тебя в восторге! «Это, говорит, то, что тебе надо! С таким мужем сто лет жить можно! Он — прелесть!» Признавайся, чем ты ее так очаровал?

ПОГОРЕЛОВ (*ошеломленно*). Очаровал?!

МАШЕНЬКА. Ну, как тебе мамка? Забавная, правда? Она говорит: «Романтичный мужчина. Но скажи ему, чтобы он был осторожнее. Он, говорит, молод, горяч». Так что же такое ты ей говорил? Признавайся!

ПОГОРЕЛОВ. Что я ей говорил!..

МАШЕНЬКА. Ты что, недоволен?

ПОГОРЕЛОВ. Машенька, сейчас сюда придет твоя мамаша... она принесет двести рублей... Маша, дорогая, купи ты ей на эти деньги билет на обратную дорогу.

Занавес

Цветы и годы

Сцена

Начало июня. Вторая половина идеально ясного дня. Уголок городского сада. Кругом — большие клумбы цветов. Пылающие астры и георгины свидетельствуют о ярком расцвете деятельности горзеленхоза. Скамейка под самым большим кустом черемухи. Место веселое и такое тенистое, что отдыхающему при тридцати градусах тепла пожилому человеку невозможно пройти мимо этой скамейки.
Такой человек появляется. Это Лев Васильевич Потапов, невысокого роста, пожилой, вытирающий пот со лба. Врачи находят Льва Васильевича здоровым, но советуют употреблять меньше жирного и мучного.

ПОТАПОВ (*усаживаясь с живостью, которая ему полезна*). Отлично, отлично... Пусть она там разговаривает, а я отдохну... Милое местечко, и сколько цветов! (*Замечает дощечки с надписями: «Цветы не рвать!», «К цветам близко не подходить!», «Штраф!»*) Вот обязательно такие глупости. Эти райские цветы хочется потрогать из любопытства. Интересно, на сколько оштрафуют, если нарвать букет цветов, к которым нельзя подходить близко. (*Задумывается, потом осматривается.*) Это место мне напоминает... Да, да... Здесь! Именно здесь! Здесь меня оштрафовали на десять рублей! Конечно! Со мной была Маша... Это двадцать лет назад! Черемуха разрослась, скамейка новая, скамейка лучше, а цветы все те же... Так же много, такие же яркие, такие же неприкосновенные. Ха-ха! Оштрафовали! Приятно вспомнить. (*Еще больше оживляется, что выражает яростным потиранием лысины.*)
Да, были и мы рысаками! Помню, я такой молодой, застенчивый. Любить тогда для меня значило говорить нежности и делать глупости. Любил, как могут любить только поэты-лирики. Да, приятно вспомнить...

Мне и тогда покраснеть ничего не стоило. Прощались мы тогда, помню, как-то... со скрытой нежностью. А Маша, Маша! Скромная была, прямо до изумления. И такая хорошенькая!
В тот вечер я в забывчивости сорвал что-то белое и благоухающее, выдал это за камелию — и ей на грудь. Тут свисток и квитанция. Помню, милиционер откозырял, приятно улыбнулся и сказал, как будто поздравил: «Прошу прощения. Служба!» С тех пор я ничего подобного не видел. Маша сначала смутилась, а потом смеялась целый вечер... А вот и она.

Появляется Мария Сергеевна Потапова — невысокая, с убывающей полнотой и прибывающими морщинками женщина.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Ты здесь? Евдокия Степановна рассказывает, что Вихляев уходит от жены к какой-то Чугиной, ты ее должен знать...
ПОТАПОВ. Знаю. Это сестра нашего бухгалтера.
МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Подожди... Это такая старая...
ПОТАПОВ. Твоих примерно лет.
МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. О! Такая юная!
ПОТАПОВ. Маша, садись. Посмотри, Маша, это место тебе ничего не напоминает?
МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Нет, ничего. А что?
ПОТАПОВ (*игриво*). Не напоминает? Ну, так я напомню. (*Рвет цветы с клумбы.*)
МАРИЯ СЕРГЕЕВНА (*испуганно*). Лева! Ты с ума сошел!
ПОТАПОВ. Вспомнила? (*Подает ей цветы и смеется счастливым смехом.*)
МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Что с тобой? (*Выхватывает у него цветы и, оглянувшись, бросает их в кусты.*)
ПОТАПОВ (*с беспокойством*). Неужели ты не вспоминаешь?
МАРИЯ СЕРГЕЕВНА (*рассерженно*). Что ты плетешь? Что это за выходка? Штрафы платить? Деньги тебе девать некуда?
ПОТАПОВ. Маша!
МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Это у тебя с жиру. Захотел дурачиться — ходил бы на голове или играл в этот...

в гонконг, а то выдумал — цветы рвать!

ПОТАПОВ (*грустно*). Не гонконг, а пинг-понг.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Неважно, все равно глупость.

ПОТАПОВ. Трудно представить, но когда-то ты была совсем другой, а теперь даже не в состоянии об этом вспомнить...

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. А ты всегда был таким же.

ПОТАПОВ. Маша, нельзя же так...

Мимо проходит милиционер. Заметив его, Потапов издает торжествующее восклицание и бросается к клумбе, рвет цветы, но милиционер, может быть, с улыбкой уже прошел мимо и не заметил хулиганствующего Потапова. Мария Сергеевна отбирает у Потапова сорванные им цветы и забрасывает их в кусты. Потапов снова покушается на семью больших и ярких георгинов, но Мария Сергеевна удерживает его.

ПОТАПОВ (*в тисках у Марии Сергеевны*). Товарищ милиционер!

Милиционер подходит.

МИЛИЦИОНЕР. Гражданка, отпустите товарища.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА (*сердито*). Это мой муж. (*Выпускает Потапова из объятий, но удерживает за руку.*)

ПОТАПОВ. Товарищ милиционер!

МИЛИЦИОНЕР. Чем обязан?

ПОТАПОВ. Видите! (*Показывает на общипанную клумбу.*)

МИЛИЦИОНЕР (*растерянно*). Ну?

ПОТАПОВ (*хвастливо*). Моя работа!

МИЛИЦИОНЕР. Ну и что же?

ПОТАПОВ. Как «что же»? Вы должны меня оштрафовать.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Он шутит. Вы не обращайте внимания. Извините, мы пойдем... (*Тянет мужа за руку, тот упирается.*)

МИЛИЦИОНЕР (*вдруг обретая обычную милицейскую строгость*). Что значит «шутит»?

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. То есть не совсем шутит. Он болен, знаете. Врачи разрешили ему гулять, но, понимаете...

МИЛИЦИОНЕР. Вам помочь отвести его домой?

ПОТАПОВ. Нет. Не надо.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Спасибо.

МИЛИЦИОНЕР. До свидания. Вы с ним поосторожнее в общественных местах. (*Уходит.*)

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА (*с яростью*). Что с тобой?

ПОТАПОВ (*устало*). Ничего. Я только хотел напомнить тебе, что здесь двадцать лет назад у нас с тобой было первое свидание.

Воронья роща

Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, — редко, но бывают.

Н.В.Гоголь

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

БАОХИН
БОРИС
ЛОХОВ
КАМАЕВ
АННА ТИМОФЕЕВНА
ВИКТОРИЯ

Комната в коммунальной квартире. Одно окно, в которое видна верхушка пожелтевшей березы. Издалека доносится крик вороньей стаи.
В комнате стол, три стула, крохотный шкафчик для белья. В углу водопроводный кран, раковина, газовая горелка и полка для посуды. Стены оклеены голубыми обоями. На окне белая занавеска, кровать прикрыта белым покрывалом, над кроватью цветная вышивка на белом полотне.
У стола сидит Виктория, худенькая миловидная девушка лет девятнадцати. Она одета в легкий цветной халат и домашние туфли.
Занята она вязаньем.
За дверью слышится негромкое пение, потом стук, потом мужской голос: «Дарданеллы! Дома ты или нет?»

ВИКТОРИЯ (*весело*). Да! Ворвитесь.

Появляется Юрий Иванович Лохов, давно небритый мужчина лет шестидесяти. На нем грубые башмаки, широкие, обвисшие в коленях брюки, синяя хлопчатобумажная куртка, на голове — потрепанная мичманка. В руках у него авоська с двумя пустыми бутылками. Авоську сначала держит за спиной, скрывая ее от Виктории.

ЛОХОВ (*продолжает прерванное пение*). С девчонкой прощался матрос молодой...

ВИКТОРИЯ. Э, дядя Юра, опять вы пьяный.

ЛОХОВ (*напевает*). Надолго ее покидая...

ВИКТОРИЯ. Дядя Юра, нельзя же так. Как вернулись, так каждый день, каждый день! Это что там у вас? (*Заглядывает ему за спину.*) Снова соображаете? У меня бутылок нет, сразу вас предупреждаю.

ЛОХОВ (*неожиданно*). Брысь!
ВИКТОРИЯ (*вскочила*). Ой, дядя Юра...
ЛОХОВ. Ты что же это, Дарданеллы!

Слово «Дарданеллы» он использует вместо ругательства, вернее, в качестве ругательства.

Ты думаешь, дядя Юра алкоголик?.. Нет, дядя Юра не алкоголик. Ошибаешься. Со вчерашнего дня не принимаю. Выхожу из этого дела категорически.
ВИКТОРИЯ. Ну да, рассказывайте.
ЛОХОВ. Категорически! Больше не могу. Не имею права... Партия запрещает.
ВИКТОРИЯ. Партия?.. Да вы же беспартийный, дядя Юра.
ЛОХОВ. Мало ли что беспартийный. А знаешь, куда я сейчас иду?
ВИКТОРИЯ. Ну куда?
ЛОХОВ (*со значением*). В па-рих-махерскую!
ВИКТОРИЯ. Да ну-у? Серьезно?
ЛОХОВ. Н-да! Серьезно!
ВИКТОРИЯ. А зачем это вы? С чего ради?
ЛОХОВ. «Чего ради», «чего ради», Дарданеллы... Женюсь!
ВИКТОРИЯ. Женитесь?.. А что, дядя Юра, давно вам пора.
ЛОХОВ. Брысь!.. Брысь, насмешница. Дело у меня есть.
ВИКТОРИЯ. Какое дело, дядя Юра?
ЛОХОВ. Серьезное дело... Персонально просят, предлагают, можно сказать, на рассмотрение... (*Вынул из кармана бумагу, протянул ее Виктории.*)
ВИКТОРИЯ (*читает*). «Уважаемый товарищ Лохов! Ввиду того, что вы являетесь единственным работником пароходства, прибывшим в настоящее время с Дальнереченского участка, бюро партийной организации Белореченского пароходства предлагает вам выступить на производственном совещании по вопросу о состоянии грузооборота и причинах простоя судов на Дальнореченском...»

ЛОХОВ (*взял бумагу*). Ладно.

ВИКТОРИЯ. Ну, конечно. Это дело серьезное.

ЛОХОВ. То-то... Ты думаешь, дядя Юра самашедший. Нет, дядя Юра не самашедший...

ВИКТОРИЯ. Это ответственное дело. Надо вам подготовиться как следует.

ЛОХОВ. Подготовиться — не штука. Я и так без подготовки могу сказать пару ласковых. Вот послушай... (*Откашлялся, изображает свое выступление на совещании.*) Дорогие товарищи... Я, конечно, скажу вам по существу вопроса... В настоящий период на Дальней реке налицо имеются факты безобразия по линии простоя самоходных судов, а также потопление склада на пристани Покосной. Эти факты вам, конечно, известные, виноватых, конечно, нет, но если посмотреть на это дело на месте, то далеко ходить, товарищи, конечно, не надо. И что же у нас, дорогие товарищи, получается? Кто же, вы думаете, в этом деле виноватый? А?..

ВИКТОРИЯ. По-моему, нормально.

ЛОХОВ. До сих пор, как по маслу, а дальше хуже идет.

ВИКТОРИЯ. Почему?

ЛОХОВ. Да, видишь... Виноватый-то как раз в этих делах дружок мой. Вот какая беда... И сказать-то надо, и друга обижать не хочется. Он, может, того не хотел, что получилось... Не знаю, как уж и быть... А что, дочка, нету у тебя пустой посуды?

ВИКТОРИЯ. Опять посуды? Зачем она вам? Ведь снова вы напьетесь.

ЛОХОВ. Дарданеллы! Я же тебе с чувством объясняю: не могу я, не имею права! У меня на подстрижку (*приподнял фуражку*) не хватает.

ВИКТОРИЯ. Ладно, дядя Юра. Возьмите вон из-под молока. На полке.

ЛОХОВ. Ну вот... (*Сложил в сетку несколько пустых бутылок.*) Спасибо тебе...

ВИКТОРИЯ. Постригайтесь на здоровье... Да смотрите, чтоб по последней моде!

ЛОХОВ (*в дверях*). По моде, говоришь?.. И-эх, Дарданеллы! (*Уходит.*)

Виктория продолжает свое вязанье, потом разглядывает его (она вяжет кофту), примеривает и снова принимается за работу.
Раздается стук в двери.

ВИКТОРИЯ. Да! Войдите.

Появляется Семен Николаевич Баохин. Ему около шестидесяти лет, он лыс, кругл и вальяжен. Он невысок ростом, но держится очень прямо. При этом голова его почти постоянно откинута чуть назад, брови чаще всего чуть сдвинуты, а глаза обычно слегка прищурены. Благодаря всему этому общий вид его довольно внушителен, а людей выше его ростом для него не существует.
Одет он в дорогой серый костюм, новую капитанскую фуражку, на руке у него тонкий плащ синтетического происхождения. В другой руке у него носовой платок, которым сейчас он вытирает пот со лба и шеи — он заметно устал.
Войдя, он осматривает комнату продолжительным взглядом. При его появлении Виктория поднимается и идет ему навстречу.

БАОХИН. Извините, я хочу у вас спросить... Лохов Юрий Иванович здесь проживает?

ВИКТОРИЯ. Лохов? Здесь... То есть не здесь, а вот — соседняя дверь.

БАОХИН. Благодарю вас...

ВИКТОРИЯ. Но его нет дома.

БАОХИН. Да?

ВИКТОРИЯ. Да, он ушел.

БАОХИН. Давно?

ВИКТОРИЯ. Да вот минуты три-четыре. Как вы не встретили...

БАОХИН. Надолго он ушел, вы не знаете?

ВИКТОРИЯ. Не знаю. Он пошел в парикмахерскую.

БАОХИН. В парикмахерскую?.. Ага... А в какую парикмахерскую, не знаете? Тут их две, если мне память не изменяет.

ВИКТОРИЯ. Две, а в какую он пошел — я не знаю.

БАОХИН. Х-м... Придется подождать. Извините за беспокойство.

ВИКТОРИЯ. Пожалуйста, пожалуйста.

Баохин выходит, Виктория принимается за вязанье, но откладывает его, подходит к двери и открывает ее.

Вы его здесь ждать будете?

БАОХИН (*появляется в дверях*). Здесь. А что такое?

ВИКТОРИЯ. Да нет, ничего, но здесь у нас даже сесть некуда.

БАОХИН. Ну что поделаешь.

ВИКТОРИЯ. Если хотите, заходите ко мне. Что же вы на ногах стоять будете.

БАОХИН. Благодарю.

ВИКТОРИЯ. Заходите, в самом деле. Сколько ждать — ведь неизвестно.

БАОХИН. Хм... Ну что ж, пожалуй, вы правы. Пожалуй, я воспользуюсь. В ногах правды нет.

ВИКТОРИЯ. Проходите, проходите.

Баохин входит в квартиру.

Вот... Присаживайтесь.

БАОХИН. Благодарю вас. (*Садится.*) А ничего, я вам не помешаю? (*Внимательно осматривает комнату.*)

ВИКТОРИЯ. Нет, нет. Я как раз отдыхаю. Вяжу себе кофту. Вот. (*Показывает ему кофту.*) Ничего? Как вы находите?

БАОХИН. Х-м... Вы, простите, вы у нас работаете, в пароходстве?

ВИКТОРИЯ. Я? Нет, я на фабрике. На обувной.

БАОХИН. Ага... А, простите, давно вы здесь живете, в этой комнате?

ВИКТОРИЯ. Давно. Два года скоро. А что?

Баохин не отвечает.

Я с сестрой здесь жила. Со старшей. А она недавно замуж вышла и...

БАОХИН (*поднимается*). Вы разрешите мне взглянуть в окно?

ВИКТОРИЯ. В окно?.. Пожалуйста. Сколько угодно.

Баохин подходит к окну и некоторое время стоит перед ним молча.

БАОХИН. Х-м... Все так же... Все на месте... Просто удивительно... (*Оборачивается.*) А вот комната как будто стала меньше.

ВИКТОРИЯ. Вы что, бывали здесь раньше?
БАОХИН. Я здесь жил.
ВИКТОРИЯ. Серьезно?
БАОХИН. Да. И между прочим, здесь прошла моя молодость... Я переехал отсюда лет тридцать назад... э-э... тридцать четыре года.
ВИКТОРИЯ. Ого!
БАОХИН. Что, много?
ВИКТОРИЯ. Да ничего себе, прилично.
БАОХИН. А вот, представьте себе, за это время ничего тут не изменилось. (*Повернулся к окну.*) Вот и двор, и забор, и роща — все это сохранилось. Просто удивительно. Да... Разве только вороны... Тогда их было поменьше. А может, я не помню! Или внимания не обращал...
ВИКТОРИЯ. Вы что, с тех пор здесь не бывали?
БАОХИН. Представьте, не бывал.
ВИКТОРИЯ. Ни разу?
БАОХИН. Ни разу.
ВИКТОРИЯ. А откуда вы сейчас приехали?
БАОХИН. Приехал?.. Х-м. Я не приехал. Я здесь живу. В этом городе.
ВИКТОРИЯ (*удивилась*). Здесь?
БАОХИН. Да. А что тут удивительного?.. Просто все как-то... не доводилось... Не пришел Лохов, как вы думаете?
ВИКТОРИЯ. Сейчас посмотрю. (*Выходит.*)

Баохин уселся на свой стул. Виктория возвращается.

Не-е. Его нет.
БАОХИН. Вот этот самый Юра, сосед ваш, вот с ним мы здесь и жили. В этой комнате. Вдвоем.
ВИКТОРИЯ. С дядей Юрой?
БАОХИН. Ну да, с Юрием Ивановичем, с ним самым. Большими друзьями были.
ВИКТОРИЯ. А с ним вы тоже тридцать лет не виделись?
БАОХИН. Почему же? Встречаемся, бывает. По службе встречаемся и так иногда, на улице...
ВИКТОРИЯ. Постойте, но он ваш друг, вы говорите...

БАОХИН. Друг?.. Х-м. Ну да, конечно, друг, разумеется. Друг юности.
ВИКТОРИЯ. И вы не были у него...
БАОХИН (*перебивает*). Вот я к нему и пришел. Пришел и, как видите, жду его терпеливо... А что это вы все удивляетесь?
ВИКТОРИЯ. Да нет, я ничего. Так... Странно все-таки.
БАОХИН. А что тут странного? Ничего странного тут нет. Все идет своим чередом, все течет, все меняется... Жили-были, трудились вместе, друг без друга никуда — были лучшими друзьями, а пришло время и — прости, товарищ. У каждого своя дорога. Он — на службу, я — в институт, и пошло: он туда, я обратно. А там война. Он на Черном, я на Белом. Дальше — больше. Он шкипер, я капитан, меня в управление, его — на Дальнюю речку. Разные судьбы... И заботы разные. И интересы другие... А за последние годы, я знаю, его интересы весьма и весьма сузились. Я имею в виду пьянство... Я понимаю, в войну он семью потерял, но ведь в войну многие пострадали — нельзя же так... Другие, например, вернулись, отдали себя мирному труду, росли, продвигались и ничего — пережили...

Пауза.

ВИКТОРИЯ. А вы кем сейчас работаете, если не секрет?
БАОХИН. Кем работаю?.. Хм. Ну кем вы думаете?.. Послушайте, нельзя ли открыть окно?
ВИКТОРИЯ. Пожалуйста! (*Открыла окно.*)
БАОХИН. Благодарю, а то вроде бы как душно... Вам не душно?
ВИКТОРИЯ. Не-е. А знаете, я вас, кажется, где-то видела.
БАОХИН. Ну что ж, это вполне возможно.
ВИКТОРИЯ. А как ваша фамилия?
БАОХИН. Фамилия?.. Ну что ж. Баохин моя фамилия.
ВИКТОРИЯ. А-а! Знаю! Вы начальник пароходства. Точно?
БАОХИН. Ну что ж. Не отпираюсь.

Небольшая пауза. Крик ворон.

Что это они так расшумелись?.. Готов спорить, что раньше ворон здесь было меньше. Раз в десять.

ВИКТОРИЯ. Ну, значит, расплодились. Да еще, наверное, те живые, старики. Говорят, вороны живут по двести лет.

БАОХИН. По двести лет?.. Безобразие.

ВИКТОРИЯ. Они, наверное, очень умные, как вы думаете?.. А вот, извините, конечно, товарищ Баохин, за любопытство, но интересно очень, сколько вы зарабатываете?

БАОХИН. Да так... довольно прилично.

ВИКТОРИЯ. А! Боитесь сказать. Значит, много. Интересно, рублей пятьсот будет?

БАОХИН. Да... Что-то в этом роде.

ВИКТОРИЯ. Что, даже сосчитать не можете?

БАОХИН. Х-м... А вы бойкая девушка.

ВИКТОРИЯ. Я — да, я — бойкая... А у вас есть сын?

БАОХИН. Есть.

ВИКТОРИЯ. Вот где богатый жених скрывается. Он не женат?

БАОХИН. Не женат, насколько я... э... осведомлен.

ВИКТОРИЯ. А где он работает?

БАОХИН. Он врач.

ВИКТОРИЯ. Значит, на студентке женится или на учительнице... А жена у вас старая или молодая?

БАОХИН. Молодая.

ВИКТОРИЯ. А красивая?

БАОХИН. Красивая. Еще вопросы будут?

ВИКТОРИЯ. Пока нет.

БАОХИН. Тогда будьте так любезны, взгляните, не пришел ли ваш сосед.

ВИКТОРИЯ. Это мы сейчас. (*Выходит.*)

Крик вороньей стаи.
Возвращается Виктория.

Не-е.

БАОХИН. Не пришел?

ВИКТОРИЯ. Нет еще.

БАОХИН. Благодарю вас. И еще одна просьба. Дайте мне воды.

ВИКТОРИЯ. Пожалуйста! (*Подходит к крану, оборачивается.*) Может, вам чаю согреть?

БАОХИН. Нет, благодарю вас. Воды...

Виктория подает ему воды, он пьет, потом, слегка смочив свой платок, возвращает Виктории стакан.

Благодарю вас... (*Мокрый платок прикладывает к виску.*)

ВИКТОРИЯ. Что с вами? Вам плохо?

БАОХИН. Нет, ничего... Очевидно, я устал. Видите ли, прошелся пешком. Давно не ходил пешком, а тут — от самого центра. И вот... Что-то... давит вроде бы... Да ничего. Сердчишко, правда, у меня иногда пошаливает, но не так, чтобы... Словом, ничего особенного. Скоро пройдет.

ВИКТОРИЯ. Может, мне в аптеку сбегать за лекарством?

БАОХИН. Нет, нет, благодарю... А скажите, есть поблизости телефон?

ВИКТОРИЯ. Есть. Автомат. Он здесь, внизу. А что?

БАОХИН. Ничего. Вызову потом машину, чтобы обратно уехать...

Пауза. Крик ворон в отдалении.

ВИКТОРИЯ. А можно вас еще спросить?

БАОХИН. Что ж, спрашивайте. Что с вами поделаешь, если вы такая любопытная.

ВИКТОРИЯ. Да нет, знаете, вы человек с большим жизненным опытом, а я... Между прочим, меня Викторией зовут.

БАОХИН. Очень приятно.

ВИКТОРИЯ. Ну вот... Ну... Ну, допустим, я мечтаю о семейной жизни. Вам-то я могу в этом признаться. Могу?

БАОХИН. А почему нет?

ВИКТОРИЯ. Так вот... А в семейной жизни, говорят, редко кто бывает счастливый. Так или нет?

БАОХИН. Х-м...

ВИКТОРИЯ. Ну вот вы? Вы — как?

БАОХИН. Я?.. Я считаю, что я вполне...
ВИКТОРИЯ. А вы первый раз женаты или второй?
БАОХИН. Второй. Второй раз.
ВИКТОРИЯ. А первая жена, она сейчас... жива?
БАОХИН. Да, она жива. И здорова... Насколько я осведомлен.
ВИКТОРИЯ (*с разочарованием*). А-а. Значит, первый раз у вас счастья не было...
БАОХИН. Почему же?
ВИКТОРИЯ. Было?.. И первый раз было и второй? Как же так? Разве...
БАОХИН. Милая девушка. Вы очень наивны... А я вам так скажу: если человек доволен, значит, он счастлив. Счастье это то, чем вы довольны, вот и все. (*Вдруг.*) Вы не против, если я приоткрою дверь? (*Поднимается, но неожиданно садится снова. Стонет.*)
ВИКТОРИЯ (*подбегает к нему*). Что с вами?.. Что с вами? (*Трясет его.*) Товарищ Баохин!

Баохин стонет.

Что с вами? Что?
БАОХИН (*стонет*). Худо... Тяжело...
ВИКТОРИЯ. Сейчас, сейчас... я вызову врача... Вам надо лечь. Ложитесь!

Она с трудом поднимает его и ведет к кровати. Он стонет. Она срывает с постели покрывало и укладывает его.

Вот так... Вот так... Лежите. Я бегу звонить... (*Хватает со стола свою сумочку, роется в ней.*)
БАОХИН. Жене... Позвоните жене... Сорок три одиннадцать... Пусть за мной приедет...
ВИКТОРИЯ. Сейчас! Сейчас!.. Сорок три одиннадцать... (*Бормочет.*)
Ноль два... Сорок три одиннадцать... (*Выбегает.*)

Баохин приподнимается, но стонет и ложится как лежал.
Крик ворон в отдалении.
Виктория возвращается.

ВИКТОРИЯ. Как вы?.. Я вызвала скорую помощь, сейчас они приедут... Вам очень плохо?

БАОХИН. Душно!..

ВИКТОРИЯ. Открыть дверь? (*Открывает дверь.*) Дать вам воды? (*Дает ему воды, потом осторожно снимает с него ботинки.*) Лежите, лежите... (*Снимает с него пиджак, галстук, расстегивает ему рубаху.*) Ну как вы?

БАОХИН. Ничего. Сейчас будет врач... А жена?.. Она дома?

ВИКТОРИЯ. Да. Она сейчас приедет. И врач приедет.

БАОХИН. Что вы ей сказали?

ВИКТОРИЯ. Кому?

БАОХИН. Моей жене.

ВИКТОРИЯ. Что вам очень плохо. Сказала, чтобы приезжала.

БАОХИН. Кажется, мне уже лучше...

ВИКТОРИЯ. А что это у вас?

БАОХИН. Сердце. Но так еще никогда не было. Первый раз.

Небольшая пауза.

ВИКТОРИЯ. Но сейчас вам лучше?

БАОХИН. Да... Да. Гораздо лучше. Я полежу немного и встану. Сегодня у меня доклад.

ВИКТОРИЯ. Какой уж вам доклад. Лежите... (*Накрывает его покрывалом, поправляет ему подушку.*) Вот приедет врач и...

БАОХИН. Послушайте, Виктория. Закройте, пожалуйста, окно... Они действуют мне на нервы...

ВИКТОРИЯ. Кто?

БАОХИН. Вороны.

Виктория закрывает окно.

А вам они не мешают?

ВИКТОРИЯ. Да нет. Я к ним привыкла... А что, в центре их разве не бывает?

БАОХИН. Нет, нет. Там они не появляются. Во всяком случае, не собираются в таком количестве.

ВИКТОРИЯ. Вообще-то да. Они больше по окраинам. Они, наверное, любят чистый воздух.

БАОХИН. Возможно. Но уже не помню, когда я их в последний раз видел.
ВИКТОРИЯ. Ну как вам?
БАОХИН. Лучше.

Стук в дверь.

ВИКТОРИЯ. Войдите!

Появляется Анна Тимофеевна, красивая нарядная женщина лет тридцати двух.

АННА ТИМОФЕЕВНА (*в дверях*). Квартира восемь?
ВИКТОРИЯ. Да.
АННА ТИМОФЕЕВНА. Это вы мне звонили?.. Где он? (*Проходит к кровати.*) Семен! Что с тобой?.. Что случилось? Тебе плохо, да? Сердце, да?.. Сильно, нет?
БАОХИН. Ничего, Аня. Мне уже лучше.
АННА ТИМОФЕЕВНА. Боже мой, я чуть не умерла со страху. Вызвали врача?
ВИКТОРИЯ. Да. Сейчас приедут.
АННА ТИМОФЕЕВНА. Большое вам спасибо... Семен, как это случилось? Как ты сюда попал? (*Виктории.*) Это вы мне звонили?
ВИКТОРИЯ. Я.
АННА ТИМОФЕЕВНА. Спасибо вам большое... А как это было? Сразу, неожиданно или...
БАОХИН. Не сразу... Сначала было душно, давило, а потом вдруг...
АННА ТИМОФЕЕВНА. Это ужасно!
БАОХИН. Да, такого со мной еще не было.
АННА ТИМОФЕЕВНА. А как ты сюда попал?
БАОХИН. Я решил пройтись...
АННА ТИМОФЕЕВНА. Такую даль! Ты с ума сошел! Разве можно с твоим здоровьем, нет, ты просто спятил. Пешком! Здесь такие ухабы, на машине и то еле проберешься, и закоулки какие-то, ни одного человека, пусто, как в деревне. Это ужасно. Упадешь и будешь лежать, никто тебя не поднимет. (*Виктории.*) Спасибо, что вы ему помогли... А где это было? Неужели на улице?

БАОХИН. Да нет, Аня, успокойся...

ВИКТОРИЯ. Это здесь случилось...

АННА ТИМОФЕЕВНА. Здесь? Да как ты сюда попал? Зачем?

БАОХИН. Я пришел... навестить друга.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Какого друга? Ты что, не мог вызвать его к себе? (*На глаза ей попадается вязанье Виктории.*) Это вы рукодельничаете? (*Разглядывает кофту.*)

ВИКТОРИЯ. Я. Вам нравится?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Ничего, славненькая... (*Разглядывает Викторию.*) Но вам больше реглан пойдет...(*Неожиданная мысль.*) Так это где было?.. Что, прямо здесь?

ВИКТОРИЯ. Ну, конечно, здесь.

АННА ТИМОФЕЕВНА. А почему — конечно?.. Чья это квартира?

ВИКТОРИЯ. Моя.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Ваша?

ВИКТОРИЯ. Ну конечно.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Интересно... Значит, вы здесь живете?

ВИКТОРИЯ. Ну конечно!

АННА ТИМОФЕЕВНА. И что... одна?

ВИКТОРИЯ. Одна. А что?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Да ничего... Очень интересно...

БАОХИН. Аня, что тебя волнует?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Волнует? Ну нет, не волнует, не будем преувеличивать, но... Интересно... (*Виктории.*) Простите... Не холодно вам в этом халатике?

ВИКТОРИЯ. Мне?.. Нисколько.

АННА ТИМОФЕЕВНА. А тебе, Семен? Ты весь расстегнут — ничего, не мерзнешь?

БАОХИН. Ну что ты, Анечка. Наоборот...

АННА ТИМОФЕЕВНА. Наоборот... Что это значит?.. Я спрашиваю, что все это значит?.. Я вас спрашиваю. (*Взяла со стула галстук.*) Что это?

ВИКТОРИЯ. Галстук.

АННА ТИМОФЕЕВНА (*нагибается, поднимает ботинки Баохина.*) А это?.. Как это называется?

БАОХИН. Ботинки, Аня...

АННА ТИМОФЕЕВНА. Это называется — ты решил пройтись, да?

БАОХИН. Аня! Бог с тобой... Я пришел к Лохову, к ее соседу.

АННА ТИМОФЕЕВНА. К соседу? Почему в таком случае ты лежишь здесь, а не у соседа?

БАОХИН. Но, Аня, его не оказалось дома...

АННА ТИМОФЕЕВНА. Кто такой Лохов? Кто это? Что-то я никогда о нем не слышала.

БАОХИН. Аня, он друг, друг моей юности...

АННА ТИМОФЕЕВНА. А она? Она кто такая?

ВИКТОРИЯ. Подождите, вы что думаете...

АННА ТИМОФЕЕВНА. Я? Что я думаю?

БАОХИН. Аня...

АННА ТИМОФЕЕВНА. Что вы думаете, хотела бы я знать. Семен, сколько тебе лет?

БАОХИН. Аня!

АННА ТИМОФЕЕВНА. А ей? Ей сколько лет?

БАОХИН. Аня...

АННА ТИМОФЕЕВНА (*Виктории.*) Сколько тебе лет?

ВИКТОРИЯ. Не ваше дело.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Боже, что же это делается? Ей наверняка и восемнадцати-то нет. Решил пройтись. Прошелся. Ничего себе прогулочка...

БАОХИН. Аня, ты просто... Это же глупо, Аня!

АННА ТИМОФЕЕВНА. Нет, это у меня в голове не укладывается. Семен! Да ведь ты меня в два раза старше, ты что, об этом забыл? Ведь ты старик, Семен. Подумать только! Я живу со стариком, я отдаю ему свои лучшие годы, и что же?

БАОХИН (*со стоном*). Аня!

ВИКТОРИЯ. Вы что говорите, соображаете? Вашему мужу плохо, а вы что? Он тут почти без сознания был...

АННА ТИМОФЕЕВНА. Без сознания? Ну еще бы!

ВИКТОРИЯ. Вы что, не верите?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Нет, почему же? Я верю, охотно верю, он и умереть здесь мог, но меня удивляет, как ты можешь мне об этом распространяться.

БАОХИН (*стонет*). Аня...

ВИКТОРИЯ. Слушайте! Что вы тут наговариваете?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Да еще вызвала меня сюда — не постеснялась...

ВИКТОРИЯ. Я не хочу вас слушать! Забирайте отсюда вашего мужа и...

БАОХИН. Аня! Успокойся наконец... У меня был приступ, мне показалось, что я... Словом, я сам попросил тебе позвонить. Сам!

АННА ТИМОФЕЕВНА. Очень мило с твоей стороны. Спасибо тебе. Как на прогулку, так с девочками, а как нянчиться — так жене. Ну нет, Семен, ты об этом пожалеешь. (*Виктории.*) А тебе, раз ты путаешься со стариками, надо быть посамостоятельнее...

ВИКТОРИЯ (*Баохину*). Вы меня извините, но почему она у вас такая дура?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Что? Что ты сказала? Повтори!

ВИКТОРИЯ. Пожалуйста. Я сказала, что вы дура.

Баохин стонет.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Семен! Что она себе позволяет?

ВИКТОРИЯ. А вы что позволяете?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Замолчи, негодяйка!

ВИКТОРИЯ. От негодяйки слышу.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Мерзавка!

ВИКТОРИЯ. Сама ты мерзавка.

АННА ТИМОФЕЕВНА (*плаксиво*). Семен! Что ты ей позволяешь?

Баохин стонет.

(*Виктории.*) Извинись! Сейчас же извинись!.. Извинись или...

ВИКТОРИЯ. Что?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Или...

ВИКТОРИЯ. Ну?

АННА ТИМОФЕЕВНА (*Баохину*). Заставь ее передо мной извиниться! Слышишь? Если она сейчас же передо мной не извинится, то... то... Семен, ты об этом пожалеешь.

БАОХИН. Анечка, успокойся, прошу тебя... Не сер-

дись, пожалуйста, но в данном случае она... права.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Она права?.. Даже так?.. Она меня оскорбляет, а ты... ты... Выходит, ты уже с ней заодно? Вот, значит, как! Ну, Семен, пеняй теперь на себя. Я тебя предупреждала. (*Подходит к окну, открывает его, кричит.*) Олег!.. Оле-ег!

В о́кно снова доносится отдаленный крик ворон.

БАОХИН. Аня! (*Попробовал приподняться, но безуспешно.*)

АННА ТИМОФЕЕВНА (*обернулась*). Лежи теперь спокойно, жди врача. (*В окно.*) Олег! Зайди сюда.

БАОХИН (*с мольбой в голосе*). Анечка! Какой Олег?.. Неужели снова тот...

АННА ТИМОФЕЕВНА. Да, он самый. Тот, которого ты уволил. А за что, никто до сих пор не может понять.

БАОХИН. Но, Аня, мы ведь договорились... Ты уверяла меня...

АННА ТИМОФЕЕВНА. Ничего. Ты меня тоже кое в чем уверял. А теперь, после того, что я тут увидела, он снова будет ходить к нам домой. Так и знай.

БАОХИН. Но, Аня...

АННА ТИМОФЕЕВНА. Ничего. Он настоящий друг, а я, если хочешь знать, между мужчиной и женщиной больше всего ценю дружбу. Не то что некоторые. Кроме того, я не могу сейчас сидеть за рулем, на днях у меня отняли права. Не ходить же мне пешком, сам подумай. Проходи, Олег.

Деликатный стук в дверь.
Появляется Камаев, молодой человек лет двадцати пяти. От него веет здоровьем, галантностью и самонадеянностью. Он щегольски одет, коротко подстрижен, в руках у него темные очки.

КАМАЕВ. Добрый день. (*Легкий поклон.*) Семен Николаич... (*Поклон ниже.*) Что с вами, Семен Николаич?

АННА ТИМОФЕЕВНА (*саркастически*). Ничего особенного. Просто он немного переутомился.

БАОХИН. Аня, я прошу тебя...
АННА ТИМОФЕЕВНА. А вот, обрати внимание... Хозяйка этой квартиры.
КАМАЕВ (*поклон*). Мне очень приятно. Камаев Олег Никитович... Шофер первого класса «А».
ВИКТОРИЯ. Да уж вижу.
КАМАЕВ. А почему девушка такая сердитая?
АННА ТИМОФЕЕВНА. Ты что, еще ничего не понял?
КАМАЕВ. А что такое? Что я, собственно, должен понять?
АННА ТИМОФЕЕВНА. Олег, ты просто святой.
БАОХИН. Аня, прекрати это... Я тебя очень прошу...
АННА ТИМОФЕЕВНА (*Камаеву*). Ты еще не понял, где мы находимся?
КАМАЕВ (*правда, не сразу*). Ну что вы! Не может этого быть.
АННА ТИМОФЕЕВНА. Нет, ты просто ребенок. А спрашивается, что тут еще могло быть?
КАМАЕВ. Простите, вы имеете в виду... э... адюльтер?
АННА ТИМОФЕЕВНА. У меня нет никаких сомнений.
БАОХИН. Аня, прошу тебя! Ты все выдумала!
АННА ТИМОФЕЕВНА. Выдумала? Ну так докажи мне, если я выдумала. Ну! Чем ты мне докажешь?

Баохин стонет.

КАМАЕВ. Так, так... Положение серьезное...
ВИКТОРИЯ. Ну и люди. Вместо того, чтобы успокоить человека...
АННА ТИМОФЕЕВНА. Что же ты его сама не успокаивала?
КАМАЕВ. Анна Тимофеевна, а может, действительно, все это только блеф вашей фантазии?.. Нет?
АННА ТИМОФЕЕВНА. Может, и ты меня за дуру принимаешь?
КАМАЕВ. Никогда в жизни. Мне только интересно знать, кто же в таком случае позвонил по телефону?
АННА ТИМОФЕЕВНА. Она. Он потерял сознание...
КАМАЕВ. Потерял сознание? (*Внимательный взгляд на Викторию.*) Что вы говорите? (*Баохину.*) Семен Николаич, разве вам можно так рисковать?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Он лежал без сознания, а она в это время позвонила. С перепугу. Это же совершенно ясно.

ВИКТОРИЯ. К черту! С меня хватит! Товарищ Баохин, вы меня простите, но этого больше терпеть не могу. Лучше я пока уйду.

КАМАЕВ. Стоп! (*Останавливает Викторию.*) Стоп... Сейчас главное не горячиться. Положение у нас сложилось очень серьезное. Давайте-ка спокойно все обдумаем... Значит, так. Первое. Кто-нибудь об этом знает?.. Кроме нас... Семен Николаич, еще кто-нибудь вас здесь видел?.. Нет? Отлично.

БАОХИН. Послушай, Олег. Ничего подобного здесь не было. Не- бы-ло. У меня был приступ, вот и все. Сейчас приедет врач и...

КАМАЕВ. Врач? Вы вызвали врача?.. Какая неосторожность! Что вы вызвали? Скорую помощь?..

ВИКТОРИЯ. А то еще что?

КАМАЕВ. Ай-ай-ай! Ну разве можно так рисковать! Чего доброго, вот-вот прикатит.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Олежек, кто прикатит?

КАМАЕВ. Скорая помощь! Это опасность номер один.

БАОХИН. Опасность?

КАМАЕВ. Семен Николаич! Вы меня удивляете. Неужели вы не понимаете всей серьезности положения? Кого-кого, а вас весь городской контингент, буквально каждая собака знает, и если хоть кто-нибудь увидит вас на этой, я прошу прощения, кровати — все! Моментально пойдет по всему городу.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Это ужасно! И как это сразу не пришло мне в голову!

КАМАЕВ. Хорошо еще, что тут все свои. Потому что главное сейчас — это глубокая конфиденциальность. (*Виктории.*) Правильно я рассуждаю?

ВИКТОРИЯ. Нет, неправильно! Вот пойду сейчас и позову кого-нибудь. Назло.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Что?.. Да ты с ума сошла!

КАМАЕВ. Сделаешь большую глупость, а потом долго будешь каяться.

ВИКТОРИЯ. А мне плевать...

КАМАЕВ. Не торопись. Подумай сначала. А вдруг Семен Николич не поправится и чего доброго... долго не поправится...

Баохин стонет.

Представляешь? Тебя судить могут.

ВИКТОРИЯ. За что?

КАМАЕВ (*немного подумал*). За растление. Срок могут дать.

БАОХИН. Я уверяю вас, клянусь! Даю вам честное слово: ничего здесь не было!

АННА ТИМОФЕЕВНА. Это вопрос решенный. Было.

Виктория вдруг бежит к двери, на пороге останавливается.

ВИКТОРИЯ. Ну вот что. Если было, то я сейчас кого-нибудь позову, а если не было, то... Тогда еще посмотрим. Поняли?

КАМАЕВ. Слушай! Не делай глупостей. (*Хотел к ней подойти.*)

ВИКТОРИЯ. Стой там!.. Ну так как? (*Анне Тимофеевне.*) Ты! (*Камаеву*). И ты! Отвечайте. Было или не было?

Небольшая пауза.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Но, милая...

ВИКТОРИЯ. Было или нет?

КАМАЕВ. Могло быть... Могло и не быть...

ВИКТОРИЯ. Ну!.. Последний раз спрашиваю.

КАМАЕВ. Скорей всего, что не было. По-моему, не было. (*Анне Тимофеевне, внушительно.*) Не было.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Хорошо, милая... Мы вам верим.

ВИКТОРИЯ. А теперь возьмите назад все свои обзывательства. Ну!

АННА ТИМОФЕЕВНА. Но, дорогая моя, нельзя же так... Ты пользуешься моментом...

ВИКТОРИЯ. Вы берете свои слова обратно или нет?

КАМАЕВ. Я — всегда пожалуйста, но, по-моему, лично я не сказал ничего лишнего. Я вообще всегда выбираю выражения.

ВИКТОРИЯ. Извинись!

КАМАЕВ. Хорошо. Я извиняюсь.

ВИКТОРИЯ (*Анне Тимофеевне*). Ну!

БАОХИН. Аня, извинись, я тебя очень прошу.

КАМАЕВ (*внушительно*). Извинитесь.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Хорошо. Я беру свои слова обратно.

ВИКТОРИЯ. Вот так. (*Проходит в комнату.*) И чтобы в своей квартире я не слыхала больше ни одного грубого слова.

КАМАЕВ. Было или не было...

ВИКТОРИЯ. Что?

КАМАЕВ. Не было, не было! Но сейчас дело не в этом. Неужели вы не представляете себе, что будет, если хоть кто-нибудь что-нибудь узнает. Было или не было — об этом и разговору не будет, и никаких сомнений, уж будьте спокойны. (*Анне Тимофеевне*). Подойдите, пожалуйста, к окошку и присмотрите там за скорой помощью. (*Продолжает*). Что будет! Ну! Такой скандал, что вы себе даже не воображаете. (*Виктории.*) Закрой, пожалуйста, дверь на ключ, вдруг кто зайдет. (*Продолжает.*) Вся область, да что область, сейчас — раз, раз, да еще, чего доброго, и на Запад попадет...

АННА ТИМОФЕЕВНА. Какой ужас!

КАМАЕВ. А там в газетах напишут и по радио передадут с острова Окинава. Они там такие дела ой как любят. Вы их хлебом не кормите, а дайте что-нибудь такое, сексуальное. (*Виктории.*) Я прошу прощения. (*Баохину.*) Тогда уж вы на весь Союз загремите...

Баохин стонет.

Я по опыту знаю. Я разных людей возил, и маленьких, и больших...

БАОХИН. Неужели...

КАМАЕВ. Ну а как же? Будь на вашем месте кто-нибудь другой, ну я, допустим, ну тут другое дело. Никто бы и внимания не обратил. А вы все-таки чело-

век авторитетный, известный в городе товарищ...

АННА ТИМОФЕЕВНА. Что же нам делать?

КАМАЕВ. Действовать. Мое мнение: Семена Николаича в машину и домой — моментально.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Олег! Ты светлая голова. (*Баохину.*) И его-то ты уволил с работы!

КАМАЕВ. Анна Тимофеевна, взгляните-ка, никого там нет — на выходе?

БАОХИН. Но я... Я не могу подняться.

КАМАЕВ. Я вам помогу, Семен Николаич. (*Анне Тимофеевне.*) Никого нет?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Есть. Расселись у самого подъезда.

КАМАЕВ (*подходит к окну*). Пенсионеры. Козла забивают. (*Баохину.*) Они вас знают, как вы думаете?

БАОХИН. Знают. Они со мной поздоровались.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Ну вот. Сначала он прошел, потом мы подъехали. Мы их уже заинтриговали. Сидят ждут, чем кончится.

КАМАЕВ. Так... Второй этаж. (*Выглядывает в окно.*) Высоковато.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Что же делать?

БАОХИН. Послушайте, если пришел Лохов, тогда можно переместить меня к нему. Он не откажет.

ВИКТОРИЯ. Сейчас посмотрю.

КАМАЕВ. Стоп! Кто такой Лохов?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Кто он такой?

ВИКТОРИЯ. Сосед.

КАМАЕВ. Риск. С соседей обычно все и начинается.

БАОХИН. Он мой старый друг...

КАМАЕВ. Это еще не гарантия.

БАОХИН. Он не выдаст.

КАМАЕВ. Вы уверены?.. (*Виктории.*) Посмотри, пожалуйста, дома он или нет.

Виктория выходит.

АННА ТИМОФЕЕВНА. А она не выдаст?

КАМАЕВ. Она — нет. Зачем ей капать на свою голову?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Но ведь грозилась же она...

КАМАЕВ. Да нет, сдуру могла, а так не будет.

Виктория возвращается.

ВИКТОРИЯ. Его нет.
КАМАЕВ. Так, так...
АННА ТИМОФЕЕВНА. Может, тебе, Олег, спуститься вниз и разогнать пенсионеров?
КАМАЕВ. Нет, что вы. Так мы их еще больше заинтригуем.
ВИКТОРИЯ. Зря все это, по-моему...
АННА ТИМОФЕЕВНА. Что?
ВИКТОРИЯ. Да вот страхи ваши и вообще. Здесь врач нужен, а не...
АННА ТИМОФЕЕВНА. Милая, ты этого еще не понимаешь...
ВИКТОРИЯ. Ну если уж вы так боитесь, то вы можете сказать, что товарищ Баохин мой дядя. Или дедушка.
КАМАЕВ. Глупо. Тем самым мы только подольем масла в общий ажиотаж.
АННА ТИМОФЕЕВНА. Скорая помощь!

Небольшая пауза. Баохин стонет.

Что делать?.. Может, не открывать и все?
КАМАЕВ. Нет! Весь дом поднимут! Милицию вызовут! Нет! Выход один!
АННА ТИМОФЕЕВНА. Какой?
КАМАЕВ (*закрыл дверь на ключ*). Семен Николаич! Надо прятаться.
БАОХИН. Но... где?
АННА ТИМОФЕЕВНА. Где?
БАОХИН. Куда здесь спрячешься?

Небольшая пауза.

Негде!
АННА ТИМОФЕВНА. Некуда!
БАОХИН. Спрятаться нельзя...
АННА ТИМОФЕЕВНА. Нельзя...
КАМАЕВ. Эврика! Спрятаться можно.
БАОХИН. Где же?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Где?
КАМАЕВ. Под кроватью!
АННА ТИМОФЕЕВНА. А!.. Гениально!

Баохин стонет.

КАМАЕВ. И просто. Как и все гениальное.
АННА ТИМОФЕЕВНА. Полезай немедленно!
БАОХИН. Но... Нельзя ли как-нибудь без этой крайности?
КАМАЕВ. Это единственный выход!
АННА ТИМОФЕЕВНА. Давай скорее! Олег, помоги ему!
БАОХИН. А может... может, не надо?
АННА ТИМОФЕЕВНА. Не валяй дурака! Полезай немедленно! Я тебе приказываю!
КАМАЕВ. Смелей, Семен Николаич! Учтите! На кровати вы рискуете своей репутацией, а под кроватью вы ничем не рискуете. Там вы в полной безопасности!
АННА ТИМОФЕЕВНА. Ты слышишь? Полезай немедленно! В конце концов это дело чести! Я не переживу такого позора, ты слышишь?

Стук в дверь.

Ну!
БАОХИН. Лезу... Лезу... Боже мой! (*Стонет.*)

Стук в дверь.

АННА ТИМОФЕЕВНА (*у двери, громко*). Сейчас! Одну минуточку!

С помощью Камаева Баохин забирается под кровать. Камаев бросает под кровать его пиджак, плащ, галстук, ботинки и опускает покрывало до полу.
Виктория с трудом удерживает смех.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Ну?.. Я открываю?

Баохин вдруг выглядывает из-под покрывала.

БАОХИН (*со стоном*). Но они спросят: где больной?

Стук и недовольный мужской голос за дверью.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Да! Где больной?

КАМАЕВ. Больной?.. Здесь! (*Сбрасывает с себя пиджак, штиблеты, бросается на кровать.*) Открывайте!

Виктория громко смеется.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Перестань смеяться!

КАМАЕВ. Заткнись!

ВИКТОРИЯ (*сквозь смех*). Я... я... я — не могу!

КАМАЕВ (*вскакивает*). Кончай смеяться!.. Убью!

Виктория забивается в угол и смеется там себе в рукав. Камаев снова ложится на кровать.

Открывайте! Скажите, что она моя сестра, с ней истерика... Открывайте!

Анна Тимофеевна открывает дверь.
Появляется Борис, молодой человек около тридцати. На его плечи накинут белый халат, в руках у него портфель.

БОРИС. В чем дело?..

АННА ТИМОФЕЕВНА. Борис?

БОРИС. Что это значит?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Ты один? (*Она загородила ему дорогу.*)

БОРИС. Что такое?.. Что ты здесь делаешь?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Я спрашиваю: ты один?

БОРИС. Что?.. Санитар в машине... В чем дело?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Проходи. (*Закрывает за ним дверь.*) Нам повезло. Со скорой приехал Борис... Слава богу.

КАМАЕВ (*садится*). Уф!.. Здравствуйте, Борис Семеныч.

БОРИС. И ты здесь... Что же все это значит?

Борис останавливается перед Викторией, которая сейчас вытирает слезы.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Ну вот. Вся семья в сборе.

БОРИС (*Виктории*). Что с тобой?

ВИКТОРИЯ. Не могу...

БОРИС. Что с ней?

КАМАЕВ. Она здорова. Не в ней дело.
АННА ТИМОФЕЕВНА. Семен, вылезай! Сын приехал.
БОРИС. Что же все это значит? Объясните вы или нет?.. Зачем вы вызвали врача?
АННА ТИМОФЕЕВНА. Семен!

Небольшая пауза.

(*Громко.*) Семен!
КАМАЕВ. Вылезайте, Семен Николаич. Опасность миновала.
АННА ТИМОФЕЕВНА. Семен!.. Ты что там, оглох?

Пауза.

Семен!.. Что с ним? (*Заглядывает под кровать.*)

Борис бросается к кровати, отодвигает ее. Камаев ему помогает.

КАМАЕВ. Осторожнее...

Вдвоем они убирают кровать в сторону.
Баохин лежит на полу, не шевелясь.

БОРИС. Папа?.. (*Склоняется над Баохиным.*) Папа!.. Папа!
АННА ТИМОФЕЕВНА. Семен!.. Что с ним?
БОРИС. Папа!.. (*Берет Баохина на руки, укладывает его на кровать.*) Вы что тут наделали, идиоты? (*Прослушивает Баохина.*)
АННА ТИМОФЕЕВНА. Мы?.. Мы сами недавно приехали.. Как он?

Борис достает из портфеля лекарства и шприц. Все молчат. Борис делает Баохину уколы и снова его прослушивает.

Ну что?
БОРИС. Кипяток! Быстро!.. Грелку к ногам!

Виктория бросается выполнять поручение Бориса.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Он был здесь, у нее в комнате... Понимаешь?.. Ему стало плохо. А она позвонила мне... Мы недавно приехали.

БОРИС. Почему он был под кроватью?

АННА ТИМОФЕЕВНА. Мы... мы его спрятали. А что было делать?

КАМАЕВ. Подумайте, если бы приехали не вы, а кто-нибудь посторонний...

БОРИС. Идиоты!

АННА ТИМОФЕЕВНА. Но пойми, Борис! На карту была поставлена честь твоего отца...

БОРИС. Дура! Ему нельзя шевелиться!

Небольшая пауза.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Но ведь мы о нем заботились... Разве нет? Только о нем и думали...

ВИКТОРИЯ. Плохо вы о нем думали.

БОРИС. Замолчите все!

Пауза. Борис снова слушает его пульс.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Как он?.. Как?

БОРИС. Папа!.. Папа!.. Папа!

Пауза.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Как?.. Ну что же ты молчишь?.. Ну!

БОРИС. Он умирает...

АННА ТИМОФЕЕВНА (*громко*). Умирает?.. А!

Баохин стонет.

Семен!

БАОХИН (*вдруг*). Что она сказала?.. Борис?.. Это ты сказал?

БОРИС. Папа!

БАОХИН. Я слышал. Она сказала, что я умираю... Это правда?

БОРИС. Папа... Нет, папа!

БАОХИН. Нет, это правда... Я и сам чувствую, что умираю... Все. Комедия окончена...

БОРИС. Папа!.. Все будет хорошо, но тебе нельзя разговаривать.

БАОХИН. Не надо меня обманывать. Я умираю...

БОРИС. Папа...
БАОХИН. Ты сам сказал, что я умираю.
АННА ТИМОФЕЕВНА. Семен, дорогой... (*Всхлипывает, утирается платком.*)
БАОХИН. Аня, не надо притворяться. Хватит. Комедия окончена.
БОРИС. Я запрещаю тебе говорить!
АННА ТИМОФЕЕВНА. Семен, молчи, тебе нельзя...
БАОХИН. Я сказал: хватит прикидываться. Всю жизнь прикидывалась, так хоть сейчас перестань!
БОРИС (*Анне Тимофеевне*). Молчи! (*Баохину.*) Ты не должен волноваться, слышишь.
БАОХИН (*Борису*). Ты видел, как твой отец валялся под кроватью?
БОРИС. Папа, я должен тебя послушать.
БАОХИН. Нет. Не надо. Ничего уже мне не надо.
БОРИС. Но, папа...
БАОХИН. Некрасиво вышло... по-дурацки...
БОРИС. Папа, если ты будешь волноваться...
БАОХИН. Ну и что? Какое это сейчас имеет значение?
КАМАЕВ. Я прошу прощения, Семен Николаич, но может, в клинику позвонить, профессорам?
БАОХИН. Что?
КАМАЕВ. Я говорю, может, в клинику...
БАОХИН (*приподнялся на локтях*). Как?.. Он еще здесь? Еще не убрался?.. Он еще находит возможным...
КАМАЕВ. Кто, Семен Николаич?
БАОХИН (*вдруг сел на постели*). Ты!.. Ты еще здесь?
КАМАЕВ. Это вы мне?
БАОХИН. Тебе! Именно тебе... Сутенер!
КАМАЕВ (*не сразу*). То есть, вы хотите сказать...
АННА ТИМОФЕЕВНА (*Камаеву*). Помолчи...
КАМАЕВ. Не понимаю, я всегда уважал Семена Николаича и...
АННА ТИМОФЕЕВНА. Помолчи, тебе говорят...
БАОХИН (*Анне Тимофеевне*). А ты? Думаешь, ты лучше?
АННА ТИМОФЕЕВНА. Семен!
БАОХИН. Чем ты лучше его?
БОРИС. Папа...

БАОХИН. Не мешай мне! Пусть эта подлая баба хоть раз услышит, что я о ней думаю.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Семен! Ты не можешь...

БАОХИН. Нет, могу!.. Хватит! Я хочу взглянуть правде в глаза. Перед смертью...

АННА ТИМОФЕЕВНА. Семен! Я не хочу, чтобы ты умирал...

БАОХИН (*лег*). Врешь... С самого начала... С тех пор, как ты стала моей женой... все пять лет... каждый день и каждый час ты ждала этой минуты.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Неправда, Семен...

БАОХИН. Нет, правда... Тебе нужны мои деньги и мои вещи... (*Снова приподнимается на локтях.*) Так вот же! Все это я отдам кому угодно, только не тебе... Бумагу и ручку!.. Борис, ты получишь дачу, а деньги... деньги я оставлю (*указал на Викторию*) ей.

ВИКТОРИЯ (*испуганно*). Мне не надо!

БАОХИН. Нет, я прошу вас, ради справедливости... примите...

За дверью раздается голос Лохова: «Раздалась команда: поднять якоря, свист боцманской дудки раздался...»

Это Лохов. Позовите его сюда.

БОРИС. Нет! Тебе нужен полный покой. В конце концов я врач и...

БАОХИН. Не мешай мне!

Анна Тимофеевна всхлипнула.

Не мешайте!.. Не давали мне житья, так дайте хоть помереть по-человечески!

БОРИС. Хорошо. Делай, что хочешь, но только успокойся, прошу тебя.

БАОХИН (*лег*). Позовите его. Он мой друг... Я хочу с ним поговорить.

Виктория выходит. Пауза.
Виктория возвращается, за ней — Лохов. Он в прежнем виде, небрит и неподстрижен.

ЛОХОВ. Мое почтенье... Кого я вижу! Сам Семен Николаевич! Так вот ты где, оказывается! А я тебя по всему городу ищу.

БАОХИН. Здравствуй, Юра, проходи...
ЛОХОВ. Дарданеллы! Что ты тут делаешь?
БАОХИН. Помираю, Юра.
ЛОХОВ. Помираешь?.. Дарданеллы! Что это ты вздумал? От хорошей жизни да помирать! Не-ет, ты это, Семен, брось!
БАОХИН. Нет, Юра. Кончено. Собрался я... Все. Вот... имущество распределяю... Юра, я хочу тебе оставить машину. Ты не против?
ЛОХОВ. Брось, Семен!
БАОХИН. Юра, когда-то ты мечтал о машине, я ведь помню...
КАМАЕВ. Простите, Семен Николаич. Хоть вы меня и третируете, но относительно...
БОРИС. Замолчи!
КАМАЕВ. Относительно вашей машины я не могу не высказаться.
БОРИС. Слушай! Тебе сейчас лучше помолчать, тебе не кажется?
КАМАЕВ. Не могу молчать. Семен Николаич...
БАОХИН. Говори, говори... Оба говорите.
КАМАЕВ. Я, конечно, не претендую, но хочу сказать, что такая классная машина должна попасть в квалифицированные руки.
БОРИС. Ну и нахал. (*Анне Тимофеевне.*) Слушай, уведи отсюда этого дебила.
КАМАЕВ. Что? Что вы сказали, Борис Семеныч?
БОРИС. Выйди!
КАМАЕВ. Как вы меня назвали?
БОРИС. Уходи!.. Неужели не понимаешь?
БАОХИН. А вы подеритесь... Ну. Что вам стоит. (*Лохову.*) Ты видишь, Юра. Они готовы здесь подраться. Из-за машины.
БОРИС. Папа, при чем здесь машина?
БАОХИН (*приподнялся на локтях*). При том, что ты готов из-за нее подраться. Здесь! Сейчас!
БОРИС. Отец! Ну что ты говоришь!
БАОХИН. И это мой сын! Отец умирает, а сын готов подраться из-за его машины. Здесь! У этой постели!
БОРИС. Папа!

БАОХИН. Юра, полюбуйся на них! И это мои родные, мои родственники... Сын! Жена!

ЛОХОВ. Жена?

БАОХИН. Видишь, как она убивается...

ЛОХОВ. Дарданеллы! Да разве можно такую молодую вдовой оставлять! Да ты что? Нельзя, Семен, не имеешь права!

БАОХИН (*снова лег на подушку*). Эх, Юра, Юра! Хороший ты человек... «Вдовой оставлять...» (*Приподнял голову.*) Да она — вот она! Она сюда своего хахаля привела! Прямо сюда! Вот он! Стоит здесь и требует своей доли... (*Кричит.*) Вон отсюда! Все трое! Вон!

АННА ТИМОФЕЕВНА. Семен...

БАОХИН (*Анне Тимофеевне*). Вон!

БОРИС. Папа...

БАОХИН (*Борису*). Вон!

БОРИС. Папа!

БАОХИН. Вон, я вам говорю! Хочу умереть среди порядочных людей!.. Вон! Вон!

ЛОХОВ. Семен, Дарданеллы, что это ты?

БОРИС (*Анне Тимофеевне и Камаеву*). Выходите, так будет лучше.

КАМАЕВ (*на пороге*). Дебила я не знаю, но нахала, Борис Семеныч, я вам никогда не прощу.

Борис выводит Анну Тимофеевну и Камаева. Сам останавливается на пороге.

БОРИС. Папа, я останусь. Как врач. Должен я наконец тебя послушать!

БАОХИН. К черту! Не нуждаюсь! Я и сам себя слышу!

БОРИС (*от каждого крика отца он испуганно вздрагивает*). Хорошо, хорошо, только успокойся, я тебя умоляю...

БАОХИН (*орет*). Уходи!

Борис в отчаянии разводит руками, трясет головой и выходит.
Баохин в изнеможении роняет голову на подушку.

Ну все... Кончено... Я слышу, как у меня разрывается сердце...

ЛОХОВ. Не вздумай, Семен, не вздумай...

ВИКТОРИЯ. Конечно! Разве можно вам так волноваться?

БАОХИН. Родственники!.. Всю жизнь мне испортили и помереть спокойно не дают... (*Приподнимается.*) Под кровать меня засунули!.. Уголовники... Не пускайте их сюда. Ни в коем случае! (*Уронил голову на подушку.*) Спасибо... Тебе, Юра... И тебе, милая, благородная девушка... Спасибо, что вы здесь, со мной... Вы мне родные, вы мне и близкие... Вы мне и глаза закроете...

ЛОХОВ. Близкие мы или далекие, а помереть мы тебе не дадим. Даже не рассчитывай! Что ты, помирать сюда пришел?

БАОХИН. Нет... (*Улегся.*) Не помирать я сюда шел, другая у меня была цель...

ЛОХОВ. Нет, Семен, так дело не пойдет. В кой-то веки зашел — и нá тебе, улегся. Да еще помирать собираешься.

БАОХИН (*снова приподнялся*). Перед тобой, Юра, виноват... я... Прости...

ЛОХОВ. За что, Семен?

БАОХИН. Забыл я тебя... Друга забыл. Стыдно сказать, в одном городе жили — тридцать с лишним лет носу не показывал... А пришел, знаешь, зачем?

ЛОХОВ. Дарданеллы! Что за разговор такой неинтересный? Ты лежишь, как бревно, а я торчу тут... Вставай, Семен! Помереть ты всегда успеешь. Давай-ка лучше выпьем! За встречу... Ну, Семен! Как бывало!.. Что? Плохо у нас бывало?

БАОХИН. Хорошо бывало...

Виктория, стоя у дверей, время от времени пошептывает что-то в коридор.

ЛОХОВ. Эх, Дарданеллы! «На воде, в небесах и на суше...» Да и тут, Семен, в комнатке в этой бывали чудеса, а, Семен?

БАОХИН. Да... Хорошо жили...

ЛОХОВ. А что? Законно жили.

БАОХИН. Помнишь, буксир был «Григорий Котовский»...

ЛОХОВ. «Котовский»? Ну как же! На «Котовском» матросами ходили...

БАОХИН. Матросами...

ЛОХОВ. За лесом ходили.

БАОХИН. За лесом... А «Лейтенант Шмидт»? (*Плачет.*)

ЛОХОВ. Ну как же!

БАОХИН (*плачет*). А «Иван Тургенев»?

ЛОХОВ. А помнишь ты, как гудели мы однажды в Зарецке? Крепко!

БАОХИН (*сквозь слезы*). Ну как не помню!.. На «Тургеневе» и было...

ЛОХОВ. Без нас так и отвалил, пароход-то. Эх, Дарданеллы! Давай-ка, Семен, выпьем! (*Достает из-за пазухи бутылку.*) Ей-богу, это тебе не повредит! Дай-ка, нам, дочка, стаканчики!

ВИКТОРИЯ. С ума сходите, дядя Юра! Умирает же человек, а вы...

ЛОХОВ. Давай, говорю, стакан. Да закройся-ка пока на ключ!

ВИКТОРИЯ. Не дам. Вам можно, а ему...

БАОХИН. А мне тем более. Мне сейчас все можно. Двадцать лет в рот не брал, врачи не рекомендовали. А сейчас... Какое это сейчас имеет значение! Дайте нам стаканы... В последний раз...

Виктория закрывает двери на ключ и подает стакан. Лохов разливает вино. Баохин садится на постели.

ЛОХОВ. Ну, Семен, будь здоров!

БАОХИН. Не шути, Юра. Грех так шутить... Выпьем за наши молодые годы... (*Плачет.*)

ЛОХОВ. Будь здоров, Семен.

Оба выпивают.

БАОХИН. Что это?.. Портвейн?.. Врачи мне говорили, нет ничего хуже портвейна. Но сейчас это не имеет никакого значения... Что-то я не припомню, Юра, был в те годы портвейн?

ЛОХОВ. Портвейн?.. Портвейн... Дарданеллы! Тоже не помню. Мадера, та была...

БАОХИН. Мадера — да...

ЛОХОВ. «Сливянку» помню...
БАОХИН. «Спотыкач»...
ЛОХОВ. «Ерофей Павлович»... Это сладкие. А еще «Колгановая»...
БАОХИН. «Кориандровая»...
ЛОХОВ. Сорокаградусная...
БАОХИН. «Можжевеловая»...
ЛОХОВ. А эта — тридцати...
БАОХИН. «Тминная», «Горный дубняк»... Юра! А не грех мне это вспоминать? Перед смертью-то, а?
ЛОХОВ. Брось, Семен! Давай-ка лучше споем... (*Поет.*)

У южного пирса эсминец стоял,
Матросы с родными прощались...

Баохин машет рукой и подхватывает.

А море таило покой красоты
И где-то вдали исчезало...

Стук в дверь. Баохин и Лохов продолжают пение.

А там, у садочка, где пел соловей,
Он пел свои песни, играя,
С девчонкой прощался матрос молодой,
Надолго ее покидая...

Баохин плачет. В дверь стучат.

ЛОХОВ. Семен... Ну что ты, Дарданеллы...
БАОХИН. Юра... Юра! Слушай! Ты знаешь, зачем я сюда пришел?.. Подлец я, Юра. Думаешь, навестить тебя пришел? Нет, Юра. Я пришел сюда с другой целью. Ты знаешь, почему на Дальней реке склад затопило?..
ЛОХОВ. Знаю, Семен...
БАОХИН. По чьей вине, знаешь?
ЛОХОВ. По твоей, Семен, по твоему приказу.
БАОХИН. Мой был риск, моя авантюра. Отличиться хотел... А сегодня — выкрутиться.
ЛОХОВ. Да вот ездил я сейчас, искал тебя... Бумагу я получил. Поговорить с тобой собирался, посоветоваться.

БАОХИН. Прости, друг... Ты искал меня, предупредить искал, посоветоваться, а я сюда пришел — провести тебя хотел, задобрить... Прости, Юра...

Стук в дверь. Виктория приоткрыла дверь и информирует изгнанников.

Прости... (*Положил голову на подушку.*)

ЛОХОВ. Ладно, Семен... Ладно уж, Дарданеллы...

БАОХИН. Нехорошо... Некрасиво... Друга хотел купить... Да что, Юра! Разное со мной бывало. И на службе бывало, и в личной жизни. Жену, помнишь ты ее, Клаву, сам я ее бросил. Сам, а устроил все так, что...

ЛОХОВ. Слышал я, Семен...

БАОХИН. Выгнал ее, можно сказать. И сын с ней ушел. И правильно он сделал.

Стук в дверь.

Откройте ему. Сыну моему откройте...

Виктория открывает дверь, впускает Бориса и снова запирается.

БОРИС. Папа! Как ты?

БАОХИН. Сядь, сынок. Не сердись на отца.

БОРИС (*берет в руку руку Баохина*). Папа, позволь мне...

БАОХИН (*высвобождает руку*). Не надо, сынок. Со мной все ясно. Скоро конец... Скоро. Я чувствую, как у меня останавливается сердце. (*Предупреждает новую попытку Бориса.*) Не надо. Послушай лучше, как отец в своих грехах кается... Скажи мне, как мать? Здорова она?

БОРИС. Ничего, папа, здорова.

БАОХИН. Жаль, что я ее не увижу...

После длительного перерыва издалека снова доносится крик вороньей стаи.

А, вот они...

Крик вороньей стаи.

Откуда их столько?

ЛОХОВ. Дарданеллы... Этого добра здесь всегда хватало.

БАОХИН. Мне кажется... Сегодня все, сколько их есть, они собрались сюда...

Стук в дверь.

(*Борису.*) А что Аня?.. Как она там?

БОРИС. Плачет.

БАОХИН. Впустите ее... Она не виновата... Ведь я знал, что она меня не любит. И что обманывает знал. Знал, а делал вид, что не знаю. Жил, как поспокойнее. Лицемерие... А ей что? Она молодая, красивая, ей жить хочется... Выходит, сам я виноват... Пусть она войдет.

Виктория открывает дверь.
Входит Анна Тимофеевна.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Семен! Как ты?

БАОХИН. Аня, бог с тобой, прощаю я тебя... И ты меня прости... Не поминай лихом... Похороните меня, и выходи замуж. Ничего... Замуж выходи обязательно, ребенка тебе надо, пока не поздно... Да вот за него и выходи, за этого... Если вы друг друга любите.

Анна Тимофеевна заплакала.

Пусть-ка он сюда войдет.

Виктория впускает Камаева.

Ну?.. Оба молодые, цветущие... Юра, что ты скажешь?

ЛОХОВ. Ну что? Хорошая пара, Дарданеллы...

БАОХИН. Ну и бог с вами... Будьте счастливы.

АННА ТИМОФЕЕВНА (*сквозь громкий плач*). Семен!.. Век тебя не забудем!..

КАМАЕВ. Какой человек, а?.. Какой человек!

БАОХИН. Ладно... Борис, матери передай, винился, мол, и думал перед смертью о ней...

БОРИС. Папа! (*Берет отца за руки.*)

БАОХИН. Ну вот... Из-за имущества, надеюсь, не подеретесь... Борис, забирай себе машину, а вы — остальное... Есть у меня просьба: ходите за садом. Не бросайте его... Позовите садовника... Яблони привить. Сам их сажал... Живите дружно... За деньгами не гоняйтесь, за чинами — тоже... Главное, чтобы совесть была чиста... Если бы я мог прожить еще одну жизнь, я жил бы совсем по-другому. Подумайте об этом пока не поздно...

Крик ворон в отдалении.

Слышите?

Крик ворон ближе.

Слушайте, слушайте... Хотя бы иногда... Не думайте, что это вас не касается... Не думайте...

Пауза.

БОРИС (*вдруг*). Папа... Ты... У тебя... Пульс у тебя почти нормальный!

Пауза.

Папа! У тебя хороший пульс!

БАОХИН (*садится на постели*). Что?.. Что ты сказал?

БОРИС. У тебя хороший пульс, клянусь тебе!.. Постой! Я измерю давление! (*Занимается своим делом.*)

Пауза.

Папа! (*Обнимает отца.*) Давление вполне приличное!

БАОХИН. Не может быть!

БОРИС. Я тебе говорю! Ты будешь жить!

БАОХИН Но... Как же так?

ЛОХОВ. Ну! Дарданеллы! Что я говорил!

БАОХИН (*он потрясен*). Это... это невероятно...

БОРИС. Ты мне не веришь?.. Было плохо, но теперь... Ты скоро сможешь подняться.

ЛОХОВ. Вставай, Семен! Это дело надо отметить!

БОРИС. Папа... Ты как будто не рад?.. Ты будешь жить, понимаешь? Это же прекрасно! Жить!

БАОХИН. Жить... Жить... Но как? Как мне теперь жить?

Небольшая пауза.

БОРИС. Что значит «как»?.. Что за вопрос?

ЛОХОВ. Дарданеллы! Живи у меня!

БОРИС. Папа, я не понимаю... Ты только что говорил... Мама тебя простит... Так в чем же дело?

БАОХИН. Но... А ты уверен, что она меня простит?

БОРИС. Конечно!

ЛОХОВ. Оставайся здесь, Дарданеллы! Заживем, как бывало.

БАОХИН. Но как же мы здесь... вдвоем?.. И потом, все так странно и... Просто удивительно!

КАМАЕВ. Семен Николаич, а может вы хотите домой?

БАОХИН. Да, но... Нет, нет! Теперь это невозможно!

БОРИС. Папа!

ЛОХОВ (*перебивает*). Семен!

КАМАЕВ. Семен Николаич, если хотите домой, не стесняйтесь! Пусть все будет по-старому, а? Анна Тимофеевна?.. У меня, например, никаких претензий.

АННА ТИМОФЕЕВНА. Н-н... н... С-с... С... Семен! В конце концов, если... то, что же... Может, в самом деле?

БАОХИН. Нет! Это просто невероятно... Это черт знает, что такое!

БОРИС. Папа! Неужели после всего, что здесь случилось, ты сможешь...

ВИКТОРИЯ. Уж лучше оставайтесь здесь!

БАОХИН. Но я... Я не знаю, что сказать... Просто не знаю!

Все говорят разом.

БОРИС. Ты вернешься к нам!

ЛОХОВ. Оставайся здесь, Семен!

ВИКТОРИЯ. Оставайтесь здесь!

АННА ТИМОФЕЕВНА. Раз так случилось...

КАМАЕВ. Возвращайтесь домой!
ЛОХОВ. Ну, Семен... Определяйся!

Пауза. Баохин встает с кровати и идет сначала в одну сторону, потом в другую и в нерешительности останавливается. Неожиданно слышится крик вороньей стаи. Он нарастает и усиливается, как порыв ветра.

БАОХИН. Боже мой... Что же мне делать?

Все говорят очень громко, как бы вопреки крику вороньей стаи, полностью заглушая его.

БОРИС. Ты должен вернуться к нам, иначе я перестану тебя уважать.
ЛОХОВ. О чем ты думаешь, Дарданеллы! Оставайся здесь!
ВИКТОРИЯ. Не поддавайтесь, товарищ Баохин! Оставайтесь здесь! Оставайтесь!
АННА ТИМОФЕЕВНА. Возвращайся, если ты хочешь. Что поделаешь...
КАМАЕВ. Возвращайтесь, Семен Николаич. По-моему, так даже будет лучше.

Небольшая пауза, во время которой царит полная тишина. Баохин садится на стул, стоящий посредине комнаты.

БАОХИН. Что делать — не знаю...

Занавес

Сто рублей новыми деньгами

Происшествие в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СВЯТУС } тунеядцы
СЕРОШТАН } тунеядцы
ПЕТРИК — хороший человек
НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА — домохозяйка

В городе. Комната на втором этаже. Одно окно. Не прибрано. На столе пустые бутылки, консервные банки, тарелки. Пустые бутылки под столом. Табурет, на нем — ведро. На стульях — разбросанная как попало одежда. На кровати спит Святус, на диване — Сероштан.
Святус поднимается.
Святус высокий, поджарый, носатый. Развинчен, разболтан, не сидит на месте. Временами, впрочем, впадает в меланхолию, временами изыскан. Нахальным становится с наступлением сумерек. Двадцать пять лет.
Он поднимается, долго и тупо смотрит на спящего Сероштана. Идет по комнате, шарит на столе, заглядывает под стол; осматривает бутылки. Они пусты. С отвращением пьет воду прямо из ведра. Потом опять заваливается в кровать.
Просыпается Сероштан.
Сероштан. Бездельник с непреклонным, волевым лицом. В жестах — деловитость и аристократизм, заимствованный у заграничных киноартистов. Ослеплен своей оригинальностью. Нахален беспробудно. Двадцать пять лет.

СЕРОШТАН. Старик! (*Святус молчит.*) Старик!
СВЯТУС. Чего тебе?
СЕРОШТАН. Выпить!
СВЯТУС. Пожалуйста! Под столом — водка, вино, пиво — что угодно.

Сероштан поднимается, идет к столу, осматривает бутылки. Они пусты.

СЕРОШТАН. Скотина! (*Пьет воду.*)
СВЯТУС. Вот так. Деньги кончились, и добродетель восторжествовала.

Сероштан пьет.

СВЯТУС. Остановись, самоубийца. Сходи за вином.
СЕРОШТАН (*отрывается от ведра*). Почему я?
СВЯТУС (*пожал плечами*). Не знаю.
СЕРОШТАН. Бросим жребий. Давай монету.
СВЯТУС. Не смеши. В твоих карманах нет ни одного орла и ни одной решки.
СЕРОШТАН. А если есть? (*Шарит в карманах своей одежды. Ничего не находит.*)
СВЯТУС. В твоем возрасте стыдно не иметь в кармане трех рублей.
СЕРОШТАН. Стыдно. А что делать?
СВЯТУС (*пожал плечами*). Занять.
СЕРОШТАН. У кого?
СВЯТУС (*тем же тоном*). У друзей.
СЕРОШТАН. Друзей нет. Все наши друзья стали нашими кредиторами.
СВЯТУС. Стас...
СЕРОШТАН. Должны.
СВЯТУС. Пиня...
СЕРОШТАН. Должен.
СВЯТУС. Бах.
СЕРОШТАН. Не даст.
СВЯТУС. Мир велик. Фетров, Вася, Надин, Карась, Вадик...
СЕРОШТАН. Ты собрал всех нищих в этом городе...
СВЯТУС. Витя, Сава, Федя, Коля...
СЕРОШТАН. ...и всех скупых.

Стук в дверь. Входит Нинель Филипповна, квартиродатель лет пятидесяти.

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА (*осматривает комнату*). Веселились?
СЕРОШТАН. Скорбели.
НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. До трех ночи без роздыха.
СЕРОШТАН. До двух.
НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Как же! Я ведь не глухая. Три без четверти гостей проводили... Вишь ведь — лица на вас нет.
СЕРОШТАН. Скорбели, Нинель Филипповна. Скорбели.
НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Что у вас такова-то случилось?

СВЯТУС. Что случилось?.. В том-то и беда, что ничего не случилось. Вот вы скажите... Когда вы были молоды... красивы, скажите, чем занимались тогда пожилые люди? Вы скажете, работали. Правильно. Но чем занимались они на досуге?

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Чево такое?

СВЯТУС. На досуге, Нинель Филипповна, пожилые люди считали деньги.

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Ну, заве-ел... Некогда мне. Я по делу.

СВЯТУС (*с печальной, укоризненной улыбкой*). Вот и вы, Нинель Филипповна, умная, прогрессивная женщина, в сущности чуткая, добрая... вы торопитесь, простите меня, считать деньги.

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Да как же их не считать!

СВЯТУС. Не перебивайте меня, прошу вас... Прислушайтесь, Нинель Филипповна: звон идет по всей планете. Это пожилые, обеспеченные люди считают деньги, которые им не нужны.

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Чево такое?

СВЯТУС. Они не заведут себе хорошее пальто с начесом, потому что оно им не к лицу. Они не накупят себе ярких галстуков, потому что в них неловко появляться перед начальством. Они не схватят мотор и не помчат ночью в аэропорт, потому что им это неинтересно. Спрашивается, зачем пожилым людям свободные деньги? Те самые деньги, которые позарез нужны молодым?

СЕРОШТАН. Да что свободные! Даже опохмелиться не на что!

СВЯТУС. Скажите, Нинель Филипповна, справедливо это или несправедливо?

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. К чему это вы клоните?

СВЯТУС. Нет, вы подумайте как следует и скажите: справедливо это?

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Э-э! Не выйдет! Я пришла с них за квартиру взять — мыслимо ли дело — за полгода не плачено — а они: на вот! Вишь как повернули!

СЕРОШТАН. Вы не отвлекайтесь. Вы нам скажите...

СВЯТУС. Нинель Филипповна, у меня к вам принципиальный вопрос...

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Нет уж! Вы заплатите, а потом будете теории разводить...

СВЯТУС. Да не в этом дело! Что это вы: за квартиру, за квартиру! Скучно даже. Заплатим, разумеется. Что мы, мошенники, что ли? Я не о квартире. Я хочу вас спросить... Скажите, я порядочный человек?

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Чево такое?

СЕРОШТАН. Ну вот! С вами серьезно разговаривают...

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Вы мне мозги не томите. Я вас...

СВЯТУС. Да нет! По-вашему: я порядочный человек или нет?

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА (*вышла из терпения*). Ну, порядочный! Ну что?

СВЯТУС. Тогда дайте пять рублей взаймы.

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Тьфу!.. (*Рассвирепела.*) Бесстыдники! Головорезы!..

СЕРОШТАН. Горит! На кухне у вас что-то горит.

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Чево такое?.. (*Бежит на кухню.*) Шаромыжники! (*Исчезает.*)

СЕРОШТАН. Не даст.

СВЯТУС. Темная старуха, что поделаешь... Она верно подметила — рожа у тебя синяя.

СЕРОШТАН. Естественно.

СВЯТУС. Нет на свете зрелища более жалкого, чем неопохмелившийся алкоголик.

Нинель Филипповна появляется.

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА (*с порога*). Больше ждать я не намерена.

СЕРОШТАН. А вы больше не ждите!

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Что?

СЕРОШТАН. Не ждите. Мы хотим сделать вам сюрприз.

СВЯТУС. Успокойтесь. На днях получите.

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. «На днях»! Доживу ли я до дней до этих, желательно мне знать.

СЕРОШТАН. Лет десять вы еще наверняка протянете.

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Во как! Ни стыда — ни совести!

СВЯТУС. Стыд есть, но больше мы нуждаемся сейчас в деньгах. Вы тоже.

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. На этой неделе не отдадите — пеняйте на себя. (*Идет к двери.*) Головорезы!

СЕРОШТАН (*захлопнул за ней дверь*). Договорились. (*Заваливается в кровать.*) Помнишь, старик, я говорил как-то, что желаю сдохнуть? Я у цели.

СВЯТУС. Не хнычь. Надо думать, как жить.

СЕРОШТАН. Не могу думать. У меня голова болит.

СВЯТУС. Логика толкает нас в темный переулок. Но это не мой жанр.

СЕРОШТАН. Все идет к тому, что надо где-то заработать.

СВЯТУС. Это невозможно.

СЕРОШТАН. Что ты думаешь о людях, которые не могут жить без работы?

СВЯТУС. Я им сочувствую. Они так же привыкли к труду, как мы привыкли к безделью. Им трудно без дела, нам трудно с делом. Нам одинаково трудно.

СЕРОШТАН. Не говори, жизнь так сложна...

СВЯТУС. Раз я пробовал работать. Как-то спьяну я возглавил районное спортобщество.

СЕРОШТАН. Тебе повезло.

СВЯТУС. Да. Но уже через месяц меня выжили завистники. Перед уходом я, правда, премировал себя хорошей суммой.

СЕРОШТАН. Я тоже пробовал. Но всегда оказывался умнее, чем это требовалось от меня по штату. Во время одного из увольнений мне пришлось прыгать со второго этажа.

СВЯТУС. По воле коллектива?

СЕРОШТАН. Учитывая пожелания трудящихся... Но все-таки: где взять три рубля?

СВЯТУС (*пожал плечами*). Занять!

СЕРОШТАН. У кого?

СВЯТУС. Что ты заладил: «У кого, у кого»! В лесу мы живем, что ли? Что, мало на свете сердечных, от-

зывчивых людей? (*Подходит к окну.*) Вот! Пожалуйста! Парад свежих кредиторов. Надо только культурно попросить.

СЕРОШТАН. Христа ради — куда еще культурнее?

СВЯТУС (*кричит в окно*). Граждане! Кто даст взаймы сто рублей?

СЕРОШТАН. Не валяй дурака. (*Хватает Святуса с подоконника.*) Здесь рядом постовой.

СВЯТУС (*он разыгрался. Рвется к окну, Сероштан его удерживает*). Ручаюсь, что после моих слов улица опустела! (*Хохочет.*)

СЕРОШТАН. Мы нищие, но постовой об этом может и не знать.

СВЯТУС. Уверен, что я их всех до смерти напугал.

СЕРОШТАН (*отпускает Святуса, садится на подоконник спиной к улице*). Смех — смехом, но где все-таки взять три рубля?

СВЯТУС. Иди ты к черту... Возьми хоть у него. По-моему, ему мы еще не должны.

СЕРОШТАН. Вот потому-то и чертей нет.

СВЯТУС. А жаль. А то заявился бы, как в старые добрые времена, так, мол, и так, дорогие: вы мне совесть — я вам валюту. А?

СЕРОШТАН. Отобрали бы денежки и вытолкали бы черта в шею.

Стук в дверь.

СВЯТУС. Это не старуха. Кто это?

СЕРОШТАН. Мефистофель.

СВЯТУС (*кричит*). Войдите!

Входит Петрик.
Петрик добродушный, степенный, много улыбается. Ведет себя очень естественно. Тридцать лет.

ПЕТРИК. Добрый день.

СВЯТУС. Привет.

ПЕТРИК. Ребята, это вы просили денег?

Пауза.

Это вам нужны деньги?

Пауза меньше.

СЕРОШТАН. Ну и что? Ты пришел сказать, что тебе они тоже нужны?

ПЕТРИК. Нет...

СВЯТУС. Может быть, ты (*усмехнулся*) хочешь нам их дать?

ПЕТРИК. Да. Если они вам очень нужны.

СЕРОШТАН. А по шее ты получить не желаешь?

ПЕТРИК. За что?

СЕРОШТАН. Так, для смеха.

ПЕТРИК. Нет. Что-то не хочется.

СВЯТУС. Тогда зачем ты пришел?

Маленькая пауза.

ПЕТРИК. Ага!.. Я вижу, вы веселые ребята. (*Идет к двери.*) Счастливо веселиться!

СЕРОШТАН (*встал у двери*). Постой. Выкладывай, зачем пришел?

ПЕТРИК. Я уже сказал: хотел вам помочь.

СВЯТУС. Послушай, это неостроумно. Что ты хочешь?

СЕРОШТАН. Я же говорю — по шее. Он на этом настаивает.

СВЯТУС. Подожди. Этот парень что-то замышляет.

ПЕТРИК. Я уже сказал...

СВЯТУС. Послушай, парень. Я не знаю твоей программы максимум, но программа минимум написана у тебя на роже: ты хочешь жрать, у тебя — ни копейки, но есть какое-то предложение. Так, что ли?

ПЕТРИК (*смеется*). Нет. Все не так.

СВЯТУС. Тогда не придуривайся. Нам это неинтересно. Мы еще не завтракали.

СЕРОШТАН. Если ты хлопочешь пенсию, то все, что зависит от нас, мы сделаем немедленно.

ПЕТРИК (*недоумевает*). Я хотел вас выручить, но я вовсе на этом не настаиваю.

СВЯТУС. Брось, парень! Ты нам надоел. Полезай ты хоть в самую глубину своей души, разве ты выврешь оттуда хотя бы три рубля нам на похмелье! Нет? Нет... И катись отсюда без промедления!

ПЕТРИК. Вы меня удивляете, ребята, и... не понимаете. (*Достает деньги.*) Держите.
СЕРОШТАН. То есть... (*Берет деньги.*) В каком смысле?
ПЕТРИК. Может, когда-нибудь выручите меня. Всякое бывает. Ну, прощайте! (*Уходит.*)

Несколько секунд молчания.

СВЯТУС. Мефистофель.
СЕРОШТАН. Фальшивомонетчик.
СВЯТУС. Богатый сумасшедший.
СЕРОШТАН. Племянник Рокфеллера?

Молчат. Сероштан считает деньги.

СВЯТУС. Что-то мне это не нравится...
СЕРОШТАН. Говоря по совести, у меня такое впечатление, что нас сейчас будут бить.
СВЯТУС. Воспитательная работа на широкую ногу?
СЕРОШТАН. Или подлог.
СВЯТУС. Вот что: волоки его сюда! Беги! Ты перехватываешь его на полдороге в участок.

Сероштан уходит. Святус смотрит в окно.

СВЯТУС. Хорошо, если это просто псих. (*Оглядывает комнату, быстро и воровато прибирает постель, наводит порядок на столе.*) Не было печали... (*Хватает ведро, пьет.*)

Входят Петрик и Сероштан.

ПЕТРИК (*улыбается*). Ну? В чем дело?
СВЯТУС (*берет у Сероштана деньги, отдает Петрику*). Возьми ссуду. Ну тебя к черту.
ПЕТРИК (*удивился*). Почему, ребята? (*Кладет деньги на стол.*)
СЕРОШТАН (*Петрику*). Откровенно: «Лензолото» или «Мамслюда»?
ПЕТРИК. Не понимаю.
СЕРОШТАН. Откуда ангажемент? «Лензолото» или «Мамслюда»?
ПЕТРИК. Да нет же! Это же просто... так сказать, бес-

корыстно. Неужели не верите?.. Ребята, что с вами? Подумайте, что же здесь особенного? У вас не оказалось денег, у меня оказались лишние. Я даю их вам. Это же очень нормально. Неужели непонятно?

СВЯТУС. Понятно... Мы тоже любим иногда пофантазировать. Но мечту и действительность разделяет пропасть, название которой «здравый смысл». Днем и ночью мы заполняем эту пропасть своим презрением. И, вынужден признаться, что это пустое дело. Наша молодость проходит в поисках лишнего рубля, но никто никогда не предлагал нам его бескорыстно.

ПЕТРИК. Скажите, ребята, кто вы такие?

СЕРОШТАН (*Святусу*). Начинается.

СВЯТУС. Он боксер, я — нотариус. Очень удобно. Оба студенты заочные. А что?

ПЕТРИК. Ничего... Просто вы меня очень удивили. Я таких не встречал. Хотелось бы поболтать, но, к сожалению (*смотрит на часы*), мне пора. Извините, я ухожу.

СЕРОШТАН. Не спеши. Скажи сначала, зачем приходил.

ПЕТРИК. Ну, довольно шуток. Я опаздываю. (*Идет к двери.*)

Сероштан его удерживает.

СВЯТУС. Потом пойдешь. И не забудь подотчетную сумму.

ПЕТРИК (*начинает сердиться*). У меня не остается ни минуты. Я говорю серьезно.

Сероштан подходит к Петрику сзади и берет его за руки.

ПЕТРИК. Что такое? (*Пытается высвободиться.*)

СЕРОШТАН. Не дергайся. Расскажи все по порядку.

ПЕТРИК. Да вы что... (*Снова пытается высвободиться.*) А ну, пусти!

Возня.

ПЕТРИК. Да вы что!..

СВЯТУС. Спокойно... Спокойно...

Петрик вырывается, они хватают его снова. Святус достает из-под кровати багажные ремни. Возня, падает стол, звенят бутылки.

СЕРОШТАН (*кряхтит*). Извини... конечно... за любопытство...

СВЯТУС (*связывает ему руки*). Спокойно!.. Спокойно. Что могут подумать соседи?

ПЕТРИК. Что это значит?

Они привязывают Петрика у окна к батарее.

ПЕТРИК. Да объясните вы, наконец, что все это значит!

СВЯТУС (*затягивает узел*). Вот так... Поговорим спокойно, в деловой обстановке... Во-первых, кто ты такой?

ПЕТРИК. Развяжите руки! Очумели вы, что ли!

Сероштан из кармана пиджака достает документы Петрика, просматривает их.

СЕРОШТАН. Так... так... Федор Григорьевич Петрик. Агроном! Ого! Парень-то, оказывается, серьезный.

СВЯТУС (*берет бумагу, смотрит*). Да... Мы ищем любителей нейлоновых носков, а они тем временем стоят в очереди за помидорами.

ПЕТРИК. Развяжите руки.

СВЯТУС. Агроном... (*Сует документы Петрику в карман.*) Знаешь что, агроном. Ты не по средствам великодушен. Мы отведем тебя в милицию, пусть-ка они там поинтересуются насчет капусты и огуречного рассола.

ПЕТРИК. Ведите!

СВЯТУС. Значит, ты желаешь в милицию?

ПЕТРИК. Желаю!

СЕРОШТАН. Вовремя мы его упаковали.

ПЕТРИК. Что вам от меня надо?

СЕРОШТАН. Это мы тебя спрашиваем: что тебе от нас надо?

Святус отводит Сероштана в сторону. Петрик тем временем пытается освободиться.

СВЯТУС (*Сероштану*). Ничего от него не добьешься. Надо его бить, но бить нельзя.

СЕРОШТАН. Почему?

СВЯТУС. Он провокатор и наверняка только этого и добивается.

СЕРОШТАН. Что же делать? Только развяжи этого молодчика, он тут же организует товарищеский суд.

СВЯТУС. Да. Агроном подложил нам солидную свинью. Жить здесь — значит оставить себя на съедение общественности. Собирайся. (*Собирает вещи, толкает их в свой чемодан.*)

СЕРОШТАН. Но куда?.. Куда податься?

СВЯТУС. Не знаю. Но уверен, что надо исчезнуть.

СЕРОШТАН. Из своего города? Куда? (*Тоже собирается.*) Здесь друзья, знакомые, связи. Завтра Фетров подбросит новую партию носков.

СВЯТУС. Да. Но неизвестно, что подбросит нам агроном... И потом, что ты называешь своим городом? Уверяю тебя, нас будут помнить только те из друзей, которым мы останемся должны. Женщины, которых мы обманывали, забудут нас с удовольствием.

СЕРОШТАН. Опять же скоро зима.

Собираются быстро, панически. Петрик продолжает попытки развязаться.

СВЯТУС. А наши официальные знакомства? Милиция, дружина, управдом, редакция... От этих знакомств я никогда не ждал ничего хорошего. Ну, тут у нас, по крайне мере, четкие взаимоотношения. Не это меня печалит. Знаешь, что меня печалит?

СЕРОШТАН. Что?

СВЯТУС. Стало трудно отличать личное знакомство от официального. А это мне очень не нравится.

СЕРОШТАН. А что делать?

СВЯТУС. Вот сидит агроном. Частное лицо. А что у не-

го на уме? Неизвестно. Но ручаюсь, что мы ему не нравимся.

ПЕТРИК. Развяжите вы меня, идиоты!

СВЯТУС (*подходит к Петрику*). Спокойно... Осталось только выяснить отношения. Последний жгучий вопрос. Мы честолюбивы, и нам интересно, какое впечатление мы производим на агрономов? Скажи, не таись, нравимся мы тебе или не нравимся?

ПЕТРИК. Вы — дикари. Теперь я это понял. Вы — нахальные, самодовольные питекантропы. Я не сразу разбираюсь в людях. Сначала я принял вас за чудаков. Потом я ломал голову: паяцы вы или шизофреники. Теперь я вижу, что вы всего-навсего — темная, одичавшая шпана. Удивительно, как вы сохранились до сего времени, и вовсе непонятно, как вы будете жить дальше... Развяжите, черт вас возьми, руки.

СВЯТУС (*Сероштану*). Заткни-ка ему рупор. Боже мой, что могут подумать соседи.

Сероштан затыкает Петрику рот салфеткой.

ПЕТРИК (*успевает*). Подонки!

СВЯТУС. Вот так. А если он в самом деле только агроном? Это наводит меня на грустные размышления. А ведь жизнь сложна и без размышлений. Мрачно.

СЕРОШТАН. Деньги возьмем?

СВЯТУС. Ни в коем случае. Это было бы квалифицировано как грабеж. Прощай, агроном. Устроил ты нам веселую жизнь, черт бы тебя побрал!

Идут к двери.

СВЯТУС. Когда тебя развяжут, уже не ищи нас в этом городе.

Уходят.
Через несколько секунд появляется Нинель Филипповна.

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. Смылись, головорезы. (*Уви-*

дела деньги.) Ох, слава тебе, господи, усовестились, поганцы! (*Считает деньги.*) Двадцати рублей не хватает!

Петрик стучит ногами.

НИНЕЛЬ ФИЛИППОВНА. А! (*Разглядывает Петрика.*) Кого же они, головорезы, прикрутили? (*Подходит, вынимает у него изо рта салфетку, развязывает.*) Двадцать-то рублей, вы, видно, уж и отдадите.

Занавес

Дом окнами в поле

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АСТАФЬЕВА — заведующая молочной фермой.
ТРЕТЬЯКОВ — учитель.
ХОР за сценой.

Занавес открывается, и мы видим большую опрятную комнату — печь, стол, скамью. На лавке букет июньских цветов, на стене ковер с изображением оленей. Здесь же несколько цветных фотографий из журнала «Огонек». Входная дверь слева, справа — дверь в спальню, прямо — два окна. У входной двери висит белый халат. Обстановка говорит о том, что в этом доме живет одинокая женщина. На дворе сумерки.
Астафьева появляется из спальни с бельем в руках. Задержалась у окна, подошла к столу, включила утюг. Астафьевой двадцать шесть лет, это привлекательная женщина. Перебирая белье, она с некоторой грустью задерживает в руках рубашку. Думает в это время, вероятно, о том, что время, в сущности, летит так быстро. Вдруг выключила утюг, быстро подошла к окну. Наблюдает, ждет, взволнована. Вот — увидела. Бросилась в спальню, вернулась, включила утюг, принялась гладить.
В эту минуту раздается стук в дверь.

АСТАФЬЕВА. Да-да! Пожалуйста!

Входит Третьяков, двадцати восьми лет. Симпатичен, толстоват и медлителен. Он с чемоданом, настроение у него растерянно-элегическое.

ТРЕТЬЯКОВ. Добрый вечер, Лидия Васильевна!
АСТАФЬЕВА. Добрый вечер, Владимир Александрович.
ТРЕТЬЯКОВ. Вот... Зашел, так сказать, откланяться...
АСТАФЬЕВА. А я думала, чего доброго, не попрощавшись уедете.
ТРЕТЬЯКОВ. Ну что вы, как можно! Я с чемоданом с самого обеда. Обошел всю бригаду...
АСТАФЬЕВА. Ко всем, значит, зашли... Устали?..
ТРЕТЬЯКОВ. Знаете, устал.

АСТАФЬЕВА. Устали... А тут еще к Астафьевой надо зайти. Вежливый вы, Владимир Александрович, через вежливость и страдаете...

ТРЕТЬЯКОВ. Нет, всех хотел видеть... Три года — все-таки не шуточки. Три года... И знаете, только сегодня, в день отъезда, вдруг выясняется, что меня здесь все любят!

АСТАФЬЕВА. А почему бы вас, Владимир Александрович, не любить?..

ТРЕТЬЯКОВ. Второгодники, оказывается, и те меня любят! Очень трогательно.

АСТАФЬЕВА. А что, вы хороший были преподаватель...

ТРЕТЬЯКОВ. Говорят, чтобы добиться признания, надо умереть. Не обязательно. Можно просто уехать...

АСТАФЬЕВА. Хороший вы были преподаватель... Вот только чуткости вы мало проявляли и активности...

ТРЕТЬЯКОВ. Откуда у меня активность, если я меланхолик?

АСТАФЬЕВА. Самодеятельность бы подняли, раз меланхолик...

ТРЕТЬЯКОВ. Меланхолики ничего не поднимают. Им и так трудно... (*Садится.*) Через полчаса уходит автобус.

АСТАФЬЕВА. Спасибо, что зашли... Уважили.

ТРЕТЬЯКОВ. Лидия Васильевна, разве я мог уехать, не повидавшись с вами?! К вам — последний визит. Для памяти...

АСТАФЬЕВА. Дом мой последний стоит. По пути...

На улице возникла песня. Она медленно приближается.

ТРЕТЬЯКОВ. Да... Дом ваш последний. В хорошем он месте! Окнами в поле. И в лес. Уеду и буду вам завидовать.

АСТАФЬЕВА. Спасибо и на этом...

ТРЕТЬЯКОВ. Вы, конечно, замечали, что я был к вам неравнодушен. Да, да! Да и вы, Лидия Васильевна... Скажете — нет? Помните май! Все могло быть по-другому... Ничего не было... Даже грустно. Вам не грустно?

АСТАФЬЕВА. К чему это вы говорите?..
ТРЕТЬЯКОВ. Я уезжаю, могу я быть откровенным?

Песня совсем рядом.

АСТАФЬЕВА. Я помню май... Вы веселый были... Никогда я вас таким больше не видела.
ТРЕТЬЯКОВ. Лидия Васильевна, скажите откровенно, на прощание — что было бы, если бы я тогда сел в ваш ходок?
АСТАФЬЕВА. Что ж... ничего. Поехали бы вместе...
ТРЕТЬЯКОВ. Да... Я так и думал.
АСТАФЬЕВА. Я май хорошо помню... Вы пели, у вас ведь голос хороший, никогда бы не подумала...
ТРЕТЬЯКОВ (*засобирался*). Нет у меня никакого голоса... Пойду, Лидия Васильевна, я житель городской и не могу петь без аккомпанемента...
АСТАФЬЕВА. А из леса тогда мы за вами следом ехали... Вы видели?..
ТРЕТЬЯКОВ. Да, да... Будем вспоминать...
АСТАФЬЕВА. А я думала, вы к нам в ходок сядете...

Хор останавливается под окном. Хорошо слышна мелодия, но слов не разобрать.

ТРЕТЬЯКОВ. Так вот... Прощайте, Лидия Васильевна! Я думаю, мы еще встретимся. Мир тесен...

Подают друг другу руки.

Где-нибудь, когда-нибудь... Счастливо оставаться... (*Отворил дверь.*)

Песня — громко.

ХОР Несет Галя воду,
Коромысло гнется,
Стоит Ваня подле
Над Галей смеется...
АСТАФЬЕВА (*вдруг*). Постойте!
ТРЕТЬЯКОВ (*прикрыл дверь*). Да?

Слышна лишь мелодия.

АСТАФЬЕВА (*решительно*). Я вас не пущу.
ТРЕТЬЯКОВ. В чем дело?..
АСТАФЬЕВА (*лукавит с большим искусством*). Сейчас я вас не пущу.
ТРЕТЬЯКОВ. Почему, Лидия Васильевна?
АСТАФЬЕВА. Слышите?
ТРЕТЬЯКОВ. Что?
АСТАФЬЕВА. Они остановились под окном.
ТРЕТЬЯКОВ. Кто?
АСТАФЬЕВА. Вы что, не слышите?
ТРЕТЬЯКОВ. Поют. Ну и пусть...
АСТАФЬЕВА. Садитесь, Владимир Александрович, послушаем... (*Приоткрыла дверь.*)
ХОР Ой ты, Галя, Галя,
Дай воды напиться
Может быть, я, Галя,
Не буду журиться...
ТРЕТЬЯКОВ. Я опаздываю, Лидия Васильевна.
ХОР Я не дам тебе воды,
Вода ключевая,
Ты не любишь меня,
У тебя другая...
АСТАФЬЕВА (*закрыла дверь*). Славно поют!
ТРЕТЬЯКОВ (*мягко*). Это не имеет никакого значения. Я должен ехать. Даже если бы за окном был хор Пятницкого. Все равно. Даже тем более.
АСТАФЬЕВА. Сейчас я вас не пущу.
ТРЕТЬЯКОВ (*в недоумении*). Мне понятно ваше настроение... Я сам... Я тронут, но... мне некогда.
АСТАФЬЕВА. Вы уйдете...
ТРЕТЬЯКОВ. Откройте же!
АСТАФЬЕВА. Но не сейчас...
ТРЕТЬЯКОВ. Что случилось?
АСТАФЬЕВА. Сейчас десять часов вечера.
ТРЕТЬЯКОВ. Ну и что?
АСТАФЬЕВА. Я говорила — вы нечуткий...
ТРЕТЬЯКОВ (*задумчиво*). Так... И неактивный?
АСТАФЬЕВА. Это уж само собой...
ТРЕТЬЯКОВ. Так...

Подходит к Астафьевой.

Если я правильно понимаю, вы хотите, чтобы я ушел от вас утром?

Пытается обнять Астафьеву. Попытка, впрочем, довольно робкая.

АСТАФЬЕВА (*останавливает его*). Вы ничего не поняли!

ТРЕТЬЯКОВ (*обескуражен*).Объясните! Сейчас мне уйти нельзя, утром — тоже... Когда в таком случае? Ночью? Днем? Завтра? Послезавтра?

АСТАФЬЕВА (*с достоинством*). Вечером.

ТРЕТЬЯКОВ. Но почему, Лидия Васильевна?! Вы, кажется, издеваетесь?

АСТАФЬЕВА. Десять часов вечера... Подумайте, что они скажут, если вы выйдете в такое время из моего дома?

ТРЕТЬЯКОВ. Кто — они?

АСТАФЬЕВА. Вы что, не слышите?

ТРЕТЬЯКОВ (*раздосадован*). Ах, вон что вас беспокоит! Что скажут?..

АСТАФЬЕВА. Да! Что скажут...

ТРЕТЬЯКОВ. Они ничего не скажут, просто что-нибудь споют.

АСТАФЬЕВА. Сначала споют, потом начнут сплетничать. Вы что — не знаете?

ТРЕТЬЯКОВ. Какие могут быть сплетни? Я уезжаю, зашел проститься. Разве из этого можно сочинить сплетню?

АСТАФЬЕВА. Вы-то уедете, а они останутся и будут думать...

ТРЕТЬЯКОВ. Лидия Васильевна, пусть думают, нельзя же им все время петь.

АСТАФЬЕВА. Вам-то что, вы уедете, а я... потом замуж не выйду.

ТРЕТЬЯКОВ. Что?! Выходит, перед отъездом я должен выдать вас замуж?

АСТАФЬЕВА (*теперь она иронизирует*). Тише, Владимир Александрович! Вы еще не в городе.

ТРЕТЬЯКОВ. В городе мне, помнится, говорили: тише — вы не в лесу!

АСТАФЬЕВА. У нас уж так... Не взыщите!

ТРЕТЬЯКОВ. Лидия Васильевна, не будем ссориться — откройте двери! (*Смотрит на часы.*)

АСТАФЬЕВА. Не могу. Мы люди отсталые, с предрассудками...

ТРЕТЬЯКОВ. Это вы-то! Ай-яй! Заведующая фермой, активист, передовая женщина! Вы меня удивляете.

АСТАФЬЕВА. Чему вы удивляетесь? У нас на ферме плохо с культурно-массовой работой. Разве не читали в газете?

ТРЕТЬЯКОВ. Не читал.

АСТАФЬЕВА. Зря. Там и про вас сказано: «Куда смотрит интеллигенция?»

За окном пение смолкло, но заиграли на гармонике. Послышался шум подошедшей машины.

ТРЕТЬЯКОВ. Автобус!

АСТАФЬЕВА. Но полянка-то еще не разошлась. Вот она, рядом.

ТРЕТЬЯКОВ (*с нетерпением*). Черт возьми! Что же вы предлагаете?

АСТАФЬЕВА (*невинно*). Хотите — чаем угощу?

ТРЕТЬЯКОВ. Бездельники! Сколько можно петь и плясать!

АСТАФЬЕВА. Почему бы не поплясать? Только что отсеялись. Скоро сенокос.

ТРЕТЬЯКОВ. Ну знаете, я в вас разочаровался. Мне о вас иначе говорили.

АСТАФЬЕВА (*кротко*). А вам надо было проверить — так ли все, как говорили. Время у вас было...

ТРЕТЬЯКОВ. Если вы считаете, что мне неприлично выйти в дверь, — выпустите меня в окно!

АСТАФЬЕВА. Ну да! На дворе луна, светло как днем! Не знаю уж, как в городе, а у нас через окно ходить не принято.

ТРЕТЬЯКОВ. Неужели? Что же у вас принято в таком случае? Может быть, вылететь в трубу?

АСТАФЬЕВА. Попробуйте.

ТРЕТЬЯКОВ. Не понимаю, чем вас смущает окно? Если увидят, скажете — вор. Дескать, учитель украл у вас шерстяную кофту.

АСТАФЬЕВА. Придумал!

ТРЕТЬЯКОВ. Скажите что угодно, только отпустите наконец!

АСТАФЬЕВА (*мстительно*). Не кричите на меня! Вы мне уже надоели. Как только они уйдут — пожалуйста, скатертью дорожка!

ТРЕТЬЯКОВ. Спасибо. Автобус уйдет — где, интересно, я буду ночевать? Под сосной? Квартиру мою, между прочим, успели уже заколотить.

АСТАФЬЕВА. Если бы вы не кричали, а вели себя деликатно, я бы вам, так уж и быть, на лавке бы постелила.

ТРЕТЬЯКОВ. Да? Вы очень любезны. Только я не желаю больше с вами разговаривать.

Сели в разных концах комнаты. Помолчали. На улице снова пение.

«Деликатно»... Что же все-таки делать? Может, мне жениться на вас? Из деликатности...

АСТАФЬЕВА. Да я за вас никогда и не пошла бы.

ТРЕТЬЯКОВ. Да ну? Вы же ко мне были неравнодушны. Скажете — нет? За вас вся деревня переживала...

АСТАФЬЕВА. Симпатизировала, пока не знала, какой вы есть.

ТРЕТЬЯКОВ. Какой я есть?

АСТАФЬЕВА. Грубый, каких много...

Помолчали. Песня.

ТРЕТЬЯКОВ. Где ваш муж, сумасшедшая вы женщина?

АСТАФЬЕВА. Нет у меня никакого мужа. И не надо!

ТРЕТЬЯКОВ. Да где тот, что был? Неужели сбежал?

АСТАФЬЕВА. Разве похоже, чтобы от меня муж сбежал?

ТРЕТЬЯКОВ. Нисколечко. Это верно. От вас, пожалуй, не сбежишь...

АСТАФЬЕВА. Сама ушла. Мой муж был грубый человек...

ТРЕТЬЯКОВ. Я понимаю, вроде меня?

АСТАФЬЕВА. Вначале маскировался, стишки писал, потом запил... А других, Владимир Александрович, женихов здесь не было...

ТРЕТЬЯКОВ. Где он сейчас?

АСТАФЬЕВА. Уехал киномехаником.

ТРЕТЬЯКОВ. Давно?

Песня удаляется от окна.

АСТАФЬЕВА. Пять лет прошло...
ТРЕТЬЯКОВ. А мне говорили — четыре...
АСТАФЬЕВА. Ошиблись... (*Подходит к окну.*) Ну вот... Плен ваш кончился. Полянка расходится.
ТРЕТЬЯКОВ. Действительно...
АСТАФЬЕВА. Зря горячились — успеете...
ТРЕТЬЯКОВ. Простите меня...
АСТАФЬЕВА. Да нет, это вы меня извините. Все я придумала. Не боюсь я никаких разговоров, никакого мнения! Пошутила я, Владимир Александрович. На прощание. Взяла и пошутила — что мне?
ТРЕТЬЯКОВ. Я же говорил, что вы издеваетесь...
АСТАФЬЕВА (*открывает дверь*). Извините, что задержала...
ТРЕТЬЯКОВ. Но... они... они, собственно, еще рядом...
АСТАФЬЕВА. Никак теперь вы боитесь, что люди подумают?
ТРЕТЬЯКОВ. Нет... Но все-таки обидно. Ведь напрасно подумают, вот что обидно!
АСТАФЬЕВА. А вы огородом, огородом — незаметно... Идите, а не то в самом деле опоздаете...
ТРЕТЬЯКОВ. Я успею. Шофер знает, что я сегодня уезжаю, подождет...
АСТАФЬЕВА. Уезжайте, что вам здесь делать? Кого вам здесь любить, с кем разговаривать?! Отбыли свое — и уезжайте! Уезжайте в свой чудесный город! Он по вас скучает! Давно! И как только он там, горемычный, без вас? Я даже не знаю...
ТРЕТЬЯКОВ (*задумчиво*). Действительно... Как он там без меня, горемычный?..
АСТАФЬЕВА. Что и говорить! Вы проспали, все три года спали — и проспали! И видели во сне огни ваши голубые и проспекты! Что — я не знаю?.. Вы ходите там по мокрым улицам, все молодые, все гордые, и никто не знает, о чем вы думаете... А здесь — поле и лес, здесь все понятно, и вы — спите. И сейчас вы спите...
ТРЕТЬЯКОВ. Нет, не сплю. Выспался. За три года выспался...
АСТАФЬЕВА. Вы шутите, вы всегда шутите, шутите и

ждете отъезда... Вот вы его и дождались, отбыли свое, ну и прощайте!.. Зачем только вы сюда приезжали!.. Уходите.

ТРЕТЬЯКОВ (*растерян*). Минутку... Вы загибаете, уверяю вас... Летом в городе душно...

АСТАФЬЕВА. Зато — весело!

ТРЕТЬЯКОВ. Летом город пуст...

АСТАФЬЕВА. В городе много развлечений!..

ТРЕТЬЯКОВ. Ничего нового не придумали...

Слышится ворчание автобуса, затем — два сигнала.

АСТАФЬЕВА. На дороге. Вас кличет.

ТРЕТЬЯКОВ. В ваши окна не видно дорог. Поле и лес, поле и лес... У вас зеленые глаза, вы наяда, сирена, от вас надо спасаться бегством...

АСТАФЬЕВА. Перешагнуть порог, чего проще...

На улице снова возникает песня.

ТРЕТЬЯКОВ. «Перешагнуть порог...» Это сложная задача. Дураков полно по ту и по другую сторону порога...

Маленькая пауза.
Песня приближается. Теперь это частушки.

Это точно, глупости человек делает перед порогом. И хорошо, когда ты подготовлен заранее. А если нет?.. Я три года преподавал в вашем селе географию. Спал и преподавал географию. Преподавал географию и спал. Тихо, спокойно. И мне кажется, я не вовремя проснулся. Проснулся я перед порогом. Вы понимаете мои переживания?..

Песня остановилась под окном.

АСТАФЬЕВА. Они вернулись... Они остановились под окном!

Третьяков приоткрывает дверь.

ХОР Я по улице иду,
Иду и примечаю,

На белы ставни погляжу —
Головкой покачаю...

ТРЕТЬЯКОВ (*закрыл дверь*). Что же дальше?..

АСТАФЬЕВА. Что дальше?.. Вам лучше знать, что дальше...

ТРЕТЬЯКОВ. Лидия Васильевна, порог этот — ваш... Я лунатик, в минуту я должен решить задачу, где почти все неизвестно. Я лунатик, снимите меня с крыши, посадите в автобус или...

Стук в дверь. Третьяков замолчал.

АСТАФЬЕВА (*подходит к двери*). Кто?

Дверь чуть приоткрывается, но никто не входит.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*за дверью; громко*). Лидочка! Ты учителя случайно не видела?.. Шофер его ищет, на станцию везти!

Астафьева смотрит на Третьякова вопросительно.

ТРЕТЬЯКОВ. Скажите, что я здесь... Пусть... шофер зайдет.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. По всей деревне ищет. Пропал педагог!

АСТАФЬЕВА (*громко*). Он здесь. Пусть сюда подъедут.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Нашлась пропажа!.. Подъедут, сейчас подъедут!

ТРЕТЬЯКОВ. Наконец они перестанут петь...

Песня тотчас обрывается.

АСТАФЬЕВА. Наслушались... на всю жизнь...

ТРЕТЬЯКОВ. Они пели неплохо, надо признаться...

АСТАФЬЕВА (*держится мужественно*). Без аккомпанемента.

ТРЕТЬЯКОВ (*у окна*). В ваши окна не видно дорог... Там нынче покосы?

Показывает рукой.

АСТАФЬЕВА. За Марьиным логом...

ТРЕТЬЯКОВ. Марьин лог... Из города едут сейчас на дачи... В поле и в лес...

АСТАФЬЕВА (*отлично держится*). Побалуются природой, отдохнут...

Слышно, как подъехала машина.

ТРЕТЬЯКОВ. В город сейчас возвращаются сумасшедшие... Скажите, а вот приедет учитель вместо меня — его тоже здесь все полюбят.

АСТАФЬЕВА. А как же? Полюбим. Три года любить будем. Как полагается.

ТРЕТЬЯКОВ. Мальчишка приедет, пижон с новеньким глобусом... Откроете мою квартиру, покажете мою школу и — полюбите... Грустная история.

АСТАФЬЕВА (*отчаянно*). Ничего. Переживем!

ТРЕТЬЯКОВ. А мне не нравится. И мальчик этот с глобусом — не нравится... Забавно, но сейчас решается его судьба. Он в моих руках.

ГОЛОС ШОФЕРА (*за дверью*). Как же понимать? Едет учитель или не едет?

ТРЕТЬЯКОВ (*подошел к двери, открыл ее*). Кеша, прости меня, пожалуйста. Прости, что пришлось долго ждать.

ГОЛОС ШОФЕРА. Ничего, Владимир Александрович, бывает хуже...

ТРЕТЬЯКОВ. Сегодня я никуда не еду...

ГОЛОС ШОФЕРА. Завтра рейса нет. Выходной.

ТРЕТЬЯКОВ. Ну что ж, должен же ты когда-нибудь отдыхать.

ГОЛОС ШОФЕРА. Обязан. Привет, Владимир Александрович.

ТРЕТЬЯКОВ. До свидания.

Дверь остается открытой. В отдалении еще раз раздается песня.

АСТАФЬЕВА. Опять! Вы слышите?.. Поют... ненормальные...

ТРЕТЬЯКОВ. Плевать, конечно, но все-таки интересно, о чем они только что говорили!

Астафьева смеется.

Занавес

Процесс

Протокол в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МИШАЙКИН — в прошлом каменщик, бетонщик, кровельщик, сварщик, арматурщик. Ныне опасный человек.
ДОН АНТОНИО БЕЗБАБКО — негоциант.
ЕВГЕНИЙ САМАРСКИЙ — капитан в отставке.
МСЬЕ ДВУРОЖКО — солидный предприниматель.
КАПИТОЛИЙ ЛАЗАРЕНКО — рецидивист по кличке «Прости, Тула!».
РУБИ-КИРЯЙ — восточный мудрец.
ЛАРИСА-АНТУАНЕТТА — женщина.
СИДОРОВ, ВОРОБЬЕВ — присяжные.
КУРЬЕРЫ (десять тысяч).
КОМИССИИ (несколько).
ДЕТЕКТИВЫ (количество неопределенное).
ПРОСТОЙ НАРОД — писатели.

Тверской бульвар. Собрание, митинг, вече, суд, аукцион. Мишайкин стоит перед толпой на коленях. Самарский разгуливает по лобному месту. В руках у него топор.

САМАРСКИЙ (*зычно*). Люди! Вы собрались сюда, чтобы узнать страшную правду: среди нас есть бездарный писатель!

Гул изумления. Возгласы: «Какой ужас!», «Невероятно!», «Не может этого быть!»

Да, товарищи, да!. Это суровая нелицеприятная правда!.. Нам поступило заявление нашего друга дона Антонио Безбабко... Дон Антонио, прошу.

ДОН АНТОНИО (*глухо*). Я пришел к вам, чтобы открыть вам глаза. Дело в том, что этот человек (*указывает на Мишайкина пальцем*)? этот человек клеветник! Он утверждает, что я сплю с женщинами!

САМАРСКИЙ. Грязная ложь!

ЛАЗАРЕНКО. Ужас! Я далеко не ханжа, но это... это... (*ужасается.*)

САМАРСКИЙ. Чудовищная клевета! За такие вещи... (*Скрипит зубами.*) Я требую высшей меры!

ЛАЗАРЕНКО. К тому же есть подозрения, что сам Мишайкин иногда спит с женщинами!

МСЬЕ ДВУРОЖКО. Позор!

МИШАЙКИН. Я протестую! Я импотент!

ДОН АНТОНИО. Клевета! Это я импотент!

МИШАЙКИН (*визжит*). Я стопроцентный импотент!

ДОН АНТОНИО. Я! Не он, а я! У меня есть справка. (*Шарит по карманам.*)

ЛАРИСА-АНТУАНЕТТА (*авторитетно*). Оба импотенты.

РУБИ-КИРЯЙ. Они друг друга оскорбили. Пусть они подерутся!

ЛАРИСА-АНТУАНЕТТА (*визгливо*). На шпагах!

ДОН АНТОНИО (*чистосердечно*). Что такое шпага?

САМАРСКИЙ. Да, что такое шпага? Никаких шпаг! Продолжаем... Итак, нетоварищеское отношение к женщине. Так и запишем... Но это еще не все!

МСЬЕ ДВУРОЖКО. Вчера этот негодяй чихнул на Советской площади!

ЛАЗАРЕНКО (*ужаснулся*). Что-о?

МСЬЕ ДВУРОЖКО. Позор!

ЛАЗАРЕНКО. Стыд!

ЛАРИСА-АНТУАНЕТТА. Срам!

САМАРСКИЙ. Я требую высшей меры!

МИШАЙКИН. Я протестую! У меня насморк.

Народ волнуется.

САМАРСКИЙ. Слышали?! У него насморк! Об этом должны знать все! Повсюду! Это не шутки!

Курьеры разбегаются в разные стороны.

Он нечистоплотен!

ЛАЗАРЕНКО. У него геморрой!

ЛАРИСА-АНТУАНЕТТА. Он никогда не умывается!

ЛАЗАРЕНКО. Не ходит в баню!

САМАРСКИЙ. Чудовищно!

ЛАРИСА-АНТУАНЕТТА. Жуть!
МСЬЕ ДВУРОЖКО. Он опасен для государства!
САМАРСКИЙ (*зажигательно*). В шею его!
ЛАЗАРЕНКО. Вон!
СИДОРОВ. Гнать!
ВОРОБЬЕВ. Судить!
МСЬЕ ДВУРОЖКО. Четвертовать!
МИШАЙКИН. Я протестую! У меня договор в Детгизе!
САМАРСКИЙ. Тем хуже!

Бросаются на Мишайкина, рвут его на куски. Народ безмолвствует. В толпе действуют комиссии, прохаживаются детективы.

РУБИ-КИРЯЙ (*отважно*). Произвол!

Его уводят.

МСЬЕ ДВУРОЖКО (*вытирая руки о рубаху Самарского*). Я так и знал. Когда я увидел его в первый раз, я сразу понял, что мы его растерзаем.
ЛАЗАРЕНКО (*вытирая руки о рубаху мсье Двурожко*). А все-таки жалко парня.
САМАРСКИЙ. Здесь не место либерализму (*помахивает топором*). Кто следующий?

Народ молча расходится.

Занавес

Из неоконченных пьес

с московской

Пора

Картина первая (ночь)

сам

картина вторая (утро)

знакомство:
сначала
потом — она

картина третья (обед)

Семейство в сборе

Рафаэль

СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ УСОВ — художник, 60 лет.
ЗОЯ МИХАЙЛОВНА — его жена, журналистка, 32 года.
БОРИС — сын Усова, студент, 20 лет.
ТАТЬЯНА — дочь Усова.
СМАГИН — художник, 27 лет.
ВИКТОРИЯ — парикмахер, 22 года.
АРНОЛЬД ПАВЛОВИЧ — врач, 50 лет.
ОБАБЬЕВ — пенсионер, 63 года.
ФЕДОРУК — санитар, 40 лет.

Квартира Усова. Большая хорошо обставленная комната. На видном месте лежит чемоданчик с красным крестом. Послеобеденный час.
Зоя Михайловна и Борис играют в карты.

БОРИС (*шумно*). Король!.. давай, мамочка, давай!

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Неужели я снова проиграю. В третий раз. (*Бросает карту.*) Может, я действительно дура.

БОРИС. Ты еще сомневаешься. (*Кроет: громко хлопнул ладонью по столу.*) Дама!

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Не стучи, тебе говорят! Ты что, не знаешь, как чутко он спит!

БОРИС. Он спит чутко? Я бы этого не сказал. И ты бы этого не сказала, если бы подумала. Чутко! Да он спит на ходу. Он ничего не видит, ничего не слышит. Он ослеп и оглох.

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Помолчи, бессовестный. Не нашел другого дня для своих намеков. Весь город его сегодня чествует, одному тебе наплевать. Взгляни, сколько писем, телеграмм, поздравлений. Ты думаешь, все эти люди глупее тебя?

БОРИС. Умнее, мамочка, разве я спорю.

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Ну, допустим, ты не поклонник его таланта, но ведь он твой отец и сегодня ему исполнилось шестьдесят лет. По-твоему, это повод для насмешек?

БОРИС. Да нет, все в порядке. Я поздравил его как отца и как гениального художника. Мало этого?

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Почему ты не идешь на юбилей? Вот почему?

БОРИС. Сама знаешь. У меня дежурство.

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Если бы захотел, тебя бы освободили. По такому случаю. Меня же вот отпустили.

БОРИС. <...> мамочка, что на твоем месте я бы не стал учить меня хорошему поведению.

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА (*не сразу*). Мог бы относиться ко мне поприличнее. Не забывай, я тебе неровня. Он женился на мне, когда тебе было всего тринадцать лет.

БОРИС. Ладно, не будем ссориться. (*Сдает карты.*) Рискнем еще разок, пока за мной не заехали.

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Не хочу. Неинтересно. (*Помолчала.*) Меня ты не уважаешь, хорошо, допустим, я этого заслуживаю. А отец? Хочешь — обижайся, хочешь — нет, но ты — невозможный эгоист. Ничего, кроме собственной персоны, тебя не интересует. Ты, я уверена, даже в газете о нем не прочел.

БОРИС. А что там о нем? Передовая?

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. (*Сует ему газету.*) Взгляни хоть на портрет — отец все-таки.

БОРИС (*развернул газету*). Певец разбуженной тайги!.. Певец... Это кто певец, папа, что ли?

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Дай сюда. (*Протягивает руку за газетой.*)

БОРИС. Э, нет, дай почитаю. Сама хотела... «Это было ранним утром осенью тысяча девятьсот двадцать восьмого года!..» Здорово, скажи? Ты писала?

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Как это я могла написать о своем муже? Ты соображаешь или нет?

БОРИС. Тогда слушай. Итак, осенью двадцать восьмого года... «По старому понтонному мосту в город шагал широкоплечий, попросту одетый парень с котомкой за плечами...» Сила!.. «И хотя раньше в этом городе он никогда не бывал, во всей ладной его фигуре, в твердой походке...» Узнаешь?.. «...и в спокойном взгляде его было что-то невозмути-

мое, надежное, озорное...» Скажи? Он появился как налетчик...

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Отдай газету. (*Пытается отобрать у него газету.*)

БОРИС (*забирается сначала на стул, потом на стол — так, чтобы она не могла дотянуться до газеты*). Слушай дальше. «На середине моста молодой человек снял с плеч котомку, остановился и долго смотрел вперед, туда, где, сбрасывая с себя серый осенний туман, медленно просыпался незнакомый ему город. Это было сорок лет назад...»

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Слезь со стола, разбойник.

БОРИС (*спрыгнул со стола, уселся в кресло, читает с «выражением»*). «А сорок лет спустя в просторном выставочном зале отделения союза художников Семен Николаевич с улыбкой признается, что в то далекое утро, на мосту, не обошлось без сомнений. Как сложится его судьба? Как встретит его, коренного таежника, потомка чулимских медвежатников, незнакомый ему мир искусства?..» Вот уже действительно было о чем подумать...

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Хватит.

Она выхватила у него газету, но клочок текста остался у него в руках.

Тебе лишь бы позубоскалить. Ничего святого. Правду отец говорит: осуждать других — больше ты ни на что не способен.

БОРИС. Мамочка, в нормальной семье хватит и одного великого человека. Вполне достаточно... (*Читает по газетному клочку.*) «...убежденный сторонник здоровой реалистической традиции. Жизнь и искусство — эти два понятия для него нерасторжимы. Искренность, бескомпромиссность, отзывчивость этого человека известны не только его друзьям...» Так... Сообщается, что он депутат. «...оптимизм». Дальше: «Певец...»

Звонок. Зоя Михайловна открывает. Появляется Смагин. Это крупный, бодрый, хорошо одетый парень, даже изысканный. В руках у него газета.

А вот и ученик пожаловал.

СМАГИН. Привет.

БОРИС. Здравствуй, здравствуй, ученичок.

СМАГИН (*размахивая газетой, Борису*). Да, статья, надо признаться, глуповатая. (*Обращается к Зое Михайловне.*) Или ничего?.. Кто писал?

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Елкина, бездарная баба. Зато максимум доброжелательности.

СМАГИН. Так вот. Я был там. Адреса, речи, аудитория, пресса — все уже в кармане. Будет Смирнов. По-моему, все отлично... А что мэтр?

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Спит.

СМАГИН (*заговорил тише*). Цветы и подарки — пачками. (*Борису.*) Ты будешь?

БОРИС. Я дежурю.

СМАГИН. А жаль. Выпивка имеет быть грандиозная.

БОРИС. Серьезно? А в котором часу она имеет быть?

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Заинтересовался.

СМАГИН. Часиков в десять.

Появляется Усов. Он в пижаме, щурится от яркого света. Жизнерадостен.

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Как спалось?

УСОВ. Отменно. «Куда исчезли дни былых забав...»

СМАГИН. Все уже известно. Заседать у писателей — это вы знаете, ужин в «Незабудке», будет Смирнов.

УСОВ. Сам? Вот как? Выходит <нрзб> Бенефис. Нет бы собрались тихонько, выпили бы водочки, скромно, по-старинному...

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Сердце твое как?

УСОВ. Как мотор. Молодею сегодня, как ни странно. С утра молодею. (*Бравурно.*) «Куда ты удаль прежняя девалась...» (*Смагину.*) А что публика? Предвидится?

СМАГИН. Будет. Если бы даже не предвиделась, то, я уверен, все равно была бы.

УСОВ. Надеюсь, надеюсь. (*Борису.*) Ну а ты? Удостоишь?

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Дождешься ты от него, как же.

БОРИС. Дежурство.

УСОВ. Именно сегодня?.. Ну что ж, долг есть долг. Ничего не поделаешь. А то выхвати минутку, заскочи на рюмку чая.

СМАГИН (*показывает Усову статью в газете*). Интересовались?

УСОВ. Что? Да, видел. Пробежал.

СМАГИН. Мне, откровенно говоря, она показалась несколько наивной. Или ничего?

БОРИС. Статья во (*показывает*) какая. Шедевр. Особенно начало, когда родитель вступает в город.

СМАГИН. Мне кажется, что ваш путь трактуется несколько упрощенно, или нет?

УСОВ (*перебивает.*) Упрощенно, говорите? А вам нужны сложности? Кого они интересуют? Ну есть у меня враги, есть гипертония и мало ли что? У меня сын оболтус, а кому все это надо? Нет, одобряю полностью. Правильная статья. Нормальная. Публике требуется свет, перспектива, идеал.

[Здесь пропуск — текст не сохранился]

УСОВ (*Зое Михайловне*). Платье наденешь серое. Колье. (*Татьяне.*) А ты не усердствуй. Сегодня юбилей, а не смотрины.

ТАТЬЯНА. Блесну, клянусь, что блесну. Всенепременно.

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Много не ходи.

УСОВ. Не волнуйся, мать. Сегодня я король. Нет, что — король? Принц! (*Борису.*) Вперед, практикант? (***Вышел, но вернулся и осмотрел себя в зеркале.***) Все на месте?.. Ничего не забыл?

БОРИС. Забыл.

УСОВ. Что?

БОРИС. Котомку.

УСОВ. Не заводи меня, студент. Сегодня на меня это не подействует.

Оба выходят.

ГОЛОС УСОВА. «Куда ты, удаль прежняя, девалась...»
ЗОЯ МИХАЙЛОВНА (*засуетилась*). Валидол! Он забыл валидол...
ТАТЬЯНА. Валидол?.. Мы возьмем его на юбилей.

Занавес

Квартира Виктории. Лихо обставленная комната, яркие портьеры, на подоконниках цветущие астры стоят в бутылках из-под заморского вина.
Хозяйка дома, молодая женщина, сидя у окна и насвистывая, шьет на ручной машинке.
Звонок. Виктория вскакивает, шитье и машинку поспешно прячет за портьеру, затем открывает дверь.
На пороге появляется Усов.

УСОВ. Э, кажется, я не туда попал. Прошу прощения.
ВИКТОРИЯ. Вы к Обабьеву? (*Показывает.*) Это здесь. Вот его звонок.
УСОВ. Спасибо (*исчезает*).

Небольшая пауза

ВИКТОРИЯ. Минутку, я посмотрю его во дворе.

Она подходит к окну. Усов снова появляется на пороге.
Виктория возвращается к двери.

Никого нет. Обычно он там играет в шахматы. А сегодня — нет.

УСОВ. Не беда. Если вас не затруднит, передайте, пожалуйста, ему это (*отдает ей пригласительный билет*), когда он появится.
ВИКТОРИЯ. Хорошо, товарищ Усов.
УСОВ. Вы меня знаете?
ВИКТОРИЯ. Еще бы. Вас да не знать.
УСОВ (*польщен*). Даже так?.. А я, признаться, не припоминаю...
ВИКТОРИЯ. Как же, встречались однажды.
УСОВ. А где, извините...

ВИКТОРИЯ. У вас. В приемной.

УСОВ. В приемной?.. Ах, в депутатской... Да, да, припоминаю. Вы стюардесса, вас зовут Виктория?

Виктория утвердительно кивает.

Речь шла о какой-то квартире.

ВИКТОРИЯ. Об этой. Вы хотели ее у меня отобрать.

УСОВ. Отобрать?

ВИКТОРИЯ. Ну конечно. Вам на меня соседи накапали. Эти вот (*тычет пальцем в пол*), нижние.

УСОВ. Да, да, да...

ВИКТОРИЯ. Сначала вы были на их стороне.

УСОВ. Да, да... вспомнил. Обабьев за вас заступился.

ВИКТОРИЯ. Точно. Эти самые (*тычет пальцем в пол*), они известные склочники. Стукачи.

УСОВ (*с некоторым любопытством*). Однако же, не без всякого же они основания писали, не просто так, а? Что-то было же, наверное?

ВИКТОРИЯ. Что было?

УСОВ. Ну, беспокойства, шум, нарушение порядка. В жалобах, припоминаю, было даже такое выражение: ночные оргии. Не с потолка же они это взяли?

ВИКТОРИЯ. Вот именно, что с потолка. Откуда им еще знать, что тут у меня делается. Да и какое им до этого дела? Разве уже и попеть нельзя, потанцевать?

УСОВ. Нет, почему же...

ВИКТОРИЯ (*перебивает*). А что люстра у них оборвалась, так это их родственник, алкоголик, повеситься на ней хотел.

УСОВ. Что вы говорите.

ВИКТОРИЯ. Факт. Об этом весь подъезд знает, весь двор. Да нет, это жуткие люди. Скорпионы, точно вам говорю. То ли дело эти (*показывает на стену*), придут, попросят вежливо: Вика, милая, нельзя ли потише, голова болит.

УСОВ (*смеется*). Ну и как же, можно потише?

ВИКТОРИЯ. Сколько угодно. Для хороших людей...

Да чего вы стоите? Проходите! Посидите у меня, глядишь, и Обабьев ваш подойдет. Хороший он дядька, свойский. Проходите, проходите. Да я вас не как депутата приглашаю, как человека.

Усов колеблется.

УСОВ (*поколебался, взглянул на часы*). Ну что ж, пожалуй, и подожду. (*Проходит.*) Воспользуюсь вашим гостеприимством.

ВИКТОРИЯ. Садитесь.

УСОВ. Спасибо... Да, квартира у вас ничего так... Веселенькая квартирка. (*Усаживается.*)

ВИКТОРИЯ. А зачем грустить, товарищ Усов?

УСОВ (*напевает*). «Я не способна к грусти томной, я не могу мечтать в тиши»... (*Щелкнул по басовой струне стоящей у стены гитары.*) Меня, между прочим, зовут Семен Николаевич.

ВИКТОРИЯ. Серьезно? У меня был друг Семен Николаевич. Автоинспектор. Ха-ароший дядька.

УСОВ. А у меня в юности была знакомая. Похожая на вас.

ВИКТОРИЯ (*обрадовалась*). Серьезно?.. А тогда, помню, вы показались мне ужасно строгим. Ну, думаю, отберет, думаю, квартиру.

УСОВ. Строгим? А я такой и есть. Будете плохо себя вести, и отберу. Это я сегодня такой добрый.

ВИКТОРИЯ. Только сегодня?

УСОВ. Исключительно сегодня.

ВИКТОРИЯ. А почему?

УСОВ. Сказать вам?

ВИКТОРИЯ. Конечно!

УСОВ. У меня сегодня праздник.

ВИКТОРИЯ. Какой?

УСОВ. Большой праздник. Юбилей.

ВИКТОРИЯ. Серьезно? Так я вас поздравляю!

УСОВ. Спасибо.

ВИКТОРИЯ. А я заметила — пригласительный. Куда, думаю...

УСОВ. Да вот Обабьева зашел пригласить, друга юно-

сти. И вы с ним пойдите, если пожелаете. Я вас проведу.

ВИКТОРИЯ. Благодарю вас! С удовольствием!.. А я еще думаю, что это вы такой нарядный...

УСОВ. А как же? Юбилеи не каждый день случаются. Да и не с каждым человеком...

ВИКТОРИЯ. Да-а. Я вам даже завидую.

УСОВ. Ну это, положим, напрасно. Шестьдесят годочков — не предмет для зависти. Отнюдь. Но, знаете, Виктория, сегодня я об этом не думаю. Напротив, сегодня я бодр и весел. Как в юности. (*Щелкнул по струне.*)

ВИКТОРИЯ. Правильно, товарищ Усов, надо быть оптимистом.

УСОВ. Именно! (*Взял в руки гитару, прошелся по струнам, запел негромко и дурашливо.*) «Тихо лаяли собаки в остывающую даль, я явился к вам во фраке, элегантный, как рояль»... (*Наигрывает, потом поет дальше.*) «Вы лежали на диване, двадцати неполных лет, молча я сжимал в кармане леденящий пистолет»... (*Наигрывает, поставил гитару на место.*)

ВИКТОРИЯ. Да вы законный дядька!

Усов смеется.

Можно мне вас поздравить? (*Достает бутылку, рюмки.*) Давайте?

УСОВ. Портвейн? Нет, нет, не годится. Портвейн мне противопоказан.

ВИКТОРИЯ. Да нет. Я вам не как депутату, вы не подумайте, я вам как человеку предложила за юбилей.

УСОВ. Нет, нет, я ничего не подумал, и вы ничего не думайте. Тут причина чисто медицинская. Портвейн мне врачи запрещают.

ВИКТОРИЯ. Жаль.

УСОВ. А вы выпейте. И посмотрите, пожалуйста, не пришел ли Обабьев.

Она вышла и через несколько секунд вернулась.

ВИКТОРИЯ. Его еще нет. (*Налила себе рюмку.*) Так я за вас. С большим приветом.
УСОВ. А! Налейте и мне! Была не была.

Выпивают. Небольшая пауза. Она сует ему гитару.

ВИКТОРИЯ. Спойте еще, а! У вас здорово получается.
УСОВ (*взглянул на часы*). Нет, нет, милая, мне пора. Надо идти.
ВИКТОРИЯ. Ну немного... Ну пожалуйста...
УСОВ (*посмеиваясь*). Ну хорошо... (*Взял гитару, поет.*) «Было холодно и мокро, тени жались по углам, проливали слезы стекла, как герои мелодрам. Выстрел был, сверкнуло пламя — ничего теперь не жаль... Я лежал в дверях ногами, элегантный, как рояль...»
ВИКТОРИЯ. Замечательно! Еще что-нибудь.
УСОВ. Э, нет. Теперь ваша очередь. Пойте вы.
ВИКТОРИЯ. Я?.. А что спеть?.. Даже не знаю.
УСОВ. Ну спляшите. (*Взглянул на часы.*) Да побыстрее. Мне пора.
ВИКТОРИЯ (*думает, потом*). Вы «Семь-сорок» знаете?
УСОВ. «Семь-сорок»? Что это?
ВИКТОРИЯ. Сейчас увидите. (*Включает проигрыватель, жестикулирует руками, постепенно начинает танец.*)

Музыка. Виктория танцует. Усов наблюдает спокойно, затем отбивает такт ладошками. Она расходится. Он подергивает плечами, притопывает.

УСОВ (*хлопнул ладонью по столу*). Ах ты, мать честная! (*Поднялся, ходит вокруг Виктории, пританцовывает.*)
ВИКТОРИЯ. Веселей, товарищ Усов! Больше жизни!

Он старается, она повернулась к нему спиной. Он вдруг останавливается, схватился за грудь И, шатаясь, сделал несколько шагов к стулу. Хотел сесть, но упал рядом со стулом. Виктория охнула, подбежала к нему.

ВИКТОРИЯ. Товарищ Усов! Товарищ Усов! (*Выключила проигрыватель.*) Что случилось? (*Трясет его, он стонет.*) Товарищ Усов! (*Стоит над ним в*

растерянности, затем с большим трудом втаскивает его на тахту. Он стонет.) Товарищ Усов!.. Семен Николаевич!.. Что с вами? (*Сорвала с него галстук, расстегнула ему рубаху.*) Семен Николаевич!.. Вы меня слышите?

УСОВ (*слабо*). Врача...

Виктория бросается к двери, возвращается, ищет что-то на столе, в своей одежде, бросается к Усову.

ВИКТОРИЯ. Две копейки! Есть у вас две копейки?

Он безмолвствует, она снимает с него пиджак, ищет в карманах. Нашла. Убежала. Он лежит неподвижно. Виктория вбегает.

Сейчас будет «скорая»!.. Семен Николаевич!.. Вы меня слышите? (*Слушает пульс, прикладывает ухо к груди.*) Семен Николаевич!

Бежит на кухню, возвращается со стаканом воды. Набрала воды в рот, прыснула ему в лицо. Он недвижим.

(*С отчаянием.*) Семен Николаевич! Вы на юбилей опоздаете!

Звонок. Она бросилась к двери, открыла.

Сюда!

Появляются Борис и Федорук.

БОРИС. Привет, старушка. Что тут у тебя? Кого-нибудь задушила?

ВИКТОРИЯ. Быстрей!

БОРИС (*надевает халат*). Что случилось?

ВИКТОРИЯ. Упал!.. Ты можешь побыстрее или нет?.. Ничего не слышит, не разговаривает...

БОРИС. Много выпил? (*Подходит к тахте, изумился.*) Папа! Родитель?

ВИКТОРИЯ. Он твой отец?

БОРИС. Папа! Что такое? (*Лихорадочно его прослушивает. Виктории.*) Что тут было?

ВИКТОРИЯ. Ничего... Ничего не было...

БОРИС (*санитару*). Шприц! (*Виктории.*) Кипяток!

Виктория бросается на кухню.

(*Санитару.*) Новокаин!.. Быстро!

ФЕДОРУК. Нема новокаину.

БОРИС (*кричит*). Как нема?

ФЕДОРУК. Так, весь вышел. Кончился.

Виктория появляется.

БОРИС. То есть как это кончился?

ФЕДОРУК. Говорил я вам...

БОРИС (*лихорадочно ищет*). Черт возьми! Наркоман! Спекулянт! Идиот!

ФЕДОРУК (*не обижаясь*). Заехать требовалось в поликлинику. Говорил я...

БОРИС (*Виктории*). Живо к телефону! Номер: сорок два — пятнадцать.

ВИКТОРИЯ. Сорок два — пятнадцать...

БОРИС. Позови там Татьяну, скажи ей, там в моем столе аптечка. Пусть несут, да объясни куда. Это рядом. Да пусть — бегом! Отцу, скажи, плохо. Живо!

ВИКТОРИЯ. Сорок два —пятнадцать... Две копейки!

БОРИС (*шарит по карманам, нашел*). Живо!

Виктория убегает.

(*Передает шприц санитару.*) В кипяток!

Федорук ушел на кухню. Борис садится рядом с отцом, слушает пульс.

Папа... папа...

Расстегивает отцу рубаху. Возвращается Виктория.

ВИКТОРИЯ. Сейчас... Бегут. Скоро будут...

БОРИС. Будут? Кто? С кем ты разговаривала?

ВИКТОРИЯ. Не знаю. С какой-то женщиной. Она сказала мне: «Бежим».

БОРИС. Дура. Я просил тебя позвать Татьяну, а ты говорила с матерью. Они припрутся вместе. Как он сюда попал?

ВИКТОРИЯ. Как попал? Пришел.

БОРИС. К тебе?

ВИКТОРИЯ. Ко мне?.. Нет, что ты. К Обабьеву. А его дома нет...

БОРИС. Кто такой Обабьев?

ВИКТОРИЯ (*нашла покрывало, накрыла им Усова*). Слушай. А твоя мать не подумает ничего такого?

БОРИС. Какого?

ВИКТОРИЯ. Такого. Сам знаешь, какого.

БОРИС (*с досадой*). Э! Сейчас не до этого. Что он тут делал?

ВИКТОРИЯ. Да ничего... Ничего не делал. Честное слово.

Федорук появляется.

БОРИС. Идиотка.

ВИКТОРИЯ. Я, по-твоему, виновата?

БОРИС. А то кто же? Где они, черт подери. (*Быстро выходит.*)

ФЕДОРУК. Тебя судить будут.

ВИКТОРИЯ. За что?

ФЕДОРУК (*подумал*). За растление.

Появляется Борис, за ним Татьяна. Борис быстро готовит шприц.

ТАТЬЯНА (*подходит к постели*). Родитель, что с тобой?.. Папа!

БОРИС. Инфаркт.

Появляется Зоя Михайловна.

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Семен!.. (*Бросается к постели.*) Что это? Что?

БОРИС. Подожди, мама. Не мешай. (*Готовится делать укол.*)

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Боже, боже! Что же это с ним, что?

ТАТЬЯНА. Отец! Ты нас слышишь?

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Семен! Что с тобой? (*Всхлипнула.*)

Усов ворочается и стонет.

БОРИС. Папа, не шевелись ни в коем случае.

ТАТЬЯНА. Не шевелись, папочка, тебе нельзя.

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА (*Борису*). Как же он? Что же будет?

БОРИС. Тихо. Надеюсь, все обойдется. (*Делает укол.*)

ТАТЬЯНА (*осматривает комнату*). Как же это случилось, Борис?.. (*Обращаясь к Федоруку.*) Давно это случилось?

ФЕДОРУК. Я не в курсе. Мы минут пятнадцать как прибыли.

ВИКТОРИЯ (*из угла, робко*). Это полчаса как случилось.

ТАТЬЯНА (*Викторию она только что заметила, удивилась*). Теплякова?.. Ты как сюда попала?

ВИКТОРИЯ. Я здесь живу.

ТАТЬЯНА. Что-о?.. Живешь? Здесь?

ВИКТОРИЯ. Он к Обабьеву пришел, пенсионер здесь живет, по соседству. Он к нему, а его дома нет...

ТАТЬЯНА. Так это здесь случилось? В этой квартире?

ВИКТОРИЯ. Ну и что? Разве я виновата?

ТАТЬЯНА. Но ведь это ужасно. Кто-нибудь об этом знает?

БОРИС. Черт возьми! Где, когда, почему — какое все это имеет значение?

ТАТЬЯНА. С ума сошел! Да ведь это... это такой скандал — вы даже себе не представляете. Знает об этом кто-нибудь еще?

ВИКТОРИЯ. Да вроде нет, никто не знает. А что?

ТАТЬЯНА. «Что»! Будто ты не понимаешь — что. Не прикидывайся невинной, у тебя это не получится. (*Идет к двери, запирает ее на ключ.*)

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. (*Смотрит на Викторию, испуганно.*) Боже мой... Что это? Он пил портвейн?

ВИКТОРИЯ. Всего одну рюмку.

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Какой ужас...

ВИКТОРИЯ. Никто его не заставлял.

Борис занимается отцом.

ФЕДОРУК. За такие дела срок дают.

ВИКТОРИЯ. Я не виновата. Откуда я знала, что он больной. Шутит, поет, играет на гитаре — пойми его...

ТАТЬЯНА. Пел?.. Играл на гитаре?..

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Боже мой...

ТАТЬЯНА. Мы пропали.

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Неужели, ты думаешь...

ТАТЬЯНА. Я ничего не думаю. Но если об этом кто-нибудь узнает — будьте спокойны...

БОРИС. Тихо! (*Татьяне.*) Не говорите глупостей. Беги лучше, звони в поликлинику.

ЗОЯ МИХАЙЛОВНА. Ему хуже?

БОРИС (*Татьяне*). Вызови Арнольда Павловича, живо!

ТАТЬЯНА. Ни в коем случае. Арнольд Павлович — первый сплетник в городе.

БОРИС (*Виктории*). Беги ты. Телефон сорок пять — пятнадцать.

ТАТЬЯНА. Ни за что. (*Подошла к двери, вынула из скважины ключ. Борису.*) Ты что, не видишь, где мы находимся? Арнольд Павлович [...]

Кладбище слонов

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Комната в доме Кузакова. В углу низкая тахта, журнальный столик и два кресла. У правой стены сервант, на нем проигрыватель и большой портрет красивой молодой женщины. Выше на стене фотография из журнала — портрет певца Магомаева. Прямо перед глазами яркая портьера во всю стену. Остальные две стены и потолок покрашены в разные цвета. Входная дверь слева, она же — дверь на кухню. Справа дверь в другую комнату. Все это освещено причудливого вида торшером, стоящим посреди комнаты.

Слышен звук отпираемого засова. Появляется К у з а к о в. Он в армейской форме, в руках у него чемодан.

Застыв на пороге, он долго и с удивлением разглядывает комнату. Затем медленно, как-то даже боязливо ставит чемодан на пол, осторожными шагами обходит комнату, берет в руки портрет женщины, некоторое время разглядывает его и ставит портрет на место. На глаза ему попадается фотография певца Магомаева, он смотрит на нее с изумлением. Потом он снова обходит комнату, осторожно садится на тахту, изучающе проводит по ней рукой, сидя, слегка подпрыгивает, вдруг вскакивает и резким движением отдергивает портьеру — открывается бревенчатая побеленная стена и обшарпанное окошко.

Некоторое время он стоит неподвижно. Затем подходит к серванту, снова берет портрет, садится в кресло и долго, внимательно, с тревогой всматривается в лицо женщины. Негромко звучит незатейливый лирический мотив, исполняемый на кларнете. Свет на сцене медленно гаснет. В полной темноте поворачивается круг, и свет так же медленно зажигается.

Та же комната, но совсем другая обстановка. Вместо тахты — никелированная кровать, вместо серванта — старый комод, на котором стоят громоздкие часы и мирно пасется целое стадо фарфоровых слоников. На стене место певца Магомаева занимает большая старая фотография, изображающая семью Кузаковых: мать, сидящую на стуле, на ее коленях пятилетнего сына и отца, который стоит позади и держится за спинку стула.

Кузакова и Галина прощаются. На нем солдатская шинель.

КУЗАКОВ. Ну вот. Конец отпуску. Присядем.

Молча усаживаются.

ГАЛИНА. Что же мне делать? Ты так и не сказал.

КУЗАКОВ. А что я скажу? Я не знаю. Думай сама.

ГАЛИНА. Я боюсь. Телевизор весь город смотрит — подумать только.

КУЗАКОВ. Не знаю, Галка. Платят они неплохо, работа чистая, женская. Как надумаешь, так и будет.

ГАЛИНА. А если так: из яслей уйду и там ничего не выйдет?

КУЗАКОВ. Да нет, пусть дают гарантию.

ГАЛИНА. Боюсь... Этот дядечка, ну тот, который меня нашел, он мне сказал, что они все институты перевернули, всю самодеятельность, пока нашли жемчужное зерно. Это про меня. Так и сказал.

КУЗАКОВ. Ты у меня — вообще... Я ребятам твое фото показывал — что было!

ГАЛИНА. А я ему говорю: у меня нет никакого образования, десять классов — и все. А он мне: зато у вас есть голос и обаяние. Образование вам, говорит, не понадобится.

КУЗАКОВ (*забеспокоился*). Слушай, а может, он клинья подбивает, а?

ГАЛИНА. Ну что ты. Ему уже лет под пятьдесят. Да и глупости все это. Ты ведь знаешь.

КУЗАКОВ. Ну смотри. Делай, как тебе лучше. (*Взглянул на часы.*) Ну вот... пора. (*Поднялся.*)

ГАЛИНА. Ты возьми один ключ. Возьми с собой.

КУЗАКОВ. Зачем мне ключ?

ГАЛИНА. Я буду ждать тебя каждый день.

Они обнялись.

КУЗАКОВ. Чудна́я. Раньше мая не вернусь — все равно... Ну ладно, ладно... Много ждала, немного подождешь. Пару лет отпахал, а теперь как-нибудь... Отмахнемся.

ГАЛИНА. Подожди... Если на этот раз у нас будет ребенок... Слышишь?..

КУЗАКОВ. Сын. На меньшее я не согласен... А что — уже...

ГАЛИНА. Нет... Не знаю...

КУЗАКОВ. Если что — отбей мне телеграмму.

ГАЛИНА. Телеграмму? С ума сошел. Как же ее отобьешь, телеграмму?

КУЗАКОВ. А просто: «Все в порядке. Жена».

ГАЛИНА. Да ну тебя...

КУЗАКОВ. Говорю тебе, телеграмму. И никаких!.. Ну, прощай...

Свет медленно гаснет, музыка затихает, поворачивается круг, и свет медленно зажигается.
Кузаков сидит в кресле с портретом жены в руках. Затем он направляется в другую комнату и зажигает там свет. Перед нами небольшая комнатка, предназначенная, по-видимому, для спальни. Но она сейчас заставлена старой мебелью. Здесь и никелированная кровать, и комод, и слоны на комоде, и громоздкие настольные часы.
Кузаков, остановившись в дверях, попеременно рассматривает обе комнаты, после чего входит в спальню, падает на кровать и лежит некоторое время, глядя в потолок.
Но вот он что-то услышал, вскочил, выбежал в сени и через мгновение вернулся вместе с Валерией, стюардессой лет двадцати шести.

ВАЛЕРИЯ (*сунула ему в руки плащ*). Держите. (*Молча уселась в кресло, достала сигареты, закурила.*)

КУЗАКОВ. Вы к Галке, верно?.. Когда она придет, вы не знаете?

ВАЛЕРИЯ. Я думала, она дома.

КУЗАКОВ. Когда у нее кончается работа?

ВАЛЕРИЯ. Когда как. Не знаю... Извините, а вы кто, собственно, будете?

КУЗАКОВ. Я?.. Я ей муж... Вроде бы так...

ВАЛЕРИЯ. Муж?.. Ах, муж! Совсем забыла, что у нее есть муж... Да унесите вы плащ.

Кузаков уносит плащ и возвращается.

Но она говорила, что ее муж лейтенант.

КУЗАКОВ. Лейтенант?..

ВАЛЕРИЯ (*с усмешкой*). Что, вас уже разжаловали?

КУЗАКОВ. Но я никогда не был лейтенантом...

ВАЛЕРИЯ. Ну, не знаю. Значит, у нее есть еще один муж. Лейтенант.

Кузаков молчит. Он растерян, удивлен.

А что тут удивительного? Вам можно, а нам нельзя — так что ли?

Стук в дверь. Появляются Егор Брянский и Саяпин. Егор Брянский, немолодой уже человек, с сединой в волосах и бороде, невысокий, чуть сутулый, в очках, с клюшкой в руке. Саяпин высокий, крепкого сложения, красивый, но угрюмого вида парень.

БРЯНСКИЙ (*стучит клюшкой об пол*). Водки!

ВАЛЕРИЯ (*Кузакову*). Не бойтесь, это свои.

Брянский снимает плащ, шляпу и бросает их на пол. Саяпин следует его примеру, однако свою куртку он довольно бережно укладывает на одежду друга. На шее у Саяпина остался яркий, весьма похожий на женский старый шарф, который он, по-видимому, никогда не снимает.
Брянский подходит к Валерии, целует ей руку.

ВАЛЕРИЯ. Ну? Вырвался?

БРЯНСКИЙ. Я ее покинул. Покинул, как всегда.

ВАЛЕРИЯ. Ты доиграешься, она подаст на тебя в суд.

БРЯНСКИЙ. Лера, прошу тебя, не говори так о моей жене. Она добрая, несчастная женщина.

ВАЛЕРИЯ. Дура она, дура...

БРЯНСКИЙ. Прекрати, она благородный человек. Она никогда не пойдет по инстанциям. А теперь познакомься: Вадим Саяпин. Мой друг и гениальный художник.

ВАЛЕРИЯ. Очень приятно.

Саяпин кивает.

БРЯНСКИЙ (*прошелся по комнате*). Водки!.. Есть в этом доме водка?

ВАЛЕРИЯ. Ты — уже. Завелся. Опять на неделю?

БРЯНСКИЙ. Вздор! Мне все простят. В этом городе нет ни одного человека, который мог бы связать пару слов. По микрофону, разумеется. В этом городе я король, нет, не король, я император — ясно? — император репортажа. (*Прошелся.*) Водки!

ВАЛЕРИЯ. Не рычи. Познакомься с Галкиным мужем.

БРЯНСКИЙ. Что?.. Ага... Весьма охотно. (*Протягивает руку.*) Егор Брянский.

КУЗАКОВ. Петр.

БРЯНСКИЙ. Петр? Для мужа это неплохое имя.

КУЗАКОВ. Какое есть.

БРЯНСКИЙ. Совсем даже неплохое. А, Саяпин?

САЯПИН. Я молчу.

БРЯНСКИЙ. Нехорошо, Петр. Я давно вам это хотел сказать: нехорошо. Вы длительное время скрывали от нас свою жену, а это нехорошо. Не возражайте, Петр, красота не может принадлежать одному человеку. Красота всегда была достоянием публики.

ВАЛЕРИЯ (*Саяпину*). Вы студент?

САЯПИН. Нет. Не числюсь.

ВАЛЕРИЯ. Закончили?

САЯПИН. Не полностью.

БРЯНСКИЙ. Он человек ограниченный. Но он гений. Гений, и ничего с этим не поделаешь! (*Прошелся.*) А что, Петр, нет ли у вас на донышке?

Кузаков открыл свой чемодан, достал банку консервов, несколько яблок, бутылку.

БРЯНСКИЙ (*взял бутылку*). Петр, я в тебе не ошибся. Ты святой, настоящий святой.

Входит Галина, жена Кузакова.

ГАЛИНА. Лера, привет! Егор, салют!.. (*Увидела Кузакова*). А, приехал. (*Быстро подошла к нему, поцеловала мельком.*) Все благополучно? Ну и хорошо. (*Брянскому.*) Егор, тебя сегодня искали, ты был нужен.

БРЯНСКИЙ. Я им всегда нужен. Но самому себе иногда я тоже нужен, так им и передай.

ВАЛЕРИЯ (*Галине*). Его выгонят.

ГАЛИНА. Егора? Никогда.

БРЯНСКИЙ. Галочка, волшебница, обрати внимание: Вадим Саяпин. Гениальный художник.

ГАЛИНА. Галина.

САЯПИН. Саяпин.

БРЯНСКИЙ (*наливает всем водки*). Он дьявольски гениален, я счастлив, что пью с ним водку (*Саяпину*). Не возражай, ты ничего в этом не понимаешь.

САЯПИН. Я молчу.

БРЯНСКИЙ (*поднимает стакан*). За тебя, Саяпин! (*Всем.*) За него!

Все, кроме Кузакова, пьют. Галина, стоя у окна, незаметно задергивает штору.

ВАЛЕРИЯ (*Кузакову*). А вы? Почему вы не пьете?

КУЗАКОВ. Мне что-то не хочется.

БРЯНСКИЙ. Я говорю, он святой.

ГАЛИНА. Он выпьет, не волнуйтесь.

ВАЛЕРИЯ. Мы и не волнуемся. Тут никто не волнуется. Кто сейчас волнуется, так это — дура его жена. Представляю!

БРЯНСКИЙ. Лера, когда я научу тебя уважать мою жену?

ВАЛЕРИЯ. А ты ее уважаешь?

БРЯНСКИЙ. Да, уважаю. Она святой человек.

ВАЛЕРИЯ (*всем*). Слышали? (*Брянскому.*) Может, ты скажешь, что ты ее любишь?

БРЯНСКИЙ. Да. Я люблю свою жену. И тебя люблю. (*Всем о Валерии.*) Я очень люблю эту девушку... Но еще больше я люблю ту женщину, которую я встретил в Калуге, на вокзале, в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году.

Галина рассмеялась.

ВАЛЕРИЯ. И все-таки она дура. (*Встала, подошла к проигрывателю.*)

САЯПИН (*прищуриваясь*). Нет, Егор, это не настоящая любовь.

Валерия пустила проигрыватель, звучит музыка. В это время Кузаков жестом зовет Галину в другую комнату. Она входит туда за ним. Теперь они разговаривают в обеих комнатах.

КУЗАКОВ. Галка!..

ГАЛИНА. Да?

КУЗАКОВ. Что это такое?

ГАЛИНА. Что?

КУЗАКОВ. Все.

ГАЛИНА. Что именно. Не понимаю. Тебе не нравятся мои друзья? Напрасно. Они чудесные люди.

КУЗАКОВ. Как ты со мной разговариваешь? В чем дело? Что случилось?

ГАЛИНА. Ничего особенного. Тебе все известно. Я тебе писала.

КУЗАКОВ. Я получал от тебя открытки. Одни открытки. По одной в месяц... Я тебя не узнаю, слышишь...

ГАЛИНА. Неудивительно. Мы давно не виделись. За это время я изменилась.

Кузаков смотрит на нее с тревогой.

БРЯНСКИЙ (*Валерии*). Налей Саяпину. Ему всех трудней. Он родился гением, и он об этом еще пожалеет.

ГАЛИНА. Переоденься. Давно мог бы переодеться.

КУЗАКОВ. Ты говорила им, что я офицер?.. Зачем тебе это надо?

ГАЛИНА. А что особенного? За три года мог стать и офицером.

БРЯНСКИЙ (*напевает*).

Сижу я это как-то с африканцем,
А он, сермяга, мне и говорит...

КУЗАКОВ. Галка, поговорим серьезно.

ГАЛИНА. Поговорим потом, у нас гости.

БРЯНСКИЙ.

В России не танцуют модных танцев,
А это очень неприглядный вид.

КУЗАКОВ (*обнимает ее*). Я тебя полгода не видел, что ты в самом деле...

ГАЛИНА (*освобождается от его объятий*). Надо идти. Это невежливо.

КУЗАКОВ. Пусть они уходят.

ГАЛИНА. Они уйдут, когда захотят.

КУЗАКОВ. Пусть уходят.

ГАЛИНА. Не говори глупостей. Переодевайся и приходи. И не делай там такой зверской физиономии. Это никому не интересно.

КУЗАКОВ. Я не выйду, пока они не смотаются.

ГАЛИНА. Как хочешь.

КУЗАКОВ. Галка!

Галина выходит к остальным. Валерия перевернула пластинку, отодвинула столик. Танцует.

БРЯНСКИЙ (*раскачиваясь перед танцующей Валерией, отрывисто напевает*).

Потом мы с ним ударили по триста,
А он, сермяга, мне и говорит:
В России вовсе не танцуют твиста,
А это очень неприглядный вид...
(*Делает несколько па, как в оперетте, уселся.*)

В спальне Кузаков неподвижно сидит на кровати.

САЯПИН (*Галине*). Когда я могу вам позвонить?

ГАЛИНА. Позвонить? А зачем?

САЯПИН. И верно — зачем? Когда я вас увижу?

ГАЛИНА. Не знаю... Завтра вечером. По телевизору.

САЯПИН. К черту телевизор. Завтра в десять у «Гиганта». И не опаздывайте.

ГАЛИНА. Вы слишком самоуверенны. У меня муж, как видите.

САЯПИН. Вижу. По-моему, вы завели его специально для того, чтобы обманывать. Разве — нет?

ГАЛИНА. Вы очень откровенны. Для первого раза.

САЯПИН. Я начинаю с середины. Всегда. У меня мало времени.

ГАЛИНА (*задумчиво*). Потанцуем.

Танцуют втроем: Валерия, Галина и Саяпин. Кузаков поднялся, открыл дверь и, стоя на пороге, наблюдает. На него никто не обращает внимания. Проходит полминуты. Кузаков вдруг останавливает проигрыватель.

КУЗАКОВ. Хватит.

ГАЛИНА. Что случилось?

КУЗАКОВ. На сегодня хватит.

БРЯНСКИЙ. Петр, ты, кажется, не в духе?

ГАЛИНА (*подошла*). Не валяй дурака, слышишь? (*Пустила проигрыватель. Остальным.*) Танцуем.

КУЗАКОВ (*остановил проигрыватель*). На сегодня хватит. Приходите завтра.

Молчание.

БРЯНСКИЙ. А может, он прав. Во всяком случае, Петр подал нам блестящую идею. Мы идем в «Арктику». (*Собирается.*)

ГАЛИНА. Не торопитесь. Все уже закрыто.
КУЗАКОВ. Приходите завтра.
БРЯНСКИЙ. Петр только что приехал, действительно, ему надо отдохнуть.
ВАЛЕРИЯ. Да, без пяти двенадцать. (*О Брянском.*) Пора уже вернуть жене этого алкоголика.
САЯПИН. Ну что ж... До завтра.

Все выходят.

ГАЛИНА (*Кузакову*). Ты об этом пожалеешь. (*Выходит вслед за всеми.*)

Кузаков садится за столик, наливает себе водки, но не пьет, вертит в руке стакан, затем ставит его на место. Возвращается Галина.

ГАЛИНА. Ты зачем приехал? Говори! Скандалить? Смешить людей?
КУЗАКОВ. Я вернулся домой. Домой, понятно? (*Встал.*) А куда я попал? Что ты тут устроила? Три года ждал этого момента, а ты? Как ты меня встретила? Я тебе муж. Законный муж. Муж! Понятно или нет? А они? Кто они тебе? Чего им здесь надо? Я тебя спрашиваю, кто они такие? (*Тычет в фотографию певца Магомаева.*) Это кто такой? Здесь была мать, отец, где они? Где они, я тебя спрашиваю!..
ГАЛИНА. Все? А теперь слушай. Во-первых, никогда не смей на меня кричать. Во-вторых, если ты ничего не понимаешь, не суй свой нос туда, где ты ничего не понимаешь. В-третьих, то, что у нас было три года назад, — это ты забудь. В-четвертых, теперь здесь все будет по-другому. Это ты запомни. Все. На сегодня хватит, ты сам сказал.

Она ушла в спальню, принесла оттуда одеяло, простыни, бросила все на тахту.

КУЗАКОВ. Хочешь, чтобы все было по-твоему... (*Неожиданно схватил ее за руку.*) Тогда кто тут из нас муж? Ты или я?
ГАЛИНА. Отпусти. (*Пытается освободиться.*)
КУЗАКОВ. Кто тут муж, я спрашиваю.

ГАЛИНА. Мне больно. Отпусти сейчас же!.. (*Вырвалась.*) Муж вернулся! Грубиян. Узурпатор. Как я раньше этого не замечала!.. Спокойной ночи! (*Уходит в спальню, закрывается.*)

КУЗАКОВ (*громко*). Открой дверь! (*Стучит.*) Слышишь!

ГАЛИНА (*громко*). Муж! Чтобы быть моим мужем, надо быть приличным человеком! Запомни это!

Готовит себе постель.

КУЗАКОВ. Открывай! (*Стучит.*) Я сломаю дверь, слышишь! (*Стучит в дверь ногами.*)

ГАЛИНА. Давай, давай! Еще, еще! Сила есть — ума не надо!..

Помолчали.

Успокоился?.. А теперь ложись спать, так будет лучше.

КУЗАКОВ. Я не хочу спать.

ГАЛИНА. Делай, что тебе говорят. Для тебя это единственный выход. Слушайся меня.

КУЗАКОВ. А если — нет, что тогда?

ГАЛИНА. Узнаешь — что.

КУЗАКОВ. Ну — что?

ГАЛИНА. Соберу чемодан — и привет. Вот что. Мне недолго.

Молчание. Галина ложится в постель. Кузаков плетется к тахте, садится, медленно раздевается. Галина вдруг вскакивает, открывает дверь и бросает Кузакову подушку. Он бросается к двери, но она ее захлопнула. Кузаков постоял-постоял, затем постучался деликатно.

КУЗАКОВ. Галка... Галка...

ГАЛИНА. Ложись спать.

КУЗАКОВ. Галка, открой, слышишь. Поговорим начистоту...

ГАЛИНА. Ничего не выйдет.

КУЗАКОВ. Нам надо поговорить спокойно.

ГАЛИНА. Уже поговорили. На сегодня хватит.

Кузаков, свирепо взмахнув рукой, уходит от двери, ложится, и свет медленно гаснет. Кларнет исполняет тему прощания,

но на этот раз мелодия спотыкается, что придает ей слегка насмешливый оттенок.

Картина вторая

Летний вечер. Фонарь, железная ограда, проходная будка студии телевидения. На лавке сидит женщина лет пятидесяти, вахтер. Она о чем-то думает. Дверь будки распахнута, на окошко выставлен телефон, так что можно звонить, сидя на лавке. Рядом с вахтером сидит Кузаков. Некоторое время он сидит молча.

ВАХТЕР Ах ты, дьявол! Ну никак не вспомню!

КУЗАКОВ (*поднимается*). Слушайте, мамаша. Лучше мне зайти. Узнаю — и обратно.

ВАХТЕР Не могу. Без пропуска не могу.

КУЗАКОВ. Да что вы тут стережете, на самом деле! Вышку, что ли?

ВАХТЕР Не могу. Сказала — не могу. Не имею права.

КУЗАКОВ. Тогда звякните. Еще разок.

ВАХТЕР Позвонить можно. (*Звонит.*) Ну вот. Опять не отвечают... Никак не вспомню! Проходила она или нет... Вроде бы не проходила... Нет, не вспомню! Голова у меня болит...

КУЗАКОВ. Мамаша... А как она обычно выходит, ну... с работы, одна или... с кем-нибудь?..

ВАХТЕР Когда одна, а когда и с кем-нибудь... Тут не разберешь... А вы-то, коли не секрет, кто приходитесь?

КУЗАКОВ. Я-то? Эх, мамаша, не знаю даже, как вам отвечать... Родственник я ей. Родственник...

ВАХТЕР А я думала, жених. Женихов-то тут много посещает.

Появляется Саяпин. Как бы ничего не замечая, он решительно, с независимым видом проходит в открытую дверь.

КУЗАКОВ (*поднялся*). Он что, здесь работает?

ВАХТЕР А бог его знает.

КУЗАКОВ. Тогда почему не спросили у него пропуск?

ВАХТЕР У него спросишь, как раз! Вон он как прет — не подступишься.

КУЗАКОВ. А часто он тут бывает?

ВАХТЕР Да не помню я, что ты, ей-богу! Сколько их тут за день?.. Я про Кузакову вспоминаю... Проходила — не проходила... Нет, не одолею!

Помолчали. Кузаков подошел к ограде. Смотрит. Вахтер заглянула в окошко.

Ну вот, одиннадцатый час. Скоро все разойдутся.

Кузаков отошел от ограды, отвернулся. Из проходной появился Брянский, за ним — Саяпин.

БРЯНСКИЙ. Петр, дружище, это вы? Нет, не делайте вида, что вы меня не узнаете. Меня невозможно не узнать.

КУЗАКОВ. Узнал, узнал. Как не узнать.

БРЯНСКИЙ. Вы все еще сердитесь? Напрасно, напрасно... Петр, а что вы здесь делаете?

КУЗАКОВ. Да вот пришел... Хочу украсть вышку.

БРЯНСКИЙ. Хотите ее пропить? Блестящая мысль. (*Саяпину.*) Что ты скажешь? Неплохая идея.

КУЗАКОВ (*Брянскому*). Что там Галка? Скоро она?

БРЯНСКИЙ. Но ее там давно нет, в том-то и дело. Потому я и спросил, что вы здесь делаете.

КУЗАКОВ. Я забежал, по пути... Давно она ушла?

БРЯНСКИЙ. Сейчас скажу... Так... В девять она была в эфире... Полтора часа назад, не меньше.

КУЗАКОВ. Ясно... Тогда — привет. (*Уходит налево.*)

БРЯНСКИЙ. Счастливо, Петр. Вы большой оригинал. Приходите днем, я устрою вас в программу интересных встреч.

Брянский и Саяпин уходят направо.

ВАХТЕР Прошла. Я так и думала.

БРЯНСКИЙ. Святой человек.

САЯПИН. Но он не вовремя вернулся. Мог бы еще немного послужить.

Из проходной появляется Галина.

ВАХТЕР Не прошла! Ах ты, грех какой!

БРЯНСКИЙ. Галочка, руку. Мы исчезаем.

ГАЛИНА. Нет, Егор. Я устала.

БРЯНСКИЙ. Не ропщи. Мы люди, утомленные цивилизацией. Все до одного. Не возражай (*о Саяпине*), он ждет здесь тебя с самого обеда.
ГАЛИНА. Спасибо, я домой.
БРЯНСКИЙ. Галочка, ты срываешь нам мероприятие.
ГАЛИНА. Ну почему я? Что вы задумали?
САЯПИН. Видите ли, без вас это не имеет смысла.
ГАЛИНА. Ну да. Так я вам и поверила.
САЯПИН. Без вас просто невозможно.
БРЯНСКИЙ. Галка! Раз будет бал, значит, должна быть королева. Иначе мы сопьемся — грубо, примитивно... Ты бы этого... не хотела. Правда?
САЯПИН (*берет ее за руку*). Идемте, вы не пожалеете.
ГАЛИНА. Ну хорошо... Только ненадолго.

Уходят направо.

ВАХТЕР Вот они как! Разбойники.

Картина третья

В доме Кузакова. Часы в спальне показывают час ночи. Мрачный Кузаков ходит по дому — из комнаты в комнату, останавливается у окна, смотрит, прислушивается, снова ходит. Но вот он взял газету, развернул ее, сел в кресло, просмотрел газетные страницы, задержался на одной из них, взгляд его стал задумчивым и неподвижным. И вот послышались нарастающие звуки марша, исполняемого духовым оркестром, свет на сцене медленно погас, повернулся круг и луч света вырвал из темноты кусок трапа, перед которым с микрофоном в руках мечется Брянский, а Саяпин, широко расставив руки, осаживает напирающую толпу. (Актеры должны дать представление о толпе, жестикулируя на грани света и темноты.) Второй луч света выхватывает из темноты стоящую в другом конце сцены Галину. В руках у нее букет цветов. Ее взгляд пригвожден к трапу, на котором появляется ее муж. Он появляется сверху, из темноты. Кто он? Летчик-испытатель, космонавт — не все ли равно. Он блистательный военный, герой, которому удалось, наконец, посетить родной город. Он приветственно машет рукой, улыбается и сходит вниз.
Подобострастно улыбаясь, Брянский уговаривает его сказать несколько слов по микрофону. Он хмурится, берет микрофон и говорит несколько слов. Брянский рассыпается в благодарности, расшаркивается и спешит сдерживать толпу перед идущим Кузаковым.
Процессия приближается к авансцене, и луч, освещающий Кузакова, гаснет. Галина идет вслед, она мечется, стараясь протиснуться вперед, встает на цыпочки, подпрыгивает. Но

нет, он ее не видит, их разделяет толпа. Она в отчаянии. Музыка гремит фортиссимо. Гаснет луч, освещающий Галину, и через мгновение в темноте возникает проходная будка с женщиной-вахтером, стоящей перед закрытой дверью. В эту дверь тщетно пытаются проникнуть Брянский и Саяпин. Они стучат себя в грудь, размахивают руками, показывают удостоверения, протягивают руки словно за подаянием. Брянский становится перед вахтером на колени, но вахтер неумолим.

В это время появляется шикарно разодетый Кузаков. Горделивой походкой он направляется прямо к вахтеру. Изумленные Брянский и Саяпин расступаются, вахтер распахивает перед Кузаковым дверь. В дверях Кузаков останавливается, небрежно закуривает сигарету, обернувшись, бесцеремонно разглядывает Брянского и Саяпина. Те смущены. Они переминаются с ноги на ногу, Саяпин застегивается на все пуговицы, Брянский не знает, куда девать руки. Наконец, Кузаков нечаянно роняет спички, Брянский и Саяпин бросаются поднимать эти спички и рвут друг у друга из рук. Кузаков, пожав плечами, удаляется, в то время как они продолжают борьбу за право ему услужить. Затем луч на сцене гаснет, из затихающего оркестра отделяется кларнет, который пародирует лирическую тему из первой картины.

Но вот уже луч света направлен на Кузакова, сидящего в кресле. На этот раз на нем китель военного летчика и фатовские брюки из шикарного гардероба того деятеля, перед которым открыты все проходные будки мира. Он со скучающим видом просматривает газету.

Второй луч приводит к его креслу Галину, такую печальную, тихую, пришедшую просить прощение. Он поднимается, подходит к окну и молча, стоя к ней спиной, выслушивает ее горячую и длинную покаянную речь. В конце концов он не выдерживает и великодушно открывает ей свои объятья. Два луча объединяются в один. Кузаков и Галина целуются, потом он говорит ей несколько строгих слов, потом они снова целуются, потом он поднимает ее на руки, они целуются в третий раз, после чего он несет ее на тахту, садится рядом.

А в это время раздается тихий стук. Кузаков поворачивает голову к двери, но счастливая Галина привлекает его к себе. Стук повторяется, и Кузаков нехотя, с досадой поднимается, идет к двери и, следовательно, исчезает в темноте. Некоторое время Галина на тахте одна, затем луч гаснет и кларнет постепенно умолкает.

В доме Кузакова зажигается свет, Кузаков дремлет в кресле, на полу валяется газета, которую он уронил. К нему стучатся.

КУЗАКОВ. (*не вполне очнувшись, голосом человека, которого так не вовремя отвлекли*). Кто это, черт подери?.. (*Очнувшись, голосом человека, у которого жена возвращается во втором часу ночи.*) Сейчас!.. (*Поднимается, открывает дверь.*)

Вошла Галина, молча разделась, молча хотела пройти в другую комнату. Кузаков ее остановил.

КУЗАКОВ. Где ты была? [...]

Квартирант

Комедия в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПАВЕЛ АФАНАСЬЕВИЧ КАРДАМОНОВ — 35 лет.
РУСЛАН ГАБИДУЛИН — 26 лет, слесарь (из депо).
ВАДИМ МИХАЛЕВ — 22 года, слесарь, студент-заочник, сосед Колывановых.
АНТОНИНА СЕРГЕЕВНА КОЛЫВАНОВА — 45 лет, завмаг, вдова военкоматского полковника.
ЕВГЕНИЯ — 19 лет, дочь Колывановой, студентка финансового (практического) института.
ВАРЯ — 22 года, жена Габидулина, парикмахерша.

Габидулин — высокий, крепкого сложения парень. Выражение его лица обычно сумрачное. Угрюм, ревнив и вспыльчив. Пострижен коротко. Скулы и подбородок у него довольно массивные. Брови обычно чуть нахмурены, взгляд прямой и решительный. Все вместе это делает его похожим на те лица, которые художники любят рисовать на плакатах, изображая спортсменов и воинов. Так, впрочем, оно и есть: Габидулин отслужил год назад, занимается спортом. Гиря, лежащая у флигеля на траве, принадлежит явно ему, да и одет он сейчас в дешевое темно-синее трико.
Михалев — ему 22 года, в армии служил писарем, слесарь, собирается поступать заочно на юридический. Человек впечатлительный, прямодушный и доверчивый, что обезоруживает не только его, но подчас и его противников. Среднего роста, физической силой не выделяется.
Колыванова — властная, энергичная женщина-реалист. В свое время отбила своего полковника у его жены. Насмешлива по-мужски — хозяйка. Внешне спокойная, достоинство власть имущего.
Евгения — живая, веселая (полковник избаловал), ждущая грубого вмешательства, жаждущая приключений, смешливая, капризная, сильно развит дух противоречия.
Варя — жена Габидулина, ей 22 года. Яркая блондинка. Типичное дитя рабочего предместья. Ранняя самостоятельность сделала ее весьма агрессивной. Вспыльчивая, крикливая. В любых случаях жизни нападение предпочитает защите. В глубине души человек добрый и справедливый.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Двор Колывановой. Довольно просторный двор, в правом углу которого видна часть добротного одноэтажного каменного дома: крыльцо, открытая веранда, окно, входная дверь. В левом углу двора небольшой флигель стоит так, что видна лишь его стена с дверью и окном.

От дома к флигелю, замыкая усадьбу, тянется забор, а к забору прилепилось крохотное строение, которое можно было бы принять за дровяной сарай, если бы не застекленное окошечко и жестяная труба над черной прогнившей крышей, кое-где подлатанной свежими тесовыми обрезками. В сравнении с домом, крытым железом и его свежевыкрашенной верандой, с аккуратным флигелем, эта клетушка кажется помещением подсобным, убогим, нежилым.

Посредине двора растет раскидистый куст черемухи, под ним стоят большой грубый стол и скамейка, так же как и стол, вкопанная в землю. Дальше, за усадьбой, там-сям виднеются тополя, сквозь них проглядывает красное кирпичное здание, а дальше, уже совсем далеко, торчит верхушка телевизионной вышки. Тополя чуть прихвачены увяданием, листва их местами поблекла. Над деревьями совершенно неподвижно висит серая дымка, тяжелая внизу, вверху — теряя очертания и растворяясь постепенно в нежно-розовом небе. Отдаленный шум машин почти непрерывен.

Все это говорит о том, что действие начинается в начале осени, в тихий предвечерний час, в большом современном городе.

Итак, под черемухой, сидя на скамейке и двух вынесенных из дома стульях, расположились Габидулин, Михалев, Варя и Евгения. Видно, что они только что напились чаю, и теперь — чайник, стаканы, хлеб и все прочее для чаепития сдвинуты на край стола — заняты игрой в карты.

Суббота, суббота — хороший вечерок.

Песенка

Варя подбрасывает карты, Михалев отбивается.

ЕВГЕНИЯ (*Варе*). Дай ему, дай!.. Так!.. Еще!

ВАРЯ. Все.

МИХАЛЕВ. Бито.

ЕВГЕНИЯ. Думаешь? Ошибаешься! (*Бросает карту.*)

МИХАЛЕВ. Навалились. (*Кроет.*)

ЕВГЕНИЯ (*Варе*). Есть?

ВАРЯ. Нету. (*Зевает.*)

МИХАЛЕВ. Бито.

ЕВГЕНИЯ. Думаешь? Ошибаешься! (*Бросает карту.*)

МИХАЛЕВ. Жмут. (*Собирает карты.*)

ЕВГЕНИЯ. Так. (*Бросает карту Габидулину.*) А это тебе.

ГАБИДУЛИН (*мрачно*). Беру.

ЕВГЕНИЯ (*Варе*). Давай!

Варя бросает Михалеву одну за другой две карты. Михалев отбивается.

ЕВГЕНИЯ. Бито.

Михалев бросает карту. Евгения кроет.

Бито. Так... (*Габидулину.*) А это тебе. (*Бросает еще карту.*)
ГАБИДУЛИН. Беру.
ЕВГЕНИЯ (*Варе*). Давай!
ВАРЯ (*бросает карту*). Все.

Михалев отбивается.

ЕВГЕНИЯ (*подбрасывает карты*). Так... так... так... (*Торжественно.*) Дураки!
МИХАЛЕВ. Задавили.
ВАРЯ (*зевает*). В который раз?
ЕВГЕНИЯ. Двенадцатый! Круглые дураки.
МИХАЛЕВ. Счет шесть — двенадцать.
ГАБИДУЛИН (*мрачно*). Дюс наполовину.
ЕВГЕНИЯ. Сдавайте.
МИХАЛЕВ. Хватит. (*Поднимает руки.*) Сдаюсь на милость победителей.
ГАБИДУЛИН (*тасует карты*). Отыграемся.
ВАРЯ (*зевает*). Вы-то?
ГАБИДУЛИН (*упрямо*). Отыграемся.
ВАРЯ. Навряд ли.
ЕВГЕНИЯ. Сдавайте! Сдавай, Руслан.
МИХАЛЕВ. Все. Я капитулирую.
ЕВГЕНИЯ. Схлюздили, дурачье несчастное.
МИХАЛЕВ. Зато в любви нам везет. (*Обнимает Евгению.*) Верно, Руслан? (*Оглядывается и убирает руки.*)
ВАРЯ. Смотрите. По-моему, Вадим, против тебя она опять что-то затевает.
МИХАЛЕВ. Варя! Не расстраивай меня. Плесни-ка мне лучше чайку.
ГАБИДУЛИН. Мы будем играть или нет?
ВАРЯ. Отдохнем. (*Наливает Михалеву чаю, Габидулину.*) Тебе налить?

ГАБИДУЛИН. Уже напился. Аж до тошноты... Пивка бы — другое дело.

ВАРЯ (*показывает ему кулак*). Вот. А не пивка.

МИХАЛЕВ (*Варе*). Почему? Это идея. По бутылке пива — это идея. Слушайте. Давайте сыграем на пиво? Один раз! (*Евгении.*) Ты не против?.. У меня трояк.

ВАРЯ (*возражает*). Ну да!

ГАБИДУЛИН. Во!

МИХАЛЕВ. А то на интерес. Один кон на интерес. Дураки бегут за пивом. Согласны?

ЕВГЕНИЯ (*с азартом*). Сдавайте!

ГАБИДУЛИН. Это разговор.

ВАРЯ. Обрадовался.

ЕВГЕНИЯ (Варе). Они проиграют.

ГАБИДУЛИН. Сдаю. (*Начинает сдавать карты.*)

ВАРЯ (*останавливает Габидулина*). Сиди. (*Евгении.*) Ты хочешь пива?

ЕВГЕНИЯ. Нет. Но увидишь, они проиграют.

ВАРЯ. Им только начать. (*Решительно.*) Нечего их поважать. (*Габидулину и Михалеву.*) Переживете.

ГАБИДУЛИН. Командуешь?

ВАРЯ. Никакого пива.

МИХАЛЕВ. Зажали инициативу.

Никто из них не заметил, как на веранде дома появилась Колыванова. Колывановой сорок пять лет. Она среднего роста, пышная женщина с круглыми плечами и двойным подбородком. Но тут необходимо заметить, что полнота ее не безобразна и вполне приличествует ее возрасту. Вполне еще способна привлечь к себе внимание нестрогого или специального вкуса. Волосы искусно накрашены и стянуты на затылке узлом, лицо и руки холеные. Одета она в розовый халат. Голос она имеет грудной. Интонации всегда почти спокойные, ровно-повелительные, что заставляет подозревать в этом человеке чувство собственного достоинства или излишнюю самонадеянность. Частенько так говорят и так держатся люди, имущие власть или не нуждающиеся в деньгах. Путь, пройденный этой женщиной от простой официантки до директора универмага (а она именно директор), не обделил ее жизненным опытом, проницательностью, крепкой практической сметкой. Итак, она появилась на веранде и позволила себе, не выдавая своего присутствия, послушать, о чем говорит молодежь.

ЕВГЕНИЯ (*капризно*). А я хочу пива. (*Варе.*) Сейчас захотела.

ГАБИДУЛИН (*Варе*). Слыхала?

ВАРЯ. Дело ваше, а он (*о Габидулине*) пить не будет. (*Габидулину.*) Кто вчера обещал? Кто божился?

ГАБИДУЛИН (*угрюмо*). Про пиво я ничего не говорил.

МИХАЛЕВ. Варя! По бутылке на брата — о чем разговор?

ЕВГЕНИЯ. Хочу пива!

МИХАЛЕВ. Я сбегаю. (*Поднимается.*)

КОЛЫВАНОВА. Евгения!

ЕВГЕНИЯ (*поворачивается*). Да?

КОЛЫВАНОВА. Ты пьешь пиво?

ЕВГЕНИЯ. Я?.. Да вот что-то захотелось.

КОЛЫВАНОВА. Больше тебе ничего не захотелось?

ЕВГЕНИЯ. Пока нет.

КОЛЫВАНОВА (*Михалеву*). Вадим, ты, кажется, куда-то собрался?

МИХАЛЕВ. Я?.. Да нет будто бы...

КОЛЫВАНОВА. Пивные еще открыты, а я тебя не задерживаю... (*Евгении.*) Евгения, а ты иди ужинать.

ЕВГЕНИЯ. Не хочу. Я чаю напилась.

КОЛЫВАНОВА. Как хочешь. Будь дома, я скоро ухожу. (*Габидулину.*) А ты, Руслан, если у тебя завелись лишние деньги, расплатись лучше за квартиру. Пора платить.

ВАРЯ. Завтра, Антонина Сергеевна. Завтра я получаю зарплату.

КОЛЫВАНОВА (*перебивает*). Варя, я тебя не трогаю, я обращаюсь к любителям пива.

МИХАЛЕВ. Но, Антонина Сергеевна...

КОЛЫВАНОВА (*перебивает*). Все. Пьянствуйте сколько угодно, но без моей дочери и за пределами моего двора.

ЕВГЕНИЯ (*с раздражением*). Может, хватит, а?

КОЛЫВАНОВА. Да, пока все. Но с тобой мы еще поговорим.

Все некоторое время молчат.

ГАБИДУЛИН (*все так же угрюмо*). Какой у нас счет?
МИХАЛЕВ. Шесть — двенадцать.
ГАБИДУЛИН. Сдаю. (*Сдает карты.*)

Колыванова уходит в дом.

ВАРЯ. Достукались?
МИХАЛЕВ. Подслушала нас, между прочим. (*Евгении.*) Говорил тебе: идем в кино.
ЕВГЕНИЯ. Не хочу. И в карты не хочу. (*Бросает карты на стол.*)
МИХАЛЕВ. Чего же ты хочешь?
ЕВГЕНИЯ. Пива хочу!

Михалев развел руками.

ВАРЯ (*наливает чаю, чашку подвигает Евгении*). На, попей.

Евгения молча отодвигает чашку, при этом роняет со стола нож.

МИХАЛЕВ. Нож упал. (*Поднимает нож.*) Придет мужчина.
ВАРЯ. Ерунда.
МИХАЛЕВ. Точно. Примета верная. Упала ложка — придет женщина, нож — мужчина.
ВАРЯ (*зевает*). Ой, ерунда.
МИХАЛЕВ. Не веришь?.. А у меня весной был случай. Иду утром на работу — кошка черная, как сажа, перебежала, подлая, дорогу. Так в тот день что? После работы я напился, потерял сорок рублей, а вечером Женька выгнала меня и неделю со мной не разговаривала. (*Евгении.*) Помнишь... Я в приметы верю.
ГАБИДУЛИН. Мы будем играть или нет?
ВАРЯ. Неохота. (*Зевает.*) Анекдот бы какой рассказали, что ли.
МИХАЛЕВ. Анекдот?.. Можно. А какой? (*Думает, потом с горечью.*) Нет у меня на анекдоты памяти. Вот нет, и все.
ГАБИДУЛИН (*вдруг хмыкнул*). Ребята вчера рассказа-

ли. (*Снова хмыкнул.*) Думаю, зараз Варьке расскажу.

МИХАЛЕВ. Ну?

ГАБИДУЛИН. А потом забыл.

МИХАЛЕВ. Ну? А сейчас вспомнил?

ГАБИДУЛИН. Вспомнил. (*Хмыкнул.*)

МИХАЛЕВ. Ну так рассказывай.

ГАБИДУЛИН. Не могу. При Женьке не могу.

ЕВГЕНИЯ. Рассказывай.

ГАБИДУЛИН (*решительно*). Нет.

МИХАЛЕВ. Тогда не надо. Я вспомнил один. Абстрактный... Плывет по Нилу крокодил, а навстречу ему другой. (*Пояснил.*) Тоже крокодил. Ну и этот, другой, спрашивает у первого: «Слушай, друг, а далеко ли здесь до Саратова?» Ну что?

ВАРЯ. Что-то не того...

МИХАЛЕВ. Несмешно?

ЕВГЕНИЯ. Идиотизм какой-то.

МИХАЛЕВ. Дак абстрактный. Тут подготовка нужна.

ЕВГЕНИЯ. Руслан, рассказывай свой.

ГАБИДУЛИН. Тебе — нет. Варьке — расскажу.

ЕВГЕНИЯ. Скучно с вами — сил нет.

Раздается легкий стук и мужской голос с улицы: «Можно войти?»

Да! Войдите.

МИХАЛЕВ. А? Что я вам говорил? Пришел мужчина!

Появляется Кардамонов, мужчина лет тридцати пяти, в старой замшевой куртке, в джинсах и потрепанных, тоже замшевых башмаках и пестрой косынке на шее. В одной руке он несет небольшой серенький чемоданчик, в другой — пишущую машинку.

Кардамонов хорошего росту, плечист. Крупные, но нерезкие черты его лица высказываются в пользу широты и простодушия характера, а рано поседевшие, коротко остриженные волосы, равно как и мягкие, сдержанные жесты, прямо наводят на мысль об интеллигентности пришельца. Войдя во двор, он, наклонясь, поставил на траву свою ношу, с большим облегчением, продолжительно как-то распрямился. Не то чтобы он долго шел пешком и сильно устал, скорее, тут промелькнула усталость какая-то общая, закоренелая. Но он сразу же взбодрился.

КАРДАМОНОВ. Добрый вечер.

Компания с ним поздоровалась.

(*Бодро.*) А теперь сознавайтесь, кто из вас (*вынимает из кармана бумажку, читает*) Колыванова А.С.?

ЕВГЕНИЯ. Это моя мать.

КАРДАМОНОВ. Она дома?

ЕВГЕНИЯ. Да. Придется ее позвать. (*Нехотя поднимается и уходит в дом.*)

Небольшая пауза.

МИХАЛЕВ. Вы проходите.

КАРДАМОНОВ. Спасибо.

МИХАЛЕВ. Присаживайтесь... Между прочим, мы вас ждали.

КАРДАМОНОВ (*усаживается*). Неужели?

МИХАЛЕВ. Упал нож, и я сказал, что придет мужчина.

КАРДАМОНОВ. Вот как?

МИХАЛЕВ (*Варе*). Что я говорил?

КАРДАМОНОВ. Это интересно...

ВАРЯ. Случайность.

МИХАЛЕВ. Всегда так. Примета железная.

КАРДАМОНОВ (*Михалеву*). Вы суеверны. Я тоже. (*Сентенциозно.*) Суеверие устойчивее веры. Веры давно уже нет, а суеверия — пожалуйста, они остались. Не так ли?

МИХАЛЕВ (*фраза произвела на него впечатление*). Точно...

Из дома возвращается Евгения.

ЕВГЕНИЯ. Она сейчас выйдет.

КАРДАМОНОВ. Спасибо. [...]

Несравненный Наконечников

Водевиль в двух действиях с прологом и эпилогом

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Старая парикмахерская в большом городе. Небольшая комната, часть которой занавешена портьерой. Три рабочих кресла, зеркала, у дверей вешалка, рядом столик для газет и два стула для ожидающих очереди клиентов.
Летний день, послеобеденный час. Дверь на улицу распахнута настежь. Где-то поблизости крутят монотонную эстрадную мелодию. В одном из кресел развалился простодушного вида молодой человек в белой куртке. Это мастер заведения Наконечников. Разморенный жарой и вынужденным бездельем, время от времени позевывая, он перелистывает тонкую книжицу с цветными картинками.
В эту минуту появляется Дутов, мужчина лет шестидесяти, тучный, лысеющий, вытирающий пот со лба и шеи.

ДУТОВ. Добрый день.
НАКОНЕЧНИКОВ. А-а... Николаю Иванычу — привет.
ДУТОВ. Жара какая, а?.. Градусов, думаю, под сорок.
НАКОНЕЧНИКОВ. Не меньше...
ДУТОВ. Уф... (*Усаживается на стул.*) Листья на деревьях свернулись... Что делается, а?
НАКОНЕЧНИКОВ. Не говорите...

Небольшая пауза.

Будем бриться? (*Указывает на кресло.*) Прошу.
ДУТОВ. Ой, погоди. Дай хоть отдышаться... Дальше так пойдет, и без грибов останемся...
НАКОНЕЧНИКОВ. Вполне возможно.

Пауза. Наконечников снова перелистывает книжку.

ДУТОВ. Ну? Как живете?.. Новости какие?
НАКОНЕЧНИКОВ. Новости?.. Да ничего такого. Все по-старому...

Снова молчат. Потом Наконечников показывает Дутову одну из страниц своей книжки.

Гляньте. Лев поссорился с крокодилом.

ДУТОВ. Ну?

НАКОНЕЧНИКОВ. Началась у них драка.

ДУТОВ. Ну?

НАКОНЕЧНИКОВ. Кто из них победил, как вы считаете?

ДУТОВ. Что? К чему ты?

НАКОНЕЧНИКОВ. Лев напал на крокодила. Началась у них битва.

ДУТОВ. Ну и что?

НАКОНЕЧНИКОВ. Кто, по-вашему, победил? Лев или крокодил?

ДУТОВ. Г-м... Ну лев.

НАКОНЕЧНИКОВ. Лев?

ДУТОВ. Конечно, лев.

НАКОНЕЧНИКОВ (*тоном превосходства*). Однако победил крокодил.

ДУТОВ. Неужели?

НАКОНЕЧНИКОВ. Факт. (*Поднимается, бросает книжку, налаживает бритье.*)

ДУТОВ (*пересаживается в кресло*). А где твоя напарница?.. Где Раиса Петровна?

НАКОНЕЧНИКОВ. В гастроном ушла. За сосисками. (*Усаживает Дутова поудобней.*) Головку повыше... Вот так... (*Начинает бритье.*)

ДУТОВ (*не сразу*). Крокодил, говоришь?

НАКОНЕЧНИКОВ. Он, Николай Иваныч, крокодил.

ДУТОВ. Скажи-ка... Но ведь лев посильнее будет. Среди зверей лев все-таки фигура.

НАКОНЕЧНИКОВ. Согласен, Николай Иваныч. Лев — царь зверей. Однако победил крокодил.

ДУТОВ. Удивительно...

НАКОНЕЧНИКОВ. Но факт. Победил крокодил.

Пауза. Наконечников работает.

Компрессик, Николай Иваныч? Помогает от жары.

ДУТОВ. Давай. Раз помогает.

Наконечников делает компресс.

НАКОНЕЧНИКОВ. Чем освежить? «Шипром», как обычно?

ДУТОВ. Давай.

НАКОНЕЧНИКОВ. А вот «Полет». (*Показывает флакон.*) Новый. Помягче будет.

ДУТОВ. Давай «Полет».

Наконечников прыскает одеколоном, орудует полотенцем. Закончил работу.

НАКОНЕЧНИКОВ. Ну как?.. Полегче стало?

ДУТОВ. Вроде бы да. Благодарю. (*Расплачивается.*) Уважил. Омолодил.

НАКОНЕЧНИКОВ. Всегда к вашим услугам.

ДУТОВ (*поднялся, заглянул в зеркало*). Как же мне теперь молодому-то, куда ж пойти?

НАКОНЕЧНИКОВ. Как куда? К дамам, Николай Иваныч. А то куда?

ДУТОВ. К дамам, говоришь?.. А что? Можно и к дамам. Ничего еще. Не жара бы, так я бы... Кое-что я еще могу. А ты думал? И выпить могу. И спеть. И сплясать, как бывало... Резюме, правда, уже не подведу.

НАКОНЕЧНИКОВ (*оживился*). Прибедняетесь, Николай Иванович.

ДУТОВ (*развел руками*). Врать не люблю.

Оба смеются.

Но ты, слышь, Миша. Женщинам ты ни гугу. Ни одной, Раисе Петровне — тоже. Молчок. Военная тайна.

НАКОНЕЧНИКОВ. Могила.

ДУТОВ. Счастливо, Миша. (*Уходит, в дверях останавливается.*) А все-таки, стало быть, крокодил?

НАКОНЕЧНИКОВ. Факт, Николай Иваныч. Победил крокодил.

ДУТОВ. Чудеса, да и только. (*Уходит.*)

После его ухода Наконечников снова пытается читать, но клюет носом и вскоре погружается в сон. Музыка неожиданно усиливается, на улице послышались шум и голоса.

Наконечников не реагирует ни на то, ни на другое. Шум и голоса приближаются, и в парикмахерскую вбегает Эдуардов, длинноволосый молодой человек в клетчатом костюме. Он бросается к раковине, хватает стакан, набирает воды, жадно пьет, после чего устремляется к выходу, но на пороге останавливается, поворачивает обратно и скрывается за портьерой. Там он опрокидывает какую-то посудину — раздается грохот, и Наконечников просыпается.
В это мгновение в парикмахерской появляется Незнакомка — молодая женщина привлекательной наружности, одетая по последней моде. Ее появление неожиданно, неординарно, и сонный Наконечников смотрит на нее с изумлением. Она осматривается и в изнеможении опускается на стул — рядом с Наконечниковым.
Шум и голоса на улице, достигнув предела, теперь удаляются, затихают.
И музыка снова умолкла.

НЕЗНАКОМКА. Воды...

Наконечников не двигается и молчит, преодолевая барьер между сном и действительностью.

Дайте воды!

Наконечников не шевелится.

Вы глухой?

Наконечников в ответ что-то промычал.

Немой?.. Контуженный?
НАКОНЕЧНИКОВ (*наконец очнулся*). Никак нет...
НЕЗНАКОМКА. Тогда дайте мне воды.

Наконечников осторожно, как бы боясь спугнуть гостью, поднимается и подает ей стакан с водой. Та пьет большими глотками.

Еще.
НАКОНЕЧНИКОВ (*повинуется*). Сейчас...

Он окончательно проснулся.

НЕЗНАКОМКА. Еще.

Третий стакан с водой он подает ей уже не без галантности.

Кроме вас есть тут кто-нибудь еще?
НАКОНЕЧНИКОВ. Здесь?.. Как видите.

НЕЗНАКОМКА. Никого?

НАКОНЕЧНИКОВ. А в чем дело?

НЕЗНАКОМКА. Я спрашиваю: есть тут кто-нибудь кроме вас?

НАКОНЕЧНИКОВ. Никого... Абсолютно.

НЕЗНАКОМКА. Это правда?.. А там? (*Показывает на портьеру.*) Нет там никого?

НАКОНЕЧНИКОВ. Ни души!

НЕЗНАКОМКА. Вы уверены?

НАКОНЕЧНИКОВ (*приосанился*). Не волнуйтесь. Я здесь один.

Небольшая пауза. Наконечников подходит к Незнакомке.

(*Интимно.*) Мы абсолютно одни.

НЕЗНАКОМКА (*усмехнулась*). Что вы этим хотите сказать?

НАКОНЕЧНИКОВ (*не замечая ее усмешки, подмигивая*). «В этом зале пустом мы танцуем вдвоем...»

НЕЗНАКОМКА (*холодно*). Прекратите. (*Поднялась.*) Вы меня не так поняли. Я ищу совсем другого человека.

НАКОНЕЧНИКОВ (*растерянно*). Да?.. (*Не сразу.*) Но я... мне показалось, что вы хотели со мной поговорить...

НЕЗНАКОМКА (*с пренебрежением*). Я — с вами?.. Да ничего подобного!

Она выходит на улицу, но в это время за портьерой раздается тот же грохот. Эдуардов чертыхается. Незнакомка мигом возвращается в парикмахерскую и, отстранив рукой и без того униженного Наконечникова, подходит к портьере, приоткрывает ее и обнаруживает там Эдуардова с тазом в руках. При виде его Незнакомка преображается. Из надменной самоуверенной женщины она превращается в робкую неуклюжую просительницу.

Извините... Простите за беспокойство...

ЭДУАРДОВ (*с досадой*). Что вам угодно? (*Оставил таз и вышел из прикрытия.*)

НЕЗНАКОМКА. Простите, но разве вы меня не узнаете?

ЭДУАРДОВ (*грубо*). Первый раз вижу.

НЕЗНАКОМКА. Но как же... Мы ехали с вами в одном такси...

ЭДУАРДОВ. Не помню.
НЕЗНАКОМКА (*краснея*). Вместе шли по улице...
ЭДУАРДОВ. Не знаю...
НЕЗНАКОМКА. Я проводила вас до гостиницы...
ЭДУАРДОВ. Меня всегда кто-нибудь провожает.
НЕЗНАКОМКА. Вы меня поблагодарили...
ЭДУАРДОВ. Я человек вежливый, но я вас не помню. Извините. (*Наконечникову.*) Шеф, можно у вас напиться?

Наконечников молчит. Он снова изумлен. Эдуардов пьет.

НЕЗНАКОМКА (*жалобно*). Вы подарили мне трамвайный билет. Вот он... (*Достает из сумки трамвайный билет.*)
ЭДУАРДОВ. Могу подарить еще один. (*Полез в карман, достал оттуда горсть трамвайных билетов.*) Сколько угодно. Я раздаю их пачками. Каждый день.
НЕЗНАКОМКА. Вы сделали мне комплимент. Вы сказали, что я похожа на...
ЭДУАРДОВ (*устало*). На Софи Лорен. Ладно. Я вас узнал.

Незнакомка просияла.

(*Строго.*) Узнал. Но с тех пор, как мы виделись, вы сильно изменились.
НЕЗНАКОМКА. Как?.. Мы виделись с вами вчера!
ЭДУАРДОВ. Все равно. Вы очень изменились.

Незнакомка растерялась, съежилась, увяла.

Ладно, чего вы хотите?
НЕЗНАКОМКА (*жалобно*). Вы сами знаете...
ЭДУАРДОВ (*сухо*). Когда?
НЕЗНАКОМКА. Сегодня!
ЭДУАРДОВ. Невозможно.
НЕЗНАКОМКА. Прошу вас!
ЭДУАРДОВ. Ничего не выйдет.
НЕЗНАКОМКА. Завтра.
ЭДУАРДОВ. То же самое.
НЕЗНАКОМКА. В четверг!

ЭДУАРДОВ. Навряд ли. Но вернее всего: нет.

НЕЗНАКОМКА. А вдруг! Умоляю вас, возьмите мой телефон! (*Протягивает ему бумажку.*)

ЭДУАРДОВ (*жестом отвергает ее телефон*). Я вам не позвоню. Забуду. (*Милостиво.*) Возьмите мой. (*Достает блокнот, пишет.*) Позвоните в среду. Но учтите, я ничего вам не обещаю. У меня люди на всех люстрах висят.

НЕЗНАКОМКА. Я надоела вам, простите...

Эдуардов вырывает из блокнота листок, отдает его Незнакомке. Та принимает его с благоговением. Наконечников наблюдает за ними с раскрытым ртом.

Благодарю вас...

ЭДУАРДОВ (*сухо*). До свидания. (*Наконечникову.*) Вы свободны, шеф?.. Я хотел бы побриться. (*Усаживается в кресло.*)

НЕЗНАКОМКА. До свидания!.. Я буду надеяться... (*Удаляется почти счастливая.*)

ЭДУАРДОВ. Слава богу, отвязалась. (*Поднялся с кресла.*) Бриться я не собираюсь... Что такое, шеф? Почему вы так на меня смотрите?

НАКОНЕЧНИКОВ (*вышел из оцепенения*). Слушай, парень... Ты в своем уме или нет?

ЭДУАРДОВ. А что такое?

НАКОНЕЧНИКОВ. Нет, ты соображаешь, что ты делаешь?

ЭДУАРДОВ. Да что такое?

НАКОНЕЧНИКОВ. «Что такое»? Такая женщина к тебе клеится, а ты что?

ЭДУАРДОВ. А-а... (*Рассмеялся.*) Ну, шеф, вы преувеличиваете. Эта женщина обыкновенная.

НАКОНЕЧНИКОВ. Она? Обыкновенная?.. Ну даешь ты... Смотри, пробросаешься такими кусками.

ЭДУАРДОВ (*махнул рукой*). Надоели... Эта еще ничего, скромная. Ты других не видел. Такие, брат, попадаются экземпляры... Хищницы. (*Томно.*) Когда-нибудь они разорвут меня на части...

Эдуардов подходит к двери, выглядывает на улицу. Оттуда в это время доносятся голоса.

НАКОНЕЧНИКОВ. Слушай, парень... Ты кто такой?

ЭДУАРДОВ. А ты не знаешь? (*Рассмеялся.*) Ну слава богу, встретил нормального человека. Будем знакомы.

Он протянул Наконечникову руку, тот ее пожал.

ЭДУАРДОВ. Вадим.

НАКОНЕЧНИКОВ. Наконечников... Кто ты, серьезно?.. Космонавт ты, что ли?.. Нет?..

ЭДУАРДОВ. Послушай! Ты хорошо сохранился — раз ты не знаешь Вадима Эдуардова.

НАКОНЕЧНИКОВ. Где же ты работаешь?

ЭДУАРДОВ. Везде... Госконцерт — слышал такую организацию?

НАКОНЕЧНИКОВ (*не сразу*). Артист, что ли?

ЭДУАРДОВ. В сообразительности тебе тоже не откажешь.

НАКОНЕЧНИКОВ. Артист, значит... А кого ты, допустим, изображаешь?

ЭДУАРДОВ. Никого.

НАКОНЕЧНИКОВ. Тогда какой же ты артист?

ЭДУАРДОВ. Я пою.

НАКОНЕЧНИКОВ. А-а... (*Не сразу.*) Арии поешь?

ЭДУАРДОВ. Песни.

НАКОНЕЧНИКОВ. Песни?.. И все?

ЭДУАРДОВ. Ну это, брат, у кого как получается.

НАКОНЕЧНИКОВ (*не сразу*). А как ты зарабатываешь?

ЭДУАРДОВ. Неплохо.

НАКОНЕЧНИКОВ. Сотни три имеешь?

ЭДУАРДОВ. Имею.

НАКОНЕЧНИКОВ. А может, четыре?

ЭДУАРДОВ. Может, и четыре.

НАКОНЕЧНИКОВ. А может, и больше?

ЭДУАРДОВ. А может, и больше.

НАКОНЕЧНИКОВ (*не сразу*). Долго учился?

ЭДУАРДОВ. Чему учился?

НАКОНЕЧНИКОВ. Да вот — песни петь?

ЭДУАРДОВ. Я не учился. Но я, брат, особый случай. Другие выходят из консерватории.

НАКОНЕЧНИКОВ. Х-м... А почему для тебя такое исключение?

ЭДУАРДОВ. Да так. Талант, говорят.

С улицы снова раздаются голоса и гомон толпы. Эдуардов подходит к двери и выглядывает на улицу. Шум толпы приближается.

(*С досадой.*) Неужели эта дура сказала им, что я здесь!.. (*Наконечникову.*) Это поклонники. Черт бы их побрал!.. Если что, я опять спрячусь. А пока мы закроем дверь. Идет? (*Закрывает дверь.*) Думаешь, им нужны автографы? Как бы не так. Они требуют, чтобы я провел их на концерт. Бесплатно. Или — чтобы я пил с ними водку.

НАКОНЕЧНИКОВ. Гляжу, везет тебе... (*Не сразу.*) Слушай, а как его определяют, талант? Кто его определяет?

ЭДУАРДОВ. Как «кто»? Специалисты определяют... Вот ты мне спой что-нибудь, а я тебе скажу, есть у тебя талант или нет.

НАКОНЕЧНИКОВ. У меня? (*Не сразу.*) Ты это серьезно?

ЭДУАРДОВ (*усмехаясь незаметно*). А почему несерьезно? Ты сам сказал, что ты поешь. Вот и спой. А я послушаю.

НАКОНЕЧНИКОВ (*он не замечает, что над ним подсмеиваются*). А чего? Могу спеть... А ты определишь, точно?

ЭДУАРДОВ. Ну пой, если не веришь. Мне-то что? (*Не сразу.*) Ну? Будешь петь?

Наконечников прокашлялся, молчит.

Ну что?

НАКОНЕЧНИКОВ (*мается*). Да ведь это... Чудно как-то — ни с того ни с сего...

ЭДУАРДОВ (*подначивает*). А ты как думал? Давай, давай. Пользуйся случаем. А вдруг у тебя талант.

НАКОНЕЧНИКОВ (*не сразу*). Чего спеть-то?

ЭДУАРДОВ. Это уж твое дело.

НАКОНЕЧНИКОВ. Может, «Тройку»?

ЭДУАРДОВ. Как хочешь.

НАКОНЕЧНИКОВ. Или «Рябину»?

ЭДУАРДОВ. Все равно. Но лучше что-нибудь поживей, потемпераментней.

НАКОНЕЧНИКОВ (*потом вдруг начинает петь фальшиво и нелепо*).

Бирюзовы да златы колечики,
Эх, да раскатились по лужку...

Эдуардов с трудом подавляя смех, стучит по спинке стула, как по барабану.

Ты ушла, и твои плечики
Скрылися в ночную мглу!
Пой-звени, гитара семиструнная,
Разгони ты грусть-тоску-печаль,
Эх, ты, жизнь моя цыганская,
Ничего теперь не жаль.
Хватит?

ЭДУАРДОВ. Да. Вполне достаточно.

НАКОНЕЧНИКОВ. Ну что?

ЭДУАРДОВ. Неплохо, но... как бы тебе сказать...

НАКОНЕЧНИКОВ. Говори, как есть.

ЭДУАРДОВ. Хорошо. Будем откровенны. Голоса у тебя нет...

НАКОНЕЧНИКОВ. Ясно.

ЭДУАРДОВ. Что «ясно»? Голоса у тебя нет, но на эстраде он и не всегда нужен.

НАКОНЕЧНИКОВ. Да?

ЭДУАРДОВ. Держаться ты не умеешь, вкуса никакого. Стоит тебе запеть на улице, и тебя обязательно заберут в милицию. Но и это не беда: твои манеры можно выдать за непосредственность... Пойдем дальше. Местами ты не поешь, а воешь, как голодный пес, и хрипишь, как будто бы тебя давят.

НАКОНЕЧНИКОВ. Ладно. Я тебя понял.

ЭДУАРДОВ. Что ты понял? Как раз это, возможно, и есть твоя сильная сторона, твой, так сказать, шарм. Не знаю. Воешь ты, конечно, примитивно, но в твоем хрипе, по-моему, есть что-то своеобразное. Именно на него ты мог бы рассчитывать, если бы у тебя было хоть немного слуха.

НАКОНЕЧНИКОВ (*неожиданно*). А без слуха нельзя?

ЭДУАРДОВ. Нельзя, к сожалению. Сейчас сочиняют такие мелодии — запомнить их никакого слуха

не хватает. Так что извини, но певца из тебя не выйдет. (*Открыл дверь и снова выглянул на улицу, вернулся.*) Но ты не грусти. Может, у тебя какой другой талант.

НАКОНЕЧНИКОВ. Думаешь?

ЭДУАРДОВ. Ну кто тебя знает? (*Осматривает Наконечникова с головы до ног.*) Так... Парень ты видный... Не изболел... Шарниры в порядке?

НАКОНЕЧНИКОВ. Чего?

ЭДУАРДОВ. Суставы, мышцы, ступни... Ноги целы?

НАКОНЕЧНИКОВ. Да в норме вроде бы... Не жалуюсь.

ЭДУАРДОВ. Пляшешь?

НАКОНЕЧНИКОВ. Бывает...

ЭДУАРДОВ. А ну сбацай.

НАКОНЕЧНИКОВ. А что, и такая есть профессия?

ЭДУАРДОВ. А ты как думал? Та же эстрада. Давай.

НАКОНЕЧНИКОВ. А что именно?

ЭДУАРДОВ. Не знаю. Болеро, па-де-труа, вальс-чечетка — выбирай по своему вкусу.

НАКОНЕЧНИКОВ. Вальс-чечетка.

ЭДУАРДОВ. Так. Вкус у тебя неиспорченный. Шуруй. (*Напевает ему, отстукивает такт.*) Ну! Не заставляй себя ждать!

Наконечников пляшет вальс-чечетку. По ходу сбрасывает куртку, затем руки держит строго по швам. Пляшет довольно долго.

Чаще!.. Чаще! (*Увеличивает темп.*) Дерзай!

Наконечников не выдерживает темпа, сбивается и останавливается.

Все?

Наконечников падает в кресло. Тяжело дышит.

Ну что ж... совсем неплохо. Своеобразно... Но для узкого круга. Боюсь, что широкая публика тебя не поймет.

НАКОНЕЧНИКОВ. Воды... Воды подай...

ЭДУАРДОВ (*подает ему воды, с сочувствием*). Устал?

НАКОНЕЧНИКОВ. Запарился.

ЭДУАРДОВ. Тяжело, конечно, с непривычки... М-да...

Пожалуй, это мы с тобой зря затеяли. Похоже, этим делом надо заниматься систематически, с самого детства. (*Не сразу.*)Тебе сколько лет?

Наконечников показывает на пальцах.

Так... Видишь, время, можно сказать, упущено... Давно ты в парикмахерской?

Наконечников показывает три пальца.

Три года... Надоело?

НАКОНЕЧНИКОВ. Как сказать?.. Сначала ничего. Потом так-сяк... (*Тяжело дышит.*) Сейчас — не знаю... Короче, надоело... (*Не сразу.*) Что делать? Куда податься?

ЭДУАРДОВ. Женат?

Наконечников кивает.

Уже хуже... Давно женат?

НАКОНЕЧНИКОВ. Три года... Осел здесь после армии.

ЭДУАРДОВ. А откуда родом?

НАКОНЕЧНИКОВ. Родом деревенский.

ЭДУАРДОВ. Это заметно... Дети есть?

НАКОНЕЧНИКОВ. Двое.

ЭДУАРДОВ. М-да... Чем тебе помочь — даже и не знаю. (*Не сразу.*) Спортивную карьеру ты, считай, тоже прозевал... Слушай, ты стихи писал?

НАКОНЕЧНИКОВ. Было дело.

ЭДУАРДОВ. Прочти... Помнишь наизусть?

НАКОНЕЧНИКОВ. Не-е... Да какие там стихи? Так что-то, один раз написал, к празднику...

ЭДУАРДОВ. К празднику?.. Ну что ж. Направление у тебя здоровое... Может, тебе литературой заняться?

НАКОНЕЧНИКОВ. Да что ты. У меня всего семь классов...

ЭДУАРДОВ. Это неважно. Даже наоборот: пойдешь от жизни... Ну, со стихами сейчас непросто, поэтов тьма, ты можешь не выдержать конкуренции. Так. Роман тебе не по зубам, прямо скажем... Что там у нас остается? Драматургия... А

что? Пожалуй, это идея! Я в газете вчера читал: в театре репертуарный голод, драматургия отстает, пьес никто не пишет. А? Что ты на это скажешь?

НАКОНЕЧНИКОВ. Что такое драматургия?

ЭДУАРДОВ. Привет! Ты бывал хоть раз в театре?

НАКОНЕЧНИКОВ. Был.

ЭДУАРДОВ. Что ты там видел?

НАКОНЕЧНИКОВ. Постановку... Какую — не помню...

ЭДУАРДОВ. Что такое постановка?

Наконечников молчит.

Ну хорошо. На сцене ты видел актеров. Что они там делают?

НАКОНЕЧНИКОВ. Показывают...

ЭДУАРДОВ. Что показывают?

НАКОНЕЧНИКОВ. Ходят, разговаривают... Один все молчал, а потом говорит: дальше, говорит, так жить нельзя, вы, говорит, не люди, а тушканчики, скучно, говорит. Я вас, говорит, в тюрьму пересажу и сам с вами сяду.

ЭДУАРДОВ. Так. Это драма.

НАКОНЕЧНИКОВ. А другую видел, там все больше смехом. И мужик веселый. Жену, говорит, вы у меня, конечно, отбили, сына, конечно, тоже увели, есть у вас, говорит, и другие недостатки, но теперь, говорит, дело прошлое, и в целом, говорит, вы все же люди неплохие. Поэтому, говорит, давайте все вместе будем веселиться.

ЭДУАРДОВ. А это комедия. И придумал все это и написал — автор, писатель, он же драматург — понятно тебе?

НАКОНЕЧНИКОВ (*вдруг*). А чего тут не понять?

ЭДУАРДОВ. Вот и попробуй. Вдруг — талант.

НАКОНЕЧНИКОВ. А за это платят?

ЭДУАРДОВ. Платят хорошо. Кроме того — слава, почет и уважение... Но предупреждаю: написать — это полдела, главное — пробиться. Тут, конечно, тебе не повредили бы связи, знакомства...

НАКОНЕЧНИКОВ. Погоди, у меня есть знакомый. В театре.

ЭДУАРДОВ. Парикмахер?

НАКОНЕЧНИКОВ. Директор.

ЭДУАРДОВ. Сам директор?

НАКОНЕЧНИКОВ. Он у меня бреется. Уже третий год.

ЭДУАРДОВ. Да?.. Что ж, для начала это совсем неплохо. Ты подаешь надежды. (*Выглянув на улицу.*) Ушли... (*Подходит к Наконечникову.*) Давай прощаться, я пошел...

НАКОНЕЧНИКОВ. Погоди... А как их писать — пьесы-то?

ЭДУАРДОВ. Здравствуйте, приехали! (*Смеется.*) Берешь бумагу, ручку, садишься, пишешь название. Дальше — действующие лица. Ну и пошел. Пишешь: «Катя». Ставишь точку. Потом пишешь, что эта Катя говорит. Потом «Петя». Снова ставишь точку и что этот Петя той Кате отвечает. Например. Катя: Петя, ты куда собрался? Петя: До свидания, дорогая Катя, я уезжаю.
Катя: Как так, Петя? Ты уезжаешь, а как же я? Разве ты меня не любишь? Почему, отвечает Петя, я тебя люблю, но у меня уже билет в кармане. И так далее. И пошел, и пошел. (*Подает Наконечникову руку.*) Ну! Желаю тебе. Дерзай. Приеду в следующий раз — чтобы ты пригласил меня на свою премьеру.

НАКОНЕЧНИКОВ. Что такое премьера?

ЭДУАРДОВ. Первое представление. Желаю тебе — еще раз. (*Идет к двери.*)

НАКОНЕЧНИКОВ. Постой!

Эдуардов останавливается.

Про что мне писать?

ЭДУАРДОВ. А уж это тебе лучше знать. Возьми какой-нибудь случай интересный — может, из своей жизни, а нет, так что-нибудь придумай. Но смотри, ври да знай меру. Чтоб на правду было похоже, понял?.. Все. Желаю успеха. (*Уходит.*)

Оставшись один, Наконечников погружается в глубокое размышление. Через некоторое время на улице раздается шум толпы, который приближается к самым дверям парикмахерской. Наконечников подходит к двери.

НАКОНЕЧНИКОВ (*неожиданно, тоном Эдуардова.*) Что вам угодно?

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Вы не видели Эдуардова?

НАКОНЕЧНИКОВ (*небрежно*). Вадима?.. Он только что ушел. А что вам угодно? Если автограф, то пожалуйста, могу дать. Но предупреждаю, водку я с вами пить не буду.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. А кто вы такой?

НАКОНЕЧНИКОВ. Михаил Наконечников. Драматург. Не знаете такого?

Из толпы доносятся смех и голоса: «Кто такой Наконечников?» «Такого мы не знаем». «Первый раз видим».

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. Первый раз слышим.

НАКОНЕЧНИКОВ. Ну ничего. Еще услышите.

Картина вторая

Квартира Наконечникова. Небольшая, сильно загроможденная комната. Посредине круглый стол, у окна — письменный, диван, две детские кровати, трюмо, один из углов отгорожен ширмой.

Капитолина, жена Наконечникова, молодая, не в меру полная женщина, гладит детские пеленки.

Из-за ширмы сначала послышался кашель, затем слабый голос тещи Наконечникова — Полины Матвеевны.

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Капитолина... Капитолина!

КАПИТОЛИНА (*громко*). Чего опять?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Капитолина!

КАПИТОЛИНА (*подходит к ширме, кричит*). Чего тебе?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Кто к нам пришел?

КАПИТОЛИНА (*кричит*). Никого! (*Исчезает за ширмой, кричит там.*) Никого, говорю, нет. (*Возвращается, продолжает работу.*)

Пауза.

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Капитолина!.. (*Через некоторое время.*) Капитолина!

КАПИТОЛИНА (*прошла за ширму, кричит*). Ну что? Что ты меня дергаешь поминутно? У меня голова болит кричать.

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Что говоришь? Не слышу.

КАПИТОЛИНА (*кричит*). Голова, говорю, болит! С тобой разговаривать — голова болит! И тебе нельзя. Спокойно тебе надо лежать! Слышишь, спокойно!

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Капитолина! Что это Михаил по ночам свет жжет? Что это он делает?

КАПИТОЛИНА (*вбегает за ширму, яростно*). Какое твое дело, мама! Ты можешь помолчать или нет?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Вроде как за столом сидит. А что делает?

КАПИТОЛИНА (*кричит*). Пьесу пишет! Книгу ли! (*Негромко.*) Черт его знает, что он там пишет. (*Кричит.*) Напишет — ему за это деньги дадут! Понимаешь? (*Негромко.*) Дадут — держи карман шире.

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Деньги?.. Батюшки мои! Неужто он деньги подделывает? В тюрьму попадет!

КАПИТОЛИНА. Да нет! (*Смеется. Потом снова кричит.*) Не поняла ты! Книгу он пишет! Книгу! Сочиняет он! (*Негромко.*) Человек был как человек, и на тебе. (*Кричит.*) Писателем, говорю, заделался! Сочинителем!

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА (*неопределенно*). А-а... Ну это ничего...

Входит Наконечников.

КАПИТОЛИНА. Явился.

НАКОНЕЧНИКОВ. Чтоб она сгорела, эта парикмахерская... Ты подумай, сколько бы я мог написать за целый день!

КАПИТОЛИНА. Может, ты работу бросишь? (*Берет с письменного стола увесистую папку, потрясает ею в воздухе.*) Мало ты бумаги извел?.. А кому это надо?

НАКОНЕЧНИКОВ. Положь на место. Сколько я просил тебя не трогать рукопись руками? (*Взял папку.*) Здесь только начало. Главное впереди.

КАПИТОЛИНА. Мать вон думает, что ты ночами деньги печатаешь.

НАКОНЕЧНИКОВ. Невежество... Но в фигуральном смысле верно. Ты знаешь, сколько зашибают в драматургии, какие деньги?

КАПИТОЛИНА. Кто зашибает? Ты писать-то грамотно не умеешь. Ну! А сколько книжек ты вообще прочитал? Две? Три?

НАКОНЕЧНИКОВ. Это не имеет значения. Я иду от жизни.

КАПИТОЛИНА. Куда ты идешь?.. Иди лучше в садик, за ребятишками. Помоги. Мне в магазин надо, в аптеку, в химчистку. Где же я успею?.. Сходи за ребятишками.

НАКОНЕЧНИКОВ. Не могу. Сажусь писать. Посижу, пока их нет.

КАПИТОЛИНА (*неожиданно ласково*). Миша... (*Подходит к нему.*) Брось ты эту писанину, прошу тебя. Забудь, Миша, не твое это дело... (*Обнимает его.*) Опомнись. Ну зачем тебе эти бумажки?..

Наконечников поддался было на ее ласку, но лишь на мгновение.

Вспомни, как хорошо было нам без литературы...

НАКОНЕЧНИКОВ (*отстраняя жену от себя, решительно*). Я должен писать.

КАПИТОЛИНА (*зло*). Ненормальный! Псих! (*Хватает сумку, в дверях.*) Лучше бы ты водку пил! (*Уходит, громко хлопнув дверью.*)

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Капитолина! Кто к нам пришел?.. Капитолина!

НАКОНЕЧНИКОВ (*прошел за ширму, кричит*). Капитолина ушла! Я один! Я работаю! Прошу вас мне не мешать! (*Сел за стол, раскрыл папку. Поднялся, подвинул стол поближе к окну, сел этак, сел так. Задумался. Поднялся, принялся ходить по комнате. Остановился перед зеркалом, как следует себя*

осмотрел, затем приосанился, поклонился воображаемой публике. Дважды повторил поклон. Снова уселся за стол. Задумался.)

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Капитолина!.. Капитолина!

НАКОНЕЧНИКОВ (*вскочил, прошел за ширму*). Что такое?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Какой сегодня день?

НАКОНЕЧНИКОВ (*кричит*). Понедельник! Какая вам разница?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Пятница?.. А число какое?

НАКОНЕЧНИКОВ (*кричит*). Какая вам, говорю, разница?

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Пятница... Стало быть, девятое число... Стало быть, сегодня ровно полгода, как я не встаю с постели. (*Охает.*)

НАКОНЕЧНИКОВ (*появляясь, негромко, почти молитвенно*). Если бы ты встала! Я в ту же минуту турнул бы тебя к родичам. (*Усаживается за стол, задумывается. Отмахивается от мухи. Сгоняет ее. Снова отмахивается, затем поднимается и преследует муху по всей комнате. Увлекается, достает мухобойку, громко хлопает ее по стенам, бьет мух.*)

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. К нам кто-то пришел?

НАКОНЕЧНИКОВ (*с мухобойкой в руках забегает за ширму, орет*). Никого!

Раздается звонок. Наконечников поспешно усаживается за стол и начинает неправдоподобно быстро писать. Звонок повторяется.

Войдите!

В дверях появляется страховой агент, женщина лет тридцати, веселая, общительная, внешне она напоминает Незнакомку, но эта постарше и попроще.

ЖЕНЩИНА. Можно войти?

НАКОНЕЧНИКОВ. Да, прошу вас.

Женщина входит.

Присаживайтесь. (*Важно.*) Минуточку. Сейчас я поставлю точку. (*Пишет.*)

ЖЕНЩИНА. Я подожду. (*Присаживается на стул.*)
НАКОНЕЧНИКОВ. Так. Я вас слушаю.
ЖЕНЩИНА. Извините, если помешала.
НАКОНЕЧНИКОВ. Ничего... Я как раз собрался передохнуть.
ЖЕНЩИНА (*улыбается*). Видите, как удачно я подошла.
НАКОНЕЧНИКОВ. Да. Вы в самый раз.
ЖЕНЩИНА. Я из Госстраха. (*Улыбается.*) Что вы на это скажете?
НАКОНЕЧНИКОВ. Что ж. Дело хорошее. Государственное. Я — за.
ЖЕНЩИНА. Приятно слышать. А то, знаете, многие не понимают...
НАКОНЕЧНИКОВ. Невежество. От него все происходит.
ЖЕНЩИНА. Совершенно с вами согласна.
НАКОНЕЧНИКОВ (*приближается к ней*). По-моему, мы с вами договоримся.
ЖЕНЩИНА (*улыбается*). Я думаю, мы уже договорились. (*Открывает свою сумочку.*) Вы где работаете?
НАКОНЕЧНИКОВ. Я?.. Как вам сказать... Профессия у меня непростая... И нелегкая. Отчасти даже с риском...
ЖЕНЩИНА. Вот как? Чем же вы занимаетесь?
НАКОНЕЧНИКОВ. Как бы вам объяснить... Вы ходите в театр?
ЖЕНЩИНА. Еще бы. Я безумно люблю театр.
НАКОНЕЧНИКОВ. Да?.. Значит, вы меня поймете. Я — драматург.
ЖЕНЩИНА. Вы?
НАКОНЕЧНИКОВ. А что?.. Вы не верите?
ЖЕНЩИНА. Нет, почему же! Просто я первый раз вижу живого драматурга.
НАКОНЕЧНИКОВ. Да, наш брат драматург — явление редкое. Раз-два и обчелся. Выводятся драматурги. Скажу вам честно: труд тяжелый. Легче бревна ворочать.
ЖЕНЩИНА. Но зато, наверное, как это интересно!
НАКОНЕЧНИКОВ. Да, интересно... Но с другой сторо-

ны — все время один. Представьте себе, днями и ночами со своими героями. И никакого общества.

ЖЕНЩИНА. Да-да, я вас понимаю...

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Капитолина!.. Капитолина!

НАКОНЕЧНИКОВ. Одну минутку. (*Проходит за ширму, громко.*) Ее нет!

ПОЛИНА МАТВЕЕВНА. Михаил... Где Капитолина?

НАКОНЕЧНИКОВ (*кричит*). Нету! И меня тут тоже нет! (*Появляется.*) Не обращайте внимания. Она глухая и вот уже полгода как не поднимается с постели. (*Лицемерно.*) Несчастная женщина.

ЖЕНЩИНА. Ваша хозяйка? Да... Дальняя родственница... Так на чем мы остановились?.. Да! Труд тяжелый. Не всякий в наше время возьмется за такое дело. А как ваша фамилия? Может, что-нибудь ваше я уже видела?

НАКОНЕЧНИКОВ. Вряд ли. Здесь меня еще не показывали. Но сейчас мне заказали... Вот (*кивнул в сторону стола*) работаю. Для здешнего театра... Премьера будет зимой. Не раньше.

ЖЕНЩИНА. О! Но на премьеру, наверное, не попадешь.

НАКОНЕЧНИКОВ. Почему? Для вас, раз вы это дело любите...

ЖЕНЩИНА. Правда?

НАКОНЕЧНИКОВ. Вам одно место? Два?

ЖЕНЩИНА. Одно.

НАКОНЕЧНИКОВ. Все. Договорились. Буду ждать вас в вестибюле... (*Приближается.*) Знаете что... Этот стул, он не совсем в порядке... Пересядьте, пожалуйста, сюда.

ЖЕНЩИНА. Зачем? Мне кажется, стул вполне надежный.

НАКОНЕЧНИКОВ. Нет-нет. Одна нога у него гнилая. (*Пересаживает ее на диван, усаживается рядом.*) Честное слово, этот стул давно пора выбросить.

ЖЕНЩИНА (*шутливо*). Не говорите так о вашем имуществе. Учтите, мы его еще не застраховали.

За ширмой слышится скрип кровати, кашель.

НАКОНЕЧНИКОВ. Какое имущество, у меня так... Временное. И квартира временная... Все это, можно сказать, временное явление...

ЖЕНЩИНА. Понятно... Значит, для начала мы застрахуем вашу жизнь. (*Взялась было за свою сумочку, но Наконечников ее остановил.*)

НАКОНЕЧНИКОВ. Жизнь? А зачем так спешить? (*Придвинулся поближе.*) Поговорим... Вас как зовут?

ЖЕНЩИНА. Эльвира... [...]

РАССКАЗЫ

кузаков. Врешь... Врешь... Врешь...
Спокойно
теперь вы
у меня ничего не
Ничего. Раздается
неподвижно. Долго звонит телефо
Он лежит неподвижно.
Звонки прекращаются. Звонки
Он лежит не шевелясь. Звонки
прекращаются. Он поднимается, и мы
Плакал он или
номер.
Дима... Это Зилов. Да...
ни, старик, я погорячился... Да, все
хочу на охоту..
Прекрасно...
сейчас выхожу.

Стечение обстоятельств

Случай, пустяк, стечение обстоятельств иногда становятся самыми драматическими моментами в жизни человека.

Если хотите знать, какую заветную шутку сыграло стечение обстоятельств на самом заветном чувстве Катеньки Иголкиной, то садитесь в центре города на автобус, сойдите на третьей остановке, сверните на тихую безавтобусную улочку. Кажется, на правой стороне вы увидите промтоварный магазин и уютно прислонившийся к нему домик с двумя окнами, в одном из которых вы, может быть, и заметите Катеньку, которую теперь горькие раздумья то и дело отвлекают от ее обыденных занятий и гонят к окну в позу грустной и нежной девицы из старинных баллад.

Немного дальше вы найдете парикмахерскую, зайдите туда, разговоритесь с парикмахером, на общительность которого всегда можно положиться, и он расскажет вам если не эту, то какую-нибудь похожую на нее историю.

Катенька Иголкина — особа счастливой наружности и той молодости, когда хочется уже быть еще чуть моложе. Катенька от полных поэтического смысла, но ничего не дающих слов «где мои семнадцать лет!» перешла к делу, в котором быстро преуспела и которое так заполнило ее душу и время.

Тем утром она возвращалась из парфюмерного магазина, где приобрела сезонный эликсир молодости. Дорогой Катенька думала о том, что ей не везет, и мечтала о счастье. В этих мечтах она залетала не выше уютной квартиры в строящемся четырехэтажном доме, мимо которого она проходила. Ей нужно было удачно выйти замуж. Неудачно она выходила уже два раза. Раз она пробовала работать, но тоже неудачно.

У своего дома, когда мысли об одиночестве стали уже невыносимо мрачными, она вдруг столкнулась с

мужчиной, для которого это столкновение тоже оказалось неожиданным. Катенька кокетливо ахнула и, споткнувшись, запрыгала было с тротуара, но мужчина со вкусом поддержал ее за локоть, извинился, улыбнулся и пошел дальше. Катенька успела взглянуть ему в глаза продолжительным откровенным взглядом. Входя в свой двор, она обернулась, мужчина обернулся тоже, но имитировал безразличие, делая вид, что рассматривает что-то в окнах магазина. Он был замечательно красив, высок, недурно одет. Катенька зашла домой и в волнении присела к окну.

С четверть часа она сосредоточенно и мечтательно осматривала всех прохожих мужчин и уже было хотела отойти к своему рабочему столику, где ее ждал вновь приобретенный эликсир с многообещающим названием «Розы на щеках», как вдруг заметила виновника своего возбуждения. Он двигался по другой стороне улицы грациозным прогулочным шагом и лишь скользнул («хитрец!») взглядом по Катенькиному окну, задержав его на витрине магазина. Поравнявшись с магазином, он замедлил шаг. Сообразительная Катенька поняла это как приглашение выйти на улицу. Но из деликатности и девической гордости, появившейся у нее, видимо, вследствие действия омолаживающих косметических средств, она не вышла, решив, что он еще вернется. «Такой мужчина зря бродить под окнами не будет», — подумала она и ограничилась тем, что влюбленным взглядом проследила исчезновение с поля зрения его драповой стати.

Она не ошиблась. Было время обеденных перерывов, когда он появился снова. «Забегал», — подумала Катенька, злорадствуя.

На этот раз он шел с другой стороны, остановился, немного не доходя до Катенькиного окна, и, также косвенно взглянув в его сторону, осторожно зашел в магазин. «Это уже наивно», — подумала Катенька. Потом в ней, перебивая друг друга, закопошились сложные человеческие чувства. После неравной и короткой борьбы женское благоразумие взяло верх над девической жестокостью, и Катенька решила выйти.

Не теряя времени, она уселась за свой столик, и начался захватывающий процесс. Незнакомец был смугл, она решила стать блондинкой.

Но когда через полчаса она выпорхнула из дома, смуглого незнакомца на улице не было, а магазин, куда он заходил, был закрыт на обеденный перерыв. Катенька в отчаянии вернулась и заняла исходную позицию у окна.

Незаметно для добросовестных ночных сторожей кончился полный жизни, яркий, солнечный день, и улицы, просеянные от малых детей и стариков, зажили веселой вечерней жизнью горожан в возрасте от 17 до 30 лет. Катенька много перенесла за это время. Против обыкновения она провела бессонный день. Кроме того, она провела вторую его половину не отрываясь от окна. Она подивилась усидчивости царицы Тамары, которой довелось провести у окна своего замка лучшую часть своей жизни. Катенька была человеком совсем иного характера. Ей нужно было двигаться хотя бы от окна к зеркалу и обратно.

Было уже безнадежно поздно, когда в небе вдруг вспыхнула и замерцала, интимно подмигивая, маленькая звездочка Катенькиного счастья. Тень киоска, находящегося напротив Катенькиного окна, раздвоилась, и кто-то легкими шагами стал пересекать улицу. Катенька с удовольствием узнала своего незнакомца и, думая о том, что она много уже страдала, что довольно страданий, что она выбежит сейчас и бросится к нему на шею и повиснет на ней, быстро стала одеваться.

Через три минуты, изнемогая от нежности, со слезами счастья на глазах, она открыла свою дверь, но незнакомца не увидела, а услышала в соседнем дворе шум и чей-то страстный крик: «Не уйдешь!», на который соловьиными трелями отозвался милицейский свисток. Движимая встревоженным любящим сердцем и подстрекаемая любопытством, Катенька вошла в соседний двор. В глубине его, у складов промтоварного магазина, уже собралось небольшое общество из нескольких милиционеров и двух-

трех любознательных граждан. В центре этого избранного круга Катенька увидела своего незнакомца в объятиях ночного сторожа Степана Христофоровича. Степан Христофорович обнимал его неистово нежно и крепко, и Катенька поняла, что она бессильна перед этой верной и прочной привязанностью.

Железнодорожная интермедия

Пассажирский поезд прибыл на станцию Сачки неестественно точно, как щепетильный влюбленный на свидание, — ни минутой раньше, ни минутой позже. Был август, и перрон в одно мгновение превратился в филиал городского рынка. Поезд атаковали торговцы жареной рыбой, огурцами, помидорами и просто луком.

Поезд стоял здесь только десять минут. Лишенные, таким образом, профессионального наслаждения поторговаться, продавцы холодной закуски сердито выкрикивали готовые уже цены.

Пассажиры, напротив, выходили веселые и бодрые. Им нравилось после безысходного лежания и сидения прогуливаться на свежем воздухе и покупать свежие овощи.

Однако два молодых человека сошли на перрон без всяких признаков удовольствия. На их лицах менялись нерадужные цвета досады, сожаления и беспокойства. Тесный и накуренный вагон имел одно преимущество перед изобилующим солнцем, свежим воздухом и холодной закуской перроном: вагон двигался со скоростью тридцать пять километров в час, перрон оставался на месте.

Молодых людей сопровождал железнодорожный служащий Иван Карпович Пеших, который любезно указывал им дорогу к небольшому желтого железнодорожного цвета домику против первых вагонов стоящего поезда.

— Влипли? — сочувственно спросила их женщина с корзинкой дозревающих помидоров и тут же посоветовала: — Купите помидорчиков.

Молодые люди остались к этому, как и ко всему происходившему вокруг, отсутствующе-безучастными. В программу их поездки, как видно, вовсе не входило приобретение помидоров и посещение железнодорожной администрации на станции Сачки...

В вагон №10 ревизор вошел перед станцией Сачки. Был он весел, вежлив и предупредителен. Казалось, его работа заключалась не в том, чтобы вылавливать безбилетников, а в том, чтобы убеждаться, что все пассажиры едут в этом поезде с билетами.

Такая постановка дела смутила, сбила с толку и с головой выдала двух цветущих молодых людей с верхней полки. Быстро выяснилось, что они едут без билета в первый раз, что на уплату штрафа они по неопытности не захватили денег и что, если товарищ ревизор так настаивает, они могут сойти через три остановки. Сдержанный ревизор не стал спрашивать, почему именно через три, он высадил молодых людей при первой возможности, поручив представить их станционной администрации Ивану Карповичу Пеших, который оказался в этом поезде и который сам ехал на станцию Сачки.

Это не входило в обязанности Ивана Карповича Пеших — курьера из областного управления дороги, но он согласился. Иван Карпович был уже очень стар и мог работать только курьером. Был он очень добр. И можно было подумать, что два здоровых парня, которых он вел по перрону, не сбегут от него только из уважения к его сединам.

— Хотите железную дорогу превратить в трамвайную линию? — строго начал он. — Ничего не выйдет. Здесь штраф посолиднее.

Молодые люди заметно осунулись. Иван Карпович заметил бедственное состояние их духа и сменил тональность:

— Что же это вы? Такие представительные и... без билета. Стыдно вам! Это мальчишка, сорванец, ума

своего нету или безобразия одни на уме, ну тот — ладно, а вы? Стыдно вам!

— Стыдно, — согласился один из юношей, потупив взор.

— Еще ладно, — продолжал Иван Карпович с увлечением, — еще ладно, что не стали болтаться на подножкам и бегать по вагонам, а то ведь... Вот рассказывал мне Петр Петрович, был случай недавно. Парень, тоже молодой, вроде вас, по вагонам бегал и... нет его. И все из-за какого-то билета. Да самая непутевая жизнь дороже билета хоть на край земли!

Иван Карпович многозначительно осмотрел аудиторию и остался доволен впечатлением, произведенным своими словами. Оба лица выражали скорбь по человеческой жизни, которая во много раз дороже любых железнодорожных тарифов, раскаяние в собственном легкомыслии и торжественное обещание не подвергать себя больше опасностям и штрафам.

— Нам денег не жалко, — твердо сказал один из молодых людей.

— У нас их нет, — скорбно добавил другой.

Искренность интонаций ранила доброго старика. Он посмотрел снова на мученические лица своих невольников. Эти, недавно еще цветущие юноши увядали у него на глазах.

Ему вдруг пришло на ум, что и сам он — высохший до неузнаваемости цветок, и у него только заныла берцовая кость и к горлу подступила теплая волна сентиментальности.

— Дети! — выдохнул старик. — Берегите, дети, свою молодость прежде всего! Я вот...

Иван Карпович сказал, что он не какой-нибудь деспот или формалист, что он видит: они славные ребята, что вышло нехорошо, но что все может выйти, что молодости многое прощается, что...

В конце концов Иван Карпович предложил им денег для телеграммы, пригласил пообедать с ним в буфете, «где не грех взять по маленькой» или «грех не взять».

— Людей надо понимать и жалеть, — закончил он, — люди всегда это оценят.

Все трое, растроганные и отуманенные живительными карами добра и благодарности, стояли у входа в станционный буфет. И в это время раздался паровозный сигнал. Компания замерла. Потом все трое переглянулись, и... молодые люди молча бросились к отходящему поезду. Они успели.

На скамейке

Никто не возьмет на себя смелость утверждать, что ссоры между влюбленными необходимы. Но с тем, что ссоры эти неизбежны, согласится всякий. Влюбленные ссорятся редко и часто, на мгновение и надолго, неожиданно и заранее обдуманно. Часто, затевая ссору, влюбленные уже предвкушают сладость примирения. Один мой приятель рассказывал, что самый лучший вечер в его жизни следовал за днем, в который он жестоко поссорился со своей возлюбленной. Они раздули ссору до бури, вырывающей из их душ любовь, и, чтобы не оскорбить друг друга, распрощались навсегда и разошлись по домам одинаково гордые и взволнованные. Поздно вечером они встретились. Она шла к нему, чтобы сказать, что она его ненавидит. С тем же спешил к ней и он.

Но все, о чем здесь будет рассказано, произошло в то время, когда влюбленные ссорятся нехотя и ненадолго. Весна не любит расходиться с радостью. А был май — великолепный и достойный венец лучшего времени года.

Убрав с земли снег, растормошив заснувшую реку, весна освободила людей от теплой одежды, разбросала под ноги зеленые ковры, развешала повсюду зеленые портьеры и занавески, снизила цены на живые цветы и мертвые улыбки, — словом, распорядилась так хорошо, так ловко и так заботливо, что не ценить всего этого невозможно.

Когда ласковый майский день сменяется нежным майским вечером, когда воздух, приправленный острым вечерним запахом тополей, делается чище и слышней становится музыка из ближайшего парка,

когда так приятно сидеть у открытого окна, тогда не ищите ваших молодых знакомых дома. Идите в парк — туда, где в такие вечера бьется пульс городской жизни. Знакомых вы, возможно, там не найдете, зато до конца вечера не потеряете надежды встретить их среди многочисленного собрания ценителей майских вечеров.

Именно в такой вечер в парке своевременно появились Вирусов и Штучкин — два человека, равно интересных и молодых. У них приятные лица, а из одежды можно составить один мощный щегольской костюм.

Это была подходящая компания: Вирусов любил шутить. Штучкин любил смеяться. Вирусов должен был нравиться гордой и чуть надменной осанкой. Штучкин подкупал добродушием и смешливостью. С его лица не сходил румянец отдыхающего человека. Держались они с той свободой, которую, присмотревшись, можно назвать самоуверенностью. Окаменев даже в самых академических и самых серьезных позах, эти молодые люди представляли бы собой скульптурную группу «Два шалопая». На танцплощадке они побывали лишь для того, чтобы оживить давку при входе и выходе в узкую калитку; шутили с незнакомыми людьми и свободно безо всяких предисловий заговаривали о любви со скромными и беззащитными девушками.

Живость, с которою приятели провели начало вечера, утомила их наконец, и они решили отдохнуть и покурить в каком-нибудь тихом месте. Они свернули на безлюдную аллею, от одного вида которой веяло дворянской романтикой. Казалось, пройди эту аллею до конца — и выйдешь тихим, строгим и мечтательным, как девушка без подруг. Молодые люди смиренно побрели по песчаной дорожке. Вирусов вдруг впал в бесскандальное элегическое настроение и, покопавшись в своих сведениях из школьных хрестоматий по литературе, высокомерно процитировал:

— Приют задумчивых дриад!

Штучкин хихикнул, но был назван пошляком и

неучем. Уличив приятеля в незнании греческой мифологии, Вирусов перешел на невежество Штучкина вообще — тему более доступную и свободную, но вдруг замолчал.

На дальней скамейке сидела девушка. Любоваться можно было издали, ни один художник не отказался бы от этого сюжета: потемневшая зелень аллеи, кое-где просвечивающий сквозь нее закат и на скамейке — девушка в светлом. Все это и казалось бы созданием художника-романтика, если бы не легкий ветерок, существующий только для того, чтобы оживлять картину едва заметным движением листвы.

Вирусов был особенно растроган несложностью композиции — девушка сидела одна. Правда, на следующей скамейке расположился какой-то молодой человек, но он не вмещался в рамку этого полотна.

Молодые люди приблизились, и Штучкин тут же задал заведомо идиотский вопрос:

— Сидите, значит?

— Мне трудно вам что-нибудь возразить, — ответила девушка.

Вирусов на это тонко улыбнулся и спросил осторожно:

— Скучаете?

Девушка не ответила, а только взглянула на Вирусова, и он понял, что имел до этого смутное представление о красоте и выразительности человеческих глаз. Непостижимо красивые, они красноречиво выражали теперь равнодушие. Она перевела свой взгляд на молодого человека с соседней скамейки, потом быстро взглянула на Вирусова и Штучкина разом и едва заметно улыбнулась.

— Такая холодная улыбка в такой теплой компании, — заметил Вирусов, оживляясь и садясь на скамейку. Девушка рассмеялась чистым и ровным смехом. Тут же кощунственно раздался немелодичный смех Штучкина. Молодой человек с соседней скамейки вздрогнул, поднялся и быстро пошел в глубь аллеи. Девушка смеялась не уставая, все громче и громче. Потом вдруг сразу смолкла и спросила, сколько времени. Добродушный Штучкин убавил

наступление майской ночи ровно на час и заявил, что в такое время из парка уходят только олухи, как их сосед по скамейке. Вирусов, которого сначала несколько тревожило это соседство, сказал, что этот тип, проходя мимо, взглянул, кажется, нескромно на девушку и что, если она пожелает, его можно вернуть, чтобы заставить извиниться на французском языке, снять полуботинки и удалиться бесшумно на цыпочках. Штучкин заметил, что после он эти полуботинки может не надевать, а выбросить в кусты, где им самое подходящее место. Потом Вирусов, как умел, заговорил о прелести майских вечеров, причем в особенно белом свете старался представить позднее темное время.

Девушка возражала, смеялась, поднимала одну бровь выше другой, но когда Вирусов дошел до игривого вопроса: «Как вас зовут?», вспомнила вдруг, что ее где-то ждет подруга, вспорхнула со скамейки и запрыгала вдоль аллеи.

Приятели растерялись. Бежать за ней было бы нелепо, в чем Штучкин хотел все же убедиться, но Вирусов схватил его за пиджак и крикнул ей вслед:

— Вы бываете здесь?

— Иногда! — легкомысленно отозвалась она и растворилась в сумерках.

Домой они возвращались молча, будто не замечая друг друга. Но если бы они захотели уединиться, то не смогли бы. Они жили на одной улице, в одном доме, в одной комнате.

Приближение следующего вечера застало приятелей за хлопотливыми сборами. Вирусов решил навестить своего дядю, у которого, по его предположению, именно этим вечером должен был начаться приступ малярии. По Штучкину стосковалась его добрая тетя, о существовании которой он до сих пор так постыдно забывал. Между малярийным дядей и тоскующей тетей было общее то, что они одинаково любили модные галстуки и безупречные прически у посещающих их племянников.

Собравшись, молодые люди вышли на улицу и разошлись в противоположные стороны.

Размышляя о том, что проще всего обманывать своего друга, Вирусов свернул к парку. Скоро он был там и, придирчиво осмотрев себя в темном стекле киоска «Пиво—воды», пошел в глубь вчерашней аллеи.

Вечер был ничуть не хуже вчерашнего, декорации также великолепны. На дальней скамейке Вирусов заметил светлое пятно и, лишившись вдруг своей надменности, устремился к этому пятну, как безрассудный мотылек к источнику света. Пятно увеличивалось и принимало прелестные очертания, но тут Вирусов обнаружил, что девушка сидит не одна. С другой стороны выглядывали чьи-то плечи и виднелись полуботинки, по которым Вирусов вдруг узнал вчерашнего соседа по скамейке.

Удар был неожиданным и жестоким. Вирусов почувствовал себя так, как будто его облили чем-то холодным и липким. «Черт возьми! — подумал он. — Неприлично показываться... засмеют, чего доброго...» И, терзаемый жестоким приступом самобичевания, Вирусов вспомнил Штучкина, и ему даже стало стыдно за то, что так бессовестно обманул своего наивного друга.

До скамейки было уже не больше десяти шагов, и Вирусову оставалось только пройти мимо, что он старался сделать как можно более бесшумно, надеясь, что его не заметят. Свой взгляд он стыдливо устремил в глубь аллеи и... усмехнулся.

С другой стороны шел Штучкин. Чувствовал он себя так же скверно, однако, по привычке, которая у него всегда брала верх над настроением, хотел было рассмеяться, но, разглядев выражение брезгливости на лице своего друга, все же раздумал.

Приятели встретились почти напротив пары, которая была теперь олицетворением любви, согласия и верности. Влюбленные сидели лицом друг к другу и чуть наклонив друг к другу головы. Молодой человек перебирал в своих руках ее пальчики. Никто не смог бы заподозрить их в том, что они ссорились вчера и могут поссориться завтра. Естественно, они были невнимательными, и поэтому Вирусову и Штучкину повезло — они удалились незамеченными.

Стоматологический роман

Если вы беспредельно счастливы, начиная с того, что вам везет в любви, и кончая тем, что вам не жмут ваши туфли, и если кто-нибудь скажет вам, что страдания украшают и возвышают человека, не слушайте и не верьте. Ходите с любимым человеком по дорожкам, залитым лунным светом, покупайте обувь размером больше. И не простуживайтесь, потому что у вас могут заболеть зубы.

Зубная боль — самое жестокое из человеческих страданий. Ада нет, но в каждой больнице есть дверь с табличкой «Зубной врач». Колю Ванечкина привела к этой двери только жестокая необходимость.

Коля — во всех отношениях интересный молодой человек и вполне бы мог быть героем серьезного романа.

В одно из недавно прошедших воскресений Коля проснулся и обрадовался своему пробуждению. Был он наполнен всеми мажорными сочетаниями своего возраста, и, казалось, ничто не могло его обеспокоить.

Он был убежден в этом сам, а когда почувствовал, что у него слегка ноет какой-то зуб, то не поверил этому и не обратил на это внимания.

Но прошел час, и зуб определенно заявил Коле Ванечкину о конце его физического благополучия.

Юноша не болел никогда. Он не болел даже в детстве корью и был перепуган новизной ощущений.

Он плохо и мало спал, а назавтра у него была вторая очередь к зубному врачу в ближайшей клинике.

Первым был ветхий старичок, для которого лечить что-нибудь стало уже профессией, и он никогда не опаздывал на прием.

Старичок вошел в кабинет, и его морщины легли сложными складками недоумения и недоверия. За столом вместо пожилого, хорошо знакомого врача сидела девушка.

Старик забеспокоился. Он был молод очень давно и помнил только, что в молодости он был героем. Те-

перь в его представлении все девушки были обязательно легкомысленны.

Но Верочка успокоила его вежливым обхождением, а продолжительным изучением его кусательных органов даже внушила ему уважение. Приемом он остался доволен и с сознанием выполненного долга покинул кабинет.

Если бы зубная боль не затмила Коле Ванечкину все светлые краски жизни, то он увидел бы, что Верочка была молода и хороша собой, что у нее удивительные глаза и нежные очертания губ и подбородка.

Но Коля взглянул на нее, как на средство, которое должно прекратить его мучения, и торопливо уселся на стул, с нетерпением ожидая действия этого средства. Зато Верочка смотрела на Колю долго и совсем по-другому.

Коля был молод и интересен. Верочка тоже была молода и никого еще не любила. И произошло то, что, несомненно, могло бы произойти в этом случае. В свободном сердце Верочки Беседкиной Коля вместился сразу и весь, начиная с непричесанных в это утро волос и кончая нечищенными в это утро туфлями.

Верочка покраснела и стала вести себя так, словно не он, а она пришла к нему в кабинет и застенчиво ждет, когда он обратит на нее внимание.

Коля же ничего не заметил, кроме того, что «девчонка почему-то тянет», и сказал нетерпеливо:

— Посмотрите же! Вот этот зуб.

Верочка встрепенулась и, затая дыхание, осмотрела больной зуб.

Зуб этот нужно было удалить, но он занимал такое видное место, что его отсутствие было бы большим пробелом в Колиной улыбке.

И без того взволнованная Верочка пришла в смятение. «Вырвать проще всего, — завертелось у нее в голове, — вот если вылечить и сохранить ему этот зуб, а вырвать... Он уйдет и.... не вернется». Этой последней своей мысли она страшно устыдилась, нашла ее отвратительной, но зуб... «зуб все-таки вылечить». И она стала лечить. Лечить зубы — это значит

причинять боль. Закончив, Верочка дрожащей рукой написала рецепт и слабым голосом попросила зайти завтра. Коля ушел, но боль не проходила. Прописанные порошки были более психологическим средством, чем медицинским, и через несколько часов Коля вернулся.

— Удалить! — заявил он категорически.

— Зачем же удалить? — спросила Верочка испуганно. — Его лечить надо. Завтра можно продолжить.

— Если все дни будут походить на сегодняшний, то я не хотел бы, чтобы их было много, — упадочно сказал Коля, но согласился терпеть до завтра и, не попрощавшись, ушел.

Весь вечер он метался по комнате, а ночью тихонько подвывал соседской собаке, у которой зубы болели, видимо, неизлечимо, потому что выла она каждую ночь.

— Нужно всего три дня, — думала Верочка вместо того, чтобы спать, — ведь вылечу же я.

Утром она, смущаясь, сделала праздничную прическу. Жиденький комплимент, прошамканный по этому поводу высыхающим старичком-пациентом, не был ей неприятен.

Коля снова был вторым. Верочка, страшно робея, приступила к продолжению спасительной процедуры.

Инквизиторские звуки бормашины острой болью отзывались в сердцах обоих.

— Завтра мы закончим, наверное, — сказала Верочка неожиданно для самой себя с сожалением и грустью.

— «Наверное»? — злобно перекосил Коля и вышел, снова не попрощавшись.

Быстро, почти бегом, он двигался по улице, словно хотел убежать от зубной боли.

— Куда ты так? — спросил его встретившийся приятель.

— К чертовой матери! — ответил Коля энергично.

На следующее утро прием к зубному врачу начался чуть раньше обычного.

В дверях клиники Коля обошел пунктуального

старичка и первым, без вызова и без стука, вошел в кабинет.

— Доброе утро, — робея, произнесла Верочка.

— Здравствуйте, — грубо ответил Коля, и, покосившись на сирень, стоящую на столе в стройной вазе, спросил нехорошим голосом.

— Цветочки?

Верочка неловко улыбнулась, приоткрыв вызывающе здоровые и красивые зубы.

— Чему вы смеетесь, — заговорил Коля, раздражаясь. — У вас сердца нет?

Верочка вздрогнула и, отвернувшись к окну, невнятно забормотала о том, что сердце у нее есть и что ноет оно сильнее тридцати двух больных зубов, что вылечить зуб пустяки, вырвать, например, и все, а...

— Что? — жутким шепотом спросил Коля, пристально всматриваясь в Верочкин затылок. — Что? — повторил он голосом, рассчитанным на запугивание двух встретившихся ночью грабителей.

— Разве вы не заметили? — прошептала Верочка, повернувшись и сверкнув влажными уже глазами.

— А-а-а... — издал Коля звук, который обозначал приступ зубной боли и то, что он вдруг нашел причину своих мучений. Три дня молчаливых страданий дурно отразились на его манере разговаривать, и он стал кричать громко и с чувством:

— Вы с ума сошли! Вы шутите! Как вы могли! — И, судорожно цепляясь за край стола, он закричал полным голосом: — Палач! Чудовище!

«Чудовище», бледное и несчастное, сделало два шага и без чувств опустилось на диван.

Коля злорадно захохотал и, сопровождаемый пушечными хлопками дверных пружин, выскочил на улицу и бросился бежать в произвольном направлении.

Верочка от обморока очнулась, Колин зуб удалили кустарным способом, остальное было уже в области врачей психиатров и невропатологов.

Сумочка к ребру

Рабочий день литературного консультанта Владимира Павловича Смирнова начинается с чтения рукописей. Разбор некоторых из них требует изрядных криминалистических навыков. В других — отклонение от грамматики мешает додуматься до смысла написанного. Иногда написанное вообще не имеет никакого смысла. Владимир Павлович хмурится и слегка нервничает. Часов с десяти начинают появляться авторы. По утрам любит приходить начинающий поэт Рассветов. Он раздевается и садится напротив Владимира Павловича. Рассветов страшно интеллигентен, но ходит всегда неприлично лохматым. Скептик ужасный. Даже собственные стихи он читает с пренебрежением. Пишет о полях и о деревьях, но больше о чувствах. Пишет плохо. Сначала Рассветов посылал стихи почтой и был неприятен Владимиру Павловичу как автор, но вот он стал приносить стихи сам и стал неприятен еще и как человек.

— Мелкотемье, товарищ Рассветов, и форма у вас не блестящая, — сдержанно говорит Владимир Павлович, пытаясь возвратить Рассветову стихотворение.

— Мелких тем нет. Есть мелкие авторы, — надменно говорит Рассветов.

Владимиру Павловичу хочется сказать Рассветову, что он и есть автор самый мелкий, что ему надо бросить писать и заняться поднятием тяжестей, но этого сделать нельзя, и Владимир Павлович подробно разбирает стихотворение, советует, спорит, читает лекцию по литературоведению и очень вежливо дает понять, что стихотворение не может быть напечатано. Рассветов надувается и уходит создавать художественные ценности.

Следующий — молодцеватый стриженый парень, недавно демобилизовавшийся солдат, автор романа «Три года в строю». Автор требует напечатать «хотя бы главы». Роман лежит у Владимира Павловича в са-

мом дальнем углу стола вместе со склянкой настойки из ландыша.

— Прочитали? — звонко спрашивает стриженый парень.

— Читаю, — хмуро говорит Владимир Павлович. — Зайдите дня через два.

— Сколько можно ходить! — нахально говорит парень. — Я не потерплю бюрократического подхода к моему творчеству!

Владимир Павлович тупо смотрит на посетителя, на его богатырскую грудь, украшенную четырьмя автоматическими ручками, и ему страшно хочется достать из стола роман, рвать его на глазах у автора и выкрикивать при этом оскорбительные отзывы, но Владимир Павлович спорит, убеждает, советует читать Тургенева и грамматику.

Приходит мастер короткого газетного жанра Коля Гонорарьев. Этот долго не задерживается, но все-таки оставляет неприятное впечатление.

Потом идут другие — молодые, старые, вежливые, заносчивые, сердитые и обидчивые. Попадаются нервные. Как-то после работы Владимир Павлович достал из стола два новых письма и хотел уже сунуть их в папку для того, чтобы прочитать дома, но машинально разорвал один конверт и вынул оттуда на редкость маленькую бумажку.

В этот день Владимир Павлович анализировал поэму Рассветова о боярышнике и был порядком утомлен. Кроме того, демобилизованный романист назвал его Бенкендорфом. К концу дня его нервы находились, кажется, вне всякой системы.

Владимир Павлович развернул бумажку. Неведомый автор предлагал стихотворение, которое начиналось так:

Из подворотни выбрел пес лохматый
И вдруг завоил, словно не к добру.
Подкрадывался сумрак бородатый,
Подвязывая сумочку к ребру.

«Что это? — подумал Владимир Павлович, чувст-

вуя, что ему становится не по себе. — Какую сумочку? К какому ребру?»

Владимир Павлович прочел это еще раз, попробовал хихикнуть, но смех вышел таким, что он сам его испугался.

Он быстро оделся и поспешно покинул пустой кабинет. По дороге домой Владимир Павлович держался многолюдных и освещенных мест. Странное четверостишие не давало покоя. Темный коридор он прошел быстро и с таким чувством, что его вот-вот ударят по голове чем-нибудь жестким и тяжелым. Войдя в свою квартиру, он запер за собой дверь.

Жена сидела на диване и вышивала что-то болгарским крестом. Владимир Павлович заговорил шепотом:

— Маша, у нас никого нет?

— Никого. А что?

— Вот! — Владимир Павлович вынул из папки конверт и осторожно, словно эта была бутыль с негашеной известью, передал его жене. — Прочти. Только... Ребенок спит? Спит? Тогда прочти... Нет-нет, не надо вслух.

— Ничего особенного, — сказала хладнокровная жена, прочитав. — «Сумрак бородатый» — хорошо, а вообще несколько туманно...

— Несколько? — перебил Владимир Павлович, нервозно вздрагивая. — Это черт знает что: «Завоил!» — какое адское слово. Все встречалось: поэтические вольности, охотничьи рассказы, шаманские могилы, но такого... Нет-нет! Это что-то жуткое... Я думаю, Эдгар По побледнел бы. А я все-таки человек рядовой, с ограниченным воображением, у меня ребенок, еще могут быть дети... Нет, я не могу! Я уйду с этой работы. Завтра же. Сегодня же! Займусь чем-нибудь другим... Буду менять собственную тень на шагреневую кожу — спокойнее...

Жена бросила вышивание и внимательно посмотрела на мужа. Только сейчас она заметила, что Владимир Павлович бледен и необычно суетлив.

— Послушай, Маша, — сказал Владимир Павлович вкрадчиво, — тебе никогда не казалось, что на те-

ни ты похожа на Бенкендорфа? Да-да. Я все время думал на кого, и вот сейчас...

Перепуганная жена увела Владимира Павловича в спальню и уложила в постель. Потом она вернулась в комнату, подошла к телефону и набрала нужный номер...

Через неделю начинающий поэт Рассветов, прогуливаясь по улице с девушкой, встретил Владимира Павловича, который против обыкновения не свернул в сторону и не отвел глаз, а пошел прямо навстречу Рассветову так, что тот должен был остановиться.

— Вот что, молодой человек, — сказал Владимир Павлович не поздоровавшись... — Не ходите вы ради бога по редакциям и не пишите стихов. Чтобы нравиться девушкам, не обязательно писать стихи. Я вам это давно хотел сказать, но не мог. А теперь могу. У вас не то что талант, у вас здравый смысл отсутствует.

— Рехнулся! — сказал посрамленный поэт, глядя вслед уходящему Владимиру Павловичу.

Он был не прав. Владимир Павлович перешел на другую работу и был совершенно здоров.

Финский нож и персидская сирень

Переполненный, раздираемый распрями автобус остановился, наконец, там, где высаживается большая часть пассажиров. Все отдыхающие солнечным летним воскресеньем за городом знают, сколько дерзости, сколько грубой энергии нужно для того, чтобы уехать к месту отдыха на автобусе. Но вот из автобуса выходят смущенные влюбленные, выходят семьи, счастье которых, казалось, могло быть омрачено лишь поездкой за город на автобусе, и небольшие группы приятелей-сослуживцев, приехавших сюда выпить и закусить. Гражданин лет девятнадцати сошел последним, но сделал он это не из вежливости, а случайно. Зато никто не мог бы отказать ему в красоте.

Лицо мужественное, но со следами каких-то происшествий и слишком дерзким взглядом. Одет с неподдельной небрежностью, что полностью гармонирует с его свободными манерами и развязной походкой. Вид самый независимый, но в то же время заметно, что этот человек постоянно ждет чего-то нехорошего. И действительно, он постоянно должен подозревать, опасаться, быть начеку. Этого требует его нервная профессия. Своей профессией он обязан исключительным стечениям жизненных обстоятельств и редкому воспитанию.

Пяти лет он лишился обоих родителей и был усыновлен дядей. Одинокий дядя принял племянника неохотно. Одиночество больше всего ему подходило при образе жизни и способах приобретения средств для этой жизни. У него, например, всегда были основания внезапно покинуть насиженное место, с тем чтобы не возвращаться туда даже за своими вещами. Впрочем, вещи эти не были его собственностью, а попадали в его руки без ведома их настоящих владельцев. Он вел пьяное существование, и уважать его можно было только за преклонный возраст. К своей свободе относился ревниво, но в конце концов так скомпрометировал себя перед обществом, что мог жить только далеко, в суровом малозаселенном краю. К несчастью, этот дядя имел педагогическую жилку. Личным примером и непосредственными поучениями он воспитывал племянника по своему подобию.

Конечно, люди вырвали бы восприимчивого мальчика из лап этого воспитателя, но мальчик в силу исключительных способностей, которые в нем открыл и развил дядя, успел угодить уже в детскую трудовую колонию, откуда несколько раз бежал. Растянув эти побеги до совершеннолетия, он попал на два года в тюрьму и вышел оттуда опытным и энергичным нарушителем законности.

Разумеется, он не был счастливым. У этого человека могли быть удачи, но не могло быть счастья. Чем больше он задумывался над своей жизнью, тем чаще ему казалось, что он не любит своей профессии. Он стал замечать, что ворует и грабит безо всякого ув-

лечения, без любви к делу. К честным людям стал приглядываться с завистью и раздражением. Особенно раздражали его студенты. Ему уже девятнадцать лет, а его жизненная перспектива тянулась длинной вереницей бутылок и упиралась во что-то темное и безнадежное. Деньги между тем имели для него цену лишь тогда, когда их у него не было. Последнее время у него не было денег.

Воровать он не любил — ему больше нравилось грабить. Ограбив кого-нибудь, он получал сознание того, что он сильнее ограбленного, каким бы честным и умным ни был последний. И все-таки ограбленному он завидовал, и, может быть, для него быть счастливым значило быть честным. Но он считал честную жизнь чем-то в высшей степени ему не свойственным и не подходящим. Тело у него было исписано эпитафиями и лирическими откровениями, которые должны были свидетельствовать о душевной обреченности и безнадежности.

Было воскресенье, граждане ехали за город отдохнуть, но его каторжная профессия, как видно, и не предполагала выходных дней.

В одном месте лес с городом соединял запущенный сад, который когда-то окружал чью-то дачу и был огорожен. Теперь забора не было, сад зарос, но остался садом, потому что там попадались акации, черемуха, сирень и кусты непривитых яблонь.

Поглощенный мрачными грабительскими мыслями, молодой человек незаметно для себя очутился в самом глухом уголке сада, где попадалась еще не истерзанная любителями живых цветов сирень. Уголок этот благоухал. Но из молодого человека формировался уже алкоголик, так что запахи он чувствовал смутно. Равнодушно взглянув на пышный куст персидской сирени, он уже хотел повернуть назад, как вдруг заметил по ту сторону куста белое платье.

«Снять часики», — пришла ему в голову привычная мысль.

Оленька Белянина любила одиночество. Этот заброшенный сад привлекал ее всем: и тем, что он заброшен, и тишиной, и запахами, и еще многим, что

находила в этом саду она одна. Забравшись в заросли, она читала писателей-романистов, любила Тургенева, и в ней самой было очарование Лизы Калитиной. Оленька прошла тихим ровным путем через школьные классы в студенческую аудиторию. Юность ее светла и спокойна, и все неожиданности были у нее впереди. Это была нежная, чуткая, отлично воспитанная девушка, и трудней всего она воспринимала какие-либо отклонения от нормального. Мысль быть ограбленной никогда не приходила ей в голову.

Молодой человек между тем подошел, остановился в двух шагах и стал ориентироваться. Часы ему понравились с первого взгляда, но их владельца он нашел унизительно беспомощным.

«Сразу же отдаст и будет плакать», — подумал он.

— Который час? — спросил он, вкладывая в свою интонацию большую дозу грабительского сарказма, за которым слышится, что хозяину часов, не имеющему высокоразвитого чувства времени, предоставляется возможность ответить на этот вопрос в последний раз. Но этот зловещий вопрос, который настораживал, приводил в растерянность, заставлял трусить всякого, кому он задавал его наедине, на Оленьку Белянину не произвел никакого впечатления. Это показалось ему странным. Между прочим, у Оленьки была та наружность, мимо которой нельзя пройти без зависти или без любопытства, и молодой человек неясно осознал, что ему было бы неприятно иметь такого голубоглазого врага.

— Без десяти пять, — любезно ответила она.

— Врут ваши часы, — решительно сказал молодой человек. — Снимайте их, будем чинить.

И он сделал к ней шаг, но только шаг. Его остановил ее взгляд. В глазах ограбленных им людей он привык видеть страх, осуждение, презрение. Но девушка смотрела на него весело и с любопытством. Это было ново и неожиданно и так не предусмотрено практикой, что молодой человек растерялся.

— Вы что — странствующий агент часовой мастерской? — спросила она, улыбнувшись.

— Да, я... странствующий... — пробормотал он и неловко опустился на траву.

Они молчали. Оленька с интересом продолжала его разглядывать. Этот молодой человек выглядел несколько необычно. Следы каких-то происшествий на лице придавали ему в ее глазах романтический оттенок.

— Неужели вы не нашли другого повода, чтобы заговорить со мной? — сказала она, продолжая улыбаться, и он понял, наконец, что предложение снять часы она принимает за шутку, а его считает честным человеком, и вдруг почувствовал себя во власти какого-то сложного непонятного состояния, которое делало его попытку снять часы у этой девушки попыткой страшно нелепой и несостоятельной. Она что-то говорила, что-то спрашивала, но прошла минута, прежде чем он стал понимать ее и отвечать на ее вопросы. Непосредственность была природной чертой Оленьки Беляниной. И они разговорились. Это был обычный для двух незнакомых молодых людей разговор, который состоит из шуток и отгадываний имен и рода занятий собеседников. Разумеется, этот разговор не мог быть для молодого человека приятным.

Что Оленька студентка, стало известно быстро и легко. А он...

— И уж, конечно, вы не артист, — гадала Оленька. — Вы только что так грубо и так неталантливо пытались изобразить разбойника.

— Разбойника... — повторил он, — вы видели его когда-нибудь?

— Не видела, — самоуверенно отвечала она, — но представляю его лучше, чем вы.

Он взглянул ей в глаза и улыбнулся. Может быть, потому, что в жизни ему приходилось редко улыбаться и невинная улыбка хорошо сохранилась у него с малых лет, у грабителя оказалась детская улыбка. Было это трогательно, как грустная любовь веселого юмориста, и Оленьку такая улыбка не могла не взволновать. Кроме того, она смутно почувствовала, что где-то близко около этого разговора бьется самое важное, самое сокровенное в этом человеке. Они от-

вели глаза, и оба, каждый по-своему, смутились.

— Какая это книга? — нарушил он паузу и протянул за лежавшей у ее ног книгой свою руку. Обшлаг рубахи скользнул к плечу, и тут Оленька увидела на его руке непринужденно начертанную каким-то опальным художником Венеру и одну из эпитафий — яркую грубую татуировку.

— Что это? — улыбка мгновенно улетучилась с ее лица.

— А это, — сказал молодой человек чужим голосом, — наколка. Я, между прочим, разбойник и есть.

В горле пересохло, а ему захотелось вдруг говорить и говорить.

Он взглянул ей в глаза. В них были страх, осуждение, презрение.

— Вам нужны часы? — проговорила она сухо. Он молчал. Через несколько мгновений послышался шелест травы под ее ногами. Шла она или бежала, он не видел. Он сидел на земле, опустив голову и беспомощно, как подраненная ворона крылья, расставив руки.

Девичья память

Альберт Дрынов, живой, модно одетый юноша, полвечера провертевшись вокруг Наденьки Накидкиной и протанцевав с ней два быстрых танца, изловчился проводить ее домой.

Танцуя с Дрыновым и принимая из его рук свое пальто, Наденька молчала и только несколько раз неопределенно улыбнулась, что восприимчивый Дрынов истолковал так: «Вы мне нравитесь, но я вас совсем еще не знаю».

Дорогой он выказывал все признаки скоропостижной влюбленности: старался заглянуть Наденьке в глаза, упражнял свои легкие глубокими вздохами и говорил не останавливаясь:

— ...Вообще я против танцев ничего не имею. Если на то пошло, так и Ромео с Джульеттой на танцах познакомились. Это уж так заведено... Вы знаете, мне

кажется, я вас где-то видел. Серьезно. Вы, наверное, учитесь где-нибудь? В институте? Девушка с вашей внешностью может смотреть на жизнь с легкой улыбкой. Лично я для вас бы все сделал... Вам, конечно, еще и двадцати нет. Можно сказать, возраст любви...

Не бегите так. Послушайте, вы мне серьезно нравитесь. Меня поразили ваши глаза. Мне кажется, я уже видел эти глаза... Знаете, такое приятное и... возвышенное ощущение, даже мороз по шкуре идет. Я впечатлительный — я жениться могу. Вот до этого у меня никаких чувств: ни любить, ни радоваться — нехорошо даже. А сейчас в моей душе что-то вроде эпохи Возрождения, как это... э... Росинант. Да, Росинант! Я сам себя не узнаю. Вы не подумайте, что я это все так только говорю. Я гораздо серьезнее, чем вам кажется. Это я с виду только беспечный, а на самом деле у меня на душе, может быть, кошки скребут. Я чувствую, что и я могу всяких дел наделать, но знаете, мне не хватало стимула, э... предмета, который воодушевлял бы меня на что-то такое... Одним словом, я страшно рад, что встретил вас. Мне вас не хватало. Видимо, потому мне и мерещились ваши глаза. Мне сейчас даже удивительно — почему это судьба так медлила с нашей встречей... Вот мы идем с вами в первый раз, а мне кажется, что я уже сто лет здесь с вами ходил. Ваше имя...

Но тут Дрынов вспомнил, что не знает еще имени этой девушки.

— Топор! — воскликнул он с раскаянием. — До сих пор я не знаю вашего имени! Но это от волнения. Простите... как вас зовут?

— Мы с вами знакомы, — сказала девушка. Весь монолог она неопределенно улыбалась, но теперь по лицу ее скользнула убийственная насмешка.

— К-как знакомы? — удивился Дрынов.

— Да так. Вы провожали меня с танцев два месяца назад. За это время вы хорошо сохранились, если не считать, что у вас отшибло память. Прощайте. И запомните — Ренессанс, а не Росинант. Я и в тот раз вас поправляла, — проговорила она холодно и свернула вдруг в большие каменные ворота.

Шорохи

Рассказ ночного сторожа

— Вам спичек? Пожалуйста. Чем я здесь занимаюсь?.. Да вот: кому спички понадобятся, кому время, кому, может, поговорить... Садитесь, вам, я вижу, не нужно точное время.

Видите напротив магазинчик? Так вот я в нем работаю. То есть не в нем, а около него. Я — ночной сторож. Для этого у меня все данные: возраст 64 года, борода 15 сантиметров, ружье 16-й калибр.

Когда-то я работал в этом магазине продавцом, а теперь вот караулю... Но что это за работа! Мне даже немного совестно деньги получать. Еще ни разу не было ничего такого... Воруют-то днем! За пять лет сменилось семь продавцов.

Вот сейчас опять новый. Молодой, вертлявый такой. Все ходит по магазину, насвистывает. Не зря насвистывает! Я его насквозь вижу. Наглый. Такие мало не берут. Не могу его терпеть. Вижу, что шаромыга, но нет у меня полномочиев. Надо мной, подлец, еще издевается. «Караулишь, — говорит. — Ну карауль, карауль...» Дескать, напрасный труд. А у меня нервы сдают и курок у ружья пошаливает. Все может быть. Я его спрашиваю: «Ты зачем, голубчик, в торговлю-то подался?» А он: «Я, говорит, стал продавцом потому, что не хочу загубить молодость в очередях». Я ему: «Скоро тебя уведут? И надолго ли?» Отвечает: «Ничего, вернусь — буду сторожем». Видали его? Возьми с такого!

Вот... А ночью что ж... ночью тихо. Даже скучно как-то. Я уж хожу смотреть кинофильмы, есть забавные. Вот «Ночной патруль...», ну и другие. Хожу еще в суд слушать, да там все одно: растраты, разводы и хулиганство.

А насчет разбоя, так это только рассказывают. Брехня, устное, так сказать, творчество. Все, что тут было такого за пять лет, так все эти протоколы собрали и выпустили недавно книжку. Как же — читал, читал... занятно...

Ага! Уже час ночи... Этими часиками меня недавно премировали... Так я, пожалуй, сейчас лягу. Завтра рано вставать. Скамейка удобная и тулуп хороший — не жалуюсь.

А что касается шорохов — я шорохов не боюсь. В них нет ничего сверхъестественного. А сон на свежем воздухе, я вам скажу, самый крепкий и самый здоровый.

На другой день

У маленького деревянного домика на скамейке в позе больного художника с известной картины Карнаухова сидел молодой человек.

Поднятый воротник пальто наполовину скрывал его бледное лицо, которое выражало крайнее нетерпение и бесконечное отчаяние. В его глазах была сосредоточена грусть целого объединения начинающих поэтов-лириков. И если бы вы заглянули в эту минуту ему в душу, то вам стало бы неприятно.

Дрожащими руками молодой человек полез в карман, закурил, но тут же с отвращением отбросил папиросу. «Даже курить не могу!» — с горечью заметил он.

Ничего светлого его настроению не могло противопоставить мрачное осеннее утро. Почти задевая скелеты тополей, по небу ползли грязные лоскутки туч. В маленьких лужицах всхлипывал мелкий и нудный дождик.

«Декорации для самоубийства, — думал молодой человек! — Вот люди торопятся по своим делам, у них отличное настроение — они хорошо позавтракали, им все легко и просто. А я? Вчера и мне было весело и легко. А сегодня — ужасно! Грудь давит, будто меня сунули под гидравлический пресс. Невыносимо! А ведь я мог себя вовремя сдержать! Не сдержал. Ну и поделом — околевай теперь!.. Но что же это?»

Молодой человек в сотый раз взглянул на часы.

«Где же она? Разве можно так мучить человека? Только женщина может быть так жестока и так не-

брежна. Знает ли она, что такое депрессия души и тела? Нет. Женщинам это недоступно. Чтобы понять меня, надо все это почувствовать. Конечно, ее это не трогает, ей все равно... Женщины равнодушны к страданиям других, они ничего никогда не сделают, чтобы хоть чуть-чуть облегчить их, и даже наоборот — любят злорадствовать... Она не торопится, ей плевать на то, что у меня рябит в глазах и трясутся руки. Но она еще меня вспомнит! И ей еще будет неприятно! Впрочем, может быть, ей будет уже все безразлично. Нет! Это настоящая инквизиция! Кто ей дал право так издеваться! О, как тяжело! Как ужасно... Что ж, я уйду. Еще минута...»

Но здесь лицо его просветлело: он увидел ту, которую ждал с таким нетерпением. Он поднялся, облегченно вздохнул и быстро вошел в только что открытую толстой пожилой женщиной дверь под вывеской: «Пиво—воды». «Три пива!» — выкрикнул он на ходу.

Коммунальная услуга

Работник коммунального отдела Валериан Эдуардович возвращался с заседания в двенадцатом часу ночи. Он шел по затихшей улице и придирчивым взглядом человека, благоустраивающего город, замечал, что ночью почти не видно призывающих к чистоте табличек и плакатов, что мусорные тумбы расположены несимметрично, что забор, побеленный известкой, имеет непристойный вид.

У перекрестка Валериан Эдуардович покосился на звезды, но его внезапно отвлек шум, который создала вывернувшаяся из-за поворота машина. Он метнулся в сторону, туда же завернула машина. Валериан Эдуардович бросился обратно — машина, взвизгнув, повернула за ним. Он попятился... Одна из улиц уже несколько месяцев была рассечена вдоль глубокой канавой. Неподготовленный к этому, Валериан Эдуардович испытал не только острое чувство неожиданности. Приятно, свалившись в четырехметровую яму,

почувствовать себя живым и невредимым. Легкие ушибы только дополняют счастливое ощущение бытия. От сырых стен пахло сыростью. Валериан Эдуардович живо представил себя усопшим в этой яме, спина у него похолодела, он бодро вскочил и затрусил по длинному неблагоустроенному коридору.

— Там не вылезти, — вдруг услышал Валериан Эдуардович хриплый голос. Навстречу ему шел живой человек. Он приблизился, и Валериан Эдуардович при лунном свете разглядел высокого мужчину: худого и нескладного, как лошадь Дон Кихота. Запах, сопровождавший этого человека, и запах сырой земли вместе составили аромат винного погребка.

— Здравствуйте! — тепло приветствовал он долговязого мужчину. — Вы давно здесь?

— Точно не знаю, — ответил мужчина. — Который час?

Валериан Эдуардович струсил.

— Уже двенадцать? Ого! Я вздремнул немного... — пояснил мужчина. Неизвестный гражданин приблизился на четыре метра к уровню моря тем же путем, что и Валериан Эдуардович, но без постороннего влияния.

— Черт подери! — говорил он. — Свернул бы здесь шею хоть один из коммунальных работников! Полгода стоит эта ловушка открытой... Зачем они ее вырали? Ну, теперь есть материальчик... Я это так не оставлю! Я их разнесу!

— Как вы их разнесете? — осторожно спросил зардевшийся работник коммунального отдела.

— Известно, как. Для этого есть периодическая печать, — сказал тот.

— Ну вы уж и рады стараться... — пробормотал обеспокоенный Валериан Эдуардович.

— Стараться я никогда не рад, — отвечал незнакомец. — Ну постояла бы эта траншея месяц, ну второй, а то ведь как будто ждут жертв...

— Но ведь мы с вами целы и невредимы. Ведь целы же вы? — сказал Валериан Эдуардович раздражительно.

— Это что значит, падайте на здоровье, милости

просим, так, что ли? — зловеще спросил неизвестный.

— А что... Радикальный способ борьбы с алкоголиками... Хи-хи. Вытрезвитель в какой-то степени...

— Но-но! Ты! Будем называть друг друга на «ты», тем более я вижу, что мы друг друга не уважаем, — рассердился собеседник.

Общее несчастье делает друзьями людей разных профессий, разных характеров, разных степеней пользования коммунальными услугами. Валериан Эдуардович и неизвестный друзьями не стали. Они ужасно друг другу не понравились, смертельно разругались.

Когда они выбрались из этой ямы, была глубокая ночь.

Множеством неинвентаризованных фонариков мерцали звезды. Валериан Эдуардович оглянулся вокруг и вдруг почувствовал, что жизнь прекрасна. Он бодрой походкой взял направление к дому, обдумывая на ходу, как лучше поставить завтра вопрос о траншеях и ямах в городском отделе коммунального хозяйства, чтобы не портить настроение горожанам.

Настоящий студент

Старший преподаватель Лев Борисович Фениксов подозрительно относился к аудитории, перед которой выступал с курсом лекций о новом, открытом древнем языке. Ему казалось, что большинство студентов слишком молоды и несерьезны для того, чтобы заниматься этим необходимейшим предметом.

Сам Фениксов — мужчина лет тридцати, сухощавый, серьезный, холостой, принадлежащий науке. Аудитория же на его лекциях принадлежала самой себе.

С первой же лекции Фениксов выбрал среди физиономий, казавшихся ему безразличными и беззаботными, одно строгое, вдумчивое лицо и стал читать после этого, глядя на это лицо и обращаясь только к нему.

Студент Потехин в свою очередь каждую лекцию не сводил глаз с преподавателя. Если случалось, что Потехина на занятиях не оказывалось, Фениксов беспокойным и подозрительным взглядом скользил по рядам и, сбиваясь и нервничая, всю лекцию читал, обращаясь к проходу между скамейками.

Но Потехин ходил на его лекции часто, и Фениксов говорил о нем много хорошего там, где распределяются стипендии и назревают скандалы.

— Что ни говорите, на первом курсе, по-моему, разболтанный народ. Шуточки, невнимание... и, знаете, даже неуважение к предмету и преподавателю, а я, знаете, за это буду карать... Представьте себе, я вижу там одно только внимательное лицо. Сразу видно — серьезный товарищ. На него даже приятно посмотреть. Чувствуется настоящая пытливость, уважение... Уважение совершенно необходимо. Вот он — настоящий студент. Я говорю о Потехине.

До сессии было еще далеко, и Фениксов долго бы оставался при этом мнении, если бы не один досадный недостаток Потехина.

Студент Потехин был рассеян. Он обладал уникальной способностью, занимаясь одним делом, думать о другом. Так, покупая папиросы, он думал о том, что надо бросить курить, или, отвечая на зачете, соображал о дне и часе пересдачи того же зачета. По рассеянности он, например, всю зиму проходил в осеннем пальто и «забывал» иногда пообедать.

Раз после лекции Фениксова, на которой преподаватель и студент вдоволь налюбовались друг другом, Потехин, чувствуя, что аппетит превозмогает в нем рассеянность, направился в студенческую столовую.

В столовой с подносом в руках туда-сюда сновали молодые самообслуживатели. Потехин накрыл стол, безотчетно склоняясь при этом к вегетарианству и думая о том, что этот обед неизбежно повлечет за собой ужин. Минуты две он ждал у маленького окошка тарелку с хлебом, потом получил ее и в задумчивости уселся... за чужой стол.

Даже наметанный глаз старого экзаменатора, при-

нимавшего экзамены в разные времена и при разных освещениях, мог бы спутать эти два стола. Одинаковые, с ровным количеством блюд. Накрытые на одну персону и одинаково сервированные, эти столы отличались только тем, что должно быть съедено.

Таким образом, студенту Потехину представилась возможность познакомиться со вкусом преподавателя Фениксова, к чему он без промедления приступил.

Сам Фениксов с недоумением остановился за спиной Потехина, чуть не выпустив из рук свою тарелку с хлебом.

К Потехину между тем подсел знакомый студент с другого факультета — высокий, длинноволосый пижон из тех, которые лазают через решетку в сад пить пиво. Фениксов ушел бы, если бы между приятелями вдруг не начался разговор, который до того ошеломил Фениксова, что он машинально опустился на ближний стул. Разговор был о нем, и не было на свете сил, которые могли бы помешать ему все выслушать. Чтобы это не слишком походило на подслушивание, Фениксов взял ложку и стал хлебать потехинские щи.

— ...Понимаешь, с первой же лекции уставился на меня, — говорил Потехин, — и так все время. А у меня, ты знаешь, привычка смотреть в одну точку...

— У меня тоже, — признался приятель.

— Ну так я на него и глазею. Не слушаю, конечно, а так, пыль в глаза пустить... Как-никак в мою зачетку требуется его автограф...

Фениксов чуть не поперхнулся. Щи, которые заказал студент, пришлись ему не по вкусу. Они отдавали очковтирательством.

— Он читает такую чепуху, — продолжал Потехин, не замечая того, что шницель немного пережарен. — «Рцы черноокая, любишь ли мя?..» Смех! Кому это надо? Вся эта наука состоит из примечаний и оговорок. Это, дескать, еще не окончательно так, еще может быть и по-другому, я, дескать, еще об этом парочку томов состряпаю. А о чем? Мелочь какая-нибудь, чепуха!..

Фениксов побагровел, но продолжал заниматься

жареными макаронами. «Немыслимо! — думал он. — Какой нахал! Ест мой обед и говорит такие вещи. Подожди...»

— А вот же — надо сдавать, — вздохнул Потехин, — взял я у девчонок лекции, читаю сорок раз по одному месту — ничего не понимаю. Он сам тоже ни черта не понимает.

У Фениксова потемнело в глазах, он залпом выпил стакан чая и вскочил со стула...

Следующие лекции он читал, потупив взор в свои конспекты. Он целиком принадлежал науке.

Глупости

Где и когда встретились эти молодые люди, вам знать вовсе не обязательно. Важно лишь знать, что встретились они совсем недавно и теперь шли рядом по тихой городской улице.

Сентябрьский вечер был необыкновенно хорош. Весь день шел дождь, и солнце выглянуло только перед самым заходом — забежало проститься, — и теперь над низкими заборами сквозь блестящую листву мелькал его розовый след. По мокрому асфальту скользили недавно зажженные фонари.

— Какой вечер! Какой воздух! Я даже не знаю... Мне хочется сделать сейчас какую-нибудь глупость! — Девушка остановилась и, повернувшись к молодому человеку, продолжала шутливо и капризно: — Почему вы молчите? В такой вечер неприлично молчать. В такой вечер надо говорить красивые и возвышенные вещи.

И в самом деле, настроение у нее было если не возвышенное, то возбужденное, отчего она, хорошенькая и без того, делалась еще привлекательней.

Никитин, так звали ее собеседника, улыбнувшись и смутившись, проговорил:

— Я не поэт, Лиля... Но если вы хотите...

По лицу Лили скользнула неуловимая улыбка. Так может говорить только влюбленный, и, точно, Никитин уже был серьезно, беспросветно влюблен.

Никитин — студент, веселый, живой юноша, светловолосый и голубоглазый. Беспечный владелец бесценных сокровищ молодости, он не гонялся еще за счастьем сам, а наступал ему на пятки нечаянно. Встречу с Лилей он считал первой удачей своей жизни, второй удачей для него было бы поцеловать ее.

Никитина нетрудно понять, стоит только увидеть эту девушку. Волосы ее могли растрогать, глаза взволновать, улыбка оживить камень и произвести впечатление даже на мрачного сотрудника бракоразводного отдела.

Улицу пересекала другая — многолюдная, шумная, с трамвайной линией и с вереницей легковых машин. Никитин свернул было на нее, но Лиля вдруг сказала:

— Не хочу сюда. Знаете что? Сядем сейчас в трамвай и поедем куда-нибудь на окраину, в незнакомое место, там сойдем и вернемся пешком. Что, легкомысленно?!

— Не очень, — ответил Никитин. — Я предлагаю на край света.

Но на трамвайной остановке собралась толпа, численностью напоминающая скопление поганых под древним Киевом, и Никитин остановил такси, за что Лиля остановила на нем взгляд, полный признательности и внимания.

Шофер, пожилой мужчина в ученической фуражке и с сигаретой в зубах, спросил не оборачиваясь:

— Куда?

— До Дерибасовской, — сказал счастливый Никитин.

Дерибасовской в этом городе никогда не было. Шофер повернулся, взглянул на Никитина, рассмотрел улыбающуюся Лилю, но ничего не сказал и тронул машину.

— Давай за город! — пояснил Никитин.

Машина пристроилась к цепочке «Москвичей» и «Побед», медленно миновала два перекрестка, свернула на третьем и стала набирать скорость. На улицах света становилось все меньше и меньше, мимо скользнул последний огонек какой-то сторожки, и

машина выскочила на пустое и ровное шоссе, рассекающее темный ночной лес.

Никитин не отрываясь смотрел Лиле в лицо. Неизвестно когда появившаяся луна стремительно прыгала по верхушкам ближних деревьев, резала их темные силуэты или летела по воздуху. Лиля следила за ней, широко раскрыв глаза, с каким-то наивным вниманием, и по лицу ее то и дело бешено струились тени. Шоссе чуть свернуло в сторону, луна стала отставать. Лиля, чтобы видеть ее, невольно потянулась в сторону Никитина, и тот, не в силах уже больше выдержать, взял ее за плечи и два раза поцеловал в губы.

— Разверните машину! — звонким, срывающимся от негодования и обиды голосом скомандовала Лиля.

Шофер усмехнулся и сбавил ход.

— Вы слышали? — повторила Лиля.

— Лиля, послушайте... — тихо начал Никитин.

— Я с вами больше не разговариваю, — быстро перебила она, — я вас больше не знаю.

Шофер остановил машину, повернулся и, нагло подмигнув Никитину, заговорил:

— Было у меня несколько таких случаев, так некоторые девочки пешком отсюда, извините за выражением, топали...

— Ах, вот как! Откройте дверцу!

И Лиля, вдруг всхлипнув, попыталась открыть замкнутую с ее стороны дверцу.

— Разворачивайся! — грубо приказал Никитин.

— Пропустите меня. Я сойду, — сказала Лиля, обращаясь к Никитину. Хотя в глазах у нее светились слезы, она сказала это гордо и надменно. Но машина уже разворачивалась, а Никитин сидел не шевелясь и глядел прямо перед собой.

Обратную дорогу весь экипаж хранил мрачное молчание, если не считать того, что Никитин указывал дорогу до Лилиного дома.

Выйдя из машины, Лиля молча направилась во двор. Никитин бросился за ней.

— Эй, парень! А заплатить! — испуганно залопотал шофер.

— Жди здесь! — крикнул Никитин. Он догнал Ли-

лю и очутился в классической позиции влюбленного — между возлюбленной и дверью.

— Пустите меня, — сказала Лиля строго. — Вы ужасный человек. Мы едва еще знакомы, и вы... Пустите меня, я не хочу вас видеть.

— Не пущу, — заявил Никитин с отчаянием, —не пущу до тех пор, пока вы не скажете, что не сердитесь.

— Идите, вас ждет шофер, — сухо отвечала Лиля.

— Он будет ждать до тех пор, пока вы не скажете, что не сердитесь на меня, — запальчиво сказал Никитин.

— В таком случае вы будете разорены...

Диалог затянулся на полтора часа. Никитин говорил о том, что не хотел обидеть Лилю, что все вышло помимо его воли, объяснился между прочим в любви и продолжал «осаду крепости» с соответствующими случаю отчаянием и упорством. Лиля говорила о том, что еще никто в жизни с ней так не обращался и что она, наверное, никогда не простит Никитину эту грубость, а себе глупость и легкомыслие, с которыми она села в машину. Два раза в воротах появлялся шофер, кричал: «Эй, парень!» — и, неслышно ругаясь, исчезал. Появившись в третий раз, он крикнул: «Не меньше полбумаги», — и погрозил пальцем.

— Идите, идите, — все еще насмешливо сказала Лиля. — Вы пустите себя по миру, а потом будете обвинять меня...

— Вам не надоело? — кипятился Никитин. — При чем здесь шофер и его такси? Я могу оплатить в таком случае самолет. Ясно это вам? Вы мерзнете — это другое дело. Скажите, что вы простили мне... и я уйду.

— Хорошо. Я все скажу завтра вечером.

И она насмешливо добавила:

— Только не приезжайте, пожалуйста, на такси. Таким образом можно вырвать даже признание в любви.

— До свиданья!

— До свиданья! — послышалось уже за дверью.

Шофер нетерпеливо прохаживался вдоль машины.

— Едем ко мне... или лучше к моим друзьям. Там расплатимся, — весело сказал Никитин и, с силой захлопнув дверцу, добавил: — Погоняй!

Назавтра было воскресенье, и Лиля с утра ушла гостить к своей тете, которая жила на окраине города. Там, помогая поливать капустные грядки, Лиля со всеми подробностями описала вчерашний вечер.

— Нахал, — заключила добродушная Надежда Ивановна, — самый натуральный нахал. Неделю как знаком с девушкой — и уже такие штуки...

Надежда Ивановна была женщиной пожилой, одинокой и доброй. Больше всего на свете она любила племянницу, чай с малиновым вареньем и разговоры о нравственности.

— Таких, милая, гнать надо, — продолжала она. — Он случайно не Эдик? Мне почему-то кажется, что все Эдики ходят в узких штанах и все — негодяи. Ты, Лиля, будь начеку, ты совсем еще ребенок. Ты можешь наделать массу глупостей...

После обеда Лиля уснула на большой, как стол для игры в пинг-понг, кровати Надежды Ивановны. Ей приснился вчерашний водитель такси. Он пришел к крыльцу ее дома с букетом цветов и, смущенно улыбаясь, бормотал какие-то нежности. Лиля проснулась и рассмеялась. Тотчас же в спальню вошла Надежда Ивановна.

— Ты уже не спишь? Ну, давай пить чай. И пригласим парня...

— Какого еще парня?

— А вон во дворе колет дрова. Тут недалеко живет студент. После обеда приходит и говорит: «Это вам, кажется, требуется дровосек?» Как же: мне давно требуется — привезли два кубометра чурок, кому у меня их колоть? Парень скромный, хороший, не какой-нибудь Эдик. Сколько, спрашиваю, за работу. Не знаю, говорит, сколько дадите. Я человек гуманный, мне бы, говорит, порезвиться. И вот уже три часа резвится.

Они вышли в другую комнату, окна которой выходили во двор.

Посреди двора без рубахи стоял Никитин и махал

тяжелым колуном. На его широких загорелых плечах играли солнечные зайчики.

Лиля вспыхнула и спряталась за Надежду Ивановну.

— Вот парень! Не то что катаются там всякие на такси, — не унималась старуха.

— Не надо его звать пить чай, — еле слышно сказала Лиля.

— Как знаешь, — проговорила Надежда Ивановна и ушла в кухню. Прислонившись к подоконнику, Лиля продолжала смотреть во двор...

Вечером Никитин и Лиля снова бродили по красивым и тихим улицам города. О вчерашнем они почему-то не разговаривали, и только, прощаясь, Никитин спросил:

— Вы простили мне вчерашнее?

— Я простила тебя, — сказала Лиля тихо, — и боюсь, что, если это повторится, прощу еще...

Ревность

Она некрасива. Я знаю это лучше других. Не сразу найдешь другое такое же круглое лицо и такие бесцветные глаза. Короткая прическа на ее голове выглядит тяжелым увечьем. Она неумна. Об этом говорят ее постоянный испуганно-вопросительный взгляд и могучее отвращение к толстым книгам и серьезным разговорам. Шутки обижают ее, а смеется она обычно без всякой причины. Самые искренние ее мысли — это мысли, которые она высказывает нечаянно. При всем при этом она заносчива. Она уверена, что по жизни ее должны пронести на руках.

Она капризна, мелочна, злопамятна и т.д., и т.д. И то, что я хожу с ней под руку, дарю цветы и не могу прожить без нее ни одного вечера, жестокая печальная нелепость. Мне двадцать четыре года, я самый настоящий инженер-электрик, не пишу стихов, не толкаюсь за билетами на концерты заезжих теноров, — скажите, почему мне досталась такая жалкая, мальчишеская роль?

Наше знакомство, это роковое недоразумение, состоялось только потому, что однажды, желая насолить своему недругу, я проводил ее из театра вместо него. Дорогой она без конца трещала о нем, и я решил проводить ее еще раз. Не знаю, как это произошло, но незаметно для себя я с головы до ног был опутан ревностью. Самой, что называется, глухой и слепой.

Когда мы остаемся одни, мне с ней скучно. Мы молчим или занимаемся каждый своим делом. Я читаю или курю и думаю, она часами сидит на кушетке и, я уверен, часами ни о чем не думает. И молчит, молчит. А если что-нибудь скажет, то это будет такая глупость, что мне становится неловко, хочется уйти.

Но вот она поднимается с кушетки и, тряхнув своей мужской прической, говорит:

— Как я хочу танцевать! Пойдем сегодня на вечер.

И с этого мгновения она в моих глазах преображается. Слова ее становятся умными и многозначительными, глаза темными и бездонными, голос изумительным.

— Не пойдем, ни за что не пойдем, — твержу я. Но мы идем, и я говорю ей самые нежные слова, на которые я способен.

В зале я ловлю каждый ее взгляд, каждое слово, слежу за каждым ее движением. «Кого она увидела? Кому улыбнулась? Кто этот красивый парень? Неужели он подойдет сюда?» Бывает, что он подходит, и она, улыбаясь самой прекрасной улыбкой на свете, просит у меня разрешения потанцевать, и самый ненавистный мне человек опускает свою руку на ее талию, и они исчезают в толпе. И тогда у меня кружится голова, пылает лицо, сердце вот-вот взорвется. Мне хочется расшвырять танцующих, вырвать ее из рук партнера, схватить ее и бежать с ней куда-нибудь далеко от этого множества глаз, улыбок и лиц...

Конец романа

Вокзала никакого нет, потому что нет еще города. Есть обыкновенная станция — маленькая, деревянная, выкрашенная в желтый цвет. В зале ожидания всего три скамейки. На одной из них устроились две бойкие старушки с корзинами, на другой спит, свесив ноги и одной рукой касаясь пола, здоровенный дядя в телогрейке.

На третьей скамейке сидит девушка в синем плаще, хорошенькая, с большими серьезными глазами. В этих глазах — беспокойство и даже страдание. Ничего удивительного, если она вот-вот заплачет. Рядом сидит, развалившись и закинув ногу на ногу, широкоплечий парень. Надвинутое на лоб серое кепи бросает тень на его глаза. Хорошо видно только большой правильный нос и крупные расслабленные губы. Тяжелые руки брошены на скамейку. Такая поза существует специально для выражения усталости, небрежности и равнодушия. У его ног стоит громоздкий черный чемодан.

— Николай, ты не уедешь сегодня. Слышишь, не уедешь, — шепчет девушка, боязливо касаясь его руки.

— Почему я должен ехать завтра?

— Ни завтра, ни послезавтра ты не должен уезжать.

В ее голосе и просьба, и требование, и надежда. Он поднимает воротник, встает, берет чемодан.

— Выйдем отсюда.

Под ногами похрустывает лист облетевших тополей, с рельсов брызжут холодные лунные искры, дальше, за платформами и кустарником, чернеется зубчатый горизонт лесистой сопки. И вся тихая голубая осенняя ночь полна ожидания и беспокойства.

— Может быть, ты все-таки поедешь со мной?

— Нет, не могу. И ты не должен уезжать... Я перестану тебя любить. Я люблю тебя здесь... умного, сильного. А ты... Если ты уедешь, я не смогу тебя любить...

Он усмехается.

— Какая ты еще девочка... Ну что ж, оставайся. Конечно, оставайся. И вот что... Поговорим откровенно. Я хочу, чтобы ты поняла, что ничего не теряешь. Для тебя даже хорошо, что я сматываюсь... Мы с тобой разные, как сосна и береза. Ты вся какая-то голубая, розовая и... глупая. Поговорим откровенно. Я с тобой никогда не говорил откровенно. Я обманывал тебя. Виноват, конечно... впрочем, все мы друг перед другом виноваты... Сейчас, на прощанье, я хочу признаться тебе в том, что я люблю себя. Люблю самого себя — и это самая искренняя моя привязанность. Мне нравится заботиться о себе, окружать себя вниманием, удобствами. Здесь мне мешают этим заниматься. И мне надоело. Меня не устраивает это ваше дурацкое «будет». Квартира будет, театр будет, город будет! Когда, я спрашиваю? Я сейчас молод, понимаешь, мне это все сейчас надо.

А она твердит:

— Ты говоришь неправду... Ты так не думаешь. Ведь ты приехал сюда...

— Сюда я приехал заработать, ну и... из любопытства. Денег здесь приличных нет, любопытство мое удовлетворено. Магнитная гора меня больше не притягивает. Счастливо вам оставаться, фанатики, романтики! Мошку, грязь и морозы оставляю в ваше распоряжение. С собой я увожу только нежную память о них.

Мимо тащатся две старушки с корзинами. Громко зевая, проходит дядя в телогрейке. Пришел поезд.

— Ну вот, карета подана. Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай, как сказал один хромой старик. Он писал упаднические стихи, много ездил, но нигде не прописывался.

Он делает к ней шаг и замолкает. Луна не в состоянии скрыть ее бледности, дрожат губы, влажные глаза блестят... Все вместе это — боль, горе, смятение. Он берет ее за плечи и быстро, ласково, настойчиво говорит:

— Ты поедешь со мной! Сейчас же! Будь умницей... Если ты любишь меня — ты поедешь. И не надо больше глупостей про воздушный замок у Магнитной горы. Подумай, чтобы быть счастливым, необяза-

тельно строить новый город. Есть много готовых городов. Ну?..

Поезд вздрагивает и медленно ползет вдоль перрона.

— Нет... я не могу, — шепчет она.

Его лицо становится жестким и надменным.

— Тогда прощай, — говорит он и вскакивает в тамбур. Раскрытую дверь тамбура тотчас же заслоняет толстая фигура женщины-проводницы.

— Укатил соколик, — взвизгивает проводница, — ищи, девка, другого.

Быстро прогорел красный огонек последнего вагона, и вот уже замирает стук колес. И сразу делается невыносимо тихо. Слышно, как бьется сердце.

К луне крадется тяжелая черная туча. Становится темно. Девушка идет от станции в гору, туда, где светятся окна поселка. Шаги сиротливо шуршат по сухой траве. В открытых глазах слезы, и сквозь их пелену растут и заполняют весь взгляд сплошным неясным заревом огни будущего города.

Успех

На этот раз мне предстояло сыграть негодяя. По ходу действия я должен был отказаться от матери, спекулировать шикарным бельем, клеветать, двурушничать, вскрыть два сейфа и обмануть нескольких девушек. В конце пьесы за мной приходило сразу три милиционера. Мой герой был такой мерзавец, что я сам сомневался в его правдоподобии. Но меня марьяжили на эпизодических ролях, а тут наконец дали солидную роль. Режиссер долго ко мне присматривался и вдруг сказал: «Из вас, по-моему, выйдет незаурядный подлец». И вот — роль моя!

Кому не нужен успех? Артистам он нужен в особенности. Без него артист чахнет, становится завистником и интриганом. Мне же, молодому, начинающему, успех нужен как воздух.

За два дня до премьеры я ходил по комнате и твердил свою роль. В двенадцатом часу пришла Машень-

ка, наш декоратор. Она слушала меня за дверью и вбежала в мою комнату, смеясь и аплодируя.

— Браво! Браво! Ты бесподобен! Ты страшен! Браво... Только, знаешь, слишком уж... Твой герой — такое чудовище, что как-то... Бывают ли такие в жизни? Вечно тебе дают черт знает что! То проезжий, то прохожий, то хулиган, то пижон, а теперь — что-то умопомрачительное... Но хватит. Собирайся, тебе надо проветриться.

Глядя на Машеньку, на ее поблескивающие глаза, веселые лучистые волосы, слушая ее щебетание, я забываю все заботы и думаю только о том, как я счастлив. Машенька — моя невеста.

— И вот что! Приехала мама. Не отвиливай. Ты должен с ней познакомиться. Она хочет тебя видеть. Так что, живо!

Я не сопротивлялся. Был отличный день, и мне самому хотелось прогуляться по городу. Я надел галстук, прихватил пальто, шляпу, и мы выбежали на улицу. Ночью падал снег, но к обеду он почернел и подтаял. Было тепло, и, хотя был ноябрь, все очень походило на весну. Я бережно держал Машенькин локоть, и не все ли равно — осень ли это была, весна ли — я был счастлив. Хотелось выкинуть что-либо легкомысленное и веселое.

— Ты будешь вежлив, — говорила Машенька, — старайся показаться солидным, рассудительным. Тебе это ничего не стоит — ты артист. Что-нибудь соври.

— Как! Еще одна роль? И, кажется, роль скромного, заведомо положительного молодого человека. Машенька, пожалей меня, я этого не репетировал.

Я уже представлял себе все неизбежные неловкости, заминки, паузы, как вдруг меня осенило. «Сыграю-ка я перед мамашей своего негодяя, — подумал я, — а потом объяснюсь. Будет весело, непринужденно, заодно прорепетирую и посмотрю, как оно — на свежего человека».

Я был доволен своей выдумкой, и мне заранее стало смешно. В таком настроении я предстал перед Машенькиной мамашей.

И вот я и Варвара Семеновна сидим друг перед другом в небольшой светлой комнатке, завешанной и заставленной этюдами.

— Смотри же, — шепнула мне Машенька, — я хочу, чтобы ты ей понравился. — И убежала на кухню.

Мамаша — еще нестарая миловидная женщина, похожая, впрочем, на гусыню. Длинная шея, узкие плечи, белая блузка и строгое, даже надменное выражение лица. Минуту мы молчали. Я бы давно уже смутился, но не таков мой герой.

— Я очень рада, что мы познакомились, — сказала, наконец, мамаша.

— Да, — отвечаю я, — это не лишнее.

И снова молчание. Слышно только, как Машенька бренчит на кухне кастрюлями. «Начну, — решил я, — ошарашу сразу».

Я откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и начал:

— Мы, Варвара Семеновна, люди умные и не будем играть втемную. Я женюсь на вашей дочери. Не надо истерик, слез, восторгов тоже не надо. Обойдемся без междометий, восклицаний и прочих изъявлений чувств. Экономьте нервы... Вопросов вы мне тоже не задавайте. Я все сам объясню. Вы хотите знать, кто я такой. Вы, конечно, слышали, что меня считают здесь... как бы это вам сказать... непорядочным человеком. Это пустяки. Мне завидуют. Завидуют моему умению жить.

— Артистам всегда завидуют, — сказала вдруг мамаша. К моему изумлению, на ее лице не было смущения. Строгость вдруг сползла с ее губ, а приподнятые брови означали лишь легкое удивление и любопытство.

— Да, я артист, — продолжал я, — почему бы не быть артистом, если за это неплохо платят? Но я могу быть и бухгалтером, и швейцаром в ресторане, и директором бани — только заплатите мне больше... Конечно, получать и дурак может. Я такой человек, что мне никогда никто не даст, если я сам не возьму. Но сам я возьму обязательно. Зачем я женюсь на вашей дочери? Ваша дочь мне, конечно, нравится. Она... ничего себе...

шик, экстра, прима. Но дело не в этом... — Я нагло зевнул и искоса взглянул на мамашу. Мамаша сидела смирно. Она не собиралась падать в обморок, закатывать истерику и даже не перебивала меня. Мне показалось, что смотрит она на меня внимательно, с теплотой. Такие глаза бывают у доброго учителя, когда он смотрит на способного малыша. «Странно, — подумал я, — ее, видимо, ничем не прошибешь».

— Дело, разумеется, не в том, что я не могу жить без вашей дочери. Я могу без нее жить. Мы знакомы всего две недели, но этого вполне достаточно для того, чтобы почувствовать взаимную... выгоду. Машенька будет жить роскошно, модой будет заправлять. С другой стороны, мне необходима связь с культурными людьми... с запросами. Сейчас я и сам артист, но, как только мы поженимся, я уйду из театра. В театре не развернешься. Я перейду в какое-нибудь солидное учреждение с дебетом-кредитом. Например, в комиссионный магазин — на простор.

«Почему она меня не выгонит?» — недоумевал я.

— Я выкладываю вам все начистоту, потому что я уверен, что вы умная женщина и любите свою дочь. Нравлюсь я вам или не нравлюсь — это не имеет никакого значения. Машенька от меня никуда не денется. Я хотел, чтобы вы поняли, что ваша дочь находится в крепких руках.

Я помолчал, прошелся по комнате и сказал, гадко ухмыляясь:

— Между прочим, у нас с Машенькой все зашло очень далеко... Вы можете нас поздравить чисто формально... постфактум, так сказать, — вы меня понимаете...

Мамаша не побледнела, не вскочила, не затопала ногами, а, странное дело, она улыбалась. «Бревно — не женщина... Ну, я тебя доконаю!» — обозлился я.

— Мне сейчас нужны деньги, — продолжал я как можно нахальнее, — для одного дельца. И вы мне их дадите... Если вы мне откажете, я не могу жениться на вашей дочери. Очень свободно... Я ведь все могу.

После этих слов я ждал чего угодно, только не того, что произошло. Я не поверил своим ушам. Мама-

ша спросила меня голосом, полным внимания и предупредительности.

— Сколько вам надо?

— Тысячу, — сказал я в замешательстве: я уже не мог больше играть.

— Конечно, я вас выручу, — улыбаясь, сказала она и засеменила в другую комнату. Вошла Машенька.

— Обед готов... Что такое ты ей говорил? Она в восторге от тебя. «Это, говорит, то, что тебе надо. С таким мужем, говорит, сто лет жить можно. Он — прелесть. Но скажи ему, чтобы он был осторожнее. Он, говорит, молод, горяч». Так чем же ты ее очаровал?

В глубокой задумчивости я опустился на стул. «Да, это успех», — думал я, с тревогой вглядываясь в невинные Машенькины глаза.

На пьедестале

В конце Пригорской улицы происшествие. На высокой каменной стене строящегося дома стоит человек, жестикулирует и что-то говорит. Прохожие останавливаются и волей-неволей увеличивают собравшуюся уже у стены толпу.

— Что там?

— Наверное, мальчишка.

Но это не мальчишка. Это Семен Васильевич Жучкин, разнорабочий, увольняемый с разных работ за пьянство. На пятнадцатиметровую стену его загнал пьяный кураж.

Трезвый Жучкин — хмурый, замкнутый человек, заговаривающий лишь для того, чтобы ругаться и грубить. Ругаясь много и охотно, он вспоминает чужих матерей чаще, чем это делают сами чужие. Все остальное время Жучкин зловеще молчит. И, видимо, чтобы не угнетать общество своим тяжелым характером, он избегает быть трезвым. Хмелеет он быстро, и вместе с опьянением к нему приходят непринужденность и какая-то маниакальная общительность. Инстинкт самосохранения тянет его к незнакомым людям; тогда он с меньшим рис-

ком может навязываться в друзья, наживать врагов и вызывать участие в своей оплакиваемой пьяными слезами судьбе. Ему все равно: жаловаться, плакать, упрекать или угрожать — лишь бы быть все время на глазах у людей. Эта болезненная потребность в обществе так велика, что, кажется, такой человек бросил бы пить, если б всякий раз после выпивки оставлять его одного. На этот раз он в ударе. При его фантазии каменная стена в людном месте — для него седьмое небо. Он сознает, что это кульминация, что ему никогда уже не собрать столько людей, заинтересованных его судьбой. Стоит он, придерживаясь одной рукой за торчащий из стены железный прут, с пьяной грацией и претензией на монументальность.

— Чего собрались? — говорит он надменно. — Не видели пьяного пролетария? Смотрите!

И он слегка надрывает на своей груди рубаху.

— Чего ржете, цыплята желторотые, — обращается он к двум молодым людям. — Что, смешно?

— Ты зачем туда залез? Ведь пьяный же, свалишься. Слезай! — говорит толстый дядя с портфелем.

— Смеются! — продолжал Жучкин. — Я их защищал, когда... когда их еще не было. Сражался... болезнь получил, а они зубы скалят... и-ых!

На самом деле Жучкин никогда нигде не сражался, если не считать, что был бит однажды бутылкой по голове.

Жена дяди с портфелем, полная чувствительная женщина, суетится и тараторит:

— Что же это, он упасть может, он ведь пьяненький. Мужчины, что же вы стоите, мужчины!

— Слезай, слышишь, слезь! Свалишься, дурак, — басят мужчины.

— Свалюсь, — дрогнувшим голосом говорит Жучкин.

На молодых людей, снова собравшихся было рассмеяться, шикают и выговаривают: «Все бы зубоскалили, тут, может быть, трагедия...»

— Свалюсь! — торжественно и плаксиво повторяет Жучкин. — Что мне! Боролся, ничего не щадил... смеются... свалюсь... А ну, расступись!

Внизу смятение. Женщины разбегаются.

— Бежите! — упивается Жучкин. — В свидетели не хотите!

— Довели человека! — раздается из толпы глухой анонимный голос.

— Мужчины! — восклицает жена дяди с портфелем. Происшествие так захватило ее, что она раскраснелась, похорошела и, может быть, даже помолодела. — Человек может погибнуть!

Молодые люди направляются к стене, к деревянному трапу. Но Жучкин кричит:

— Куда ползете? Не подходи — сразу прыгну!

Молодые люди отступают.

— А ну, спускайся! — строго командует подошедший милиционер. —Спускайся живо, а то...

— Послушайте, так нельзя, — набрасывается на милиционера супруга дяди с портфелем. — Он ведь бросится... так нельзя. Нужно учитывать состояние... Вы бесчеловечны. Его надо убедить.

— Надо убедить, — нагло повторяет Жучкин. — Они привыкли тут...

Милиционер, молодой, еще недавно застенчивый парень, приходит в растерянность и недоумение. И Жучкина убеждают. А он несколько раз порывается низвергнуться вниз, дорывает на себе рубаху, хнычет, воет, рычит...

В это время к стене приближается старшина милиции Василий Васильевич Милых. Жучкина он знает давно и хорошо знаком с его повадками.

— Прыгай! Давай прыгай! Ну! — кричит Милых. Заметив его, Жучкин втягивает голову в плечи, запахивается в рубашку, ежится и исчезает с авансцены.

— Да разве он прыгнет! — говорит Милых с сожалением.

Через минуту Жучкин внизу. Теперь его можно хорошо рассмотреть. Вблизи вид у него жалкий, трусливый, как у шкодливого кота, которого хозяйка не кормит, а только бьет. Он бормочет:

— Я, Василь Васильевич, ничего такого... это я так... проветриться.

— Мы тебя провентилируем, — обещает Милых и

вдруг обращается к жене дяди с портфелем: — Гражданка, пройдите, пожалуйста... для освидетельствования хулиганского акта.

— Нам, знаете ли, некогда... Извините, возьмите кого-нибудь другого, — старается увильнуть женщина.

— Ничего. Это ненадолго. Пройдемте, пройдемте, — настаивает Милых и, обращаясь к Жучкину, цедит сквозь зубы: — Обрати внимание, порядочным людям неприятно с тобой идти.

Жена дяди с портфелем морщится, пожимает плечами и, ничего не поделаешь, идет вслед за Жучкиным и милиционером. К ней пристраивается недовольный муж.

— Хулиганов ведут, — говорит кто-то на улице.

Сугробы

Ни куста, ни пригорка, даже телеграфных столбов нет рядом. Только море снега, заунывно ровное, мертвое море. Узкая синяя дорога оцепенела, и кажется, что она никуда не приведет. Дорогу освещает маленькая тусклая луна. Озябшая, жалкая, она, кажется, ждет не дождется конца своего дежурства. А там, где сливаются небо и снег, — мрак. Попадите в такое место, пройдитесь по этой дороге ночью, и вы поймете, что такое одиночество. Резкий, неестественно громкий скрип собственных шагов будто подгоняет Верочку Фролову, учительницу, идет она быстро, почти бежит. Время от времени она оглядывается, дорога вязнет во мгле, и Верочке кажется жутким предположение вернуться, оказаться там, где она только что прошла.

Но и мороз, и волки, и три километра впереди — все это чепуха...

У Веры Андреевны горе. Ее обманули. Она долго не верила, что ее обманывали, но сегодня на станции, куда она приходила его встречать, она поняла все. В каждом письме он обещал приехать к Новому году. Правда, писем не было уже давно, но кто мог запре-

тить Верочке надеяться. Теперь все кончено. «Дурочка, дурочка, — ругала она себя, — давно надо было понять. Таких, как ты, — много, и они там, рядом... Зачем ему куда-то ездить»... Особенно обидно ей становилось, когда она вспоминала, как он полгода назад провожал ее сюда, в Степановку. Ссора, нежности, уговоры — все, что было тогда на перроне, все это, оказывается, обман. Нежных чувств хватило только на три письма...

Где-то в стороне послышался собачий лай и треск движка колхозной электростанции, дорога свернула туда, и через полчаса Верочка шла уже мимо первых домов Степановки.

Никто в деревне не спит, везде горит свет, но на улице пусто. Из большого дома с тополем-призраком над крышей кто-то вышел. В дверь вырвались нестройные голоса, над которыми взвился один пронзительно-радостный, женский: «...Парней так много халастых...» — и снова тихо. Верочка вспомнила, что в этом доме живет ее ученик Коля Лохов, смешной большеголовый мальчик, у которого вторую четверть двойка по арифметике.

От крыльца клуба, украшенного еловыми ветками, ярко освещенного, отделилась фигура. Громко скрипя бурками, фигура приблизилась, и Верочка узнала счетовода Федю. Разглядев, что Верочка проходит мимо, Федя загородил ей дорогу.

— Вот, пожалуйста, только вышел, стою, курю — и вы... Это, можно сказать, судьба. Зайдите, Вера Андреевна. Что характерно, танцы начались, музыка, общество культурное.

Федя — модник. Недавно он ездил в город и купил там черную папаху. Во всем колхозе существует только две пары бурок, у председателя и у Феди. Федя это сознает и носит их с достоинством, только по праздникам и выходным дням.

— Зайдемте, честное слово, — пристает Федя.

— Нет-нет, Федя, иди веселись. Я домой.

— Дружки мои уже все напились, а я вот... весь вечер искал вас. Если не секрет, где вы были, Вера Андреевна?

— Ходила на свидание. Прощай, Федя.

Через дом от клуба — небольшая деревянная школа. Светится только одно окно. Это не спит Михаил Зарипович, школьный сторож, грустно-старый, давно одинокий. Верочка живет тут же, в школьной пристройке.

В своей комнатке, не раздеваясь, она садится у теплой голландки и долго смотрит в серебряные окна. На столе бутылка вина, две лучистые рюмки. Двенадцатый час. «Наверное, он сейчас в белой сорочке, в красивом галстуке, кого-то слушает, кому-то улыбается. Где он сейчас? Мало ли где... Город большой... а я маленькая... Позвать кого-нибудь... Зарипыча позвать?»

Верочка сбегала и пригласила сторожа.

— Вы один, и я одна, — сказала она, — встретим Новый год вместе.

— Кому новый, а кому, может, последний, — сказал старик, но, конечно, согласился. Через пять минут он явился, чинно разделся, пригладил бороду и сел прямо к столу.

— Чего же ты одна? — спросил старик, наблюдая за Верочкой ласковым внимательным взглядом. — В клуб тебе надо. Федор тут цельный вечер крутился. Все интересовался.

— При чем тут Федор? Обманули меня, Михаил Зарипович. Обещали приехать сегодня и обманули.

— Как же так?

— Да так...

Зарипыч сочувственно насупился, Верочка не выдержала, прерываясь и всхлипывая, она рассказала старику о своем несчастье. Тот слушал, переспрашивал, выпил рюмку, налил другую.

— Так ведь нельзя, может, было приехать, — сказал он.

— Я не верю, что нельзя было. Не утешайте меня, я и вам не верю.

Верочка отвернулась от стола, положила руку на спинку стула, уронила на руки голову и затихла. Зарипычу стало ее жалко. Как успокоить человека, он знал хорошо, потому что сам нуждался в утешении.

— Чего убиваться? — начал он строго. — Со всяким

бывает. Бывает и проходит. И у тебя пройдет. Еще, гляди... свидитесь... А куды вы денетесь? Звезды, к примеру, взять, над нами одни и те же... Куды денетесь. — Старик увлекся и стал рассказывать про свою жизнь. Когда он взглянул на часы, было уже без двух минут двенадцать. Верочка молчала. Зарипыч забеспокоился.

— Андреевна! — позвал он. Она не ответила. Зарипыч поднялся и заглянул ей в лицо.

— Вот тебе раз! Спит девка-то... Господи, чокнуться будет не с кем!

Она в самом деле спала. Светлая прядь шевелилась на щеке от ровного дыхания. Неизвестно, что снилось Верочке, — она улыбалась. Старик хотел разбудить ее, но раздумал.

— Ишь ты какая... — пробормотал он, — намаялась... Пущай спит, что уж...

Старик долго смотрел Верочке в лицо, потом, будто спохватившись, выпил рюмку, покосился на часы, оделся и тихо вышел.

Мгла рассеялась, луна, в матовом венчике, пронзительно яркая, висела почти над головой, появились звезды. У калитки маячил уже подвыпивший Федя.

— А, лунатик! Все крутишь тут... Ну-ну. Ишь, вырядился... А не мерзнешь ты в этим колпаке, а? Не холодно тебе?..

— Вы, Михаил Зарипович, старый человек, а то бы я из вас за такие слова что-нибудь сделал такое... Ни один инженер по чертежам не собрал бы. Но я относительно не этого... Вера Андреевна в настоящий момент чем занимается?

— Дурак ты, Федька. Спит она.

— Как это спит? Девушка грустит, а вам все «спит». Никаких вы тонкостей не понимаете.

— Спит, говорю... Спит, и только.

Старик вздохнул, запахнулся в полушубок и пошел прочь.

Эндшпиль

Над территорией дома отдыха висит свирепое послеобеденное солнце. Жарища. Сосны потускнели, их зелень не лоснится своим здоровым, молодым блеском. Ветви берез совсем сникли, свернулись и похожи сейчас на потрепанные веники.

Отдыхающие, полураздетые, прикрывая головы газетными колпаками, спасаются от духоты и зноя бегством на озеро, в рощу. Любая из комнат деревянного корпуса представляет собой пекло, душегубку, орудие пытки. Никому не придет в голову в этот час искать кого-нибудь в комнатах.

Но тем не менее, корпус не пуст. В девятой комнате бухгалтер Козьмин и столяр Крикунов распивают бутылку «можжевеловой», в семнадцатой комнате, кажется, кто-то спит, а в коридоре на подоконнике играют в шахматы администратор Ильин и студент Сомов. «Можжевеловая» и сон в данном случае слабость, страсть, потребность организмов. Другое дело шахматы. Можно с шахматной доской пойти на воздух, куда-нибудь в тень, к воде. Но Ильину и Сомову взбрело в головы играть именно здесь, и, изнывая от жары, поминутно прикладываясь к стоящему в коридоре бачку с водой, они тянут свою партию.

— Федор Акимыч, я вижу, вам жарко. Вы плюньте — идите купаться. На ничью я согласен. Идите, честное слово, мне совестно даже...

— А вы?

— Вы на меня внимания не обращайте. Я сгоняю вес... И вообще не люблю себя распускать. Угнетаю, извините, свою плоть.

Сомов парень с манерами, с небрежностью в голосе и движениях. Он то застегивает, то расстегивает свою темно-красную рубаху. Рубаха модная, уже поношенная, слегка залитая дорогим вином. Его партнер мужчина лет тридцати пяти, высокий, с заметной внешностью. Имеет красивый, вкрадчивый баритон.

— Искупаться не мешало бы. Но тащиться до озера... Лень. Убейте меня, лень!

Студент, обыгрывая Ильина, который из настольных игр более всего преуспел в преферансе, деликатно зевнул и спросил:

— Ну как, Федор Акимыч, вы не жалеете еще, что приехали сюда? Скучно ведь, а?

Ильин сочувственно поморщился.

— Да, пожалуй, скучно... Ну ничего. У всех у нас есть здесь занятие: разлениться, поправиться килограммов на пять и года на два помолодеть.

— Э! Мне все это ни к чему...

— Вот вам и скучно.

— Вам шах, Федор Акимыч... Да, уж полнеть-то в домах отдыха принято. Почти каждый считает долгом чести поправиться. Возвращается потом домой — кичится. Неприлично даже — будто бы люди приезжают специально отъедаться. Еще туда-сюда пожилым и ответственным. Но девушкам-то! Заплывут, обленятся... Безобразие, как хотите! Вот та... как она... Вербова, по-моему, имеет такую тенденцию... Кстати, как вам она, Федор Акимыч?

Ильин отвечал нехотя, стараясь не отрывать мыслей от доски:

— Вербова... Вербова. Ах да! Вербова! Это белокурая, все в ситцах щеголяет? Да как вам сказать... Хорошенькая. Колоритная даже... так сказать, в определенном жанре... Но ничего особенного я не вижу. Она как-то слишком, знаете... Мне кажется, в ней есть что-то не очень... что-то отталкивающее... впрочем, я не знаю. У вас, конечно, имеется по этому поводу свое мнение.

— Да-да, — обрадовался Сомов, — именно что-то отталкивающее. Я тоже сразу это заметил. И ведь далеко не красавица, а? А заметили, как держится? Как прима-балерина. Понимаете? Утром выходим из столовой, она впереди идет. Ну шутки тут, конечно, намеки, аллегории... специально. Она, видите ли, повела плечиком — вот так... и свернула в сторону. А ей надо было прямо идти. Понимаете? Терпеть не могу заносчивых женщин. Это ведь вредное явление. Парадокс. И потом у нее глаза, кажется, зеленые, вы заметили?

— Нет. Знаете, меня такие мало интересуют. Не люблю таких... Объявляю шах.

Сомов закинул ногу на ногу и заговорил опять:

— Во внешности этой самой Вербовой все как-то, я бы сказал, утрировано. Приятно, конечно, когда нос чуть вздернут. Чуть! Ведь приятно, Федор Акимыч? А у ней это слишком. Как у куклы.

— А вы представьте ее через двадцать лет! Старухой представьте. Ужас. Того и гляди, сядет на метлу —и... фьють! Или дерево грызть... Ха-ха-ха!

— Да! Вчера, когда все собрались здесь поболтать, она два часа просидела в библиотеке! Скажите, что женщине там так долго делать!

— Учиться. С ее внешностью — учиться. Это единственный выход...

Партия между тем приближалась к концу. Партия выходила неблестящая. Но партнеры были друг другом чрезвычайно довольны и невольно улыбались, как это делают люди, вдруг почувствовавшие друг к другу уважение.

— Она, я слышал, диссертацию пишет. Надо же!

— Ну, для женщины это последнее дело.

В эту самую минуту дверь семнадцатой комнаты отворилась, и в коридоре появилась Вербова, веселая и вызывающе хорошенькая.

Партнеры изменились в лице и почему-то оба вскочили на ноги.

— Вот, пожалуйста, — сказал студент, — взгляните... Я подойду к ней сейчас и скажу что-нибудь... дерзость какую-нибудь.

И он направился было к ней. Но Ильин схватил его за руку.

— Нет, это я скажу ей дерзость.

Вербова тем временем замкнула свою комнату и побежала по коридору. Заметив Сомова и Ильина, она улыбнулась.

— Шахматы! В такую погоду! Вы чудаки.

— А вы... — начал Сомов.

— А я иду кататься на лодке.

— Возьмите с собой меня, — вдруг сказал Ильин, — я гребу, как пират.

— О! Я взяла бы вас, но меня там ждут.

Она взглянула на часы.

— Уже лодка взята. Счастливо!

И она помахала сумочкой.

— Вы, Федор Акимыч, шулер, — сказал Сомов после ее ухода.

— Мальчишка! — прошипел Ильин, собирая шахматы.

И они расстались с тем, чтобы уже больше никогда не встречаться.

Тополя

Я видел ее только раз. Может быть, потому я люблю ее всю жизнь.

Совсем такой же, как сейчас, был вечер. Такой же пронзительно синий воздух, так же сверкали вмерзшие в лужи огни фонарей, эти же самые тополя — корявые черные гиганты, навсегда увязшие в синеве. Старая садовая решетка и сам сад — темные пятна сосен, серые паутины берез, незаметные акации, немая улочка. И над всем этим — тополя.

Тогда я был беззаботный студент, сейчас мне сорок три. А тополя все те же, и, кажется, никогда они не могли быть тонкокожими, бледно-зелеными саженцами. Тот же от них запах — сладкая, прилипчивая горечь. Только ветерок — и ноздри раздуваются от этого запаха и непонятно сильно стучит сердце.

`Я был беззаботный студент. Голова кружилась от весны, от молодости, от удач. Я не гонялся тогда за счастьем, а наступал ему на пятки нечаянно, как наступаю сейчас на эти лужицы.

В тот вечер я шел к своей невесте. Ничто не мешало мне считать себя счастливым. И только в запахе тополей, в их торжественных фигурах было предчувствие чего-то необыкновенного. И необыкновенное случилось. Она быстро шла навстречу. Она не остановилась, не замедлила шага. Она промелькнула мимо. Но я видел ее улыбку! Видел! И вижу сейчас. Улыбка

говорила: «Как странно! Я предчувствовала, что я сейчас тебя встречу... Как странно. Но меня ждут. Я спешу...» «Куда!» — закричал я беззвучно. «Куда!» — кричали тополя.

Но она не слышала, и синь, вот эта мутнеющая синь затянула ее.

А сейчас под этими тополями я бреду домой, к жене, к десятилетнему сыну. Женился я по любви, моя жена умная, красивая, добрая женщина. Я люблю сына, люблю жену, не могу представить себя без них.

Но все летит к черту, когда приходят эти жуткие весенние вечера. Крадучись, как вор, непреодолимо, как лунатик, я прихожу сюда и шатаюсь здесь, под этими тополями. Здесь, именно здесь, когда таким вот безумно-синим сделался воздух и так торжественно застыли тополя — она быстро шла навстречу. Я видел ее! Я видел похожие на этот вечер глаза! Я видел ее улыбку!

Такая тоска! Такая тоска! Где-то в груди боль, острая, страшная, вечная боль. Хочется закричать, хочется заплакать. Такая тоска!

И потому хочется закричать и заплакать, хочется потому, что я ее никогда не видел. Ее не было. Были и есть только тополя.

Студент

Молодые листья на ветру трещат, металлически блестят на солнце. На окно ползет пышное белогрудое облако, ветер рвет из него прозрачные, легкие, как бабьи косынки, клочки и несет их вперед. В бездонную голубую пропасть.

— Молодой человек! Вам не кажется, что вы присутствуете на лекции? Да, да, вы — у окна. Вы, именно вы! Надо встать. Я спрашиваю: вы где находитесь?

— На лекции.

— Слышали ли вы, о чем я только что говорил?

— Нет.

— А когда-нибудь вы об этом слышали?

— Не знаю.

20—510

— Товарищи, сколько раз вам повторять: я на свои лекции ходить никого не принуждаю. Неужели это так трудно усвоить? Вы, молодой человек, свободны... Нет, нет! Можете идти. Идите, идите! Не смею задерживать. До свиданья!

Он сбежал по лестнице, быстро прошел прохладный сумеречный коридор, толчком распахнул дверь и на мгновение ослеп от резкого майского солнца.

День не жаркий, ветер ровный, бодрый, с запахом реки и черемух, без конца идут быстрые плотные тени. Напротив в сквере струится зеленый поток березовой листвы, за ней качается серебряная челка фонтана. Ветер бросает струи воды мимо каменной чаши, далеко на асфальт стелется белый водяной дым, под ним визжат, носятся голоногие девчонки.

Студент перешел улицу, в лотке у сонного небритого дяди купил сигарет и побрел вдоль сквера, лениво ступая на черную узорчатую тень чугунной ограды.

Он уже забыл про лекцию, про психоватого доцента. С самого утра в голове сидело одно и то же — строчки своего вчерашнего письма: «...Поклонников у вас много, но люблю вас один я. Для того, чтобы вы мне поверили, я сделаю все. Что дальше — решаете вы, но это свидание неизбежно».

Он не спешил. Доцент позаботился о том, чтобы он не спешил. Но лучше бы он торопился — тогда не исчезла бы та шальная самоуверенность, которая пришла к нему на лекции, у окна.

На набережной немноголюдно. Молоденькая мать катит по улице синюю коляску. У воды, будто лунатики, туда и обратно ходят, трещат рулетками рыбаки.

Он спустился к самой воде, присел на бетонную ступеньку.

Река несется навстречу облакам, темная у того берега, здесь, под ногами, неправдоподобно прозрачная. С той стороны уютно-зеленое предместье, обросшее садами и аллеями, сползает к реке желтыми тропинками улиц. «Люблю вас один я...» Это, видимо, глупо и, кажется, сентиментально. А что делать? Любовь — не моя затея... Она — знаменитость, — вот в

чем дело... Черт дернул ее быть артисткой, да еще знаменитой! Все было бы проще. И эта записка не казалась бы глупой. А что делать? Надо встретиться. Надо сказать слова, которые не скажет ей никто, кроме меня.

Река слепит солнцем, сияет голубизной. И шумят над головой молодые тополя. Но река — сама собой, ты — сам собой...

Она пришла. Она остановилась в десяти шагах, яркая, беспощадно красивая.

Она не одна. Рядом высокий в белом. Он безучастен, он смущен. Он прикуривает папиросу, дает понять, что явился сюда помимо воли и ему все это ни к чему. Студент поднялся. Может быть, подниматься было рано. Может, надо было подождать, когда они подойдут ближе.

— Это, конечно, вы. Явились, значит. Очень приятно.

Она разглядывает его в упор, подробно, с откровенным пренебрежением.

— Слава богу, вы, я вижу, человек взрослый и кое-что, видимо, поймете... Вы пишете, что готовы на все. Вот что, молодой человек. Сделайте вы мне две услуги. Во-первых, не ходите больше в первый ряд — вы меня раздражаете. Во-вторых, не присылайте мне ваших сочинений. Они мне не нужны. Написали одну записку — хватит... Зачем же четыре?

— Ну-ну, пустяки. Зачем же так резко? Кто из нас не писал посланий? — Высокий показал зубы, сочувственно подмигнул.

— Нет, с меня хватит разных дурацких писем. Они мне надоели! Молодому человеку надо дать понять, что его письма не приведут ни к чему, кроме скандала.

— Ну, это лишнее. Молодой человек, не придавайте этому большого значения. Она актриса трагическая, ничего не поделаешь. К тому же сегодня она не в духе.

Надо крикнуть, надо выругаться, надо разбить эту фальшивую улыбку. Но руки скрутила противная, гипнотизирующая слабость. В голове шум тополей.

Он взглянул ей в глаза — вот они, совсем рядом, злые, чудесные, — и деревянным унизительно чужим голосом произнес:

— Все это забавно... Но вы меня с кем-то путаете. Я вам писем не писал... Все это очень забавно...

Он видел только, как дрогнули ее брови. Слышал уже за спиной ее голос...

Потом он ходил по горячим пыльным тротуарам, пересекал веселые скверы, стоял на мосту и снова шагал по серым улицам, завороженный тоской, стыдом и отчаянием.

«...Что делать? Все изменилось. Все совсем изменилось...» Что-то надо делать, какая-то сила настойчиво и дерзко стучала в висках: что-то надо делать.

Вечером, когда он снова оказался у реки, он почувствовал себя непонятно. На том берегу была уже темнота. Деревья и крыши торчали сплошным черным частоколом. Над ним, между рваными синими тучами, опоясанными малиновыми лентами, зияли бледно-зеленые просветы, ошеломляюще обыкновенные, виденные на закате тысячи раз, минутные и вечные следы прошедших дней. Внизу в заливе плескались три лодки. Парни без устали махали веслами, слышался счастливый визг. Одна из лодок наткнулась на малиновую дорожку заката, дорожка оборвалась, по всей по ней прошла сверкающая дрожь. И все это ему неожиданно показалось неотделимым от его тоски.

Нагрянула вдруг жажда пережить такую же пустую визгливую радость, хотелось без конца видеть этот минутный малиновый свет, оказаться на том берегу, в темноте, легким и быстрым шагать в гору мимо сада, задевая висками прохладные черные ветки.

Он жадно всматривался в огни, вспыхивающие на том берегу, ежился от холодка реки и думал и чувствовал. Через час он вошел в маленькую комнату на окраине. Глянул в окно, в глубокую, невысказанную ночь, сел к столу и, не отрываясь, черкая, комкая и выбрасывая листы, писал.

Кончил он утром. Встал, распахнул окно, с му-

чительным наслаждением вдохнул пахучую утреннюю сырость, сделал по комнате два шага и, не раздеваясь, рухнул на жесткую узкую кровать.

Ветер тихо постукивал раскрытыми оконными створками и смахнул со стола несколько исписанных энергическим почерком драгоценных листов.

Моя любовь

Пять лет назад на перроне маленькой станции я прощался с любимой девушкой. Мне было тогда восемнадцать лет, и я ехал в город учиться.

Единственный пассажирский поезд останавливался на этой станции глубокой ночью. И это было так кстати. Мы сидели на моем громоздком чемодане и говорили о будущем. О том, что мы будем любить друг друга всю жизнь, что я буду приезжать, что в разлуке будем писать письма, а через пять лет, окончив институт, я вернусь в наше село, и мы будем вместе. Повторяю, мне было тогда восемнадцать лет, и все то, что мы друг другу обещали, казалось мне нашим будущим.

Начиная со школьного возраста, я постоянно был в кого-нибудь влюблен. Когда из шестого класса уехала вдруг моя соседка по парте, я впал в задумчивость и остался в шестом классе на второй год. Потом я последовательно был влюблен в преподавательницу истории, пионервожатую и в двух своих одноклассниц. По-настоящему я влюбился тотчас же, как пришло время. Это была Вера, та самая девушка, которая, не спросившись дома, ночью ушла на станцию провожать меня. Ей оставалось учиться в школе еще год, она собиралась стать учительницей и через пять лет непременно работать в своей школе.

О том, что мы друг друга любим, мы говорили тогда в первый раз и говорили потому, что мы расставались. Пришел поезд. Мы поцеловались, и Вера заплакала, уткнувшись головой в мое плечо и всхлипывая совсем как моя десятилетняя сестренка. Я взял ее за плечи, поднял голову и долго смотрел ей в лицо. Пря-

мые светлые волосы, нос чуть большой и весь в веснушках, мокрые серые глаза, жалкая улыбка... Я не знал тогда, красива ли она.

Поезд тронулся. Я поцеловал Веру еще раз, вскочил в тамбур, вошел в вагон, сел лицом к окну и просидел так всю ночь. «Ты не забудешь меня!» — вспоминались мне ее слова и лицо. Она повторила это несколько раз, и трудно было понять, кого она убеждала в том, что я ее не забуду — себя или меня. «Разве можно забыть!» — думал я в отчаянии...

И забыл. Забыл легко и быстро. Я попал в компанию веселую, шумную и безалаберную. Институт мне показался большим скоплением бойких молодых людей и легкомысленных девушек, у меня закружилась голова, и уже через две недели было назначено свидание с некоей Лидой. Лида в самом деле оказалась такой легкомысленной, что в нее трудно было как следует влюбиться. Через месяц мы разошлись в разные стороны, шутя и посмеиваясь. Потом была Эля, потом ее подруга Катя.

Я изменился. Завел себе усы-шнурочки, выучился танцевать и, выбиваясь из своих студенческих возможностей, волочился за модой. Одним словом, внешне я сделался то, что называется «стиляга». Вообще-то я уверен, что стиляг никаких нет. Есть модники, шалопаи, жулики, нахалы, есть мальчики, которым невтерпеж быть взрослыми и быть мужчинами, а стиляг нет. Отрицание авторитетов, желание пожить в свое удовольствие, перепродажа модных вещей — все это, конечно, не оригинально, не ново и сводится в конце концов к мелкому хулиганству. А все эти ценители и коллекционеры плохой эстрадной музыки, разные Бобы Бондаренко и Джоны Сапожниковы — это же только смешно и пошло. Впрочем, многие из поклонников гнусного саксофона в восторге от этой музыки и не признают никакой другой только потому, что спекулируют ею по воскресным дням на толкучках.

Конечно, я далек был от увлечения напоминать собой lovelas, но меня все это тогда забавляло, а главное, это нравилось девушкам, которым хотел нра-

виться я. Шутя и посмеиваясь, я знакомился и забывал свои знакомства четыре года. Бывало, сижу где-нибудь в саду, жду девушку и скучаю. И мне нравилось, что я скучаю, что я могу встать и уйти, не дождавшись этой девушки, и завтра назначить здесь же свидание кому-нибудь другому. Мне нравилось интриговать, водить за нос, пускаться в рискованные приключения и выходить из воды сухим и со свободным сердцем.

Кончилась моя учеба в институте. Товарищи мои почти все переженились и стали уже мне не товарищи. Я по-прежнему балансировал между флиртом и низкопробными романами и был доволен собой. И вдруг мне стало грустно и беспокойно. Я сделался задумчив, все чаще уклонялся от выпивок и стал уединяться. Как-то я вспомнил Веру, но вспомнил с грустной усмешкой, как что-то трогательное, смешное и безвозвратное. Скука взялась за меня основательно, и я решил жениться.

Я бросил свои ловеласовские повадки и стал ухаживать за Лизой, строгой, умной и милой девушкой, с которой познакомился в театре. Лиза была красива, я привык к ней, и иногда мне казалось, что я люблю ее, но я чувствовал, что в то же самое время я готов к чему-нибудь новому. Через полгода у нас было все решено: я кончу институт и мы поженимся. Лиза кончала музыкальное училище, но со мной собиралась ехать куда угодно.

И вот я получил диплом агронома и назначение, разумеется, в село. Направление оказалось именно в то село, откуда я уехал пять лет назад. Лиза еще сдавала экзамены, и устраиваться я поехал один.

Ночью в вагоне мне не спалось. За окном набегали и исчезали огни станций и мелькали встречные поезда. Я сел у окна и раздумался. На вокзале меня провожала Лиза, но мне не было грустно от того, что мы расстаемся. «Я не люблю ее», — подумал я. Потом я вспоминал своих прежних знакомых, и, странное дело, ни одну из них я не мог вспомнить как следует, я не мог ясно представить ни одного лица, ни одного значительного слова, ни одного запоминающегося

пустяка. И я понял, что молодость моя проходит мимо счастья — мимо тех радостей и печалей, которые дает человеку одна любовь. «Как известно, — подумал я, — для души и сердца прошли эти пять лет...» И я вдруг ясно вспомнил свой отъезд в город, маленькую станцию, Веру и ее милое, заплаканное лицо. «Как было хорошо, и как все это сейчас далеко от меня... Где теперь Вера? Если бы люди выполняли все свои обещания и клятвы, то она должна сейчас ждать меня в том селе», — я усмехнулся и, опустив голову на руки, стал засыпать.

Был звонкий майский полдень, я спустился с железнодорожной насыпи и пошел к селу маленькой черной тропинкой. Кругом было столько света, воздуха и зелени, было так хорошо, что хотелось упасть в высокую, пахучую траву и пролежать в ней как можно дольше, ни о чем не думая, ничего не вспоминая.

Я прошел половину длинной улицы села, никто мне не попадался. И только у другого конца улицы двери нового двухэтажного дома вдруг распахнулись, и оттуда вырвался целый ручей белоголовых ребятишек. Я остановился и смотрел на них, пока они не выбежали из школы все и их радостный галдеж не удалился по обе стороны улицы. Потом из школы вышла девушка, легко сбежала по белым ступенькам и быстро пошла в мою сторону. Неожиданность, растерянность, радость — все, что я испытал в эту минуту, можно только испытать и совсем невозможно представить. Это была Вера. Она остановилась передо мной, долго на меня смотрела и, проговорив: «Ты не забыл меня...», — бросилась ко мне на грудь. Вот и все.

Потом мы бродили за селом по лугу, пили шампанское в ее квартире, и, когда она была на уроках, я с нетерпением ждал ее в шумной учительской. Я смотрел на нее, слушал ее голос, и мне казалось нелепым и диким то, что я мог ее забывать. Я понял, что я не смог полюбить ни Лизу, ни всех остальных, которые будто причудились мне в плохом сне, только потому, что все они не похожи на Веру, и потому, что любил я всегда только ее одну. Я не оспариваю ни

опыта, ни мудрости, ни правоты тех, кто утверждает, что любовь к одному человеку не может быть беспрерывной и беспредельной, но я твердо убежден, что моей единственной любви хватит на всю мою жизнь. Мне стыдно. Я так виноват перед Верой, перед своей любовью. Но Вере я ничего не рассказываю. Я боюсь оскорбить нашу любовь, и я прощаю себе эту трусость. Моя любовь искупает мою вину.

Я едва смог поехать в город, чтобы объясниться с Лизой, которая уже собиралась ко мне приехать. Входя в ее дом, я услышал фортепьяно. Лиза играла Шопена. Я вошел в комнату. Она сидела ко мне спиной и не заметила моего прихода. Я тихо уселся у двери и стал слушать. Раньше я не любил Шопена, его музыку считал слишком сложной и сентиментальной. Но теперь я был заворожен... И тут, слушая Лизу, я думал о Вере и о своей любви. И мне казалось, что это тонкое и глубокое чувство, которым жила и входила в душу музыка, — мое чувство, и мне захотелось вдруг видеть Веру и говорить ей что-нибудь красивое и нежное... Лиза кончила, мы поздоровались, и я объяснился. В тот же день я уехал. Лиза любила меня, и я оставил ее в ужасном состоянии. Не знаю, прав ли я. Знаю только, что я счастлив.

Листок из альбома

— Чем бы вас занять? — сказал мой новый знакомый Евгений Сергеевич Потерин, морща лоб и обшаривая свою комнату пренебрежительным взглядом. — Вот хоть это, — он сунул мне в руки небрежно выдернутую из этажерки штуковину в бархатном переплете и пошел к двери. — Взгляните пока. Глупейшая вещь, женская литература. Сам никогда до конца не смотрел. Я сейчас вернусь.

Евгений Сергеевич пошел за пивом. Его жена Таисия Григорьевна хлопотала на кухне. Таисии Григорьевне лет тридцать пять, но ее красота еще очевидна. И меня удивили ее грустные глаза — редкость и неожиданность у хорошенькой женщины.

В моих руках оказался альбом со стихами. Как полагается, он был напичкан нежной лирикой, начиная с пылкого Катулла и кончая Степаном Щипачевым. Я нехотя полистал.

Последней страницей альбома оказался вклеенный в него небольшой листок, исписанный мелким почерком. Когда-то измятый, теперь тщательно выровненный, склеенный из двух частей, выцветший, этот листок заинтересовал меня своей интимностью.

«Я не могу больше любить так мучительно и так униженно. Мне трудно видеть тебя и ждать от тебя всякую минуту признания в том, что ты меня не любишь. Прощай. Будь счастлива — у тебя для этого есть все и нет больше того нищего, при котором неудобно дарить свою любовь кому-нибудь другому.

Прощай! В конце мая сходи за город, туда, где мы были год назад и где с тобой были еще твои сомнения, со мной — мои надежды. Взгляни, как тают белые цветы, вздохни и все забудь».

Я с любопытством перечитал все это еще раз.

— Ха-ха. Не поверите — это я написал, — вдруг раздался у меня за спиной голос вернувшегося Потерина.

Я взглянул на него с удивлением. Всегда насмешливый, далекий от разных нежностей, Потерин олицетворял собой здравый смысл.

— Что, не похожу на Вертера? Ха-ха-ха!.. А ведь было, было... — продолжал Потерин, разливая пиво. — Хотите расскажу? Обед еще не скоро. Эй, живее там! — крикнул он жене, которая на кухне приятно побрякивала посудой. —Пейте пока пиво. Свежее, из персональной, можно сказать, бочки... Так вот... Послушайте: поучительно, а главное — беспримерно глупо... Начался этот водевиль, когда мне было девятнадцать лет. Конечно, в девятнадцать лет всем положено любить и страдать, но я любил и страдал не как все. Я смотрел на всех своих знакомых влюбленных критически, с такой демонической усмешкой. Мне казалось, что они любят не так, как надо, опошляют любовь, делают из этого праздника человеческих чувств серые, скучные будни и

все в таком духе. Про себя составил я что-то вроде идеала любви и решил его осуществить.

А кто, вы скажите мне, имеет ясное представление о том, какой в этом должен быть идеал? Вообще, кто может верно и категорически судить о любви? Сколько соображающих людей, столько и взглядов, и мнений. И о любви судят особенно необъективно.

Ну, а мое представление о любви состояло, конечно, сплошь из иллюзий. И вот появилась «она». Я был страшно придирчив, но она понравилась мне сразу. Красивая, юная, нежная. Чиста, как снег в семи километрах от города.

О своей внешности я был самого неопределенного мнения, а между тем был недурен. Кроме того, щелкая соловьем, оригинальничал, острил, — одним словом, был способен нравиться.

Началось, как обычно, время будто бы случайных встреч, сомнений, догадок, желания видеть друг друга во сне и сразу после сна... Мы познакомились, и я стал думать о ней от свидания до свидания. Разумеется, на свидании я тоже думал о ней. Когда я сказал, что люблю ее, это было уже так очевидно, что признание мое оказалось только формальностью. Она же была романтиком и ничего, конечно, не знала и ничего не могла мне сказать. Впрочем, она говорила что-то о товарищеском отношении, но при чем тут товарищеское отношение?

Любить тогда для меня значило говорить нежности и делать глупости. Мало того, я боготворил ее, возводил в степень, семенил вокруг нее мелким бесом и рассыпался перед ней мелким бисером.

А это-то и гибельно. Я ей нравился, но как только она убедилась в том, что я люблю ее и в доску постоянен, она стала относиться ко мне небрежнее. Сердиться я на нее не мог — у меня только портилось настроение. Сначала она ссорилась охотно и весело, находя в этом удовольствие сытой кошки, заигрывающей с затравленной мышью, но потом ссоры стали жесткими и злыми, дольше длились и с трудом прекращались моими усилиями.

Я весь, мои дела, мои убеждения зависели от ее на-

строения. У самой у нее не было ни убеждений, ни мыслей — один только характер. Характер скверный. В ее голове ничего интересного, кроме капризов, не было; правда, капризы эти всегда поражали своей виртуозностью. Исполнение ее любого желания — это то, что неизбежно должно быть — как зимой снег. Даже когда она любила меня, она могла бы меня поменять на леденец, если бы очень его захотела.

И глупее всего то, что меня все эти каприччиозы восхищали, приводили в какой-то идиотский трепет. Я так захлебывался от восторга, так млел от обожания, что даже теперь еще совестно.

Больше года она водила меня за нос, потом ей это надоело, и она прогнала меня.

Я вбил себе в голову, что я замечательно несчастлив, писал нежные и грустные стихи, стал худеть и подумывать о самоубийстве. Несколько раз я встречался с ней под разными предлогами, писал унизительные письма вроде этого листка и окончательно ей надоел. В последнюю из таких встреч она сказала мне: «Все кончено. На следующее свидание приглашу милиционера».

Никогда не забуду этого вечера. Разговор происходил во дворе ее дома. Я пресмыкался и просил ее выслушать меня.

Если вы когда-нибудь были идиотом, то знаете, как может женщина унизить человека. Она вообразила себе, что ей противно находиться со мной лишнюю минуту, и хлопнула дверью. Противно! Сразу же я услышал за дверью смех. Смеялись она и ее подруга. Смех этот страшно резанул по моей психике, и тут я почувствовал, что из моей души вдруг выпала какая-то большая деталь.

Не помню, как я удалился со двора.

Неопределенное время я просидел на скамейке в пустом сквере, а когда поднялся, то почувствовал, что любовь моя кончилась.

Она вытравила во мне «всю пылкость, все страсти души» и прочие глупости. Она воспитала во мне юмористическое отношение к женщине. На следующий день я написал ей: «Если нравится быть жестокой —

вешайте собак или распределяйте стипендию» — что-то в таком духе.

Сам себе я сказал: «В твоей любви не было радостей — в твоей жизни не должно быть скуки. Скука недопустима». И зажил весело и беззаботно, как это возможно студенту средней обеспеченности. Замелькали разные лица, но я в них уже не всматривался. Я любил и пользовался взаимностью, но любил уже без всяких идеалов, без замираний в сердце и всего такого прочего. И вот...

В комнату вошла Таисия Григорьевна, постлала скатерть и стала накрывать на стол. Потерин, будто не замечая ее, продолжал, солидно отпивая из кружки, которую я периодически наполнял:

— Вы никогда не встречали учебника женской логики? Нет такого? А почему? Такой учебник мог бы написать любой бухгалтер в перерыве между составлением двух отчетов. Ничего нет проще: все шиворот-навыворот — и только. Женщины сами распространяют слух о том, что их логика непостижима. На самом деле их поступки и мысли прямолинейны, как телеграфный столб.

Так вот, когда я уже откровенно зубоскалил над возвышенными чувствами, верностью и голубиным счастьем, она вдруг пришла ко мне и принесла мне свою любовь, раскаяние, покорность, слезы и желание не разлучаться.

И вы знаете... Я женился на ней. Да, да, не удивляйтесь — это Таисия Григорьевна. Как это вышло, не знаю, но только хорошо сознавал и сознаю, что я ее тогда не любил... Да... Женился, может быть, из мести, а может быть, из уважения к своим юношеским заблуждениям. Страшно глупо. Она, кажется, любит меня и теперь. Мне безразлично, скандалов я не устраиваю, я только ограничиваю ее во внимании ко мне. Характер ее изменился до неузнаваемости, и, знаете, она отлично готовит обед. Вы сейчас в этом убедитесь.

За обедом он вдруг спросил Таисию Григорьевну:

— Я как-то все забываю поинтересоваться... Ты счастлива со мной?

Таисия Григорьевна вздрогнула и, глядя на меня и неловко улыбаясь, проговорила:

— Евгений Сергеевич всегда шутит так неожиданно...

— Счастлива, тебя спрашиваю, или нет? — беззастенчиво повторил Потерин.

Таисия Григорьевна перестала улыбаться и опустила глаза.

— Разумеется, я счастлива, — сказала она.

Последняя просьба

Николай Николаевич Смирнов был уверен, что до следующей весны он не доживет.

— Скоро умру, — говорил он, вздыхая и виновато поглядывая на свою дочь Лидию Николаевну, которая убирала его комнату.

— Что ты! Живи до ста лет, — машинально отзывалась Лидия Николаевна, стирая пыль с книжного шкафа.

До ста лет оставалось не так уж много.

В начале осени Николай Николаевич почувствовал, что ходить он уже вовсе не может.

Только крайняя беспомощность и совершенная безнадежность порождают желание умереть. Вконец одряхлевший, совсем бессильный, Николай Николаевич имел и надежду, и жгучее, как у юноши, желание, чтобы надежда эта оправдалась. Ему хотелось дожить до весны. Хотелось еще раз увидеть на столе цветущую сирень, услышать весенних птиц, ему хотелось в зеленый рай — в березовую рощу, которая начиналась почти сразу от окна его комнаты.

Но за окном березы прогорели бледным пламенем осеннего заката, а скоро пришел и сразу взбесился лютый зимний месяц декабрь. Чьей-то одинокой, брошенной душой взмыли ошалелые метели, вселяя в сердце тоску по ласковым весенним дням.

Николай Николаевич и его дочь жили вдвоем. Муж Лидии Николаевны умер, а дети, которые все уже были взрослыми, жили разными семьями и в разных мес-

тах. Николай Николаевич знал, что, когда он умрет, Лидия Николаевна уедет к своему старшему сыну.

Вечерами Лидия Николаевна садилась на край кровати и спрашивала, не хочет ли чего отец. Николай Николаевич отвечал, что ничего не надо, что надо бы давно умереть, говорил, что он измучил ее, но что терпеть ей осталось совсем уже немного. Лидия Николаевна сердилась и всхлипывала. Тогда Николай Николаевич делал слабое движение своими почти обескровленными руками, Лидия Николаевна осторожно опускала голову к его груди и тихо плакала, и у Николая Николаевича разбегались по морщинам две-три пресные старческие слезы.

Бывали врачи, но Николай Николаевич был уверен, что они не лечат его, а только делают вид, что лечат. «Вы знаете, и я знаю: старость неизлечима», — говорил он им.

Раз к нему заходил сын Сергей. Сергей Николаевич был очень серьезный и очень занятой человек. Часто приходить он не мог.

Он пришел поздно вечером, с папкой под мышкой, не разделся, а только снял шляпу и смял ее в своих сильных руках.

Перед его уходом Николай Николаевич расхрабрился на шутку, которая, в сущности, была вовсе не шуткой.

— Не хочу умирать зимой, — сказал он. — Хочется покинуть этот мир в цвету, чтобы оставить о нем хорошее впечатление.

— Ты еще молодец. Мы с тобой еще на уток пойдем, — улыбнувшись, сказал Сергей, но Николаю Николаевичу показалось, что говорил он это вяло и бесчувственно...

Николай Николаевич возненавидел зиму за то, что зимой хорошо только здоровым и сильным, за то, что зимой нельзя открыть окно, за то, наконец, что зима так долго тянется. Ему стало казаться, что не старость, а зима отняла у него все и оставила одни только воспоминания, которые тоже отнимают силы, но от которых становится грустно и хорошо.

Но Николай Николаевич так и не мог привыкнуть

жить одними только воспоминаниями. Он ждал весны.

И весна пришла. Николай Николаевич давно уже следил за большой сосновой веткой, которая заглядывала в окно его комнаты. И вот солнечным мартовским полднем ветка сбросила с себя белую, великолепную, но, правда, давно уже дырявую шапку.

Николай Николаевич попросил устраивать его в кресле и подолгу просиживал теперь у окна.

За окном зима одну за другой сдавала свои позиции.

Сначала почернели натоптанные прохожими тропинки через рощу, потом стали появляться желтые пятна проталин, и наконец вся земля предстала перед глазами такой, какой застал ее первый снег...

— Как хорошо! — сказала Лидия Николаевна, в первый раз открывая окно, когда роща уже чуть повеселела издалека еще незаметной зеленью.

Но в душе Николая Николаевича не было той радости, какую он ожидал с приходом весны. То, что он ждал, пришло, но это оказалось не тем, чего он хотел. Он хотел жить.

«Пройдет весна, — думал он, — высохнут цветы, а жизнь будет продолжаться. И она хороша всегда и везде: и в цветущем саду, и на занесенной метелью дороге, и даже у окна в кресле, с которого нельзя подняться...» У большой старой березы почти каждый вечер встречались девушка и молодой человек, по-видимому, влюбленные.

Николай Николаевич любил наблюдать эти встречи, привык к ним, думал о них. Почти каждый вечер он говорил Лидии Николаевне: «Лида, посади меня к окну, я опаздываю на свидание», — и смотрел в рощу до тех пор, пока сумерки не съедали и рощу, и две фигуры у старой березы. Они ему даже иногда так и снились: девушка сидела, прислонившись к стволу березы, а молодой человек стоял, упершись головой в толстый сук и держась за него обеими руками, и смотрел на девушку.

Но как-то Николай Николаевич заметил, что молодые люди вдруг стали посещать рощу в разное время. По всем признакам это была ссора.

«Какие глупые и какие счастливые, — думал Николай Николаевич. — Они страдают, ходят в разное время в одну и ту же рощу, но они молоды, и... звезды над ними одни и те же».

В первый душный день, перед первой грозой, старость и болезни обступили постель Николая Николаевича, протягивая к нему свои костлявые руки. Николай Николаевич задыхался.

— Лида, — сказал он, с трудом отыскав среди тяжелых видений бледное лицо дочери, — позови Сережу... Сейчас же... в последний раз...

Ударил гром, и за окнами началась бешеная пляска стихий. Порывы ветра гулко разбивали об оконное стекло тяжелые струи воды. Роща стонала, выла, всхлипывала. У Николая Николаевича стучало в висках, но дышать стало легче.

А когда гроза кончилась, Николай Николаевич почувствовал себя так хорошо, так легко, что вдруг сел в постели и бодрым голосом потребовал:

— К окну!

Испуганная Лидия Николаевна запротестовала.

— В кресло! — повторил Николай Николаевич твердо. — И открой окно настежь. Я здоров, и мне кажется, что я молод.

Он сидел у окна улыбаясь, и, действительно, на душе у него было так радостно и спокойно, будто ему двадцать лет и он только что помирился с любимой девушкой.

Прошедшая гроза — праздник всего зеленого мира. Солнце еще не закатилось, и необсохшая роща ликовала в пронизывающих ее лучах. Николай Николаевич видел, как у ближних деревьев вздрагивали нижние листья от падающих с мокрой листвы капель.

У старой березы стоял молодой человек. Николай Николаевич взглянул на часы, которые давно уже велел поставить на подоконник. Молодой человек должен был скоро уйти, а через полчаса должна прийти девушка.

Скоро вошел запыхавшийся и растревоженный Сергей.

— Отец! Ну, как ты? — спросил он, быстро приближаясь к креслу. Отец и сын поцеловались.

— Я звал тебя, Сережа... — спокойно заговорил Николай Николаевич. — Мне кажется, я... — Николай Николаевич замолчал, повернулся лицом к окну и несколько мгновений глядел в рощу.

Когда он снова посмотрел на сына, Сергея Николаевича удивил необычный, давно уже не появлявшийся живой и веселый взгляд отца. Николай Николаевич тихо сказал:

— Сережа, ты видишь вон там, в роще, парня? У большой березы. Иди и скажи ему, чтобы он задержался там на полчаса... — И глядя на недоуменное лицо Сергея Николаевича, продолжал: — Да, да. Сходи и скажи ему, что это очень нужно. Пусть подождет.

— Отец... — начал обеспокоенный Сергей Николаевич.

— Нет, нет... Я в своем уме, — перебил Николай Николаевич. — Сходи... я прошу тебя... иди, иди...

Пожимая плечами и оглядываясь, Сергей Николаевич вышел из комнаты.

Окно было открыто настежь, и комнату заполнял неповторимый запах обновленной грозой березовой рощи.

Николай Николаевич сидел в кресле, слегка склонившись в сторону. Черты лица его застыли в спокойном, осмысленном движении.

Вернувшийся Сергей не сразу понял, что Николай Николаевич умер.

Чужой мужчина

Больше двенадцати часов в сутки не удается поспать даже пассажирам. Петр Васильевич с досадой хлопнул по матрацу и сел у окна. За окном один за другим менялись пейзажи, но Петр Васильевич был не мальчиком, едущим по железной дороге в первый раз. Он снова лег, закинул руки за голову и с ненавистью взглянул на потолок.

«Хоть бы сел ко мне кто-нибудь в купе, что ли», — подумал он.

Петр Васильевич Голубев возвращался в свой город после двухмесячной командировки. В командировки Петру Васильевичу приходилось ездить часто, но особенно он любил обратную дорогу. Домой он возвращался всегда веселым, свежим, вез с собой подарок жене и пару старых анекдотов и острот, услышанных от новых знакомых. Новые знакомые всегда рассказывали старые анекдоты.

Подарок и анекдоты были и в этот раз, но настроение было такое паршивое, как будто у него только что вынули из кармана двести рублей. Петр Васильевич занемог болезнью довольно редкой и большей частью легко переносимой — угрызениями совести. Он не изнурял себя этим недугом по пустякам, для этого нужна была какая-то серьезная причина. Такая причина была. В эту поездку Петр Васильевич в первый раз изменил своей жене.

Женился он пять лет назад, будучи студентом и будучи влюбленным. Спокойный и немного замкнутый, он был эти пять лет верен и тих, и вот вдруг неожиданно свихнулся.

«Изменил самым подлым образом. Изменил кому? Вере, моей Вере. Такой чудной женщине, такой любящей жене. Ловелас! Гусар! — думал Голубев, ожесточенно раскуривая папиросу. — Как я буду смотреть ей в глаза? Обманывать ее... Это единственный человек, которому я не мог... не смел лгать, и вот... Как же это? Ведь я ей теперь, в сущности, совсем... абсолютно чужой мужчина».

«Чужой мужчина... — повторял Петр Васильевич вслух, вскочил и стал смотреть в окно, ничего в нем не видя. — Пожалуй, я признаюсь ей во всем. Она умная и нежная. Она простит меня».

Здесь Голубев заметил, наконец, что поезд остановился в небольшом новом городке, что дело к вечеру и до дома оставалось три часа езды. За окном вдоль вагона спешили навьюченные багажом люди с испуганными лицами. «Зачем они бегут? Ведь все равно все сядут. Особенно суетятся женщины», — подумал Петр Васильевич и стал следить за хорошенькой девушкой, которой быстро бежать мешала узкая юбка.

Наблюдать за ней было смешно и весьма любопытно.

В это время дверь в купе Петра Васильевича отворилась легким и решительным движением. Голубев повернулся. Перед ним стоял незнакомец с небольшим чемоданчиком в руке и плащом, закинутым через плечо. Ему, как и Петру Васильевичу, было лет тридцать с лишним, но он был гораздо выше и молодцеватее. Под пиджаком он имел рубаху-«дикарку», на голове прогрессирующая плешь изрядно прикрывалась темными волосами, зачесанными со лба назад, щеки гладко выбриты, штиблеты совсем еще не старые и хорошо начищены. «Вот, наконец, и попутчик! Да кажется, интересный». Петр Васильевич улыбнулся и сделал шаг навстречу. Незнакомец поставил чемодан, бросил на полку плащ и, подавая руку, улыбнулся тоже.

— Добрый день! Скороходов.

— Голубев.

— Очень приятно, — сказал Скороходов, усаживаясь у окна. — Через три часа мы будем в Н-ске. Вам туда же?

— Да, — отвечал Петр Васильевич, подсаживаясь к долгожданному собеседнику, — еду к жене.

— К своей? — весело спросил Скороходов.

— К... своей. А почему вы спрашиваете? — забеспокоился Голубев. Скороходов ударил по самой дребезжащей струне его души. — Разве похоже, что я могу ехать к чужой жене?

— Нет, что вы! — отвечал Скороходов, снимая пиджак. — Это я, видимо, пошутил. К чужой, к своей — это все равно. К чужой приятнее. Давайте лучше закусим.

Он полез в свой чемодан и достал оттуда ветчину, хлеб и бутылку вина.

— Еще древние философы говорили, что человек живет для того, чтобы пить и закусывать, — говорил Скороходов, разливая вино, — эта блестящая мысль не потеряла своей актуальности и по сей день. Выпьем! «Снова я пьян — снова я счастлив!» — говорил мой знакомый поэт.

— По-моему, он интеллигентнее меня, — подумал Петр Васильевич с уважением. Он повеселел, но мысль о совершенной им измене никак не улетучивалась из головы. «Интересно, как относится к этому, например, этот вот человек?» — думал Голубев во время разговора о ценах на вино и железнодорожные билеты.

Попутчики допили бутылку, закусили, закурили, и Петр Васильевич, пустив перед своим лицом большой клуб дыма, вдруг спросил:

— Скажите... Вы никогда не изменяли своей жене?

Скороходов поднял брови, остановил руку с папиросой в воздухе и, с недоумением всматриваясь Голубеву в глаза, проговорил:

— Что?

— Вы никогда не изменяли своей жене? — нервно повторил Петр Васильевич.

Тогда Скороходов расслабленно махнул рукой, откинулся к стенке и вдруг рассмеялся громко и раскатисто, заглушая стук колес.

— Что это... ха-ха-ха... что это вам взбрело? — едва смог спросить он между приступами смеха. Скороходов, что называется, «ржал» и «ржал» так, что Петр Васильевич, глядя на него и не понимая себя, засмеялся тоже, сначала глухо и отрывисто, потом громче и смелее. Ему вдруг стало совсем весело.

— Вот уморили! — проговорил Скороходов, наконец унимаясь и вытирая лицо платком, — ...своей жене! Ха-ха! Вы ужасный фантаст!

— Да я пошутил, — соврал Голубев.

— Вы, наверное, открываете музей нравственности и вам некого экспонировать, — продолжал Скороходов, — я вам сочувствую, но ничем помочь не могу. Я умею выдавать себя за верного мужа только своей жене. Вы все равно мне не поверите.

— А жена вам верит? — спросил Петр Васильевич.

— Конечно. Это одна из ее супружеских обязанностей.

— Но...

— Никаких «но». «Любовь и вздохи на скамейке». В любви, как и везде, надо уметь пользоваться правами и уклоняться от обязанностей.

«А ведь он гораздо интеллигентнее меня», — снова подумал Петр Васильевич.

— Жениться приходится только для того, чтобы иметь законных детей, — говорил Скороходов, — женщине трудно сохранять верность, мужчине — смешно...

И Скороходов небрежно и цинично стал говорить о женщинах, излагая при этом взгляды отпетого алиментщика. Развеселившийся Петр Васильевич вторил, поддакивал, рассказал неприличный анекдот и между прочим с насмешкой и пренебрежением произнес:

— А ведь некоторые остаются все же верными мужьями.

— Фантасты, мой друг, фантасты, — отвечал Скороходов, поднимаясь и надевая пиджак.

Уже стемнело, за окном запрыгали огни приближающегося города. Скороходов, опираясь руками о столик, наклонился к окну и сказал:

— В этом городе около полумиллиона жителей, прикиньте-ка, сколько из них одиноких и временно одиноких женщин. Всем им хочется быть любимыми, все они жаждут ласки. Любите же их! И не любите долго одну и ту же, а то она подаст на вас в суд за невнимание к ее слабостям.

В окно ворвались большие и яркие огни вокзала, и поезд остановился. Шумел, радовался, грустил и сентиментальничал перрон — место ничего не значащих, безнаказанных поцелуев. Голубев и Скороходов выбрались на привокзальную площадь.

— Ну, я спешу, — сказал Скороходов, подавая руку. — Где-нибудь встретимся.

Голубев долго и признательно тряс его руку. Потом Скороходов отошел в сторону — ловить такси.

Петр Васильевич выкурил папиросу, сел в автобус и уже через пятнадцать минут подъезжал к дому.

В голове у него плавали легкие и беззаботные мысли. «Подумаешь, изменил! Скороходов поумнее меня, а смотрит на эти вещи просто. Так было, так будет. Не я так устраивал, не мне переделывать».

В игривом расположении духа, насвистывая, Голубев вошел в свою квартиру.

В прихожей он увидел Скороходова, снимающего на его вешалке свой пиджак.

Мгновения оцепенения, в котором находился первое время Петр Васильевич, Скороходову было вполне достаточно. Он с артистической ловкостью оделся, взял свой чемодан и, пробормотав почему-то «извините», выскользнул в дверь.

В сугробах

Петр Васильевич отодвигает от себя кипу тетрадей, встает со стула, подходит к окну и щелкает выключателем. В комнате тепло, но Петр Васильевич ежится, глядя на мертвую луну, на скованную холодными тенями улицу и на застывший за блестящими сугробами лес.

Сугробы и лес бесконечны, а село маленькое, хотя и районный центр. До железной дороги шестьдесят километров, до большого города — двести. В селе школа, больница, клуб, пекарня, баня — все в единственном числе и на одной улице. Центр села — новая каменная чайная, около которой всегда много машин, подвод и бывают происшествия.

Макаров приехал сюда два с половиной года назад. Теперь здесь его любят, ценят, и директор школы, ворчливый, придирчивый человек, хотя и называет его до сих пор студентом и грозится на ком-нибудь женить «для солидности», но тоже его уважает.

У окна Макаров стоит долго и не шевелясь. Постоянная задумчивость делает его лицо строгим, к тому же он близорук и почти не снимает очков, что придает строгость и его взгляду. На самом деле глаза у него немного грустные и красивые.

Петр Васильевич быстро поворачивается и зажигает свет. Скрипит дверь, и в комнату входит его новый товарищ Владимир Николаевич Лесковский — единственный в селе адвокат. Лесковский в этом селе первый год и, говорят, приехал сюда вслед за Зинаи-

дой Александровной Тениной, учительницей географии, с которой знаком давным-давно. В Зинаиду Александровну здесь влюблены многие, начиная с пожилого, семейного и чудаковатого физика Дунина, который на учительских вечерах тенором поет неотразимый романс Глинки «Не искушай», и кончая учеником десятого класса семнадцатилетним Лоскутниковым.

Лесковский молча раздевается и начинает ходить по комнате. Он мрачен и, как это с ним бывает, слегка пьян.

— Скучно до изумления, — говорит он, останавливаясь у окна рядом с Макаровым, — человеку вреден досуг. Сумасшествие и пьянство начинаются от избытка досуга. М-да... Философия, видимо, тоже.

— Заныл! — говорит Петр Васильевич добродушно.

— Нет, мне интересно, — продолжает Лесковский, насмешливо прищуриваясь, — мне интересно, где ты собираешься провести сегодняшний вечер. На чем ты остановишься: в кафе, в оперетку, в ресторан?

— Ну, тебе жаловаться нечего. Напиться, я думаю, везде можно.

Лесковский нетерпеливо поворачивается к Макарову и с раздражением:

— Да! Я предлагаю напиться и ломать стулья!

Макаров пожимает плечами и отворачивается к окну.

— Мы неудачники, слышишь, Макаров, мы с тобой злостные, законченные неудачники. Удачи не приводят людей в такие дебри. Сюда приезжать разве только стрелять глухарей да собирать грибы... Я молод, черт возьми, я не могу каждый вечер играть в шахматы, смотреть в одну точку или плевать в потолок. Нет. Уж я-то весной непременно сматываюсь. Умирать я, возможно, приеду сюда, а пока... ну нет!.. Вот ты, Макаров, молод и неглуп. Неужели у тебя нет уже больше никаких стремлений, порывов там, желаний, ну и перспектив? Неужели ты не имеешь никаких претензий к фортуне, никаких видов на собственное счастье? Удивляюсь...

Макаров говорит задумчиво:

— Что ты знаешь о счастье? Мне здесь хорошо, я на месте — ясно? Каждый человек должен быть счастлив по-своему. Я счастлив, как умею. У меня есть дело, которое я люблю, силы — заниматься этим делом, — с меня хватит. А чего хочешь ты? Хочешь уехать — валяй, но не кричи об этом так громко — это неприлично...

— Ну, ну... хватит, — равнодушно говорит Лесковский, — прижмешь, прижмешь... У тебя принципы, идеалы... А я человек, в сущности, беспринципный. Заблудшая, беспризорная душа. А отсюда я все-таки уеду. Сразу же, как растает снег... Послушай, выпить бы, а?

— Чаю — пожалуйста.

— Ну, давай чаю, — говорит Лесковский со вздохом и опускается на стул. Хмель из него уже выветривается, взгляд тускнеет, и его красивое лицо становится скучным, глаза останавливаются на собственных валенках.

— Ты посиди, я схожу к Михалычу за кипятком. Минут пять.

Макаров берет с остывшей плиты чайник, смотрит на притихшего Лесковского, хочет что-то сказать, но машет рукой и выходит из комнаты.

Лесковский вздрагивает, когда за дверью слышится стук и женский голос:

— Можно войти?

— Войдите.

В двери врываются клубы мороза, из которых виднеется темная шубка. Это Зинаида Александровна Тенина. Платок в белой бахроме, шубка искрится. Румянец на ее лице обжигает и приводит в волнение.

— Добрый вечер, — говорит Лесковский поднимаясь.

— Вы?

— Всего-навсего. Не думали встретить? Удивлены?

— Да нет. Вы появляетесь всюду, словно разгуливаете в нескольких экземплярах. Петра Васильевича нет?

— Сейчас придет. Раздевайтесь, согрейтесь.

Тенина садится у стола. Лесковский ходит, потом, заложив руки назад и прислонившись к холодной печке, останавливается перед Тениной. Водворяется молчание, во время которого явственно слышен скрип проехавших мимо дома саней.

— Что ж, — произносит, наконец, Лесковский, — давайте поговорим. Мы хоть и встречаемся иногда — в этой клетке невозможно не встречаться, — но давно уже не говорили... Вы не меняетесь, а если изменитесь, то, должно быть, станете еще красивее.

— Перестаньте, — говорит Зинаида Александровна хмурясь.

— Вы похорошеете, наверное, когда полюбите кого-нибудь, — продолжает Лесковский, — впрочем... Вы не будете любить никого и никогда. Замуж выйдете благополучно, но и мужа, конечно, любить не будете. Будете любить своих детей, но это инстинктивно.

— Предсказывайте кому-нибудь другому, меня оставьте, пожалуйста... Почему вы не уедете? Вы же собирались?

— К сожалению, только весной. Я покину эти места цветущими... — Лесковский подходит к столу и, облокотясь на него руками, наклоняется к Тениной. — Ты останешься одна... Кроме меня здесь нет никого, — говорит он тихо и серьезно.

— Вы беспробудно самоуверенны, — говорит Тенина, пересаживаясь на другой стул, — я бы посоветовала вам меньше пить.

— Не тебе меня упрекать в этом, — говорит Лесковский, выпрямляясь.

В это время входит Макаров, здоровается с Тениной и предлагает ей напиться чаю.

— Нет, нет, я пойду, — говорит Тенина, — я зашла сказать, что вы даете завтра первый урок вместо директора. Он заболел.

— Что с ним?

— У него же больная печень.

— Больная печень — неприятная вещь, — говорит Лесковский, — какое черное пятно на вершине педагогической карьеры. Макаров, не будь директором.

Одевшись, Зинаида Александровна обращается к Макарову:

— Петр Васильевич, проводите меня.

— Будь бдителен, Макаров, — провожает их Лесковский. — Эта девушка — людоедка.

Мороз. Лунный свет скользит по следам полозьев, кругом голубые тени от домов и заснеженных тополей.

Зинаида Александровна, наблюдая за своей тенью и тенью Макарова, улыбается. У нее хорошее настроение, ей хочется смеяться и говорить. «Какой он большой, неуклюжий... Конечно, он мне нравится. Почему он меня избегает?» — думает она.

— Зачем вы мучаете этого человека? — хмуро спрашивает Макаров.

— Мучаю? Вы обо мне так думаете? Просто я его не люблю... Не будем о нем говорить. Смотрите, как блестит снег! А тополя! Красота какая... Хорошо здесь весной? Я думаю, что здорово хорошо. Вы знаете, я так жду весну. Не потому, что сейчас скучно, — нет. Но вы знаете это чувство — постоянно что-нибудь ждать? Это не у меня одной, это, конечно, у всех людей. Ждать письма, свидания, весну. Счастье — в предчувствии счастья. И, наверное, потому ранняя весна самое хорошее время. Знаете, когда все еще только начинает оживать, когда все еще впереди: зелень, цветы, теплые вечера — все это в потенции.

Она смеется и берет Макарова под руку.

— Почему вы не смеетесь? Это, наверное, смешно. Вы любите молчать, Петр Васильевич. О чем вы сейчас думаете?.. Я понимаю, почему вас так уважают и боятся ученики. У вас строгое, пасторское лицо, на вашем лице написано: «Меньше чувствовать — больше мыслить». Вы никогда, наверное, не увлекаетесь и не говорите ученикам ничего лишнего. Я еще не видела вас ни сердитым, ни взволнованным. Вы такой серьезный, такой непроницаемый, что я, не ученица, с первого взгляда прониклась к вам уважением и до сих пор еще побаиваюсь... Скажите, почему вы меня избегаете?

Они останавливаются у больших черных ворот. За ними — домик, в котором живет Тенина.

— Знаете что, Зинаида Александровна, — тихо говорит Макаров, — уезжайте отсюда. Здесь все вам так не подходит, все так обыкновенно, и место здесь людям обыкновенным.

— Почему вы думаете?.. Чем я отличаюсь от других?

— Вы красивы.

— Не может быть, — говорит Зинаида Александровна, растерянно улыбаясь.

— Вы черт знает как красивы!

— Едва ли. От вас, по крайней мере, я это слышу в первый раз.

— От меня? — говорит Макаров, волнуясь и зачем-то распахиваясь, — зачем вам мое признание? Что из этого, если я скажу, что я вас люблю?.. Теперь все равно... Слушайте меня и... уезжайте! Зачем здесь эта красота, это обаяние? Кому? Вам нужны залы, люстры, вам нужно быть на виду... Я говорил сегодня Лесковскому, что каждый человек должен быть счастлив по-своему. Я был счастлив. Зачем вам нужно было сюда приезжать? Вы думаете, что можно видеть и слышать вас равнодушно?..

— Говорите, говорите, — шепчет Зинаида Александровна, но Макаров не слышит ее.

— Я вижу вас, и мне хочется делать что-нибудь талантливое, необыкновенное... Понимаете, вы взбудоражили мое тщеславие, вы напомнили мне о мечтах и надеждах, которые не сбылись уже так давно... Мне двадцать восемь лет. И трудно не быть теперь смешным с мыслями и настроениями семнадцатилетнего... Вы не подумайте, что я совсем уж раскис, сошел с ума и буду развлекать вас глупостью и сантиментами. Нет. Я только советую вам уезжать отсюда. Поезжайте в город. В большой и шумный. Уезжайте, я вам только советую...

Макаров замолкает, он сильно волнуется, ему стыдно, и он боится, что Зинаида Александровна скажет сейчас что-нибудь насмешливое или, чего доброго, жалкое. Тенина молчит и ждет.

— Вы замерзли, — говорит Макаров, — я пойду... До свиданья...

После его ухода Зинаида Александровна долго стоит у ворот...

Лесковский спит, положив руки и голову на спинку стула. Макаров долго его не замечает.

Страсть

— Какой вечер! Какой вечер! А ты, Верочка, не хотела выходить из дома. Это преступление перед весной и молодостью — сидеть в такой вечер в комнате с единственным окном, да и то на север и вышивать что-то болгарским крестом, — говорил молодой человек, пытаясь взять свою собеседницу под руку. Его собеседница, девушка лет восемнадцати, счастливой наружности, очень живая и подвижная настолько, насколько позволял быть подвижной не совсем свободный покрой ее одежды, неопределенно улыбнулась и позволила, наконец, взять себя под руку.

Они медленно прогуливались по притихшей набережной. Молодой человек не обманывал: вечер был действительно хорош. Закат совсем уже созрел, налился киноварью, и освещенная зарей улица вся выглядела нарядно, потому что окна красивых и некрасивых домов пылали одинаковым пожаром. По улице разгуливали ценители чудесных весенних вечеров, по реке в лодках, добытых терпением или хитростью, плавали мужественные или лукавые люди. Казалось, многим было весело, потому что было слишком много смеха и громких разговоров.

Молодой человек закурил, оживился и продолжал:

— Нет, честное слово, мне стало жаль этого вечера. Я бросил все и к тебе, Верочка.

Он понизил голос, слегка заволновался и заговорил дальше.

— Дело даже не в вечере. Дело в том, Верочка, что я хочу сказать тебе... то есть мне нечего тебе сказать — ты все и так знаешь... Я хотел спросить тебя... Сядем здесь, Верочка.

Молодые люди зашли в скверик и сели на скамейку, против которой стояла такая же, но уже занятая

кем-то вроде них. Они взглянули друг на друга, молодой человек — растерянно, Верочка — неопределенно. Она знала уже, о чем он будет говорить, и уже готовила ответы на вопросы, которые он должен задавать.

— Верочка, — бездарно начал молодой человек, — мы знакомы уже три месяца и встречаемся почти каждый день. Ты заметила, конечно, что я люблю тебя.

Верочка сделала вид, что удивилась, чуть подумала и сделала вид, что обрадовалась, и будто бы сразу скрыла эту радость и опустила глаза.

— Люблю, — неестественным голосом повторил молодой человек, воровато оглянулся и продолжал, — с первого вечера, с первого часа.

Он счел нужным подвинуться к ней ближе, но она сочла нужным сделать обратное.

— Прошло три месяца, и я хочу знать... — он долго запинался и, наконец, скорбно глухим голосом произнес, — любишь ли ты меня?

Верочка, внимательно наблюдая за носком своего ботинка, которым она с самого начала водила по песку, долго сидела молча, и наконец ее губы прошептали незаменимое «не знаю».

— Как не знаешь? Ты знаешь! Скажи откровенно «нет», и я сразу же уйду и избавлю тебя от нелепости этого разговора, — он опять заговорил скорбно. — А мне кажется, кроме неловкости ты сейчас ничего не испытываешь. Так «нет»?

Верочка все это предвидела, но теперь все-таки растерялась и не знала, что делать. Он сам подал ей мысль. «Уйду», — решила она. Но вслух сказала:

— Что ты! Я... Я не знаю...

— Значит, «нет»?

Она встала и быстро пошла по аллее.

— Не ходи за мной!

— Но я должен знать!

— Я скажу после.

— Когда?

— Завтра.

Назавтра она вышла замуж за другого, которого наш молодой человек знал, но не думал, что он собирается жениться.

Следующий вечер был так же хорош. И скамейка, на которой вчера сидели наши молодые люди, не пустовала.

Часов в 9 вечера в одном из почтовых отделений города в окошко для подачи телеграмм нетвердой рукой был подан телеграфный бланк, на котором нетвердым почерком был написан адрес и текст: «Будьте счастливы, а если не можете быть счастливыми, то будьте веселы!» Телеграфистка пожала плечами, переписала адрес, а из длинного предложения с тремя знаками препинания, которые, как известно, в телеграммах не полагаются, сделала короткое и простое: «Будьте счастливы и веселы». Исправленный автор телеграммы не имел желания и возможности возражать: он был пьян и, кажется, весел.

Шепот, робкое дыханье, трели соловья...

Ранней весной и поздним вечером в глубину самого чистого и самого уютного во всем мире дворика вошли и остановились под жидкой тенью голых тополей молодой человек и девушка.

Не спешите назвать их влюбленными, потому что они встретили друг друга совсем недавно и переживали теперь самое интересное время своего знакомства. Каждый из них был уверен в том, что он влюблен, и сомневался во взаимности; это было нервное, но счастливое время мучений, восторгов, сомнений, догадок, желания увидеть друг друга во сне и сразу после сна.

Она была юной, чистой, нежной.

И молодой человек был свеж и чист, как снег в пяти километрах от города.

На этот вечер молодой человек возлагал большие надежды: сегодня он решил внести ясность в их отношения.

И она сразу почувствовала, что сегодня состоится этот важный и немного страшный разговор, и с волнением ждала его начала.

Но теперь они молчали и сосредоточенно осматривали посторонние предметы.

Но вот он взглянул на нее, понял, что она ждала, и решил не говорить, а действовать.

На улице замерли чьи-то шаги. Стало тихо и торжественно. Молодые люди сделали шаг навстречу друг другу. Они неровно дышали, у них потемнело в глазах. Он зашептал что-то на испанском языке. Она приблизилась, и он уже чувствовал ее робкое дыхание. И в этот момент с крыши соседнего дома раздался дикий кошачий вопль.

Они замерли в волнующих позах, взглянули друг на друга и сделали несколько шагов друг от друга. Молодой человек почувствовал себя так, как будто его облили чем-то холодным и липким. Потом в нем, путаясь и перебивая друг друга, закопошились чувства растерянности, досады, нетерпения.

От всего этого он вдруг поглупел, потом к нему явилась решимость, он решил довести все до конца. Он, запинаясь и смущаясь, подошел к ней и, уже не обращая внимания на вопли котов, которые неслись теперь без перерыва, заговорил.

Коты выли жалобно, нежно, страстно, задушевно. Молодой человек заговорил каким-то чужим для самого себя нервным и робким голосом:

«Леночка, ты видишь... Э-э... Сейчас весна, Леночка, и...»

Леночка холодно распрощалась и хлопнула калиткой.

На крыше коты перешли на грустное и скорбное адажио.

Молодые люди больше не встречались.

«Шепот, робкое дыханье,
трели соловья...»

Станция Тайшет

Мы бежали от заката. По синим холмам он гнался за нами, в кровь рассекая свои розовые колени. Он ловил нас в свои малиновые сети. Он бросил нам вдо-

гонку своих рыжих собак. От его яростной нежности мы бежали в темную летнюю ночь.

В нашем купе — дым и разговоры о женщинах. Ночь прильнула к нашему окну, и мы ждем чего-то от ее черной неизвестности.

Говорит Сема, задумчивый солдат:

— Они любят таких, которые валяются у них в ногах и гоняются за ними с ножами.

— Надо спать, — говорит Витька, медлительный, самоуверенный Геркулес. Он сидит у окна, он скрестил на груди руки, к стене откинул голову. Под гимнастеркой каменеют тоскующие его бицепсы.

— Пашка пятый час травит, — говорит Сема. На средней полке он стучит своим костлявым телом.

— Надо спать, — говорит Витька, но не двигается.

— Я говорю, Пашка какой способный. Слышь, студент, сколько прошло?

В купе едут два сержанта и один рядовой. Они везут с собой звонкое слово «дембель». Они возвращаются домой.

Я еду с ними шестые сутки. Я пил с ними водку, я говорил с ними о любви. Мы обожжены одним закатом.

— Прошло четыре часа двадцать минут, — говорю я.

— Видал! — говорит Сема с восхищением. — Профессор. Павел-то!

Они служили в одном взводе. Но Сема не знал, что Пашка может говорить четыре часа подряд.

Пашка Белокопытов стоит в тамбуре с девчонкой по имени Валя. Он стоит с ней пятый час. Она вошла в вагон, когда исчезло солнце и вспыхнул на западе этот красный, нестерпимо красный закат. Тогда Пашка остановил ее в коридоре.

— Пятый час травит, — говорит Сема завистливо.

— Бесполезно, — говорит Витька и тянет с каменных плеч гимнастерку.

Пашка едет к Семе в деревню. Об этом они договорились давно. Семнадцать месяцев назад, осенью, на марше. Сема сказал тогда: «Как в Сочи. В баню тебя свожу, наденем белые рубахи. Как в Сочи». Они обдумали все там, на марше. Витька шел тогда впереди, и он

21—510

спросил: «У тебя, случаем, нет третьей белой рубахи?» «У меня их как раз три», — ответил Сема. «Не ври, — сказал Витька, — ни черта у тебя нету! Ни одной!.. И не нойте здесь под ухом!» И сентябрьская дорога жирно зачавкала под сапогами, грязные, как дорога, облака тащились над самой головой. И серая Витькина спина качалась перед глазами. Впереди неожиданно запевала закричал песню. И эту песню взвод поволок по грязной сентябрьской дороге. Тогда они поссорились.

Теперь ночь липнет к окну, и дикие зеленоглазые полустанки отскакивают с нашего пути. Витька заедет к Семе. И наденет белую рубаху. Сема написал матери, чтобы запасла. Три белые рубахи.

— Белоснежные, — говорит Сема, — с запонками — по всей форме.

Неожиданно, как пожар, возникла на нашем пути станция Тайшет. Ночь отпрянула от окна и остановилась под тополями.

На перроне мы увидели Пашку. Девчонку он держал за руки, будто на афише. У ног их валялись чемоданы. Пашка что-то говорил. Она слушала и вытягивала шею испуганно и беспомощно, как птенец, выпавший из гнезда. Потом Пашка перестал говорить и взял ее за плечи. Мимо бежали, запинаясь за чемоданы.

— Витя, ты посмотри, сейчас Пашка целоваться будет, — сказал Сема.

— Бесполезно, — сказал Витька и лег на нижнюю полку.

А Пашка не целовался, Пашка застыл, как на афише. Тогда мы открыли окно, и Сема крикнул:

— Давай! Целуй — не успеешь!

Пашка махнул рукой и отвернулся от вагона. Девчонки Вали из-за его спины не стало видно вовсе.

— Дава-ай! — закричали из других окон. Там ехали солдаты. — Помочь тебе, что ли?

Пашка нагнулся, и мы увидели ее голову — подснежник на выгоревшей поляне.

— Ура-а-а! — заревели солдаты.

Пашка поднял чемодан, усадил на него девчонку и бросился к вагону.

Девчонка Валя сидела на чемодане. Она ждала.

Ждали мы. И ночь, застывшая над тополями, ждала, что будет дальше.

Пашка вбежал и, растопырив руки, заметался по купе.

Он искал чемодан.

— Ты что, Павел? — сказал Сема и положил на чемодан руку.

— Все! Приехал я, ребята! — сказал Пашка и засмеялся и вырвал чемодан.

— Чокнулся, — сказал Витька.

— Приехал! — повторил Пашка, глупо улыбаясь.

— Где тебя ждать? — спросил Сема. — В Чите догонишь?

— Ждать, не ждать, — сказал Пашка с той же улыбкой, — простите, ребята, письмо напишу.

Поезд тронулся, Пашка взглянул на нас дико и бросился целоваться.

— Письмо, — бормотал он, — напишу...

Он расцеловал Витьку, схватил Сему, тяжело и громко чмокнул его в нос, в щеку, в подбородок и выскочил в тамбур.

— Письмо напиши! — злобно крикнул Сема.

И станция Тайшет, воспоминание о закате, гасла на западе.

— Вот так, — сказал Витька и сплюнул.

Ночь сомкнулась за нами. Из ее темноты на нас глянуло вдруг сто тысяч разлук и сто тысяч встреч. И колеса стучали свою столетнюю песню. Колеса стучали на великой Сибирской магистрали, вынесшей на своем просмоленном горбу новейшую историю.

— Правильный его поступок? — сказал Сема, подступая ко мне и свирепо прищуриваясь.

Я не отвечаю, и мы ложимся.

Завтра в десять вечера я приеду. Завтра в десять вечера раскаленный добела закат остановится за моей спиной. Я засыпаю и, засыпая, слышу голос:

— Пашка-то, а?.. Даже не выпил!.. Друг был...

Сема выругался. И мы уснули. Мы, сбежавшие от заката.

Солнце в аистовом гнезде

Что думает человек, который не видел ни одного живого слона, никогда не ездил в поезде, ни разу не был в театре? Что думает он, сидя на крыльце сельского клуба нежным майским вечером? Чувствует ли он себя несчастным? Ничуть.

Он сидит на крыльце вполне счастливый, весь наполненный любопытством и удивлением прекрасным этим миром. Он готов поверить чему угодно, готов что угодно понять. Знакомый мир кончается за дальними вербами, пыльная дорога через поле ведет прямо к чудесам и открытиям.

Он подставляет теплым лучам свою белобрысую голову и ждет, не закатится ли солнце в аистово гнездо.

Он сидел здесь вчера. И вчера он ждал этого чуда. Но солнце прокатилось над полем и село где-то в дальнем лесу. Может быть, сегодня оно сядет в гнездо? Вчера он спросил:

— В гнезде солнцу будет тесно?

Ему ответили:

— Дурак! Иди вымой руки.

Ему ответили:

— Солнце далеко. Оно никогда не сядет в аистово гнездо.

Ему ответили:

— Солнце само по себе, земля сама по себе. Если бы солнце село на землю, то все сгорело бы. Понял?

Он понял, но ему очень хотелось верить, что солнце может сесть в аистово гнездо. И он надеялся, что когда-нибудь это случится.

Так сидит он на крыльце в ожидании необыкновенного, не похожего на все то, что он видел.

Когда солнце подожгло аистово жилище, к клубу подкатила машина. Витька поскакал к ней. Набежали такие же, как он, засверкали желтыми пятками.

Тихим этим вечером чуда ждали все кормапайковские ребятишки: в село приезжал театр.

Машина попятилась к крыльцу, открыли борт. Из кузова появились фанерный дом, потом складной

стог сена, забор, печка, прожекторы, целлофан, живописный сучок, лестница и многое другое. В конце на крыльцо шлепнулась свернутая в рулон лунная ночь. Все это унесли на сцену и закрыли занавес...

Через полчаса на пыльную дорогу выскочил красный автобус. Приехали артисты. Они покурили, взглянули на рыжий закат и исчезли на сцене.

С полей приходили зрители. Пришли девчонки из Новоельников, на машине приехали из Драготыни. Из совхоза механизатор Сашка прикатил на мотоцикле.

Небо темнело, невидимые, реяли в воздухе жуки. За клубом на траве механизаторы перестали различать масти карт.

Это был час тоски и обиды всей босоногой публики. Витька узнал, что в клуб его не пустят, отправят спать. Но скажите, разве можно спать, когда через дорогу совершается чудо? В дырку в занавесе Витька подсмотрел нарисованную на стене луну. Он слышал на сцене таинственный, как крик ночной птицы, стук. Мог ли он теперь не увидеть всего остального?

Открыли двери. Вошли и сели в первом ряду десятиклассницы.

В их руках цвели черемуховые ветви.

Артисты тем временем метались в комнатушке за сценой: гримируются, с испуганными лицами бубнят роли.

Когда все было готово, вдруг погас свет. В зале было тихо, но артисты нервничали. Появился моторист и объявил, что амперметр показывает не в ту сторону. Началось исследование проводки.

— Если что, — разглаживая приклеенные усы, сказал Лобановский, режиссер и исполнитель главной роли, — покажем при керосинке.

— А лунная ночь? Она же пропадает, — испугался зав. постановочной частью.

— А грим? А нюансы? — зароптали исполнительницы женских ролей.

Тогда несколько слов сказал Иван Григорьевич Велюга. Учитель и артист народного театра.

— В вашем возрасте, — сказал он и пыхнул трубкой, на мгновение в темноте серебряными искрами

сверкнули его седые волосы, — в вашем возрасте я играл преимущественно при керосиновых лампах.

А в зале было тихо. В зале терпеливо ждали начала. Зрители просидели в темноте полтора часа. Никто не ушел спать. Любопытно было в этом переполненном бревенчатом театре вспоминать разговоры о том, что театр отживает свой век.

В половине одиннадцатого Витька сбежал со своей постели и через минуту занял место у окна, среди таких же, как он, готовых зареветь от любопытства зрителей. Витька прильнул к стене клуба. В зале было темно, а на сцене он увидел необыкновенный стог, необыкновенного человека, необыкновенное ружье. Человек вел себя необыкновенно. Все это было освещено необыкновенным ядовито-синим светом. И Витькино сердце запрыгало от предчувствия чуда.

Солнце село в аистово гнездо.

Шло второе действие. Витька и его друзья попали в зал. Завороженные, они сидели на полу у самой сцены. Зал смеялся, зал сердился. Что же будет с этим пройдохой Левоном? Что сделает Лушка? Левон ловчит, запирается, строчит доносы. Лушка не знает, что делать.

— Бросай ты его! — вдруг советуют ей из средних рядов. — Ну его, сопатого, мучиться с ним!

Припертый со всех сторон, Левон исправляется.

В середине последнего действия опять погас свет. Тут же кто-то осветил сцену электрическим фонариком.

Потом появился второй фонарик. Потом третий. Поучительную эту историю о несознательном колхознике Левоне закончили при свете электрических фонариков.

Ночь заковала в безмолвие хаты и ивы над хатами. В небе над черной землей застыл строгий месяц и замерли чистые звезды — самые совершенные декорации в самом большом, самом прекрасном, самом правдивом театре. В клубе открылись двери, переборы гармоники проткнули тишину. Запели, загалдели, ударили в бубен.

— Звезды приклеены к небу? — спросил Витька, пожиратель чудес. Он не спал.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

У х о д и .

КУЗАКОВ. Не уйду.

ЗИ... буду стрелят...

(Н... яет ст в... на К... о в а .)

К... В. Стрел...

ОФ... АНТ. Руж...

з а р я ж е н о .

ЗИЛОВ. Вот и прекрасно

Саяпин исчезает.

ОФИЦИАНТ. Давай-ка. *(Хватает Ку з...кова выта...кивает его за дверь.)*

Так будет лучше...

А теперь о п ... с т и

ружье.

ЗИЛОВ.

И ты убирайс...

Мгновение они смотрят друг другу в глаза.

Официант отступает к д...

Ж... в... .

Официант задержал появившегося в дверях Кузакова и исчез вместе с ним.

Зилов некоторое время стоит неподвижно

Конец романа (дискуссия о любви в молодежной газете).

I. Журналист мимоходом кадрит девочку на остановке.

II. Девочка является в редакцию — просит помочь его найти (она влюблена). Циники веселятся. Одного из них вдруг осенило: дискуссия о легкой и серьезной любви. Можно ли полюбить таким образом? Ее уговаривают дать согласие — начать дискуссию.

III. Разгул идиотизма. Супруги-скандалисты (они поженились неожиданно) в редакции. Прохвосты и информушечники — каждый со своей статьей. Со «своим» мнением. Он пишет фельетон о ее род. и о ней.

IV. А он с ней встречается. Она молчит о дискуссии, чтобы его не оскорбить. Он молчит, потому что в одном из случаев он бессовестно лжет. В каком — пока неизвестно. И она стыдится своего поведения.

V. Журналиста отправляют взять интервью у родителей девочки — что они думают по этому поводу, как они ее воспитали. Скандал. Родители ее стыдят. Она убегает из дома.

VI. Дискуссия принимает размах. Здесь тоже — разгул идиотизма.

VII. Он как-то узнает обо всем. Бежит в ротацию. Машина неумолимо крутится. В это время она его ждет (вечером) где-то в сквере. Ее осуждают. Он звонит редактору. Тот отказывается остановить тираж.

VIII. Они встречаются тем же вечером. Она казнится. «Они правы. Так нельзя, нам нужно расстаться».

IX. Утром он увольняется. Разговор с редактором. С приятелями. С ней. «Это написал один пьяница. Это чепуха». «Это написал я». Она ему не верит.

— Старина, это отличная статья. Ты превзошел сам себя.

Живите, если вам не скучно.

Все они замечательно бездарные люди.

Клятвы и поцелуи, слава богу, не регистрируются.

Профессиональная болезнь — отвращение к книге.

Разгул слабоумия.

Каждая свинья имеет слабость побыть иногда человеком.

Я ее люблю, она мне сочувствует.

Не будем ссориться — пусть нам завидуют.

Что такое, собственно, счастье? Для одних — душевное равновесие, для других — материальное благополучие. Для третьих то и другое неотделимо. Для молодого человека с фантазией и эмоциями — это жить в шумном городе, где есть такой дворик и дом — вечером нажал кнопку — выбегает любимая девушка.

Старые друзья, которые могут скомпрометировать.

Львиный прыжок фантазии.

Женщине много думать вредно. От этого у нее портится характер.

Сюжет. Два газетчика охотятся друг за другом как за типажем.

Если собираетесь кого-нибудь полюбить, научитесь сначала прощать.

Поэт. Про него нельзя сказать «невольник чести». Он от чести свободен.

На какой бы улице ни открылась пивная — это праздник на нашей улице.

Бессодержательный борщ.

Смешной злодей.

Такая погода в ноябре бередит душу.

Мальчонка извлекал из двухрядной гармоники жалкие, но верные звуки.

Ночная деревня. Без огней, в снегу, при луне — зимняя сказка.

Кричат: «Узнать жизнь, узнать жизнь!» Скорее, ее не надо узнавать для того, чтобы быть поэтом.

В таком возрасте, конечно, трудно вспоминать молодость без слез.

Двадцатый век в искусстве только пародирует девятнадцатый.

Человеческая жизнь начинается и кончается — слезами.

Ничего нет страшнее духовного банкротства. Человек может быть гол, нищ, но если у него есть хоть какая-нибудь задрипанная идея, цель, надежда, мираж — все, начиная от намерения собрать лучший альбом марок и кончая грезами о бессмертии, — он еще человек и его существование имеет смысл. А вот так... Когда совсем пусто, совсем темно.

Она: За то, чтобы сбывались все мечты.

Он: А я предлагаю тост за мечты, которые никогда не сбываются. Мечтают все, а сбывается у некоторых. Самые прекрасные мечты всегда несбыточны.

Он чувствовал себя там, как дома, а дома он чувствовал себя скверно.

Он поминал чужих матерей чаще, чем их поминали сами чужие.

Из него не получится даже пьяницы.

Я хозяин своей жизни: хочу умру, хочу — нет.

Стройна как знак вопроса.

Пустота в желудке хуже, чем душевная пустота.

В последнем припадке молодости... припадок гордости.

Он был горд и из боязни, что с ним не поздороваются, не здоровался сам.

Вид у него был неприятный, казалось, подойдет и попросит взаймы десятку.

Обладатель этих прелестей (ее муж) стоял рядом.

Действие в 1997 г. Ученый (кретин). В его руках жизнь планеты. Может взорвать атмосферу. Отсюда — абсурд: вся философия, культура и т.д. зависит от состояния (а оно ненормальное, испорченное алкоголем и совершенными в это время наркотиками) одного человека.

Она хотела, чтобы ее будущий муж пронес ее по жизни на руках.

Красивая женщина, выбрав некрасивого человека, сознает, что она делает ему снисхождение, и всю жизнь напоминает ему об этом.

Спасибо за то, что вы меня слушали. У меня ведь собеседников нет, у меня все приятели собутыльники.

Не знаю, цинично это или нет, но своего отца, которого я не помню (он умер), я не уважаю, не берегу, как это обычно говорят, связанную с ним память, потому что я не видел его, не знаю его.

Счастливый человек всегда в чем-нибудь виноват. Перед многими людьми он виноват уже в том, что он счастлив.

Луна теперь обыкновенный уличный фонарь.

Без нее мне было только грустно, она приехала и привезла с собой беспокойство, тревогу, ревность и т.д.

Мы для того и молоды, чтобы дерзать.

Обмануть ее значит обмануть свою молодость.

Разыгрывать перед ее родителями благородного, чуткого, непьющего человека — пошло, невыносимо.

Мне хочется завоевывать страны, открывать материки, драться с буйволами, лететь на луну — я становлюсь ребенком (идиотом).

Кричат «вперед, вперед, скорей, скорей» — это же неискренне — кому хочется состариться.

Человек, который болезненно заботится о своем здоровье.

Луну можно выиграть по лотерейному билету... На нее нельзя больше вздыхать, нельзя ею любоваться. Ничего в ней больше нет прекрасного, таинственного.

Композитор Генделев (Бахов).

Под впечатлением бессмертных строк «Ты богат, я очень беден, ты прозаик, я поэт» поэт срочно перекочевал на прозу.

В литературном кружке: «Пишите стихи. Попробуйте “в единое слово слить свою грусть и печаль”».

Информушечники.

Извращения, разумеется, от пресыщения, а не от нежности.

Артист играет натурально. Прежде чем сказать: «Я — сволочь», он сделает два сальто и шпагат и только потом скажет: «Я — сволочь!», хотя надо сказать: «Как я еще резв».

На пиджаке крохотная лира, говорящая о том, что он каким-то образом причастен к искусствам.

Поэзия есть и остается только на земле.

Печатными буквами были написаны непечатные слова.

Любовь — это приятное заблуждение.

В театре. (Пустяки.)

О молодой женщине. Он называет ее «старушка». Она молода. Но она не понимала, не решалась, боялась понять, что ей жаль своей оскорбленной молодости. Он ее любит. Она — нет. В театре и после капризничает. Он огорчен. Смотрели трагедию. Отчего, думала она, отчего так скучно. Почему у меня весь вечер такое жуткое настроение. И она не находила в себе смелости признаться в том, что ей жаль свою молодость. Дорогой молчит, плачет.

— Ну вот, ты у меня ребенок, честное слово, маленький, глупенький ребенок.

Она взглянула на него. Ее глаза вдруг сделались маленькими и злыми.

— Уйди, пожалуйста, — сказала она и отвернулась к окну.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказал Порукин, — спи, спи. Но, честное слово, нельзя же быть такой впечатлительной. Я еще поработаю.

Он подошел к ней, нагнулся и хотел поцеловать ее, но она, не взглянув на него, загородилась рукой.

— Спи, спи, — пробормотал Порукин, еще больше огорчаясь, и (вдруг ссутулившись) вышел из комнаты. Тихо вздохнула дверь.

— Отчего, отчего так грустно? Отчего у меня весь вечер такое жуткое настроение? — сонливо думала она. Она боялась понять, что ей жаль свою молодость.

Письмо с луны.

На днях редактор одной из городских газет, открыв утром свой кабинет и усевшись в кресло, обнаружил на своем столе голубой пакет с желтой печатью. Редактор хмыкнул, повернул пакет в руках и, не найдя на нем никаких надписей, с неудовольствием подумал: «Какая-то просьба». Но, распечатав пакет, он прочитал следующее...

Луна в радужном венчике.

Бетховен не повторится. Чем дальше от Бетховена, тем больше человек (в известном смысле) будет становиться животным, хоть и еще выше организованным. В будущем человек будет представлять из себя сытое, самодовольное животное, безобразного головастика, со сказочным удобством устроившегося на земле и размышляющего лишь о том, как бы устроиться еще удобнее. Время Пушкиных и Бетховенов будет рассматриваться как детство человечества. Головастик скажет: «Как ребячились люди! Занимались какой-то поэзией, как это?.. Музыкой. Что это такое? И зачем она им тогда понадобилась?»

Жизнь прекрасна и удивительна, — сказал поэт и... застрелился.

Жизнь коротка, и чем меньше мы будем вместе, тем больше упустим счастья.

— Вы не будете любить никого и никогда, замуж, однако же, выйдете довольно благополучно; мужа своего любить не будете, нахожу в этом, между прочим, романтику. Будете любить своих детей, но это инстинктивно.

Сжечь мосты и фотографии.

Скептик. Даже свои стихи он читал с пренебрежением.

Человека из зоологии выделяют эмоции.

Из толпы раздался анонимный голос.

Простились со скрытой нежностью.

Душой я страстный, но тело у меня не энергичное.

«Не искушай» — неотразимый романс Глинки.

Вежливо: «Не скальте зубы, тем более это вам не идет».

Я не ангел, у меня нет крыльев и есть предел терпению.

Недостаток ума заменял ей избыток хитрости.

Ты появляешься всюду, как будто бы разгуливаешь в нескольких экземплярах.

Молодой человек, заходя в редакцию: «Вам нужны Гоголи и Щедрины?»

Содержит себя в художественном беспорядке.

Лицо помятое, как будто кто-то выспался на нем.

Афиша «Гипноз» с номерами: «наводнение на сцене, показ отсутствующих родственников» и пр.

Загубить молодость в очередях.

Живость эту можно назвать пронырливостью.

Бродя за тобой, я износил свою душу.

Позировать приятно, если это не профессия.

Пошел на примерку в гробовую мастерскую.

Ресторан «Аскольдова могила».

Пробовал было смеяться по привычке, которая у него всегда брала верх над настроением.

Не заглядывайте ему в душу — вам будет неприятно.

Блондинки раньше отцветают.

Любовь нельзя пачкать унижениями.

Я не появился с неба, окруженный стаей крылатых существ. Я жил среди людей, и я очень общителен.

Вписал свою страницу в грамматику любви.

Для меня жизнь моя — черновик.

Услышав имя великого французского романиста, девицы краснеют и смущаются.

Сюжетец. Действие на станции. С поезда снимают двух безбилетников. Старый железнодорожник стыдит их. Они раскаиваются. Все трое растроганы. Поезд трогается — они вскакивают на подножки.

Березовый рай.

Комфортабельная женщина.

Его можно было уважать только за преклонный возраст.

Скользкие умы.

Огорчила юность.

Сюжетец. У юноши болит зуб. Он идет к молодому технику (она). Он ей нравится, она затягивает лечение. Она его любит, он ее возненавидел.

Молодой человек был чист, как снег в 5 километрах от города.

Если нет свежего, неожиданного эпитета — надо ставить точный эпитет.

Беспечный владелец бесценных сокровищ молодости, он еще не гонялся за счастьем сам, а наступал ему на пятки нечаянно.

На кирпичном заводе плакат: «Встретим потребителя добротным кирпичом».

На бане: «Совместный помыв мужчин и женщин воспрещается».

Гонорарьев — мастер короткого газетного жанра.

Он был уже на подступах к счастью, но в дверь постучались.

Чтобы обеспечить себе пьяное существование.

Он хотел быть писателем, но не имел для этого ничего, кроме маниакального желания.

Они остались одни, и N стал упражнять свои легкие глубокими вздохами.

Правила и техника поцелуев.

Наконец паровоз свистнул, и взошедшая над лесом луна запрыгала по черным силуэтам деревьев.

Закатывалось оранжевое, свободно позволяющее смотреть на себя нездоровое солнце.

Поезжайте в деревню. Ходите там в простом свободном платье, бегайте босиком по лугу. По вечерам читайте Тургенева. Бегите от пижонов. Вам нужно общество хороших, умных людей.

Быть может, я стану сильным и гордым, но для тебя я раб последовательный, пожизненный.

Он мог простить все, но долга он простить не мог. (Эти люди прощают все, кроме долгов.)

Ушел создавать художественные ценности.

Он ударил N по лицу, и на этом все закончилось, потому что N в дуэлях мог быть только секундантом.

Мемориальная доска: «Здесь иногда бывал N».

Нервная погода.

Кровоизлияние в нос.

Несдержанные вопли.

На минуточку, я хочу сказать вам нечто... э... неопределенно-личное.

Анекдоты от того все почти пошлые и циничные, потому что большинство остроумных людей циники и пошляки.

Если не можете быть счастливыми, так будьте же хоть веселы, друзья.

Нагая идея — зрелище неприличное.

В его положении рискованно злоупотреблять одиночеством.

Депрессия души и тела.

Я умею хранить только тайны.

Назойлив, как начинающий автор.

Даже Ромео познакомился с Джульеттой на танцах.

До такого состояния, которое не позволяет регулировать походку.

Дети у нее будут оптимистами.

Цифры хорошо запоминают не умные, а жадные.

Настроение такое паршивое, как будто из кармана вынули 200 рублей.

Первое стихотворение начинающего автора, написанное им в день своего пятидесятилетия, начиналось: «О Муза, я у двери гроба».

Если я скажу, что люблю вас, вы все равно мне не поверите.

Как насчет брака? Совершим?

Состояние такое, словно к виску приставлен пистолет.

— Кто там?
— Тень отца Гамлета.

Вы подумайте, как это пошло: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось».

Что никогда не бывает лишним, так это деньги.

Ее приданое состояло из сундука, набитого любовными письмами.

— Там никаких волнений, тихо.
— Это что, вам знакомый покойник сказал?

Под забором лежит пьяный мужчина. Некоторые проходящие мимо женщины всматриваются, облегченно вздыхают.

Колдовская женщина.

Ей 45 лет, и она нелегкомысленна. Наоборот — Варвара Петровна строга. Строга к себе и к людям. Она одинока. Месяц назад В.П. отпраздновала двухлетний юбилей с того дня, когда от нее ушел муж, оставив ей квартиру и легкую грусть по супружеской жизни. Муж бежал, замученный ревностью и пионерским режимом. Впрочем, В.П. еще при муже сознавала, что семейные скандалы для такой женщины, как она, дело слишком мелкое.

— Ну и молодежь, — говорит она, — девушки возвращаются домой в час ночи! Целуются в коридоре на весь дом! Ужас! Ужас! Что будет дальше? Где же нравственность? От нея теперь ничего не осталось.

Должно заметить, В.П. говорила «нея» вместо «нее».

Когда к соседке, которая оставалась в своей квартире одна, дня на два приезжал родной брат, то В.П. предполагала и повсюду высказывала это предположение вслух, что к соседке приезжал вовсе не брат, и ужасалась прогрессирующей безнравственности. Както вечером, открыв дверь на неожиданный стук, на вопрос: «Не здесь ли живет Макарова Лида?» — В.П. с гордостью отвечала: «Здесь живет порядочная женщина» (и оставила дверь слегка приоткрытой).

Дверь своей квартиры В.П. имела обыкновение держать слегка приоткрытой. Ее боялись... Блюститель нравственности сам должен быть нравствен. В.П. это смутно сознавала.

«Вяжем чулки из шерсти родителей».

Покупателям — не выбивать мозги и печень!

С точки зрения всяких мрачных философов, человек сам по себе не особенно художественное произведение...

— Вот — пушкинисты, гоголеведы — этот народ себя не уважает (и лишен всяких способностей творить). Как можно зачеркнуть себя вовсе и посвятить себя навсегда кому-то (хотя бы и художнику великому и любимейшему? Не понимаю). Если ты натура творческая — так напиши свою, хотя и плохую, комедию.

Юмор — это убежище, в которое прячутся умные люди от мрачности и грязи.

Начало рассказа:

Если всего того, о чем здесь будет рассказано, на самом деле не было, то все равно это чистая правда...

Дом образного мышления — сумасшедший дом.

Я люблю жизнь. Это она устроила эту (приятную) встречу.

Если ты не приедешь на день моего рождения, то мне исполнится не 22, а 44 года...

Я смеюсь над старостью, потому что я знаю — я старым не буду.

Пальто умерло.

Душа общества по распространению научных и политических знаний.

Весной даже от обувной фабрики пахнет конфетами.

— Это не человек, а какая-то «Бедная Лиза». Откуда он?

— Продолжим это вечер до бесконечности.

Время нужно только для того, чтобы разлюбить. Полюбить — времени не надо.

Отвык от нюансов, разучился понимать аллегории.

Поклянешься в вечной любви и для приличия процитируешь что-нибудь из классиков.

«В толпе нахальной и голодной твои затеряны следы».

Студент медик. Якобы умный, интересный, с идеалами:

— Если отправят куда-нибудь в дыру, то женюсь здесь и поеду уже с половиной.

Она требует верности. Это ее маленькая слабость.

— Я смешон уже потому, что стар.

— Не могу переносить женских слез. Когда плачет, я готов на все, даже могу жениться.

Студент встречает девушку. Говорит о пренебрежении к деньгам, ведет себя богатым наследником. На самом деле нищ. Через некоторое время (случайно) нанимается колоть дрова у матери этой девушки. Девушка наблюдает за ним из окна влюбленными глазами.

— Счастьем ты меня не избаловала.

— Этого не вернуть. Я бы и рад снова побыть безумным и слепым, но люди, к сожалению, постепенно взрослеют, а не становятся моложе.

Последнее время я заглядываю в глаза своей судьбе с беспокойством и жду от нее чего угодно.

— Что-то я последнее время подозрительно счастлив: ты любишь меня, и в остальном сбываются мечты, оправдываются надежды — не много ли сразу.

Ни в коем случае нельзя быть с женщиной сентиментальным. Она сядет на тебя и поедет.

— Это я позволяю только самому любимому человеку.

— Кому же это?

— Самому себе, конечно. Отпадает проблема взаимности.

— Мне кажется, вы живете в пустом темном доме и боитесь войти туда одна — я готов.

— Какой вы нахал, — сказала она с уважением.

Стучась в девичье сердце: «Можно на минуточку?»

О тридцатилетнем мужчине:

— Сколько бы вы ему дали?

— Не меньше 10 лет.

Во мнениях сходятся только тогда, когда это удобно.

Это было так обыденно, что присутствующая при этом луна зевнула и укрылась большим и, наверное, очень теплым облаком. Конечно, ей, которая видела встречу и видела, как объяснялся в любви мрачный сотрудник бракоразводного отдела, ей было скучно.

Таким взглядом можно напугать ребенка или заморозить воду.

Каждой девушке положено месяц или два в жизни побыть богиней.

— Я привык грустное выдавать за смешное. У меня такая жизнь.

Начала атаку — бровями, глазами, уголками губ.

Безграничная фантазия человека, которому нужны деньги.

Женщина: Я надеюсь, что этот Шекспир возьмет свои слова обратно.

Не знаю, как я кончу, но начал я плохо. По ночам мне снятся запутанные сюжеты.

Писатель:
Он, она, он — треугольник — и никуда не денешься от этой геометрии.

Девушки любят таких, которые гоняются за ними с ножами или валяются у них в ногах. Я же был человек тихий.

У женщин постоянная температура 95 градусов... Насколько я женщин люблю, настолько я их опасаюсь.

Занимать деньги легче, чем отказывать, когда занимают у тебя.

С человеком, который в молодости грешил стихами, все может случиться.

— Но ты ведь любишь меня?
— Сегодня я этого не говорил.

Несчастные имеют более верное и точное представление о счастье. Где же мне это оценить?

Легкое платье, полуулыбка, жесты. «Вся тут», и действительно, больше у нее ничего не было и т.д.

Она.

— Не обманываясь, скучно жить. Человеку необходимы иллюзии — для радостей, для восторгов, для наслаждений. Обманывайте меня, но так, чтобы я вам верила.

Создают голодные — сытые разрушают.

— С моей точки зрения, у тебя, дорогой, все преломляется через бутылку.

Не жениться до тридцати лет во имя высшего назначения — это мне кажется нескромно. Одиночество же мне противопоказано. Один я, пожалуй, сопьюсь.

Муза и домработница.

Если завтра будет то же самое — у меня начнет портиться характер.

Слова «любить», «люблю», «любовь» звучали в его устах страшно неестественно.

Захлебывалась счастливая гармошка.

Он первобытно рычал и воспроизводил вопль голодных предков.

Человек все-таки чем-нибудь должен заниматься. Иначе его существование становится бессмысленным и вредным.

Мысль, высказанная этим человеком нечаянно, есть самая искренняя мысль.

Болезнь суть предупреждение о том, что человек может умереть.

У моего сына незаурядные способности. И он их обязательно проявит. Ему остается только выбрать поприще.

— Влюбленный должен быть бледен и непричесан.
— Ну, бледность — дело наживное.

Тщеславие — двигатель всего.

Человек должен ходить по земле гордо и легко.

Вы знаете эту девушку? Будьте бдительны. Она людоедка.

Распространите на него часть своего обаяния.

Я люблю тебя, но в то же время я готова к чему-нибудь новому.

Как это скучно — любить за положительность.

Пришел к вам подлечить душу.

Газетчики — рабы тенденции.

Молодой талантливый фальсификатор.

Искусство существует для того, чтобы искажать действительность, потому оно и называется искусством.

Мы хорошие. Это я могу подтвердить даже на суде.

То, что он благороден, никто не знал. По крайней мере, сам он этого ничего не выдавал.

В субботу меня подозвал к себе наш профорг

Каюков, лысый, степенный толстяк, и сказал: «Ты просил квартиру. Так вот есть квартира. Махоркин переезжает на новую. Вот адрес, ордер, можешь переселяться».

Все то, что он сказал, слова эти нужно переложить на музыку, рифмовать и декламировать. Каюкин же произнес их равнодушно и даже не догадался меня поздравить.

— Наконец-то, — подумал я, — завтра же переселяюсь!

Мне хотелось показать ему кукиш, назвать его ростовщиком, Гобсеком, кровопийцей, колонизатором, но я, разумеется, сдерживался и только ехидно на него посматривал.

Я пообедал и отправился смотреть новую квартиру. На улице стоял ноябрьский холодина с ветром, с гриппом и ревматизмом. Прохожие все почти были одеты по-зимнему, но попадались и молодые люди в легких пальто и с открытой головой — самоубийцы.

Мне было весело. Я думал о том, что у меня теперь будет теплая новая квартира и квартира эта будет моя, собственная, с отдельной дверью, с ключом. На новоселье я приглашу друзей и весь вечер буду ходить по своей квартиире на голове. Да, мне было весело, радостно, и никакого мещанства в этом я не вижу.

Я отыскал дом, в котором предвкушал удовольствие жить, нашел свою квартиру, сунул в замочную скважину ключ... (Репортеры! Где шатаются в такой момент фоторепортеры!) Я вошел в прихожую, которая показалась мне вестибюлем, разделся и, потирая руки, прошел дальше. Дальше была кухня, очевидно, общая. Одна из дверей открылась и вышел человек в халате таком ярком, что казалось, он только что встал с персидского ковра.

Вперед к гипертонии!

Тот, кто не имеет таланта, должен быть тружеником.

Про Байкал: «Когда эта лужа успокоится?»

— Убирайся!
— Что? Что ты сказала?
— Она сказала, что она вас любит, но что вам пора расстаться.

Мельпомена превращается в судомойку.

Если речь идет о женщинах, то тут ни за что нельзя поручиться.

Условия для самоубийства у тебя есть. Тебе не хватает только теоретической подготовки. Читай Шопенгауэра, Достоевского, Кафку...

Человек человеку — красная шапочка.

Чем больше друзей, знакомых женщин, тем отчетливее становится одиночество.

Романтика — средство обольщения.

Собирать крохи со стола любви.

С таким рылом следует запретить неожиданно появляться из-за угла.

У дураков всегда больше принципов.

Веселитесь, но не забывайте, что вы на похоронах, и т. д.

Женщина, захватанная как дверная ручка.

Театр никогда не умрет: люди никогда не перестанут валять дурака.

— Надо уехать из города надолго: чтобы по нему соскучиться.
— Бесполезно.

— Что бесполезно?
— Не соскучишься.

Письмо:
«Дорогая редакция, для меня нет чести, как работать на совесть для будущих наших питомцев, каким был сам в детдоме, но сейчас стал вопрос другого рода.
Дорогая редакция, остается в тумане безнаказанное дело нашего сменного мастера тов. Чмуль...»
...и мне кажется, что пора пресечь нелегальные взятки кубатуры ради безутешной для себя славы. А раз взял вершину, то держи ее на высоком уровне честного труда.
Братск-3, Герасимов Б.В., рамщик и пилостав».

Лучше маленький Ташкент, чем большая Сибирь.

Улыбка, сверкающая как чайник.

«Уважайте себя и уборщицу».

Она воспламеняется как сухая щепка.

Всю ночь они таскали из комнаты в комнату этот грешный диван.

Разъяренная рубаха или — дистрофик на турнике.

Убийцы сидят в нас по наследственности (почувствовал, когда взял в руки карабин).

Ты все оставила в этом заплеванном саду.

Он лег в постель и стал считать женщин, с которыми спал. Их было девятнадцать. Двадцатая...

Собака по кличке Волк.

Все девушки, с которыми он встречался, «чисты и непорочны».

Деловые люди любят общество босяков.

Вру я не больше, чем говорю правду.

Тот счастлив, кто никогда не лжет.

Получил образование поздно, с трудом, насилуя свою природу, и всю жизнь ни на минуту (во всем) не забывает, что он образован.

Мне хорошая мебель нужна для того, чтобы на ней сидеть, лежать, чтобы не портились книги. Ему эта мебель нужна, чтобы чувствовать себя культурным, порядочным, положительным.

Про женщину: С тех пор я катаю эту тачку.

— Дай напиться.
— Возьми, — бросает ему графин с водой через комнату.

Вы катастрофически хорошеете.

В глуши, за Киренском. Отец пил и, напившись, становился задумчивым. А задумавшись, говорил о смысле жизни. Иногда с собакой. Он сажал ее перед собой и спрашивал: «Скажи хоть ты, скажи мне — в чем смысл жизни?» Пес выл в ответ.

Она приехала в город, задумчивая, любопытная, умная, с жадными веселыми глазами. Идеалы пустые, таежные.

Вода закипела у меня под подошвами.

Пижон, у которого нет доброй квартиры, девице: «Родина задыхается от недостатка жилья».

Пижон-западник: «Да, Европа отшлифовала женщину».

Молодость дается нам для эксперимента, а не для прозябания.

Луна теперь обыкновенный уличный фонарь. На луне скоро откроют кабаки и развесят сушить портянки.

Я не жених. И никогда мне не было так грустно от того, что не жених.

— Почему мужчины лысеют, а женщины нет.

— Я думаю, это попытка природы восстановить справедливость.

Глаза — два разбойника, которые действуют сообща.

Он знал много разных слов и умел составлять из них предложения.

— Деньги есть? — спрашивал он, сгорая от любопытства.

Из грозного соблазнителя он становился тихим, добрым сказочником. Он говорил ей: «Хочешь, ты будешь самой элегантной женщиной в городе».

Мудрость — это когда уже ничего не остается.

Пошлые деревенские приемы: 1) «женюсь» и 2) «убью».

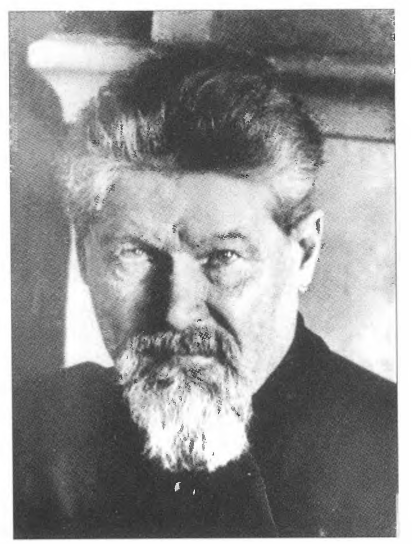
Вода сволочного цвета.

Да, все правильно. Для таких, как я, любимые жены — большая роскошь. Наш удел — шататься от порога к порогу.

1. Александр Вампилов.

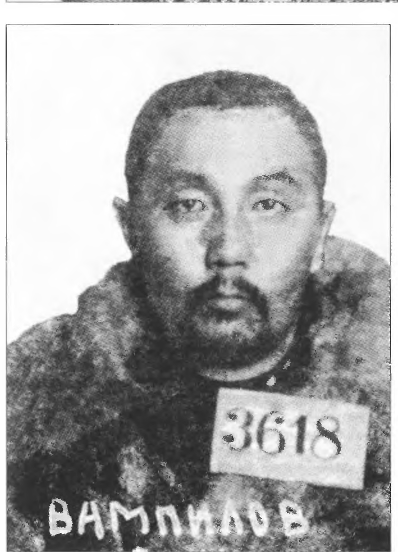

2. Предки по материнской линии.

3. Дядя А.Вампилова по материнской линии.

4. Дед А.Вампилова по материнской линии.

5. Бабушка Вампилова Александра Африкановна в квартире в иркутском предместье Глазково, которую Вампилов снимал, учась в университете.

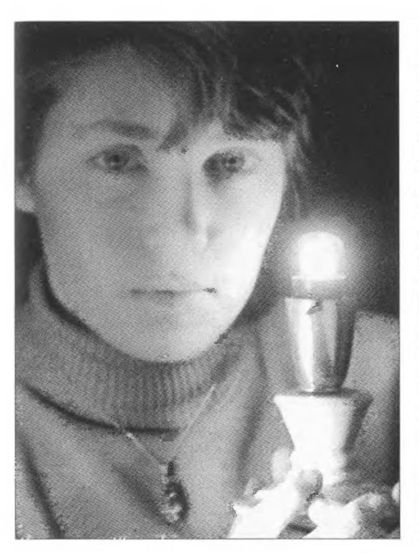
6. Отец Вампилова Валентин Ниткитич. Расстрелян в 1938 году.

7. Мать Вампилова Анастасия Прокофьевна Копылова.

8. Мать Вампилова Анастасия Прокофьевна Копылова-Вампилова со старшим братом Вампилова Михаилом.

9. Ольга Вампилова. Фотография, которую Вампилов всегда носил с собой.

10. Портрет жены (установка света и съемка Александра Вампилова).
11. Елена Александровна Вампилова.
12. Бабушка А.Вампилова по материнской линии.
13. Анастасия Прокофьевна Копылова-Вампилова.

14. А.Вампилов на сельхозработах.

15. С университетским товарищем Борисом Кисловым.

16. Подпись на обороте фотографии, сделанная Вампиловым: "Мишка Квакин в чужом саду"
17. Александр Вампилов.
18. С Борисом Кисловым.

19. Рисунок из блокнота – дом Пашкевича.

20. Планетарий недалеко от дома Вампиловых в Иркутске, расположенный в бывшей церкви. Вампилов использовал этот образ в "Утиной охоте"

21. Набросок декорации к "Квартиранту", сделанный Вампиловым.

22. Барак при школе, где жила семья Вампиловых.

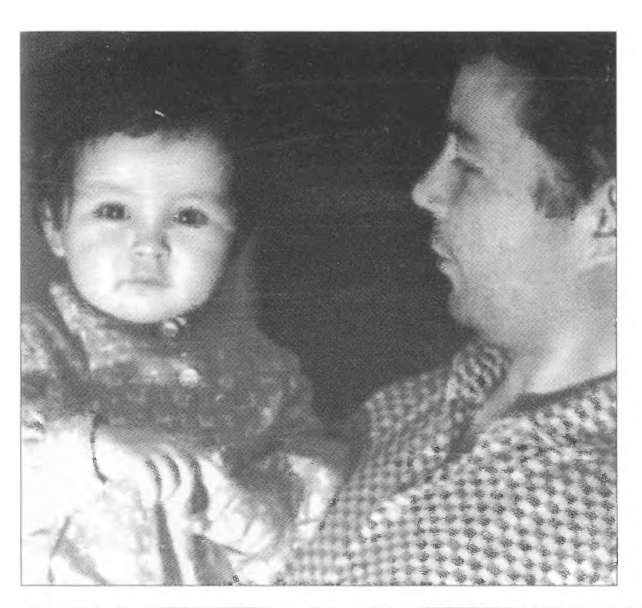
23. На Байкале, с Геннадием Машкиным и Владимиром Жемчужниковым.
24. С женой Ольгой и дочерью Еленой на улице Иркутска.

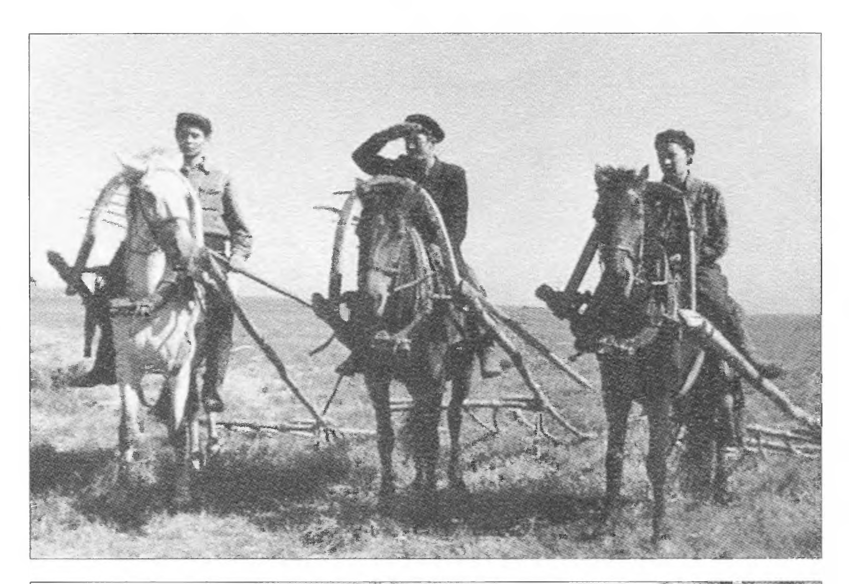

25–26. Картина И.Репина "Запорожцы пишут письмо турецкому султану" в постановке Александра Вампилова на военных сборах.

27. На завалинке. С однокурсниками в колхозе.
28. В редакции газеты "Советская молодёжь"
29. С дочерью Еленой.
30. На рыбалке.

31. "Три богатыря" В.Васнецова в постановке Вампилова.
32. С женой и матерью.
33. На военных сборах.
34. С Борисом Кисловым (на обороте рукой Вампилова написано: "Братья Гонкуры").

35. А.В.Вампилов с матерью.

36. Камень у места гибели, на берегу Байкала.

Тонкая организация выходит боком, только боком.

Хотел говорить то, что думает, но вспомнил, что у него нет денег.

Лучшие, самые красивые, возвышенные слова сейчас до того скомпрометированы газетами и ремесленниками, столько от них пыли, плевков и ржавчины, что — сколько надо думать и чувствовать, чтобы эти слова употреблять в их высшем назначении.

Графоман-рецидивист.

Человек, который отказался от общества, великий мещанин. Все знает и ничего не может.

У всех у них есть один недостаток: они — не ты.

Румяное лицо было искажено несвойственной ему задумчивостью.

Обыватель при упоминании крымских городов ухмыляется неприлично и мечтательно. В Ялте любой скромный доселе гражданин начинает говорить «мерси», «пардон» и развратничает.

Пьет сухие вина, которых терпеть не может, старается увлечь на ночную прогулку каждую официантку.

Писатель. Все знает, а выразить ничего не может, как собака. За него выражает редактор.

Лжет каждый, а любят тех, кто лжет лучше.

В автобусе наступил на ногу. Татуировка «Гена» на руке:

— Гена, сойди с ноги.

Не ищите подлецов. В основном подлости совершают хорошие люди.

22—510

Допился до того, что разговаривает трезвым голосом.

Не может обыкновенный человек — только философ. Обыкновенный человек не выдерживает лести, вероломств, криков. Должен быть выше лести, выше всего. Почему-то как только такой появляется — его убивают.

Охота за счастьем. Одни счастье высиживают, другие — выпрашивают, третьи — ждут его на большой дороге.

Мы торопимся, но все-таки мы не успеем.

— Дайте женщину, из-за которой дерутся все.

Я вспоминаю то одну из своих женщин, то другую. Таким образом, я все еще продолжаю им изменять.

Обнаглевшие мухи совершали браки на носу у главы семьи.

Воровство — самая ответственная профессия.

Взгляд самоубийцы, — впрочем, по рассмотрении, оказалось, что он может убить не только себя.

Народу на трамвайной остановке, как поганых под Киевом.

Эти люди любят демонстрировать гордость. Настоящей нет, есть только показная, и они любят ее демонстрировать.

Когда она пила — все стыдливо отварачивались.

Я не знаю, как должны писать талантливые люди, но мне мои рассказы даются трудом.

Доменная печь. Создана воспламенять воображение поэтов.

Какое глубокое несчастье — любить по-настоящему или вообразить себе настоящую любовь.

Вечерело. Романтики пошли выпить и закусить.

Занавеска нервно вздрагивала от ветра.

Все люди кажутся иногда самыми отвратительными типами Достоевского.

Муха, назойливая, как начинающий автор.

Луна спустилась настолько низко, что касалась темных силуэтов домов и выглядела уже принадлежностью города.

Сегодня я талантлив.

Из природных способностей у него больше всего было развито чувство долга.

Чувство, с которым он ожидал ее, никак нельзя было назвать «томленьем упованья».

Будем называть друг друга на ты, тем более мы друг друга не уважаем, — откровенно он ему.

Добр и ласков, как выздоравливающий больной.

Хорошенькая двадцатилетняя девушка — философ. Парадокс.

Старая сводня — луна — вышла.

В час ночи ему был подан трамвай.

Не хотел пить, но из вежливости и уважения к хозяину напился.

Вокзал — место ничего не значащих безнаказанных поцелуев.

На лице у него было написано, что он со временем горько и жестоко запьет.

Старость неизлечима.

Профессиональный пассажир.

— Вот вы, будущий инженер человеческого организма, скажите, чем выражается анатомия скуки?

От нее пахло утюгом.

Весна... радость... впрочем, несчастным можно быть и весной.

Он был поэтом, но, кроме огорчения, это слово ему ничего не приносило.

Рассказ ночного сторожа: «Воруют днем. Ночью делать нечего. Совестно получать деньги...»

По мере того как расширялся кругозор студентки N, юбка ее суживалась.

Каждый человек — государство, которым безраздельно управляет эгоизм.

Если в жизни все ищет противоположности, то его жена должна быть гением красоты, добра и т.д.

На станции на голландской печи нацарапано: «Пусть волны жизненного моря не смоют память обо мне».

Боевая подруга рецидивиста.

Жизнь прекрасна, когда вам не жмут ботинки, не болит голова, вас не выгнали с работы, есть деньги, ждут девушки.

Вдохновение импровизировал на машинке.

Воображение творческих работников занимал большой железный сейф с деньгами, который стоял в углу.

И вот я вырос из рубашки, в которой родился.

Бывает, что женщине много тепла не надо, бывает, она и дымком согревается.

Поэзия всегда противоречила жизни.

Мечты, которые сбываются, — не мечты, а планы.

Сколько бы ни старались литературоведы, они никогда не сделают Чехова сухим и скучным писателем.

В анатомке: «Работайте у нас до конца жизни». Им был нужен скелет.

Имейте дело с красивыми женщинами, потому что, если вы уходите от некрасивой, вы делаете ее несчастной, а красивая никогда не пропадет.

Старость закладывается в организме человека уже в первые годы жизни (из медицины).

Лариса. Вполне серьезное предложение:
— Посещай женщину, а встречайся со мной.

Шкловский. Чистота жанра. Не поступок, а путь к поступку. Необходимость изображения обстоятельств и проч. — все не Америки. Энергичный старик, очень театральный в манерах, в словах съедает последний слог, видимо, от старости.

Ялта днем и ночью. Посещение дома Чехова. Сергей Георгиевич Брагин, научный сотрудник. Вет-

ки с деревьев, посаженных Чеховым. Магнолия, аукуба, японская айва, калина вечнозеленая, гималайский кедр, жасмин, розмарин — все это посажено Чеховым.

14 февраля. Три происшествия. Видел «8½» Феллини, меня приняли в Союз писателей, Синявскому и Даниэлю дали соответственно семь и пять лет. «8½» Феллини сбивает с ног, являет желание начать все сначала или молчать в тряпочку.

Склока. История со слушателем Мишаткиным. «Процесс», протокол в одном действии.

«Тайга» (пьеса, сценарий). Человек, отказавшийся от родни, от дикости, пьянства, некрасивости (тайга), но главным образом от незначительности своей, уходит завоевывать мир. Невзгоды, борьба, успех, зуботычины, драка, ложь, усталость, предчувствие истины. Возвращение. Но на родине, в бывшей тайге — новый город (промышленность). Финальная сцена в кафе. Кто он?

21 февраля (1962). Подмосковье из автобуса. Москва увязла в предместьях.

Тридцать лет вам только по недоразумению.

Сюжет. Тщеславный покойник. Разговор с кладбищенским сторожем.

— Устрою местечко. Рядом академик. Был непьющий, некурящий. Справа артист. Приятный был человек, известный. Иначе говоря, будете лежать в культурной компании, на виду.

Сторож серьезен, и обыватель серьезен.

Беспомощно глуп. Так глуп, что даже не в состоянии это скрывать.

24 февраля. Все лучшие известные писатели знамениты тем, что говорили правду. Ни больше ни

меньше — только правду. В двадцатом веке этого достаточно для того, чтобы прославиться. Ложь стала естественной, как воздух. Правда сделалась исключительной, парадоксальной, остроумной, таинственной, поэтической, из ряда вон выходящей. Говорите правду, и вы будете оригинальны.

Наша журналистика — проституция с благородной целью.

У меня в жизни не было ничего такого, что я желал бы повторить, вернуть.

Вместо того, чтобы привлечь подчиненную к ответственности, директор привлек ее к себе.

9 марта. В моей голове, как нож бандита в темной тихой ночи, сверкнул первый седой волос. Пока один. Но он недолго будет одиноким — жизнь об этом позаботится. Мне грустно, милая, когда я думаю о том, куда ведет эта серебряная ниточка. Серебряный дождь.

Она (пишет в письме). Я боюсь, что начнется война и мы никогда не увидимся.

Ответ. Теплее одевайся, береги себя, войны не будет. По крайней мере до тех пор, пока мы не встретимся. Если хотят воевать — пусть потерпят.

Уж гипнотизирует лягушку. Против воли она прыгает в его пасть. Так люди загипнотизированы своим будущим. «Как медленно, — говорят они, — идет время! Скорей бы весна! Скорей бы 19 лет! Скорей бы завтра! Скорей бы! Скорей бы!» Куда? В ту же пасть.

11 марта. Юноша. Большое симпатичное бревно.

Разжиревший месяц.

Меня удивил Бабель. Яростный, ослепительный стиль.

Огромная медная дверь хлопнула, как гигантская мышеловка.

Улица утонула в синем омуте апрельских сумерек. Потом над черными крышами стало появляться воспаленное веко луны — большое растерзанное облако, сделалось тихо... Глаз луны, красный от бессонницы, остановился над лесом, пристальный и жуткий.

Всходила луна. Лучи ее, как холодные ножи, скользнули по черным лужам.

Луна, засыпав дорогу золотыми брызгами, плюхнулась в грязную темную лужу.

Жара, пыль. В сквере томится бронзовый Лермонтов.

В зоопарке. Бегемот — ожившая цистерна. Слоненок со старческими глазами. Тигр ревет, по соседству антилопы. Баба (приезжая):

— Вот ему бы сейчас ту бы вот одну. Вот бы разговелся.

Правда, где она в людях? В этой вот березе, в ее чистосердечной тяге к солнцу, в ее откровенной радости и т.д.

В душе пусто, как в графине алкоголика. Все израсходовано глупо, запоем, раскидано, растеряно. Я слышу, как в груди, будто в печной трубе, воет ветер.

В Москве местожительство его было в Гавриковом переулке у маленькой церквушки. Две ее маковки тускло переливались скорлупой веков (облупленной).

Сколько чувственного в весеннем обнажении земли. Воздух, разомлевший снег и вот из-под него — первая проталина, как девичья коленка из-под платья.

О том, что было... А было-то всего — весенний день, грязная дорога, две березы...

Считают деньги. Прислушайтесь: этим занят весь мир.

Когда нам было по шестнадцать лет, современная поэзия была безобразной. И мы перестали верить, что живые поэты на что-то способны. Мы сделались идолопоклонниками, фарисеями. Настоящие поэты для нас были — Пушкин, Лермонтов и Есенин.

Зачуханый день.

От нее запах разлуки и ветра.

Виноватыми всегда бывают нелюбимые.

Закат бросил вдогонку своих рыжих собак.

В Минске тоже есть каштаны, но чувствуют они себя здесь примерно так же, как я...

Киев. Утро 29 апреля. Бульвар Шевченко. В Киев надо приезжать рано утром и бродить по нему до темноты. На бульваре я принял парад киевских тополей. Храм. Пасха. Я иду по бульвару, солнце встает за моей спиной (изумруд росы на акациях), я иду, как воскресший Иисус Христос. Впереди меня скачет бронзовый Щорс. На бульваре против храма старушки лупят крашеные яйца.

— Христос воскрес, — говорю им я.

— Воистину воскрес, — рапортуют старушки.

Метро в Киеве построено из тщеславия.

Забыть меня здесь, когда мы рядом, — это значит замуровать меня в толпу соглядатаев. Это невозможно. Из этой свинцовой стены будет торчать моя к тебе нежность, так же, как если бы из моей могилы торчала моя рука. Ты этого не вынесешь.

Работал в цирке цыганом.

Мир с точки зрения невесты.

Октябрь 1961. В дым больной.

Он много мечтал и потому мало имел.

Старики, спекулирующие своим прошлым.

Он полез, казалось, не в карман, а в самую глубину своей души и вырвал из нее рубль.

Люди устраиваются в жизни с такой серьезностью и обстоятельностью, как будто собираются жить лет пятьсот.

...слова, теплые, как постель тридцатилетней вдовы.

В столице трудно родиться поэту. Москвичи с детства все знают. Задумчивых в Москве нет. Всех задумчивых в Москве давят машинами. Поэты родятся в провинции, в столице поэты умирают.

Он ел, хищно пригнувшись над тарелкой.

В 1961 году в Москве действует около 70 церквей. Артисты (московские) за выступление в хорах получили 13 млн рублей за год.

Черемушки — каменный колхоз.

Могильная темнота (чернота) воды.

Был вечер. Посинели сугробы. Мутный свет матовых фонарей с черных чугунных столбов падал на лица прохожих. Их лица были задумчивы, до жалости серьезны, вечерняя тоска остановилась в их глазах. Красные вывески магазинов, реклама кинотеатра, два прекрасно одетых пижона, женский смех, бегот-

ня. Я нырнул в полуподвал «Гастронома», там почти никого не было. В серых половинках окна мелькали ноги прохожих. Я смотрел на них. Особенно бросилось в глаза удручающе согласованное движение проходящих пар. В них мне казалась каменная поступь тоски.

— В 25 лет еще рано оглядываться, но уже поздно нестись сломя голову.
— Чепуха!

Зрелость — рутина, и счастье — рутина, болото, тупик.

С похмелья. Развертывает утром газету:
— Взглянуть, что делается в трезвом мире.

18-летний парень, феноменально непосредственный и впечатлительный, из села приехал в город. На улице увидел девушку, влюбился, как будто был поражен молнией. Шел за ней, но потерял. Целый месяц ходил в этом месте, ни разу больше не видел. Тоска хуже болезни. Принес в редакцию искреннее, наивное письмо. «Как найти?» Газетчики. Спивающийся зубоскал. Трезвый деляга. Водопад цинизма парню на душу.

В этот вечер все девушки казались мне красивыми, как солдату, впервые получившему увольнение.

Дряхлый мартовский снег кряхтит под ногами.

Он подл, мелочен, злопамятен, но, к счастью, глуп, а потому неопасен.

Все порядочное — сгоряча, все обдуманное — подлость.

Каждый компромисс — скачок к старости и скотству.

— Он оригинален.
— Он дурак, но и в этом он неоригинален.

Людей без мировоззрения надо сажать в тюрьму.

Она занималась легким образом жизни.

На голове, на самом темени у него появилось блестящее пятнышко. Там свила свое гнездышко рутина.

Новый год — новые подлости.

1 января. Казанский вокзал. Поехал, потому что пьян и молод. 15 минут ходил по перрону, заглядывал в окна вагонов. Не нашел, не видел. Поезда с московских вокзалов уходят иезуитски бесшумно, плавно, спокойно. Машинист, как опытный хирург: всадит нож незаметно, ласково и отхватит руку. Вспоминалась зеленая юность. Кажется, за тем и приезжал, чтобы не видеть, не встретить. На вокзале обычный бордель — духота, толкучка, кофе в липких, пропитанных жиром бумажных стаканах.

Каждый нормальный человек знает, что сейчас ищут 102-й элемент в таблицу Менделеева.

Сюжет. Молодой человек взялся писать честный, беспощадный дневник. Понял, что почти невозможно, что это самоубийство, ужаснулся. Сжег и весело, радостно отправился соблазнять чужую жену.

Хомут (рассказ).

Подъедет, подползет поезд дальнего следования, выйдет толстая, озабоченно разглядывающая сумочки жена, на весь перрон чмокнет в губы, скажет пустым громким голосом: «Здравствуй, милок», — сунет в руки черный большой, как саркофаг, чемодан, токнет в руки и другое барахло, скажет еще (не спросит, а скажет): «Ты здоров, не потеряй сетку...» И —конец!

Пушкин был лохматый безумец. Но он был дворянин и стеснялся своего безумия.

В тюрьме. В камере рецидивистов. Один поссорился с остальными, проткнул губы алюминиевой проволокой, замотал. Заставили размотать.

— Зачем замотал?

— А не желаю с вами, с суками, разговаривать.

Из детства. 1946 год. В июле на покосе стрелочник Говорухин поймал хорька. Принес домой и затеял жарить. Говорушиха изругала его и выгнала из избы. Он успел схватить сковородку и под бугром, за огородом, у речки сварил-таки добычу. Говорушиха, пухлая, громадная и разгневанная, стояла на меже, материлась, грозилась изувечить.

— Сковородку, змей, испоганил!

— Иди, иди сюда, — кричал снизу Говорухин, — попробуй! Ты попробуй — за милу душу пошыташ! (посчитаешь).

Мариха. Глухая, одинокая, несчастная старуха. В лесу на ягодах мы взрывали рядом с ней толовые шашки, украденные на складе в каменоломне. Хотели проверить — глухая ли она, не притворяется ли? Она была абсолютно глуха.

Аксинья — женщина, вернувшаяся с войны. Глухая, носила солдатские штаны, не мылась, материлась и пила. Дралась, но никогда не плакала. Даже пьяная. Говорила мужским зычным голосом. Курила махорку, и было противно видеть гримасу, с которой она поминутно сплевывала себе под ноги. Работала за мужика. Только песни пела по-бабьи, высоким, вытягивающим душу голосом. Мелодия песни, которую пела пьяная Аксинья, сильно походила на тему первой части из Первой симфонии Чайковского.

Целенаправленный (целеустремленный) идиот.

... как благородные — какое смелое сравнение.

Женщина жалуется на то, что «ты меня не любишь», вместе с тем сама любила только две недели, пока он пренебрегал ею.

Мир состоит из скучных малокультурных женихов и симпатичных обольстителей.

Талантливо — это когда так, как не должно быть, но когда это здорово.

Поцелуй в улыбку.

Первая любовь — это не первая и не последняя. Это та любовь, в которую мы больше всего вложили самих себя, душу, когда душа у нас еще была.

Чтобы сказать о таком человеке правду, надо дождаться, когда он умрет.

Даже в позу не могу встать — показываются грязные манжеты.

Богатые и бедные — категория старая, но дураки и умные — категория бессмертная.

В этом мире без неприятностей живут только свиньи и идиоты.

У художника — стог сена — автопортрет. Стог только предлог для самовыражения.

Я люблю людей, с которыми все может случиться.

От страданий (и болезней) интеллект проступает у людей на лице.

26 января. Центральный дом литераторов. Сатирики. Штук двадцать. Маститые — весь Олимп. Безыменский, Эмиль Кроткий, Арго, Масс, Бахнов, Костюковский, Привалов, Егоров. Самый молодой редактор отдела «Вопросы литературы». Я —

мальчишка, провинциал, да еще забился в угол. Со стороны Привалова было пижонством и бестактностью пригласить меня на эту секцию. Глупейшее знакомство с Безыменским. Еврей-редактор: «Вы пишите на русском языке?» — «А вы?» Он думал, я из Якутии. Писательские разговоры. Еще мрачнее мое посещение. Критика на мою книжку в журнале «Москва». Привалов, разочарованный моим видом и моим тихим голосом: «Я вас там перехвалил. Ругать вас еще будут много». (Все натянуто и несерьезно.)

Чем больше человек думает, тем он становится мягче.

Люди умирали и умирают за идеи, которые им не нужны и в которые они, в общем-то, никогда не верили и не верят.

Дисциплинированная клевета.

Слова, настоянные на спирту.

На земле все складывается, как в плохом фантастическом романе: физика, война, конец мира.

Идеи мы отстоим, но у нас не будет детей. Для кого тогда идеи? С человека, который знает, что у него не будет внуков, трудно спрашивать. Его ничем не удивишь. Общечеловеческая точка зрения. Аполитично, вредно. Хорошо, можно забыть тех, кто умер. Забудем, хотя некоторые из них забвения не заслуживают. Но как же забывать тех, которые будут, — детей и внуков?

Человечество родит примерно одинаковое количество гениев и знаменитых убийц. Последние века эта пропорция нарушена и появляются — гениальные убийцы.

Он был неистощим в выдумывании ее достоинств, мелких очарований.

Любовь — творчество, у бездарных она — нудная драма с утюгом в валенке.

Зубы ему выбили в студенческом кафе «Недотрога».

Улыбчивый мракобес.

Ее любили деликатные ленинградские хулиганы.

Памятник Петру, залив и город. У памятника не сходя с места разжирел фотограф любитель.

Акимов: Если идея хороша и гуманна — все средства хороши. Формализма нет.

Мейерхольд — учитель Брехта.

У нас будет все не как у людей: мы будем счастливыми.

Он ударился головой о всемирно известную решетку Летнего сада.

Бог — это бесконечность. Люди, напуганные бесконечностью, выдумали бога.

Если арестанты стремятся на свободу, значит, свобода есть.

100 рублей на низменные страсти.

Я пользовался успехом в городе Таганроге. Длинная комната двойного номера, окно в главную улицу. Серые деревья, забор, длинная синяя афиша моей пьесы, рубаха оказалась велика, резинок для рукавов не оказалось.

Спектакль. Режиссер (мастер более всего разговорного жанра) без вкуса и меры. Клоунада, балаган. На главной роли актер из оперетты. Зритель доволен.

Автор в театре. Автор кланяется, автор на подмостках. Шампанское. Ночью у актеров.

Выгнали потому, что он оказался умнее, чем от него требовалось.

Комары приняли нас за лошадей.

Еврейка Белла. Хорошие, умные, интересные люди. Один играл Шопена, читал Блока, говорил: «Такие, как вы, встречаются так редко...» и проч. Ночью, когда провожал, в пустом сквере, осенью (было холодно), вдруг повалил ее на скамейку. Она едва вырвалась. Он на ее глазах остановил такси и укатил, оставив ее в два часа ночи (осень, без плаща) в трех километрах от дома.

Второй тоже очень умный, интересный, чуткий, из Ленинграда (она была знакома с ним давно.) Иногда они встречались. Она считала его настоящим. Последний раз встретились в Москве, на Казанском вокзале. Белла была со своим знакомым, другом этого самого, тоже умным и интересным. Тот первый подошел к ним и увел товарища искать женщин на ночь:

— Вдвоем легче, — сказал он и извинился.

Она не теряет надежды встретить умного, интересного и «чистого» человека. Она говорит, что ей 24 года, но ей лет 28—30. У нее правильные черты лица, обжигающие иудейские глаза, но уже в морщинках.

Писатель (журналист). Сколько его ни бей — не выбьешь ни одного образа.

Липкое, захватанное сравнение.

Иркутск. Город, который стал чужим. Умиления возвращения не получилось.

Все города в дождь одинаковы. Все города в дождь красивы, молоды и меланхоличны.

Он посадил ее в автобус и долго еще (от безделья) бежал за ним.

Деньги кончились и добродетель восторжествовала.

Жену себе искать надо ходить на симфонические концерты.

Одноглазый ЗИС заглатывал черную дорогу.

Я ненавижу секундную стрелку (стареющая женщина).

Удручающе правильный.

В боксерскую секцию его привела мизантропия.

Признание в любви всегда театрально...
Огорчал только ее нос, который очень походил на гимнастический снаряд.

Сюжет «Осудили». На курорте. Двое осуждают одну женщину. «Они были друг другом чрезвычайно довольны». Приходит кто-то и говорит, что эта женщина просит ее куда-то проводить (на лыжах). Оба встают...

На 35-м году жизни у него прорезался талант, между тем как Лермонтов закруглялся к 26 годам.

Он был болен... и обожал свою болезнь.

В кредит он мог пользоваться только любовью.

— Композитор? Там Шуберт какую-то симфонию не закончил. Валяйте — закончите.

Намек на сюжет «Тополя». Поэт (художник). Вся молодость была посвящена одному и тому же (дому, девушке, тополям). Все кончилось, ничего не осталось. Грустно и обидно.

Сюжет. Старик-швейцар. Всю жизнь сидит

около аудитории, где один преподаватель много лет читает одну и ту же лекцию. Однажды в его отсутствие швейцар его замещает.

Он думал, что нетерпение это от того, что он хочет как можно скорее ее увидеть; на самом же деле ему просто было утомительно ждать.

24 февраля.
Дали образование — отвлекли от дела.

«Ярмарка». Чтение «Ярмарки».

Писатели. Всю жизнь воюют с практичностью, с жирными, но на этом неплохо зарабатывают. В конце концов жиреют и делают какую попало работу.

Перед смертью думать о своей репутации? А ведь вся жизнь — это перед смертью.

— Она замужем за профессором.
— Она счастлива?
— Ты считаешь, что к тому же она еще и должна быть счастлива? Достаточно, что она замужем за профессором.

А.Т.Т.: — А помирать все-таки придется.

Неразделенная любовь к литературе.

Красная Пахра. Твардовский о Маршаке:
— Некому прочесть стихи, чтобы тряслись руки.
Оказывается, мы жили в бараке, который в прежние времена был пересыльной тюрьмой. Теперь его сносят.

Бах. Месса «Евангелие от Матфея», часть первая. Не воспоминание, но то, о чем можно только мечтать, чего можно только желать, но чего не бывает и не может быть на самом деле.

Новый, 1969 год. Общага, суета, упадок и разгильдяйство. Ничего не осуществлено, все неясно, все так легкомысленно, безразлично и, кажется, дешево. На улице мокро и туманно. Если позволит господь, в этом году мне будет 32 года.

У бывших боксеров повышенная чувствительность и тяга к доброте.

Дуэты. Пьеса из одноактных пьес, объедин. театральным действием.

«Кефир — каждый вечер».

Начать сначала — из «Утиной охоты».

(?) История с лягушатником.

(?) Пожилые влюбленные.

«Дом окнами в поле» — по-другому.

Пожилые влюбленные. Комедия.

Несравненный Наконечников.

[1970]

Ялта. Запах тлена, время года неопределенное, сырость, зловоние лечебных вод, по городу — апокалипсическое количество кошек.

Арбузов.

1. Единственность: Я не скажу — никто не скажет.

2. Свод советов о ясности «Выходов из положения» — чепуха.

Задача художника — выбить людей из машинальности.

Работа начинается с беспокойства. Он медленно реализует замысел. У него 9 пьес в утробе. Они живут и растут там своей жизнью. Они претерпевают изменения, но «сделало это не много».

Замысел должен быть зрелым. Часто нас волнует колебание воздуха и, мы за стол — сгоряча. Театр будет двигаться в сторону камерности, психологии от —острых сюжетов.

Добавить герою ничего нельзя, в нем можно

только открыть то новое и неожиданное, что заложено и что ты увидел в нем одном.

У Арбузова до 30 лет не было квартиры.

— За столом художник должен быть нахальным: я лучше всех ! Лучше Чехова и Толстого.

Шекспиром надо восхищаться (и Чеховым). Гениальная пьеса Ибсена «Борьба за престол».

Ренуар и «Вас где-то ждут» и разговор Гете с Эккерманом. Письмо Флобера. Дневник Делакруа. Надо выбирать собеседников.

Себя надо беречь, холить, ухаживать за собой — потому что ты — аппарат.

Все мы должны быть работниками театра. Надо жить театром.

Погода шепчет: бери расчет.

Забытый май. Возможно, три одноактные пьесы про любовь.

Измены не было, но подозрение велико.

Измена была, но лучше считать, что ее не было.

Факты таковы, что измены не могло не быть, но ее не было, и в нее не верят.

Рассказ. Веселый парень познакомил ее и его, свел, устроил «ангажемент» (она — бывшая его подруга на случай). Через год он встретил их (к своему удивлению, вместе) — они счастливые люди. Он влюбляется и завидует.

Рассказ. Две комнаты. Теща не поднимается с постели — очень больна. Зять в отсутствие жены привел женщину. Случилось непредвиденное — теща встала. Скандал. Зять: — Сами виноваты. Полгода ле-

жала, а тут — на тебе. Он рассержен, прямо-таки разобижен.

Декабрь 1966 г. Поездка в Клайпеду. Премьера. Гостиница. Сон, в котором друзья ругают спектакль. Явь. Местный драматург. Актрисы. Море. Отъезд.

Сюжет о муже и жене. После развода — новые семьи. Они встречаются как в юности.

— Вы маменькины сынки.
— А вы что — сукины сынки, что ли?

Актер (не прочел пьесу), обещал завтра, при этом улыбался, как развратная женщина.

Новая пьеса — драма. Всем героям по 30 лет. Рушатся Дружба, Любовь, Вера. Персонаж типа Б. Всю пьесу собирается уезжать на зимовку — бороться с комплексом неполноценности (молодость прошла в лени и безверии). Так и не уезжает.

Сюжет. Барабанщик из плохого джаз-оркестра. Был способный музыкант. Начинал на скрипке, был с идеалами. Оказался за барабаном в плохом оркестре. (Немного мистики: в начале хотел встретить девушку (идеал), отчаялся, спился и ...встретил.) Она в зале, он сидит и играет на барабане, на душе мерзко, гадко. Название «Караван в пустыне».

...в начале ноября запрещено грустить поэтам.

Антон Павлович Чехов собирался написать рассказ о чернильнице. Писатель Марков, автор всеми прочитанного романа «Строговы», начинал с маленькой газетной заметки «Волки заели», я начинаю с повествования о том, как чуть не заели мухи, и никто меня не остановит, потому что начать так подсказывает мне моя скромность.

Мух было до изумления много. Они были назойливы, как начинающие авторы. Они лезли в нос, в

рот, в глаза и, казалось, хотели залезть в душу. В своей наглости и свирепости они самоотверженны. Они тонули в супе, вязли в десертах. В конце концов мухи так обнаглели, что стали совершать браки на носу у главы семейства.

Это было уже унизительно, и на семейном совете мухам была объявлена война.

Ночь на луне (фантастический этюд).

Лица, оказавшиеся на Луне: Ученый, Поэт, Пьяница, Космонавты, ученики старших классов, Студент, Милиционер и т.д.

Поэта и Пьяницу оставили на Луне. Поэт прыгнул бы, если бы при падении приземлился в черемуховые кусты. Пьяница очнулся на Ямской в канаве.

Прекрасное только то, что мы видим издалека. Не приближайтесь к прекрасному.

Гражданин Излишних, вышедши (не без помощи служебных лиц) во втором часу ночи из ресторана и не обнаружив под собой твердой почвы, взмыл в воздух и с невероятной скоростью устремился вверх. «Вот так номер!» — подумал он (струсил), но, вспомнив, что на земле у него не осталось ничего существенного, кроме строгого выговора на работе и неоплаченного счета в ресторане, махнул рукой и увеличил скорость. Он вспомнил слова своей жены, которую он оставил на земле: «Ничего с тобой не может случиться. Ничего тебя, гада, не берет... Ишь проспиртовался весь...» — и, запахнувшись, подумал: «Ничего, не пропаду».

Перед его носом вырастал между тем большой желтый шар. «Луна», — подумал Излишних и поморщился. По глубокому научному убеждению гражданина Излишних, водки на Луне не было. Но делать было нечего, и, описав над поверхностью Луны кривую, он тяжело рухнул на блестящую, как новенький пятачок, площадку. Отряхнувшись от золотистой пыли, Излишних выругался: «Ну и порядки! Не метут...»

— А! Землячки! — Заорал он восторженно.

— Вот, пожалуйста, — сказал поэт (*с надрывом*), — она заселена пьяницами.

Пьяница. Я пьяница? А ты что — голубь? (Или жаворонок — случайно сюда залетел?)Послушай, это не ты в пятницу устроил дебош в «Буреломе»? Ты, ты, не отпирайся...

Ученый (*занимаясь своим делом*). Послушайте, не шумите. Даже здесь вы мешаете работать. Скажите, поэт, что вас сюда принесло?

Поэт (*горько*). Фантазия.

Пьяница. Это какого разлива?

Ученый. А на чем вы будете добираться обратно?

Поэт (*растерянно*). Не знаю... Я думаю, вы не оставите здесь человека.

Нобелевская премия (заседание в одном действии).

Действующие лица:

А. — Издатель, немолодой, неглупый и предприимчивый человек, лучший друг начинающих авторов.

Б. — редактор журнала «Современничек», большого ума и золотой души человек.

В. — самый известный романист в городе.

Г — первый в городе поэт.

Д. — первый в городе драматург.

Е. — молодой начинающий романист, седой человек, автор романа «Потревоженная берлога».

Господин Нобель — иностранец, восставший из гроба. По национальности швед.

Простой народ — писатели, прозаики, поэты, драматурги, всего сорок человек.

Место действия: Город Н. — место, весьма отдаленное от Швеции, шведов и Шведской академии.

Время действия:

Никогда этого не было, более того, быть этого не может.

Зимний дворец писателей. Малый зал заседаний заполнен исключительно писателями. Председательствует В., самый известный в городе романист.

В. Друзья! Сегодня мы обсуждаем рукопись молодого автора ...э-э ...нашего многоуважаемого товарища... э-э...

Г (*подсказывает*). Е.

В. Да. Товарища Е. Надеюсь, все вы ознакомились с этой небольшой (*хотел показать руками, ее поднять, но не смог*) вещицей. Написана она живо, увлекательно, лаконично. Читается легко, с большим интересом и безусловно заслуживает того, что она заслуживает. Словом, приступим к обсуждению. Прошу высказываться. (*Садится и мгновенно засыпает.*)

Станция Половина.

Мы сбежали от заката. По посиневшим скалам он гнался за нами, в кровь рассекая свои розовые колени. Он ловил нас в свои малиновые сети. Он бросил нам вдогонку своих рыжих собак.

От его яростной нежности мы сбежали в черную июньскую ночь. Наш поезд летит на восток, влево и вправо отскакивают испуганные полустанки. Полустанки, полустанки... Дикие, зеленоглазые полустанки на Сибирской магистрали, вынесшей на своем просмоленном горбу всю новейшую историю.

Стать писателем, поэтом, ученым — это не только труд, талант, добрая душа и т.д. Чуть ли не главное — решиться на этот, видимо, нелегкий путь, решиться твердо и претворять в жизнь это решение. Иметь талант, желание, мечты — это иметь все, не имея главного — твердого решения и больших действий. Это подвиг.

Почти все «девочки» и некоторые «мальчики» однокурсники. Зачем они на литфаке? Некоторые, явно, решили неопределенность в выборе профессии таким образом. Некоторым здесь учиться казалось (так, пожалуй, и есть) всего легче. Некоторые, одержимые болезнью «самомнения», заявились «учиться на писателей и поэтесс». Многим нужен университетский знак, а литература — легчайший способ его присвоения. И почти все эти здесь случайно.

Литературу они не любят, не понимают, не ценят. Они ничего не хотят видеть в ней и ничего не сделают для нее.

Рассказ о первокурснике — поэте, зараженном довольно популярной болезнью «подозревать в себе гения», у которого стимул — мнимая гениальность, цель — великий поэт, «существенные» посылки к этому — тетрадка дрянных стишков и масса таких же мыслей в голове.

Неплохая мысль. Надо попробовать ее реализовать.

Эгоизм, как отрицательное свойство человеческой души, часто умаляется. Работать в Главке секретарем и быть эгоистом — плохо, но допустимо.

Учиться понимать искусство, читать и чувствовать Пушкина и быть эгоистом — страшно.

Ялта, март 1963. 21 марта. Дом Чехова. Про Чехова рассказывает экскурсовод, похожая на англичанку из «Дочери Альбиона». Рассказывает двум немцам. Немцы удивляются, как Чехов переписал на Сахалине все население — заполнил 10 тысяч карточек. Немец спрашивает:

— Это у него от правительства было задание?

1972 г.

История кутуликской Аксиньи.

Прочистить дымоход — выпить.

В «Наконечникове» теща встала: возможно, решила застраховать свою жизнь.

К «Квартиранту».

— Князь.

— Какой князь?

— Разве ты не князь?

— Чего? Ты это брось.

— Ты можешь и не знать, но я-то вижу, что ты не просто... что ты из князей.

— (*взял за ворот*). Смеешься?

— Ни в коем случае... Руслан... С чего это я смеюсь?.. Я сам... У меня у самого... У меня бабка тоже татарка... Разве незаметно?

— Незаметно.
— Отпусти, Руслан.
— (*Отпускает.*) Смотри.

В ночь с 1 на 2 марта 1964 г. Слышал голос Бунина.

... для женщины прошлого нет.

«Сосновые родники» (заявка на фильм).

История эта начинается и происходит в основном на одной из небольших таежных станций дороги «Тайшет—Лена». Проживают здесь железнодорожники, лесозаготовители и — одновременно — бригада механизаторов. Сквозь тайгу эта бригада пробивает просеку для будущей автодороги, которая должна соединить промышленный центр с новой стройкой.

Все начинается с того, что однажды вечером бригадир бульдозеристов Филиппов, появившись в своей комнате в рабочем общежитии, застает там незнакомую ему молодую женщину. Свое появление в квартире Филиппова она объясняет тем, что отстала от поезда. На самом деле вчера она была высажена из вагона-ресторана за безбилетный проезд. Поздно в поисках ночлега она забрела в рабочее общежитие, где и обосновалась, воспользовавшись отсутствием хозяина и тем, что двери его квартиры были заперты плохим замком. Поутру на вопрос соседей, кто она, откуда, уж не невеста ли, которую Филиппов ждет, но, между прочим, вовсе не сейчас, а лишь к праздникам, месяца через два, она отвечает им, что да, разумеется, она и есть невеста и решила приехать раньше обещанного срока.

Филиппову рано утром надо ехать на просеку, ему надо выспаться. К тому же женщина эта ему неприятна, и он пытается выдворить ее из своей квартиры. Ни скандал, ни даже попытка соблазнить бригадира не меняют его решения: им надо расстаться и немедленно. Тогда в ход идут слезы, трогательные истории и хорошо рассчитанное вранье. В конце концов бригадир дарит ей деньги на железнодорожный билет

и уходит спать к товарищу. Завтра вечером она должна уехать.

Какое же удивление, раздражение и даже обиду испытывает Филиппов, когда через несколько дней застает в своей комнате ту же женщину в шумной компании неких холостых обитателей поселка. К тому же, как выясняется, она уже несколько дней выдает себя за его невесту.

Филиппов возмущается, но ни вины, ни смущения квартирантка его не чувствует. Даже наоборот. При всей честной компании она издевается над жалостливостью и глупостью Филиппова.

Разъяренный Филиппов разгоняет компанию, а чтобы проучить и наказать бессовестную «невесту», он вдруг насильно увозит ее на дальний участок просеки (километров сто от станции). Там он и пожилой вальщик Чмуль ломятся сквозь тайгу, расчищая место для будущей дороги. Механизаторам нужна повариха, но квартирантка оказывается не только неприспособленной к житейским трудностям, но еще и на редкость ленивой.

Но чтобы прожить в тайге, надо трудиться. И стараться понять друг друга. Иначе в тайге не проживешь...

Это начало. Дальше будут новые приключения, в основном, по-видимому, смешные. Но будут и слезы — и фальшивые, и настоящие. Ситуация изменится. Изменится «невеста», изменится и бригадир. Приедет и, по-видимому, уедет настоящая невеста. Неожиданное столкновение и взаимодействие двух разных судеб должны в конце концов выпрямить одну из них, трудную и изломанную, другую — сделать цельнее и интереснее.

В целом же вся эта история замышляется для того, чтобы, говоря высоким слогом, сохранить и приумножить человеческое в человеке.

А. Вампилов
17 мая 72 года

А.Т.ТВАРДОВСКИЙ

В феврале десять дней подряд, по случаю запоя, посещал дачу К. (Бориса Александровича Костюковского), где мы жили вдвоем.

Нашел *простых* людей, с литераторами он не пьет, в особенности с молодыми, — избегает.

Первый раз появился, будучи еще не в запое, произвел прекрасное впечатление.

Седой, скуластый, в лице что-то бабье, глаза голубые, плечи широкие и какие-то пухлые, пальцы толстые, ногти давно не стрижены.

Его дача рядом, одет был в полупальто, войлочные ботинки, брюки трикотажные и висят, в руках дубовая палочка.

— Нет ли у вас стопки?

Стопка нашлась, сели, выпили, напились. В этот вечер было много извинений, предостережений, раз двадцать он сказал:

— Не думайте обо мне дурно.

Разговор вначале был о выпивке, как обычно.

— Человечество недаром остановилось на 40 градусах.

Потом о литературе и проч. И все время:

— Как мы хорошо выпили. Господи!

— Где я пью? С кем? Один — спортивного вида, другой — небритый... Вурдалаки какие-то...

На улице пошатывался, провожать себя не велел.

— Хорошо, хорошо...

— Странно... Странно и причудливо...

54 года. Пьет давно и серьезно.

Затем дня через два пришел, спросил «на донышке», а после посещал нас 7—8 дней подряд по 2—3 раза в день. Однажды был в шестом часу утра. Разговоры были разные и небезынтересные.

Пушкин — бог. Особенно доволен тем, что Пушкин стал брать деньги за стихи.

Подозревает, что Евтушенко и Вознесенский не читали «Евгения Онегина».

Вспоминал «Сохраню ль к судьбе презренье».

Пушкин сделал русскую литературу мировой. Барков, Вяземский, Державин, Жуковский, Байрон, а в общем — все равно — Пушкин.

Конечно, любит Некрасова.

Пишет статью к новому изданию Бунина. Испытал влияние Бунина:

— Никто об этом не писал, а я-то знаю.

Бунин за границей, по его мнению, «мертвец».

— Приветил меня с того света.

Но чрезвычайно этим гордится.

Современный прозаик обязан любить Бунина, но не так рабски, как Ю.Казаков. Казакову он говорил и говорит:

— Я очень сочувствую вашему пристрастию, но идите туда, где Бунина не читали. (В «Знамени», получается, — не читали.)

Блок немного недотянул до гениальности. (Тут я с папашей совершенно не согласен.)

Горького не жалует. Толстого любит. Чехова.

Алексея Толстого уличил в том, что он граф ненастоящий, по женской линии разве. Размышлял о том, что быть графом при социализме выгодно.

Подозревает, что итальянская премия Ахматовой (при ее вручении он присутствовал) — премия игорного дома. Рассказывает, как Ахматова собиралась в Италию. Старуха в декольте, водка после церемоний.

Ахматову Твардовский увидел первый раз в Италии.

Янка Купала напутствовал его.

— Пей, хлопец, белую горилку, больше ничего не пей. Пиши, пока пишется, потом писаться не будет.

Любит и часто вспоминает Фадеева:

— Мой старший друг, неправда, что он кого-то сажал, он выручал, Заболоцкого, например.

Фадеев его любил тоже.

Фадеев на пиру у Сталина.

— Почему не скажешь приветствия?

— Я пьян.

— Сколько ты выпил?

— Один — бутылку коньяку.

— Сколько тебе лет?

— 38.

— В 38 лет я выпивал бутылку коньяку мэжду делом.

Хрущева Сталин заставлял плясать.

Сталин сам распорядился дать ему Сталинскую премию за «Василия Теркина». К Сталину отношение очень сложное. Есть большая доля уважения. Сталин и Черчилль.

В Горках одиннадцать служителей дома-музея сидели еще долго после 20-го съезда, никто из одиннадцати не решался уйти первым.

Сталин заботился о стаде: у высшего командного состава, у многих офицеров на фронте была своя Неля, в ее обязанности входило — в основном заводить патефон. Когда Неля становилась беременной, она уезжала в тыл со специальным предписанием о трудоустройстве, квартире и декретных.

Вспоминал, как написал стихотворение о том, как Сталин в декабре приходил в Мавзолей к Ленину за советом. Он работал тогда в «Гудке», кажется, и обещал это стихотворение в свою газету. Но отдал его в «Известия». Редактор (его он называет костяной ногой) вызвал его и гневался. Диалог:

— Не кричите на меня, я вас не боюсь.

— А начальника политотдела вы боитесь?

— Нет, не боюсь.

— А начальника политотдела фронта?

— Тоже — нет.

— А командующего?

— Нет.

— А кого же вы боитесь?

— Господа нашего. Иисуса Христа.

Был уволен, оказался в резерве. Вадим Кожевников, теперешний редактор «Знамени», уходил тогда в «Правду» военкором из «Красноармейской правды» и устроил его на свое место.

История о том, как художник Горяев бил Вадима Кожевникова. Горяев работал тогда в листке «Солдатский» или «Фронтовой» — «юмор».

— Если юмор вынесен в заголовок, юмора не ищите.

Луговского не признает:

— Белыми стихами стал писать про то, что Советская власть хорошая. Неинтересно.

Леонова не любит. Играет в барина. О жабе — Иване Ивановиче.

— Зачем он написал название книги «Евгения Ивановна» по-английски? А если ее будут переводить.

Шолохова за «Тихий Дон», в особенности за четвертую книгу, превозносит.

— Потом он стал писать чепуху, а говорить стал и того хуже. Надо бы ему было после «Тихого Дона» умереть, был бы великий писатель. Но памятник ставить будем все равно.

Рассказывал о встрече с молодым Шолоховым в «Национале», о ссоре после войны, когда Шолохов, будучи у него в гостях на московской квартире, хвастался, что дачу ему построили немцы, и объявил, что одобряет постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». Они поспорили, разругались, и он выставил Шолохова из дома. Помирились, конечно.

Шолохов о Солженицыне:

— Поцелуй его за меня. Жестоко, но здорово.

Александр Трифонович:

— Нет бы ему сказать об этом в печати!

Солженицын — его медаль.

— Поверьте, это великий писатель в самом страшном значении этого слова. За границей не знают, что написал Твардовский, но все знают, что Твардовский напечатал Солженицына. (История о том, как он печатал «Ивана Денисовича». Хрущев и его секретарь. Поздравления с днем рождения и слова «как если бы речь шла о моей собственной вещи».) Сартр очень интересовался им как издателем Солженицына. (О малом жанре.)

— Почему взвыли Дымшицы и Кочетовы? Потому что после Солженицына их не будут читать.

Солженицын написал новый роман большой силы. Он приобрел его для «Нового мира», но на-

печатать его невозможно. Читать этот роман он ездил в Рязань.

Юбилей «Нового мира» и его статья. Журнал продержали больше месяца. Банкет по случаю юбилея он пропьянствовал на даче, банкет перенесли.

— Им необходим фикус (свадьба с генералом), им (его замам по журналу) не хватает самостоятельности.

— Светлов — милый человек. Ему, например, позволялось сказать влюбленной в него поэтессе: «Дура, почитай сначала Гоголя».

Федина осуждает, и поделом. Тот — единственный из редколлегии, кто не подписал «Ивана Денисовича».

— Я пожалел его старость. (Не то, видимо, выгнал бы.)

Паустовский — мармелад.

— Я не поклонник Эренбурга.

В литературе происходит одичание. Сафронов, Кочетов и Ко. — «Мне довелось побывать...» «Мне довелось побывать в Турции», «Мне довелось побывать в Освенциме» — пишут, не поймут, что это не одно и то же.

Знаменитым стать сейчас легко, надо только потерять совесть.

«Славное море, священный Байкал» — великое произведение искусства. Строка «Старый товарищ бежать пособил...» его, пьяного, изумляет, заставляет плакать.

— Не печатаю Вознесенского, потому что, если меня на улице спросят — о чем это, я ответить не смогу.

О Межирове. Милый человек, хороший переводчик, но как поэт — слишком любит стихи. А надо любить что-то в жизни.

У Томаса Манна (его он считает последним гениальным писателем Запада) его поразила мысль о

23—510

том, что сегодняшняя литература вся — из литературы, а не из жизни. Это, говорит он, страшно.

Лирика. Анекдоты. Пьяные монологи. Ветер и снег — любимая погода.

— Был запой, была страшная измена, все было...

Начинал в Смоленске. Первый рассказ о самогонщиках. Отец-кулак, отсидевший за взятку («Не то мало дал, не то — не так дал») во времена продразверстки вернулся, подарил старшему сыну Лермонтова, ему — Пушкина. («Будешь Пушкиным», как будто можно быть вторым Пушкиным.)

Сурков о женившемся 70-летнем литераторе:

— У него там только очко протереть осталось.

Вспоминал это в связи вот с чем. Ходил занимать три рубля у «Павлика» Антокольского. Антокольский, которому где-то под семьдесят, сказал:

— Пьянство — самая скучная страсть.

— А что веселее?

— Женщины.

— В твоем возрасте?

— Меня уже нет, но они — вот они ходят здесь рядом.

Долго возмущался легкомыслием Антокольского.

Орест Верейский и гроссмейстер Котов.

Он склонен, кажется, к пуританству. Стихов о любви не пишет. О Тендрякове:

— Женился на молодой и красивой. Ничего глупее для писателя придумать нельзя.

Был в Якутске на собрании писателей. Один там, из Вилюйска, заявил:

— Конечно, каждому хочется жить в Якутске. (!)

Иркутская писательская организация произвела впечатление диковатое. Перловский, говорит он, очень слабый поэт.

О молодых литераторах:

— Не успеют вылупиться, напечатают пару

стишков и уже начинают других учить жить, писать и пр. (Евтушенко иногда пишет о том, что интересует читателя, но всегда так развязно.)

Войнович из графов. Говорил об этом не без удовольствия. Сам, кажется, тоскует, что не из графов.

Какой-то генерал произвел его в генералы за «Василия Теркина». Рассказывает об этом с удовольствием.

Под конец стал хвастлив.

— О статье в «Новом мире» пишут в Италии и во Франции. Получил поздравительные (с юбилеем журнала) телеграммы. В телеграммах его называют мудрым, а он, вот, сидит и напивается с простыми людьми. «Если б они знали!» Обожает свою знаменитость.

Поет белорусские песни, любит «Не осенний мелкий дождичек...»

Шостаковича не понимает. В поезде, говорит, не уступил бы ему нижнюю полку.

Ему очень нравится шутка Черчилля о Хрущеве:

— Главная его ошибка в том, что он хотел перепрыгнуть пропасть в два приема. (Остроумно, ничего не скажешь.)

С большой тоской — о спивающемся лондонском джентльмене.

О водке: «Там-то и стал я к ней, мамочке, привыкать. За собакой палка не пропадет».

Ушел, вышел из запоя при помощи уколов.

О Байкальском целлюлозном комбинате:

— Да, это неприятная хреновина.

Павленко был циник. И великолепный рассказчик (устно).

Провожания до дому. «Соседний» пес — Сексот. Узнав, что в Александровском централе лечебница для психов и алкоголиков:

— Что вы говорите? Может, там еще встретимся?

Может быть.

Москву, оказывается, собирались переименовывать. Холопы хотели назвать ее Сталин. Не согласился сам.

Твардовский при чтении биографии Сталина.

Не любит три слова: силуэт, майонез и романтика.

О том, как он проснулся на волостном комсомольском собрании.

Пьет и кается: «Водка отнимает у человека семью, природу... дочь Олю».

Белла Ахмадулина в гостях у Марьи Илларионовны. Ахмадулина гуляет здесь с таксой, прекрасно одета, красивая, в самом деле. Пьет, видимо, по распущенности. Скорбей у нее быть не должно.

О том, как он читал «Страну Муравию». Ермилов и Святополк Мирский. Ермилов — тогда редактор «Красной нови».

— Почему не печатаете?

— Нет, нет, вопрос о поэме у нас стоит. Давно стоит.

— Стоять у вас стоит, да ничего не получается.

Регистан — редактор «30 дней» — взял у него, тогда неизвестного, стихотворение и тут же выдал.

Чек на 30 рублей. Тогда же пригрел его Ефим Зозуля (в «Огоньке»).

После успеха «Муравии» он немедленно купил шубу, в которой поехал домой в деревню.

Топор брата — «злой как собака».

Весной ездил хоронить мать. На кладбище — шекспировские ребята.

Симонов у Бунина.

Ехали из Минска. Он, Прокофьев и Симонов.

На волостном слете комсомола. Какой-то секретарь Исаковскому:

— Захотел шашку поточить — сказал бы. У нас тут вот они — сидят львицы. Сделали бы по-партийному.

Спор — «кто виноват».

Редакторский фатализм: «Все идет правильно. Хороших вещей вне печати нет».

Об Ильичеве.

Вучетич существует специально для того, чтобы подписываться под доносами.

Винокуров — круглый милый человек. Честный. Стихи — умозрительны. Взглянул на обложку, на обрезанный портрет (нет лба) — возмутился.

«Дневники» Байрона интереснее (сейчас), чем его стихи.

Разговор о древних людях.

Закончена статья о Бунине. Запой. Статьей недоволен.

Летом собирается в Сибирь. С удовольствием разделяет возмущение Шолоховым, Паустовским и другими — они никогда не бывали в Сибири.

В Чите, говорят, у него был роман.

— Не бросать жену. Надо искать в ней все хорошее и проч.

Очень хвалит «Театральный роман» Булгакова. В шестом номере обещается опубликовать.

Мою фамилию вышучивал, как все, кто ее вышучивал. Вампилов — Вампиров. Драматург, укротитель травести (примерно так).

Конфуз с Вильгельмом Журавлевым. (Тот в «Октябре» опубликовал стих Ахматовой, написанный в 15-м году.)

О Фурцевой. (Вскрыла вену, потому что вывели из Президиума.)

Грудной голос — для всех.

Об Овечкине, Симонове, Алигер. Две страницы о Хрущеве из текста Вучетича.

Часто, особенно пьяный, вспоминает Бунина.

Прибаутка: «Рюмочка Христова...»

Песня:

А в поле вярба
Под вярбой вода
Там гуляла, там ходила
Девка молода.

Или:

Белым снегом, белым снегом
Замело все пути...

Любит «Не осенний мелкий дождичек...»

Кочетов и Твардовский и Солженицын.

Педерастов он судить бы не стал. Хотя, разумеется, не сторонник этого развлечения.

Любовницы — были.

Снова запой.

— Убить еще не могу, но ударить уже могу.

Простились. Бутылка коньяку.

— Стебани!

ПИСЬМА

ОФИЦИАНТ. Ну пока, Витя. Жалко, что мы ... вместе. Не ве...я ты расстр... то смотри... будет - приезж...ОВ. Ладно, Дим... щай. ...НТ. Подо... твоя лодка?

ЗИЛОВ. Лодка у Хромого.

ОФИЦИАНТ. В сарае?

, Да, в сарае. ОФИЦИАНТ. Значит, я... ЗИЛОВ. *(хрипло)*. Бери.

ОФИЦИАНТ. Спасибо, Витя. А если что...

ЗИЛОВ. *(голос его дрогнул)*. Считай, что она твоя... Берите... Все берите...

САЯПИН. Витя, ну что ты говоришь...

ЗИЛОВ. Вы все уже поделили. Вы рады моей смерти. Рады!

КУЗАКОВ. Врешь!

ЗИЛОВ *(вдруг со злобой)*. я а вы уже тут? Уже слетелись? Своего вам мало? Мало вам на земле места?.. Крохоборы! *Он бросается на...*

1. Е.Л.ЯКУШКИНОЙ

[29 мая 1965 г.]

Уважаемая Елена Леонидовна!

Ваш «приемный сын», черемховский подкидыш подает голос из города Иркутска. Пишу на удачу, не знаю, в Москве ли Вы? Заканчиваю свой, надеюсь, последний вариант, хочу узнать, прислать ли его Вам (если прислать, то куда?), как мои дела в Вашем театре? Все еще, за пять тысяч километров, чувствую себя под Вашим крылом, и это мне помогает. Да, да. Вторую картину я привел в порядок, хочу, чтобы Вы были мной довольны. Вы увидите, под Вашим крылом вырастает драмодел — честь по чести.

Если у Вас выберется минутка, напишите мне пару строк. В Москву, если не понадобится, летом я не приеду. Приеду осенью к началу сезона. У нас облепиховое лето, жара и тишина. Закончу работу, уеду на некоторое время на Байкал прожигать остатки молодости.

За сим желаю Вам здоровья.

Ваш *Вампилов.*

2. Е.Л.ЯКУШКИНОЙ

[4 октября 1965 г.]

Уважаемая Елена Леонидовна!

Звонил в театр несколько раз, решил-таки написать. Не забыли ли Вы меня? Надеюсь, сейчас Вы в Москве, лето, наверно, провели хорошо, по крайней мере, я, вспоминая Вас, мысленно желаю Вам всего самого хорошего.

Хорошее было лето, но, к сожалению, оно прошло — теперь все сначала.

Мои дела таковы. С первой пьесой в министерстве вроде бы все нормально. Закончил вторую, и с этими двумя был на совещании писателей в Чите, где меня рекомендовали в Союз и примут, наверное, только вот беда — нужна рекомендация драматурга, а в Иркутске таковых нет. На совещании был Николай

Николаевич Кладо, он весьма за меня, но он член приемной комиссии, а потому рекомендации дать не может. В Москве мою пьесу (одну) читали (из тузов) Арбузов и Розов. Арбузов дядя очень важный, а вот Розов, говорят, человек доброжелательный, склонный к благодеяниям. Симуков говорил, что пьеса моя ему понравилась и он вроде бы согласен там в министерстве ее рекомендовать. Я дерзнул бы попросить у Розова рекомендацию в Союз писателей, но вот беда — с Розовым я не познакомился.

Елена Леонидовна! Как хорошо Вы его знаете и не могли бы Вы поговорить с ним о рекомендации? Елена Леонидовна! Разумеется, это все только в том случае, если это прилично и возможно. А если и неприлично, и невозможно, то простите великодушно Вашего «дальнего родственника» за скверные манеры. Трудно быть комильфо. У нас тут медведи, одни только белые медведи. И главное, Елена Леонидовна, как в Вашем театре с моей пьесой? Нужна ли? Летом я переписывал ее для Симукова и для себя. Прислать Вам ее или не надо, напишите, пожалуйста, пару строк.

Я начал третью трагикомедию. Мне кажется, что она будет не только моей лучшей, мне кажется, она будет хорошей пьесой. Работаю, потому что только работа в какой-то мере оправдывает мои домогательства. Мечтаю о времени, когда в письме к Вам у меня не будет ни одной просьбы, а пока желаю Вам здоровья и бодрости, которой, кстати, у Вас столько, сколько у всех Ваших авторов, вместе взятых.

Ну и вот. С уважением.

Ваш *А.Вампилов.*

3. О.М.ВАМПИЛОВОЙ

[Конец 1965 — начало 1966 г.]

Здравствуй, Оля! Сразу привет всем: Марии Алексеевне, Михаилу Борисовичу и еще не знакомой мне Тане.

Дела мои таковы: сижу в Ялте, пишу помаленьку пьесу под названием «Кладбище слонов». В Ялте теп-

ло, по-нашему то ли конец мая, то ли начало сентября. Трава во всяком случае зеленая. В море, правда, уже не купаются. Деньги по дороге в Ялту я не получил, не получу и тотчас же по возвращении. Перед отправкой в цензуру надо будет еще кое-что сделать, причем сделать это я могу только по возвращении в Москву. А потом еще перепечатать, а там они неделю-две читают, таким образом, деньги из Иркутского издательства придут тебе раньше.

Только что был у зубного врача, зуб мой тр-р-репанировали. Обещают залечить.

Ну вот. Как твои дела? Как здоровье? Что экзамены? Напиши мне срочно.

Звонила ли в военкомат? Если нет — позвони, как вернешься. Адрес: Ялта, Дом творчества имени Чехова или Ялта, главпочтамт, до востребования. Жду писем. Целую.

Александр.

4. О.М.ВАМПИЛОВОЙ

[28 мая 1966 г.]

[Телеграмма]

Рад слава богу поздравляю бабушек прабабушек дедушек теть дядь целую Ольгу и дочь жду известий=*Александр*

5. О.М.ВАМПИЛОВОЙ

[2 марта 1967 г.]

Добрый день!

Писем от тебя нет, в чем дело? Я побывал в Таганроге, принимали меня там нормально, пьеса прошла уже двадцать раз и с успехом, словом, все ничего. Я купил машинку, «Эрику», немецкую (170 р.), учусь теперь, как видишь, печатать. Дошла моя очередь в магазине, так что покупать надо было срочно. Деньги на твою поездку получу, повторяю, 13—14 марта. Если в это время тебя почему-либо не

отпустят, приедешь в начале апреля, это тоже неплохое время.

Почему ты не пишешь, это-таки свинство, ведь времени у тебя, как-никак, поболе моего. В чем же, черт побери, дело, что это за небрежность такая, и с чего это ради? Я нервный, больной, занятой человек, имей в виду — я тебя накажу, выпорю, уволю.

Как Ленка, здорова ли, что она поделывает? Нет ли новых фотографий? Стульчиков еще нет, куплю, как появятся.

Денег сию минуту у меня нет, пришлю их в середине месяца — для дома и для твоей дороги, если соберешься в это время. Пальто тебе я смогу посмотреть не раньше, да и смогу ли я его найти и выбрать то, какое нужно?

Ну ладно, печатать для меня пока большая морока, закругляюсь. Ты должна печатать научиться классно — сама понимаешь.

Всем большой привет, напиши мне немедленно. Целуй Ленку, обнимаю тебя.

Александр.

6. О.М.ВАМПИЛОВОЙ

[Конец 1967 г.]

Здравствуй, Оля!

Я не писал, так как хотелось мне сообщить вам что-нибудь определенное о своих делах. Но определенности пока нет и денег нет. Скорее всего, деньги получу лишь в двадцатых числах.

Пьеса во многих местах уже прочитана, есть режиссеры и театры, которые хотят ее поставить. Но все идет медленно, нужно разрешение и проч. Спасибо за письмо из Ленинграда, надо туда ехать и с «Охотой» и с этим делом.

Театр Станиславского требует вторую одноактную, боюсь, что написать мне ее придется здесь полностью, уже работаю. Вероятно (все зависит от денег), уеду в Переделкино недели на две.

За «Предместье» тоже собираются заплатить, но

нужно письмо из театра — тоже надо куда-то ехать (Калуга или Вологда) хотя бы на один день.

Оля, если я задержусь, то это очень нормально, сама понимаешь, все это моя работа и наши с тобой средства на существование. Так что не хныч, нечего было выходить замуж за драматурга.

Соскучился по тебе, по нашим, очень скучаю по Ленке. Пришли мне последние фотографии — Елена Леонидовна (крестная) просит, да и мне нужны.

Пиши мне, как Ленка, как ты, как мама, Миша и братчане.

Получу деньги, вызову тебя на переговоры. Прописалась ли ты? Не забудь там Ленкино свидетельство и ордер.

Обнимаю тебя и целую.

Александр.

7. О.М.ВАМПИЛОВОЙ

[Январь-февраль 1968 г.]

Ольга! Мама! Миша и бабушка! Я не пишу часто, жду окончания дел, но они все тянутся и тянутся.

Один договор я заключил (на работу, которую я должен здесь закончить скоро). С другой пьесой сложности — тоже надо ждать окончательных решений. В Ялту я не еду. Таким образом, в Иркутске я надеюсь быть в конце февраля — начале марта.

Деньги я получил небольшие (25% от договора), в ВУАПе денег теперь почти не стало, хотя еще будут, но весной (в Ленинграде в апреле начнут играть «Прощание в июне»). В мае-июне получу тысячу от того же договора. Но мне очень важно продать «Охоту», и нельзя уезжать отсюда, не испытав всех возможностей. Желающих поставить эту пьесу много — сложности совсем в другом. Вот каковы мои дела.

Живу в общежитии, на время мне дали отдельную комнату, срочно работаю.

Ваши заказы я помню и выполню, когда получу деньги.

Мама, как ты сейчас себя чувствуешь? Я узнал

здесь, что от гипертонии и сердца очень помогает черноплодная рябина, знаешь ты об этом? Напиши в Свердловск тете Ксене, я тут попробую ее достать.

Домой я полечу, видимо, через Братск, заберу Ленку. Недавно я разговаривал с ней по телефону.

Ольга, я просил прислать тебя фотографии Ленки, где они? Пришли немедленно. Напиши мне письмо, занимайся, сдай наконец задолженности (обязательно до моего приезда), помогай маме.

Мне предлагают заключить договор на новую пьесу, заплатить (но деньги снова небольшие — опять же 25%). Возможно, я это сделаю, и тогда на днях пришлю рублей 200. Но эти деньги будут за квартиру и на житье. Покупать до моего приезда ничего не надо.

Ольга, если уж выходит 2-й номер альманаха с пьесой (если ее там не выбросили), пойди к Мариной, попроси у нее доверенность. Половину этих денег надо отдать Пакулову, а половину из третьего номера (там его повесть) он отдаст потом мне. Так мы договорились. Впрочем, наверное, сейчас еще рано и наверняка я приеду и сделаю все это сам.

Ну ладно, я прощаюсь, жду писем.

Целую вас.

Александр.

8. О.М.ВАМПИЛОВОЙ

[Апрель-май 1968 г.]

Здравствуй, Ольга!

Получил твое письмо и телеграмму. Завтра десять дней, как я в Москве, дела хоть и медленно, но подвигаются. У станиславцев был худсовет, пьеса принята, сейчас она в управлении, потом должна пойти в цензуру. После этого получу 50% (1000 р.), если все будет благополучно.

Пока денег прислать не могу, получил в ВУАПе 170 р., из них 100 сразу отправил Мариной. За командировку мне дали мало (46 р. билет + 26 р. суточных) — обратную дорогу деньгами не дают — только биле-

том. За «Предместье» не платят, надо ждать за «Анекдоты» и, может, ВУАП подкинет (там добавилось еще 2 новых города). Вот финансовый мой отчет.

Живу пока в общаге с Генкой Машкиным вдвоем в одной комнате, ношусь с утра до 5 по делам, сразу же простудился (здесь мокро — 3 градуса), болен, здесь многие болеют и, говорят, цейлонским гриппом.

Буду ли я здесь дописывать пьесу — неизвестно пока, но ждать результата у станиславцев буду. В декабре это станет ясно — насчет разрешения или неразрешения. Скорей всего в декабре я приеду.

Как там вы? Что Ленка? Беспокоюсь за тебя. Здорова ли мама? Как бабушка? Ленку обязательно водите гулять, скажи ей, что кукла ей будет и толстая красивая книжка.

Ольга, все будет нормально, будь молодцом, не хандри, в университете по возможности не пропускай.

Денег, если совсем туго — попросите у Миши, получу — вернем.

Пиши мне про Ленку, про себя, пусть мама мне напишет. Пишу ужасной ручкой (шариковая, зря я ее купил).

Оля, пришли мне 2 номера «Ангары» №2. Ты обещала.

Ну ладно. Целую вас всех. Жду писем. Обнимаю.

Александр.

9. Е.Л.ЯКУШКИНОЙ

[Конец февраля 1969 г.]

Дорогая Елена Леонидовна!

Ко многому я привык, но такого оборота все-таки не ожидал. Претензии, которые они предъявляют «Старшему сыну», надуманы специально, и, как видно, речь идет о заведомом и теперь уже планомерном отношении ко всем моим пьесам в целом. Судите сами.

«Герой начинает свою жизнь в пьесе с непоря-

дочного поступка, спекулируя на лучших человеческих чувствах». Содержание этой претензии, помимо чистосердечного непонимания того, что в жизни порядочно и что непорядочно, суть демагогия и нахальное невнимание к тексту. Ведь Бусыгин, подозревая (а почему бы и нет — подозрение мотивировано «исчезновением» его собственного отца), что Сарафанов направился к женщине (от семьи, заметьте), решил подшутить над ним, а заодно хоть немного согреться. При сем Бусыгин вовсе не планирует встречу с Сарафановым — ему явно достаточно того, что Васенька после его ухода огорошит «неверного» папашу известием о визите его «внебрачного сына». Значит, в поступке Бусыгина есть даже большая мера морализаторства, желание проучить, а может, даже толкнуть престарелого «ловеласа» по пути добродетели. А если и есть в этом поступке доля недоброжелательства, то в том-то и дело, что Бусыгин впоследствии в нем раскаивается.

Далее. «Бусыгин мало человечески интересен». Это замечание еще раз утверждает меня в том мнении, что из современных Управление превратит героев в каких угодно, кроме живых людей с нормальными человеческими чувствами.

«Система случайностей, на которых строится сюжет, нарочита». Где система и где нарочитость? Случайность всего одна: появление Сарафанова во дворе как раз в то время, когда там находятся Бусыгин и Сильва. Больше случайностей в пьесе нет, все последующие события оправданны и закономерны. Во всяком случае, куда более закономерны, что если бы, допустим, в один прекрасный день с какого-нибудь карниза отвалился бы кирпич как раз в то время, когда внизу проходил бы Закшевер, и этот большой кирпич угодил бы по его умной голове.

Кудимов, я надеюсь, вовсе не так «ограничен» и «туп», как это представляется утонченным критикам из Управления. У Кудимова прежде всего другой, чем у Сарафанова, взгляд на жизнь — деловой, трезвый, определенный. Не понимаю, как этими свойствами можно скомпрометировать солдата? По-своему Ку-

димов прав и несомненно правдив. Ну да, он недостаточно чуток, но спросите вы их, пожалуйста, могут ли в современной пьесе действовать разные характеры или все они должны быть одинаковыми. Как там по Аристотелю?

В конце концов Кудимова можно сделать гражданским летчиком (училище ГВФ), это хотя и глупо, но, в сущности, ничего не меняет.

«Сарафанов фигура жалкая, семья его черствая и неблагодарная». Возможно. Во-первых, в жизни такие фигуры и такие семьи имеют еще место, а во-вторых, давно ли запрещено у нас писать о том, как черствые, неблагодарные дети становятся детьми приличными и благодарными? И что зазорного в том, что в слабохарактерном человеке автор старается найти и подчеркнуть добрые качества? После перечисленных претензий чрезвычайно странным выглядит то обстоятельство, что рациональным зерном в Управлении признана «метаморфоза героя, его попытка принять участие в делах семьи, его активное стремление к доброте». Этим суждением начисто перечеркивается предшествующая ему критика. В самом деле, разве была бы возможна «метаморфоза героя», если бы поступок его в начале пьесы был бы благородным, как того требует первое замечание товарищей из Управления? И надо ли принимать «участие в делах семьи», где все благополучно и вовсе нет ни «черствости», ни «неблагодарности»? Таким образом, Вы имеете все основания сообщить Закшеверу и К°, что на этот раз автор поставлен в тупик неразрешимыми противоречиями суждений и требований Управления.

Итак, «суммированные замечания». Что именно Управление хочет от автора? Да сущие пустяки: 1. Чтобы пьеса ни с чего не начиналась. 2. Чтобы пьеса ничем не заканчивалась. Другими словами, никакой пьесы от автора не требуется.

Елена Леонидовна, дорогая! Выпустите из этого письма ругательства и хотя бы по телефону прочтите его Закшеверу. А лучше Родионову. Кстати, Вы не пишете, какую позицию занимает он. Не трудно, конечно, об этом догадаться, но вдруг он хоть немного

придержит на этот раз своих молодчиков. Скверно. Если так обстоит с этой пьесой, что же тогда «Анекдоты» и «Охота»? Анохин голоса не подает, видать, смирился. Здесь, в Иркутске, у меня вылетела из плана книжка, в «Театре» без лита пьесу не напечатают, из ВУАПа пошли сущие копейки. «Расцвет упадка». К тому же на улице ни зима, ни весна — черт знает что, погода каждый день меняется, мать болеет. Сижу дома, вожусь с дитем, обрастаю серым мхом добродетели. Немного сочиняю Гончарову, но настроение не рабочее.

То, что театр от меня не отступается и полон, как Вы пишете, решимости, — в этом сейчас единственная надежда. Не выйдет пьеса сейчас — не выйдет долго, а в этом случае в ближайшее время меня ожидает служба, контора и никаких сочинений.

Теперь, я думаю, театру надо попробовать Афанасьева, вероятно, его надо было ждать, а отдавать пьесу в Управление было, получается, ошибкой. В Симукове у меня никакой уверенности, но надо и его испытать. Вдруг он поговорит с Родионовым.

Елена Леонидовна! Если появится свободная минутка, распорядитесь, пожалуйста, «Анекдотами». Покажите их в Сатире или в «Современнике». Если возможно, то лучше там и там — поочередно.

Как Вы отдохнули? Давно вам надо было отдохнуть и вообще устроиться куда-нибудь с переводами, да и бежать из театра. До хорошего он не доведет.

Как Ваши дела? Сдали Вы цыганскую пьесу? Напишите мне про себя. Я Вас люблю и скучаю по Вам. Иногда думаю, не будь Вас в Москве, я был бы там круглый сирота. Вы там сильно не расстраивайтесь и не берите все на себя. Пусть Комиссаржевский, Валюнчик и Косюков больше упираются.

Что Гена Косюков? Как он настроен? Передайте ему большой привет. Комиссаржевскому засвидетельствуйте почтение. Валентину Ивановичу — тоже. Гончарову при случае передайте, что подотчетный ему автор сильно замордован, но вовсе еще не пал духом и гнет потихоньку свою линию. К новому сезону пьесу ему представлю. Называться она будет «Валентина».

Ну вот. Я закругляюсь. Большой привет Вашим — Ирине Леонидовне и Лёне. Вас с Ириной Леонидовной поздравляю с 8 марта.

Жду Вашего письма, целую Вас.

Ваш *Вампилов.*

P.S. Если вдруг случится Вам достать какого-нибудь хорошего лекарства от сердца, давления и головокружения — пришлите, пожалуйста, очень прошу для матери.

Еще раз целую Вас любящий Вас «младший брат».

10. И.С.ГРАКОВОЙ

[Середина марта 1969 г.]

Лиля!

Спасибо за письмо, рад, что пьеса тебе и начальству понравилась, думаю, что, пока погода благоприятная, лучше издавать ее («Старшего сына») по возможности. Дело в том, что из журнала пока никаких известий нет, хотя, если бы там было все нормально, они написали бы. Если что — я тебе сообщу, а пока пусть бы лучше дело двигалось у вас в издательстве. Высылаю фотографию.

С твоими замечаниями насчет «благостности» Макарской в финале я, в общем-то, согласен, предлагаю вымарать ее реплику на предпоследней странице: «Хорошие вы, между прочим, люди». И в ремарке (чуть ниже) вместо «растроганного зрителя» уместнее будет «недоверчивый зритель». Тогда никакого умиления, по-моему, не будет.

«Прощание в июне» я еще не переделал, но на всякий случай сообщаю тебе, что вскоре переделаю и «Прощание» и вторую часть «Анекдотов» («Двадцать минут с ангелом»).

Теперь биография. Она в двух словах и вовсе лишена внешних, так сказать, беллетристических признаков. Я родился в 1937 году в селе Кутулик Иркутской области. Там же окончил среднюю школу, а в 1955 году поступил в Иркутский университет. С 1955

по 1965 работал в областной молодежной газете. До сочинения пьес писал очерки и рассказы, в 1966 году принят в Союз. Из пьес первая («Прощание в июне») прошла в двадцати городах (кое-где еще идет). Остальное тебе известно. Если понадобится что-либо с фокусом и закруглением — напишу, но, может, и так нормально?

Что у вас нового? Как настроение? У меня что-то не ахти какое весеннее.

Эдик! Лето не за горами. Какие у тебя виды? Собираешься ли ты сюда? Вопреки всему надо поехать на Байкал, в тайгу, порыбачить, подышать на всякий случай свежим воздухом. Валя и Славка шлют тебе большой привет. Тебе и Лиле.

Кстати, Машкин опять в Москве, повесть из второго номера у него вынули, теперь все у него снова. На днях Дима едет на Черное море, через месяц дня на два — на три будет, видимо, в Москве.

Ну ладно, пока я прощаюсь.

Счастливо. Обнимаю.

Вампилов.

11. Е.Л.ЯКУШКИНОЙ

[21 мая 1969 г.]

Дорогая Елена Леонидовна!

Письма Вашего нет, значит, ничего нового, хорошего нет. Написали бы о плохом. Все-таки. А то — ничего. Похоже на похороны. Знаю, Вам недосуг, но все же, все же.

Я вот нечаянно с Афанасьевым говорил (из Иркутского театра), он сообщил мне, что у Вас там был худсовет, на котором я со своей пьесой был употреблен (сколько можно!), — он мне сообщил, а Вы молчите. Печально. Кроме того, он мне сказал (об Ермоловском театре, в частности), что, если театр хочет пьесу, он ее добивается, а если нет и т.д. — все, что происходит с моей пьесой в Вашем театре, т.е. ничего.

Ладно. Мне прислал письмо Пермский ТЮЗ,

просят пьесу. Будьте так добры, отправьте им один экземпляр по адресу: г.Пермь, ул.К.Маркса, 65, ТЮЗ, главному режиссеру. Один экземпляр Вы мне обещали, очень прошу, пошлите его в Пермь.

Если «Старший сын» не пойдет сейчас хоть где-нибудь, хоть в Перми, хоть у черта на куличках, мне придется в ближайшее время и самым решительным образом отказаться от сочинения пьес. Я не жалуюсь, я остервенел и просто-напросто брошу все это к чертовой матери! Вы только подумайте, хотел я 75% за «Сына» получить через Иркутский театр, читал им пьесу, они слушали, единогласно приняли, распределили роли и вот же! Все стоит на месте, актеры выживают из театра главного режиссера (везде так, во всех театрах, по-моему), и моя пьеса становится жертвой этих интриг. Это вот на что похоже: шайка головорезов (актеры) с матерым рецидивистом, с вором в законе (режиссером) во главе проигрывают в карты несчастного прохожего (автора). А дальше? Если автор случайно останется жив, за углом его ждет местный Закшевер (и тут есть управление — честь по чести). А далее еще и еще. Скажите, ради бога, при чем здесь искусство, какая работа и чем Ваш Джанни Родари лучше местного, вернее, чем местный хуже Вашего Джанни Родари. А специалисты (я говорю о Вашем дорогом и любимом режиссере) тем временем разгуливают в белых перчатках и ждут пьес, в которых будут обнаружены их собственные добродетели.

Да ладно, ладно. Никто не заставлял меня писать пьесы, и, слава богу, не поздно еще на это дело плюнуть. Есть у меня такая возможность.

Елена Леонидовна! Я прошу Вас, напишите мне насчет Вашего театра точно и ясно — чтобы я не надеялся — шутки шутками, но надо ведь как-то жить дальше. Извините, что начеркал, переписывать не буду. Так напишите же мне! И не забудьте про Пермь.

Жду письма, целую.

Ваш *Вампилов.*

12. И.С.ГРАКОВОЙ

[Конец мая 1969 г.]

Эдик! Лиля!

Чувствую, что надо кое-что сообщить вам по поводу лета. Дело в том, что программная поездка по Байкалу до сих пор в тумане. Определенности нет. И в особенности для меня, потому что я, скорее всего, в месячной поездке принять участие не смогу — у меня очень сильно болеет мать. Другие же авторы этого замысла, как я выяснил, до сих пор не знают, когда и на чем они выйдут в море. Глава мероприятия (он же владелец лодки) Глебка Пакулов — фигура (вспомните рассказы о нем) довольно легкомысленная и, если не держать его за воротник, свободно может подвести. Тем не менее они (Машкин, Пакулов) собираются и грозятся, когда соберутся, отправить вам телеграмму с приглашением на борт. Я же думаю об этом так: лучше всего, особенно не обольщайтесь идеей лодки, приехать в Иркутск погостить и, в случае провала Глебкиных планов, на пароходе «Комсомолец» проехаться маршрутом порт Байкал—Нижнеангарск, т.е. по всему Байкалу. Это будет совсем неплохо (с длинным пребыванием в Нижнеангарске) и совсем надежно.

Ну вот. У нас тут все потихонечку: Славка цветет, Валька нянчится с младшим дитятей, Дима прибаливает, Машкин работает.

Эдик, видел я того парня из иняза, но в большой компании и навеселе, так что насчет книг я у него так ничего и не узнал. Мои дела вы знаете, успехами все это не назовешь, придется, видимо, идти служить. Но куда?

Лиля, нет ли сейчас возможности заключить договор и что-нибудь получить? Что, интересно, по этому поводу думает Маликов и другое руководство? Что с биографией? Если нужно — я срочно напишу. Не поленитесь, черкните кто-нибудь пару строк, ответьте мне на эти прискорбные вопросы.

Мои домашние шлют привет. Мать болеет тяжело, пока ездим по больницам и на скорой помощи.

Но летом, со стабилизацией погоды, надеюсь, ей будет лучше.

Да, ребята были у владыки недавно, он, рассказывают, устроил им чай и вообще подружились. Скоро снова к нему собираемся.

Ну я прощаюсь. Приезжайте. Байкал сейчас такая штука, что — спешите видеть. Собирайтесь и приезжайте.

К сему

ваш *Вампилов*.

P.S. Эдик! Встретил Машкина, он говорит, что Славка собирается зафрахтовать катер охраны природы. Славка сам собирается. Жди тогда известий.

13. И.С.ГРАКОВОЙ

[11 июня 1969 г.]

Лиля!

Получил договор, приободрился. Бедному, замордованному автору, если дальше это пойдет благополучно, — просвет, а доблестному редактору и либеральному начальству за их благодеяния воздастся не только на небе, но и на земле. А как же?

Насчет постановки этой пьесы в театре ермоловцы молчат, но Иркутский театр ее принял, а Афанасьев (министерство) пообещал им ее разрешить и, кажется, разрешит всюду за пределами Московского управления. Собираются поставить ее Красноярский театр, Пермский, заинтересовались также ленинградцы (театр им. Комиссаржевской), которые сейчас у нас в Иркутске на гастролях. Иркутяне даже уже получили местный Лит. Надеюсь, что эта жизнерадостная пьеса будет поставлена не далее чем в первой половине нового сезона.

Лиля, если можно, деньги за перепечатку я вышлю не сейчас, а чуть погодя. Как?

Теперь по поводу биографии. Эту задачу пока я представляю смутно, потому хочу сначала посмотреть эти ваши издания, а после уже написать и выслать.

Ну вот. О деле вроде бы все, но далее. Что вы оба думаете о поездке на Байкал? Сквозь туман неувязок и разгильдяйства сейчас уже проглядывает срок выхода в открытое море. Это 28 июня — 3 июля примерно. Шугаев договаривается насчет катера, и о результатах его деятельности мы известим вас в ближайшее время. Собирайтесь!

Все ребята, в том числе еще незнакомый вам Глебка, шлют вам большой привет. До свидания. Надеюсь, скоро встретимся.

Ваш *Вампилов.*

14. Е.Л.ЯКУШКИНОЙ

[21 ноября 1969 г.]

Дорогая Елена Леонидовна!

Лучше, если Вы на меня сердиты, хуже, если Вы меня забыли. Во всяком случае подаю голос, напоминаю о своем существовании, тем паче, что в Москву надеюсь попасть лишь через месяц, не раньше.

Итак, голос из провинции. Последний месяц новая пьеса у меня почти не сдвинулась с места, так как все это время я затратил на подготовку (вместе с театром) спектакля «Старший сын». Раньше я видел свои спектакли («Прощание в июне»), но до сих пор никогда еще не участвовал в работе над ними «от и до», в этом психоватом и изнурительном деле, и, признаюсь Вам, хотя и потерял месяц, я не жалею об этом. В это дело я не только втянулся, но и увлекся им, а сейчас, когда все уже закончено, мне, представьте себе, даже грустно как-то. Теперь я более понимаю Вашу приверженность театру, где над тряпьем и хламом в тяжком воздухе интриг и администрирования носятся все же еще и надежда, и поэзия. (Чувствуете, каким я слогом хватанул? — это от избытка чувств.)

Вы знаете, как я сам смотрел на «Старшего сына», теперь, после спектакля, я стал думать об этой пьесе много лучше, честное слово. Спектакль как будто бы удался, в театре аншлаг (говорят, давно тут

этого не было), из зрителя выколачиваются не только денежки, но и смех и даже слезы. Причем последнее добыто не способом мелодрамы, а более достойным образом — пьесу играют как трагикомедию. Смею думать, что она так и написана.

Мне повезло с режиссером, попался толковый парень. Его фамилия Симоновский, учился он в Вахтанговском училище (Ваш Калягин его знает), закончил и по актерскому курсу, и по режиссерскому. На мой взгляд, у него именно талант режиссера, что как раз так редко встречается у людей, занимающихся режиссурой — равно — и в провинции, и в столице.

Мы нашли с ним общий язык (да нет, не думайте, как раз он непьющий, я имею в виду именно творческий язык), и вместе много наработали интересного, а самое главное, как мне кажется, много точного. Реализовать из задуманного мы смогли лишь половину, потому как иркутские актеры, увы, Вы понимаете... Хотя некоторые молодые есть отличные. Но есть и кроме.

И вот тут у меня мелькнул в голове прожект такого рода: Афанасьев грозился прислать кого-то из своих сюда в Иркутск смотреть «Старшего сына». Елена Леонидовна! Почему бы Вам не взять в министерстве (или в театре) командировку и не приехать в Иркутск с этим самым человеком из министерства? Одна цель у Вас была бы министерская (проконтролировать и оценить спектакль), а другая цель — попытаться-таки осуществить в Вашем благонамеренном театре эту оптимистическую, но вместе с тем, как мне сейчас кажется, не лишенную смысла комедию. Как? Или Вы уже сдали ее в архив? Если так, то по приезду моему в Москву я непременно буду искать для нее другой театр. Дело вовсе не в самонадеянности, просто у меня предчувствие, что таковой (театр) для «Старшего сына» в Москве найдется. Кстати, в пьесе появился ряд изменений, некоторые из них весьма существенные, и все как будто бы к лучшему. Кроме того, курсанта (военного) я готов сделать гражданским летчиком, что, как я понимаю, весьма существенно для Управления, но во-

все, как я убедился, неважно для меня. Дело ведь не в этом.

Итак, что Вы обо всем этом думаете?

Ну вот. А жизнь моя идет в основном в привычном иркутском русле, без особых приключений. Мать сейчас у сестры в Черемхове, сейчас ей лучше — зима, жена и дочь здоровы, обе Вам кланяются и приглашают Вас в гости.

Новая пьеса («Валентина» — драма в двух действиях) наполовину написана набело, второй акт (вчерне) надеюсь закончить буквально в три недели. В душе и мысленно эта история уже разыграна, дело теперь за словами и за точностью. Что получается. Хочется по своему обыкновению похвастаться, но воздержусь. Скажу только, что в этой работе придерживаюсь уровня «Охоты» — пока, а там авось этот уровень и перемахну. (Вот и прихвастнул, потому как сравнивать эти вещи вовсе не мое дело.)

Ну ладно. Я Вас нежно целую, привет всем Вашим и знакомым, которые меня еще помнят. И непременно жду от Вас пару строк.

Ваш *Вампилов*.

15. И.С.ГРАКОВОЙ

[22 ноября 1969 г.]

Добрый день, Лиля!

Собирался к этому времени уже быть в Москве, ничего пока не выходит, буду там в конце декабря или в начале января. Сообщаю тебе, что в Иркутске пьесу поставили (18 ноября была премьера).

1(?) декабря сдает Калинин, далее должен быть Красноярск и, возможно, Ленинград.

Лиля! Тут в Иркутске я участвовал в подготовке спектакля, в тексте появились изменения по объему незначительные, но весьма существенные по смыслу. Например. Хорошо бы одну страничку вставить, одну сократить, несколько реплик убрать, несколько вставить. Поздно или еще есть время? Можно ли поправить это в верстке? Когда она будет?

Спектакль здесь понравился, идет хорошо.

В Москве ли Эдик? Или снова где-то по заграницам?

Вся иркутская шайка шлет вам привет и надеется на ближайшие встречи.

Лиля, напиши мне, пожалуйста, пару строк про что и как.

С горячим приветом,

ваш *Вампилов.*

16. И.С.ГРАКОВОЙ

[Конец 1969 г.]

Добрый день, Лиля!

Спасибо, что ты откликнулась. Посылаю тебе исправления. Многие из них принципиальны — особенно вставка на первой странице (эпизод Сарафанов — Сосед), остальное — сокращения и уточнения, но тоже необходимые. Я думаю, все это надо поправить даже если и за мой счет — все равно надо. Прости, что задаю тебе лишнюю работу.

Фотографии я надеюсь выслать следом, на днях. С постановками — для меня пока определенны и доподлинны три города — Иркутск, Калинин, Красноярск. Будут и еще.

Лиля! Известие об Эдике меня удивило и озадачило. Но судить об этом, разумеется, я не берусь, и, поверь, я не знаю, когда я выступал в качестве советчика. Такого случая я не помню.

Если ты того желаешь, наши отношения, видимо, не могут далее быть такими, какие они были. Но вместе с тем я надеюсь, что нечто, в чем я лично не виноват, может между нами остаться, и, мне кажется, это самое (по сути своей весьма скромное и необременительное) не будет между нами ни «неясностью», ни лицемерием.

Лиля! А как иначе?

К сему —
остаюсь по-прежнему

А.Вампилов.

17. И.С.ГРАКОВОЙ

[27 декабря 1969 г.]

Лиля! Поздравляю тебя с Новым годом, желаю тебе всего, всего.

Лиля! Жаль, что фотографии не нужны, сделали хорошие, я привезу их на всякий случай (к 10 января буду в Москве). Текст будем править обязательно, нового там только одна первая страница, остальное — правка и сокращения больше.

Еще раз — с праздником.

До свидания.

Вампилов.

18. О.М.ВАМПИЛОВОЙ

[Февраль 1970 г.]

Здравствуй, Оля!

Надеюсь, письмо застанет тебя в Иркутске. Как вы живы, что новенького, ходит ли Ленка в сад — жду от тебя письма.

Я в Ялте уже третий день, дышу южным воздухом и жирею за счет литературного фонда. Зимы тут никакой нет, на дворе то ли осень, то ли весна — тут не поймешь. Пока, впрочем, большей частью пасмурно, воздух очень уж влажный, у меня побаливает голова, думаю, от этого, от непривычки.

Работаю. В Москву без пьесы не вернусь. В Москве кое-что успел: получил деньги (отправил вам почтой), вычитал верстку книжечки. Самые хлопотливые дела — с театрами — впереди.

Была ли мать в театре, где она сейчас? Как ее здоровье? Если она в Черемхове — позванивай ей.

Кормят здесь хорошо, но все же с удовольствием поел бы сейчас твоих пельменей. Чтобы к приезду были.

Когда собираешься в Братск? Как экзамены? В Братск, имей в виду, я позвоню 27 числа.

Ну ладно, пока прощаюсь. Пиши. Целуй Ленку, я без вас скучаю. Обнимаю тебя, целую.

Александр.

19. О.М.ВАМПИЛОВОЙ

[Весна 1970 г.]

Здравствуй, Ольга!

Почему ты не пишешь? Телеграмму твою получил, слава богу. Дела мои до сих пор неопределенны. В театре с «Анекдотами» все нормально, но придираются власти, и неизвестно, когда будет высочайшее их разрешение на постановку, а значит, и 50% гонорара. Я дождусь, что они решат, и сразу же приеду домой. Это будет теперь уже скоро.

Как вы живете? Как Ленка? Я скучаю по тебе, по ней, по всем вам. Как здоровье мамы? Каковы твои виды на сессию?

Я здесь болел гриппом, теперь у меня ячмень, настроение паршивое, изо дня в день обивание порогов и телефонные переговоры — пропади все это пропадом. Заканчивай университет, поедем с тобой на два года в деревню — отдохнуть и переждать эту гнусную ситуацию. Я забыл отправить доверенность — склероз, наверное, но Элька или Жаркой, я думаю, все там сделают.

Я просил тебя прислать мне 3—4 номера альманаха, они мне нужны.

У вас, я знаю, нет денег, попросите у Миши, пусть выручает, думаю, впоследствии я сумею его отблагодарить. Что Ленка? Здорова ли она?

Напиши мне немедленно. Целую тебя и всех вас.

Александр.

20. И.С.ГРАКОВОЙ

[29 июня 1970 г.]

[Телеграмма]

Лиля Ленинград не поехал Москве буду осенью вышли пожалуйста книжки возможности деньги пламенным приветом

Вампилов.

21. И.С.ГРАКОВОЙ

[17 августа 1970 г.]

Лиля! Добрый день!

Где ты? Не в отпуске ли? Слухов никаких нет, а книжку (4 экземпляра) получил и деньги тоже. Большое спасибо.

С середины сентября обязательно должен быть в Ленинграде (премьера там была в июне, они высылали мне вызов, но вышло так, что я проездил это время здесь, по северу), стало быть, скоро буду и в Москве.

Лиля! Если ты не в отпуске, то прошу тебя — приди на минутку-другую в благорасположение и вышли, пожалуйста, 10—15 экземпляров сейчас. Желающих театров изрядно, а выслать мне им нечего.

В Москве, конечно, как обычно, сейчас некогда, дворянство возвращается с морей и из-за границ, и настроение неопределенное. Привет общим знакомым, Эдуарду Валентиновичу, если вы сейчас сообщаетесь. У меня впечатление, что Якушкина на меня махнула рукой и мои пьесы со стола переложила на окно, где у нее форменная братская могила неизвестных авторов.

А ты, Лиля? Не сердишься за что-либо и ты на меня?

Провинция страшна неопределенностью и располагает к мнительности. Это уж обыкновенно.

А пока прощаюсь, в надежде в скором времени засвидетельствовать свое почтение лично.

Вампилов.

22. Е.Л.ЯКУШКИНОЙ

[Осень 1970 г.]

Дорогая Елена Леонидовна!

Сегодня прочитал Ваше письмо, я был в тайге, большое за него спасибо. Не то я уже решил, что Вы меня окончательно забыли. В начале октября я собираюсь в Ленинград, потом в Москву, стало быть, скоро увидимся.

Новостей у меня особых, как Вы понимаете, нет, я был летом на Байкале, в тайге, в местах этих новости не водятся, зато водятся зверь и птица. Работал мало, новую пьесу еще не начинал, переделал «Прощание в июне», сдаю эту пьесу сейчас в наш театр и местное издательство. Переработка вышла большая, переписал ее процентов на 75, вышла, по-моему, приличная комедия. Я ее привезу, авось, заинтересуется ею какой-нибудь столичный театр. А что дальше?

Драмы лежат, так пусть хоть комедии пойдут. На днях вот как раз ставлю точку и очень сожалею, что нет тут Вашего редакторского глаза.

«Старшего сына» по приезду в Москву я попытаюсь пристроить куда-нибудь. Ведь дело, разумеется, не в одном только Мирингофе (будь он проклят).

Ленинградцы вызывали меня летом, когда меня в Иркутске не было. Теперь я попытаюсь воспользоваться этим же вызовом.

Ну вот, Елена Леонидовна, много не пишу, надеюсь скоро увидеться.

Посылаю Вам книжку, она вышла еще летом. К сему остаюсь Ваш младший брат

Александр.

23. Е.Л.ЯКУШКИНОЙ

[Декабрь 1970 г.]

Дорогая Елена Леонидовна!

Извините, что не ответил сразу, отвечаю сейчас и заодно посылаю Вам «Ангару» с «Утиной охотой». Вышла! Хоть так, да все-таки эта пьеса теперь существует.

Поздравляю Вас с Новым годом, желаю Вам всего наилучшего. Не поленитесь, напишите мне в двух словах, как живете, что нового в столичных театрах. Провинциальному автору интересно это знать. Тем более в ближайшее время я в Москву не собираюсь, хотя и получил через Степанову ангажемент от Лаврентьева, который почему-то предлагает устроить

меня на месяц в Малеевку или Переделкино через Союз писателей. Не знаю. Если сей порыв доживет в нем до весны, возможно, я воспользуюсь этим предложением. Работать только-только приступил. Если «Современник» (Котова) попросит у Вас вариант второй картины «Старшего сына» — дайте. Или, может быть, они уже оставили эту затею. Ничего не слышно? Что поделывается в Вашем замечательном театре, как существуете Вы с Вашим неугомонным шефом?

Куда, по-вашему, сунуться мне с новой «Валентиной»? Напишите.

Я без Вас скучаю и дичаю даже. Целую Вас.

Ваш *А.Вампилов.*

24. И.С.ГРАКОВОЙ

[31 декабря 1970 г.]

Добрый день, Лиля!

Поздравляю тебя с Новым годом, желаю тебе здоровья и всего, всего. Спасибо за поздравление и сообщение о ленинградцах.

Лиля! С «Тринадцатой» тут обстоит так. Тот их первый порыв относительно этой пьесы несколько подзаглох и порастерялся в недрах этого замечательного театра. С приглашением эстонского режиссера у главного реж. не вышло, теперь они хотят поставить совместными силами и в голос требуют текст. На днях они пришлют тебе телеграмму — вышли им пьесу. За остальным я прослежу со всем вниманием и со всей возможностью воздействовать на них. Я думаю, бог с ней с эстонским режиссером, пусть заключают с тобой договор и ставят сами, лишь бы у них это состоялось.

Моя пьеса была тут 29 числа (премьера —«Прощание в июне»), поставил Чертков, поставил посредственно, но публика вроде бы довольна.

«Прощание в июне» я напечатаю в Иркутске, а больше печатать эту пьесу нигде не хочу. Я пришлю тебе (или привезу, если в марте-апреле поеду в Москву) «Валентину» — новый вариант.

После московско-ленинградского времяпрепровождения думаю сейчас поработать, а там снова возникну на горизонте. Чтобы снова исчезнуть. На том и стоим.

Ну вот, Лиля, до свидания. Привет Денисову, пусть он меня не просмеивает. Сам-то он тоже хорош.

Счастливо тебе.

P.S. О ходе дела с «13-й» сообщу по мере развития событий.

25. Е.Л.ЯКУШКИНОЙ

[2 марта 1971 г.]

Дорогая Елена Леонидовна!

Получил Ваше письмо, которое ждал, большое спасибо. Насчет «официального» тона моего Вы не правы, знаете, как я Вас люблю, и вечно капризничаете.

Жаль, что Вы далеко, а то мы бы по этому поводу с Вами поцапались слегка, а потом пошли бы в «гадюшник» пить мировую.

Судя по Вашему письму, воз с моими пьесами все на том же месте, если не считать энтузиазма, проявленного Табаковым. Дай бог, но разрешения-то у него нет. Я получил от него письмо тоже, где он сообщает мне, что репетиции идут. Еще я говорил по телефону с Ефремовым, он сказал, что во МХАТе читал пьесу на коллективе («Охоту») и что она принята почти единогласно (два голоса против). Говорит, что ждет меня в апреле. Не знаю. От Любимова пока ничего не слышно. Я собираюсь в Москву в конце марта — начале апреля и, видно, в самом деле поживу апрель в Переделкине.

«Валентину» я привезу готовую, а новой работы я так и не начинал, все обдумываю и бросаюсь от одного сюжета к другому. Это даже кризис какой-то. У нас в Иркутске к концу зимы вдруг заломило 40 градусов: это противно, потому что ждешь в это время наоборот потепления. А так зима стояла божеская,

холодная, без ветра, и, представьте себе, два месяца подряд каждый день было солнце. Дома, слава богу, все благополучно.

Тут я встречался с одним, он видел «Трамвай желание» у Вашего папá, говорит, он довольно удачно проехался на этом роскошном виде транспорта. Хочется посмотреть. Пойдем с Вами в апреле — по контрамарке. Вы берете, я к ним больше не ходок, как трезво подумаешь, так выходит, что последний раз он обошелся со мной, как с последним безбилетником, только что в шею не вытолкал. «Это на периферии наших интересов» — помните? А с другой стороны — провинция. Вот «Прощание в июне» в Иркутске. Вы помните Черткова (кстати, ученик Гончарова), румяного юношу, спектакль он сделал посредственный, но сколько шуму, скандалу, реву, он мне здесь осточертел со своей наглой и необоснованной амбицией, вообще почти все они таковы, из тех, что рыщут сейчас по областным городкам. И красноярцы, и Паламышев, и тот дурак из Новокузнецка, который поставил по «Старшему сыну» нечто против власти, милиции, заодно и против здравого смысла (спектакль сняли). Увидите, они пустят меня по миру, да еще с дурной репутацией. Вот.

А впрочем, жизнь идет, и, кажется, как обычно, что завтра будет много лучше, чем сегодня. А вдруг и на самом деле? Скоро увидимся и поговорим как следует. Распутин и Машкин шлют Вам привет. Моя семья — тоже. Целую Вас. До свидания.

Ваш *Вампилов.*

26. О.М.ВАМПИЛОВОЙ

[Весна 1971 г.]

Жена, бог послал тебя мне в наказание за все мои прегрешения.

Но за последние минуты перед твоим отлетом я прошу у тебя прощения. Я был груб излишне. Но я был пьян, страшно заведен и, честно сказать, не подозревал, что самолет уходит так скоро. Виноват.

Признаюсь. Не сердись и немедленно напиши мне, что не сердишься. Иначе ты потеряешь репутацию отходчивой женщины.

Ты наказала меня уже тем, что не отправила, когда долетела, телеграмму. В Москве мои дела остались в том же положении, ты все знаешь.

Куклу я отправил, надеюсь, она поспеет ко дню Ленкиного рождения.

Ленку поздравляю с днем рождения, но пошли, пожалуй, еще и телеграмму на ее имя — человек она уже почти взрослый.

В Дубултах красиво, но холодно и тоскливо. Долго тут не пробуду. В Ленинград, кажется, тоже не поеду. Есть настроение здесь поработать (как ни странно) немного и возвращаться домой. За сим целую тебя, жду письма, несчастный муж твой

Александр Валентинович.

27. О.М.ВАМПИЛОВОЙ

[Середина 1971 г.]

Ольга! Почему ты такая глупая? Почему ты не могла предположить, что эта завлит написала мне также и в Москву? Когда я посылал телеграмму в Мурманск (поздравлял с премьерой), я обещал прислать пьесу из Москвы. Вот она и отправила два письма — одно в Иркутск, другое в Москву, К-9, как научил ее Скоп. При сем учти ее заполошество — в письме в Москву она требовала «Валентину», а в этом — «Вечерние игры» Зака и Кузнецова (!).

Будет тебе! Что за подозрительность. Нельзя же так.

10—12 я все же заеду в Ленинград на два дня, так как 8-го должен вернуться Товстоногов и прочесть «Валентину», за ответом следует туда заехать. Договор с Опорковым вышли мне числа 5-го —7-го в Москву, на К-9. Дома предполагаю быть числа 17-го.

Я отправил посылку — шесть бокалов, не разобьются ли? Что купить тебе из необходимого — сообщи телеграммой. Привезу тебе также некий подарок — прибалтийский.

Как Ленка? Как мать? В Москве получил письмо от Марьи Алексеевны, но ты, наверное, звонила туда и все знаешь. Как твоя работа?

Ну вот. Не будь психопаткой и жди меня. Признаюсь тебе, что я по тебе, дура ты такая, соскучился.

Целую тебя

К сему муж твой

Александр.

28. Д.М.ШВАРЦ

[7 октября 1971 г.]

Дорогая Дина Морисовна!

Высылаю «Ангела» в альманахе, надеюсь, он понадобится. Что нового с «Анекдотами»? Репетируется ли «Метранпаж»? Передайте, пожалуйста, Сандро, — пусть не поленится, черкнет пару строк.

Часто вспоминаю Ленинград, наши с вами разговоры, все, даже «итальянский» дом вспоминаю с удовольствием. Когда-то я снова попаду в Ленинград? Неизвестно.

Большой привет всем, кто меня не забыл. А Товстоноговым, Фиме Падве и Галине Михайловне Иолиш — персональный — в виде напоминания.

К сему Ваш

А.Вампилов.

P.S. Большой привет Вам от Ольги, моей жены.

29. И.С.ГРАКОВОЙ

[7 октября 1971 г.]

Лиля! Добрый день!

Извини, что не откликнулся сразу, был в неких отсутствиях. Спасибо тебе за «Метранпажа» — откуда это такое изобилие?

Лето я провел в общем неплохо. Рыбачил, был на Байкале, работал.

Высылаю тебе «Валентину», теперь, думаю, можно показать ее начальству.

Начал новую пьесу.

Когда попаду в Москву, не знаю. Но чувствую, уже мечтаю о салате на Красноармейской.

Наш «Старший сын», кажется, расходится довольно основательно. Но прорежется ли он в Москве — опять-таки неизвестно.

От ребят тебе привет. Сейчас все сидим здесь, работаем потихоньку.

Ну вот. Привет знакомым, Борисову при случае — персональный.

За сим — ныне далекий, но старый и сердечный друг

А.Вампилов.

30. Е.Л.ЯКУШКИНОЙ

[Осень 1971 г.]

Дорогая Елена Леонидовна!

Обижены ли Вы на меня или Вы меня забыли — вот вопрос, который сейчас меня мучает. Но если это правда, что обиды не забываются, то вот и подходящее (для такого черствого и неблагодарного человека, как я) утешение.

А вот мой эпиграф и мое оправдание: «Я к вам пишу, чего же боле?..»

Но будет лучше, пожалуй, если мы оставим наше объяснение до нашей встречи, а теперь спешу Вам сообщить, что пребываю в здравом рассудке и трезвой (в основном) памяти, сижу дома, немного работаю, больше бездельничаю и, должен сознаться, ужасно тоскую по Москве.

А Вы? Ольга и Шугаев (он звонил Вам по моей просьбе, но не застал Вас дома) сообщили мне, что больные Ваши родители теперь у Вас, представляю, как это нелегко и как печально. Ездили ли Вы куда-нибудь этим летом? Где Вы? Как Вы? Ничего мне неизвестно.

31. О.М.ВАМПИЛОВОЙ

[Январь 1972 г.]

Дорогая жена!

Получил твое хорошее письмо, спасибо. Насчет Генки преувеличиваешь. Дела мои таковы. «Сына» репетируют и ермоловцы и «Современник». Что из этого будет — неизвестно. «Валентину» Товстоногов прочел и принимает. В Москве тоже есть охотники, но у кого она будет окончательно, не выяснено. Сейчас иду в Малый театр говорить с главным.

В Ленинград ехать надо 3-го февраля к возвращению Товстоногова дня на три. Там у меня ярко выраженный денежный интерес — надо получить за «Анекдоты» или хотя бы аванс за «Валентину».

Живем с Валькой в «России», но второго съедем, если не выгонят раньше. Домой собираюсь через два-три дня по возвращении из Ленинграда. Очень по вам соскучился.

По поводу твоих снов и сомнений: не сомневайся, никого мне не надо, кроме тебя. Будь только хорошей умной женой.

Срочно напиши, что купить и размеры всего этого.

Целуй Ленку, большой привет Тане, на обороте прочти записку для матери. Целую тебя

Александр.

Дорогая мама!

Прости, что не пишу, не обижайся.

Ольга ведь была здесь и все рассказала тебе. У меня много суеты, но дела как будто пошли на лад. Если можешь, дождись меня, очень хотелось бы повидаться.

Очень рад за Мишу и напишу ему письмо. Молодец! Целую.

Александр

32. Д.М.ШВАРЦ

[12 июня 1972 г.]

Дорогая Дина Морисовна!

Большое спасибо Вам за письмо и хорошие известия. Лит — дело большое и обнадеживающее. Дай бог и дальше так.

Я очень виноват перед Вами: вышло так, что в последний приезд мы не повидались. Способствовали тому «Ленфильм», моя болезнь и «лечение» от болезни. Скорее, впрочем, я сам себя наказал, а теперь каюсь.

Сообщаю Вам, что был я в Красноярске, у Сандро, на сдаче «Прощания в июне». Спектакль принят, но, по-моему (и Сандро так думает), он еще не готов. Сандро работал как зверь, многого достиг, но промахнулся в назначении актера на главную роль. За мою небольшую, но все-таки практику, я ни разу не вмешивался в распределение ролей и тем более никогда еще не оспаривал результата. Но это особый случай. Ошибка очевидна и непоправима никаким способом, кроме одного: заменить актера или назначить на эту роль второго исполнителя, который впоследствии должен оказаться первым и единственным. И я надеюсь, что Сандро на это пойдет.

Я живу здесь тихо-мирно, работаю, собираюсь поехать на Байкал. В Москве я буду числа 20-го сентября, надеюсь, и в Ленинград заеду.

От Оли Вам большущий привет.

Дина Морисовна! Прошу Вас передать Георгию Александровичу привет и большое спасибо за добрые слова обо мне в «Литгазете». Пусть теперь некоторые попробуют сказать, что нет такого сочинителя пьес. Кто им теперь поверит?

Передайте, пожалуйста, от меня привет Лене, знакомым — из тех, кто помнит про меня, и актерам — «Ангелам» и «Метранпажам», с которыми, как мне кажется, я подружился и о которых часто вспоминаю здесь, в Иркутске.

Желаю Вам счастливых гастролей и хорошего отдыха.

Крепко Вас обнимаю.

Ваш *А. Вампилов*.

P.S. Пришлю Вам новую последнюю страницу «Чулимска». По сути там, разумеется, ничего не изменится, просто мне пришло в голову: что самый-самый конец (финал) можно сделать точнее и естественнее по форме.

33. Е.Л.ЯКУШКИНОЙ

[12 июня 1972 г.]

Дорогая Елена Леонидовна!

В день отъезда я забегал в театр, но рано, потому не смог Вас повидать. Поздно вечером звонил Вам, но не застал в театре, и вечером, сами понимаете, как ни пытался, все равно ничего не успел. Не сердитесь. Думаете ли Вы о поездке в Иркутск? Если думаете, то напишите четко о времени. Числа 23 июня я поеду на неделю в Красноярск, июль буду дома (или рядом с домом), а в августе собираюсь в тайгу. Дома как будто все в порядке. От Ольги с Ленкой большой привет. Я работаю урывками. По-другому не получается — все что-нибудь да мешает.

Елена Леонидовна, не знаете ли Вы такого Александра Покидова? Он переводчик, прислал в альманах перевод Китса. Что за человек, что за автор? Если Вы не знаете — спросите Ашкенази — он все знает. И напишите, пожалуйста, меня просят об этом редактор альманаха (нашего — «Сибирь»). Что театр? Где он? И что наш знаменитый Костюков? Черкните мне пару строк. За сим до свидания.

Ваш *А.Вампилов.*

34. Е.Л.ЯКУШКИНОЙ

[11 июля 1972 г.]

Дорогая Елена Леонидовна!

Письмо Ваше пришло, когда я уже был в Красноярске. Поездка оказалась довольно длительной и весьма сложной по результатам. На сдачу приезжал Шкодин, спектакль принял, но спектакль *не готов*. Санд-

ро работал много и сделал много, но во многом и просчитался: назначил на главную роль актера, которому эта роль *противопоказана*. Я стал настаивать на замене или назначении второго исполнителя. Директор решил, что дело уже сделано. Новый главный (Кузенков) крутит и думает лишь о себе, все запутал, а Сандрик растерялся и улетел в Ленинград (главный исполнитель — его ставленник и приятель). Чем все это кончится — неизвестно.

Теперь о «Чулимске». Возможно, я и отдам его Андрееву. Я склоняюсь к этому решению. Вахтанговцы молчат, да и что-то я на них не надеюсь. Дина Морисовна сообщила мне уже номер Лита. Они получили его в Ленинграде. Но в Иркутске (в альманахе) пьесу сняло начальство. В конце года ребята еще раз попробуют ее напечатать. С другой стороны — если я отдам пьесу Андрееву — я хотел бы, чтобы это произошло осенью, в сентябре. Кстати, когда Ваш театр начинает сезон? Почему Косюков не напишет мне письма?

Вы, видно, в Иркутск не соберетесь. А могли бы еще: начало августа (с 1 по 12—14) я буду в городе. Давайте приезжайте. Я свожу Вас на Байкал. Завтра (12 июля) мы уезжаем (я, Ольга и Ленка) на Байкал дней на десять.

Как Вы живете? Как здоровье Вашей матери? Достается Вам, я понимаю, но знаю также, что крайнее уныние — это не ваш жанр. И слава богу. Я работаю потихоньку. Написал половину первого акта, пока как будто бы забавно получается. Ну вот. От Ольги и Ленки Вам большой привет. Вы от меня передавайте привет родным и знакомым. Напишите мне сразу. В особенности, если надумаете приехать. Косюкова выматерите — пусть мне напишет.

К сему —

Ваш *А. Вампилов.*

ПРИМЕЧАНИЯ

За двадцать пять лет, прошедших после смерти Александра Вампилова, его произведения были переведены на тридцать языков, не раз переизданы и поставлены в театрах всего мира. Дважды увидело свет «Избранное» (М.:Искусство, 1975 и 1984); в 1981 и 1982 гг. в Иркутске Восточно-Сибирским книжным издательством был выпущен однотомник «Дом окнами в поле», долгое время наиболее полно представлявший наследие драматурга. Наконец, к пятидесятилетию Вампилова в том же издательстве вышел двухтомник, который по сравнению с однотомником был дополнен разделом «Из неоконченного и неопубликованного». В 1988 г. в Москве издательство «Советская Россия» на основе однотомника «Дом окнами в поле» выпустило книгу, название которой дал один из очерков Вампилова — «Я с вами, люди»; в нее не вошли многоактные пьесы, однако впервые были опубликованы неоконченная пьеса «Квартирант» и расширенный вариант записных книжек.

Предпринимая настоящее издание, мы исходили из потребности как можно полнее и разностороннее представить, в первую очередь, драматургическое наследие замечательного русского писателя. Поэтому мы отказались от публикации его газетных очерков, поместив, однако, в книгу рассказы, написанные Вампиловым в годы студенчества. Эти произведения рассматриваются нами как подготовительный период к будущим большим и маленьким пьесам, тем более что подтверждение этой мысли мы находим у самого Вампилова, герои которого зачастую из рассказов переходят на страницы его пьес.

Впервые публикуются одноактная пьеса из архива Вампилова «Процесс», неоконченные пьесы «Кладбище слонов», «Рафаэль».

В книгу также вошли одноактная пьеса «Сто рублей новыми деньгами», записки об А.Т.Твардовском и заявка на фильм «Сосновые родники», не входившие в прежние издания драматурга; включены письма Вампилова к О.М.Вампиловой, Е.Л.Якушкиной, И.С.Граковой, Д.М.Шварц, большая часть которых публикуется впервые. Вновь публикуемые произведения, а также записные книжки печатаются по рукописи, предоставленной вдовой драматурга, Ольгой Михайловной Вампиловой; тексты в разделах «Пьесы» и «Рассказы» — по изда-

нию: А.Вампилов. Избранное. М.: Искусство,1984; в разделе «Одноактные пьесы, сценки, монологи» — по изданию: А.Вампилов. Я с вами, люди. М.,1988 (пьеса «Успех» — по публикации в альманахе «Современная драматургия». 1986. №1).

ПЬЕСЫ

Прощание в июне (с. 31). — Пьеса написана в 1964 г. Первоначальные названия: «Ночь в июле», «Нравоучение с гитарой», «Ярмарка». По словам вдовы писателя О.М.Вампиловой, один из вариантов пьесы предполагалось назвать «Серсо». Вампилов возвращался к своей пьесе в течение шести лет и создал семнадцать(!) вариантов, четыре из которых опубликованы. Четвертый вариант, законченный в 1970 г., поставлен московским Драматическим театром им.К.С.Станиславского в 1972 г. Первый вариант опубликован в альманахе «Ангара» (1966, №1) и журнале «Театр» (1966, №8). Во второй редакции пьеса опубликована в книге: А.Вампилов. Прощание в июне. Предместье. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1972.

Впервые пьеса была поставлена в конце 1966 г. в театрах Новомосковска, Грозного, Вологды, Клайпеды, Кустаная, Улан-Удэ. В Москве премьера состоялась 28 октября 1972 г. на сцене Драматического театра им.К.С.Станиславского (режиссер А.Товстоногов). Роль Колесова исполнил В.Бочкарев (в одном из писем А.Вампилов писал, что Колесова репетирует и играет на премьерных спектаклях в Красноярске, где театр был на гастролях, артист, которому «эта роль противопоказана», и сожалел, что эту роль не дали настоящему, по его мнению, Колесову — Бочкареву. После смерти автора премьеру в Москве и все последующие спектакли играл Бочкарев, играл ярко и убедительно. Здесь Вампилов не ошибся).

Вскоре пьеса была поставлена в ленинградском Областном театре драмы и комедии режиссером Я.Хамармером (премьера прошла 18 ноября 1972 г.).

Пьеса обошла сцены больших и малых городов Советского Союза.

Старший сын (с. 94). — Пьеса существует в нескольких вариантах. Первый вариант относится к 1965 г. Отрывки из этого варианта под названием «Женихи» были опубликованы 20 мая 1965 г. в газете «Советская молодежь». Вариант, датированный драматургом 1967 г., под названием «Предместье» появился в альманахе «Ангара» (1968, №2). В 1970 г. автором был создан новый вариант пьесы для изд-ва «Искусство», где «Старший сын» вышел отдельным изданием.

Драматург Алексей Симуков приводит в своих воспоминаниях письмо Вампилова, написанное в связи с «хлопотами по выпуску пьесы в свет» (имеется в виду разрешение на постановку). Вампилов обращается к Симукову в том числе как к работнику Министерства культуры СССР, могущему повлиять на решение. Симуков вспоминает: «Один из ответственных работников министерства <...> был поражен жестокостью, как он выразился, основной ситуации пьесы. <...> как же Бусыгин говорит, что он сын Сарафанова, когда он на самом деле не его сын? Пытаясь обосновать свою точку зрения, Саша через меня захотел воздействовать на вышеупомянутого товарища. "...Ему кажется сомнительной завязка пьесы — то, что Бусыгин выдает себя за сына Сарафанова <...> Кажется, этот поступок представляется ему жестоким. Почему? Ведь, во-первых, в самом начале (когда ему кажется, что Сарафанов отправился прелюбодействовать) он (Бусыгин) и не думает о встрече с ним, он уклоняется от этой встречи, а встретившись, не обманывает Сарафанова просто так, из злого хулиганства, а, скорее, поступает как моралист в некотором роде. Почему бы этому (отцу) слегка не пострадать за того (отца Бусыгина)? Во-первых, обманув Сарафанова, он все время тяготится этим обманом, и не только потому, что — Нина, но и перед Сарафановым у него прямо-таки угрызения совести. Впоследствии, когда положение мнимого сына сменяется положением любимого брата — центральной ситуацией пьесы, обман Бусыгина поворачивается против него, он приобретает новый смысл и, на мой взгляд, выглядит совсем уже безобидным, где же во всем этом жестокость? Алексей Дмитриевич! Вы нянчили обе пьесы, вы всегда были ко мне добры. Заступитесь!"

Я пытался, сколько мог, воздействовать на своего строгого коллегу, но ни его, ни другого начальника, ведавшего театрами, мне не дано было убедить. Как мне говорили, окончательно дело погубила моя неосторожная фраза о тонкости вампиловской драматургии, которая доступна не каждому...» (О Вампилове: Воспоминания и размышления // Вампилов А. Дом окнами в поле. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1981. С. 612—613).

Первая постановка пьесы состоялась на сцене Иркутского драматического театра в ноябре 1969 г. (режиссер В.Симоновский). В Москве «Старший сын» впервые был поставлен в Театре им.М.Н.Ермоловой осенью 1972 г. (режиссер Г.Косюков).

В записной книжке А.Вампилова, относящейся примерно к началу 1964 г., есть запись, касающаяся первых разработок замысла будущей пьесы:

«Мир в доме Сарафанова

Комедия в двух действиях

Сарафанов Алексей Николаевич — полковник в отставке.

Эмма — его дочь.

Вася — его сын, девятиклассник.

Забродин — студент на каникулах.

Комаровская — машинистка.

Чистяков — инженер».

Предшествуют этой записи характеристики действующих лиц (при этом имена героев и род их занятий в некоторых случаях отличны от тех, что набросал автор в вышеприведенной записи, и еще более отличны от окончательного варианта пьесы):

«Николай Забродин — студент на каникулах, физик (22), босяк и фаталист (озлоблен).

Алексей Николаевич Сарафанов — настройщик (50), добряк, жизнелюб, все понял и все простил, мягкий человек. Любит работу.

Оленька Сарафанова — девушка, пробивающаяся на сцену. Трезва, холодна, но мила и т.д.

Грета Комаровская — женщина, которая ждет случая. Секретарь-машинистка.

Васенька Сарафанов — инфант, начинающий забулдыга, за спиной два первых курса.

Юрий Чистяков — инженер, человек с московской пропиской, жених Оленьки».

Пьеса обошла сцены многих городов нашей страны, неоднократно ставилась в других странах. Режиссер В.Мельников снял в 1976 г. на «Ленфильме» по пьесе двухсерийный фильм (роль Сарафанова исполнил Е.Леонов, роль Бусыгина — Н.Караченцов). Г.Гладковым написана одноименная опера.

Утиная охота (с. 169). — Пьеса закончена в 1968 г. Впервые опубликована в альманахе «Ангара» (1970, №6). Признана вершиной творчества драматурга и одной из лучших пьес мирового репертуара. В то же время, или, быть может, именно поэтому, «Утиная охота» вызвала так много споров и толкований, что родилось понятие «загадка Вампилова». Более, чем к другим вампиловским пьесам, к этой была пристрастна цензура.

Писатель Ефим Дорош, член редколлегии «Нового мира» времен А.Т.Твардовского, сообщал Вампилову об участи его пьесы в журнале: «Дорогой Саша! Меня не было в Москве, почему отвечаю Вам с таким опозданием. Лакшин пьесу прочитал, он того же мнения о ней, что и мы с Берзер, однако если мы считаем, что ее следует печатать, то он стоит на том, что “Новый мир”-де пьес не печатает. Впрочем, пьесу он мне не вернул, но отдал ее другому заместителю — Кондратовичу, этот, конечно, будет читать долго, вернее, держать ее у себя, поскольку это пьеса, т.е. нечто нашему журналу чуждое. Правда, я буду его поторапливать. Надежд у меня совсем мало, была

бы это проза, я бы дал Твардовскому, а пьесу, боюсь, он не одобрит. Впрочем, подожду, что скажет Кондратович. Если у Вас возьмут "Сибирские огни" и Вам нужен мой отзыв, напишите, я сразу вышлю...».

Публикация в «Новом мире» не состоялась.

Писатель Марк Сергеев, в то время главный редактор альманаха «Ангара», вспоминает драматическую историю, связанную с первой публикацией пьесы:

«Наша советская цензура долгие годы делала вид, будто ее не существует: рукописи не читала, но активно вмешивалась на стадии корректуры. Этим обстоятельством мы и воспользовались. "Утиная охота" была заслана в набор без привязки к какому-либо номеру — в запас (есть такой термин). Когда набор был готов, случилось везение, которое бывает лишь раз в жизни: главный цензор уехал в отпуск. Мы тут же поставили пьесу в номер. Волновались ужасно! Пропустят — не пропустят. Решили подстраховаться, но времени почти не оставалось. За ночь я написал предисловие.

"Утиная охота" была напечатана (№ 6 за 1970 г.) и ушла в жизнь.

Неприятности начались сразу и вовсе не от тех людей, от которых этого можно было ожидать. Вернулся главный цензор, поздоровевший, более, чем всегда, благодушный. Остановил меня на улице и сказал:

— Дело, конечно, сделано. Но вам с Вампиловым эту пьесу еще припомнят.

Так оно и случилось. Главный герой "Утиной охоты" Зилов и вся мужская часть его компании, кроме официанта Димы, трудятся в некоем Бюро технической информации. Надо же было такому случиться, что в Иркутске в то время было всего лишь одно такое бюро, точно с таким же названием. И сотрудники этой замечательной организации <...> закипели благородным возмущением, налились гневом и, дабы все знали, что они не зиловы, не саяпины, не кушаки, нашли самый верный способ доказать, что они ангелы (не те, что нарисованы Вампиловым в другой пьесе). Лучшим средством обороны, как известно, является донос.

<...> Письмо возмущенных сотрудников Бюро технической информации было передано в обком, там заинтересовались этой отнюдь не технической информацией. Меня, как редактора альманаха и автора предисловия, пригласил Антипин (тогдашний третий секретарь Иркутского обкома КПСС. — *Т.Г.*). Он дал мне прочитать донос, потом мы поговорили.

<...> может быть, Антипину не хотелось раздувать дело, ведь это как бумеранг, разносишь других, а попадет самому — недосмотрел. Мы посмеялись. Жалобщикам было отвечено, что Вампилов не имел в виду Иркутск и, конкретно, тех людей,

которые приняли пьесу на свой счет. Но <...> ангелы из Бюро технической информации послали донос повыше — аж в ЦК КПСС!

И на наше отчетно-выборное писательское собрание, его срок как раз приспел, явился гость из отдела культуры ЦК КПСС. Стало ясно, что противники "Утиной охоты" воспользуются этим. Однако разгрома не получилось — собрание встало на защиту Вампилова» (Звезда. 1997. № 8. С. 328).

Даже после смерти Вампилова его пьеса вызывала неприятие у тех, от кого зависела ее дальнейшая судьба. Марк Сергеев в своих воспоминаниях рассказывает и о подготовке к изданию первого однотомника произведений Вампилова:

«В октябре 1972 года однотомник был передан мною в Восточно-Сибирское издательство. Месяца через два или три меня вызвал к себе директор издательства и сказал: «Можно издать, но без "Утиной охоты"».

Я понял, что невидимкой стоит за его спиной иркутская цензура. И принял неожиданное решение: забрал рукопись, написал бумагу директору издательства "Искусство" Тараканову. Причем, зная манеру цензуры, я подумал о том, что нужно обязательно послать неугодную пьесу "Утиная охота" в расклейке, чтобы издатели обратили внимание, что пьеса УЖЕ ВИДЕЛА СВЕТ.

Прошло какое-то время, и мне позвонил наш главный цензор — Николай Григорьевич Козыдло:

— Марк Давидович, скажи: как получилось, что в альманахе "Ангара" была напечатана "Утиная охота"? Я что-то не припоминаю, когда давал разрешение на печать.

"Еще бы! — подумал я. — Вы и не можете этого помнить" Однако сказал:

— Есть причина для этого звонка?

— Да. Понимаешь, московская цензура остановила корректуру книги Вампилова, удивилась, что эта вещь опубликована, и позвонили...

Я лихорадочно думал, как спасти положение? Если рассказать Николаю Григорьевичу правду — пьеса сгорит. И тут, как часто бывает в экстремальной ситуации, память мне подбросила один давний эпизод. Возникла однажды подобная сложность: иркутская цензура задержала повесть Валентина Распутина "Деньги для Марии", тоже в корректуре альманаха "Ангара" Назавтра я отправился в обком.

Кончилось тем, что Антипин попросил свою секретаршу связать его с Н.Г.Козыдло, и разговор вышел такой:

Козыдло: Слушаю вас, Евстафий Никитич.

Антипин: Мы вот тут сидим с Марком Давидовичем и рассуждаем о повести Валентина Распутина "Деньги для Марии" У нас с Марком Давидовичем проблем нет! — И положил трубку.

Уже через час корректура альманаха была возвращена в издательство с соответствующим штампом цензуры, и “Ангара” с повестью вышла в свет.

... я решил блефовать.

— Вы помните, Николай Григорьевич, такой случай. Вам позвонил Евстафий Никитич и сказал: «Вот мы тут с Марком Давидовичем рассуждаем о пьесе “Утиная охота”, и у нас с Марком Давидовичем никаких проблем нет!»

— Помню, помню! — воскликнул Николай Григорьевич. И сообщил в Москву, что “Утиная охота” опубликована с благословения обкома.

Надо сказать, что чиновники различных московских структур побаивались вступать в конфликт с местными обкомами, ведь секретари большинства из них были членами ЦК.

Однотомник с крамольной пьесой был подписан к печати» (речь идет об «Избранном» А.Вампилова, вышедшем в изд-ве «Искусство» в 1975 г. — *Т.Г.*).

В 1976 г. на совещании в Союзе писателей по поводу современного состояния драматургии тогдашний начальник Управления театров Министерства культуры СССР Г.А.Иванов так отозвался о лучшей пьесе Вампилова: «В Семипалатинске пьесу поставили и сняли. Когда нам два часа показывают законченного подонка, когда он измывается садистически, то выдержать это зритель отказывается, потому это произведение останется только литературным произведением... И только» (из архива участницы совещания, тогда заведующей литературной частью театра «Современник» Е.И.Котовой).

Впервые «Утиная охота» увидела свет рампы в молдавском театре «Лучаферул» в 1976 г. (поставил спектакль В.Апостол). Спектакль шел на молдавском языке. По-русски герои Вампилова впервые заговорили на сцене Рижского театра русской драмы (режиссер А.Кац; 1976 г.). К пьесе обращались многие очень крупные театральные мастера. В Москве в 1979 г. поставили спектакли В.Андреев (в Театре им.М.Н.Ермоловой) и О.Ефремов (во МХАТе), собирался ставить Ю.Любимов (идея осталась неосуществленной). В 1979 г. по пьесе был поставлен фильм «Отпуск в сентябре» (режиссер В.Мельников, «Ленфильм»; премьера фильма состоялась летом 1987 г.). Роль Зилова сыграл О.Даль.

В раннем варианте пьесы сцена прощания Зилова (здесь он — Рябов) и Галины и встречи с Ириной строилась иначе:

«Солнечное летнее утро. Перрон. Р я б о в и Г а л и н а. В стороне сидит человек в черных очках. Рядом с ним на скамейке лежит гитара.

ГАЛИНА. Ну вот... Спасибо, что проводил.

РЯБОВ. Место внизу освободится в Красноярске. Не прозевай.

Молчание.

Смотри, как печет. А что будет днем?.. Будет дождь. Должен быть.

ГАЛИНА. Никакого дождя не будет.

РЯБОВ. Почему ты так думаешь?

ГАЛИНА. Твои прогнозы никогда не оправдывались.

РЯБОВ. Ты права. Ничего нельзя знать заранее.

Молчание.

ГАЛИНА. Ну вот... Нам уже нечего сказать. Мы уже все сказали. Так?

РЯБОВ. Да. За десять лет мы даже наговорили друг другу лишнего.

ГАЛИНА. И все-таки. Ведь это как-никак — навсегда. Мог бы что-нибудь сказать.

РЯБОВ. Желаю тебе всего хорошего.

ГАЛИНА. Спасибо... Наверное, такие дела делаются вечером, на закате. Как ты думаешь?

РЯБОВ. Не знаю. Поезда ходят утром и вечером.

Молчание.

ГАЛИНА. Если позвонит мама — ничего ей не говори. Я им напишу.

РЯБОВ. Хорошо. Ты подала ему телеграмму?

ГАЛИНА. Да. Вчера.

Молчание.

Ну вот... Вроде бы все...

РЯБОВ. Да, все. Разводом займемся в сентябре, ничего?

ГАЛИНА. Хорошо. Детей у нас нет. Нас разведут заочно.

РЯБОВ. Да. Сейчас это просто.

Молчание.

ГОЛОС ДИКТОРА. Внимание! До отхода поезда номер сорок один остается две минуты. Пассажиры, займите свои места, а провожающие выйдите из вагонов.

ГАЛИНА. Ну вот и все.

ГОЛОС ДИКТОРА. Повторяю, до отхода поезда сорок один осталось две минуты.

Галина делает к Рябову шаг и они обнимаются.

ГАЛИНА. Прощай. (*Плачет.*)

РЯБОВ. Напиши мне. Что и как — напиши...

ГАЛИНА. Не забывай меня.

РЯБОВ. Да.

Галина быстро уходит. Рябов один. Шум уходящего поезда. Он идет по перрону, останавливается, смотрит на часы. Возвращается, подходит к скамейке.

СЛЕПОЙ. Товарищ! Который час?

РЯБОВ. Двадцать минут десятого.
СЛЕПОЙ Благодарю. Не найдется ли папироски?
РЯБОВ. Возьмите.
СЛЕПОЙ. Вот благодарю. (*Закуривает, потом играет на гитаре.*)

Молчание.

Слепой играет плясовую, подпевает невнятно.

РЯБОВ. Послушайте, спойте что-нибудь.
СЛЕПОЙ Сейчас?.. Рабочий день еще не начался. Придет электричка, вот тогда...
РЯБОВ. Спойте. Я заплачу. (*Дает ему деньги.*)
СЛЕПОЙ. Вам — что? Веселое, грустное, старинное или что-нибудь блатное?
РЯБОВ. Не знаю. Все равно.

Слепой перебирает струны, затем поет.

СЛЕПОЙ Любовь моя и радость,
Зачем ты не со мной
Тюремная ограда
И сумрак гробовой.
РЯБОВ. Простите. Что-нибудь другое, если можно.
СЛЕПОЙ. Можно другое... (*Берет пару аккордов, поет.*)
Всю ночь кричали петухи
И шеями мотали....
Подходит?
РЯБОВ. Извините, это совсем не подходит. Давайте-ка старинное.
СЛЕПОЙ. Старинное... Старинное... (*Поет.*)
Все васильки, васильки...
РЯБОВ. Э, куда хватил... Ну ничего, ничего. Продолжайте.
СЛЕПОЙ (*поет*):
Все васильки, васильки,
Много мелькает их в поле,
Помню у самой реки
Я собирал их для Оли.
Низко головку наклонит,
Милый, смотри, василек
Твой поплывет, мой утонет...
ГОЛОС ДИКТОРА. Внимание.

Слепой играет.

На первый путь прибывает пассажирский поезд номер десять. Поезд следует Москва—Хабаровск. Повторяю. На первый путь прибывает пассажирский поезд номер десять.

СЛЕПОЙ (*поет*).
Все васильки, васильки,
Много мелькает их в поле,

Помню, у самой реки
Я собирал их для Оли.

РЯБОВ. Да... Грустная история. Спасибо. (*Поднимается.*) Всего хорошего.

Слепой ему кивает.

Рябов уходит. Шум прибывающего поезда.

Слепой продолжает наигрывать «Васильки». Через некоторое время появляются Рябов и Ирина. В руках у Рябова ее чемодан.

ИРИНА. Минутку. (*Останавливается у скамейки, снимает кофту, остается в легком платье.*) Открой, пожалуйста, чемодан.

Рябов поставил чемодан на скамейку, открыл его. Ирина сунула в чемодан кофту.

Ну-с? Зачем ты меня вызвал? Что случилось?

РЯБОВ. Что случилось? Захотел тебя увидеть. Вот и вызвал. Ты недовольна?

ИРИНА. Я довольна. А моя сестра? Где она?

РЯБОВ. Она уехала.

ИРИНА. Куда?

РЯБОВ. В Харьков.

ИРИНА. В Харьков?.. Значит...

РЯБОВ. Да, она уехала к нему. К тому самому.

ИРИНА. Значит... в самом деле?

РЯБОВ. Да. Она выходит замуж.

СЛЕПОЙ (*поднимается*). Товарищ! Нет ли папироски?

РЯБОВ. Пожалуйте.

СЛЕПОЙ. Вот благодарю. (*Уходит.*)

ИРИНА. Когда она уехала?

РЯБОВ. Пятнадцать минут назад.

ИРИНА (*не сразу*). Ты ее провожал?

РЯБОВ. Ну конечно... А чему ты удивляешься. Мы помирились. Мы расстались друзьями.

ИРИНА. Представляю.

РЯБОВ. Ты устала?

ИРИНА (*не сразу*). Нет. Я отлично выспалась.

РЯБОВ. Тогда, знаешь, мы сдадим чемодан и махнем куда-нибудь, а? В такую-то погоду — домой? Безумие, верно?..

ИРИНА (*рассеянно*). Да... Хороший денек...

РЯБОВ. Последний летний день. Махнем за город, а? (*Берет чемодан.*) Идем. Подальше от этого пекла, в лес, к воде. Живей.

Уходят.

За городом. Большую часть сцены занимает внутренность недостроенного дома. Три стены, два оконных проема — прямо и справа — выходят в лес, слева проем дверной. Справа на переднем плане — несколько досок, уложенных одна на другую. За окном внезапно, на

глазах, темнеет, слышится шум деревьев. Это ветер. Появляются Рябов и Ирина.

РЯБОВ. Поздравляю... мы успели...

ИРИНА (*запыхавшись*). Умираю... (*Проходит.*) Сердце выпрыгнет... вот-вот... (*усаживается на доски*) сейчас умру...

РЯБОВ. Быстро ты выдохлась. Не стыдно в таком возрасте?

ИРИНА. Не-е, не стыдно. Ты тоже еле дышишь.

РЯБОВ. Мне простительно. Мне сто лет.

ИРИНА (*у окна*). О, как потемнело... А вот на горе, смотри, там еще солнце... Уходит... уходит... уходит... Все. Ушло.

РЯБОВ. Я был уверен, что будет дождь. Так это не могло кончиться.

ИРИНА (*выглянула в двери*). А здесь?.. Черным-черно. Сплошь.

РЯБОВ. Сейчас врежет.

ИРИНА. Три-четыре... Ну!.. Еще раз: три-четыре... нет, не хочет.

Дождь стучит по крыше.

Пошел!

РЯБОВ (*усаживается на доски*). Ну вот... Теперь уже легче... Садись, дыши кислородом.

ИРИНА. А он надолго?

РЯБОВ. Не думаю. Это ливень. Он долго не продержится.

ИРИНА. А если он никогда не кончится?

РЯБОВ. Так не бывает. Никогда еще не было... Впрочем, однажды дождь лил сорок дней. Был такой случай...

ИРИНА. Когда?

РЯБОВ. Давненько... Да, это было неплохое мероприятие. Все затопило водой, все, к чертовой матери. Весь мир. Спаслась только одна семейка... Разве ты никогда об этом не слышала?

ИРИНА. О чем?

РЯБОВ. О потопе.

ИРИНА. Ах, об этом. Да, я знаю: Ноев ковчег, гора Арарат и что там еще?

РЯБОВ. Все. Потоп, ковчег и Арарат. Все для того, чтобы начинать сначала. Ты знаешь, мне это подходит. (*Поднялся, подошел к окну.*) Пусть льет сорок дней. Я не против».

В настоящем издании восстановлена изъятая цензурой часть сцены третьего акта: после слов Кушака: «...крабы теперь большая редкость» до ремарки: «Появляется Ирина». По свидетельству вдовы писателя О.М.Вампиловой, после выхода «Ангары» с «Утиной охотой» А.Вампилов вписывал от руки этот диалог в многочисленные номера альманаха, чтобы сохранить полный вариант пьесы.

Провинциальные анекдоты (с. 259). — Пьеса состоит из двух одноактных пьес: «История с метранпажем» и «Двадцать минут с ангелом». Первоначально Вампиловым была написана пьеса «Воронья роща» (которая многими исследователями творчества Вампилова считается его первым драматургическим опытом). Позднее «Воронья роща» была переработана и на ее основе создана новая пьеса — «История с метранпажем». Первые варианты «Двадцати минут с ангелом» и «Истории с метранпажем» были показаны Вампиловым на семинаре драматургов-одноактников уже в 1962 г. В 1968 г. Вампилов перерабатывает «Историю с метранпажем» и тогда же объединяет две одноактные пьесы в единое произведение под названием «Провинциальные анекдоты». В 1970 г. в альманахе «Ангара» (№4) опубликована пьеса «Двадцать минут с ангелом». В 1971 г. в издательстве «Искусство» отдельным изданием выходит «История с метранпажем» (в серии «Репертуар художественной самодеятельности»). В том же году на семинаре молодых драматургов в Дубултах «Провинциальные анекдоты», по словам В.Розова, «прочитаны вслух как лучшая работа». Тогда же начались репетиции спектакля по пьесе в ленинградском БДТ им.М.Горького. Премьера состоялась 30 марта 1972 г. на Малой сцене БДТ. Режиссер спектакля А.Товстоногов свидетельствует, что название спектакля — «Два анекдота» — было дано «по настоятельной просьбе разного рода руководителей» (Театральная жизнь. 1987. №17). В Москве премьера пьесы состоялась только в 1974 г. на сцене театра «Современник» (режиссер В.Фокин). Спектакль был «пробит» с девятой «попытки». После этого пьеса обошла многие сцены страны и мира. Последняя по времени отечественная постановка — спектакль московского Театра под руководством О.Табакова, в котором объединены «Двадцать минут с ангелом» и «Бобок» Ф.М.Достоевского.

Прошлым летом в Чулимске (с. 317). — Первый вариант пьесы был написан специально для Московского академического театра им.Вл.Маяковского по договоренности с его главным режиссером А.А.Гончаровым. Однако ни этот, ни другой вариант на сцене театра поставлены не были. Пьеса закончена в начале 1971 г. Впервые опубликована в альманахе «Ангара» (1972, №6) после гибели драматурга. Писатель Геннадий Николаев в своих воспоминаниях о Вампилове описывает события, связанные с публикацией этой пьесы:

«На мой взгляд, это была отличная пьеса, светлая, добрая, написанная с вампиловской пронзительной силой. Всем нам, я имею в виду редколлегию альманаха, хотелось, чтобы пьеса увидела свет именно в нашем альманахе, ибо это стало уже традицией, которой мы гордились: все главные пьесы Вампилова начинали свою дорогу в шумную театральную жизнь со страниц

альманаха. Да просто потому, наконец, что это была великолепная пьеса! Но, увы, на ее пути встали непредвиденные трудности, которые в то время казались непреодолимыми.

Вампилов сидел на тахте, опершись подбородком о стиснутый кулак. После долгого раздумья он сказал:

— Слушай, неужели не ясно, о чем пьеса? Так обидно! И потом, ведь я написал Товстоногову, что пьеса принята. Они уже разворачивают репетиции. Выходит, я трепач?

Утром <...> мы с Марком Сергеевым были в обкоме партии и договорились с секретарем обкома Е.Н.Антипиным о проведении повторной, расширенной редколлегии по пьесе. Редколлегия была намечена на двадцать восьмое июня, ждать надо было еще двадцать пять дней, а пока... пока я мог только подарить Вампилову типографский оттиск пьесы, чтобы он послал его Товстоногову в знак того, что пьеса действительно принята редколлегией» (О Вампилове: Воспоминания и размышления // Вампилов А. Дом окнами в поле. С.595).

Первоначальное название — «Валентина». Вампилов вынужден был изменить название из-за того, что, пока пьеса, следуя участи всех вампиловских произведений, проходила многочисленные стадии утверждений, а точнее — неутверждений, стала широко известна пьеса М.Рощина «Валентин и Валентина», написанная позднее. Название было изменено на «Лето красное — июнь, июль, август...» Однако оно не удовлетворяло драматурга. Во время работы над своим первым однотомником (вышедшим в изд-ве «Искусство» уже после смерти автора) Вампилов дал пьесе «рабочее» название «Прошлым летом в Чулимске», которое и оказалось окончательным. Правда, О.М.Вампилова вспоминает, что последнее название нравилось Вампилову и, возможно, что на нем бы он и остановился, но теперь это уже из области догадок и предположений. Первое название — «Валентина» — сохранилось в фильме, поставленном Г.Панфиловым («Мосфильм», 1981). Первая постановка пьесы в Москве состоялась в 1974 г. на сцене Театра им.М.Н.Ермоловой (режиссер В.Андреев). Тогда же «Чулимск» был поставлен в ленинградском БДТ им.М.Горького (режиссер Г.Товстоногов). Существует вариант финала пьесы, оканчивающийся самоубийством Валентины (в процессе подготовки пьесы для изд-ва «Искусство» автор отказался от этого финала):

«Появляются: П а ш к а перед В а л е н т и н о й пятится, Валентина идет прямая, глядя мимо Пашки.

ПАШКА. Кофту возьми.

Он сует ей кофту, она ее не берет. Кофта падает ей под ноги. Валентина на нее наступила. Пашка посторонился, Валентина вошла во двор.

До завтра, Валя...

Пашка поднимает с земли кофту, замечает Хороших.
Небольшая пауза.

ХОРОШИХ (*негромко*). Ты че наделал?
ПАШКА (*бодро*). Все, мать. Завилась веревочка... Она моя.

Небольшая пауза. Хороших угрюмо качнула головой: врешь, не твоя.

ПАШКА. Брось, мать. Это пустяки, это по первости.
ХОРОШИХ. Она тебя возненавидела...
ПАШКА. Молчи, мать. Все будет в норме.
ХОРОШИХ. И я бы тебя возненавидела... Я бы тебя... (*Подступает к Пашке.*)
ПАШКА (*пятится*). Спокойно, мать.
ХОРОШИХ (*наступает*). Я бы тебе...
ПАШКА (*пятится*). Мать, мать.

Хороших остановилась, прислонилась к палисаднику. Небольшая пауза.

ХОРОШИХ. Уходи, Павел.

Шаманов появляется со стороны, противоположной той, откуда появились Пашка и Валентина.

ШАМАНОВ (*подходит*). Где Валентина?
ХОРОШИХ. Павел, уходи.
ШАМАНОВ. Что случилось? (*Подступает к Пашке.*) Где Валентина?

Берет Пашку за грудки.

ХОРОШИХ (*Шаманову*). Отпустите его... Пусть он уходит.
ПАШКА (*Шаманову*). А ну, отцепись.
ШАМАНОВ. Где она?.. Что с ней?..

Снова голоса с улицы.

ГОЛОС ЕРЕМЕЕВА. Не нальет.
ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА. Посошок нальет.
ГОЛОС ЕРЕМЕЕВА. Не нальет.
ГОЛОС ДЕРГАЧЕВА. Нальет, никуда не денется.

Оба появляются.

ШАМАНОВ. Где она?
ПАШКА. Отцепись.
ШАМАНОВ. Говори или...

Со двора выбегает Помигалов с ружьем в руках. За ним, вцепившись в него, — Валентина.
Все поворачиваются к ним. Шаманов выпустил Пашку.

ВАЛЕНТИНА. Нет, папа!.. Не сме-ей!

Помигалов отшвырнул Валентину в сторону. Кашкина выбегает на балкон.

ПОМИГАЛОВ. Где он? Где?.. Дай мне гада!
ХОРОШИХ. Беги!
ПОМИГАЛОВ. Не беги... Не убежишь.

Пашка замер, прижавшись к ограде палисадника. Кашкина, стоя на балконе, закрывает лицо руками. Так простоит она до последней реплики этой картины.

ХОРОШИХ (*бросилась к Пашке, но Дергачев ее схватил*). Не виноват он! Не виноват!
ПОМИГАЛОВ. Не подходи! Пристрелю любого, кто подойдет... Он получит, че заслужил. (*Взводит курок.*)
ШАМАНОВ (*делает шаг в сторону Помигалова*). Остановитесь!.. С Валентиной был я.

Помигалов на мгновенье застывает.

Он не виноват. С ней был я.
ВАЛЕНТИНА (*кричит*). Не-ет!

Но секундного помешательства Помигалова достаточно для того, чтобы с одной стороны Еремеев, а с другой Дергачев подошли к нему и отняли у него ружье.

ШАМАНОВ. С ней был я. (*Обращаясь к Валентине.*) Валентина!.. (*Остальным.*) Мы... Я увезу ее отсюда.
ПАШКА. Врешь!.. Врет он! Не слушайте его! (*Сорвался с места, бросился на Шаманова, но его схватили Хороших и Дергачев.*)
ЕРЕМЕЕВ (*с ружьем в руках, качая головой*). В зверя можно стрелять, разве можно в человека? (*Валентине.*) На, спрячь. Подальше спрячь.

Валентина берет ружье сначала одной рукой, машинально, потом — крепко, двумя, и уходит во двор.

ПОМИГАЛОВ (*Шаманову*). Кто?.. Кто из вас? Он или ты?
ШАМАНОВ. Я. Валентина и я — мы отсюда уезжаем. Завтра же. (*Всем.*) Вам всем понятно?
ПАШКА. Врешь! (*Всем.*) Не он! Не он! Я! Я! Я!

Во дворе раздается выстрел. Тишина. Только стучит дизель.

ВСЕ РАЗОМ. Валентина!

Стук прерывается — это перебой, и наступает темнота.

Утро следующего дня

На крыльце чайной. Сидят: Шаманов у калитки, на нижней ступеньке, на этой же ступеньке, слева, близко друг к другу — Пашка, Хороших и Дергачев. Пашка сидит, низко опустив голову и обхватив ее руками. Двумя ступеньками выше сидят — справа Еремеев, слева Кашкина. Со двора доносятся причитания старух.

ЕРЕМЕЕВ (*сокрушается*). Бумагу давал, ружье давал — разве думал, что так получится?.. (*Не сразу.*) В тайгу не попадаю, в свидетели попадаю...

Мечеткин выходит со двора от Помигаловых, на ходу надевая шляпу.

МЕЧЕТКИН (*не сразу*). Что же это, товарищи?.. Это подумать, как судьба распорядилась.

ДЕРГАЧЕВ. Мы виноваты... Все виноваты. Слышь, Павел...

Помигалов появляется, останавливается у своих ворот. За его сп ной причитания становятся тише.

Все причастные. Все будем отвечать.

Старухи умолкают. Причитания их больше не слышны. Сопка за домом освещается первыми лучами солнца. Послышался лай собаки и где-то вдали ровное гудение мотора.

Шаманов поднимается, заходит в палисадник. При всеобщем молчании он восстанавливает ограду. Далее Шаманов переходит к калитке. С нею у него не выходит.

ШАМАНОВ (*выпрямился*). Помогите кто-нибудь.

С крыльца поднимаются все, кроме Пашки, который продолжает сидеть, опустив голову. К калитке подходит находившийся ближе всех Еремеев. Шаманов и Еремеев склоняются над калиткой.

Занавес

Одноактные пьесы, сценки, монологи

Свидание (с. 389). — Впервые напечатана в сборнике: А.Санин. Стечение обстоятельств (Иркутск, 1961).

Месяц в деревне, или Гибель одного лирика (с. 393). — Впервые опубликована 10 октября 1958 г. в газете «Иркутский университет» за подписью А.Санин.

Исповедь начинающего (с. 395). — Впервые опубликована 9 апреля 1961 г. в газете «Советская молодежь» за подписью А.Санин.

Успех (с. 398). — Переработка одноименного рассказа. Впервые опубликована 4 января 1986 г. в газете «Советская культура».

Цветы и годы (с. 407). — Первое произведение Вампилова, появившееся в печати за подлинной фамилией автора. Впервые опубликовано 6 ноября 1958 г. в газете «Советская молодежь» за подписью «А.Вампилов, студент госуниверситета».

Воронья роща (с. 411). — Один из ранних вариантов пьесы «Историс с метранпажем», вошедшей в «Провинциальные анекдоты». Написана в середине 1960-х г. Впервые опубликована в альманахе «Современная драматургия» (1986, №1). «Воронья роща» может служит примером требовательности драматурга к своей работе. Заведующая литературной частью московского Театра им.М.Н.Ермоловой Е.Л.Якушкина вспоминает: «Это было в последний приезд его в Москву весной 1972 года. Мы сидели вдвоем в “пенале” (так Вампилов называл комнату литературной части театра. — *Т.Г.*), я сказала ему: «Смотри, Саня, я нашла “Воронью рощу” и протянула ему пьесу. Он взял и хотел разорвать пополам. Я выхватила у него рукопись. Мы даже поспорили, а потом он засмеялся и сказал: «Ладно, пусть лежит у вас в “архиве”, только никому не показывайте».

Сто рублей новыми деньгами (с. 449). — Одноактная пьеса. Написана в середине 1960-х г. Впервые опубликована в журнале «Театральная жизнь» (1987, №17) за подписью А.Санин. Вариант пьесы «Двадцать минут с ангелом».

Дом окнами в поле (с. 462). — Одноактная пьеса. Написана в 1963 г. Впервые опубликована в журнале «Театр» (1964, №11). С этой пьесы начинался для читателей Вампилов-драматург. По пьесе поставлен телеспектакль. Режиссер Г.Павлов. Роли исполняют И.Купченко и С.Любшин.

Процесс (с. 473). — Одноактная пьеса. Написана во время учебы на Высших литературных курсах в Москве в 1966—1967 гг. О факте существования этого произведения, об описываемых событиях и действующих лицах пьесы рассказал в письме к В.Шугаеву сокурсник Вампилова, имя которого, к сожалению, установить не удалось. Его письмо датировано 26 декабря 1977 г.:

«Слава!

Шлю тебе Саши Вампилова вещичку. Написана она им в 66 году, когда мы вместе учились на ВЛК. Было у нас собрание, на котором мы взяли да и исключили с ВЛК Мишаткина Юру. Он живет сейчас в Волгограде. Теперь уже трудно восстановить, что послужило причиной. В общем-то какая-то ерунда, что-то действительно было связано с женщинами. Вроде бы он где-то что-то про кого-то болтанул. Все вошли в раж, и кончилось это его исключением. Теперь все мы с сожалением вспоминаем про это дурацкое собрание. А Саша сразу же сочинил вот эту пьеску. Почему она оказалась у меня и не первый экземпляр, я тоже уже не помню. Впрочем, я собирал всякие эпиграммы и шаржи за те два года и вот недавно

полез в архив и вдруг обнаружил Сашино сочинение. Я знаю, есть комиссия по наследству, но кто в ней — не знаю. Думаю, что ты больше меня знаешь в этом. Вот и шлю ее, эту вещь, в комиссию.

Мишайкин — Мишаткин Юра. Самарский — Евг.Астахов из Куйбышева. Лазаренко — Вл.Лазарев из Тулы. Двурожко — Вал.Рожка из Кишинева. Руби-Киряй — Кутби-Киром из Душанбе. Лариса-Антуанетта— Лар.Романенко из Риги. Сидоров — Сидоров из Владимира. Воробьев — Воробьев из Чебоксар. Дон Антонио Безбабко — какой-то проходимец, фамилию не помню, с нами он не учился, но почему-то жил в общежитии. По-моему, с него-то весь сыр-бор и загорелся. Он выдавал себя за испанца.

Для тех, кто знает всех действующих лиц, — вещь очень смешна и зла. Саша схватил суть дела очень тонко, и "герои" обрисованы зримо. Видны характеры. А самое главное — так вот по чьему-то желанию могли расправиться с любым. И если вдуматься, то пьеска-то страшная. И это еще раз подтверждает, как чуток был Саша ко всякой несправедливости.

С Новым годом! Пусть он принесет тебе успехи и радости! Да сгинут все печали!

С приветом, (подпись неразборчива)».

Публикуется впервые.

Неоконченное

Рафаэль (с. 477). — Один из первых вариантов одноактной пьесы «Случай с метранпажем», задумывавшийся в качестве первой части будущих «Провинциальных анекдотов». На титульном листе рукописи значится: «...Анекдоты (анекдотическое представление в двух частях). Часть первая (доподлинная). Рафаэль. Часть вторая (фантастическая). Двадцать минут с ангелом. Публикуется впервые.

Кладбище слонов (с. 492). — Задумана Вампиловым как многоактная пьеса. Написано было только три картины первого действия. Стилистика пьесы, имена действующих лиц позволяют рассматривать «Кладбище слонов» как подготовку автора к будущей «Утиной охоте». Публикуется впервые.

Квартирант (с. 506). — Впервые начало первого действия этой неоконченной комедии опубликовано в кн.: А.Вампилов. Я с вами, люди. С.279. По свидетельству О.М.Вампиловой, работа над комедией была отложена из-за всецело захватившего Вампилова замысла «Несравненного Наконечникова».

Несравненный Наконечников (с. 514). — Вампилов успел

написать только две картины. Первая картина была опубликована в газете «Советская молодежь» (23 сентября 1972 г.) после гибели драматурга. Обе картины вошли во второй том двухтомника А.Вампилова, выпущенного Восточно-Сибирским книжным изд-вом (Иркутск, 1988).

О предполагавшемся развитии сюжета пьесы А.Вампилов рассказал своему первому московскому редактору И.Граковой:

«"Все, что я написал до сих пор, — это юность. Сейчас мне хочется писать по-другому и о другом. Я вот тут задумал комедию, почти водевиль, о парикмахере, который стал драматургом."

Он не слишком-то подробно рассказывал мне о пьесе "Несравненный Наконечников", помню только в его изложении задуманный им финал.

— Представляешь, герой после всех своих мытарств бежит из театра, он ничего этого уже не хочет, бежит через зрительный зал, а за ним бежит режиссер, который все же надумал ставить его пьесу...

— Хочешь поделиться своим богатым опытом общения с театрами? — спросила я.

— Да уж, есть о чем порассказать, — засмеялся Саня» (О Вампилове: Воспоминания и размышления // Вампилов А. Дом окнами в поле. С.608).

РАССКАЗЫ

Стечение обстоятельств (с. 537). — Первый рассказ Вампилова. Опубликован 4 апреля 1958 г. в газете «Иркутский университет» под псевд. А.Санин. Рассказ дал название первому сборнику писателя, вышедшему в 1961 г. в Иркутском книжном изд-ве.

Железнодорожная интермедия (с. 540). — Впервые опубликован 13 июня 1958 г. в газете «Советская молодежь» за подписью: «А.Санин, студент».

На скамейке (с. 543). — Впервые опубликован 15 и17 июня 1958 г. в иркутской газете «Ленинские заветы» под названием «Девушка на скамейке» под псевд. А.Санин.

Стоматологический роман (с. 548). — Впервые опубликован 27 июня 1958 г. в газете «Иркутский университет» под псевд. А.Санин.

Сумочка к ребру (с. 552). — Впервые опубликован 22 февра-

ля 1959 г. в газете «Советская молодежь» (в сокращении) под псевд. А.Санин. Полный текст был опубликован в сборнике «Стечение обстоятельств».

Финский нож и персидская сирень (с. 555). — Впервые опубликован 1 ноября 1958 г. в газете «Иркутский университет» под названием «Персидская сирень» под псевд. А.Санин.

Девичья память (с. 560). — Впервые опубликован 2 декабря 1958 г. в газете «Советская молодежь» под псевд. А.Санин.

Шорохи (с. 562). — Впервые опубликован 27 декабря 1958 г. в газете «Иркутский университет» под псевд. А.Санин.

На другой день (с. 563). — Вариант рассказа «Лужи в декабре», опубликованного 27 декабря 1958 г. в газете «Иркутский университет» под псевд. А.Санин. В этом варианте рассказ вошел в сборник «Стечение обстоятельств».

Коммунальная услуга (с. 564).— Впервые опубликован 28 декабря 1958 г. в газете «Советская молодежь» под псевд. А.Санин.

Настоящий студент (с. 566). — Впервые опубликован 12 апреля 1959 г. в иркутской газете «Ленинские заветы» под псевд. А.Санин.

Глупости (с. 569). — Впервые опубликован 30 августа 1959 г. в газете «Ленинские заветы» под псевд. А.Санин. Один из вариантов этого рассказа назывался «Однажды вечером».

Ревность (с. 574). — Впервые опубликован 12 марта 1960 г. в газете «Советская молодежь» под псевд. А.Санин.

Конец романа (с. 576). — Впервые опубликован 25 октября 1960 г. в газете «Советская молодежь». Полагают, что поводом к написанию послужила командировка Вампилова в новый город Железногорск.

Успех (с. 578). — Впервые опубликован 23 ноября 1960 г. в газете «Советская молодежь». Позднее Вампилов переработал рассказ в одноименную пьесу, которая впервые была опубликована 4 января 1986 г. в газете «Советская культура». В наст. изд. вошли оба варианта (см. раздел «Одноактные пьесы, сценки, монологи»).

На пьедестале (с. 582). — Впервые опубликован в сборнике «Стечение обстоятельств».

Сугробы (с. 585). — Впервые опубликован 1 января 1961 г. в газете «Советская молодежь» под названием «В сугробах» под псевд. А.Санин.

Эндшпиль (с. 589). — Впервые опубликован 13 мая 1961 г. в газете «Советская молодежь» под псевд. А.Санин.

Тополя (с. 592). — Впервые опубликован 11 июня 1961 г. в газете «Советская молодежь» под псевд. А.Санин.

Студент (с. 593). — Впервые опубликован 23 сентября 1961 г. в газете «Советская молодежь» под псевд. А.Санин.

Моя любовь (с. 597). — Написан в начале 1960-х г. Впервые опубликован в кн.: Вампилов А. Дом окнами в поле. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1981.

Листок из альбома (с. 601). — Написан в начале 1960-х г. Впервые опубликован 14 мая 1976 г. В еженедельнике «Литературная Россия».

Последняя просьба (с. 606). — Написан в начале 1960-х годов. Впервые опубликован 14 мая 1976 г. в еженедельнике «Литературная Россия».

Чужой мужчина (с. 610). — Написан в середине 1960-х г. Публикуется впервые.

В сугробах (с. 615). — Написан в середине 1960-х годов. Публикуется впервые.

Страсть (с. 621). — Написан в середине 1960-х г. Публикуется впервые.

Шепот, робкое дыханье... (с. 623). — Написан в середине 1960-х г. Публикуется впервые.

Станция Тайшет (с. 624). — Впервые опубликован 25 июля 1962 г. в газете «Советская молодежь» под псевд. А.Санин.

Солнце в аистовом гнезде (с. 628). — Впервые опубликован 8 сентября 1963 г. в газете «Советская молодежь» под псевд. А.Санин. По свидетельству матери писателя Анастасии Прокопьевны Копыловой-Вампиловой, этот рассказ — «Сашино воспоминание о детстве».

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Александр Вампилов вел записные книжки с 1955 г. до конца жизни. Но точно датировать ту или иную запись не представляется возможным, потому что автор, начиная очередную книжку (ими были разного формата блокнотики, а чаще маленькие тетрадки «для записи слов»), никогда недописывал ее до конца, прерывался, начинал новую, позже возвращался вновь к прежней. Записи могли начинаться с середины книжки, с конца. Записные книжки Вампилова — его творческая лаборатория. Здесь мы находим планы, сюжетные наброски будущих произведений, отдельные фразы и диалоги персонажей, их характеристики. Вампилов был замечательный рисовальщик: нередко наброски и планы будущих пьес сопровождаются в записных книжках изображениями отдельных героев и сцен. В одних книжках можно найти страницы, переложенные дубовыми листочками (значит, книжка побывала с драматургом в Ялте), счастливыми автобусными и трамвайными билетиками (они вложены между страницами большинства его книжек).

Выдержки из записных книжек Вампилова впервые были опубликованы в альманахе «Современная драматургия» (1986, №1), а затем в еженедельнике «Литературная Россия» (1986, июнь, №25). Более полно публиковались в книгах А.Вампилова «Стечение обстоятельств» и «Я с вами, люди». В наст. изд. печатается более полный вариант по рукописи, предоставленной О.М.Вампиловой.

Сосновые родники (с. 683). — Заявка на фильм. Д.М.Шварц вспоминает: «Во время одного из приездов в Ленинград, уже после премьеры "Анекдотов", Вампилов сказал, что ему предлагают написать сценарий для студии "Ленфильм" Я его поздравила и сказала, что это замечательно — означает признание, кроме того, интересно, ново. Вскоре позвонила редактор "Ленфильма" Светлана Пономаренко: "Вампилов не хочет подписывать договор. Это — скандал. Директор подписал, все ждут, а он заупрямился. Поговори с ним" Я услышала мрачный голос Вампилова: "Я не знаю, чего они хотят. Я это не умею — писать сценарии. Я драматург, пишу пьесы, это совсем другое..." Я стала его убеждать: "Вы подпишите договор, возьмите аванс, а потом, когда увидите, что вместо сценария у вас получается пьеса, так им и скажете. Пьеса пойдет, вернете аванс. А вдруг получится сценарий?" — "Ладно", — сказал Саша. При этом ему почему-то стало весело, он смеялся в трубку» (О Вампилове: Воспоминания и размышления // Вампилов А. Дом окнами в поле. С. 620).

А.Т.Твардовский (с. 685). — Заметки об А.Т Твардовском сделаны Вампиловым, очевидно, непосредственно после их встреч на даче писателя Бориса Костюковского в Красной Пахре зимой 1965 г. Вампилов приехал тогда вместе со своим другом В.Шугаевым «покорять» Москву по-настоящему. Жить было негде, и их земляк Борис Александрович Костюковский предложил своим молодым коллегам жить на его даче. Воспоминаниям об этом периоде жизни Вампилова было посвящено выступление Б.Костюковского на вечере памяти драматурга, который состоялся 27 марта 1978 г. в Центральном доме литераторов: «Он притягивал к себе людей воистину великих. Сто дней, целую зиму Саня прожил в Красной Пахре, в писательском поселке. И буквально с первых же дней он познакомился с А.Т.Твардовским. И Александр Трифонович стал приходить на дачу каждый день. Его очень занимал Саня Вампилов. Александр Трифонович называл его Саля Вампиров. "Ах, Вампиров, — говорил он, — до чего же хорош" Он настоял, чтобы Саня прочел ему сцену, а потом Александр Трифонович в разговоре со мной сказал: "А не могли бы Вы сделать так, чтобы я прочел эту пьесу целиком?" И я дал эту пьесу ему. Вот сейчас иногда говорят, что "Прощание в июне" — первая пьеса Вампилова — традиционна, а Твардовский просто поразился тогда. Он сказал: "Вот интересно, этого Золотуева он наблюдал в жизни или выдумал? Если наблюдал — прекрасно, если выдумал, еще более прекрасно. Что ж это за рыцарь наживы, что это за страсть! Это, видимо, человек талантливый, но только не туда направлен" Твардовский, прочитав пьесу, сказал: "Ох, Вампилов далеко пойдет... Очень далеко пойдет"» (Литературное обозрение. 1983. №9).

По словам вдовы писателя О.М.Вампиловой, вернувшись в Иркутск, Вампилов много рассказывал об этой поездке. Но только после его смерти она обнаружила «несколько страничек с воспоминаниями об А.Т.Твардовском, в которых разговоры и впечатления переданы очень живо и точно». Впервые записки опубликованы в журнале «Звезда» (1997, №8) и с некоторыми сокращениями в газете «Культура» (20 августа 1997 г).

ПИСЬМА

Впервые в издание произведений Александра Вампилова включены его письма. Они позволяют во многом полнее и глубже понять историю жизни драматурга и его произведений. Расположенные в хронологическом порядке письма создают атмосферу непрестанной борьбы, в которой появлялась на свет каждая пьеса Вампилова, и, кроме того, показывают в развитии взаимоотношения автора со своими адресатами. Письма

печатаются по оригиналам, предоставленным О.М.Вампиловой. Даты в письмах, адресованных Е.Л.Якушкиной, проставлены по публикации подборки в журнале «Новый мир» (1987, №9), письма к И.С.Граковой датированы адресатом, даты в письмах к О.М.Вампиловой установлены О.М.Вампиловой исходя из текстов писем. Все даты даются в начале писем в угловых скобках. В редких случаях, когда письма датированы самим Вампиловым, дата стоит и в конце письма.

1. Е.Л.Якушкиной.

Елена Леонидовна Якушкина — в то время, о котором идет речь в переписке — завлит московского Театра им.М.Н.Ермоловой. «Крестная мать» Вампилова-драматурга. Их знакомство состоялось в конце декабря 1964 г. в московском Театре на Малой Бронной. Вампилов принес в театр, где в то время работала Е.Л.Якушкина, один из вариантов «Прощания в июне». Вскоре знакомство переросло в дружбу, продолжавшуюся без малого восемь лет. Через много лет Е.Л.Якушкина вспоминала об их встречах:

« <...> Любопытно, что даже опубликованные свои пьесы он всегда тщательно правил перед тем, как подарить. Он садился к столу, чтобы надписать книжку или журнал (а надписи эти часто были прелестны своей шутливой вампиловской интонацией), и вдруг замолкал, листая страницы и что-то вписывая в текст.

<...> выслушав какое-либо замечание или мнение, он всегда задумывался, а потом говорил: "Надо подумать", но всегда через какое-то время возвращался к этому разговору, каким бы незначительным ни было это замечание. Для него в драматургии ничто не могло быть случайным или проходным. Каждое слово как бы имело свой вкус, вес и даже цвет, а главное — не могло быть заменено никаким другим» (О Вампилове: Воспоминания и размышления // Вампилов А. Дом окнами в поле. С. 602).

С. 697. *Черемховский подкидыш* — так в шутку называл себя Вампилов. Корни шутливого прозвища идут от популярной в те годы песни: «В Черемхове, на вокзале двух подкидышей нашли, Одному лет восемнадцать, а другому двадцать три». А.Вампилов родился в роддоме города Черемхово, что неподалеку от Кутулика.

Заканчиваю свой, надеюсь, последний вариант... — Речь идет о пьесе «Старший сын».

2. Е.Л.Якушкиной.

С. 697. *С первой пьесой в министерстве вроде бы все нормально...* — Речь о «Прощании в июне».

Закончил вторую... — «Старший сын».

С. 698. *...как в Вашем театре с моей пьесой?* — Имеется в виду «Прощание в июне». В письме от 2 февраля 1966 г. Е.Л.Якушкина написала Вампилову, что В.Г.Комиссаржевский, тогда главный режиссер Театра им.М.Н.Ермоловой, «прочитал "Прощание", но считает, что пьеса не для нашего театра».

Я начал третью трагикомедию... — «Утиная охота».

3. О.М.Вампиловой.

О.М.Вампилова любезно предоставила для настоящего издания свои воспоминания, написанные в разное время в качестве вступлений к публикациям произведений А.Вампилова в различных периодических изданиях. Печатаются по рукописи.

«...я вспоминаю лето 63 года. Я еду учиться в Иркутск, и впереди взрослая, такая моя самостоятельная жизнь.

С Сашей мы встретились и познакомились случайно у одного иркутского поэта, у которого моя подруга оставила свой чемодан. С этого-то все и началось, закрутилось, помчалось... как я сдавала экзамены, одному богу известно. Бесконечные свидания, хождения, гуляния... С того времени сохранилась короткая записка: "Оленька, меня срочно отправляют в командировку. Прошу прощения — иногда обстоятельства сильнее нежных чувств. Что делать. Попробуй не сердиться. Мой телефон 30-33. Саша"

Это телефон газеты "Советская молодежь", где Вампилов после окончания Высших журналистских курсов в Москве был ответственным секретарем.

Счастье как сказка быстро кончается. Не стало Сани, а осталось так много — в общечеловеческом понимании, в том, что он дал своим читателям, зрителям, и так мало — осязаемого, вещественного. Остался черный старый чемодан, с его записными книжками, вариантами пьес, письмами друзей, несколькими рисунками и небольшими рассказами, подписанными его студенческим псевдонимом — А.Санин.

Этот чемодан с двумя металлическими замками всегда при жизни Сани был для меня тайной. Знаю, что в середине пятидесятых он приехал с ним в Иркутск из Кутулика поступать в университет. Знаю, что позже, когда чемодан отслужил свой вояжный срок, в него складывались рукописи, но что там было еще, можно было только догадываться.

Из Кутулика же был привезен Санин письменный, сработанный поселковым умельцем стол, с выдвижным ящиком посередине, обтянутый сверху черным же кожемитом, весь в кляксах и потертый, ведь за ним занимались все четверо детей учительской семьи Вампиловых. В ящике была чистая бумага и новая рукопись писавшейся тогда первой

большой пьесы "Ярмарка" — "Прощание в июне"

Чемодан, стол, венский стул, гитара и много книг, сложенных прямо на пол за неимением книжных шкафов, — вот та обстановка, в которой жил Вампилов.

С годами мало что менялось, разве только стулья, которые были принесены в подарок его друзьями на новоселье. Стульев было много, они были списаны Союзом писателей, что оказалось весьма кстати. Шествие это от трамвайной остановки до нашего дома было впечатляющим. Жизнь была бедная, но счастливая. Все были молоды, талантливы, и бедность не была пороком. Большим событием стали стеллажи, сделанные для Сани столяром Иркутского драмтеатра. Наконец-то книги были расставлены по полкам и можно было быстро найти нужную.

По мере того, как ставились по провинциям две пьесы — "Прощание в июне" и "Старший сын", появились деньги, были розданы долги и в Санином кабинете установили новый стол, серьезный, с двумя тумбами, а старый был снесен им самим на улицу, разбит и сожжен без сожаления.

Потом случайно была разбита гитара, что было для него огорчительно и больно. А играл он на ней удивительно. Сколько вечеров было связано с ней, с исполнением романсов, песен, начиная с модного тогда Окуджавы и заканчивая любимой им "Элегией" Дельвига. Он любил гитару, любил глубоко и серьезно. Он все и всех любил... Не было человека более любящего и понимающего жизнь и людей. Думаю, что с этим согласятся его друзья, которым он был верен до конца — все, что касалось друзей, было для него свято. Осталось ощущение радости от того, что он стольких любил, стольким помогал, столько успел сделать добра, как все люди, которым суждено мало прожить. Я ни разу ни до, ни после его смерти, ни от кого, никогда не слышала фразу, над которой тогда не задумывалась: "одиноких мне всегда жалко" Жизни с ним мне было отпущено девять лет... Много было всего — и горького, и смешного, и удивительного...

Помню, когда Саня ушел из газеты на "вольные хлеба", мой отец, человек правильный и дотошный, никак не мог понять этого и предлагал устроить его на работу в свое сантехническое управление. А Саня... писал и верил, что преодолеет все: непонимание, неприятие... Время было его и не его. Из письма ко мне: "Настроение паршивое. Изо дня в день обивание порогов и телефонные переговоры — пропади все пропадом. Заканчивай университет, поедем с тобой на два года в деревню — отдохнуть и переждать эту гнусную ситуацию"

... Я стала старше его на много-много лет. В самую тяжелую минуту, я знаю, именно он поможет мне выйти из тупика. Среди его бумаг я нашла нарисованный кем-то на маленьком

клочке кальки тушью его портрет и надпись почему-то на английском: “Я всегда буду помнить ваши глаза” Что-то из студенческих времен. Он учил немецкий. Почему меня это так трогает? Наверное, потому что я помню его глаза, и они смотрят на меня сегодня глазами нашей дочери и внучки Маши».

С. 698. *...привет всем: Марии Алексеевне, Михаилу Борисовичу* — Здесь названы родители О.М.Вампиловой.

4. О.М.Вампиловой.

Телеграмма отправлена по случаю рождения дочери. Елена Вампилова родилась 28 мая 1966 г.

5. О.М.Вампиловой.

Письмо отпечатано на машинке.

С. 699. *Я побывал в Таганроге* — на спектакле «Прощание в июне» в местном драматическом театре им.А.П.Чехова.

6. О.М.Вампиловой.

С. 700. *Пьеса во многих местах уже прочитана...* — Речь идет об «Утиной охоте», которую Вампилов предлагал во все театры.

...надо туда ехать... и с этим делом. — О каком деле пишет Вампилов, установить не удалось.

...нужно письмо из театра... — Для получения авторского гонорара из ВУАП за постановки «Предместья» в театрах необходимо было подтверждение из театров о том, что пьеса включена в репертуар.

7. О.М.Вампиловой.

С. 701. *...в Ленинграде... начнут играть «Прощание в июне».* — Премьера «Прощания в июне» состоялась в Ленинградском театре драмы и комедии только в 1972 г.

С. 702. *...полечу... через Братск, заберу Ленку.* — В Братске жили родители О.М.Вампиловой.

...2-й номер альманаха с пьесой... — Во 2-м номере альманаха «Ангара» за 1968 г. печаталась пьеса «Предместье».

8. О.М.Вампиловой.

С. 702. *У станиславцев был худсовет....* — На худсовете в Театре им.К.С.Станиславского была принята к постановке пьеса «Прощание в июне». Премьера состоялась только в 1972 г., уже после смерти автора.

С. 703. *Буду ли я здесь дописывать пьесу...* — Речь идет о первом варианте пьесы «Прошлым летом в Чулимске».

9. Е.Л.Якушкиной.

Перерыв в переписке объясняется тем, что с 1965 по 1967 г. А.Вампилов учился на Высших литературных курсах в Москве.

3 ноября 1968 г. Е.Л.Якушкина написала Вампилову о состоянии дел в театральной жизни столицы:

«Дорогой Саша!

Ждем тебя все с нетерпением. Андрей Александрович Гончаров, когда я позвонила и сказала, что ты закончил 1 вариант, сказал: "Слава богу, мы его так ждем и послали телеграмму с вызовом" (?!).

Вчера звонил мне Анохин-Львов Б.А. (я болею уже 3 недели) и сказал, что ты прислал одноактную и она ему очень понравилась в этом варианте. Дай бог, чтобы ее разрешили. Вот такая наша жизнь. Главрежи поминают всуе имя божие. Я тебя очень жду, но живем трудно.

Пьес нет. Авторов (новых) нет. Театры буквально воюют, но министерства остаются непреклонными. <...>

Приезжай скорее. Всегда твой верный друг и "старшая сестра" Елена Якушкина.

PS. Белоозеров, а главное Комиссаржевский, все спрашивает о тебе: "Где Саша? Где ваш Саша?" и т.д...

PSS. Симуков совсем "испортился", боится даже говорить, а не то что разрешать.

PPS. Рощин до сих пор ждет Лита. (*Закончил I вариант* — «Прошлым летом в Чулимске», см. примеч. к С.317.; *Анохин-Львов Б.А.* — Львов-Анохин Борис Александрович, театральный режиссер; *ты прислал одноактную* — «История с метранпажем»; *Белоозеров* — Белоозеров Валентин Иванович, директор Театра им.М.Н.Ермоловой; *Рощин до сих пор ждет Лита* — речь идет о пьесе «Старый Новый год», которую «пробивал» в те годы О.Ефремов для МХАТа.)

С. 703. *Ко многому я привык, но такого оборота все-таки не ожидал...* — Это письмо является ответом на сообщение Е.Л.Якушкиной об обсуждении пьесы «Старший сын» в Управлении культуры. Приводим письмо Е.Л.Якушкиной целиком. Оно датировано 20 февраля 1969 г.:

«Дорогой Саша!

Наконец-то после окончания "первого этапа" могу написать тебе подробное письмо. Вчера, 19 февраля, состоялось обсуждение твоей пьесы в Управлении культуры. Этому предшествовали мои ежедневные хождения туда и разговоры, иначе они читали бы еще три месяца. Еще до обсуждения было ясно, что они (после "Провинциальных анекдотов") весьма критически настроены в твой адрес. "Вампилов, — сказал Сапетов, когда я сдавала пьесу, — значит, 3-й анекдот написал?" И это стало "крылатым" определением. Обсуждение было бурным. Тройка: Сапетов, Мирингоф... а главное... Закшевер просто

разъярились, как будто бы ты их всех лично когда-то оскорбил. Конечно, Закшевер и др. все повторяли, что "он талантливый, способный" и т.д., но... "семья Сарафановых неблагополучная, отец — слабый человек, углубить!", "Нина — грубая, не любит отца", "Дети покидают отца", "Взят человек, совершающий подлость, и из него делается положительный герой!" Закшевер о Бусыгине: "Аристотель сказал, что комедия может смешить, но должна высмеивать. Что высмеивает эта комедия?" Закшевер: "Наташа Макарская — весьма легких нравов" "Язык — это орудие драматурга — засорен блатными словечками" (Мирингоф); и т.д. и т.д. до бесконечности.

Главное — единодушное возмущение вызвал образ Михаила Кудимова. "Компрометируется самое святое — образ советского солдата. Он выписан дураком, бурбоном, дубом и т.д."

Мы (Белоозеров, Комиссаржевский, Косюков и я) стояли стеной. Был большой крик! Главное, довели даже Валентина Ивановича, который кричал: "Значит, театр приходит со своим мнением и решением, а должен уходить с вашим!" Сапетов орал: "Если так будешь руководить, то положишь на стол партийный билет!" Это при всех, потом, как рассказывал Валентин Иванович, он перед ним извинился. Но "Валюнька" очень разъярился и орал, что и у него билет с 1942 года и он знает лучше Сапетова, что можно ставить и что нельзя.

Резюме "обсуждения": "Доработать пьесу с автором, т.к. мы тоже хотим, чтобы его имя достойно появилось на московской афише!" Значит, мы не имеем права приступить сейчас к репетициям. Надо думать, как выходить из положения. Афанасьев — подвел. Потерял первый экземпляр, который ты давал: "Кто-то украл со стола" На коллегии не обсуждал... Уехал в Ленинград, а затем в Ялту руководить семинаром до 1 марта. Нина Ивановна Кропотова говорит, что она не читала. Обыскались второго экземпляра, тоже пока не нашли. Будем ждать — Афанасьева!

Симукову пьеса понравилась. Он "хочет" проводить ее через коллегию в Лит, но явно опасается входить в конфликт с Главным управлением театров Москвы (теперь оно — главное).

Мы решили (обсуждали два дня) пьесу ставить, но надо что-то придумать, чтобы сдать им "второй вариант с поправками" Я написала тебе официальное письмо, как полагается. Ты ясно понимаешь, что театр на этот раз стоит насмерть и будет стоять. Но Комиссаржевский говорит, что 1) надо пойти к Закшеверу и записать конкретные суммированные замечания (кстати, удачно сказал: "Узнайте, может ли Кудимов быть пожарником или тоже нет? Какой он должен быть профессии?"); 2) все это мы должны обдумать и послать тебе наши предложения, как спасти пьесу и дать им новый вариант.

Ты не волнуйся, хотя все это страшно утомительно. Но с Геной Машкиным еще хуже. Его пьеса активно не понравилась Родионову, а следовательно, им всем. Они отказались ее даже обсуждать (пока). Вот 5 марта Валентин Иванович вернется с гастролей из Архангельска, и мы с ним снова пойдем по второму кругу. Он это вчера мне подтвердил перед отъездом. Я же буквально "харкала кровью" весь этот месяц, "бегая по инстанциям", и еду в Рузу на 10 дней до 6 марта. Иначе у меня снова будет криз. Уже есть симптомы.

Очень прошу тебя сохранять хладнокровие!

Мы (это не только я говорю, но и Валентин Иванович и Комиссаржевский) пьесу пробьем, но надо дать им немножко отдохнуть перед "вторым вариантом" Поэтому же мы пока не настаиваем на немедленном обсуждении Машкина.

Вот пока и все. Гене пишу отдельно.

Не огорчайся, хотя я вся в валидоле, но верю в будущее (старая дура). <...> Целую тебя нежно, как люблю. Всегда твоя Елена Якушкина.

PS. Есть еще много возможностей, если сдрейфит и Симуков. Пойду к Анурову... Розову я уже все рассказала, но... его собственную пьесу до сих пор не разрешают... Комментарии излишни».

(*Сапетов, Мирингоф... а главное... Закшевер...* — Сапетов Н.К., Мирингоф М.М., Закшевер И.Б., работники Управления культуры при Мосгорисполкоме; *Косюков* — Косюков Геннадий, режиссер Театра им.М.Н.Ермоловой; *Афанасьев* — Афанасьев Ростислав Михайлович, главный редактор Репертуарной коллегии Министерства культуры РСФСР; *Нина Ивановна Кропотова* — Кропотова Н.И., работник Министерства культуры РСФСР; *...не понравилась Родионову* — Родионов Б.Е., начальник Управления культуры при Мосгорисполкоме; *Пойду к Анурову* — Ануров В.С., работник Управления культуры при Мосгорисполкоме).

С. 706. *Из ВУАП...* — Всесоюзное управление авторских прав.

Сдали Вы "цыганскую пьесу" — Е.Л.Якушкина перевела пьесу Ронкорони «Мужчины в воскресенье», которая в это время репетировалась в театре «Ромэн».

Валюнчик — Валентин Иванович Белоозеров.

С. 707. *Большой привет Вашим — Ирине Леонидовне и Лёне...* — А.Вампилов пишет о сестре и племяннике Е.Л.Якушкиной.

19 марта 1969 г. датирован ответ Е.Л.Якушкиной на это письмо А.Вампилова:

«Дорогой Саша!

Получила твое очаровательное и умное письмо, которое сохраню для потомства (без иронии). Читала выдержки Валентину и Комиссаржевскому. Андрею Александровичу по теле-

фону читала, что относится к нему. Он ждет пьесу. Очень волнуется, что так получилось с “Анекдотами” и “Сыном” Считает, что выходить надо с большой пьесой через паузу.

Мы с Валентином Ивановичем обдумываем сейчас план нового “захода” на Управление. Гена все тебе расскажет. Как будут новости, напишу сразу же. <... >»

10. И.С.Граковой.

Иллирия Сергеевна Гракова — редактор издательства «Искусство», инициатор издания пьес Вампилова в «Искусстве», редактор первого «Избранного» драматурга, вышедшего в этом издательстве уже после смерти автора. Переписка относится ко времени совместной с Вампиловым работы над отдельными изданиями его пьес. Издатели выражают благодарность И.Граковой за помощь в подготовке комментария к письмам в ее адрес.

«В конце 1970 года в московском издательстве “Искусство” вышла пьеса Александра Вампилова “Старший сын”

Так получилось, что эта книжечка в мягкой обложке шестидесяти с небольшим страниц оказалась не только первой, но, по сути дела, единственной вышедшей при жизни автора. (“Историю с метранпажем”, выпущенную позже тем же издательством, автор, надписывая мне, назвал “полпьесой” — исходя из того, что это часть “Провинциальных анекдотов”.) Конечно, журнальные публикации к тому времени уже существовали, но “Старший сын” — все же отдельное издание. Я была редактором этого издания, и публикуемые письма относятся к периоду нашей с автором работы над пьесой и отчасти над “Валентиной” (позднее названной “Прошлым летом в Чулимске”), то есть к последним годам жизни Вампилова.

Мы познакомились с Саней в конце 60-х гг., и я предложила ему издать какую-либо его пьесу (сам он инициативы не проявлял). Конечно, ему очень хотелось, чтобы это была “Утиная охота” Но знакомство именно с этой пьесой в значительной степени способствовало тому, что творчествоВампилова вызывало стойкое неприятие у ряда чиновников от театра, делая его пьесы в Москве “непроходными” Начинать в издательстве разговор об “Утиной охоте” в этой ситуации было более чем рискованно — автор мог стать “непроходным” и для издательства. И тут мне случайно попал в руки альманах “Ангара” (1968, №2) с пьесой “Предместье”. Я предложила Вампилову для начала издать ее.

“Нет, там многое надо менять, — ответил он. — Я сейчас переделываю пьесу, скоро пришлю тебе новый вариант...” И действительно, вскоре он прислал мне этот вариант, получивший название “Старший сын” Но, как видно из писем, он продолжал вносить изменения в пьесу, даже когда рукопись уже была сдана в набор.

Пьеса в издательстве понравилась, и мы хотели издать ее вместе с "Прощанием в июне", уже опубликованным в журнале "Театр" Но выяснилось, что автор и эту пьесу намерен переделать, правда, никак не мог за нее взяться. Обратился он к "Прощанию" уже значительно позже, когда пьесу начал репетировать Театр им.К.С.Станиславского. Мне же не хотелось терять время, да и автор считал, что лучше издавать одну пьесу, пока "погода благоприятная" И правда, мало ли что могло случиться. И чуть было не случилось. Когда пьеса находилась уже в производстве, меня вызвал главный редактор и сказал, что ему позвонили — Вампилов дал какое-то "не то" интервью "Московскому комсомольцу", причем назвали даже точный номер газеты. Возникла довольно опасная для издания ситуация. Я сразу поняла, что все это "утка" — Вампилов не принадлежал к числу любителей раздавать интервью, да и в Москве его в ту пору не было. Тем не менее пришлось идти в библиотеку, а потом убеждать главного редактора, что все это выдумки. Все обошлось благополучно. Но ведь звонивший рассчитывал помешать изданию пьесы. Кто это был — не знаю, но стоит вспомнить, что в те годы слова "мне тут позвонили..." означали большей частью, что звонили "из инстанций", "сверху" И не будь руководство издательства той поры достаточно либеральным, как писал Саня, все могло бы окончиться иначе.

"Старший сын" одновременно с нашей работой репетировался в Театре им.М.Н.Ермоловой. Похоже, там какие-то трудности возникали: завлит театра Елена Леонидовна Якушкина не раз звонила мне, интересуясь, когда выйдет пьеса — тогда, мол, и театру будет проще получить разрешение.

Вампилов был очень рад выходу пьесы, а вскоре альманах "Ангара" (1970, №6) опубликовал "Утиную охоту", издательство "Искусство" в серии "Репертуар художественной самодеятельности" напечатало "Историю с метранпажем", мы работали над "Валентиной" Шел конец 1971 г., и автор наконец-то разрешил мне третий вариант пьесы "показать начальству" Но был ли он полностью удовлетворен пьесой — не уверена. Да и у нас в издательстве возникли кое-какие замечания, о которых мы хотели поговорить с автором. "Вот приеду в сентябре — тогда... — сказал Саня где-то в мае, в свой последний приезд в Москву. — Что-то можно еще доделать. Но только немного", — добавил он полуутвердительно-полувопросительно.

В этот же последний приезд он заменил и название пьесы. Первоначальное — "Валентина" ему нравилось, и он был очень огорчен появлением пьесы Михаила Рощина "Валентин и Валентина". Дня два-три не мог найти подходящего названия. Потом забежал в редакцию: "Я, кажется, нашел..." Зачеркнул в рукописи "Валентина" и написал "Прошлым летом в Чулимске" Мне название не понравилось, казалось,

что-то подобное уже встречалось не раз, и я сказала об этом автору. “Давай оставим пока так, — ответил он. И оживился: – Ты только послушай — в Чулимске... У Салынского в “Марии” — Излучинск, а у меня Чулимск. Откуда в Сибири Излучинск? Чулимск, Потеряиха, Табарсук — вот это наши сибирские названия”

Но, видимо, и сам он не вполне был удовлетворен, потому что в конце разговора сказал: “Оставим пока как рабочее название. Может, что-то еще придет... Вот приеду в сентябре — тогда решим окончательно. И вообще, пора думать о сборнике”, — пошутил он.

Мы и правда тогда уже думали о сборнике, оговаривали, какие варианты пьес возьмем. Как мне это пригодилось в работе над сборником, когда автора уже не стало!

А московские театры все еще продолжали репетировать, Вампилов так и не увидел свои пьесы на московской сцене. Лишь после его гибели одна за другой, с разрывом менее недели последовали премьеры “Прощания в июне” и “Старшего сына” Затем премьеры проходили и в других театрах и других городах. Вслед за однотомником “Избранное”, вышедшим в издательстве “Искусство” (1975), были изданы однотомники и двухтомники в других издательствах и других городах... Но это уже другая история. Точнее, часть истории — Истории Русского Театра. *Ил.Гракова*».

С. 708. *Эдик* — Борисов Эдуард Валентинович, журналист.

...Валя и Славка шлют тебе большой привет. — Названы писатели: Распутин Валентин Григорьевич и Шугаев Вячеслав Михайлович.

...Машкин опять в Москве, повесть из второго номера у него вынули... — Машкин Геннадий Николаевич, писатель. Упоминаемая повесть, видимо, «Синее море, белый пароход».

...Дима едет на Черное море... — Сергеев Дмитрий Гаврилович, писатель.

11. Е.Л.Якушкиной.

28 мая 1969 г. Е.Л.Якушкина ответила Вампилову:

«Дорогой Саша!

Сегодня получила твое письмо. Очень, очень огорчилась. Да, ты прав. Я не писала тебе (после своей болезни), т.е. после 10 мая, когда я вышла на работу, потому что не могу тебя порадовать хорошими новостями. Ну давай последовательно.

Я не понимаю, о каком худсовете тебе говорил Афанасьев. У нас в театре такого худсовета не было. Может быть, он был в министерстве, когда я болела? Во всяком случае, почему ты должен доверять словам Афанасьева, который пальцем не двинул, чтобы как-то улучшить твою драматургическую судьбу? Легче всего валить на театр, а он, главный редактор Министерства куль-

туры РСФСР, не может дать пьесе жизнь, хотя над ним нет пяти инстанций, как над каждым московским театром.

Я свой Ермоловский театр... отнюдь не защищаю, но мы действительно связаны по рукам и ногам тем, что Закшевер произвел такой шум вокруг "Сына" Я не теряю надежду, но ведь это дело далекого будущего, т.к. не забывай о 100-летии со всей тематикой и направлением репертуарной политики 1970 года. Я лично считаю, что "Старший сын" мог бы быть поставлен в 1970 году как пьеса добрая и человечная. Но я ведь только завлит, а не главный редактор Министерства культуры, и мое мнение остается моим личным мнением.

Я говорила сегодня с Дубровским и Гончаровым о тебе. Они оба ждут твою пьесу, и ...все. Что они еще могут сделать? Хотя Андрей и меня предал. Говорила с Александром Петровичем Левинским, директором Сатиры, об "Анекдотах", договорились, что он прочтет. Но я думаю, что даже если им понравится, то они не поставят их скоро. Дай бог, чтобы я ошиблась, но боюсь, что время для всех одно. Тем более, что у них было столько неприятностей с "Банкетом", кажется, его окончательно сняли.

Как известно, я болела целый месяц, остальное время работала, как негритянка на плантациях, чтобы хотя бы пробить то, что репетируется. Сегодня и завтра уезжает мой театр на гастроли в Киев. Значит, я освобождаюсь и от Джанни Родари, и от Валентина Ивановича (абсолютно невозможного!), и от многой суеты. Тогда я схожу к Анурову с твоей пьесой ("Старший сын") и вообще с ним посоветуюсь о тебе. Только что вернулся из Парижа Розов, я хочу с ним тоже поговорить о тебе. Но пока нет реальных результатов — я лично не люблю говорить о вещах "абстрактных", когда дело идет о драматурге. Я же не Джанни Родари, чтобы говорить в "воздух"

Как только что-то просветлеет в твоих делах, я тебе напишу. Напишу после разговора с Ануровым и Розовым.

Теперь о главном. Я понимаю твое состояние, Саша! Я знаю, что легко давать советы и "чужую беду" и т.д., но я думаю, вернее — верю, что надо сцепить зубы и еще потерпеть, обождать... Иначе просто невозможно жить. Ты очень талантливый драматург, родился драматургом и должен быть реализован и будешь, конечно, реализован. Весь вопрос — когда?

Я сама очень много терплю и говорю об этом не с позиций благополучного человека в "белых перчатках", а с позиций старой рабочей клячи, которая тянет воз, зная, что если она упадет — воз так и останется лежать.

Может быть, без "станции Ук" ты можешь взять работу в журнале или даже газете, чтобы переждать это тяжелое время. Сейчас лето — "мертвый сезон" в театрах. Все на гастролях.

Я надеюсь, что следующее мое письмо будет более веселым. А пока — вот все.

Да, с Афанасьевым я тоже на днях побеседую и прочищу ему мозги. <...>

PS. Сейчас встретила Валентина Николаевича Плучека. Условилась, что отдам ему твою пьесу в пятницу или субботу. Но "Банкет" у них сняли !!!

Не забывай о 100-летии — речь идет о столетии со дня рождения В.И.Ленина; *с Дубровским* – Дубровский Виктор Яковлевич, заведующий литературной частью Театра им. Вл. Маяковского; *с «Банкетом»* — пьеса А.Арканова и Г.Горина; *без «станции Ук»* — Вампилов не раз говорил, что, если ничего не выйдет с драматургией, он поедет учительствовать на станцию Ук; *встретила Валентина Николаевича Плучека* — В.Н.Плучек, главный режиссер Московского театра Сатиры.

12. И.С.Граковой.

С. 710. *Глебка Пакулов* — Пакулов Глеб Иосифович.

Что ...думает Маликов... — Маликов Валентин Иванович, зав. редакцией драматургии изд-ва «Искусство».

С. 711. *...были у владыки...* — У архиепископа Иркутского и Читинского.

13. И.С.Граковой.

С. 711. *...за пределами Московского управления.* — Управление культуры при Мосгорисполкоме возражало против постановки пьес Вампилова.

14. Е.Л.Якушкиной.

С. 713. *...Ваш Калягин его знает...* — Александр Калягин был актером Театра им.М.Н.Ермоловой.

27 ноября 1969 г. Е.Л.Якушкина ответила Вампилову:

«Дорогой мой Саша!

Я была просто счастлива, получив от тебя сегодня такое подробное письмо, а главное — программку нашего "Старшего брата [сына]"

В конце концов оптимизм — самое лучшее помещение капитала! Все мучения, усилия, трепка нервов забываются, когда реализуется твоя вера. Поздравляю! Ты — молодец!

Прости, Сашуля, за столь эмоциональное начало, но я просто ног под собой не чувствую от радости, что мы "утерли нос" Валентину, Сапетову и компании. Кстати, я тебе уже сообщала, что Закшевер "почил в бозе" и на его месте появился новый дурак с поэтической фамилией Вирен. Дурак круглый. Есть люди, которые даже сожалеют о Закшевере! Вот куда идем! Я, конечно, позвоню завтра Афанасьеву, но думаю, что меня не пошлют в Иркутск, т.к. я лицо тебе родственное и слишком заинтересованное! Если бы это случилось, то ехать могу только

после 14-го, т.к. с 7 по 14 декабря фестиваль польских спектаклей. <...>

Вообще я ужасно по тебе соскучилась и так хочу поговорить с тобой по душам, сидя у нас на кухне (сделали недавно ремонт). Вот, сейчас три часа ночи, сижу на этой самой кухне (на твоем месте) и пишу тебе это письмо. Я твердо пробиваю "Старшего сына"

12-го последний раз общалась с Голдобиным, который еще якобы не прочел пьесу. А.Симуков (с ним я говорила прошлую субботу) сделал "большие глаза" на вопрос, когда он пошлет тебе вызов. Якобы он хотел это сделать в декабре, а не в ноябре. Все врет! Разговор шел об октябре или ноябре. Напиши, когда тебя надо вызывать. Кстати, в репертуарных планах московских театров на 1970 год, разосланных по всем театрам, стоит твоя пьеса "Лето красное", в Театре Маяковского. Андрэ вижу редко, ибо я не могу ему простить, что из-за него сижу в ермоловском саркофаге. Он в такой славе и успехе, что подобно этому греку Онассису почти недосягаем для простых смертных. (Вместо острова получил новую квартиру в 60 кв.м только жилой площади.) Но при этом он работает как вол. Ставит сразу четыре спектакля. Трезво говоря, — он лучший режиссер Москвы, и с этим мы должны считаться.

Теперь, когда ты сам "прожил" весь процесс рождения спектакля (иначе это нельзя назвать), ты понял, почему я торчу столько лет в театре (здесь я мстительно улыбнулась).

А может быть, это единственный или почти вид "братства" творческого, когда все по-настоящему любят друг друга и делают одно общее дело. К сожалению, сейчас я в этой области имею мало радостей.

В Ермоловском сижу у Косюкова, он вышел на сцену, а у "цыган" бываю редко, ибо смотреть на то, как они калечат мою пьесу (от Ронкорони мало осталось), довольно противно.

Когда я тебя увижу? Я верю, что "Валентина" (название не очень удачное) будет лучше охоты, а почему я это знаю — догадайся сам. Но мне бы уже хотелось прочитать это произведение моего любимого советского драматурга! Когда?! Не задерживай это дело.

Правда, в Москве сейчас довольно сложно (имею в виду театральную жизнь). Наши начальники лишились последних признаков ума и кучно шарахаются от собственной тени. Валентин Иванович вдруг развил бурную деятельность. Комиссаржевский болен уже второй месяц. Вся остальная хунта в своем репертуаре. Во всех театрах главные режиссеры — серые, как солдатские штаны. А Гончаров...

Но вернемся к делам.

Конечно, в Москве пробить "Сына" можно будет только после весны 1970 года. Так что пока не до комедий.

Интересно, дадут ли они раньше твою пьесу в распространение. Напишу тебе сразу, как только Голдобин прочтет пьесу. <...>» (*Вирен* — Вирен В.Н., работник Управления культуры при Мосгорисполкоме; *с Голдобиным* — Голдобин В.Я., начальник Управления театров Министерства культуры.)

15. И.С.Граковой.

С. 714. *...в Иркутске пьесу поставили...* — Пьесу «Старший сын» в Драматическом театре им.Н.П.Охлопкова.

16. И.С.Граковой.

Письмо датировано ориентировочно декабрем 1969 г.

С. 715. *Посылаю тебе исправления.* — В изд-ве «Искусство» готовилось отдельное издание пьесы «Старший сын» (вышло в 1970 г.).

17. И.С.Граковой.

С. 716. *Жаль, что фотографии не нужны...* — Серия «Сегодня на сцене», в которой выходил «Старший сын», поначалу издавалась с фотографиями из спектаклей, позже это было отменено.

18. О.М.Вампиловой.

С. 716. *Я в Ялте уже третий день...* — Вампилов принимал участие в семинаре молодых писателей.

...вычитал верстку книжечки. — «Старший сын».

19. О.М.Вампиловой.

С. 717. *В театре с «Анекдотами» все нормально...*— «Провинциальные анекдоты» были приняты к постановке в Московском театре им. К.С.Станиславского. Но постановка не состоялась.

...Элька или Жаркой... — Эльвина Анатольевна Шугаева, ответственный секретарь «Сибирской правды», и Жаркой, главный редактор «Советской молодежи».

20. И.С.Граковой.

Телеграммой Вампилов сообщает из Иркутска об изменении своих планов: не поехал на премьеру «Старшего сына» в Ленинград и потому не заехал в Москву за книжками этой пьесы, только что вышедшей в изд-ве «Искусство».

21. И.С.Граковой.

С. 718. *...в Ленинграде (премьера там была в июне...)* — Пре-

мьера «Старшего сына» под названием «Свиданис в предместье» состоялась в Областном театре драмы и комедии в августе.

...Якушкина... мои пьесы со стола переложила на окно... — На окне кабинета завлита Театра им.М.Н.Ермоловой Елены Леонидовны Якушкиной всегда громоздился многолетний архив.

22. Е.Л.Якушкиной.

С. 719. *Посылаю Вам книжку...* — С пьесой «Старший сын».

23. Е.Л.Якушкиной.

С. 719. *...получил через Степанову ангажемент от Лаврентьева...* — Степанова О.И., заведующая отделом драматургии журнала «Театр», Лаврентьев В.В., главный редактор журнала «Театр».

С. 720. *Если... Котова попросит у вас вариант второй картины...* — Котова Елизавета Исааковна, заведующая литературной частью театра «Современник».

24. И.С.Граковой.

С. 720. *С «Тринадцатой»...* — Пьеса латышского драматурга Гунара Приеде, которую переводила И.С.Гракова.

...поставил Чертков — Владимир Чертков, режиссер.

С. 721. *Привет Денисову, пусть он меня не просмеивает* — Евгений Федорович Денисов, редактор изд-ва «Искусство», издававший «Историю с метранпажем». И.С.Гракова писала Вампилову о том, как выглядела со стороны их работа над пьесой. Редактор горячо доказывал свою точку зрения, автор слушал, помалкивал. И когда редактору казалось, что он убедил автора, тот негромко говорил: — Хорошо. Но знаешь... давай оставим как было.

25. Е.Л.Якушкиной.

Вампилов этим письмом ответил на письмо Е.Л.Якушкиной от 16 февраля 1971 г.:

«Дорогой Саша!

<...>Я звонила много-много раз и Табакову и Любимову, но, по-видимому, Табаков неуловим, а Любимов не может снизойти до личного разговора с “завлитом” одного из московских театров. Целую неделю (?!!) ежедневно днем и вечером мне отвечали, что он занят, вышел и т.д. Моя энергия тебе известна, но его недоступность даже я не могла сломить. Тогда мне пришлось спуститься на ступеньку ниже и беседовать с завлитами: 1) Котова сказала, что пьесу она получила и тебе ответила. Табаков репетирует “Старшего сына” вне плана ежедневно (?!!), даже когда у них был отпуск, он уехал в Рузу со

всей командой и там ежедневно (?) репетировал... Когда выпуск — она не знает... Очень раздражается на "Лелика" и говорит, что работать очень трудно и т.д.

По-моему, она больше занята делами Ефремова, которому часто звонит, и говорит, что он будет ставить тебя в этом году обязательно, что именно — я не могу понять.

2) Элла Левина чрезвычайно смущена недоступностью своего главного режиссера, т.к. я и к ней обращалась с просьбой соединить меня с ним. Один раз она уже собиралась это сделать, но потом начала шептать в трубку, что он очень сердитый и в данный момент соединить меня с ним она не может... Так вот Элла уверяет (в личной беседе в прошлую среду), что он хочет, хочет, хочет ставить "Утиную охоту" и будет ее ставить обязательно в этом году. Да, он до сих пор не получил "Ангары" Ты ведь ему тоже послал, в чем я ее заверяла. Позавчера мне звонила завлитша из Ленинграда. Кажется, из Ленкома, просила выслать им "Валентину" Я сказала, что у меня нет. Дала ей твой иркутский адрес и т.д. Как будто ты стал самым модным драматургом Москвы, хотя еще непоставленным. Изза тебя, как некогда из-за прекрасной Елены, спорят все театры Москвы, но, кажется, Парисом будет Искремас, т.е. Лелик Табаков. Мой шустрый молодчик тоже делает различные телодвижения в твой адрес. И все в нервах. То требует "Прощание в июне", то хочет получить "Валентину". Я объяснила ему, что "Прощание" ты в Москву не дашь, а "Валентину" еще не кончил. Кстати, я думаю, что "Валентину" надо ему показать.

У нас каждый день бывают министры и зам. министры и прочие секретари ССП. Ему могут позволить после всех "Снегов" поставить что-то настоящее. <...>»

Мой шустрый молодчик — главный режиссер Театра им. М.Н.Ермоловой Владимир Андреев;

... после всех "Снегов" — имеется в виду спектакль театра по драматической поэме Ю.П.Чепурина «Снега».

Элла Левина — Левина Элла Петровна, заведующая литературной частью Театра драмы и комедии на Таганке.

С. 722. *Он видел «Трамвай желаний» у Вашего папа...* — Имеется в виду А.А.Гончаров, поставивший в Театре им. Вл.Маяковского «Трамвай "Желание"» Тенесси Уильямса.

Е.Л.Якушкина ответила Вампилову 6 марта 1971 г.:

«Мой дорогой Александр!

Вчера получила твое очаровательное письмо (сохраню для потомства), а сегодня утром пришла телеграмма. Тронута, тронута, тронута... Поздравляю всех твоих женщин с женским праздником и тебя, милый, тоже — ибо ты всегда готов нести женщинам радость (в самых разнообразных формах), что они и ценят в тебе. Вчера звонила Котова, просит дать Лёлику наш вариант 1 акта. Несколько дней назад Элла Левина сообщила,

что Любимов записан на прием к Шауре (ЦК партии), чтобы продвинуть твой вопрос.

“Мой” же Вова ежедневно интересуется “Валентиной” Я жду тебя с нетерпением, ибо соскучилась.

Целую.

Ел.Якушкина.»

Лёлик — О.П.Табаков; *Вова* — В.А.Андреев.

26. О.М.Вампиловой.

С. 723. *В Дубултах красиво...* — Вампилов принимал участие в работе семинара молодых драматургов.

27. О.М.Вампиловой.

С. 723. *...поздравлял с премьерой...* — В Мурманском областном драматическом театре была поставлена пьеса «Старший сын».

Договор с Опорковым... — на постановку «Утиной охоты» в Ленинградском театре им.Ленинского комсомола. Премьера состоялась в 1977 г.

28. Д.М.Шварц.

Дина Морисовна Шварц — завлит ленинградского Большого драматического театра им.М.Горького (ныне имени Г.А.Товстоногова). Письма относятся ко времени постановки «Провинциальных анекдотов» и репетиций «Прошлым летом в Чулимске». Некоторые эпизоды из истории этих постановок, касающиеся непосредственно личности драматурга, легли в основу воспоминаний Д.М.Шварц:

«Если бы знать, что ему доведется прожить так мало, наверное, каждый из нас вел бы счет встречам с ним — с Александром Вампиловым, с Сашей, с Саней... Встреч было, увы, не так уж много. Он жил в Иркутске, мы — в Ленинграде. <...> Москва узнала его раньше, но поставил раньше все-таки Ленинград...

Помню первую встречу — Саша пришел в театр на Фонтанке, пришел просто так, на огонек, без звонка. Пьесы у него не было. Первая многоактная пьеса — “Прощание в июне” — была напечатана в журнале “Театр” в 1966 году. Мы говорили о том, что эта пьеса не подходит Большому драматическому театру. <... > сам автор приводил наиболее убедительные аргументы против постановки этой пьесы в БДТ. Должна признаться, что в то время я не понимала всей масштабности личности Александра Вампилова. Однако при всем моем прохладном отношении к “Прощанию в июне” я все-таки понимала, что ко мне пришел драматург, человек, понимающий, что такое театр, умеющий писать диалоги и не боящийся остроты

жизни. Он обещал прислать в театр свою следующую пьесу, если найдет ее подходящей для БДТ <...> Вскоре после премьеры "Старшего сына" (имеется в виду спектакль в ленинградском театре драмы и комедии на Литейном. — *Т.Г.*) Вампилов привез в БДТ<...> "Провинциальные анекдоты", два маленьких шедевра. <...> В 1970 году при нашем театре была открыта Малая сцена и "Анекдоты" были единодушно приняты к постановке. С автором был заключен договор. С этого момента началось наше содружество. <...> Однажды он привез альманах "Ангара", где была напечатана его уникальная "Утиная охота", при этом он стал говорить не об этой пьесе, на которую потратил много сил и времени, а о том, что в Иркутске он не одинок, что там много ребят, которые его понимают и к тому же хорошо пишут. "Запомните, — говорил он мне, — запомните это имя: Валентин Распутин. Хорошенько запомните..."

<...> В этот период, зимой 1971—1972 годов, Саша особенно часто наведывался в театр, бывал на репетициях. В пьесе были заняты в основном молодые актеры. Очень скоро артисты перешли с Сашей на "ты", он стал для них своим парнем, споры и разговоры о жизни продолжались и после репетиций.<...> никаких недоумений или вопросов по содержанию пьеса не вызвала. Напротив, актеры как-то сразу поняли и приняли замысел автора, хотя он был не таким и простым, как могло показаться с первого взгляда. <...> участие автора в репетициях, где были заняты артисты скромные, без званий, определило серьезный и непредвзятый подход к произведению. В те редкие моменты, когда эта серьезность нарушалась, Вампилов показывал свой характер.

Помню на одной из репетиций актер, игравший Камаева в "Случае с метранпажем", к своей реплике "Камаев" (так он представляется незнакомым людям) добавил слово "преподаватель" Это было уместно и очень смешно, внесло новую краску в характеристику этого бездельника и альфонса. Смеялись исполнители, смеялся Вампилов. Чуть позднее с присущей ему деликатной щепетильностью Саша попросил разрешения у артиста внести удачное слово в пьесу. Другие артисты... стали выкрикивать свои реплики-предложения. Саша тщательно, по порядку записал все предложения, раскрыл пьесу, углубился в текст, проверяя, подходят ли предложенные реплики его замыслу, потом поднял голову и сказал как-то очень спокойно, веско, с достоинством: "Реплик не будет"

<...> Вампилов знал себе цену как писателю-драматургу, но никогда не важничал, избегал разговоров о собственной персоне. Я помню лишь один случай, когда мы заговорили на эту щепетильную для него тему. "Да, меня не ставят, но это пока, — сказал он и, помолчав, добавил, иронично улыбаясь: — Будут ставить, куда они денутся. Замыслов у меня много, я дол-

жен жить долго-долго...” В одном из писем Саша благодарил Г.А.Товстоногова за то, что Георгий Александрович написал о нем в “Литературной газете” (Г.А.Товстоногов писал о том, как редко среди людей, пишущих пьесы, встречаются подлинные драматурги, что это особый дар — писать действие, создавать мир в конфликтах видимых и невидимых, и назвал два имени — Володина и Вампилова). Благодарил в своей манере, облекая растроганность в шутливую форму: “Пусть теперь некоторые попробуют сказать, что нет такого сочинителя пьес. Им никто не поверит...”

<...> на премьере “Анекдотов” 30 марта 1972 года Вампилов был рядом. Он присутствовал и на обсуждении спектакля, когда художественный совет театра собрался в полном составе “защищать” спектакль. Лавров, Лебедев, Стржельчик, Юрский и другие ведущие артисты нашего театра взволнованно говорили о пьесе, о спектакле, о работе своих молодых товарищей. Саша был счастлив.

<...> Уже много позднее, после трагической гибели Вампилова, начиная репетиции “Чулимска”, Г.А.Товстоногов обратился к артистам со словами: “Ему было всего тридцать пять лет, но он знал и понимал жизнь, как мудрец. И если мы хотим, чтобы наш “Чулимск” был достоин памяти Александра Вампилова, мы должны проделать огромную работу, погрузившись в жизнь далекого от нас таежного поселка. И прежде, чем искать общечеловеческое в характерах и столкновениях людей, необходимо ощутить их реальность, их плоть и кровь, их непохожесть на всех остальных людей в мире, их точную социальную и нравственную природу. Отнесемся к этой современной пьесе, как к классике, она достойна этого”».

С. 724. *Большой привет... Фиме Падве и Галине Михайловне Иолиш...* — Падве Ефим Михайлович, режиссер, постановщик спектакля «Старший сын»; Иолиш Галина Михайловна, сотрудник ленинградского Дома актера.

29. И.С.Граковой.

С. 724. *Спасибо тебе за «Метранпажа»...* — «История с метранпажем» вышла в 1971 г. в изд-ве «Искусство» отдельным изданием.

С. 725. *Начал новую пьесу.* — «Несравненный Наконечников».

...на Красноармейской — т.е. в доме И.С.Граковой.

30. Е.Л.Якушкиной.

Неотправленное письмо из архива А.Вампилова.

31. О.М.Вампиловой.

С. 726. *«Сына» репетируют ермоловцы и «Современник».* — Премьера «Старшего сына» в Театре им.М.Н.Ермоловой состоялась в 1972 г. после смерти Вампилова, в театре «Современник» постановка осталась неосуществленной.

...иду в Малый театр говорить с главным. — О постановке «Провинциальных анекдотов».

...очень рад за Мишу... — У старшего брата Вампилова, Михаила, родился сын.

32. Д.М.Шварц.

С. 727. *ЛИТ — дело большое...* — Д.М.Шварц сообщала Вампилову о получении разрешения на постановку «Провинциальных анекдотов».

...спасибо за добрые слова обо мне в «Литгазете». — В «Литературной газете» был опубликован диалог Г.А.Товстоногова и В.С.Розова о современной драматургии.

С. 728. *Пришлю Вам новую последнюю страницу «Чулимска».* — Речь идет о варианте финала, который публикуется в наст. изд. (см. примеч. к пьесе «Прошлым летом в Чулимске». С. 317).

33. Е.Л.Якушкиной.

С. 728. *...спросите Ашкенази...* — Ашкенази В.А., переводчик, сотрудник журнала «Иностранная литература».

Е.Л.Якушкина ответила Вампилову 19 июня 1972 г.:

«Дорогой Саша!

Получила твое письмо. А.Покидова знает (но плохо) Ашкенази. Говорит, что надо узнать подробности в отделе поэзии их журнала. Его печатали в “Иностранной литературе” Была какая-то история, кажется, он “шумел”, что его переводов напечатали меньше, чем другого переводчика. Везде говорит, что с младенчества переводит Китса и т.д. Как-то даже в историю эту был замешан Союз писателей. Но что там было точно, Ашкенази не знает. Могу узнать, когда буду в редакции (на днях), и напишу тебе подробно.

В.А.Андреев звонил дважды из Куйбышева по поводу твоей пьесы (“Чулимск”). Хочет очень узнать, что ты решил. Ставит ли ее Вахтанговский? Если да, то когда? Он очень хотел бы ее поставить. Дело в том, что Камаз — Валеева с треском и грохотом провалился на худ.совете и труппе пять дней тому назад в Куйбышеве. В.А.Андреев, по своему характеру, находится в полной растерянности, т.к. если начальство “за”, а театр — против, то он тоже не рискует начинать. А начинать что-то в гастролях он должен. Просит тебя написать, что ты решил. К сожалению, я не знаю, где достать экземпляр “Чулимска”. Я ведь сама не знаю самого последнего варианта. (Это не упрек, а

только констатация.) Что касается “Сына” и Косюкова, то Андреев сказал: “Репетиции идут полным ходом” <...>

Е.Якушкина».

34. Е.Л.Якушкиной.

С. 729. *На сдачу приезжал Шкодин...* — Шкодин М.С., работник Главного управления культуры при Мосгорисполкоме.

Сандро — Товстоногов А.Г., режиссер спектакля «Прощание в июне» в Театре им.К.С.Станиславского.

Новый главный — Кузенков В.Н., главный режиссер Театра им.К.С.Станиславского.

Ответ Е.Л.Якушкиной, приводимый ниже, датирован 20 июля 1972 г.;

«Дорогой Саша!

Вчера получила твое письмо. Я лежу в больнице (родимой Боткинской) с 29 июня. Был очень тяжелый криз (220/150). Такого еще никогда не было, и боялись инфаркта. Его не обнаружили. Сердце в порядке, но решили меня первый раз в жизни подлечить. Вот я и оказалась в больнице. Чувствую себя хорошо, могла бы уже давно вернуться домой, но обстановка там такая, что могу снова “кикнуть” Вот, буду до 1 августа здесь заканчивать курс лечения.

Теперь по порядку о твоих вопросах. Очень огорчилась, что так получилось у Сандрика со спектаклем. Конечно, он не виноват (молодой, без опыта, без папы, в чужом театре и т.д.). Работал много, но как ты написал, не с тем героем. Позиция директора — ясна. Вспомни Валентина Ивановича. “Сдал, приняли, и все, значит, в порядке” С Кузенковым тоже все ясно. Чем больше неудачных спектаклей других режиссеров, тем больше “заблестит” его мастерство. Говорят, он способный человек, но редкостный гад. Правда, это мне сказал человек, женатый на его жене, а он не может быть объективным. Но думаю, что, вернувшись в Москву, осенью они все исправят как смогут, ибо если этот спектакль так не готов, то придется им доделывать.

Я рада, что ты склоняешься с чулимской пьесой в нашу сторону, ибо недостатки Андреева при нем остались, но появились некоторые просветы (опыт и поездка в Америку многое ему дали). Он приезжал два раза. Первый раз он со мной лично общался, второй раз (я была уже в больнице) по телефону.

В первый раз он вместе со мной составлял план и был у Покаржевского, который очень одобрительно воспринял слова “новая пьеса Вампилова”, которые мы написали на всякий случай, если ты нам ее дашь...

Сезон у нас начинается 8 сентября (открытие). <...> Андреев говорит, что Косюков работает отлично и даже В.И. к нему изменился к лучшему. 27 июля они кончают гастроли, выезжают в Москву и все идут сразу в отпуск. Почему он не пишет те-

бе, не знаю. Он клялся, что мне тоже будет писать, и даже не бросил открытки, "каким он был, таким остался". Поживем — узнаем, что он за режиссер ("Старший сын"?).

Думаю, что в октябре это будет ясно, а м.б., "Старшего сына" будут выпускать в сентябре? Узнаю после 28 июля, напишу еще.

Я поздравляю тебя с оценкой, которую тебе дал Товстоногов в "Знаменитом диалоге с Розовым" ("Лит. газета"). Думаю, что сезон 72–73 г. будет у тебя лучше. <...>Жду твоего ответа. Пьесу твою новую надеюсь прочитать в сентябре в Москве. Будь здоров, м.б., это самое главное. *Е.Я.*

PS. Прости за почерк. Пишу в саду, сидя на скамейке».

Покаржевский Б.В. – начальник Главного управления культуры приМосгорисполкоме.

Т.Глазкова

СОДЕРЖАНИЕ

Вампилов А.В.
В 16 Избранное. — М.: Согласие, 1999. — 778 с., ил.
ISBN 5-86884-020-8

Творческое наследие замечательного русского драматурга Александра Вампилова, жизнь которого трагически оборвалась четверть века назад, впервые представлено так полно. Наряду с общеизвестными текстами пьес в книгу вошли одноактные пьесы, рассказы, материалы из записных книжек из архива драматурга, предоставленные его вдовой О.М.Вампиловой. Впервые в издание произведений Вампилова включены его письма, непосредственно связанные с историей создания и постановки его пьес. Книга иллюстрирована фотографиями из семейного архива.

УДК 882 ББК 84 (2 Рос=Рус)6

ВАМПИЛОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ
Избранное

Компьютерная верстка *Г.С.Азимов*
Технический редактор *Е.Н.Волкова*
Корректор *Г.В.Заславская*

Книги издательства «Согласие» можно приобрести по адресу:
113054, Москва, ул. Бахрушина, 28.
Телефон: (095) 959-20-60, факс: 959-20-39.
E-mail: amid @ cityline.ru
http: // www.user.cityline/~amid/soglasie.html
Распространение в Европе: Buchgalerie «Soglasie»,
Buttermarkt, 19, 50667 Köln, Deutschland.
Telefon: (049) 221-257-82-40, Fax: 221-257-82-37.

ЛР №040552 от 31 июля 1998 г. Сдано в набор 15.06.97. Подписано в печать 20.11.98. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,16. Уч.-изд. л. 41,36. Тираж 5000 экз. Заказ № 510

АО «Согласие». 113054, Москва, ул. Бахрушина, 28.
ОАО Типография «Новости». 107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

Издательство «Согласие»

в 1998 году выпустило

Иван Елагин

Собрание сочинений в двух томах

Иван Елагин (1918–1987), один из самых значительных поэтов русского зарубежья, большую часть своей жизни прожил в США. Отмеченный еще И.Буниным как смелый и находчивый мастер стиха, высоко ценимый И.Бродским и А.Солженицыным, Елагин, оставаясь до конца своих дней русским поэтом, сумел соединить в своем творчестве две культуры — русскую и американскую. Его поэтический опыт в этом смысле уникален.

В первый том вошли стихотворения из сборников Ивана Елагина «По дороге оттуда» (1953), «Отсветы ночные» (1963), «Косой полет» (1967), «Дракон на крыше» (1973).

Во второй том вошли стихотворения из сборников «Под созвездием Топора» (1976), «В зале Вселенной» (1982), «Тяжелые звезды» (1986), стихотворения, не собранные автором в книги, и пьеса в стихах «Портрет мадмуазель Таржи» (1949).

Издательство «Согласие»

в 1999 году выпустит

Дмитрий Лихачев

ПОЭЗИЯ САДОВ

К семантике садово-парковых стилей
Сад как текст

Книга патриарха отечественной филологии академика Дмитрия Сергеевича Лихачева посвящена проблеме соотношения творчества поэта с садовым искусством, исследуется вопрос, каким общим стилям, стилистическим формациям они подчиняются, какие общие идеи выражают, а кроме того, какую роль играет садово-парковое искусство в творчестве поэта.

Распространение в Европе:
Buchgalerie «Soglasie»
Buttermarkt, 17, 50667 Köln, Deutschland
Telephon: (049) 221-257-82-40
Fax: (049) 221-257-82-37

Могу... *(Спокойно.)* Я могу... Но теперь вы у меня ничего не получите. Ничего. Раздается телефонный звонок. Он лежит неподвижно. Долго звонит телефо... Он лежит неподвижно. Звонки прекращаются. Звонки возобновляются. О... лежит не шевелясь. Звонки прекращаются. Он поднимается, и мы видим ег... спокойное ... Плакал он или смеялся - по его лицу мы та... и не поймем.

Он взял трубку, набрал номер. Говорит ровным, деловым, нескольк... даже приподнятым тоном.

Зилов. Дима?.. Это Зилов... Да... Извини, старик, я погорячился... Да, вс... прошло... совершенно спокоен... Да, хочу на охоту... Выезжаешь?.. Прекрасно... Я готов... Да, сейчас выхожу.

Александр
ВАМПИЛОВ
Избранное
Александр
ВАМПИЛОВ
Избранное
«СОГЛАСИЕ»